

АРХ
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

ЗА 1967 ГОД

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР

В. И. ШУНКОВА

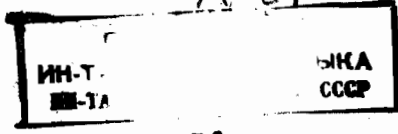

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1 9 6 9

8(п)
А-87

64152

«Археографический ежегодник за 1967 год» издается в том же составе, что и предыдущие выпуски.

Материалы «Ежегодника» редактировал член-корреспондент АН СССР В. И. Шунков. Редакция материалов отделов «Хроника» и «Памяти В. И. Шункова» проведена С. О. Шмидтом.

В подготовке к печати «Археографического ежегодника за 1967 год» принимали участие: Н. А. Долдобанова, Р. В. Костина.

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

З. Г. Самодурова

ИСТОЧНИКИ ХРОНИКИ ПЕТРА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО ИЗ ГРЕЧЕСКОЙ РУКОПИСИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В греческом рукописном сборнике, принадлежащем Отделу редкой книги Научной библиотеки им. М. Горького Московского государственного университета (МГУ, греч. I), содержится недавно изданная Хроника Петра Александрийского¹, интересная с точки зрения использованных ее автором не сохранившихся до настоящего времени источников. Однако при публикации не были определены источники, положенные в основу ее изложения, место, время составления и кодекса и самой хроники. В данной статье мы попытаемся выяснить указанные неразрешенные вопросы.

Упомянутый манускрипт написан двумя копиистами: лл. 1—203 об. — в X в., лл. 203* — 209 — в XII в.² (в рукописи два листа ошибочно обозначены одной цифрой 203). Основная часть кодекса, т. е. лл. 1—203 об., написана той же рукой, что и рукопись № 33 монастыря Иоанна Богослова на Патмосе. В записи (колофоне), сделанной на последнем листе патмосского манускрипта, точно указана дата написания кодекса — 941 г. — и имена скрипторов: Николая монаха и его сына Даниила из Реджио в Калабрии³. Следовательно, и университетский манускрипт появился на свет в Южной Италии в первой половине X в. Определить точно, кто из названных копиистов написал изучаемый кодекс, нельзя, так как в колофоне патмосской рукописи не отмечено, какую часть работы выполнил каждый из них.

Южноитальянское происхождение и указанное время написания основной части университетского кодекса подтверждаются и орнаментом,

¹ З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского. — «Византийский временник», XVIII, стр. 150—197.

² Подробный кодикологический анализ рукописи дан в статье З. Г. Самодуровой «Хроника Петра Александрийского», стр. 153—154. См. также Б. Л. Фонкич. Греческие рукописи Библиотеки Московского университета. — «Вестник древней истории», 1967, № 4, стр. 96—98.

³ Duchesne et Bayet. Mission au Mont Athos. — «Archives des missions scientifiques et littéraires», 3-e ser., t. 3. Paris, 1876, p. 434; V. Gardthausen. Différences provinciales de la minuscule grecque. — «Mélanges Ch. Graux». Paris, 1884, p. 735—736; P. Batiffol. L'Abbaye de Rossano. Contribution à l'histoire de la Vaticane. Paris, 1891, p. 85; M. Vogel und V. Gardthausen. Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance. («Beiheft zum Zentralblatt für Bibliothekswesen», XXXIII). Leipzig, 1909, S. 98, 361; K. and S. Lake. Dated greek minuscule Manuscripts to the Year 1200, v. 1. Boston, 1934, p. 15; R. Devreesse. Introduction à l'étude des manuscrits grecs. Paris, 1954, p. 33, 290; idem. Les manuscrits grecs de l'Italie méridionale (histoire, classement, paléographie). — «Studi e testi», 183. Città del Vaticano. Bibliotheca apostolica Vaticana, 1955, p. 29.

представляющим собой рисованные киноварью и чернилами три прямоугольные заставки, расположенные на 1, 154, 188 листах, заканчивающиеся по углам растительными мотивами в виде стилизованных листьев.

Заставка первого листа заполнена сложным плетением трех рубчатых лент желтого, красного и белого цветов. Подобный орнамент встречается в основном в рукописях X в.⁴

Вторая заставка на л. 154 заполнена плетением наклонных лент желтого, красного и белого цветов. Этот орнамент прослеживается без существенных изменений в кодексах X—XII вв.⁵ Третья заставка (л. 188), заполненная плетением в виде находящихся друг на друга сердец, также характерна для манускриптов X в.⁶

Заставки сочетаются с крупными орнаментированными инициалами (ε, τ), заполненными веревчатым плетением красных и желтых лент на белом фоне. Орнамент рассматриваемого кодекса выполнен в своеобразном византийско-итальянском стиле, представляющем собой смешение восточных и западных элементов⁷.

Хроника Петра Александрийского (Πέτρον χριστιανοῦ καὶ ὀρθοδόξου Ἀλεξανδρείας ἐκθεσις χρόνων ἐν συντόμῳ ἀπὸ Ἀδάμ ἕως νῦν), расположенная на лл. 188—203 об., дошла до настоящего времени в единственном списке. Второй ее список XIII в., обнаруженный в Дрезденской библиотеке Э. Тремером, погиб во время второй мировой войны. По описанию О. Гебхардта, хроника в дрезденском списке носила несколько иное заглавие: Πέτρον ὀρθοδόξου Χρονογραφία ἐν συντόμῳ ἀπὸ Ἀδάμ ἕως τῆς βασιλείας τοῦ πενθέρου Εἰρήνης⁸.

Хроника Петра Александрийского начинается от Адама. В ней рассказывается библейская история ветхозаветных патриархов, судей Израиля, правителей Иудеи, описывается царствование персидских Ахеменидов, египетских Птолемеев, римских и византийских императоров, а также помещен очерк библейской географии «Разделение земли между сыновьями Ноя» (Διαμερισμός τῆς γῆς εἰς τοὺς τρεῖς υἱοὺς τοῦ Νῶε). Анализируемое произведение доведено до правления Льва VI (886—912 гг.) и Александра (886—913 гг.).

Время написания хроники вызывает разногласия среди исследователей (А. Вирта, К. Крумбахера, М. Е. Колонны, И. С. Дуйчева). Правда, последние, за исключением И. С. Дуйчева, могли судить о ней только на основании тех предварительных данных, которые были собраны Э. Тремером, намеревавшимся ее опубликовать⁹. По мнению А. Вирта, первоначально хроника заканчивалась царствованием Анастасия I Дикора (491—518 гг.), а позднее была кем-то обработана и доведена до 912 г.¹⁰ К. Крумбахер отнес написание хроники к 912 г.¹¹ К этому выводу присоединилась и итальянская исследовательница М. Е. Колонна¹². Более

⁴ Cod. Patmos. gr. 111.— K. Weitzmann. Die byzantinische Buchmalerei des IX. und X. Jahrhunderts. Berlin, 1935, Taf. 468.

⁵ Cod. Jerus. Sab. 2.— K. Weitzmann. Op. cit., Taf. 429.

⁶ Cod. Paris. Suppl. gr. 185.— M.-L. Concasty. Manuscrits grecs originaux de l'Italie méridionale conservés à Paris.— «Studi Bizantini e Neocellenici», v. 7. Atti dello VIII congresso Internazionale di Studi Bizantini. Roma, 1953, p. 25, tab. III—IV.

⁷ K. Weitzmann. Op. cit., S. 82—83.

⁸ O. v. Gebhardt. Christian Friedrich Matthaei und seine Sammlung griechischer Handschriften.— «Centralblatt für Bibliothekswesen». Jg. XV, 1898, H. 12, S. 554.

⁹ Э. Тремер. Библиотека Ивана Грозного.— «Московские ведомости», 1891, № 315, стр. 3; № 334, стр. 3—4; idem. Auf der Suche nach der Bibliothek Iwans des Schrecklichen.— «Beilage der Münchener Allgemeinen Zeitung», 1892, N 2, 4, 5.

¹⁰ A. Wirth. Aus orientalischen Chroniken. Frankfurt a. M., 1894, S. XXVIII, 257.

¹¹ K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur. 2. Aufl. München, 1897, S. 398.

¹² M. E. Colonna. Gli storici bizantini dal IV al XV secolo. I. Storici profani. Napoli, 1956, p. 98.

осторожно определяет время появления рассматриваемого сочинения И. С. Дуйчев в своей рецензии на работу Д. Моравчика. Он считает, что Хроника Петра Александрийского была составлена не позднее конца IX в.¹³

Однако дату создания хроники, на наш взгляд, можно определить лишь ориентировочно. В ней отсутствуют прямые указания, которые дают возможность точно ее датировать. Для определения времени ее составления необходимо привлечь сведения о годах царствования последних из названных в хронике василевсов. Список византийских императоров оканчивается Львом VI и Александром, причем продолжительность их правления не указана, что свидетельствует о написании хроники при их жизни. В числе соправителей не упомянут Константин VII Багрянородный, который был провозглашен соимператором 9 июня 911 г.¹⁴ Это позволяет предположить, что хроника появилась до 911 г.

В основу изложения труда Петра Александрийского положен поименный принцип построения, т. е. в нем сначала приводится имя, затем указывается продолжительность правления монарха или число лет жизни библейского прародителя и после этого сообщается о событиях, наиболее достопримечательных, по мнению хрониста. Описывая историю ветхозаветных патриархов, судей Израиля, царей Иудеи, персидских Ахеменидов, египетских Птолемеев; Петр Александрийский в большинстве случаев ограничивается простым перечислением имен в дат¹⁵. Лишь в рассказе о Моисее автор добавляет ряд мифических подробностей: о его предках, жизни в Египте и изобретении им азбуки¹⁶. Перечень римских императоров дополнен сведениями об обстоятельствах гибели того или иного цезаря, о судьбе Иерусалима при римском владычестве, весьма обстоятельным пересказом легенды о рождении и смерти Иисуса Христа¹⁷. История Восточной Римской и Византийской империи изложена несколько подробнее. Кроме списка василевсов приведены сообщения о семи вселенских соборах, землетрясении при Льве I (457—474 гг.), тирании Василиска, отмене хрисаргира при Анастасии I (491—518 гг.), восстании Артавасда, отравлении Ставракия (811 г.) его сестрой, будущей императрицей Прокопией, супругой Михаила I Рангаве (811—813 гг.), об убийстве Василием I (867—886 гг.) Михаила III (842—867 гг.)¹⁸.

Сочинение Петра Александрийского разделено на параграфы. В качестве заглавий, написанных унциалом, служат либо географические названия (Κλήρος Χάρμ¹⁹, Κλήρος Σήμ²⁰, Κλίματος ἄρκτου²¹), либо названия книг Библии (Βίβλοι λευιτικῆς, ἀριθμῶν, δευτερονομίου, Βίβλος Ἰησοῦ υἱοῦ Ναυῆ²², Βίβλος κριτῶν²³, Βασιλείων β' καὶ ψαλτήριον, Βασιλείων γ' καὶ παροιμίαι καὶ ἐκκλησιαστικῆς ἄσματ' ἁσμάτων καὶ παραλειπόμενα²⁴ κτλ.), либо просто указание на со-

¹³ J. Du j č e v.— Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, I. Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvolker.— REB, XVII, 1959, p. 294.

¹⁴ V. G r u m e l. La chronologie. Paris, 1958, p. 357.

¹⁵ З. Г. С а м о д у р о в а. Хроника Петра Александрийского, стр. 180—181, 187—188, 190—192.

¹⁶ Там же, стр. 188—189.

¹⁷ Там же, стр. 193—194.

¹⁸ Там же, стр. 195—197.

¹⁹ Там же, стр. 182.

²⁰ Там же, стр. 183.

²¹ Там же, стр. 185.

²² Там же, стр. 189.

²³ Там же, стр. 190.

²⁴ Там же, стр. 191.

держание раздела (*Βασιλεῖς Αἰγύπτου*²⁵, *Ῥωμαίων βασιλεῖς*²⁶, *Τῆς νέας Ῥώμης οἱ βασιλεῖς ἤτοι Κωνσταντινουπόλεως κατὰ Σωκράτην καὶ Εὐάγγριον τὸν τοῦ Ἐπιφανεῶς τοῦ Σχολαστικοῦ*²⁷). Причем в заглавиях упоминаются все книги Библии и произведения отдельных византийских писателей, содержащие описание тех событий, о которых хронист намеревается рассказать в соответствующих параграфах. На первый взгляд может показаться, что Петр Александрийский как бы ссылается на использованные им источники. Однако содержание разделов хроники большей частью отличается от содержания книг, указанных в заголовках. Так, например, в параграфе «Левит, Числа, Второзаконие» сообщаются сведения об изобретении письменности Моисеем и распространении грамотности среди различных народов. В указанных библейских книгах подобных данных нет. Расхождения между заглавием и содержанием отмечаются и в разделах, повествующих о царствовании правителей Персии. В книгах Библии «Ездры, Есфирь, книги Маккавейские» отсутствуют приведенные Петром Александрийским сообщения о правлении персидских царей. В них говорится лишь о восстановлении Иерусалима и храма при Кире I (558—528 гг. до н. э.), Дарии I Гистаспе (521—486 гг. до н. э.), Артаксерксе I (465—424 гг. до н. э.) и о борьбе еврейского народа против Селевкидов и Птолемеев. В заголовке последнего параграфа Петр Александрийский ссылается на труды Сократа и Евагрия. Однако стилистические и фактические различия, наблюдающиеся между ними, заставляют отказаться от мысли о заимствовании Петром Александрийским материала из сочинений упомянутых авторов. Употребление названий произведений византийских писателей и книг Библии в качестве заглавий параграфов объясняется, на наш взгляд, желанием Петра Александрийского указать будущему читателю своей хроники дополнительную литературу, где более подробно говорится о событиях, кратко освещаемых им самим.

Для выяснения источников, использованных Петром Александрийским для составления своего труда, необходимо сравнить его с краткими хронографическими сочинениями того же типа, т. е. с хрониками, в основе которых лежит поименный принцип построения (*Excerpta Latina Barbari*²⁸, Хронографиком патриарха Никифора²⁹, парижской редакцией Эклоги истории³⁰, *Χρονογραφία σύντομος*³¹, Хроникой № 2³², *Χρονικὸν ἐπίτομον*³³, Хроникой № 8³⁴ и др.).

Сопоставление выявляет наибольшее сходство по построению работы, содержанию и языку между исследуемым произведением и Хронографиком патриарха Никифора. Основная линия рассказа в сравниваемых

²⁵ З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 192.

²⁶ Там же, стр. 193.

²⁷ Там же, стр. 195.

²⁸ Eusebi Chroniconum libri duo, ed. Al. Schöne, v. I. Berolini, 1875, Appendix VI, p. 176—239 (далее — ELB).

²⁹ Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula historica, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880, p. 79—102 (далее — Niceph.).

³⁰ J. A. Cramer. Anecdota graeca e codd. manuscriptis bibliothecae regiae Parisiensis, v. II. Oxonii, 1839, p. 165—230 (далее — J. A. Cramer. Anecdota Paris., II).

³¹ Anonymi chronographia syntomos e codice Matritensi N° 121 (nunc 4701), ed. A. Bauer. Lipsiae, 1909, p. 1—68.

³² Это наша рабочая нумерация хроник, входящих в состав греческих рукописей Государственного исторического музея (З. Г. Самодурова. К вопросу о малых византийских хрониках. (По рукописям московских собраний). — «Византийский временник», XXI, стр. 127—147; ГИМ, греч. 406 (264/CCLI), лл. 208—209 об.

³³ A. Pusch. Das Chronikὸν ἐπίτομον der Wiener Handschriften Th. Gr. Nr. XL. Jena, 1908, S. 9—32.

³⁴ ГИМ, греч. 331 (477/t. II, XLI qu.), лл. 364—370 об.

трудах аналогична. Оба хрониста чаще всего ограничиваются сухим перечислением имен и дат. Приведенные ими перечни библейских прародителей, правителей Израиля, Иудеи, Персии, Египта, Рима и Византии в большинстве случаев идентичны. Много общего наблюдается в хрониках и в транскрипции личных имен, и в определении времени жизни ветхозаветных патриархов, и продолжительности правления перечисляемых в них судей и царей³⁵. Довольно часто совпадают в них и краткие заметки, сопровождающие списки прародителей и правителей. Временами наблюдается почти полное текстуальное совпадение (например, при описании правления судей: Гофониила и Илии³⁶; иудейских царей: Иорама, Гофолии и Манассия³⁷, персидских Ахеменидов: Ксеркса II и Артаксеркса II Мнемона, египетских Птолемеев: Птолемея I Сотера, Клеопатры VII³⁸, римских императоров: Веспасиана, Адриана, Макрина, Максимиана³⁹ и др.).

Столь близкое родство двух работ, казалось бы, должно свидетельствовать об использовании Петром Александрийским Хронографика. Однако детальное сравнение выявляет между ними значительные различия. В сочинении Никифора отсутствуют встречающиеся в Хронике Петра Александрийского сообщения о годах смерти и рождения ветхозаветных патриархов, имена их жен и отцов последних⁴⁰, данные о жизни Моисея в Египте, его предках и изобретении им азбуки⁴¹, о роде, из которого происходят судьи Израиля⁴², географический очерк «Разделение земли между сыновьями Ноя»⁴³, сведения о консульствах римских и восточноримских императоров⁴⁴. Наблюдаются расхождения и в описании правления Александра Македонского⁴⁵, в списке цезарей Рима и в определении времени царствования отдельных правителей Персии, Египта, Рима⁴⁶. Подобные различия не дают возможности возвести Хронику Петра Александрийского к Хронографику патриарха Никифора. Сходство же их говорит о зависимости обоих произведений от общего источника, переработанного каждым хронистом в соответствии с поставленными ими перед собой целями.

Пропущенные в Хронографике патриарха Никифора, но приведенные в Хронике Петра Александрийского сведения о годах смерти и рождения прародителей, перечень их жен и отцов последних, данные о жизни Моисея в Египте совпадают с аналогичными сообщениями па-

³⁵ Ср. Niseph., p. 81—101; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 180—181, 187—188, 190—197.

³⁶ Ср. Niseph., p. 86; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 190.

³⁷ Ср. Niseph., p. 87; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 191.

³⁸ Ср. Niseph., p. 89—91; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 192.

³⁹ Ср. Niseph., p. 93—94; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 194.

⁴⁰ Ср. Niseph., p. 81—85; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 180—181, 187.

⁴¹ Ср. Niseph., p. 85; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 188—189.

⁴² Ср. Niseph., p. 86; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 190.

⁴³ Ср. Niseph., p. 83—84; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 181—187.

⁴⁴ Ср. Niseph., p. 91—95; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 193—195.

⁴⁵ Ср. Niseph., p. 89—90; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 192.

⁴⁶ Ср. Niseph., p. 88—95; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 192—195.

рижской редакции Эклоги истории⁴⁷. Причем между названным произведением и Хроникой Петра Александрийского обнаруживается сходство и в списке ветхозаветных патриархов, судей Израиля, царей Иудеи и в датировке времени жизни первых и продолжительности правления последних⁴⁸.

Однако, несмотря на поразительную близость двух работ, мы не можем рассматривать парижскую редакцию Эклоги истории в качестве источника, положенного в основу изложения Хроники Петра Александрийского. Между ними наблюдаются и существенные различия. В ряде случаев в них замечаются отклонения в датах, в именах жен ветхозаветных патриархов и отцов этих жен⁴⁹. Порядок размещения сообщений о смерти библейских прародителей в Хронике Петра Александрийского иной, чем в Эклоге истории⁵⁰.

Сильно различается в них и описание «Распределение земли между сыновьями Ноя». В Эклоге истории (парижская редакция) дана весьма краткая версия, в Хронике Петра Александрийского — самая полная⁵¹. Кроме того, в первой отсутствует помещенный во второй рассказ Димитрия о генеалогии Авраама и фрагмент истории Евполема об изобретении азбуки Моисеем⁵².

Сходство текста Эклоги истории (парижская редакция) и Хроники Петра Александрийского приводит к мысли о заимствовании повествования о ветхозаветных патриархах, судьях Израиля и царях Иудеи их авторами из общего источника.

Отсутствующие в парижской редакции Эклоги истории и Хронографиконе патриарха Никифора полная версия разделения земли между сыновьями Ноя и сведения о консультациях римских и восточноримских императоров, кроме Хроники Петра Александрийского, встречаются и в *Excerpta Latina Barbari*⁵³.

В обоих сочинениях почти абсолютно совпадает содержание краткого очерка библейской географии, состоящего из трех разделов: введения, основной и заключительной частей. Во введении весьма сжато рассказано о строительстве Вавилонской башни и смешении языков. Во второй части дана характеристика наследия сыновей Ноя отдельно (сначала Иафета, затем Хама и, наконец, Сима): перечислены потомки сыновей Ноя, народы, которые от них происходят, указано место их поселения, приведен список народов, живущих в каждом наследии, отмечены народы, знающие грамоту, рассказано о странах, входящих во владение каждого из сыновей Ноя, об островах и пограничных реках. После столь детального описания наследия каждого из трех братьев в последней части названы народы, рассеянные после смешения языков, выяснено место поселения неизвестных средневековому читателю народов, перечислены ве-

⁴⁷ Ср. Niseph., p. 84—85; J. A. Sgamer. *Anecdota Paris.*, II, p. 168—177; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 180—181, 187—189.

⁴⁸ Ср. J. A. Sgamer. *Anecdota Paris.*, II, p. 168—191, 228—230; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 180—181, 187, 190—191.

⁴⁹ Ср. J. A. Sgamer. *Anecdota Paris.*, II, p. 168—230; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 180—181, 187, 190—191.

⁵⁰ Ср. J. A. Sgamer. *Anecdota Paris.*, II, p. 168—177; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 180—181, 187.

⁵¹ Ср. J. A. Sgamer. *Anecdota Paris.*, II, p. 170; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 184—187.

⁵² Ср. J. A. Sgamer. *Anecdota Paris.*, II, p. 176—187; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 188—189.

⁵³ Ср. Niseph., p. 83—84; 91—95; J. A. Sgamer. *Anecdota Paris.*, II, p. 176—187; ELB, p. 180—191, 225—224; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 181—187, 193—196.

личайшие горы, крупнейшие реки. Однако этим тождество исследуемых хроник не ограничивается. Между ними наблюдается полное текстуальное сходство. В них совпадают списки родоначальников и народов, от них происходящих⁵⁴, народов, населяющих наследие каждого из трех братьев⁵⁵, народов, рассеянных по земле после смещения языков⁵⁶, перечни стран, входящих во владение каждого из сыновей Ноя⁵⁷, гор и рек⁵⁸. Одинаково определено в анализируемых сочинениях и место поселения некоторых народов, неизвестных средневековому читателю⁵⁹. Особенно близкое родство между произведениями отмечается в рассказе о переселенцах (ἀποικοι)⁶⁰.

Аналогичны в *Excerpta Latina Barbari* и Хронике Петра Александрийского и сообщения о консульствах римских и восточноримских императоров⁶¹. Много общего наблюдается между ними и в списках ветхозаветных патриархов, судей Израиля, царей Иудеи и Египта, в сведениях о времени рождения у библейских прародителей первенцев и в датировке правления перечисленных лиц⁶² и т. д.

Однако наряду с подобным совпадением текста между ними обнаруживаются и весьма существенные отклонения. В *Excerpta Latina Barbari* мы не найдем помещенных в Хронике Петра Александрийского подробностей об обстоятельствах смерти римских и восточноримских императоров, рассказа о первых вселенских соборах⁶³, перечня частей света, морей и заливов⁶⁴, столь подробного повествования о Моисее⁶⁵, списка жен библейских прародителей⁶⁶. Отличается в них и продолжительность правления отдельных судей Израиля (Гофониила, Деворы и Варака, Гедеола, Фолы и др.)⁶⁷, некоторых Ахеменидов (Дария I Гистаспа, Ксеркса I, Артаксеркса I, Артаксеркса II, Дария III)⁶⁸ и Птолемеев (Птолемя I Сотера, Птолемя III Эвергета I, Птолемя IV Филопатора, Птолемя VIII Сотера II)⁶⁹, а также ряда римских и восточноримских пра-

⁵⁴ Ср. ELB, p. 180—183, 185—186; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 181—184.

⁵⁵ Ср. ELB, p. 181—182, 184, 186; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 182—184.

⁵⁶ Ср. ELB, p. 186—187; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 184.

⁵⁷ Ср. ELB, p. 182—185, 187; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 182—184.

⁵⁸ Ср. ELB, p. 190—191; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 185.

⁵⁹ Ср. ELB, p. 190; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 185.

⁶⁰ Ср. ELB, p. 188—189; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 184—185.

⁶¹ Ср. ELB, p. 224—225; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 193—195.

⁶² Ср. ELB, p. 177—179, 191—197, 201—204, 212—213; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 180—181, 187, 190—192.

⁶³ Ср. ELB, p. 225—224; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 193—195.

⁶⁴ Ср. ELB, p. 190—191; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 186—187.

⁶⁵ Ср. ELB, p. 193—192; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 188—189.

⁶⁶ Ср. ELB, p. 177—179, 191—193; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 180—181, 187.

⁶⁷ Ср. ELB, p. 194—197; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 190.

⁶⁸ Ср. ELB, p. 206—209; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 192.

⁶⁹ Ср. ELB, p. 211—213; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 192.

вителей (Октавиана Августа, Тиберия, Гая Калигулы, Клавдия I, Нерона, Веспасиана, Домициана, Адриана и др.)⁷⁰.

Столь близкое родство двух хроник, дошедших до нас на разных языках, с одной стороны, и весьма значительные различия их, с другой, — дает основание говорить о существовании у составителей исследуемых сочинений одного общего источника, использованного каждым из них по своему усмотрению.

Итак, сравнение Хроники Петра Александрийского с тремя хронографическими произведениями (парижской редакцией Эклоги истории, *Excerpta Latina Barbari*, Хронографиком патриарха Никифора) показывает тесную связь их между собой, свидетельствующую об использовании ими одного общего источника, положенного Петром Александрийским в основу изложения истории ветхозаветных патриархов, судей Израиля, иудейских, персидских, египетских и римских монархов.

По всей вероятности, этот общий для упомянутых хронографических трудов источник был доведен до царствования Анастасия I (491—518 гг.). Помещенный в Хронике Петра Александрийского список восточноримских и византийских императоров до Юстина I (518—527 гг.) обнаруживает близкое родство с аналогичным перечнем Хронографика патриарха Никифора. Начиная же с описания правления Юстина I, списки василевсов в Хронике Петра Александрийского и Хронографиконе патриарха Никифора не совпадают. Петр Александрийский приводит не только имена перечисленных им правителей, но и их прозвища, отличные от прозвищ, указанных патриархом Никифором, и имена сыновей-соправителей⁷¹.

Подобное явление наблюдается и при сопоставлении рассказа о вселенских соборах. Описание первых четырех соборов, данное в Хронике Петра Александрийского, идентично изложению патриарха Никифора. В повествовании о трех следующих выявляются некоторые расхождения между Хроникой Петра Александрийского и Хронографиком патриарха Никифора. В последнем отсутствуют приведенные в первой сведения о числе участников пятого и шестого вселенских соборов. Поразному определено в Хрониках и начало работы седьмого вселенского собора. По словам Петра Александрийского, он был созван во время самодержавного правления Ирины, а патриарх Никифор датирует его периодом совместного правления Константина VI и Ирины⁷².

Вывод об окончании общего для *Excerpta Latina Barbari*, парижской редакции Эклоги истории, Хронографика патриарха Никифора и Хроники Петра Александрийского источника описанием правления Анастасия I подтверждается следующим наблюдением над текстом последней. Рассказ о царствовании Анастасия I в ней распадается на две части: вначале говорится о первых пятнадцати годах его правления, а затем об остальных двенадцати. Причем повествование о первом периоде его царствования завершается сообщением о числе лет, прошедших от Адама до пятнадцатого года правления Анастасия I, и кратким риторическим, совершенно необычным для предыдущего и последующего изложения рассуждением о жизни и смерти человека с ссылками на книги Бытие и Откровение Иоанна Богослова⁷³. Очевидно, подобным отступлением от

⁷⁰ Ср. ELB, p. 225—224; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 193—195.

⁷¹ Ср. Niseph., p. 95—101; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 195—197.

⁷² Ср. Niseph., p. 97—100; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 195—197.

⁷³ З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 195—196.

основной линии рассказа и оканчивался труд, на котором базировались составители названных хроник.

Источники, использованные Петром Александрийским для составления истории Византии VI—IX вв., можно определить лишь ориентировочно. Значительные отличия, обнаруженные в результате сравнения этой части сочинения Петра Александрийского с соответствующим разделом Хронографикона патриарха Никифора, заставляют отвергнуть возможность систематического заимствования Петром Александрийским материала для построения своей работы из этого памятника. Однако ему был известен либо Хронографикон патриарха Никифора, либо тот источник, на который опирался автор последнего. Наше предположение подкрепляется поразительным совпадением описания царствования Ираклия и его войн с персами в Хронографиконе патриарха Никифора и Хронике Петра Александрийского⁷⁴.

Наряду с письменными источниками Петр Александрийский, вполне возможно, использовал и устные свидетельства и собственные наблюдения. Так, нам кажется, правомерно отнести к разряду устных сообщений известие об отравлении императора Ставракия его сестрой Прокопией, женой Михаила I Рангаве⁷⁵, а рассказ об убийстве Василием I Македонянином Михаила III — к числу свидетельств очевидца⁷⁶. (Петр Александрийский одним из первых среди хронистов описывает обстоятельства гибели последнего представителя Аморийской династии).

Для написания географического очерка «Разделение земли между сыновьями Ноя» Петр Александрийский комбинировал данные разных источников. Своей основной источник он дополнил подробностями, извлеченными из «Иудейских древностей» Иосифа Флавия⁷⁷, 9-й главы библейской книги Иисуса Навина (названия народов *Χετταῖοι*, *Ἀροφῶραιοι*, *Ἰεβουσαιοι*, *Γερυζαῖοι*, *Εβῶοι*, отсутствующие и у Иосифа Флавия, и в общем для *Excerpta Latina Barbari* и Хроники Петра Александрийского памятнике) и какого-то неизвестного географического трактата. Из последнего им заимствованы современные Петру Александрийскому названия народов для уточнения или замены устаревших (*Σκύθαι καὶ οἱ λεγόμενοι Βούλγεραι*, *Ταυροὶ οἱ λεγόμενοι Χάζαρες*⁷⁸, *Κάσπιοι οἱ λεγόμενοι Ταυροὶ*⁷⁹, вместо *Σαρμάται* он ставит *Σκλάβοι οἱ καὶ Ἀβαρες*⁸⁰), а также названия «письменных» народов (*Κύπριοι*, *Καππάδοκες*, *Ἀραβες*, *Λύδοι*, *Σύροι*, *Ἐλυμαῖοι*, *Βακτριανοί*)⁸¹.

Следует сказать, что с течением времени списки «письменных» народов не раз пересматривались, к ним присоединяли новые названия, т. е. подобные перечни составлялись в соответствии с уровнем знаний каждой эпохи.

В нашей хронике нашли отражение представления о «письменных» народах, известных в VIII—IX вв., ибо в числе народов, знающих грамоту, хронист упоминает арабов. По мнению Н. В. Пигулевской, они не могли быть включены в список «письменных» народов раньше VIII—IX вв.⁸² Следовательно, памятник, использованный Петром Александрийским для

⁷⁴ Ср. Nicerh., p. 99; З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 196.

⁷⁵ З. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского, стр. 197.

⁷⁶ Там же, стр. 197.

⁷⁷ Там же, стр. 159, 169—172.

⁷⁸ Там же, стр. 182.

⁷⁹ Там же, стр. 184.

⁸⁰ Там же, стр. 183.

⁸¹ Там же, стр. 182—184.

⁸² Н. В. Пигулевская. К вопросу о «письменных» народах древности.— «Древний мир». Сборник статей академику В. В. Струве. М., 1962, стр. 337—339.

дополнения географического очерка своего основного источника, появился приблизительно в это же время.

Итак, Петр Александрийский при написании своего труда использовал общий для Хронографикона патриарха Никифора, парижской редакции Эклоги истории и *Excerpta Latina Barbari* доведенный до царствования Анастасия I источник, который он дополнил сведениями, взятыми из «Иудейских древностей» Иосифа Флавия, библейской книги Иисуса Навина, современного ему географического трактата, устными сообщениями и собственными наблюдениями.

Таким образом, значение Хроники Петра Александрийского состоит в том, что в ней содержится чрезвычайно богатый и ценный материал для восстановления утерянного ныне памятника, важного как при исследовании обширных хронографических работ византийцев, так и для выяснения путей, которыми шли хронисты в изображении прошлого не только в византийской, но и в поздней античной хронографии.

М. Х. Алешковский

ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Центральной проблемой изучения Повести временных лет является соотношение текстов ее трех редакций.

Эти три редакции впервые были открыты великим русским ученым Алексеем Александровичем Шахматовым. Ими являются авторская редакция 1111—1113 гг., созданная в Киево-Печерском монастыре¹, редакция 1116 г., сделанная игуменом Киевского Выдубицкого монастыря Сильвестром и, наконец, третья редакция 1118 г., появившаяся в кругах, близких Владимиру Мономаху, тогдашнему киевскому князю, и особенно его сыну Мстиславу².

Интересна и важна для целей настоящей работы история открытия А. А. Шахматовым этих редакций Повести временных лет. В 1897 г. А. А. Шахматову были известны еще лишь две редакции — вторая редакция 1116 г., которую он тогда считал авторской первой редакцией, и третья редакция 1118 г., которую он тогда считал, соответственно, второй редакцией³. В этом же 1897 г. А. А. Шахматов открыл существование летописи конца XI в., предшествующей Повести временных лет⁴.

Существование этой дотоле неизвестной летописи было доказано А. А. Шахматовым сразу двумя способами. Во-первых, в тексте, отнесенном в 1897 г. к первой редакции Повести временных лет, в Лаврентьевской летописи, были выявлены бесспорные вставки и следы редакционной переработки. Они были отнесены к работе автора Повести временных лет, которым тогда считался Сильвестр, а текст, переработанный этим автором, соответственно оказался принадлежащим более древней, чем Повесть временных лет, летописи, датированной 1095 г. и заканчивавшейся на статье 1093 г.

¹ Авторский текст Повести временных лет принято называть первой ее редакцией. А. А. Шахматов в разных своих работах датировал ее создание не одинаково. В «Разысканиях о древнейших русских летописных сводах» (СПб., 1908, стр. 2; далее — А. А. Шахматов. Разыскания...) Повесть временных лет датирована 1113 г. В 1916 г. она датировалась уже 1111 г. (А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Пг., 1916, стр. XVIII (далее — А. А. Шахматов. Повесть...) и временем после 1112 г. (Там же, стр. XI). В настоящее время принята дата 1113 г. (Д. С. Лихачев. Русские летописи. М.—Л., 1947, стр. 147; Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. М., 1963, стр. 216). Л. В. Черепнин датирует Повесть временных лет 1115 г. (Л. В. Черепнин. Повесть временных лет, ее редакции и предшествующие ей летописные своды.— «Исторические записки», т. 25, стр. 301—314). Ср.: С. А. Бугославский. Повесть временных лет. (Списки, редакции, первоначальный текст).— «Старинная русская повесть». М.—Л., 1941, стр. 7—37.

² А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 2.

³ А. А. Шахматов. Древнейшие редакции Повести временных лет.— «Журнал Министерства Народного Просвещения». СПб., 1897, ч. СССХIII, № 10, отд. 2, стр. 209.

⁴ А. А. Шахматов. О Начальном киевском летописном своде. М., 1897.

Во-вторых, этот выявленный в Лаврентьевской летописи текст был сопоставлен с текстом, сохранившимся в Новгородской Первой летописи младшего извода. Оказалось, что в этой Новгородской летописи нет тех вставок, которые имеются в Лаврентьевской летописи. Кроме того, А. А. Шахматов выявил целый ряд принципиально важных и, главное, систематических отличий новгородского текста. Так, вся древнейшая хронология этого текста вплоть до 6453 г. (945) основана на сведениях одного византийского источника (Хронографа), а хронология за этот же период в Лаврентьевской летописи основана на более точных и подробных сведениях других византийских источников (Хроники Георгия Амартола, Летописца вскоре патриарха Никифора и др.). В новгородском тексте нет ни одного договора с греками, которые имеются в Лаврентьевской летописи. В одном из них Олег назван князем, между тем в новгородском тексте фигурирует не князь, а воевода Олег и т. д.

Киевский источник уцелевшего в Новгороде текста был назван А. А. Шахматовым Начальным сводом — ближайшим предшественником силвестровской Повести временных лет 1116 г. Однако в ходе дальнейшей работы над источниками А. А. Шахматов убедился, что Сильвестр был не автором, а редактором Повести временных лет, которую написал киево-печерский монах Нестор, работавший еще при Святополке и до 1116 г.⁵ Текст Нестора среди дошедших до нас летописей А. А. Шахматов не нашел.

Итак, в работах А. А. Шахматова после 1908 г. появилось представление о трех редакциях Повести временных лет. Текст первой редакции не сохранился, текст второй редакции представлен Лаврентьевской и сходными с ней летописями, текст третьей редакции представлен Ипатьевской и сходными с ней летописями. Текст предшествующего Повести временных лет Начального свода представлен Новгородской Первой летописью младшего извода.

Такова была новая и упрочившаяся с тех пор в науке схема истории летописания конца XI — начала XII в. и взаимоотношения сохранившихся до нашего времени летописных памятников.

Из этой схемы ясно, что внутри текста второй редакции Повести временных лет выявляется какой-то более древний, чем эта редакция, и переработанный текст. Пока вторая редакция Повести временных лет считалась ее первой редакцией, естественно было относить этот древний переработанный текст к предшествующей Повести временных лет летописи конца XI в. Так и считал А. А. Шахматов в 1897 г. Но как только было доказано, что редакция 1116 г. не является первой авторской редакцией, должен был возникнуть вопрос, не является ли древний переработанный текст, выявленный в тексте этой второй редакции и сохранившийся в Новгородской Первой летописи, первой редакцией Повести временных лет.

Этот вопрос не возник у А. А. Шахматова. В поздних его работах появилось лишь утверждение, что вторая редакция не внесла существенных изменений в текст Нестора, который поэтому может изучаться по Лаврентьевской летописи⁶. Поэтому-то важно обратиться к тексту этой летописи⁷.

Текст Повести временных лет полностью сохранился в Лаврентьевской летописи только до статьи 1110 г. и обрывается в начале этой статьи из-

⁵ Впервые А. А. Шахматов упомянул об этом выводе в 1908 г. (А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 2).

⁶ А. А. Шахматов. Повесть временных лет и ее источники.— «Труды отдела древнерусской литературы» (далее — ТОДРЛ), т. IV. Л., 1940, стр. 24.

⁷ После А. А. Шахматова история сложения текста этой летописи изучалась М. Д. Приселковым, однако в части, касающейся Повести временных лет, М. Д. Приселков придерживается взглядов А. А. Шахматова (М. Д. Приселков. Лаврентьевская летопись (история текста).— «Ученые записки ЛГУ». № 32. Серия исторических наук, вып. 2. Л., 1939, стр. 76—142).

вестной записью Сильвестра. Вторая часть статьи 1110 г. и текст статей 1111—1117 гг. полностью сохранились только в Ипатьевской летописи; здесь же, в Лаврентьевской летописи, они резко сокращены и к тому же многие из них датированы ультрамартовскими годами. Следовательно, сравнение лаврентьевской и ипатьевской версий Повести временных лет возможно только до начала статьи 1110 г. Это сравнение приводит к установлению интереснейшего факта, противоречащего построению А. А. Шахматова. Если бы в Лаврентьевской летописи действительно сохранился текст второй редакции, то в этом тексте не было бы следов и целых массивов текстов третьей редакции, появившихся в Повести временных лет уже после создания второй редакции. Между тем именно эти-то тексты третьей редакции имеются в Лаврентьевской летописи. Часть этих текстов зарегистрирована еще самим А. А. Шахматовым. Другая, еще большая часть будет выявлена нами ниже (см. стр. 18—26). Это и приводит нас к отрицанию правильности заключения А. А. Шахматова о том, что в Лаврентьевской летописи сохранился текст второй редакции Повести временных лет. Этот текст не сохранился в указанной летописи, так как текст этой летописи вплоть до 1110 г. почти не отличим от текста Ипатьевской летописи. И все же некоторые отличия имеются, и их регистрация привела А. А. Шахматова к характеристике текста Лаврентьевской летописи как текста второй редакции. Что же это за отличия и позволяют ли они относить текст этой летописи ко второй редакции Повести временных лет?

Во-первых, в Лаврентьевской летописи отсутствует целый ряд сведений в статьях с 1076 по 1110 г., имеющих в Ипатьевской летописи. А. А. Шахматов относил группу этих сведений к числу сведений исключительно о Мономахе⁸. Однако среди них есть известия не только о Мономахе и его семье, но и о семье Святополка, о Печерском монастыре (где создана первая редакция Повести временных лет) и просто нейтральные факты⁹. Иными словами, эти сведения принадлежат к числу тех фактов, которые, согласно А. А. Шахматову, могли появиться в первой редакции памятника. Следовательно, относить всю группу сведений с 1076 по 1110 г., отсутствующую в Лаврентьевской летописи, исключительно к третьей редакции не представляется возможным. С равным успехом они могут принадлежать и автору Повести временных лет, интересовавшемуся и Святополком, и своим монастырем. Их отсутствие в Лаврентьевской летописи объясняется случайными причинами, а не соотношением текстов редакций Повести временных лет.

Во-вторых, в Лаврентьевской летописи отсутствует полный текст статей 1111—1117 гг. и оборван текст статьи 1110 г. Отсюда А. А. Шахматов делает вывод о том, что текст второй редакции доходил только до 1110 г.¹⁰ Однако обрывок статьи этого года, который сохранился в Лаврентьевской летописи, принадлежит, по заключению самого А. А. Шахматова, к третьей редакции¹¹, что ниже подтвердится на несколько иных основаниях. Следовательно, оборван текст не второй, а третьей редакции. В таком случае и остальная его часть до 1110 г. также восходит к третьей редакции либо как к одному из своих источников (так решает А. А. Шахматов), либо как к единственному своему источнику (по нашему предположению). А. А. Шахматов полагает, что текст до 1110 г. в Лаврентьевской летописи

⁸ А. А. Шахматов. Повесть..., стр. III, XXXVIII; он же. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1940, стр. 86 (далее — А. А. Шахматов. Обзорение...).

⁹ «Полное собрание русских летописей» (далее — ПСРЛ), т. 2. «Ипатьевская летопись» (далее — Ипат. л.). М., 1962, г. 6607, стб. 248 (знамение под Владимиром); г. 6613, стр. 257 (обвал верха церкви Андрея; явление звезды; приход Боняка); г. 6614, стб. 25 (помрачение солнца); г. 6616, стб. 259 (детали рассказа о Святополке и Печерском монастыре).

¹⁰ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 1—2.

¹¹ А. А. Шахматов. Повесть..., стр. II, IV.

является результатом соединения текстов второй и третьей редакций. Эти тексты соединил владимирский сводчик в 1193 г., имевший в своем распоряжении две переяславских (южных) летописи — епископскую, основанную на второй редакции, и княжескую, восходящую к третьей редакции¹².

Разбирая это построение, отметим прежде всего, что и А. А. Шахматов признал, что текст Лаврентьевской летописи отражает не только текст второй редакции. Следовательно, в дальнейшей нашей работе нам придется иметь дело по существу с текстом только одной сохранившейся редакции Повести временных лет: с текстом третьей редакции. Теперь же рассмотрим построение А. А. Шахматова о характере работы владимирского сводчика 1193 г. Во-первых, в его распоряжении не могло быть двух переяславских летописей по той причине, что, как недавно показал А. Н. Насонов, в Переяславле существовала только одна летопись, которая и сохранилась в составе Лаврентьевской летописи¹³. Во-вторых, если бы сводчик 1193 г. действительно соединял тексты второй и третьей редакций, то в Лаврентьевской летописи имелись бы те сведения с 1076 по 1110 г. о Мономахе, Святополке и Печерском монастыре, которые сохранились в Ипатьевской летописи и бесспорно представляли интерес для сводчика мономаховского города Владимира. В-третьих, в Лаврентьевской летописи не были бы сокращены статьи 1111—1117 гг., так как этот же сводчик мог переписать их полный текст по экземпляру третьей редакции, который имелся в его распоряжении. Он этого не сделал, почему-то сохранив у этих статей тот вид, который они приобрели еще в Переяславле.

Третьей отличительной чертой текста Лаврентьевской летописи является иное изложение версии о поселении Рюрика в Северной Руси. По версии Ипатьевской летописи, Рюрик осел сначала в Ладогe, а затем ушел из нее на Ильмень-озеро, где срубил Новгород¹⁴. Однако в Лаврентьевской летописи отсутствуют целые фразы о поселении Рюрика в Ладогe и основании Новгорода¹⁵. Отсутствие этих фраз было принято А. А. Шахматовым за признак того, что в Лаврентьевской летописи сохранилась иная, более ранняя версия того же рассказа¹⁶. По этой версии, Рюрик осел сначала не в Ладогe, а в Новгороде. Однако Новгород-то в Лаврентьевской летописи не упомянут, а в сходной с ней Троицкой летописи XV в. приписан на полях лишь позднейшим летописцем¹⁷. Поэтому и предполагаем, что текст легенды о Рюрике сохранился в полном виде в Ипатьевской летописи и сокращен в Лаврентьевской и Троицкой летописях. Это видно и из того, что текст в Ипатьевской летописи содержит более древние элементы рассказа. Так, сказано о том, что мужи Рюрика начали основывать («рубить») целый ряд севернорусских городов. И этот факт опущен в Лаврентьевской летописи, отчего создается впечатление, что эти города существовали и до Рюрика. Далее, в сходных с Лаврентьевской летописью Радзивиловской летописи и Академическом списке фразы о Ладогe и основании Рюриком Новгорода не опущены, как в Лаврентьевской летописи, а сохранились и восходят, естественно, к тому самому протографу лаврентьевского текста, который составителем этого текста был сокращен, отчего текст утерял ясность и стало непонятно, где же сел «старейший» Рюрик.

Таким образом, текст Повести временных лет в Лаврентьевской летописи представляется нам результатом сокращения того текста, который сохранился в Ипатьевской летописи. Это сокращение не носит редакторского

¹² А. А. Шахматов. Обзорение..., стр. 24, 81; М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 67—69, 79—80.

¹³ А. Н. Насонов. Об отношении летописания Переяславля русского к киевскому. — «Проблемы источниковедения», вып. VIII. М., 1959, стр. 493—494.

¹⁴ Ипат. л., г. 6370, стб. 14—15.

¹⁵ ПСРЛ, т. 1, вып. 1. «Лаврентьевская летопись» (далее — Лавр. л.). Л., 1926, г. 6370, стб. 20.

¹⁶ А. А. Шахматов. Повесть..., т. I, стр. VI; он же. Обзорение..., стр. 28.

¹⁷ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. М.—Л., 1950, стр. 58, прим. 3.

характера, не закономерно, не является результатом намеренного редактирования и, возможно, появилось не в XII в., а позднее и в результате работы не одного, а нескольких переписчиков. Иными словами, в Лаврентьевской летописи перед нами все тот же текст единственной реально сохранившейся третьей редакции Повести временных лет. Как же он попал в Лаврентьевскую летопись? Ответ на этот вопрос получаем путем анализа известной записи Сильвестра, сохранившейся под 1110 г. в этой летописи. Сильвестр пишет: «Игумен Сильвестр святого Михаила написах книги си Летописець, надеяся от бога милость прияти, при князи Володимери, княжащо ему Кыеве, а мне *в то время* (курсив мой.— М. А.) игуменящу у святого Михаила в 6624 году, индикта 9 лета; а кто же чететь книги сия, то буди ми в молитвах»¹⁸.

Из этого текста совершенно ясно, что в 1116 г. игумен Сильвестр работал над Повестью временных лет. Одно время считалось, что он и создал эту замечательную «книгу Летописець». Впоследствии выяснилось, что Сильвестр был только ее редактором. Однако из этой записи вовсе не следует, как обычно считается, что сама она занесена в летопись в том же 1116 г. Ведь Сильвестр вспоминает о своей прошлой работе в 1116 г., говоря, что сделал ее «в то время», когда был игуменом Выдубицкого монастыря. Отсюда и заключаем, что запись сделана тогда, когда Сильвестр уже не был игуменом. Когда же? Известно, что в 1118 г. Сильвестр был поставлен епископом в Переяславль, где и умер в 1123 г.¹⁹ Именно в Переяславле и была им сделана указанная запись — воспоминание о своей прошлой работе. Этим и объясняется, что запись сохранилась именно в переяславской, а не в киевской летописи. Интересно, что ее нет и в том выдубицком своде 1199 г., который сохранился в Ипатьевской летописи и, казалось бы, должен содержать эту запись.

Запись Сильвестра сделана, следовательно, между 1118—1123 гг., вернее всего, ближе к последней дате, т. е. во время, когда уже существовала третья редакция Повести временных лет, которая распространилась в первую очередь по городам, принадлежавшим семье Мономаха. Таким городом и был Переяславль. Этим и объясняется, что запись Сильвестра следует за обрывком текста статьи 1110 г., принадлежащим уже, как признавал и А. А. Шахматов²⁰, третьей редакции. Текст этой редакции и был скопирован Сильвестром или его приближенным для переяславского монашачика Ярополка.

Итак, в Лаврентьевской летописи сохранилась переяславская копия третьей редакции Повести временных лет, дошедшая до нас в более исправном виде в составе Ипатьевской летописи. Зная об этом, можно приступить к выявлению в текстах третьей редакции Повести временных лет следов работы различных летописцев. Выявленные вставки в основной, более ранний, текст мы будем иметь право отнести сначала только к третьему редактору, а текст, в который эти вставки сделаны, лишь к самой Повести временных лет, к тем текстам этого памятника, которые предшествуют тексту третьей редакции. Методически и логически этот путь является единственно возможным. Ведь невозможно относить более ранний памятник, выявленный в тексте третьей редакции Повести временных лет,

¹⁸ Лавр. л., г. 6618, стб. 286.

¹⁹ Там же, г. 6626, стб. 291; г. 6631, стб. 93.

²⁰ А. А. Шахматов. Обзорение..., стр. 25. Вопрос о соотношении Лаврентьевской и Ипатьевской летописей был впервые изложен нами в докладе, прочитанном в декабре 1964 г. в Пушкинском доме (Ленинград). См. также: М. Х. Алешковский. «Повість временных літ» та її редакції.— «Український історичний журнал». Київ, 1967, № 3. В последнее время к сходным выводам пришли А. Г. Кузьмин и Л. Мюллер. (А. Г. Кузьмин. К вопросу о происхождении варяжской легенды.— «Новое о прошлом нашей страны». М., 1967, стр. 43—46; L. Müller. Die «dritte Redaktion» der sogenannten Nestorchronik.— «Festschrift für Margarete Woltner zum 70. Geburtstag». Heidelberg, 1967, S. 171—186).

не к ее предшествующей редакции, а к более древней летописи XI в. Между тем именно к этой летописи XI в. и отнес А. А. Шахматов памятник, блестяще выявленный им в составе текста, как нам теперь известно, третьей редакции Повести временных лет. В нашу задачу поэтому и входит проверка этой атрибуции великого ученого и с помощью его собственных открытий и тех новых наблюдений, которые сделаны впоследствии. Иными словами, перед нами текст одного памятника — третьей редакции Повести временных лет. В этом тексте обнаруживаются вставки. Это первый этап нашей работы. Второй этап — сопоставление освобожденного от этих вставок текста с другим памятником — Новгородской Первой летописью, в которой указанных вставок нет.

На первой же странице Повести временных лет находим совмещение двух переводных византийских источников — Хронографа и Хроники Георгия Амартола²¹. Вставки из Хроники Амартола загроздили лаконичный текст Хронографа, разорвали его, благодаря чему в новом тексте появилась бессмыслица о реке Тигре, якобы текущей на север «до Понтийского моря»:

Х р о н о г р а ф

«По потоце три сынове Ноеви разделиша землю, Симъ, Хамъ, Афеть. И яся вѣсток Симви: Персида, Ватръ, доже и до Индикия в долготу, и в ширину и до Нирокурия, якоже рещи от вѣстока и до полуденя, и Сурия, и Мидия по Ефратъ реку

Хамови же яся полуденная страна:

Афету же яшася полунощные страны и западныя:

до Понетъского моря на полунощныя страны Дунай, Двестр и Кавкаисивския горы»

Х р о н и к а А м а р т о л а

Вавилон, Кордуна, Асурия, Месопотамия, Аравия Старейшая, Алмаис, Инди, Аравия Силная, Колия, Комагини, Финикия вся

Еюпеть, Ефивопись, прилежащая ко Индом, другая же Ефивопись, из нея же исходить ефиопская река Чермна, текущи на вѣсток, Фива, Ливия, прилежащи до Куриния, Марьмарья, Сурьти, Ливия другая, Нумидья, Масурия, Мавританья, противу суши Гадире; сущим же ко востоком имать Киликию, Памфилию, Писидию, Мисию, Луконию, Фругию, Комалию, Ликию, Карию, Лудью, Мисию другую, Троаду, Еолиду, Вифунию, Старую Фругию и острова неки имать: Сарьдани, Критъ, Купръ и реку Геону, зовомую Ниль

Мидия, Альванья, Арменья Малая и Великая, Кападокия, Фефлагони, Галать, Колхисъ, Боспориш, Меоти, Дереви, Сарьмати, Тавриани, Скуфия, Фраци, Македонья, Далматия, Малоси, Фесалья, Локрия, Пеления, яже и Полопонисъ наречеса, Аркадь, Япиронья, Илюрик, Словене, Лухнитиа, Анъдриокя, Оньдреатинская пучина, имати же и острова: Вротанию, Сикилию, Явию, Родона, Хиона, Лезовона, Кофирана, Закунфа, Кефалинья, Ифакину, Керькуру, часть Асийския страны, нарицаемую Онию, и реку Тигр, текущую межи Миди и Вавилоном

²¹ А. А. Шахматов. Повесть..., т. I, стр. 1—3.

Соединив цитаты из Хронографа, получим ясный и лаконичный текст. Аналогичные тексты сохранились в некоторых русских Хронографах²². Возникает вопрос, сделаны ли цитаты из Хронографа и Хроники Амартола одним автором, либо автором и редактором Повести временных лет в разное время. Если обе цитаты сделаны одним автором, то непонятно, зачем ему понадобилось цитировать именно Хронограф, если и в Хронике Амартола имелась краткая версия того же рассказа и если он, как считал и А. А. Шахматов, признавал Хронику Амартола более достоверным источником. Наши сомнения разрешаются второй вставкой из Хроники Амартола, которая на этот раз не только расширяет сведения Хронографа, но и прямо им противоречит. Вставка эта выявлена А. Н. Насоновым²³, недавно подтверждена Б. А. Рыбаковым²⁴. Однако исследователи не отметили, что ее текст восходит именно к Хронике Амартола. В Хронике прямо говорится о Руси как о варяжском племени²⁵. То же самое утверждает и автор вставки в противоположность более раннему утверждению автора Повести временных лет, считавшего Русь восточноевропейским славянским племенем.

А в т о р

«В Афетове же части седять русь, чюдь и вси языци: меря, мурома, весь, морьдва, заволочская чюдь, пермь, печера, ямь, литва, зимегола, корсь, летьгола, любь...»²⁶

Р е д а к т о р (сведения Амартола)

«Афетово бо и то колено: варязи, свеи, урмане, готе, русь, агяне, галичане, вольхва, римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягове и прочии...»²⁷

Итак, автор Повести временных лет использовал Хронограф и «норманистом» не был, а редактор основывался на сведениях Амартола и был «норманистом». Следовательно, все цитаты из Амартола сделаны редактором. К ним относим прежде всего сведения о черных и белых уграх. Рассказав о белых уграх, редактор упоминает и о нашествии черных угров²⁸, которое подробно описано в другом тексте той же Повести временных лет под 898 г.²⁹ Однако в этом тексте угры не названы черными, так как этот рассказ восходит к Хронографу, а не к Хронике Амартола, упоминающей именно черных угров. Выходит, что рассказ об уграх под 898 г. принадлежит автору, а не редактору. Раньше, в авторском экземпляре Повести временных лет этот текст не мог стоять под 898 г., так как в нем упомянуты здравствующими император Михаил, умерший в 867 г., и Кирилл и Мефодий, также умершие задолго до 898 г. Где же находился раньше этот текст? В нем рассказано и о переложении греческих книг на славянский язык, а это событие датировано 6363 г.³⁰ в том самом Хронографе, которым пользовался автор Повести временных лет. Следовательно, и весь рассказ об уграх и переложении книг читался раньше под 6363 г. Почему же редактор переместил его из начала произведения в его более второстепенную часть? Дело в том, что в нем рассказывается, что славян просветил апостол Павел, а теперь, в тексте третьей редакции существует рассказ о другом апостоле, Андрее, просветившем славян. Общепризнано,

²² В. М. Истрин. Исследования в области древнерусской литературы. СПб., 1906, стр. 57.

²³ А. Н. Насонов. Начальные этапы киевского летописания в связи с развитием Древнерусского государства.— «Проблемы источниковедения», вып. VII. М., 1953, стр. 455.

²⁴ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, стр. 22.

²⁵ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола, т. I. Пг., 1920, стр. 567.

²⁶ Лавр. л., стб. 4.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, стб. 11—12.

²⁹ Там же, г. 6406, стб. 25—26.

³⁰ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 98.

что рассказ об Андрее является редакторской вставкой в текст Повести временных лет³¹. Сделав эту вставку, редактор и переместил более ранний рассказ о Павле под 898 г. И в данном случае редактор проявил свои про-латинские симпатии, раньше выявившиеся при его вставке о варяжском происхождении Руси. В XI—XII вв. латинская ересь нередко называлась варяжской. В начале XII в. борьба православной церкви с этой ересью особенно обострилась, потому что испортились отношения князя Мономаха с Византией, которая назначала своих ставленников митрополитами на Руси. При Мономахе таким византийским ставленником был грек Никифор. Поэтому-то в обстановке назревавшей войны с Византией, начавшейся в конце концов в 1116 г., любое проявление симпатий к Западу, к Риму, к католикам, к варягам выглядело политическим выпадом по отношению к киевской православной митрополии, во главе которой стоял грек. В своих посланиях к князьям и самому Мономаху он предостерегал от любых контактов с латинянами. А в редакторских вставках прямо говорится о варяжском происхождении Руси, о ее принадлежности к западным народам. О латинских симпатиях редактора говорит и вставка легенды об Андрее. Ведь согласно этой легенде Андрей направляется не куда-нибудь, а в Рим, в тот самый город, одно имя которого было ненавистно Никифору. К тому же Андрей является братом апостола Петра, признанного патрона римско-католической церкви. И вставка об этом брате Петра оттеснила более ранний авторский рассказ о признанном покровителе православной церкви Павле на задний план изложения. Следовательно, все вставки сделаны одним редактором, который вставил и другую обширную цитату из Хроники Амартола о нравах и быте народов, заключив ее весьма характерным призывом к единению всех христиан³². И этот призыв противоречит политике православной киевской митрополии, которая в лице Никифора выступала против единения всех христиан, против любых попыток контактов с католическим Римом.

Итак, редакторские вставки основаны на Хронике Амартола, а тексты автора — на Хронографе. Отметим это, перечислим другие вставки, выявляющиеся в последующих текстах третьей редакции Повести временных лет. К их числу А. А. Шахматов относил остальные сведения, восходящие к Хронике Амартола и распределенные в хронологической сетке, сделанной на основе Летописца вскоре патриарха Никифора. Это все даты и события вплоть до 945 г.³³ К вставкам отнес А. А. Шахматов и все договоры с греками, которые разрывают текст более раннего памятника, чем третья редакция Повести временных лет. Вставлена и легенда об Аполлонии Тианском из Хроники Амартола, а поскольку с ней связана киевская версия о смерти Олега, то считаем и эту версию также вставкой.

В рассказе о призвании варягов под 6370 г. вставлены сведения о варяжском происхождении Руси. Вставка восходит, как мы уже знаем, к сведениям Хроники Амартола. В рассказе о походе Олега на греков под 6415 г. два раза сказано об одном и том же распоряжении Олега³⁴. Повторное распоряжение вместе с последующим текстом договора является вставкой.

В третьей редакции дважды сказано о первом приходе печенегов на Русь под 6423 и 6476 гг. Сообщение под 6423 г. вставлено редактором. В тексте третьей редакции дважды повторено заглавие погодной статьи 6453 г. и под каждым заголовком есть свой рассказ. Вставкой является тот, что связан с рассказом о договоре Игоря с греками³⁵.

³¹ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, стр. 226.

³² Лавр. л., стб. 16.

³³ А. А. Шахматов. О Начальном киевском летописном своде.

³⁴ Лавр. л., г. 6415, стб. 30—31.

³⁵ Там же, г. 6453, стб. 46—54.

Под 6454 г. имеется двойное упоминание о дани, возложенной на древлян после одной и той же битвы, что произошло благодаря вставке рассказа о четвертой мести Ольги древлянам³⁶. Повтор имеется и под 6479 г.: Святослав сначала думает сам об уходе на Русь и принимает решение, а несколько дальше в тексте описаны те же размышления, но на этот раз совместно с дружиной³⁷. Эти последние связаны с текстом о договоре с греками и являются вставкой.

Таковы вставки в древнейшей части третьей редакции Повести временных лет. Другой комплекс редакционных изменений обнаруживается в последней части третьей редакции после статьи 1093 г. в статьях 1094—1115 гг. На примере уже выявленных вставок мы убедились, что они нередко приводят к повторению одних и тех же известий. Нередки повторы и в последних статьях Повести временных лет. Так, А. А. Шахматов считал повторным одно из сообщений о нашествии саранчи в статьях 1094 и 1095 гг.³⁸ Дважды и по-разному говорится в статье 1096 г. о приходе Олега из Стародуба под Смоленск. В первом сообщении сказано, что Олега смоляне не приняли и он направился в Рязань. В другом, повторном сообщении сказано, что он набрал «воев» в Смоленске (т. е. был принят смолянами) и направился в Муром³⁹. В первом случае подразумевалось, что в Смоленске Олег не застал своего брата Давида, а во втором — что Давид был в городе. Далее, под 1097 г. с другими подробностями рассказано о событиях 1098—1100 гг., чем в погодных статьях за эти годы. Так, под 1097 г. описана смерть Мстислава, хотя и не упомянута ее дата, имеющаяся в погодной статье 1099 г. Далее сказано о Уветичском съезде 1100 г., где Дорогобуж был передан Давиду Игоревичу всеми князьями, тогда как под 1100 г. говорится о передаче Дорогобужа этому князю одним Святополком⁴⁰.

Повторными являются и описания княжеских съездов в Долобске под 1103 и 1111 г., причем отметим, что эти описания не только повторяют друг друга, но и текст вставки о совещании Святослава с дружиной под 971 г. Наконец, под 1115 г. дважды и несколько по-разному сказано о перенесении мощей Бориса и Глеба и об освящении новой церкви в Вышгороде⁴¹.

Повторы не являются единственным признаком редакционной работы в статьях 1094—1115 гг. Другим таким признаком являются хронологические противоречия, частые в этих статьях. Выражаются они в том, что нередко бывает нарушена хронологическая последовательность в изложении событий одного года. Такие нарушения встречаются в киевском летописании на протяжении всего XII в.⁴² Эти противоречия получаются в летописи в результате совмещения текстов нескольких источников; в том случае, если один из них основан на мартовском, а другой — на ультрамартовском летоисчислении⁴³ и в том случае, если оба источника пользуются

³⁶ Там же, стб. 58—59.

³⁷ Там же, стб. 69—72.

³⁸ А. А. Шахматов. Предисловие к Начальному киевскому своду и нестрова летопись. — «Известия Отделения русского языка и словесности», т. XIII, кн. 1. СПб., 1908, стр. 265.

³⁹ Лавр. л., стб. 231, 236.

⁴⁰ Там же, стб. 272—274.

⁴¹ Ипат. л., стб. 280—282.

⁴² Н. Г. Бережков. Хронология русского летописания. М.—Л., 1963, стр. 13—16.

⁴³ Там же, стр. 35. Н. Г. Бережков неправильно объясняет случаи различных датировок летописями одних и тех же событий только совмещением источников с разным летоисчислением (мартовским и ультрамартовским). При таком совмещении разница в датировке не должна превышать одного года. Однако в летописях нередко разница и в два, три и четыре года, что может объясняться и совмещением летописей с одним летоисчислением. Таково, в частности, и положение с Повестью временных лет, которая знает только мартовское летоисчисление.

одинаковым летоисчислением. Рассмотрим указанные хронологические противоречия. Под 1094 г. за июнем и августом следует апрель⁴⁴. Под 1096 г. за событием конца года («сего желета исходяща») следует августовское событие. Под 1097 г. смешаны в одной статье события 1097—1100 гг. Под 1101 г. после сентябрьского события сказано о закладке церкви Мономахом в Смоленске, что скорее всего произошло в разгар летнего строительного сезона до сентября (церкви закладывались только летом).

Особенно интересна статья 1102 г. В ней имеется как бы два хронологических комплекса. Первый охватывает события октября, декабря, января, февраля, а второй, следующий за ним, — события июня, августа, ноября и опять августа (если считать, что Андрей Владимирович родился в день Андрея 18 августа, — это число не упомянуто в летописи). Сразу же возникает предположение⁴⁵, что первый комплекс относится к предыдущей статье 1101 г. и оказался в статье 1102 г. или случайно, или в результате перехода от мартовского к ультрамартовскому летоисчислению. Поэтому было бы важно точно датировать события первого хронологического комплекса. Основания для такой датировки имеются. Здесь упомянуто лунное затмение 5 февраля. И действительно, это затмение было в 1102 г., под которым оно и упомянуто в Повести временных лет⁴⁶. Значит, и весь первый комплекс связан с событиями мартовского 1102, а не 1101 г. и находится в статье 1102 г. не случайно и не благодаря переходу к другому летоисчислению. У нас имеется и другое основание для подтверждения правильности нашего вывода: описав знамения в январе — феврале, автор первого комплекса известий ссылается на события следующего 1103 г., которые были предзнаменованы в 1102 г. затмениями. Следовательно, в статье 1102 г. описаны действительно события этого, а не 1101 г. Далее под 1103 г. после весенне-летних событий описано событие 4 марта, которое, по правильному предположению А. А. Шахматова, скорее всего перенесено в конец статьи 1103 г. из ее начала⁴⁷ или из начала статьи 1104 г. Под 1106 г. после декабря описано августовское событие. Под 1108 г. два известия о событиях, случившихся в один день — 11 июля, разделены рассказами о других летних событиях. Под 1113 г. после события 14 сентября описано событие 11 сентября, а также сказано о вокняжении Ярополка в Переяславле, что могло произойти только в конце марта следующего 1114 г., когда умер Святослав.

Наконец, под 1114 г. сказано о закладке каменной Ладоги и расширении Новгородского Детинца, что произошло в действительности только в 1116 г. (см. стр. 24).

Итак, из всех этих нарушений хронологической последовательности событий только в одном случае, но и самом важном, можно установить, что объясняются они не сменой летоисчислений, мартовского и ультрамартовского (в произведении применяется только мартовское летоисчисление), а благодаря вставкам, благодаря соединению по крайней мере двух источников — авторского и редакторского.

Имеется и третья разновидность следов редакционной переработки авторских текстов статей 1094—1115 гг. Речь идет о двух различных, прямо противоположных истолкованиях небесных знамений. В большинстве случаев эти знамения истолковываются исключительно в дурном смысле. Истолкователь считает, что все знамения бывают только «на зло». Это истолкование основано на сведениях Хронографа, которым, как мы уже знаем, пользовался автор Повести временных лет. Цитата из этого Хро-

⁴⁴ См. и дальше по Ипат. л. под соответствующими годами.

⁴⁵ А. А. Шахматов. Повесть..., т. I, стр. 401, прим. 4.

⁴⁶ Д. О. Святский. Астрономические явления в русских летописях с научнокритической точки зрения. Пг., 1916, стр. 119. Интересно, что это затмение не было видно на Руси, его видели в Польше. В этой же статье 1102 г. имеется и еще одно сообщение о Польше.

⁴⁷ А. А. Шахматов. Повесть..., стр. 402, прим. 1.

нографа сделана им под 1065 г., а несколько перефразированные ссылки на нее имеются под 1092 и 1113 гг. Все же остальные сходные истолкования этих знамений в Повести временных лет также текстуально близки друг к другу. Встречающиеся здесь описания отсутствуют в текстах киевской летописи XII в., следующей за Повестью временных лет. Приводим эти тексты с 1065 по 1115 г.⁴⁸

1065 г.	1092 г.	1113 г.	1115 г.
«... Се же проявляше не на добро... Пред сим же временем и солнце пременися, и не бысть светло, но акы месяц бысть, его же не вгласи глаголют снедаему сушу. Се же бывають сица знаменья не на добро, мы бо по сему разумеем. Яко же древле, при Антиоесе, в Иерусалиме случися внезапно по всему граду за 40 дний являтися на вадусе на коних рщущим, в оружьи златы имуща одеже и полкы обоя являемы и оружьем двизающимся... Знаменья бо... не на благо бывають; но знаменья сица на зло бывають...»	«Предивно бысть чюдо Полотьске в мечте... яко чловеци рщюще беси... По семь же начаша в дне являтися на коних...»	«Бысть знаменье в солнци... Се же бывають знаменья не на добро... Тако се древле во дни Онтиховы быша знаменья в Иерусалиме. ключися являтися на вадуси на коних рщущие во оружьи, и оружьем двизанье...»	«В се же лето бысть знамение погибе солнце и бысть яко месяц его же глаголють не вгласи снедаемо солнце».

Однако в Повести временных лет имеются и тексты с другими истолкованиями знамений. Автор этих истолкований считает, что знаменья бывают не только «на зло», но и «на добро». Пишет он об этом как раз в той самой статье 1102 г., в которой обнаружена вставка. При этом для доказательства своего положения он ссылается на события следующего года. Подобное истолкование, сопровождающееся ссылкой на последующее радостное событие, встречено и в статье 1110 г., в той самой статье, которая оборвана в Лаврентьевской летописи (см. стр. 17). В ней рассказано об огненном столпе, возникшем в Печерском монастыре в Киеве и «шагнувшем по небу» в лагерь Мономаха. А. А. Шахматов доказал, что в авторском тексте этой статьи сначала описывался не один, а три огненных столпа и связывались они со смертью трех монахов-печерян⁴⁹, т. е. истолковывалось это знамение в дурную сторону, что характерно для автора таких же истолкований с 1063 по 1115 г. Остаток этого описания уцелел в Киевско-Печерском патерике и восходит к авторскому тексту Повести временных лет. В сохранившемся виде статья 1110 г., в части описания знаменья, относится к редакторскому тексту, к которому относится и описание победы над половцами в статье 1111 г.

Итак, наличие повторов, хронологических противоречий и разных толкований знамений свидетельствует о различных источниках, соединенных в текстах статей 1094—1115 гг. Как же отделить один источник от другого? Попробуем сначала очертить круг авторских текстов. Автор пользовался Хронографом, цитата из этого источника под 1065 г. о знаменьях позволяет отнести к авторской работе целый ряд текстов о знаменьях, доходящий до 1115 г. Следовательно, авторский текст оканчивается не раньше статьи 1115 г. Эта статья является и последней статьей со следами редакционной работы, что позволяет окончательно считать ее последней статьей авторской Повести временных лет.

Таким образом, это произведение создано в 1115 г. К его текстам А. А. Шахматов относил все рассказы с точной до часа дня датировкой событий⁵⁰. Чаще всего эти рассказы связаны с Печерским монастырем, где была создана Повесть временных лет. Один из этих рассказов (о смерти

⁴⁸ Лавр. л., стб. 163—165, 214—215; Ипат. л., стб. 274—275, 282.

⁴⁹ А. А. Шахматов. Повесть..., стр. XV, прим. 1.

⁵⁰ Там же, стр. XXIV, прим. 1.

бывшего печерского игумена Стефана) есть и в статье 1094 г., где нарушена хронологическая последовательность известий и имеется одно из повторных описаний нашествия саранчи. Поэтому вставкой следует признать сообщение о борьбе Мономаха с Олегом. Автор вставки на стороне Мономаха и против Олега, войско которого сравнивается с саранчой. В следующей статье 1095 г. имеются сведения о семье Мономаха, Олеговом посаднике и брате Олега. Признаем эти сведения вставкой, нарушившей хронологию этой статьи. Этот вывод подтверждается анализом следующей статьи 1096 г. Тема борьбы с Олегом развернута здесь очень широко. В статье есть повтор в рассказах о приходе Олега к Смоленску. Один из этих рассказов подразумевает, что Давид был в этом году в Смоленске, что согласовывается и с данными вставки под 1095 г. об уходе Давида в Смоленск из Новгорода. Следовательно, весь рассказ о борьбе с Олегом в начале и конце статьи является вставным. Рассказ же, в котором известие о прибытии Олега в Смоленск подразумевает отсутствие там Давида (что противоречит вставке под 1095 г. об изгнании Давида из Новгорода в Смоленск), является авторским. Именно этот рассказ связан и с описанием набега половцев на Печерский монастырь, где работал автор.

В этой же статье 1096 г. есть и другая редакторская вставка, давно выявленная А. А. Шахматовым. Это рассказ Гюрты Роговича. Закончив его, редактор переходит далее к продолжению повествования о борьбе с Олегом и говорит при этом: «Но мы на предняя взратимся, яко же блхом преже глаголали». Затем повторяется версия о приходе Олега к Смоленску, но с иными деталями, нежели в авторской версии. Следовательно, вставка о Гюрте Роговиче связана с рассказом о борьбе с Олегом в начале и конце статьи.

Рассказывая о Гюрте Роговиче, редактор говорит, что он слышал этот рассказ «преже сих 4 лет». А. А. Шахматов правильно перевел эту фразу как свидетельство того, что редактор побывал в Новгороде за четыре года до начала своей работы над Повестью временных лет. А. А. Шахматов правильно связал эту фразу с сообщением того же летописца под 1114 г. о своем пребывании в Новгороде и Ладого⁵¹. Действительно, летописец под 1114 г. приводит другой местный рассказ, как он это делает и под 1096 г. Итак, заключил А. А. Шахматов, он был в Новгороде за четыре года до своей работы. Это было в 1114 г., следовательно, работал он в 1118 г. Отметим, что такой вывод позволяет отнести выявленные вставки под 1096 г. и связанные с ними тексты о борьбе с Олегом под 1094—1095 гг. именно к редактору, работавшему после автора (1115 г.), не раньше, чем в 1118 г. Однако есть основания датировать редакторскую работу 1119 г., а не 1118 г. Дело в том, что, прибавляя к 1114 г. четыре года, мы ведем отсчет, которым не пользовались в древности. Следует не просто прибавить четыре года к 1114 г., а отсчитать эти четыре года от 1114 г., считая эту дату первой в ряду четырех годов: 1114, 1115, 1116, 1117 гг.⁵² Итак, мы получили 1117, а не 1118 г.⁵³ Статья 1117 г. является действительно последней статьей Повести временных лет, однако заканчивается она тремя приписками о двух событиях 1118 г. и одном событии 1119 г.⁵⁴ Эти приписки сделаны, естественно, не раньше 1119 г. Следовательно, от этого года и надо теперь отсчитать четыре года для вычисления даты пребывания редактора в Новгороде и Ладого. Считаем: 1119, 1118, 1117, 1116 гг. Итак, редактор был в Новгороде не в 1114 г., как он об этом пишет, а в 1116 г. или же прибыл туда в 1114 г., а уехал в 1116 г. Именно под 1116 г. в местной новгородской

⁵¹ А. А. Шахматов. Повесть..., стр. V.

⁵² Именно так считает редактор в статье 1110 г., когда называет события следующего 1111 г. случившимися «на 2-е лето» после 1110 г.

⁵³ Для упрощения здесь приводятся январские годы, но подсчет сделан на мартовские годы.

⁵⁴ Ипат. л., г. 1117.

летописи говорится о закладке каменной Ладоги⁵⁵, т. е. о том самом событии, которое описано редактором под 1114 г. Следовательно, редактор уехал из Новгорода в 1116 г., а через четыре года, в 1119 г., проделал свою работу над Повестью временных лет. Так, вслед за датой авторской рукописи (1115 г.) мы получили дату третьей редакции (1119 г.), а вместе с тем смогли отнести вставные тексты статей 1094—1096 гг. к работе редактора, а не к работе автора.

Продолжим выявление редакторских вставок. Статья 1096 г. оканчивается редакторской вставкой о событиях конца мартовского 1096 г. и начала мартовского 1097 г., а статья 1097 г. начинается не с известий начала этого года, а с известий начала второй половины 1097 г. — с его октября. Таким образом, статья 1097 г. как бы продолжает повествование статьи 1096 г. И в этой статье летописец на стороне Мономаха, однако на этот раз он выступает не против Олега, а против другого политического соперника Мономаха — Святополка. Что же является вставкой, а что принадлежит автору в статье 1097 г.? Принято считать, что авторский текст этой статьи разорван вставками особой повести об ослеплении Василька⁵⁶. Однако если собрать отрывки авторского текста, то они не соединятся в целое повествование, так же как отрывки повести о Васильке не дадут последовательного изложения. Для летописных отрывков будет не хватать фрагментов повести, а для этих фрагментов — отрывков из летописи. К тому же если отнести к авторской статье все сведения об остальных князьях, а к повести о Васильке — лишь сведения об этом одном князе, то заключительный и самый большой текст статьи о событиях 1099—1100 гг. будет принадлежать не автору повести о Васильке, поскольку о Васильке-то в этом отрывке уже ничего не говорится. Но в таком случае именно этот заключительный отрывок следует признать не авторским текстом, а вставкой, так как в нем повторно говорится о тех самых событиях, которые описаны автором в погодных статьях 1098—1100 гг. Но если заключительный отрывок статьи 1097 г. принадлежит редактору, то и все рассказы этой статьи о князьях, а не о Васильке тоже будут редакторскими. Этим и объясняется, что мы относим к работе редактора весь текст статьи 1097 г., который, как сказано, продолжает редакторский рассказ под 1096 г. Никаких швов в этой статье нет⁵⁷. Если же вся статья 1097 г. сделана редактором, то его звали Василием, о чем он сам говорит в рассказе о разговоре с Васильком во Владимире-на-Волыни⁵⁸.

⁵⁵ «Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов» (далее — НПЛ). М.—Л., 1950, г. 6624, стр. 20.

⁵⁶ А. А. Шахматов. Повесть..., стр. XXXI—XXXII; М. Д. Приселков. Летописание Западной Украины и Белоруссии. — «Ученые записки ЛГУ». Серия исторических наук, вып. 7. Л., 1941, стр. 6; Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, стр. 277 и др.

⁵⁷ Единственный пример такого шва, приведенный А. А. Шахматовым и М. Д. Приселковым, не выдерживает критики. После одного из фрагментов повести о Васильке сказано, что «Святополку же обещавшуся се створити прогнати Давида», а предыдущий фрагмент летописи кончался словами об обещании Святополка либо пленить, либо прогнать Давида. Получается, что слова «обещавшуся се створити прогнати Давида» продолжают текст об обещании Святополка и раньше следовали в летописи прямо после него, а не после отрывка о Васильке. Так считали и А. А. Шахматов и М. Д. Приселков. Однако они при этом не обратили внимания на то, что при слове «се створити» стоит дополнительное «прогнати», тогда как во всех других случаях, когда мы встречаемся со словоупотреблением «се створити» в аналогичных примерах и причем в текстах, относимых нами к третьей редакции, никаких дополнительных пояснений, что же собственно надо «створити», не встречено. См. под 1096 г.: «Олег же обещася се створити», но повторное упоминание об этом же: «Олгови обещавшюся ити к брату своему...» (курсив мой.— М. А.) или там же, но по поводу другого договора: «Олег же обещася тако створити».

⁵⁸ Так доказывается мысль, высказанная еще М. П. Погодиным («Нестор». М., 1839, стр. 73) и Б. А. Рыбаковым («Древняя Русь», стр. 278—279).

Следующий текст редактора встречен в статье 1102 г. К нему относим весь первый хронологический комплекс этой статьи, поскольку, во-первых, в нем опять компрометируются Святополк и его сын Ярослав, а во-вторых, потому, что в нем истолковывается знамение не в дурную, а в добрую сторону, что не характерно для автора и характерно для редактора. С этим истолкованием связан и рассказ о походе на половцев под 1103 г., который тоже создан, видимо, редактором. На тех же основаниях относим к его же работе и тексты под 1110—1111 гг. об огненном столпе и победе над половцами. Под 1113 г. редактор внес сведения о сыновьях Мономаха и переработал всю статью, поскольку в «Истории Российской» В. Н. Татищева сохранились опущенные редактором сведения о событиях этого года⁵⁹. Под 1114 г. редактор рассказал о своем пребывании в Новгороде и Ладоге. Под 1115 г. он переделал рассказ о перенесении мощей Бориса и Глеба, расширив его сведениями о благотворительной деятельности Мономаха.

Итак, из нашего обзора статей 1094—1115 гг. следует, что, во-первых, тексты, приведшие к появлению повторов, хронологических и мировоззренческих противоречий, принадлежат редактору, а не одному из источников автора; во-вторых, что они принадлежат одному, а не двум редакторам, поскольку все вставленные тексты продолжают друг друга, развивая одну и ту же тему борьбы Мономаха с Олегом и Святополком; в-третьих, что этот редактор работал в 1119 г. и звали его Василием. В 1114—1116 гг. он побывал в Новгороде и Ладоге. Этим объясняется, что в его вставках имеются сведения об этих городах (под 1095, 1096, 1102, 1113, 1114 гг.). Если удалить указанные редакторские тексты, то окажется, что автору принадлежат краткие хроникальные, обычно снабженные точными датами заметки наподобие тех, которые находятся в статьях 1098—1100 гг. (сведения об этих же событиях повторены в обширной редакторской статье 1097 г.). Выходит, что редакторские вставки обширнее кратких погодных записей авторского текста. Это соотношение прослежено и в начальных текстах Повести временных лет, где обширные вставки загромаждают краткий текст автора.

Вставки не только делают текст Повести временных лет обширней, но и часто меняют его политическую окраску. Если бы мы знали о событиях 1096—1102 гг. только по кратким текстам автора, то не смогли бы даже и в малой степени представить сложную политическую конъюнктуру этих лет, не знали бы инициативной роли Мономаха, о сопротивлении, которое встречала его инициатива и т. д. Мы не узнали бы, что борьба шла и за Новгород, и за Волынь, и за сам Киев, что Мономах пошел на обострение конфликта с Византией и сближение с латинским Западом, о чем свидетельствует и включение сведений о варяжском происхождении Руси и о путешествии апостола Андрея в Рим через Русь. Именно о Риме, о том, что слава о победе Мономаха в 1111 г. дойдет даже и до Рима, мечтает редактор...

Возникает вопрос, не принадлежат ли некоторые из выявленных вставок не только Василию, работавшему в 1119 г., но и Сильвестру, работавшему в 1116 г. Против этого предположения свидетельствует то, что, во-первых, все выявленные вставки текстуально взаимосвязаны и по смыслу однородны, а во-вторых, что отсутствуют какие-либо сведения из жизни Выдубицкого монастыря в конце XI — начале XII вв. Этот монастырь был одним из крупнейших в Киеве. В нем хоронили местную княжескую и боярскую знать. Однако ни одного сообщения о таких погребениях в Повести временных лет нет. Нет в ней и сведений об основании монастыря. А все эти сведения неминуемо были бы в тексте памятника, если бы Сильвестр был его редактором, а не простым переписчиком. Судим об этом и по тому, что в Повести временных лет есть такие сведения и о Печерском монасты-

⁵⁹ И. И. Смирнов. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII вв. М.—Л., 1963, стр. 254 и др.

ре, где она была создана, и об Андреевском монастыре, где, как мы предполагаем, судя по наличию этих сведений, она была отредактирована в 1119 г. Действительно, не поэтому ли редактор вставил в ее текст легенду о патроне этого монастыря — апостоле Андрее и скорее всего ряд сведений об основании монастыря, его церковном строительстве, о членах семьи Мономаха, погребенных в нем? Известно об особой близости настоятеля этого монастыря к Мономаху⁶⁰. Все это позволяет предполагать, что Андреевский монастырь был местом, где в 1119 г. была отредактирована Повесть временных лет.

Итак, редакционные вставки доходят до последней статьи Повести временных лет, созданной в 1115 г. На этом году обрываются и тексты о знамениях, восходящие к цитате под 1065 г., взятой из того самого Хронографа, из которого были заимствованы цитаты о разделе земли между сыновьями Ноя. Эти выводы сделаны на основе анализа отредактированного текста Повести временных лет 1119 г. Теперь предстоит обратиться к тексту, освобожденному от вставок редактора 1119 г. Этот текст основан на Хронографе и обрывается на 1115 г. Именно таким памятником и является тот киевский источник, который лежит в основе текста Новгородской Первой летописи. Действительно, новгородский текст, как показал еще А. А. Шахматов, основан на каком-то киевском источнике. Он начинается с даты, взятой из Хронографа — с 6362 г. как «начала Руси», а не 6360 г., который упомянут в качестве исходной даты текста третьей редакцией. С другой стороны, текст этого киевского источника доходит именно до 1115 г., как показал еще А. А. Шахматов⁶¹. Однако, ученый возводил текст Новгородской Первой летописи не к одному киевскому источнику, как это сейчас предлагается нами, а к двум киевским источникам. Этими двумя источниками исследователь считал Начальный свод 1095 г., основанный на Хронографе, и третью редакцию Повести временных лет, текст которой был использован в Новгороде только до статьи 1115 г., а не до заключительной статьи 1117 г. Согласно построению А. А. Шахматова, и текст Начального свода и текст третьей редакции Повести временных лет имелись в Новгороде в дефектном виде — текст первого памятника в виде двух больших отрывков под 6362—6524 и 6561—6582 гг., а текст второго памятника в виде текста, обрывавшегося (опять же по случайным причинам!) на 1115 г. Однако можно предполагать, что в основе новгородской летописи лежит один памятник и не дефектный его экземпляр, а целиком сохранившийся. Этим памятником является первая редакция Повести временных лет, основанная на Хронографе и доведенная до 1115 г., почему цитаты из нее и идут в новгородских текстах только до этого года.

К этому выводу приводит изучение Новгородской Первой летописи. Действительно, в ней не встречается ни одна из тех вставок, которые выявлены в тексте третьей редакции (по Ипатьевской и Лаврентьевской летописям) и отнесены нами к редакторской работе Василия в 1119 г. Нет здесь ни цитат из Хроники Амартола, ни договоров с греками и связанных с ними рассказов об Олеге и Игоре, ни четвертой мести Ольги, ни киевской версии о смерти Олега, которая излагается здесь по более древней местной версии. Олег называется здесь воеводой, а не князем, как в договорах с греками. Нет здесь и ни одной из вставок, выявленных в статьях 1094—1115 гг. Императрица Феодора названа здесь под 6362 г. Ириной, как в том самом Хронографе⁶², где рассказывалось о переложении книг на славянский язык под 6363, а не под 6406 (898) г., как в тексте третьей редакции. Однако текст Новгородской Первой летописи имеет свою примечательную особенность. Текст ее киевского источника передан в ней неравномерно. До

⁶⁰ Ипат. л., г. 6636, стб. 291.

⁶¹ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 204—205.

⁶² Там же, стр. 98.

1016 г. он передан сравнительно полно, хотя и здесь имеются сокращения, например, в начальном рассказе под 6362 г. После 1016 г. текст киевского источника сокращается значительней, причем от его текстов остаются только небольшие краткие заметки. Это усложняет задачу его сравнения с текстом третьей редакции, но не делает такое сравнение недоступным. Больше того, даже в этом сокращенном тексте имеются сведения, которые либо не сохранились в тексте третьей редакции, либо были перемещены в ней на новые места. В связи с этим нам предстоит рассмотреть два вопроса — сначала о причине сокращения текста киевского источника в Новгороде, а затем остановиться на тех его сведениях, которые были опущены или перемещены киевским редактором в 1119 г.

Остановимся на первом вопросе.

А. А. Шахматов в свое время считал, что соединение местной новгородской летописи XI—XII вв. с текстом третьей редакции произошло в 1167 г., а пополнение получившейся таким образом владычной новгородской летописи текстом дефектного экземпляра Начального свода произошло только в XV в., когда был создан «Софийский временник». Впоследствии Д. С. Лихачев убедительно доказал, что использование третьей редакции относится не к 1167, а к 1117—1132 гг., когда был создан новгородский свод Всеволода, и пополнен этот свод все тем же дефектным экземпляром Начального свода был в 1136 г., после восстания новгородцев⁶³. В настоящее время возникает вопрос о составе свода Всеволода, использовавшего Повесть временных лет, и, в первую очередь, о причине сокращения новгородским сводчиком своего киевского источника. Принято считать, что это сокращение проведено им после статьи 1016 г., начиная со статьи 1017 г.⁶⁴ Однако это не так. Первая краткая статья встречена в своде Всеволода не под 1017, а под 1016 г., что очень важно. Действительно, в статье 1016 г. в младшем изводе Новгородской Первой летописи имеются две версии рассказа о Любечской битве — краткая и пространная⁶⁵. Краткая версия предшествует пространной. В краткой версии сказано о бегстве Святополка «в Ляхи», а в пространной — о его бегстве «в Печенеги». Пространная версия выглядит припиской к краткой версии и восполняет тот самый пробел в известиях свода Всеволода, который образовался в результате сокращения этим сводчиком своего киевского источника. Что же это за сокращение? Оказывается, что сводчик Всеволода начал свое сокращение именно с очень важного для Новгорода рассказа о Любечской битве. В этой битве новгородцы помогли Ярославу победить Святополка, за что и получили от Ярослава знаменитые грамоты, на которые они всегда впоследствии ссылались в своей борьбе за независимость города. Выходит, что сокращение рассказа о Любечской битве было на руку киевскому князю, правившему в Новгороде, и, наоборот, восполнение этого пробела, приписка этого рассказа к невыразительной краткой статье свода Всеволода, сделанная другим новгородским сводчиком, была на руку новгородцам, всему городу. Так выясняется причина, заставившая сводчика Всеволода сокращать свой киевский источник именно начиная с рассказа о получении новгородцами «ярославских грамот». Как раз во время его работы в Новгороде началась борьба горожан с князем Всеволодом, кончившаяся его изгнанием из Новгорода. В начале этой борьбы успех был на стороне князя. В 1118 г. Мономах арестовал и вывез в Киев группу местных бояр. Одной из акций этой борьбы и было сокращение или изъятие из княжеской летописи всех сведений о поддержке Ярославом прав Новгорода. Этим и объясняется, по нашему мнению, особенность текста Новгородской Первой летописи, киевский ис-

⁶³ Д. С. Лихачев. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 года.— «Исторические записки», т. 25, стр. 251—257.

⁶⁴ Там же, стр. 263.

⁶⁵ НПЛ, г. 6524, стр. 174.

точник которой передан сравнительно полно до 1016 г. и резко сокращен начиная со статьи этого года. Как видно, эта особенность вызвана не тем, что в основе пространных статей свода Всеволода лежит один киевский источник (Начальный свод), а в основе его кратких статей — другой.

Доказывается это и другим способом. Новгородская Первая летопись дошла до нас в двух изводах. Старший ее извод, представленный Синодальным списком, сохранился лишь наполовину. Первая его часть вплоть до середины статьи 1016 г. исчезла. Однако, судя и по объему несохранившихся тетрадок этого списка⁶⁶ и по тому, что в сохранившейся части статьи 1016 г. этого списка читается текст, близкий соответствующему тексту младшего извода, можно утверждать, что и в первой части старшего извода был текст, идентичный младшему изводу. Иными словами, старший извод, как и младший извод Новгородской Первой летописи, восходит к одному и тому же своду Всеволода, который представлял собой летопись, передававшую свой киевский источник полностью только до времени киевского княжения Ярослава и сокращавшую этот источник на всем протяжении его статей 1016—1115 гг.

Обратимся теперь к тем материалам сокращенной части свода Всеволода, которые отличают его киевский источник 1115 г. от киевской третьей редакции Повести временных лет 1119 г. Эти материалы встречены в своде Всеволода под 1017, 1050, 1066, 1079, 1093, 1095 гг., причем они сохранились не только в Новгородской Первой летописи, но и в новгородском своде 1430-х годов. В своде Всеволода встречены и киевские и новгородские известия, но попали они в этот свод из Повести временных лет, а не местного новгородского источника, так как большая их часть сохранилась, хотя и не всегда на своих местах, даже в тексте третьей редакции Повести временных лет.

Так, в третьей редакции сохранились под 1037 г. известия о закладке киевской Софии и самого Киева (так называемого города Ярослава), которые находились в первой редакции (судя по своду Всеволода) под 1017 г. О постройке оборонительного вала «города Ярослава» в 1017 г. сообщает и Эймундова сага⁶⁷. В 1017 г. Ярослав ходил к Берестью, о чем известно и из хроники Титмара Мерзебургского⁶⁸. В том же 1017 г. состоялся и набег печенегов на Киев. О набеге также сообщает Эймундова сага. В своде Всеволода о нем говорилось под тем же 1017 г., и это известие сохранилось в новгородском своде 1430-х годов. Однако в третьей редакции все эти известия оказались перемещены — закладка киевской Софии — под 1037, поход к Берестью — под 1022, а битва с печенегами в 1017 г. (свод Всеволода) и под 1036 г. (третья редакция). Убедимся, что это описание в обоих источниках идентично, что свидетельствует о его перемещении в третьей редакции под 1036 г.

Свод Всеволода
по Новгородской Четвертой летописи)

Третья редакция
Повести временных лет

В лето 6525 заложи Ярослав град великий Киев и Златаа врата постави, и церковь святая Софии заложи. Приидоша печенези к Киеву и всекошася в Киев и одва к вечеру победы Ярослав Печенеги, отбегоша седьмое и до сего дни»⁶⁹.

«В лето 6544... И бе печенег бе-щисла. Ярослав вступи из града... Печенеги приступати почаша, и соступишася на месте, идеже стоит ныне святая Софья, митрополья русьская: бе бо тогда поле вне города. И бысть сеча зла, и одва одоле к вечеру Ярослав. И побегоша печенеги разно... а прок их пробегоша и до сего дне»⁷⁰.

⁶⁶ Д. С. Лихачев. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 года, стр. 263.

⁶⁷ О. И. Сенковский. Собрание сочинений, т. 5. СПб., 1856, стр. 532—533.

⁶⁸ Н. И. Ильин. Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957, стр. 85.

⁶⁹ ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 1. «Новгородская Четвертая летопись». Пг., 1915, стр. 108.

⁷⁰ Лавр. л., г. 6544, стб. 151. Ср. Н. И. Ильин. Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957.

Обе битвы описаны почти в одинаковых выражениях, с одинаковыми подробностями, причем это описание совпадает и с Эймундовой сагой, в которой также говорится о том, что печенеги ворвались в новый «город Ярослава». Интересно, что некоторые фразы, например о бегстве печенегов, лучше сохранились в третьей редакции, чем в новгородской летописи.

Под 1050 г. в своде Всеволода сохранилось сообщение о рождении Святополка Изяславича. Это сообщение также восходит к первой редакции Повести временных лет, так как оно связано с сохранившимися в том же своде Всеволода данными о генеалогии Святополка под 1043 г. В третьей редакции эта генеалогия опущена, как и дата рождения Святополка. Судя же по тому, что остальной рассказ, в котором раньше читались и эти сведения о генеалогии Святополка, сохранился в третьей редакции, в первой редакции этот рассказ находился в более полном, первоначальном своем виде⁷¹. Отметим, что подобному сокращению подвергся в третьей редакции и рассказ о победе Ярослава над Брячиславом в 1021 г. Первоначальный вид этого рассказа также сохранился в своде Всеволода (в Софийской Первой летописи)⁷².

Под 1066 г. в своде Всеволода читается рассказ о набеге Всеслава на Новгород. Впервые этот рассказ был записан еще в XI в., возможно, в самом Новгороде, но в начале XII в. он попал в первую редакцию Повести временных лет. Судим об этом по тому, что в третьей редакции сохранился другой новгородский текст, в котором сказано о предзнаменовании этого набега. Это текст третьей редакции под 1063 г.⁷³ В нем сказано о течении Волхова вспять. «Се же знамение не добро бысть, на 4-е лето поже Всеслав город». Четвертым летом после 1063 г. был как раз тот самый 1066 г., под которым этот набег был описан в первой редакции Повести временных лет и сохранился в своде Всеволода⁷⁴. Однако в третьей редакции об этом набеге говорится под 1067 г., в начале рассказа о походе князей на Всеслава⁷⁵. Из контекста этого рассказа очевидно, что поход начался еще зимой 1066 г., кончился весной — летом 1067 г. Ясно поэтому, что набег Всеслава, предшествовавший зимнему походу 1066 г., был тоже в этом 1066 г. Следовательно, киевский редактор Повести временных лет перенес описание набега Всеслава из 1066 под 1067 г. Какова же причина этого перемещения?

Дело в том, что это не единственное перемещение, сделанное редактором в 1119 г. Он сделал и еще одно перемещение. Под 1071 г. сейчас читается рассказ о предсказании волхва, что на пятое лето Днепр потечет вспять, а Русская земля переменится местом с Треческой землей. Однако, как заметил еще А. А. Шахматов, на пятое лето после 1071 г. никакие события, говорившие о сбывшемся предсказании, не происходят⁷⁶. Они происходят в 1068 г., когда киевские князья побежали «вспять» от половцев и в 1069 г., когда киевляне заявили своим князьям, что они уйдут в Греческую землю. Очевидно, что именно эти события были предсказаны волхвом. В таком случае рассказ об этом предсказании должен был читаться раньше не под 1071 г., а за пять лет до событий 1068—1069 гг., т. е. в статье 1064 г., пятым годом от которого будет 1068 г. Это предсказание волхва о Киеве шло непосредственно после рассказа о новгородском предзнаменовании (тоже течение реки вспять!) набега Всеслава. Как видим, в обоих случаях предзнаменованы были военные битвы — поражения (нов-

⁷¹ ПСРЛ, т. 5, вып. 1. «Софийская Первая летопись» (далее — СПЛ). Л., 1925, г. 6551, стр. 129.

⁷² СПЛ, г. 6529, стр. 123.

⁷³ Лавр. л., г. 6571, стб. 163.

⁷⁴ НПЛ, г. 6574, стр. 17. В младшем изводе этой летописи данная статья и соседние с ней статьи 6561—6582 гг. читаются сейчас в том виде, который они приобрели в третьей редакции Повести временных лет в 1119 г.

⁷⁵ Лавр. л., г. 6575, стр. 166.

⁷⁶ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 457.

городцев и киевлян). Какова же причина перемещения из статьи 1064 г. под 1071 г. рассказа о предсказании волхва? Видимо, та же, которая привела и к перемещению из статьи 1066 г. рассказа о набеге Всеслава на Новгород. Что же это за причина? Обычно подобные перемещения вызываются притоком нового материала. Вспомним, как редактор переместил легенду о Павле под 898 г., чтобы заменить ее легендой о другом апостоле — Андрее. В данном случае и в статье 1064 г. и в статье 1066 г. единственными известиями являются сведения о бывшем новгородском князе Ростиславе. Предполагаем, что как раз включением этих сведений редактором 1119 г. и объясняется перемещение текстов из статей 1064 и 1066 гг. туда, где они сейчас находятся. Интересно, что именно этих сведений о Ростиславе нет в своде Всеволода. Нет сведений о его княжении в Новгороде и в списке новгородских князей, составленном в конце XII в. по материалам местного летописания. Между тем в одной из поздних летописей, восходящих к третьей редакции Повести временных лет как к одному из своих источников, сказано о новгородском княжении Ростислава под 1061 г.⁷⁷ Ростислав был сыном новгородского князя Владимира, умершего в 1052 г. В 1064 г. он бежит в Тьмутаракань вместе с новгородцем Вышатой. Итак, этих сведений нет в киевском источнике свода Всеволода. Они впервые появились только в третьей редакции Повести временных лет, составитель которой включил в свой текст и другие сведения о Ростиславичах, полученные от сына Ростислава — Василька.

Под 1079 г. в своде Всеволода сказано о смерти Глеба 30 мая этого года⁷⁸. Указания на день этой смерти нет в третьей редакции, но оно было, как правильно предположил А. А. Шахматов, в первой редакции, так как сохранилось в восходящем к ней Слове о Никите Киево-Печерского патерика⁷⁹.

Под 1093 г. в своде Всеволода упомянуто об участии Мстислава Святополковича в битве с половцами. Между тем в статье 1093 г., сохранившейся в третьей редакции, несмотря на ее подробный характер, этого упоминания нет. Интересно, что в известии свода Всеволода не упомянут Мономах, сыгравший, судя по редакторскому тексту, большую роль в этой битве. Трудно предполагать, что сводчик Всеволода, внук Мономаха, мог опустить имя деда, своего заказчика, под 1093 г., тогда как имя мало-значительного Мстислава Святополковича он упомянул. Вероятно, имя Мономаха в описании битвы 1093 г. тоже появилось под пером киевского редактора 1119 г., которому, как мы видели, принадлежат многие вставки сведений об этом князе в статьях 1094—1115 гг.

Под 1095 г. в своде Всеволода говорится о походе южнорусских князей к Смоленску и вокняжении смоленского князя Давида Святославича в Новгороде. Под тем же годом в третьей редакции, наоборот, сказано об изгнании Давида из Новгорода. Это известие мы отнесли к числу вставок. Судя же по своду Всеволода, его действительно не было в первой редакции Повести временных лет. Возникает вопрос, какое же из двух известий о Давиде под 1095 г. — в первой и третьей редакциях Повести временных лет — соответствует действительности. Отметим, что автор и редактор по-разному говорят о Давиде и под 1096 г. Вспомним, что в авторском тексте, сохранившемся в редакторском экземпляре Повести временных лет, подразумевается, что Давида не было в 1096 г. в Смоленске, когда туда пришел его брат Олег (см. стр. 21). И это известие соответствует сообщению свода Всеволода о вокняжении Давида в 1095 г. в Новгороде, так как из другого источника — списка новгородских князей, нам известно, что Давид княжил в Новгороде два года, т. е. 1095—1096 гг.,

⁷⁷ ПСРЛ, т. 15. «Тверская летопись». М., 1965, г. 6569, стб. 154.

⁷⁸ НПЛ, стр. 18.

⁷⁹ А. А. Шахматов. Повесть..., стр. XII.

и поэтому он не мог быть летом 1096 г. в Смоленске. Наоборот, редакторское известие под 1096 г. подразумевает присутствие Давида в Смоленске, что в свою очередь согласуется с редакторской же вставкой о его изгнании в 1095 г. из Новгорода. Можно ли проверить наш вывод? Обратимся к списку новгородских князей⁸⁰. В нем сказано о том, что Давид княжил два года в Новгороде между первым пятилетним и вторым двадцатилетним княжением Мстислава Владимировича в этом городе. Мстислав ушел в Южную Русь, уступив место своему сыну Всеволоду в начале 1117 г. Отняв двадцать лет от 1117 г., получаем дату его вокняжения — 1097 г. Следовательно, предшествующее ему двухлетнее княжение Давида приходится действительно на 1095—1096 гг., что точно соответствует авторскому тексту Повести временных лет и основанному на нем тексту свода Всеволода. Интересно продолжить этот подсчет. Если Давид появился в Новгороде в 1095 г., то пятилетнее княжение Мстислава приходится на 1090—1094 гг. Однако известно, что новгородский стол освободился не в 1090, а еще в 1088 г. Два года — 1088—1089 — он пустовать не мог. Кто же сидел в это время в Новгороде на княжеском столе? В Ермолинской летописи сохранилось под 1089 г. известие о вокняжении в Новгороде все того же Давида Святославича⁸¹. Следовательно, наш подсчет верен, а данные списка новгородских князей, в котором это первое княжение Давида не отмечено, действительно восходят к первой редакции Повести временных лет, так как это первое княжение Давида, как и княжение Ростислава (см. стр. 30), были упомянуты впервые только в третьей редакции Повести временных лет.

Итак, свод Всеволода основан на киевском источнике 1115 г., отличавшемся от редакторского текста 1119 г. Повести временных лет. Отличия эти состоят в том, что этот киевский источник основан на одном Хронографе, а не на Хронике Амартола, что в нем Олег назван воеводой, а не князем, что в нем нет ни одного из текстов, которые мы отнесли к числу редакторских вставок 1119 г., что, наконец, в нем имеются сведения, либо не сохранившиеся в редакционном тексте 1119 г., либо перемещенные в нем на новые места. Эти отличия носят систематический характер, они регистрируются на всем протяжении текста свода Всеволода, и в его пространной части до статьи 1016 г. и в его краткой части после этой статьи. Текст этого киевского источника доходит до 1115 г., как и текст авторской Повести временных лет, что и позволяет считать, что свод Всеволода, а через него и более поздние летописи Новгорода, сохранившие его тексты, восходят к первой авторской редакции Повести временных лет. Таким образом, эта редакция не исчезла бесследно и отразилась не только в некоторых текстах Киево-Печерского патерика, как предполагал А. А. Шахматов, а уцелела в Новгороде, где ее тексты представлены целым рядом поздних летописных памятников XIII—XV вв.

Как видим, текст, отличающийся от третьей редакции 1119 г. Повести временных лет, доходит не до 1017 г. (А. А. Шахматов) и не до 1074 г. (Д. С. Лихачев), а встречен на всем протяжении Новгородской Первой летописи обоих изводов вплоть до 1115 г., на котором и обрывается использование единого киевского источника, отождествленного нами с авторским текстом Повести временных лет 1115 г.

До сих пор Повесть временных лет считалась сделанной по заказу одного из киевских князей, то ли Святополка, то ли Мономаха, и изъятие из предшествующего ей Начального свода упомянутого предисловия приписывалось ее автору. Между тем сейчас представляется возможным несколько по-иному раскрыть идеологию этого автора. Ведь не случайно, что его работа подверглась серьезной редакционной переработке, особен-

⁸⁰ НПЛ, стр. 470.

⁸¹ ПСРЛ, т. 23. СПб., 1910, стр. 25.

но в статьях, описывающих события, связанные с личностью Мономаха или интересами его семьи. Не случайно, что третья редакция сделана по заказу Мономаха и затем легла в основу городского летописания княжеств, входивших в домен Мономаха. И так, каков же идейный облик первой редакции Повести временных лет?

Повесть временных лет открывается глубоко символическим рассказом о Ное и его сыновьях. Речь идет о разделе наследства Ноя между тремя его сыновьями. Значение, придававшееся автором Повести временных лет этому рассказу, видно уже из того, что именно с него, а не с рассказа о сотворении мира, с которого начиналось изложение в Хронографе, он начинает свой рассказ о Руси и ее князьях. История Ноя и трех его сыновей благодаря умело расставленным автором акцентам в Повести временных лет перекликается с его словами о завещании Ярослава, о разделе Руси между Ярославичами. Это подтверждается и текстуальной близостью рассказов о Ное и Ярославе и о борьбе Ярославичей за передел наследства Ярослава.

Р а с с к а з

1 0 5 4 г.

1 0 7 3 г.

о сыновьях Ноя

«По потопе три сынове Ноеви разделиша землю... Сим же, Хам и Афет разделише землю жребий метавши, не преступати никому же в жребий братья, и живахо кождо в своей части...»⁸²

«... И тако раздели им грады, заповедав им не преступати предела братня, ни сгонити»⁸³

«А Святослав седе в Кыеве, прогнав брата своего, преступив заповедь отню, паче же божью. Велий бо грех преступати заповедь отца своего: ибо и сперва преступиша сынове Хамови на землю Сифову и по 400 лет отмщенье прияша от бога... не добро бо есть преступати предела чужего»⁸⁴

Итак, библейская история приобретает в Повести временных лет особенно злободневное звучание. Заметим, что в это время борьба шла только между тремя ветвями рода Ярослава. Эта борьба началась еще в 1090-х гг. и усилилась во втором десятилетии XII в. в связи со старостью киевского князя Святополка. Она шла между основными претендентами на киевский престол — Святославичами и Мономахом, который обладал меньшими правами на стол. Эта борьба не прекратилась и после вокняжения Мономаха. Одна из ее картин живо описана в заключительной статье Повести временных лет, посвященной перенесению мощей Бориса и Глеба в 1115 г. О силе этой борьбы можем судить и по вставкам, порочащим Олега Святославича и сделанным по заказу Мономаха в третьей редакции Повести временных лет.

В связи с предстоящим национальным и религиозным праздником — столетней годовщиной убийства Бориса и Глеба текст Повести временных лет стал особенно злободневным⁸⁵. Тема несправедливо убитых братьев, несмотря ни на что не противившихся занятию киевского престола старшим братом Святополком, всегда служила в древней литературе прославлению идей старшинства и единения русских князей перед лицом внешнего врага. Этими идеями и пронизана Повесть временных лет, обращенная не к одному какому-либо князю, а ко всем Рюриковичам и в первую очередь к Ярославичам. Автор призывает Рюриковичей к единению, к военно-политическому единству, но он против уничтожения феодальной земельной раздробленности.

В своей авторской редакции Повесть временных лет была грекофильским произведением, а как раз при Мономахе отношения с Византией

⁸² Лавр. л., стб. 4—5.

⁸³ Лавр. л., стб. 161 (Здесь и в двух других цитатах курсив мой.— М. А.).

⁸⁴ Там же, стб. 182—183.

⁸⁵ Л. В. Черепнин. Повесть временных лет, ее редакции и предшествующие ей летописные своды.

резко испортились. В 1116 г. состоялись русские походы на Дунай. Видимо, с этим была связана и вражда Мономаха с киевским митрополитом. Перу митрополита принадлежит ряд антилатинских посланий и хитроумное послание к самому Мономаху⁸⁶. Созданы эти послания между 1113 г., когда Мономах пришел к власти, и 1121 г., когда митрополит умер. В посланиях ярко описана латинская опасность, грозящая Руси и ее князьям. В них содержатся многочисленные ссылки на просветителя славян апостола Павла. В первой редакции Повести временных лет имелся большой рассказ о его деятельности среди славян. Между тем автор третьей редакции перенес этот рассказ из начала Повести под 6406 г. (898), а вместо рассказа о Павле поместил легенду о путешествии по Днепру апостола Андрея. Андрей был братом признанного патрона римской церкви Петра, и помещение рассказа о нем было вызовом, брошенным грекофилам. Андрей был патроном отца Мономаха и одного из основанных им монастырей в Киеве. В легенде об Андрее конечным пунктом его странствований является Рим, против которого так негодовал Никифор. Исследователи отмечают, что текст о Риме вставлен в существовавшую и до этой вставки легенду об Андрее с явно тенденциозными целями⁸⁷. Эта тенденция понятна, если вспомнить другое упоминание о Риме тоже во вставке третьей редакции под 1111 г.: «...възвратишася русьстии князи во свояси со славою великою к своим людям; и ко всем странам дальным, рекуще к Греком и Угром, и Ляхом и Чехом, донде же и до Рима проиде...»⁸⁸

Латинская направленность третьей редакции понятна. Ведь и Мономах и его сын Мстислав гордились своими родственными связями с латинским Западом, с варягами. Именно против таких связей и восставал Никифор. Общеизвестны вставки третьей редакции о варяжском происхождении Руси.

Антилатинская направленность первой редакции очевидна из сохранившегося в третьей редакции поучения против «латин» («Не принимай же ученья от латын, их уже ученье развращено...»), вставленного автором Повести временных лет в текст более древней летописи⁸⁹. Это поученье близко к аналогичным посланиям Никифора против «латин». Сходные с этими посланиями мысли имеются в речи философа перед Владимиром.

⁸⁶ Опубликовано: Макарий. История русской церкви, т. II; «Русские достопамятности», ч. I. М., 1815.

⁸⁷ А. Погодин. Повесть о хождении апостола Андрея в Руси.— «Byzantinoslavica», гос. VIII. Прага, 1937—1938, стр. 135.

⁸⁸ Ипат. л., стб. 273.

⁸⁹ Лавр. л., г. 6496, стб. 114. Автор Повести временных лет, будучи грекофилом, предостерегал читателей не только от католического, но и иудейского вероисповеданий. В этой связи интересна вставка, сделанная им в текст своего предшественника. Это ответ евреев на вопрос Владимира об их религии. Он мог появиться только после взятия Иерусалима крестоносцами в 1099 г., которое, видимо, подразумевается в следующих словах этого ответа: «Разъгневался бог на отци наши; и расточи ны по странам грех ради наших, и предана бысть земля наша христианам» (Лавр. л., стб. 86). Перед этим ответом речь шла непосредственно об Иерусалиме: «То где есть земля ваша?» — спрашивает Владимир. «Они же реша: „В Ерусалиме“». Итак, вставка о посольстве евреев возникла после 1099 г. Полагаем, что ее текст возник вскоре после восстания в Киеве в 1113 г., направленного против евреев-ростовщиков, и был актуален как раз во втором десятилетии XII в. Однако этот текст имеется уже в составе киевского источника Новгородской Первой летописи младшего извода. Следовательно, этот киевский источник, как мы и полагаем, нельзя датировать временем до 1099 г. (взятие Иерусалима) и даже до 1113 г. (восстание в Киеве). Относим его ко времени после 1113 г., т. е., очевидно, к тому же 1115 г., о котором уже говорилось выше. Д. С. Лихачев («Повесть временных лет», т. II. М.—Л., 1960, стр. 330) вслед за Я. С. Лурье совершенно справедливо отметил, что если сведения о посольстве евреев вставлены в ранее существовавший текст рассказа об остальных трех посольствах, то понятно, почему в рассказе о посольстве русских упомянуто только их хождение к немцам, грекам и магометанам, а не к евреям. В этом рассказе о русском посольстве евреи не упомянуты в соответствии с тем, что в более древней летописи не упоминалось и о их посольстве к русским (см. стр. 39—40).

Таким образом, в обстановке борьбы с латинской ересью тексты Повести временных лет, ее рассказ о выборе вер Владимиром приобретали актуальное звучание.

Особенно отвечало обстановке второго десятилетия XII в. авторское предисловие к Повести временных лет, видимо, созвучное настроениям киевлян, восставших в 1113 г. против княжеских дружинников Святополка, тех самых, которые, согласно предисловию, творили неправые виры и продажи. Против этих «молодых» дружинников были направлены и слова статьи 1093 г. об «уных» (юных) советниках престарелого Всеволода. «Младые советники» князя осуждаются и во вставке из паримийника, сделанной, по А. А. Шахматову, не раньше 1115 г. Наконец, в послании Никифора Мономаху, также появившемся около 1115 г., делается серьезное предостережение князю против его «слуг и воевод», которые мешают ему разбираться в происходящем. С другой стороны, читая Поучение Мономаха, мы воспринимаем его как своеобразный отклик и на упреки Никифора и на слова Повести временных лет об «уных» «молодых» дружинниках. Это слова Поучения о том, что его автор все делал сам, не передоверяя своих дел отрокам и биричам. Приводим все указанные тексты.

Предис- ловие	Повесть временных лет. 1093 г.	Повесть временных лет. 1015 г.	Послание Никифора к Мономаху	Поучение Мономаха
«...теи бо князи не збираху многа имения, ни творимых вир и продаж въскладаху на люди; но оже будяше правая вира, а ту воз- ма...» ⁸⁰	«В сих печали всташа и недужи ему... И нача любити смысл уных, свет творя с ним; си же начаша заводити и негодовати дружины свои первые и людем не доходити княже правды, начаша ти унии грабити, людей продавати, сему не ведущу в болезнях своих» ⁹¹	«Люте бо граду тому в нем же князь ун, любяи вина пити с гусльми и с младыми светники. Сяковы бо бог дает за грехы, и старые и мудрые отымят яко же Исаия глаголет: «Отгьмет господь от Иерусалима... и дивна светника и мудры хитрецы» ⁹²	Князь «не мога сам все творити очима своими от служащих оружием твоим и приносящим ти воспоминания от тех некаки приходит ти пакость душевная, и отверсту сушу слуху, тем единым стрела входити» ⁹³	«Еже было творити отроку моему то сам есм творил, на зноу и на зиме не дая себе упокою. На посадники не зря, ни на биричи, сам творил, что было надобе, весь наряд» ⁹⁴

Актуальность предисловия после восстаний 1113 г. и могла бы объяснить причину его удаления из промономаховского редакторского текста Повести временных лет и делает особенно соблазнительной его датировку именно 1115 г. Эта попытка и была предпринята мной, однако ее нельзя признать удачной⁹⁵. Обратимся теперь вновь к тексту предисловия и шахматовским аргументам в пользу его датировки 1090-ми годами.

Помимо идейной близости к событиям и произведениям второго десятилетия XII в. предисловие содержит и еще одно указание на его одновре-

⁸⁰ НПЛ, стр. 104.

⁹¹ Лавр. л., стб. 217.

⁹² Лавр. л., стб. 139—140. Слова, выделенные курсивом, присоединены к библейским цитатам автором Повести временных лет.

⁹³ «Русские достопамятности», ч. I. М., 1815, стр. 71—72.

⁹⁴ Лавр. л., стб. 251; ср. с стб. 246.

⁹⁵ М. Х. Алешковский. Предисловие к Новгородской Первой летописи младшего извода и его дате.— «Тезисы докладов на совещании молодых специалистов». Институт русской литературы. Л., 1967.

менность с этими событиями и произведениями. В нем упоминаются киевские златоверхие церкви. Между тем известна лишь одна такая церковь Михаила, построенная Святополком в 1108 г.⁹⁶ Основываясь на этом, я и считал, что до 1108 г. предисловие не могло быть написано. Однако слова о киевских златоверхих церквях могут быть чисто поэтическим образом, поэтому ссылаться на них как на датировочный признак нельзя. К тому же автор предисловия говорит, что в его время «и скоты наши и села наша и имения за теми суть», то есть за «погаными». Сказать так о засилении и завоеваниях половцев было невозможно в 1115 г. после серии победоносных походов русских князей. Так можно было сказать только в 1090-х годах. На это и ссылался А. А. Шахматов, убедительно сравнивая предисловие со статьей 1093 г., написанной тем же автором. Вопрос заключается только в том, написана ли статья 1093 г. как погодная в том же году или же она написана по воспоминаниям уже в XII в. Погодность этой статьи была для А. А. Шахматова столь бесспорна, что он не привел этому ни одного доказательства.

Оно в XIX в. уже было приведено А. Разсудовым⁹⁷, который обратил внимание на следующие слова статьи 1093 г.: «Ноне же вся полна суть слез... Ноне же плачь по всем улицам упространися избьеных ради, иже избиша безаконнии»⁹⁸. Сказать «ноне», описывая события 1093 г., мог только их современник. Таким образом, основной массив этой статьи создан в 1093 г. Однако в ней имеется одна фраза, которая может быть принята за доказательство написания ее в более позднее время. Описывая смерть Всеволода, летописец замечает: «...недели сущи тогда страстней и дни сущю четвертку». Но и автор записи на Остромировом евангелии, говоря о своей работе, тоже употребляет подобное «тогда», как бы обращаясь к своим будущим читателям.

Все это и позволяет отнести предисловие и статью 1093 г. к одному и тому же автору, работавшему в 1090-х годах, а не во втором десятилетии XII в.

Предисловие не могло быть написано и в Новгороде в начале XIII в., как это считали многие ученые в XIX в. и как это теперь представляется А. Г. Кузьмину⁹⁹. Эта датировка основана на том, что предисловие сохранилось только в новгородском летописании и в его конце имеется обещание летописца довести рассказ до времени византийских императоров — соправителей Алексея и Исакия (начало XIII в.). Оба эти основания неубедительны и вот почему.

В новгородском летописании сохранились не только предисловие, но и та киевская летопись, к которой это предисловие написано. И эта летопись и предисловие, как указал А. А. Шахматов¹⁰⁰, одинаково используют Хронограф, чего не было, если бы предисловие было написано позже летописи, не говоря уже о том, что в предисловии не обнаруживалось бы чисто текстуального, а не только идейного сходства со словами статьи 1093 г. о вирах и продажах.

Слова же предисловия об императорах начала XIII в. являются вставкой в его текст, сделанной автором новгородского свода конца 1220-х годов, вставившего и повесть о взятии Царьграда фрягами, в которой упоминаются эти императоры¹⁰¹. На вставной характер слов об императорах до сих пор не обращалось внимания, хотя это легко доказуемо. Дело в том, что вставка слов об императорах привела к сокращению предшествующей

⁹⁶ Лавр. л., г. 6616, стб. 283.

⁹⁷ А. Разсудов. Несколько слов по вопросу о первых русских летописях. — «Московские университетские известия». М., 1868, № 6—9.

⁹⁸ Лавр. л., г. 6601, стб. 224.

⁹⁹ А. Г. Кузьмин. К вопросу о происхождении варяжской легенды.

¹⁰⁰ А. А. Шахматов. Повесть..., стр. 147.

¹⁰¹ М. Х. Алешковский. Новгородский летописный свод конца 1220-х гг. — «Летописи и хроники». Памяти А. Н. Насонова (готовится к печати).

заключительной фразы древнего предисловия. Эта фраза сохранилась в позднем Тверском сборнике. Сейчас от нее в тексте предисловия к Новгородской Первой летописи младшего извода сохранилось только начало:

Новгородская Первая
летопись

«...и тамо вечной жизни причащеници будем. *Си же таковая.* Мы же от начала Рускы земли до сего лета и все по ряду известно да скажем, от Михаила цесаря до Александра и Исакья»¹⁰²

Тверская летопись

«...и тамо вечной жизни причащеници будем и всеми светло пострадавшими и венчавшимися, их же хошем подвиги и борения вспомянути творящих правду в всяко время. Злых же властолюбец и братонавидец права отбегнем, их же огонь ождаа в веки не дремлет. *Сиа же и таковая все оставльшие к преждеупомянутой повести совератимся.* От начала Русския земли до княжения великого княая Ивана Васильевича...»¹⁰³

Как видим, верхний предел своего повествования летописцы начала XIII и XV вв. определяли по-разному и не так, как он определялся автором предисловия, естественно доводившего повествование до своего времени. До какого же времени он его довел?

Ответ на этот вопрос возможен только после рассмотрения всех данных об истории создания Повести временных лет. Дело в том, что ее автор, рассказывая о том, как печерский игумен Иоанн поручил ему в 1091 г. откопать мощи Феодосия, замечает, что уже в то время он, автор, вел «се летописание»¹⁰⁴. Следовательно, автор Повести временных лет вел летопись уже в 1091 г. Это подтверждается еще и тем, что именно с 1091 г. в Повести временных лет начинается сплошной поток дат с точностью до дня недели и даже часа. До 1091 г. такого потока дат нет. Большинство их после 1091 г. связано с известиями о Печерском монастыре и принадлежит погодной летописи, ведущейся по крайней мере с 1090 г. Вопрос состоит лишь в том, является ли эта летопись погодным продолжением уже созданной Повести временных лет, открывавшейся знаменитым предисловием, или же, наоборот, не послужила ли эта погодная летопись основой при создании Повести временных лет в 1115 г. Этот вопрос и решается анализом предисловия.

Мы уже знаем, что текст авторской Повести временных лет основан на Хронографе. Хронограф использован и автором предисловия. Следовательно, и предисловие и авторский текст Повести временных лет созданы вместе и незадолго до 1091 г., с которого начинается печерское погодное летописание. Однако погодная летопись была не единственным дополнением к тексту Повести временных лет, сделанным ее автором на протяжении 1091—1115 гг. Одним из его дополнений был подробный рассказ о Печерском монастыре и его игумене Феодосии, помещенный под 1051, 1074 и 1091 гг. Это дополнение могло быть сделано только после общерусской канонизации Феодосия в 1108 г. Рассказывая о своем приходе в Печерский монастырь в конце жизни Феодосия и уже после закладки Успенского собора (не раньше 1073 г.), автор сообщает, что прожил с тех пор 40 лет в этом монастыре: «... и приять мя лет 40 суццо ми в монастыри»¹⁰⁵. Если прибавить к 1073 г. эти 40 лет, то получим 1113 г., как время, раньше которого не могло быть сделано интересующее нас дополнение о монастыре и Феодосии к тексту Повести временных лет. Так как киевский источник текста свода Всеволода обрывался на статье 1115 г.,

¹⁰² НПЛ, стр. 104.

¹⁰³ ПСРЛ, т. 15, стб. 528.

¹⁰⁴ ПСРЛ, т. 8. «Воскресенская летопись». СПб., 1856 г., 6599, стр. 5 («Аз же грешный, иже и летописание се в то время писах, взем мотыку начал прилежно копати»).

¹⁰⁵ ПСРЛ, т. 9. «Никоновская летопись». СПб., 1862 г., 6559, стр. 85.

а авторские описания знамений также доходят до статьи 1115 г. и на этой же статье обрываются и редакторские вставки и переработки текста, следовательно, именно до статьи 1115 г. и было доведено погодное продолжение текста Повести временных лет и дополнения к этому тексту были сделаны в 1115 г. Этот дополненный текст и попал затем в Новгород и лег в основу свода Всеволода. Его же использовал Сильвестр в 1116 г. и Василий в 1119 г. Отметим тут же, что Сильвестр не мог быть ни автором Повести временных лет (около 1090 г.), ни автором дополнений к ней (1091—1115 гг.); так как во время своей работы над летописью он был не печерянином, а игуменом Выдубицкого монастыря, тогда как автор, рассказывая о Феодосии под 1051 г., говорит о себе как о печерянине, работающем в момент рассказа в Печерском монастыре («...лет 40 сущю ми в монастыри»). Поэтому интересная мысль А. Г. Кузьмина¹⁰⁶, что Сильвестр до своего выдубицкого игуменства был печерянином и поэтому является автором Повести временных лет, должна отпасть. А. Г. Кузьмин доказывает свою мысль тем, что в записи Сильвестра под 1110 г. употреблен счет индиктами, а такой счет встречается и в текстах автора Повести временных лет. Однако этот счет имеется и в редакторской вставке под 1096 г., в самом конце статьи. Далее, такой счет имеется и в статье 1115 г., где Сильвестр упомянут в третьем лице, чего не было бы, если бы статью написал Сильвестр. Потом такой же счет имеется и в статье 1074 г. о Феодосии, хоть и вставленной в летопись в 1115 г., но написанной на основе каких-то сохранившихся материалов о дате смерти Феодосия. В этих-то материалах и было упоминание индикта, который не надо было вычислять в 1115 г. К тому же счет индиктами не характерен для текста Повести временных лет и встречается в очень небольшом количестве ее статей (статьи 1074, 1091, 1096, 1107, 1112, 1115 гг.), а среди этих статей имеются и вставки редактора Василия с тем же счетом индиктами (один договор с греками и рассказ о борьбе с Олегом в конце статьи 1096 г.). Исследователи не обращают внимания на то, что в записи под 1110 г. в Лаврентьевской летописи Сильвестр говорит о своей работе в 1116 г. сначала в третьем лице («игумен Сильвестр»), а затем в первом лице («мне в то время игуменящу»). Этого не могло бы быть, если бы запись была сделана в 1116 г. в Выдубице, а не после 1118 г. в Переяславле. Упоминание Сильвестра в третьем лице есть и в статье 1115 г. (со счетом индиктами), чего не было, если бы эта статья была написана Сильвестром. Поскольку же статья 1115 г. написана не Сильвестром, а на этой статье обрывается авторская Повесть временных лет, Сильвестр не мог быть ее автором.

Итак, автор Повести временных лет в 1115 г. вставил в ее текст рассказы о Феодосии. Интересно, что эта вставка в одном случае привела к таким же результатам, как и вставки более позднего редактора 1119 г. Так, в статье 1091 г. появилось характерное для статей с редакторскими вставками хронологическое противоречие: геперь в ней сначала говорится об августовском перенесении мощей Феодосия, а затем о предшествующем майском знамении. Это сходство столь велико, что возникает вопрос, а не сделаны ли многочисленные вставки в этих и более ранних статьях не редактором 1119 г. Василием, а под давлением обстоятельств и в связи с появлением новых материалов самим автором Повести временных лет в 1115 г.? Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным, так как если бы это были авторские вставки 1115 г., то они неизбежно отразились бы в тексте дошедшего до нас свода Всеволода, основанного на киевской летописи 1115 г. Эти вставки отсутствуют в своде Всеволода и принадлежат редактору 1119 г.

В последнее время в печати высказано детально аргументированное

¹⁰⁶ А. Г. Кузьмин. Индикты Начальной летописи. — «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 305—314.

сомнение в самом существовании так называемой третьей редакции Повести временных лет¹⁰⁷. Отведя целый ряд аргументов А. А. Шахматова, Л. Мюллер, однако, не отвел и даже не упомянул одного, самого важного, на наш взгляд, аргумента великого ученого. Говоря под 1096 г. о том, что он слышал рассказ Гюряты «преже сих 4 лет», редактор тем самым, по мнению А. А. Шахматова, имеет в виду четырехлетний срок, отделяющий время услышания им рассказа Гюряты от времени внесения этого рассказа в летопись. Под 1114 г. тот же летописец (в принадлежности сообщений под 1096 и 1114 гг. одному летописцу не сомневается и Л. Мюллер) рассказывает о своем пребывании в Новгороде и Ладоге. Л. Мюллер справедливо отмечает, что летописец при этом прямо не говорит, что был в Ладоге именно в 1114 г. Следовательно, по мысли Л. Мюллера, и нельзя отсчитывать от 1114 г. те самые четыре года, которые отделяют рассказ Гюряты и пребывание летописца на севере от его работы над летописью. Однако Л. Мюллер не обратил внимания на указание А. А. Шахматова, что именно при отсчете от 1114 г. этих четырех лет мы сталкиваемся со статьей 1117 г., как заключительной редакторской статьей, к которой сделаны приписки о событиях 1118 г. Этих приписок не могло бы быть, если бы статья 1117 г. не завершала труд редактора. Выше мы показали, что среди этих приписок есть и сообщение о событии 1119 г., датирующее работу редактора этим годом, а при отсчете от него четырех лет мы получаем действительную дату пребывания редактора на севере — 1116 г., под которым в местной новгородской летописи и записано о тех же событиях, которые редактор описал в своем тексте Повести временных лет под 1114 г. Наличие редакторских приписок к статье 1117 г. и убеждает нас, даже помимо наличия в тексте редакторской Повести временных лет многочисленных и взаимосвязанных вставок, в реальном существовании третьей редакции, открытой А. А. Шахматовым. В этом убеждает нас и то, что в новгородском летописании сохранился авторский текст Повести временных лет 1115 г., по предположению А. А. Шахматова навеки потерянный для науки.

Итак, история создания Повести временных лет рисуется нам несколько по-новому. Однако, чтобы сохранить в ней прочно утвердившуюся терминологию А. А. Шахматова, можно было бы называть авторский текст Повести временных лет Начальным сводом, созданным не позже 1091 г. Текст авторской переработки 1115 г. был собственно первой редакцией Повести временных лет. Тот реально сохранившийся текст первой редакции, который дошел до нас в новгородском летописании, следовало бы называть сводом Всеволода (вернее всего он был создан не по инициативе малолетнего Всеволода, а его отца Мстислава). Мстислав интересовался летописанием и в период редакционной переработки 1119 г., кстати сказать, сделанной тем самым киевлянином, который был в Новгороде как раз в то время, когда там создавался свод Всеволода (именно с 1117 г. в своде Всеволода начинаются погодные записи с точными датами). Не было ли связано это путешествие будущего редактора с доставлением в Новгород текста первой редакции Повести временных лет?

Далее, работу Сильвестра 1116 г. можно было бы по-прежнему называть второй редакцией, имея в виду, что Сильвестр только переписал летопись 1115 г., не внося в ее текст никаких изменений. Редакция 1119 г. могла бы, как и ранее, именоваться третьей, а тот текст переяславского епископа Сильвестра, который сохранился в Лаврентьевской летописи, мог бы именоваться переяславской копией третьей редакции. В Ипатьевской летописи текст третьей редакции сохранился в более полном виде, чем в Лаврентьевской летописи.

¹⁰⁷ L. Müller. Die «dritte Redaktion» der sogenannten Nestorchronik.

В заключение кратко остановимся на начальном звене предлагаемой схемы возникновения Повести временных лет. Речь пойдет о той древней летописи, которая послужила главным источником для автора Повести временных лет. А. А. Шахматов в свое время вслед за С. М. Соловьевым и Н. П. Ламбиным обратил внимание на многочисленные следы какой-то летописи, еще не разбитой на погодные статьи, в тексте Повести временных лет. Такой летописью, по мнению ученого, был киевский свод 1039 г. Однако в Повести временных лет следы летописи, не разбитой на годы, идут дальше 1039 г. Так, под 6529 (1021) г. о Брячиславе в этой летописи говорилось, что он воевал с Ярославом «вся дни живота своего»¹⁰⁸. Брячислав умер в 1044 г., следовательно, летописец, знавший о смерти Брячислава, работал уже после года его смерти. Однако, сообщая о смерти Брячислава, летописец тут же рассказывает о вокняжении его сына Всеслава в Полоцке, причем говорит о Всеславе, как о живом князе в настоящем времени, что он «кровопролитен есть». А. А. Шахматов правильно указал, что так можно было сказать о Всеславе только до момента его смерти (1101 г.). Можно ли сузить эту датировку? Всеслав был «кровопролитен», вел войны не на протяжении всей жизни. Они приходится на двенадцатилетний отрезок времени — 1065—1077 гг. После этого он «замирился», стал называть своих сыновей христианскими и языческими именами Бориса и Глеба, подчеркивая тем самым свою миролюбивость. Поэтому полагаю, что «кровопролитным» Всеслава можно было назвать только в 1070-х годах, к которым и следует относить составление древней летописи, не разбитой на годы. В ней еще господствовала относительная хронология и отсутствовали абсолютные даты, появившиеся в ее тексте только при его разбивке на погодные статьи, предпринятой автором Повести временных лет. Эта летопись не могла быть создана в то время в Печерском монастыре, поскольку она направлена против полоцких князей и, в частности, против «кровопролитного» Всеслава, пользовавшегося симпатией Антония, который был выслан Святославом из-за этой связи в Чернигов. Врагом Всеслава был Изяслав, в окружении которого и могла быть создана эта летопись. Изяслав был одновременно и киевским и новгородским князем, часто бывал в Новгороде и был с ним тесно связан. Не этим ли объясняется, что в тексте летописи киевские и новгородские сведения тесно взаимосвязаны и неотделимы друг от друга? Светское происхождение летописи подтверждается и тем, что точные, с указанием дня происхождения, даты, появляющиеся, как это впервые отметил А. А. Шахматов, с 1060 г., связаны, как правило, не с церковными или монастырскими событиями, а со светскими, мирскими фактами. За весь период 1060—1080 гг. в Повести временных лет есть только две даты из церковной жизни. Одна дата (смерть Феодосия) появилась в авторской вставке 1115 г., другая — уже под пером печерского автора — не раньше 1079 г., поскольку под 1075 г., где она читается, сначала сказано о закладке монастырской церкви, затем о ее постройке «на третье лето», т. е. в 1077 г., и, наконец, о ее украшении фресками «на третье лето»¹⁰⁹, т. е. в 1079 г. Летопись, не разбитая на годы, была составлена главным образом на основе устных источников, для которых вообще характерна относительная хронология, господствующая в этой летописи.

Такова краткая предыстория и длительная история создания Повести временных лет, авторской, а затем и редакторской переработок этой древнейшей дошедшей до нас летописи.

¹⁰⁸ СПЛ, г. 6529, стр. 123.

¹⁰⁹ Лавр. л., г. 6583, стб. 198; В. Н. Татищев. История Российская, т. 2, стр. 90.

А. А. Зимин

«СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ» И «ЗАДОНЩИНА»

Одним из замечательнейших литературных произведений, посвященных Куликовской битве, является Сказание о Мамаевом побоище. О его распространенности среди памятников древнерусской письменности свидетельствует тот факт, что нам известно более 150 его списков XVI—XVIII вв. Богатая рукописная традиция и сложная литературная история Сказания (время создания, источники и др.) изучены еще недостаточно¹.

В настоящей статье автор стремится показать взаимосвязь Сказания о Мамаевом побоище с другим произведением Куликовского цикла — Задонщиной².

Наиболее обстоятельную работу, посвященную Сказанию о Мамаевом побоище и Задонщине, в дореволюционной литературе написал С. К. Шамбинаго³. Заслугой автора являлось прежде всего выявление редакций Сказания путем широкого изучения рукописной традиции. Им было установлено наличие первой (Летописной), третьей (Основной) и четвертой (Распространенной) редакций. Существенно было также наблюдение С. К. Шамбинаго о влиянии Задонщины и на первичный текст Сказания и на отдельные списки этого памятника.

Серьезные коррективы к схеме взаимоотношений редакций Сказания о Мамаевом побоище, составленной С. К. Шамбинаго, предложил А. А. Шахматов. Им прежде всего доказано позднее происхождение Киприановской редакции Сказания. Он также высказал предположение о том, что уже в конце XIV в. возникло не дошедшее до нас Слово о Мамаевом побоище, которое повлияло и на Летописную повесть, и на Сказание, и на Поведание (Задонщину). Сложение же самого Сказания о Мамаевом побоище А. А. Шахматов относил к началу XVI в. Он писал: «Я не сомневаюсь, что Сказание составлено в XVI веке, лет через 100 с небольшим после Куликовской битвы»⁴.

Большой интерес представляет выявленный М. Н. Тихомировым За-

¹ В. С. Мингалев. Летописная повесть — источник «Сказания о Мамаевом побоище». — «Труды Моск. гос. историко-архивного ин-та», т. 24. М., 1966, стр. 55—72.

² Сохранились в основном пять списков Задонщины: Кирилло-Белозерский (далее — К-Б) XV в., дающий Краткую версию памятника, Музейные I и II (И I и И II) XVI в., Ундольского (У) и Синодальный (С) XVII в. Последние четыре списка дают Пространную версию Задонщины. Все списки изданы («Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла». М.—Л., 1966 (далее — «Слово и памятники»), стр. 535—556).

³ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906.

⁴ А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1910, стр. 177; ср. стр. 204.

белинский список Сказания о Мамаевом побоище, доказывающий древность происхождения сведений этой повести о Куликовской битве⁵.

Существенное значение для понимания Сказания о Мамаевом побоище имеют исследования Л. А. Дмитриева, который придерживается мнения о более древнем происхождении Основной (третьей по С. К. Шамбинаго) редакции этого памятника. Л. А. Дмитриев датирует ее 10-ми годами XV в.⁶

В результате исследований С. К. Шамбинаго, А. А. Шахматова, М. Н. Тихомирова и Л. А. Дмитриева было установлено наличие важнейших редакций Сказания о Мамаевом побоище, выявлено значительное число списков, опубликованы лучшие тексты, дающие представление о редакциях памятника, высказаны соображения об их соотношениях. Однако недостаточная изученность истории текста Сказания, отсутствие тщательного обследования всех списков затрудняют работу исследователя. К сожалению, не сохранился в полном виде текст первоначальной редакции Сказания. Тем не менее с оговорками на предварительность выводов необходимо попытаться представить себе соотношение Сказания и Задонщины.

В. П. Адрианова-Перетц поставила вопрос: «Все ли совпадения Задонщины и Сказания должны рассматриваться как перенесение эпизодов Задонщины в Сказание? Не повлияло ли оно само на какие-то версии Задонщины? Разобраться в этих вопросах можно будет лишь после того, как будет пересмотрена литературная история текстов Сказания»⁷.

Недавно на этот вопрос пытались дать ответ Л. А. Дмитриев⁸ и Н. С. Демкова⁹. Обнаружив следы близости между Сказанием и отдельными списками Задонщины, Л. А. Дмитриев делал два вывода: а) Задонщина является источником Сказания; б) в первоначальной Задонщине были все те черты, которые можно обнаружить в общих местах Сказания и дошедших до нас списков Задонщины. Оба эти вывода автором не столько доказываются, сколько иллюстрируются многочисленными примерами. В самом деле, из факта близости Сказания и списков Задонщины можно сделать различные выводы, в частности, и тот, что Сказание само было источником Задонщины. Однако этот вариант Л. А. Дмитриев даже не рассматривает, что лишает его первый вывод убедительности. Не более убедителен и второй вывод, ибо он только прокламируется и базируется не на генеалогии текстов Задонщины (что совершенно необходимо), а на факте отражения разных чтений Задонщины в Сказании.

Положение Н. С. Демковой еще более сложно, ибо история текстов Распространенной редакции Сказания не изучена вовсе. Не прибавляет многого к этому и сама Н. С. Демкова. Она выявила ряд списков Сказания, в которых есть следы влияния Задонщины. Но вместо того чтобы установить генеалогическое соотношение текстов Распространенной редакции Сказания, автор ограничивается констатацией близости отдельных мест, выявленных ею списков Сказания к разным спискам Задонщины с самыми общими замечаниями о том, что они могли восходить к первоначальной редакции этого памятника или к ее поздним вариантам.

⁵ «Повести о Куликовской битве». Изд. подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959 (далее — «Повести...»).

⁶ Л. А. Дмитриев. О датировке «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, стр. 185—199; он же. К литературной истории «Сказания о Мамаевом побоище». — В кн.: «Повести...», стр. 406—448.

⁷ В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. (Опыт реконструкции авторского текста). — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 204.

⁸ Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» как показатели из истории текста этих произведений. — «Слово и памятники», стр. 385—439 (далее — Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины»...)

⁹ Н. С. Демкова. Заимствования из «Задонщины» в текстах Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». — «Слово и памятники», стр. 440—476 (далее — Н. С. Демкова. Заимствования из «Задонщины»...)

Все это делает необходимым пересмотреть завоо проблему соотношения Сказания и Задонщины по дошедшим до нас спискам.

Несколько списков Сказания сохранили несомненные следы влияния Пространной редакции Задонщины.

Так, Румянцевский список самого конца XVII в. (ГБЛ, собр. Румянцева, № 378) и сходный с ним Уваровский I XVII в. (ГИМ, собр. Уварова, № 544/1831) принадлежат к Основной редакции Сказания. В них помещены плачи вдов погибших воевод¹⁰. Эти плачи даны сходно со списками Пространной редакции Задонщины, но с рядом поздних напластований. Некоторые чтения Румянцевского и Уваровского I списков близки к И II и С, т. е. протографу Пространной Задонщины¹¹. Близок к этим спискам более поздний вариант плачей, помещенный в списках Сказания конца XVII в. после перечня убитых: Уваровском II (ГИМ, собр. Уварова, № 492/1435, л. 69—69 об.), Погодинском (ГПБ, собр. Погодина, № 1555) и Музейном (ГБЛ, Музейное собр., № 3123)¹².

Особая редакция фрагментов о «черной земле», разгроме татар и плачей помещена в списке Сказания Распространенной редакции (ГБЛ, собр. Тихонравова, № 238, лл. 77—77 об.; 85 об.—86 об.)¹³. После отрывка «Черная земля... и озера потемнишася» здесь помещен текст Сказания: «и бежаша татаровя... шпел еси»¹⁴. После этого идет переходная фраза: «И возвратишася вспять, покрывша руками главы своя, горазда имь тоску подаваша и тугу». Затем в Тихонравовском списке № 238 читается фрагмент: «Тут бо они разню разлучишася... Уныша главы их» с отрывком о катунях, имеющимся только в Задонщине III. В середину этого отрывка после фразы о грозе вставлен мотив Задонщины («Руския же сынове широкия поля клином оградиша и злаченыя доспехи осветиша. Тогда князи руския и воеводы крепкие полки поганове прогнаша»). После большого заимствования из фрагмента Задонщины в Тихонравовском списке № 238 возобновляется основной текст Распространенной редакции Сказания («Многи об уязвени наших сыновъ» и т. п.).

Второе большое заимствование из Задонщины — плачи вдов — помещено перед рассказом Сказания о посылке Дмитрием Донским гонца к великому князю¹⁵. В нем есть несколько черт, сближающих его с Музейным № 3123 и Уваровским II списками Сказания. Это, во-первых, преамбула о том, что печальная весть о погибших воеводах прибыла в Москву «па память преподобныя матери нашия Феодоры Александрския и к преосвященному митрополиту Киприяну и к великой княгине Евдокии и к воевоцким женам. Сказаша им, которыя побиты». Второй элемент сходства — это фраза «прорыла еси горы и камене, течеши сквозь Половецкую землю» (Музейный список № 3123: «протекла еси сквозе каменныя горы, а течеш в землю Половецкую», ср. с Погодинским № 1555). Предлога «сквозь» в списках Задонщины нет. Остальной текст плачей Тихонравовского № 238 близок к Пространной Задонщине (нач.: «и воспеша аки птицы жалостными песнями, гласы восплакалися княгини и боярини

¹⁰ «Повести...», стр. 462—463; С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище, стр. 113—116.

¹¹ ГБЛ, собр. Румянцева, № 378: «жена Микулы Васильевича Марья», ср.: «Микулина жена Марья» (С); «да Дмитриева жена Воложского Марья» (собр. Румянцева, № 378), «да Марья Дмитриева жена Волыньского» (III); «рать прибила» (собр. Румянцева, № 378) близко к «раты прибила» (С); «за святые церкви и за землю Рускую, и за веру крестьянскую, и за твою великую обиду» (собр. Румянцева, № 378) близко к С: «от святых божья церкви за православную веру христианскую и за господаря великаго князя».

¹² Опубл. в кн. С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище, стр. 266. По этим спискам: плачут Феодосья Микулина жена Васильевича и Мария Дмитриева жена Валуевича.

¹³ Н. С. Демкова. Заимствования из «Задонщины»..., стр. 468—471.

¹⁴ «Повести...», стр. 150.

¹⁵ Там же, стр. 155.

убиенных всех»). Как и в списке С, здесь жена Микулы Васильевича верно названа Марьей. Судя по этому, плачи списка Тихонравова № 238 восходят к одному из списков Пространной Задонщины, близкому к ее архетипу. В пользу этого говорит и отрывок «се уже веселие мое и слава пониче в славне граде Москве»¹⁶. Очевидно, плачи списка Тихонравова № 238 основаны на тексте Пространной Задонщины, имевшем больше элементов Краткой, чем сохранившиеся. В составе плачей списка Тихонравова № 238 нет фразы о диве. Плач коломенских жен дан в сокращении: «восплакались коломенския жены, княгини и боярыни, а рекоша тако: „Уже бо мужей наших рать устыделася“. И по всех многия жены плакашеся горко».

Небольшой фрагмент Задонщины помещен в списке Сказания Распространенной редакции (ГБЛ, Музейный № 2527, л. 185—185 об.)¹⁷. Здесь рассказ о приезде Ольгердовичей к Дмитрию Донскому начинается словами: «Дети есмя Олгердовичи, а внуки Гедемонтовы. Зберем, брате, милую дружину, храбрую Литву, удалых удалцов, а сами сядем на добрыя кони да смотрим быстрога Дону, испием шоломы воды, поедем на помощь к великому князю Дмитрию Ивановичю Московскому»¹⁸. Текст близок к списку С Задонщины («испием шоломы воды», «милую дружину», в II — «братью милую», в У — «брате милые»). Слово «дети» сближает Музейный список № 2527 с К-Б (в II — пропуск; У, С «сынове»). Но это совпадение может носить случайный характер, ибо в остальном Музейный список № 2527 Сказания близок к Пространной Задонщине.

В списке Оболенского (ЦГАДА, ф. 181, № 70/93, XVII в.) Распространенной редакции Сказания помещены два отрывка: о «черной земле» на поле Куликове («черная земля... потоки и озера наполнишася») и о бегстве татар («И возвратишася вспят, покрыша руками главы своя... уныша гласы их») ¹⁹. Их текст также вторичен по сравнению с протографом Пространной редакции Задонщины. Он, несомненно, более близок к спискам У, II, III, чем к С (есть чтения: «Разлучишася», бежали «неуготованными дорогами в Лукоморье» и др.). Наибольшее сходство список Оболенского обнаруживает с III (есть слова «а катун... не просит»).

В Тихонравовском списке № 337 Распространенной редакции Сказания после слов: «начаша одолевати... поганыи» идет текст: «уже возлях хвала на хулу, и вержеся диво на землю»²⁰. В Задонщине по списку II наиболее близкий текст: «уже Руской земли... възнесеся слава руская на поганых хулу. Уже вержено диво на землю». Повержение на землю дива в Задонщине — естественный результат победы русских, по Тихонравовскому же списку получается, что «див повержен», т. е. начали одолевать татары.

В том же списке Сказания есть текст о лисицах, которые брешут на «злачены доспехи», а не на кости, как в остальных списках Задонщины²¹. Списки Тихонравова № 337 и сходный с ним Оболенского № 71 появились в результате влияния на Сказание Распространенной редакции особой версии Сказания — Основной группы Основной редакции (по классификации Л. А. Дмитриева), представленной списками ГИМ, собр. Уварова, № 802; ГПБ, F IV, № 231 и др. В этих списках уже читаются упомянутые два отрывка Задонщины²².

¹⁶ В К-Б «наша слава», а в II и сходных: «веселие мое».

¹⁷ На это первая обратила внимание Н. С. Демкова («Заимствования из „Задонщины“...», стр. 442, 449, 461, 463). Близок к этому тексту список ГПБ, XVII, № 70 (С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище, стр. 346—347).

¹⁸ Н. С. Демкова. Заимствования из «Задонщины»..., стр. 471.

¹⁹ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище, стр. 117—118.

²⁰ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. Приложение, стр. 116.

²¹ Там же, стр. 106.

²² «Лисицы брешут, глядячи на злаченныя доспехи» (ГИМ, собр. Уварова, № 802, л. 194 об.); «Уже бо восияет хула на хвалу. Уже бо вержеся диво на землю» (там

Списки Печатной группы Основной редакции: собр. Тимковского²³, ГПБ, F IV, № 228; ГПБ, Q XV, № 70; ГПБ, собр. Погодина, № 1626; ГПБ, собр. Помяловского, № 124; ГПБ, собр. Тиханова, № 205; БАН, № 16. 17. 22. Все они не ранее конца XVII в. В них использован текст Задонщины по варианту, близкому к протографу списков II, III, У и С, т. е. Пространной редакции.

В Сказании Печатной группы заимствования из Задонщины выступают выпукло. В распоряжении автора находился текст, имевший еще некоторые черты сходства с К-Б, но в основном близкий к протографу II, У и С.

Приведем общие места трех памятников.

Первый отрывок — сборы рати Дмитрия Донского:

Сказание Печатной группы	Задонщина по списку К-Б	Сказание Основ- ной группы ²⁴
Ужо бо, братие, не стук стучит и не гром гремит в славне граде Москве, стучит рать великаго князя...	Уже бо, брате, стук стучить и гром гремит в славне граде Москве. То ти, брате, не стук стучить, ни гром гремит, стучить силная рать великаго князя...	Ту же, братие, стук стучить и аки гром гремит в славне граде Москве, то идеть сильная рать великаго князя...

Этот пример показывает отличие текста Печатной группы от Основной²⁵. Непосредственно с К-Б связывает Сказание Печатной группы только имеющийся в обоих памятниках отрицательный параллелизм²⁶.

Второй отрывок отсутствует в К-Б Задонщины и Сказании Основной группы:

Сказание Печатной группы

Воеводы у нас ведми крепцы, а руские удалцы сведоми, имеют под собою борзы кони, а доспехи имеют велми тверды, злаченные колантыри и булатныя байданы и колчары фряйския, корды лятцкие, сулицы немецкие, щиты червенныя, копыя злаченныя, сабли булатныя, а дорога им велми сведома, берези им по Оде изготовлены, хотят головы свои сложити за веру христианскую.

II

«...Воеводы у нас установлены²⁷, дружина нам сведома, имеем под собою борзых конои, а на себе золоченныя доспехы, а шеломы черкасские, а щиты московские, а сулицы ординские²⁸, а чары франьския, мечи булатныя. И молвяше²⁹: «Поганый путь им знаем велми, а перевозки им изготовлены, но еще хотят силно главы своя положити за веру крестьянскую».

же, л. 205). Ср. в Ермолаевском: «лисицы брешут, глядячи на златыя доспехи» (ГПБ, F IV, № 231, л. 303) и «уже восияху на хвалу же, уже везется дивно на землю» (там же, л. 314). В Архивском: «Уже возия хула на хвалу и вержеся диво на землю» (ЦГАДА, ф. 181, № 71, л. 66). Н. С. Демкова установила, что аналогичная фраза есть в списке ГПБ, Эрмитажное собр., № 526: «вознесеся слава русская на поганых, уже бо ввержен скипетр на землю» (л. 36 об.; ср. ГБЛ, собр. Тихонравова, № 238, л. 86).

²³ Оpubл. И. Снигиревым: «Сказание о побоище великого князя Дмитрия Иоановича Донского» («Русский зритель», ч. V. М., 1829, стр. 3—67) и вторично: «Поведание и сказание о побоище великого князя Дмитрия Донского. Слово о жити и представлении его и слово о плъку Игореве» («Русский исторический сборник», т. III, кн. 1. М., 1838, стр. 1—80).

²⁴ «Повести...», стр. 51.

²⁵ В рукописных списках Печатной группы текст ближе к Основной группе. Так, ГПБ, F IV, № 228: «Уже бо стук стучит, аки гром гремит» (л. 5); ГПБ, Q XV, № 70: «Уже бо стук стучит и гром гремит» (стр. 30); ГПБ, собр. Тиханова, № 205: «Уже бо, братия, стук стучит и гром гремит» (л. 179). В списке ГПБ, Q XV, № 70 в конце этого отрывка есть дополнение: «русские удалцы стучат кола[н]тыри злачеными со щиты черленныя».

²⁶ По Л. А. Дмитриеву, отрицательное сравнение, связывающее Печатную группу Сказания с К-Б и С, могло в Сказании появиться независимо от Задонщины в результате фольклоризации текста (Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины»..., стр. 394). Но К-Б сходен с Печатной группой и в других случаях, поэтому принять предположение Л. А. Дмитриева нельзя.

²⁷ В С далее: «крепкия».

²⁸ В У, С: «немецкие».

²⁹ В С двух слов нет.

Здесь интересно чтение «колчары (ГПБ, F IV, № 228: «конъчаны»; собр. Тиханова, № 205: «комчары») фряйския» в отличие от «чары франьския» (II), «кинжалы фряския» (У), «кофьи фраския, кинжалы мисурскими» (С). В К-Б встречаются «калантари злачены», но в другом фрагменте. Выражение «русские удалцы» есть в II и других в сходном контексте («гремят удалцы руския золочеными доспехами»). Упоминание о «русских удалцах» и «калантырях» как в Печатной группе, так и в К-Б дает Л. А. Дмитриеву основание считать, что в Печатной группе отразились чтения как «первоначального текста „Задонщины“, так и особенности, характерные только для списка К-Б»³⁰. Но текстологического обоснования, как это отражение стало возможным, Л. А. Дмитриев не дает.

Выражение «дорога им... сведома» Сказания Печатной группы близко к С («дороги нам сведома») ³¹ и является более первоначальным, чем чтение в II.

Третий отрывок — выезд Владимира Серпуховского:

Сказание Печатной группы	II	К-Б
Хотят укупити чти и славнаго имени...	На Москве кони ржуют. Звенит слава руская по всей земли Руской. Трубы трубят на Коломне. В бубны бьют в Серпухове ³² .	Кони ржут на Москве. Бубны бьют на Коломне. Трубы трубят в Серпухове. Звенить слава по всей земли Русьской. Чюдно стязи стоять у Дону великого.
Дивно и грозно бо в то время слышати, а громко в варганы бьют, тихо с поволокою ратные трубы трубят, многогласно и часто коне ржут. Звенит слава по всей Руской земли. Велико вече бьют в Великом Новеграде. Стоят мужи новгородцы у святыя Софеи премудрости божия, а ркучи между собою такое слово: «Уже нам, братие, на помощь не посепети к великому князю Дмитрию. Уже бо яко орлы слетались со всей Руской земли, съехались дивныя удалцы, храбрых своих пытати».	Стоят стязи у Дону у великого на брези. Звонят колоколы вечныя в Великом Новегороде.	Пашутся хорягви берчати, светяться калантыри зачены. Звонят колоколы вечныя в Великом в Новегороде. Стоять мужи наугородци у святыя Софии, а ркучи такову жалобу: «Уже намь, брате, к великому князю Дмитрею Ивановичю на пособь не поспети». Тогда, аки орлы, слетоняся со всея полуощныя страны. То ти не орлы слетошеса, съехались все князи рускыя...
Не стук стучат, не гром гремит, по зоре стучат и гремят руские удалцы. Князь Володимер Андреевич возится реку...	Стоят люди ³³ новгородцы у святой Софеи, а ркучи: «Уже нам, братие, на пособие великому князю Дмитрию Ивановичю не поспеть».	
	И как слово изговаривая, уже бо яко орлы слетешася, и выехали посадники... То те съехались вси князи руския...	

В Сказании Основной группы вместо приведенного отрывка следующий текст: «хотят себе чти добыти и славнаго имени. Ужо бо, братие, стук стучить и гром гремит по ранней зоре, князь Владимир Андреевичь Москву-реку перевозится»³⁴. Основное отличие Сказания Печатной группы от Пространной редакции Задонщины — отсутствие рассказа об участии новгородцев в Куликовской битве. Текст этого варианта Сказания, следовательно, ближе к К-Б (ср.: «со всей» и «з дивными удалцы» в конце этого списка). Однако в этом случае не исключено, что текст Пространной Задонщины об участии новгородцев в общерусской борьбе просто

³⁰ Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины»..., стр. 396.

³¹ Р. П. Дмитриева. Взаимоотношение списков Задонщины и текст «Слова о полку Игореве» (далее — Р. П. Дмитриева. Взаимоотношение списков...), стр. 229—230.

³² В С: «Трубы трубят у Серпугове. Бубны бубнят по Коломне. Звенит слава по всей земле Руской».

³³ В У, С: «мужи».

³⁴ «Повести...», стр. 56.

че был помещен составителем Печатной группы (в соответствии со сведениями Сказания). Р. П. Дмитриева обнаружила глухие следы Пространной редакции в Сказании Печатной группы: «Уже бо, яко орли» в отличие от «Тогда, аки орли» (К-Б); «Храбрых своих пытати» соответствует «храбрых плечев испытати» из речи Дмитрия Донского Пространной Задонщины³⁵.

Четвертый отрывок — зловещие предзнаменования³⁶. В Сказании Печатной группы в отличие от Основной группы добавлена фраза «лисици на кости брешют» (стр. 40) в соответствии со списками ИИ, У, С Пространной редакции Задонщины в отличие от К-Б («лисици часто брешют»).

Пятый отрывок — описание боя:

Сказание Печатной группы	ИИ	К-Б
...крепко ступишася: треснуша копия харалужная, авенят доспехи злаченныя, стучат щиты черленныя, гремят мечи булатныя и блистаются сабли булатныя и много напрасно бьющеся... ...не турове возревеша мнози удалцы...	...ударишася копии хара-Грянуша копия харалужныя, ужничьными о доспехы та-ныя, мечи булатныя, топорскыя, възгремили мечи ри легкие, щиты москов-булатныя о шеломы хинов-скыя, шеломы немецкие... Не тури възгремили на Не тури възрыкають на поле-поле Куликове, побежени у Куликове... Дону великого...	

В Сказании Основной группы этой вставки нет³⁷. Сходство К-Б с Печатной группой установить трудно³⁸. Однако последняя имеет созвучие с Задонщиной, использованной в Псковской летописи под 1514 г. («треснули копия московская и гремят мечи булатныя о шеломы литовския») ³⁹. Не исключено, что в протографе Пространной Задонщины (с элементами Краткой) читалось «треснуша», а не «ударишася копии хараужничьными».

Шестой отрывок — притча о старых и молодых:

Сказание Печатной группы	ИИ	К-Б
Лепо бо есть в то время стару помолодиться, а молодому храборости испытати...	Добро бы, брате, в то время стару помолодиться, а удалым плечь попытати...	Того даже было нелепо стару помолодиться...

Сентенция о старых и молодых отсутствует в Сказании Основной группы⁴¹. В Печатной группе текст в первой половине фразы близок к К-Б (где только описка «нелепо»), тогда как во второй половине — к ИИ, У и С (в ИИ в первой половине фразы: «Добро бы»; в У: «Надобно», в С: «Добре»). Перед нами след близости Печатной группы к протографу Пространной редакции Задонщины с элементами Краткой.

Седьмой отрывок из Задонщины — о трофеях — помещен после рассказа о гибели Мамаю:

³⁵ Р. П. Дмитриева. Взаимотношение списков..., стр. 128. Слово «дивно» (или «градом диво» в других списках Печатной группы) Л. А. Дмитриев связывает с «учинит имам диво» в С и сходным в К-Б (Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины»..., стр. 405—406). Однако общего контекста здесь нет.

³⁶ «Повести...», стр. 61.

³⁷ Там же, стр. 69.

³⁸ О сходстве данного отрывка К-Б с Печатной группой писал Л. А. Дмитриев («Вставки из „Задонщины“...», стр. 414—415); ср. «гремят мечи» и «грянуша...мечи» (К-Б).

³⁹ «Псковские летописи», вып. 1. М.—Л., 1941, стр. 98.

⁴⁰ В С далее: «молоду чести добывати».

⁴¹ «Повести...», стр. 70.

...ту и убиен. Удальцы восплескаше в татарских узорочьях, везучи в землю уюсы, и насычи, бугай, коне и вельблюд, меду и вина и сахара. Предъвознесеся слава руская на поганых землею...

...руския сынове разграбиша татарская узорочья, доспехи и кони, волю и вельблуды, вино, сахарь, дорогое узорочье, камки, насыचेва... везут женам своим. Уже жены руския въсплескаша татарским златом. Уже Руской земли простресея веселье и възнесеся слава руская на поганых хулу...

В К-Б и Сказании Основной группы этого отрывка нет.

Восьмой отрывок — хвала победе — помещен непосредственно после седьмого в самом конце Сказания Печатной группы.

Сказание Печатной группы

II

...Ревут рози великаго князя по всем землям, поиде весть по всем градом ко Орначу, к Риму, к Кафе, к Железным вратом, ко Царюграду на похвалу: Русь поганыи одолеша на поле Куликове на речке на Непрядве. Воздадим хвалу Руской земли...

...Шибла слава к Железным вратом, к Риму и к Кафы по морю и к Торнаву и оттоле к Царюграду на похвалу: Русь великая одолеша Мамаю на поле Куликова⁴²

В Сказании Основной группы этого фрагмента нет. Совершенно иной он и в К-Б. Слова «ко Орначу» перекликаются с «Ворнавичем» (С) и «к Караначи... и к Которнов» (У). В К-Б помещен иной текст («Воды возниша, весть подаваша по... моремь»). Наиболее близок конец отрывка Сказания Печатной группы к С, где «Русь поганых одолеша»⁴³. Слова «по всем градом» этого варианта Сказания близки «по всем землям» (С) и «по землям рожнымь» (К-Б).

Итак, из восьми отрывков Задонщины, помещенных в Сказании Печатной группы и отсутствующих в Основной группе, два (2, 7) отсутствуют в К-Б, но есть в II и сходных; четыре (1, 4, 5, 8) есть в К-Б, но помещены и в Печатной группе по Задонщине Пространной редакции. Эта редакция имела еще некоторые черты Краткой (3, 6), которые отсутствуют в списках II, У, С, или чтения, имеющиеся как в К-Б, так и в С (в отличие от II и У)⁴⁴. Поэтому отдельные чтения Печатной группы Сказания можно использовать при восстановлении архетипа Пространной Задонщины⁴⁵.

Сложнее выяснить отношение Пространной редакции Задонщины с группой Ундольского Основной редакции Сказания о Мамаевом побоище. Эта группа представлена ранним лицевым списком Ундольского (XVI в.) и сходными с ним⁴⁶. В ней, возможно, сохранились отдельные чтения, лучше Основной группы передающие особенности данной редак-

⁴² В У далее: «на речке Напряде».

⁴³ Упоминание слова «вести» и предлога «по» в К-Б и Сказании Печатной группы недостаточно для установления между ними текстологической связи. Все остальные списки Задонщины этих особенностей не знают.

⁴⁴ По Л. А. Дмитриеву, автор Сказания Печатной группы пользовался протографом К-Б, более близким к авторскому тексту Задонщины, чем дошедшие до нас списки (Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины»..., стр. 432). Это был текст Пространной редакции Задонщины, сохранивший еще некоторые черты Краткой, которые позднее в дошедших до нас списках Пространной Задонщины отсутствуют.

⁴⁵ А. А. Зимин. Задонщина.— «Ученые записки науч.-исследов. ин-та при Совете Министров Чувашской АССР», вып. XXXVI, 1967, стр. 216—239.

⁴⁶ ГБЛ, собр. Ундольского, № 578. Опубл.: С. К. Шамбинаго. Сказание о Мамаевом побоище. СПб., 1907, стр. 13—55. «Повести...», стр. 450. С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище, стр. 260—261. В списках этой группы плачущие вдовы названы: Федосья Микулина и Марья Дмитриева жена, а их утешает Евдокия, в уста которой вложены причитания коломенских жен. Близкий текст плача см. в списке ГИМ, собр. Уварова, № 492 (собр. Царского, № 310) (С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище, стр. 266). К этой группе восходят списки: ГИМ, собр. Уварова № 378; Музейное собр., № 2596 (40039); ГБЛ, Музейное собр., № 3155. Все они конца XVII—XVIII вв.

ции Сказания. Вместе с тем в группе Ундольского есть и следы влияния на нее Задонщины. Так, уже предисловие Задонщины Пространной редакции (по спискам У, С, Ждановскому) близко к этой группе Сказания. Здесь есть вставка о том, что Дмитрий Донской «говорит у Микули у Васильевича на пиру», как бы перекликающаяся с началом Задонщины и Никоновской летописью⁴⁷. Позднейший характер этой вставки в списке Ундольского, № 578 явствует из ее несогласованности с последующим: говорит «з братом с своим... и воеводами, здумаша, яко и сторожу уготовати тверду в поли». Вставка сделана в полном соответствии с контекстом Никоновской летописи, хотя ее формулировка («говорит», а не «советовавшие») имеет и черты сходства со списком Задонщины («говорит князь великий»). В Никоновской летописи и Сказании группы Ундольского есть сходные уточнения: «на реци на Чюру на Михайлови»⁴⁸ (в отличие от «межу Чюровым и Михайловым» в У).

В группе Ундольского есть две фразы о кованой рати, близкие к Задонщине Пространной редакции: «Сказывают, вою с нами 400 кованой рати» и ниже «вою с нами семьдесят тысяч кованой рати удалыя Литвы». Они явно разрывают целостный текст и являются вставками. Только в группе Ундольского встречаем дополненный текст: «и побегоша в поле неуготованными дорогами в Лукоморие, скрегчюща зубы своими, дерущи лица своя» и «а река Мечь вся запрудилася трупом татарским»⁴⁹. В списке Ундольского, № 578 и сходных нет ряда эпизодов, близких к Задонщине (в том числе выезда Дмитрия — «стук стучит... в славнем граде Москвы», плача Мамаю и др.). Возможно, это является результатом сокращения первоначального текста. Некоторые тексты группы Ундольского, возможно, лучше сохранили чтения протографа Основной редакции Сказания, а некоторые появились под влиянием Пространной редакции Задонщины. Вопрос этот нуждается в исследовании.

В Летописной повести о Мамаевом побоище совпадений с Задонщиной нет⁵⁰. Наиболее полно черты сходства с Задонщиной обнаруживаются в Основной и Летописной редакциях Сказания. Общие места между этими памятниками, как правило, по стилю резко отличаются от церковно-поучительного и чисто воинского описания событий в Сказании, привнося в него черты эпического, народного повествования. Уже это наводит на мысль о том, что одним из источников Сказания была Задонщина, причем в Краткой редакции, где лирико-эпические места составляют основную ткань повествования. На этот факт обратил внимание Л. В. Черепнин, считающий, что «в „Сказании“ достаточно сильны религиозные мотивы. Но вставки из „Задонщины“, удачно вкрапленные в изложение, придают ему характер бодрой, проникнутой оптимизмом, воинской повести»⁵¹. Л. А. Дмитриев также считает, что Сказание имело своим источником Задонщину, причем первоначальной редакции, которой по его мнению, свойственны были и черты К-Б и списков ИІ, У и С⁵². Посмотрим конкретно соотношение общих фрагментов в Сказании и Задонщине Пространной и Краткой редакций.

Первый общий фрагмент — обращение Дмитрия Донского к князьям:

⁴⁷ С. К. Шамбинаго. Сказание о Мамаевом побоище, стр. 21; ср. ПСРЛ, т. 11, стр. 51 и «Повести...», стр. 49.

⁴⁸ С. К. Шамбинаго. Сказание о Мамаевом побоище, стр. 38; ср. ПСРЛ, т. 11, стр. 58.

⁴⁹ С. К. Шамбинаго. Сказание о Мамаевом побоище, стр. 28, 32, 45, 48.

⁵⁰ Доводы М. А. Салминой о Летописной повести как источнике Задонщины явно недостаточны («Слово и памятники», стр. 376—383).

⁵¹ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, стр. 593.

⁵² Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины...», стр. 385 и след.

Братие, князи русские; гвездо есмь князя Владимира Святославича Киевского...

Братъеца моя милая, русские князи, гвездо есмь были едино князя великаго Ивана Данильевича...

Братъя и князи руския⁵⁵, гвездо есмь великаго князя Владимира Киевскаго...

Чтение К-Б «Ивана Данильевича» первично⁵⁶. Но, если так, то и Задонщина Краткой редакцией в данном случае явилась более ранним источником, чем Сказание⁵⁷.

Второе общее место памятников говорит о сборах рати Дмитрия Донского:

...князь Дмитрий Ростовский и иныя убо многие князи. Ту же, братие, стук стучать и аки гром гремьить в славнем граде Москве, то идет силнаа⁵⁹ рать великого князя Дмитрея Ивановича, а гремять русские сынове своими злачеными доспехы⁶¹.

Князь же великий Дмитрий Иванович поим с собою брата своего...

Уже бо, брате, стук стучить и гром гремьить в славне городе Москве. То ти, брате, не стук стучить, ни гром гремьить, стучить силнаа рать великаго князя Дмитрия Ивановича (в рукописи: Ивана Дмитриевича), гремять удалцы золочеными шеломы, черлеными щиты...

Ужо бо, брате, стук стучить, гром гримит в камене граде Москве⁶⁰. Стучить силнаа рать великаго князя: гремят удалцы руския золочеными доспехы, черлеными щиты...

Этот фрагмент резко разрывает текст Сказания. Перед ним в Сказании поименно перечисляются белозерские князья, пришедшие на подмогу к Дмитрию Ивановичу. Затем помещен эпический фрагмент о том, что «идеть силнаа рать великого князя Дмитрия» и, наконец, как бы вторично говорится: «Князь же великий Дмитрий Иванович поим с собою брата своего, князя Владимира Андреевича, и вся князи русские и поезде к жывоначальной Троице».

Разбираемый фрагмент не только выпадает из стилистического строя Сказания, но и дублирует мысль автора о выезде войска Дмитрия Донского из Москвы.

В основных чертах этот фрагмент близок к списку К-Б⁶². Так, именно в последнем читается «в славне городе» Москве в отличие от «камене»

⁵³ «Повести...», стр. 50; ср. стр. 84, 124. Здесь и далее приводятся тексты Основной редакции Сказания, если нет особых оговорок.

⁵⁴ Тексты Краткой редакции Задонщины даем по К-Б; Пространной — по И1, с важнейшими вариантами — по У, С.

⁵⁵ В С вместо четырех слов: «князи смо руский».

⁵⁶ А. А. Зимин. Две редакции Задонщины. — «Труды Моск. гос. историко-архивного ин-та», т. 24. М., 1966, стр. 29—30.

⁵⁷ А. Вайян считает, что в данном случае Сказание использовало позднюю версию Задонщины («Revue des Etudes slaves», t. 39, 1961, p. 87).

⁵⁸ «Повести...», стр. 51. В Летописной редакции: «Убо братия...» (стр. 86); в Распространенной: «Уж бо, братия...» (стр. 125); собр. Румянцева, № 378: «Ту уже, братия» (л. 91).

⁵⁹ В Летописной редакции вместо трех слов: «стук стучит великая», в Распространенной: «стучит сильная». В Печатной группе вместо всего фрагмента: «Уже бо, братие, не стук стучит и не гром гремит в славне граде Москве, стучит рать великого князя Дмитрия Ивановича».

⁶⁰ В С далее: «То ти, брате, не стук стучит, ни гром гримит».

⁶¹ В Летописной редакции вместо четырех слов «удалцы злачеными шеломы и доспехы».

⁶² В списке ГИМ, собр. Уварова, № 802 Основной группы Сказания текст еще ближе к Задонщине: «Тое ж убо, братя, не стук стучит и не гром гремит, стучит сильнаа рать» (л. 175). «Стучит» рать великого князя и в списках Сказания Распро-

Пространной редакции Задонщины⁶³. Возможно, в протографе Сказания стояло «удальцы» (так в Летописной редакции Сказания и в Задонщине по К-Б и У), а не «сынове». Весь фрагмент в Сказании явно вторичного происхождения. Так, неожиданное обращение «братие» получилось из «брате» Задонщины, т. е. из обращения Дмитрия Ольгердовича к брату Андрею. Первичен текст Задонщины (так считает и Л. А. Дмитриев)⁶⁴, причем Краткой редакции⁶⁵.

Второму фрагменту Сказания Летописной редакции предшествует позднейшая вставка, которая сближает ее с Пространной редакцией Задонщины («и выехали посадники из Великого Новагорода, а с ними 7000 к великому князю на помощь»). Вставочный характер фразы признают В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Ржица, не включая ее в свои реконструкции текста Задонщины⁶⁶. В Лондонском списке Летописной редакции Сказания текста о новгородцах нет⁶⁷. Поэтому Л. А. Дмитриев считает, что эта вставка «вторичного характера», сделанная в поздний вид Летописной редакции⁶⁸. Вопрос не вполне ясен. Возможно перед нами просто пропуск в Лондонском списке.

Третий эпизод относится к выезду рати из Москвы:

Сказание ⁶⁹	Краткая редакция Задонщины	Пространная редакция Задонщины
<p>(Князь же великий вступив в золотое свое стремя)⁷⁰ и вьзде на избранный свой конь, и вси князи и воеводы вседоша на коня своа. Солнце ему на востоце ясно сияет, путь ему поведает. Уже бо тогда, аки соколи правшася от златых колодиц⁷² ис камня града Москвы и възлетеша под синиа небеса и възгремеша своими зла-</p>	<p>Тогда же соколи и крепчати, белозерские ястреби позвонать своими злачеными колоколци... Тогда же князь великий Дмитрей Иванович ступи во свое золотое стремя, всед на свой борзый конь, принимая копие в правую руку. Солнце ему на</p>	<p>А уже соколи, белозерския ястребы рвахуся от златых колодец ис каменнаго града Москвы, възлетеша под синии небеса възгремеша волочеными колоколы на быстром Дону⁷¹. Тогда князь великий вступи в золотое стре-</p>

странной редакции ГПБ, собр. Погодина, № 1414; ГПБ, Эрмитажное собр., № 526 и др. (Н. С. Демкова. Заимствования из «Задонщины»..., стр. 445).

⁶³ Л. А. Дмитриев считает, что К-Б и Сказание в данном случае сохранили первоначальный текст Задонщины (Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины»..., стр. 394).

⁶⁴ Л. А. Дмитриев. Сказание о Мамаевом побоище. Рукоп. канд. дисс. Л., 1953, стр. 144.

⁶⁵ Появление «доспехов» в ИИ и др. могло явиться результатом влияния Сказания на Пространную редакцию.

⁶⁶ Л. А. Дмитриев считает, что «в первоначальном тексте памятника о новгородцах ничего не говорилось, но существовало какое-то устное предание» об их участии в битве на Куликовом поле, которое и попало в Задонщину и в Сказание (Л. А. Дмитриев. Сказание о Мамаевом побоище. Рукоп. канд. дисс., стр. 143).

⁶⁷ ПСРЛ, т. 26. М.—Л., 1959, стр. 331.

⁶⁸ Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины»..., стр. 419.

⁶⁹ «Повести...», стр. 54, 89, 129.

⁷⁰ Так в Летописной редакции. В списке ГПБ, О IV, № 22 Основной группы этого текста нет; в Печатной: «Князь же великий... вступи во златокванное стремя»; в Распространенной редакции: князь «ступи в свое золотое стремя» («Повести...», стр. 129), в собр. Румянцева, № 378: «Князь же велики Дмитрей Иванович вступи в златокванное свое стремя и всяде...» (л. 95).

⁷¹ В С далее: «хотят ударити на многие стады гусинья и на лебединыя, а богатыри, руския удалцы, хотят ударити на великия силы поганого царя Мамаия».

⁷² В Летописной редакции вместо последующего текста: «а то рвахуся князи белозерские из камня града Москвы, выехали своим полком» («Повести...», стр. 89); в Печатной группе: «выехали князи белозерский ис каменна града Москвы с своим полком»; в Распространенной редакции: «ис каменнаго града Москвы виехали князи белозерсти особю своим полком» («Повести...», стр. 129); в собр. Румянцева, № 378: «ис каменна града Москвы, а князи белозерсти особ своими полки выехали» (л. 95). Л. А. Дмитриев считает, что текст Сказания «приспевшу же месяца септевриа в 8 день великому празднику... възходящу солнцу» («Повести...», стр. 66) близок к списку К-Б («солнце ему на востоце сентября 8»). Но сходство тут очень отдаленное: в произведениях говорится о разных сюжетах, в Сказании — 8 сентября («пяток»), а в К-Б — «среда».

тymi колоколы и хотять удари- тся на многы стада лебеди- ны и гусины. То, брате, не соко- ли вылетели ис каменна града Москвы, то выехали рускыя удалци с своим государем... Князи же белоозерские особь своим пльком выехали...

востоце семтября 8 в сре- ду на Рожество пресвя- тья Богородица ясно све- тить, путь ему поведает, Борис, Глеб молит- ву творять за сродни- ки свои...

мя, взем свой меч в пра- вую руку свою, помоля- ся богу и пресвятый бо- городицы. Солнце ему ясно на востоцы сияет⁷³, а Борис и Глеб молитву воздает за сродники...

Первоначальный текст выезда рати (не осложненный еще соколами) читается в Летописной (и близко в Распространенной) редакции Сказа- ния так: «князь же великий вступив в златое свое стремя и седе на лю- безный свой конь»⁷⁴ (в Основной редакции «взыде на избранный свой конь»). Этот текст соответствует К-Б Задонщины (в ИИ, У, С нет слов о коне)⁷⁵, где он представляет первоначальный вариант фрагмента⁷⁶.

В другом тексте Основной редакции Сказания сходство с К-Б еще яр- че: «и всяде на избранной свой конь и взем копие свое» (в Летописной ре- дакции вместо этого текста: «прим конь свой») ⁷⁷. «Копье» есть только в К-Б.

К первоначальному тексту Сказания, возможно, относится фраза: «путь же ему поведают сродника его Борис и Глеб» (Забелинский список)⁷⁸, имеющаяся во всех списках Задонщины. Забелинский список, как пока- зал М. Н. Тихомиров, в ряде случаев сохранил черты первоначального текста Сказания о Мамаевом побоище.

В эпизоде можно обнаружить и несомненные следы близости со спис- ками С, ИИ Задонщины, объясняющиеся влиянием на них Сказания («рвахуся», «возгремеша»). Весь фрагмент Сказания, особенно сопостав- ление князей белозерских с соколами, сравнительно с Задонщиной, как предполагал С. К. Шамбинаго⁷⁹, вторичного происхождения. Вероятно, фрагмент в первоначальной редакции Сказания начинался словами: «князь же великий вступив в златое свое стремя», т. е. как в Летописной редак- ции. Этот текст есть в Задонщине.

Четвертый фрагмент Сказания говорит об унынии русской земли после Калкской рати:

Сказание ⁸⁰	Краткая редакция Задонщины	Пространная редакция Задонщины
От тоа бо Галадцкыя беды и великого побои- ща татарскаго и ныне еще Рускаа земля уны- ла...	От тоа рати и до Мама- ева побоища...	От Калагьския рати до Мамае- ва побоища лет 160...

Слова «от тоа» в Основной редакции Сказания ближе к К-Б, хотя упо- минание о Калкской битве есть только в Пространной Задонщине⁸¹.

⁷³ В У далее: «и путь поведает», в С: «путь поведает».

⁷⁴ «Повести...», стр. 89.

⁷⁵ Н. С. Демкова считает, что в данном случае упоминание о коне в К-Б появи- лось в результате обращения составителя этого списка к Сказанию (Н. С. Демко- ва. Заимствования из «Задонщины»..., стр. 448). По Л. А. Дмитриеву, слова о коне (общие в К-Б и Сказании) «сохранили более близкое к первоначальному виду „Задонщины“ чтение». Впрочем, он допускает возможность случайного совпадения ввиду широкого употребления в древнерусской письменности формулы «всесте на конь» (Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины»..., стр. 397).

⁷⁶ А. А. Зякин. Две редакции Задонщины, стр. 34—35.

⁷⁷ «Повести...», стр. 67.

⁷⁸ Там же, стр. 178.

⁷⁹ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище, стр. 106—107.

⁸⁰ «Повести...», стр. 55. В Распространенной редакции: «и тот тоа бо Калския рати до Мамаева побоища лет 157. И оттоля Рускаа земля уныла» («Повести...», стр. 129). В Летописной редакции вставлено еще: «от Батыя до Калския рати и до Мамаева побоища лет 158» («Повести...», стр. 89). В Печатной группе: «От Калкин- ского побоища до Мамаева рати 160 лет... От тоа бо рати Руская земля уныла».

⁸¹ О том, что в данном случае текст Сказания, основанного на Краткой Задон-

Пятый фрагмент рисует выезд князя Владимира Серпуховского:

Сказание⁸²

Ужо бо, братие, стук стучить и гром гремит по ранней зоре, князь Владимир Андреевич Москву-реку перевозится...

Краткая редакция Задонщины

Уже бо стук стучить и гром гремит рано пред зорею. То ти не стук стучить, ни гром гремит, князь Володимир Андреевич ведет вой свои, сторожевые полкы, к быстрому Дону...

Пространная редакция Задонщины

Что шумит, что гримит рано пред зарями? Князь Владимир полкы⁸³ уставляет и пребирает и ведет к Дону великому. И моляше брату своему: «Князь Дмитрей, не ослабляй, князь великий, татаром. Поганьи поля наступают, отымають отчину нашу...»

Текст Основной редакции близок к К-Б («Ужо бо, братие, стук стучить и гром гремит по ранней зоре») и далек от И1 и сходных списков. Отсюда заключаем: эпический эпизод читался первоначально в К-Б, затем попал в Сказание, а потом из редакции, близкой к Летописной, попал в протограф Пространной редакции Задонщины.

Л. А. Дмитриев отрицает обязательность «особой близости» К-Б со Сказанием на том основании, что во втором фрагменте Сказания употреблен сходный оборот («ту же, братие, стук стучит и аки гром гремит»), и усматривает в пятом фрагменте «самоповторение или же перенесение в рассматриваемый пассаж сходной по смыслу фразы из другого места „Задонщины“»⁸⁴. Оба допущения невозможны, ибо текст Сказания тесно связан с К-Б. В обоих случаях: а) начинается с наречия «уже бо», а не с «ту же», как во втором фрагменте Сказания; б) упоминается «по ранней зоре», «рано перед зорею» а не «пред зарями», как в Пространной редакции; в) говорится о Владимире Серпуховском.

Шестой фрагмент — зловецкие предсказания:

Сказание⁸⁵

За многы же дни мнози вльци притекоша на место то, выюще грозно, непрестанно по вся ноци, слышати гроза велика. Храбрым людем... ту слышав грозу паче укротеша: зане же мнози рати необычно събрашася, не умлѣкаючи глаголють, галици же своею речню говорят, орли же мнози от усть Дону летошася, по аеру летаючи, клекчють, и мнози зверие грозно вують, ждуще того дня грознаго, богом изволеннаго, в нь же иматъ пасти трупа челоуеча...

Краткая редакция Задонщины

Птици небесныя пасущеся то под синие оболока, ворони грають, галици свои речи говорить, орли восклегчють, волци грозно вують, лисици часто брешють, чають победу на поганых...

Пространная редакция Задонщины

А уж беды их пловуще⁸⁶: птица их крилати под облакы летаютъ, ворони грають, а галицы своею речью говорить, орлы крилатии въсплещут⁸⁷, а волци грозно вуюють, а лисицы на кости брешут...

...зогзицы кокуют, на трупы падаючи.

...вороне грають, трупу ради челоуечскаго.

щине, использован в Пространной Задонщине, см.: А. А. Зимин. Две редакции Задонщины, стр. 20, 24.

⁸² «Повести...», стр. 56, 130. В Летописной редакции: «Но ни гром, ни ветер, но стук стучит и гром гремит по зоре по ранней: возится князь Володимир Андреевич реку Москву» («Повести...», стр. 90). В Печатной группе: «Не стук стучит, не гром гремит, по зоре стучат и гремят русские удалцы» («Русский исторический сборник», т. III, кн. 1, стр. 22).

⁸³ В рукописи: «накы».

⁸⁴ Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины»..., стр. 404.

⁸⁵ «Повести...», стр. 61, 95, 140.

⁸⁶ В У: «пасоша», в С: «пашутся».

⁸⁷ В У: «хлекчють», в С: «кличуть».

Фрагмент настолько редакционно переделан в Сказании, что выяснить, к какой редакции Задонщины он ближе, очень трудно⁸⁸.

Седьмой фрагмент: «древа преклоняются и трава посылает-ся» есть только в II и сходных. Однако в Сказании фрагмент естествен: «от... страха и грозы великыа древа преклоняются»⁸⁹, в Пространной Задонщине он вставлен явно неуклюже: «Грозно бо бяше и жалостьно тогда слышати, зане трава кровью пролита, а дресеса к земли тугою преклонишася, въспели бяше птицы жалостные песни». Как можно «жалостьно... слышати» (или «видети» в С), остается неясным⁹⁰. Мотив «грозно бо бяше» навеян Сказанием («Грозно бо, братие зрети») ⁹¹.

Восьмой фрагмент: «пити общую чашу, между събою поведеную»⁹² встречается в Задонщине Пространной редакции («испити медоваа чара поведаные») совершенно в ином контексте. В Сказании Дмитрий Донской говорит, что эту чашу придется испить «утре»⁹³. В Задонщине он произносит эту фразу в разгар сражения, когда уже час испытаний настал. В данном случае контекст Сказания первичнее.

Девятый фрагмент снова возвращает нас к предсказаниям воронов и волков:

Сказание ⁹⁴	Краткая редакция Задонщины	Пространная редакция Задонщины
Стук велик и клич и вопль, аки тръги снимаются, аки град зиждуще и аки гром великий гремьти. Създи же плъку татарскаго волци выют грозно вельми. По десной же стране плъку татарскаго ворони кличуще и бысть трепет птичей, велик вельми, а по левой же стране, аки горам играющим, гроза велика зело. По реце же Непрядве гуси и лебеди крылами плещуще, необычную грозу подающе...	Быти <i>стук</i> и <i>грому велику</i> межю Дономь и Непромь, идетъ хинела на Русскую землю. Серие <i>волци воютъ</i> , то ти были не серие волци, придоша поганые татарове, хотять проити воюючи, взяти всю землю Русскую.	Быти <i>стук</i> велику ...Уже бо въскрипели телегы меж Доном и Непром, идут хинове в Руськую землю. И притекоша серие <i>волци</i> от усть Дону и Непра, ставъши, <i>воюютъ</i> ⁹⁵ на рецы на Мечи, хотят наступати на Рускую землю. То ти было не серие волцы, но придоша погании татарове, прити ⁹⁶ хотят, воюючи, в Рускую землю, погании татарове.
	Тогда же <i>гуси</i> гоготаше, и <i>лебеди крылы въсплескаша</i> . То ти не гуси гоготаша, ни лебеди крылы въсплескаша, се бо поганый Мамай приведе вой свои на Русь.	Тогда <i>гуси</i> возгоготаша на речку на Мечи, <i>лебеди крылы въсплескаша</i> ⁹⁷ . Ни гуси возгоготаша, но поганый Мамай на Рускуюземлю пришел, а воеводы своя привел.

Редакция этого фрагмента столь же неясна, как и шестого. Впрочем, в К-Б и Сказании отсутствуют слова «от усть Дону и Непра, ставъши» (II), что показывает близость этих текстов.

Н. С. Демкова обратила внимание на то, что в некоторых списках Распространенной редакции Сказания есть тексты, еще более близкие к

⁸⁸ А. А. Зимин. Две редакции Задонщины, стр. 41. Впрочем, выражение «пасти трупа человека» больше напоминает «на трупы падаючи» в К-Б, а не «труп ради человеческого» в II и сходных списках. «Своею речью» Сказания ближе к II и сходным (в К-Б «свои речи»), орлы «клекчють» ближе к У («хлекчють»).

⁸⁹ «Повести...», стр. 61. В Летописной и Распространенной редакциях этого фрагмента нет.

⁹⁰ См. также А. А. Зимин. Две редакции Задонщины, стр. 41.

⁹¹ «Повести...», стр. 72.

⁹² Там же, стр. 64, 97, 142.

⁹³ «Утро бо нам с ним пити общую чашу, межъ собою поведеную» («Повести...», стр. 64).

⁹⁴ Там же, стр. 64, 97, 143.

⁹⁵ В У: «воюют», в С: «выют».

⁹⁶ В У, С: «проити».

⁹⁷ В У: «возплескаша», в С: «возплескали», в II: «въсплескаша».

Пространной Задонщине, например: «аки торги снимаются и яко в ограде голдяше и телези, аки трубы гласят» (ГБЛ, собр. Беляева, № 1516, л. 365) или «яко град и телези ревуще» (ГПБ, QIV, № 354)⁹⁸. Ввиду полной неизученности генеалогии списков Распространенной редакции сказать о том, имелось ли упоминание о телегах в архетипе Сказания или того текста, какой мог быть у автора Пространной Задонщины, пока трудно.

Десятый фрагмент — предсказания Дмитрия Волынца:

Сказание	Краткая редакция Задонщины	Пространная редакция Задонщины
...чаю победы [на] поганых татар ⁹⁹ . А твоего христолюбиваго вьншества много падець, нъ обаче твой врѣх, твоя слава будет	...лисици часто брешють, <i>чаютъ победу на поганых...</i>	...лисици на кости брешють...
...Едина бо съ страна аки некаа жена напрасно плачющися о чадах своихъ еллинскимъ гласом, другаа же страна, аки некаа девица единою възопи вельми плачевнымъ гласом...	восплакашася горко жены болярыни по своихъ осподарех...	въсплакались кнеи болярыни избьенныхъ воеводини жены... А уже диво кличет под саблями татарскими...

На сходство этого фрагмента Сказания с Краткой Задонщиной обратил внимание Р. П. Дмитриева¹⁰⁰.

Одиннадцатый фрагмент повествует о «крававых зарях»:

Сказание ¹⁰¹	Краткая редакция Задонщины	Пространная редакция Задонщины
...силнии плѣци съступишася. Из них же выступали крававыя зари ¹⁰² , а в них трепеталися силнии мльниа от облистания мечнаго...	Уже бо всташа <i>силнии</i> ветри с моря, приледеяша тучю велику на усть Непра, на Русскую землю. <i>Ис</i> тучи <i>выступи крававыя оболока, а из них пашють синие молнии...</i>	Уже, брате, возвеша <i>силнии</i> ветри по морю на усть Дону и Непра, прилеяшася великиа <i>тучи</i> по морю на Рускую землю, <i>из них выступают крававыя зори, и в них трепещуть силнии молнии...</i>

Фрагмент в целом ближе к III и сходным («зори», а не «оболоко», как в К-Б; «силнии», а не «синии»; «трепещуть», а не «пашють»). Этот фрагмент в II и сходных помещен в контексте, подвергшемся редакции и дополнению. Поэтому считаем, что он сам был переработан под влиянием Сказания¹⁰³.

Образ великих туч, из которых выступили крававые облака с пашущими в них синими молниями, естественнее и первичнее образа полков, из которых неожиданно «выступали крававыя зари». Составитель Сказания неудачно пытался приспособить образ Задонщины по К-Б к основному

⁹⁸ Н. С. Демкова. Заимствования из «Задонщины»..., стр. 453; см. также «аки торги снимаются, аки град зиждуще» («Повести...», стр. 64); «аки торги силнии снимаются, они град зиздяшу и трубы гласяще» (С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. Тексты, стр. 110).

⁹⁹ «Повести...», стр. 65. Исправлено нами по Летописной редакции («чаю победы на поганых». — «Повести...», стр. 98; ср. стр. 190). Исправление необходимо, ибо Дмитрий Волынец («чаю») предсказывает победу.

¹⁰⁰ Р. П. Дмитриева. Взаимоотношение списков..., стр. 260.

¹⁰¹ «Повести...», стр. 69.

¹⁰² В Летописной редакции вместо дальнейшего: «от мечнаго сияния яко молния блистают» («Повести...», стр. 101). В Распространенной: «от облистания мечнаго, трепета сильнии молонии от копей ломления» («Повести...», стр. 148). В группе Ундольского: «от облистания мечнаго».

¹⁰³ Подробнее см.: А. А. Зимин. Две редакции Задонщины, стр. 31—32.

тексту своего произведения, говорившему о том, что «силнии плъци съступашася».

Двенадцатый фрагмент рассказывает о «соколах»:

Сказание ¹⁰⁴

Краткая
редакция
Задонщины

Пространная
редакция
Задонщины

Единомыслии же друзи
выседоша из дубравы зеле-
ны, аки ¹⁰⁵ соколы искуше-
ныя урвалися от златых
колодиц, ударилися на ве-
ликаа стада жировины на
ту великую силу татар-
скую...

Тогда соколы и кречати,
белозерския ястреби борзо
за Дон перелетеша, уда-
ришася на гуси и на ле-
беди...

Уже бо те соколы ¹⁰⁶ и кре-
четы за Дон ¹⁰⁷ перевезли-
ся и наехали рустии сыно-
ве на сильную рать татарь-
скую...

Фрагмент Сказания близок к третьему и связан со списками Задонщины II и сходными ¹⁰⁸.

Тринадцатый и четырнадцатый фрагменты относятся к побегу Мамайя («И абие побеже поганый Мамай... не видатися ни с князи ни с алпауты») ¹⁰⁹ и заключению Сказания («Стоял князь великий за Доном на костех... Чести есмя себе достуцили и славнаго имени») ¹¹⁰. Они в основной части дословно совпадают с Пространной редакцией Задонщины. В отличие от В. П. Адриановой-Перетц и Р. О. Якобсона Л. А. Дмитриев и Н. С. Демкова эпизод «став на костях» с перечнем погибших воевод считают вставкой в Сказание, сделанной на материале Задонщины, а не наоборот.

Доводы Л. А. Дмитриева не могут считаться убедительными ¹¹¹. Ход его рассуждения следующий. В Сказании по Основному и Забелинскому вариантам Основной редакции после сообщения о князе Владимире Серпуховском (он тоже стал «на костях», но об этом сказано выше разбираемого эпизода о Дмитрие Донском) автор говорит: «Грозно, братие, зрети тогда, а жалостно видети и гръко посмотричи человеческаго кровопролития, аки морскаа вода, а трупу человекъа, аки санныя громады: борз конь не можетъ скочити, а в крови по колени бродяху, а реки по три дня кровию течаху» ¹¹². Этому отрывку соответствуют два разных места Задонщины: первая часть читается в эпизоде «на костях» («Грозно бо и жалостно, брате, в то время посмотричи, иже лежат трупи крестьянские (в II далее: «акы санныя стоги») у Дуная великого на брезе, а Дон река три дни кровию текла»), а вторая — в другом месте («в трупи человекъе борзи кони не могутъ скочити, а в крови по колени бродят» в У). Считая, что автор Основного и Забелинского вариантов Сказания объединил воедино два текста Задонщины, Л. А. Дмитриев делает отсюда вполне логичный вывод, что в этом случае «эпизод на костях» должен быть в Задонщине, которой пользовался автор этих вариантов Сказания. Но Л. А. Дмитриев свою первую посылку не доказал: почему автор Сказания пользовался в данном случае Задонщиной, а не наоборот? В Ундольской

¹⁰⁴ «Повести...», стр. 71, 103.

¹⁰⁵ В Летописной редакции вместо дальнейшего: «уношенные соколы и ударившася на многи стада гусиньи» («Повести...», стр. 103) в Распространенной: «акы съколы искусни и ударившася на многие стада жаровлиные» («Повести...», стр. 150).

¹⁰⁶ В рукописи: «соволе».

¹⁰⁷ В У далее: «перелетели и ударилися о многие стада лебединые. То ти». В С далее: «прилетеша и ударивша на многия стада сосилныя и на лебединыя. То ти».

¹⁰⁸ О первоначальности этого отрывка в Задонщине по К-Б сравнительно со Сказанием и Пространной Задонщиной см.: А. А. Зимин. Две редакции Задонщины, стр. 37.

¹⁰⁹ «Повести...», стр. 71.

¹¹⁰ Там же, стр. 75, 153—154.

¹¹¹ А. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины»..., стр. 424—427.

¹¹² «Повести...», стр. 72, 198.

группе Основной редакции, в списке Тихонравова, № 337 и в Распространенной редакции Сказания слова: «Грозно бо, брате, в то время... трупом тотарским», т. е. совпадающие с текстом Задонщины, помещены в том же самом месте, как и в II и У Задонщины¹¹³. Следовательно, этот текст мог быть в архетипе Сказания, а из Основного и Забелинского вариантов он просто выпал. Никаких текстологических препятствий для того, чтобы считать Сказание в эпизоде «на костях» источником Задонщины у нас нет. Не обладая сведениями об участии новгородцев в самой битве, автор Сказания мог глухо упомянуть о них, не вдаваясь в какие-либо подробности. Упоминание о новгородцах, рязанцах, суздальцах и т. п. придавало Куликовской битве общерусский характер. Впрочем, и сам Л. А. Дмитриев свои доводы не считает достаточными, говоря, что его предположение просто «едва ли... менее обосновано», чем гипотеза В. П. Адриановой-Перетц и Р. О. Якобсона. Однако для Н. С. Демковой Л. А. Дмитриев «убедительно показал неорганичность эпизода с расчетом убитых в тексте „Сказания“»¹¹⁴. По Н. С. Демковой, автор Сказания обращался к Задонщине дважды: «...В собственно авторском тексте, создав на его материале сцену объезда великим князем поля боя, и второй раз — используя этот текст уже как самостоятельный эпизод повествования»¹¹⁵. Этот вывод она обосновывает отсутствием стабильности в изложении завершающих эпизодов Сказания различными редакциями и группами памятника, а также параллелизмом поступков князя. Вопрос о взаимоотношении Киприановской редакции и группы Ундольского Основной редакции Сказания еще остается спорным и тем более эпизод «на костях». К тому же, по словам самой Н. С. Демковой, «не только этот эпизод не является стабильным для текстов „Сказания“, но и весь конец „Сказания“ в целом»¹¹⁶. А что касается параллелизма, то он, на наш взгляд, мнимый. Вначале великий князь едет по полю боя и слышит скорбные вести о гибели героев. При этом Дмитрий Донской плачет и произносит ряд речей, обращенных к павшим и живым. Затем он вопрошает, каковы общие потери воевод. Ему дают исчерпывающий ответ, и тогда он произносит слово, обращенное к богу, вспоминая при этом погибших. Никаких текстологических повторов здесь нет.

Итак, эпизод «на костях» в Сказании не может считаться вторичным: он является органическим завершением воинской повести.

Если теперь обратить внимание на характер эпизодов Сказания, совпадающих с обеими версиями Задонщины, то можно прийти к следующим выводам. В К-Б есть почти все устно-поэтические фрагменты Сказания (кроме фрагментов 7 и 8), хотя в ряде случаев они совпадают и со списками II и сходными.

Взаимоотношение Сказания с Пространной редакцией Задонщины иного характера. Их связывают со Сказанием общие образы и отдельные выражения («конь не может скочити, в крови по колено бродят... ваши московьския сладостные меды... испити медвеная чаша... Уныша... побеже поганы Мамай и от нас по Задлешаю» и др.)¹¹⁷. Два больших фрагмента

¹¹³ Там же, стр. 153; С. К. Шамбинаго. Сказание о Мамаевом побоище, стр. 48; он же. Повести о Мамаевом побоище. Приложение, стр. 122. Эпизод стояния князя Владимира Андреевича «на костях» мог читаться в архетипе Сказания (хотя в Летописной редакции его нет). В таком случае он мог повлиять на соответствующий фрагмент Задонщины (А. А. Зимин. Две редакции Задонщины, стр. 50).

¹¹⁴ Н. С. Демкова. Заимствования из «Задонщины»..., стр. 458.

¹¹⁵ Там же, стр. 461.

¹¹⁶ Там же, стр. 458.

¹¹⁷ С. К. Шамбинаго считал даже, что оба фрагмента не входят в первоначальную редакцию Задонщины (С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище, стр. 129—130). См. замечания: В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина.— ТОДРЛ, т. V. М.— Л., 1947, стр. 222.

Сказания (13 и 14)¹¹⁸ целиком есть в Задонщине. Их сугубо фактический характер (перечисление погибших воевод и т. п.) вполне согласуется с рассказом Сказания, которое и является, очевидно, в данном случае источником Пространной редакции¹¹⁹.

Отдельные черты фразеологического сходства есть между К-Б и Сказанием (доспехи «злаченныя»¹²⁰ применительно к русским войскам). В К-Б встречаем чтение: «пашутся хоригви берчати», сходное с «хоруггови, аки живы пашутся»¹²¹ (в И1 и сходных текст более отдаленный: «Пашут бо ся хорвюгве, ищут себе чести и славнаго имени») ¹²². Р. П. Дмитриева сопоставляет еще «грозу велику подавающи»¹²³ с «воды возпиша, весть подаваша» в К-Б¹²⁴. Но гораздо больше черт сходства со Сказанием в Пространной редакции Задонщины, широко пользовавшейся этим памятником. В И1 и сходных встречается слово «уныша» (применительно к русским, в Сказании — к татарам), а «велика бо туга» русских соответствует «тугою покрываша» (о татарах). «Стязи ревуть наволочены» (ниже «стязи золоченыа ревуть») ¹²⁵ есть только в И1 и сходных.

Итак, соотношение Сказания о Мамаевом побоище с обеими редакциями Задонщины представляется нам в следующем виде. С Краткой редакцией Задонщины Сказание о Мамаевом побоище сближают лирико-эпические места (зловещие предсказания, полет соколов и кречетов и т. д.). Не так как эти места органически входят в ткань повествования Задонщины, а вместе с тем являются как бы инородным телом в суровом церковно-воинском повествовании Сказания, то отсюда с неизбежностью вытекает вывод: Краткая редакция Задонщины явилась источником Сказания о Мамаевом побоище¹²⁶. Были ли введены элементы Задонщины составителем Сказания в текст какой-то ранней повести о Мамаевом побоище («Слова») или в произведение, созданное им самим из разных источников, — в настоящее время сказать трудно.

Вместе с тем списки И1 и сходные Задонщины со Сказанием роднят кроме лирико-эпических конкретные места и чтения, естественно входящие в ткань повествования воинской повести о Мамаевом побоище, например перечень погибших белозерцев, новгородцев, рязанцев и т. п. Поэтому Сказание явилось в свою очередь источником Пространной версии Задонщины.

Таково, на наш взгляд, соотношение между важнейшими памятниками Куликовского цикла.

¹¹⁸ Текстологическое сопоставление отрывков см.: А. А. Зимин. Две редакции Задонщины, стр. 50—52.

¹¹⁹ Ср. А. Марков. Рецензия на книгу С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». — ЖМНП, 1908, апрель, стр. 441.

¹²⁰ Р. П. Дмитриева. Взаимоотношение списков..., стр. 261.

¹²¹ «Повести...», стр. 62.

¹²² Об органичности глагола «пахать» для К-Б и о первичности этого отрывка для Краткой Задонщины см.: А. А. Зимин. Две редакции Задонщины, стр. 26—27, 32, 36.

¹²³ «Повести...», стр. 66.

¹²⁴ Р. П. Дмитриева. Взаимоотношение списков..., стр. 261.

¹²⁵ «Повести...», стр. 56, 62.

¹²⁶ О первоначальности Краткой Задонщины по сравнению с Пространной см.: А. А. Зимин. Две редакции Задонщины, стр. 17—54.

С. А. Клепиков

**ФИЛИГРАНЬ «РОЖОК», ЕЕ ИСТОРИЯ
И ОПЫТ АНАЛИЗА ЕЕ ЭВОЛЮЦИИ
(1314—1600 гг.)¹**

Филигрань «Рожок»² — одна из наиболее ранних и наиболее устойчивых филигранных (за исключением «Лилии»).

Впервые она обнаружена на документе 1314 г. Исследованиями Брике, Мошина и Тралича³ установлено ее итальянское происхождение. Со второй половины XIV в. она появляется во Франции и с первой четверти XV в. в Германии. Далее эта филигрань используется многими бумажными фабриками Западной Европы. В начале XVIII в. появляется в России на первой бумажной мельнице промышленного типа⁴.

Значительное распространение данной филигранны, пестрота ее оформления побудили нас заняться составлением сводки наподобие наших работ по филигранным «Герб города Амстердама», «Голова шута» и «Pro Patria»⁵.

В настоящее время зафиксировано 1638 вариантов этого знака. Из них:

1. Без литер и дополнительного оформления — 555 (1314—1500 гг.)
2. Без литер, но в составе или сопровождении других знаков — 116 (1432—1860-е гг.)
3. С литерным сопровождением — 967 (1413—1960-е гг.)

Помимо этой сводной таблицы нами составлен атлас, включающий более 400 наиболее значительных вариантов знака и около 400 простейших видов. Однако и сводная таблица, и атлас еще будут ждать уточнений и пополнений. Задача настоящей статьи — дать общее представление

¹ Настоящая статья явилась темой доклада на VII международном конгрессе историков бумаги (Оксфорд, 24—29 сентября 1967 г.).

² а) «Рожок», «охотничий рог», «почтовый рожок» (русск.).

б) «Horn», «hunting-horn», «posthorn» (англ.).

в) «Huchet», «olifant», «cor de chasse», «corne de chasse», «corne de poste» (франц.).

г) «Horn», «Jagdhorn», «Posthorn» (немецк.).

³ Ch. M. Briquet. Les filigranes, vol. I—IV. Genève, 1907. Mošin and Tralječ. Watermarks of the 13th and 14th Centuries, vol. I—II. Zagreb, 1957.

⁴ Z. V. Uchastkina. A history of Russian Hand Paper Mills and their Watermarks («Monumenta...», vol. IX). Hilversum, 1960 (мельница № 9).

⁵ С. А. Клепиков. Бумага с филигранью «Герб города Амстердама». — «Записки Отдела рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 20. М., 1958, стр. 315—352; он же. Бумага с филигранью «Голова шута». — Там же, вып. 26. М., 1963, стр. 405—478; он же. Бумага с филигранью «Horn» («Рожок»). Работа не опубликована; С. А. Клепиков, М. В. Кукушкина. Филигрань «Pro Patria» на бумаге русского и иностранного происхождения. — «Сборник статей и материалов Библиотеки Академии наук СССР по книговедению». Л.—М., 1965, стр. 83—188.

о филигрании, проследить ее возникновение и наметить основные этапы ее эволюции.

На рис. 1 показан общий вид филигрании и основные ее элементы.

На рис. 2 дается представление об основных видах «Рожка», характере корпуса и возможных положениях корпуса в отношении pontuseaux⁶.

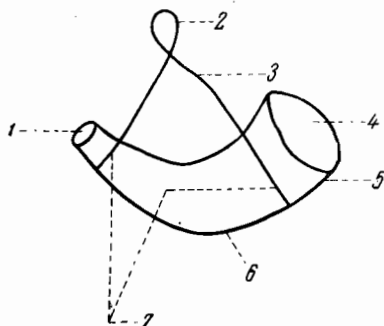

Рис. 1. Схема «Рожка»: 1) мунштук, 2) петля перевязи, 3) перевязь, 4) отверстие раструба, 5) раструб, 6) корпус, 7) линии, продолжающие шнур перевязи

На протяжении всего XIV в. мы имеем дело лишь с чистым видом «Рожка» без дополнительных аксессуаров.

Наиболее ранний (до середины XIV в.) вид знака без перевязи отдаленно напоминает рожок (рис. 2, № 1, 3, 5—7). В дальнейшем мы еще встречаемся с ним, но крайне редко (два случая в XV в. и два случая в XVI в.).

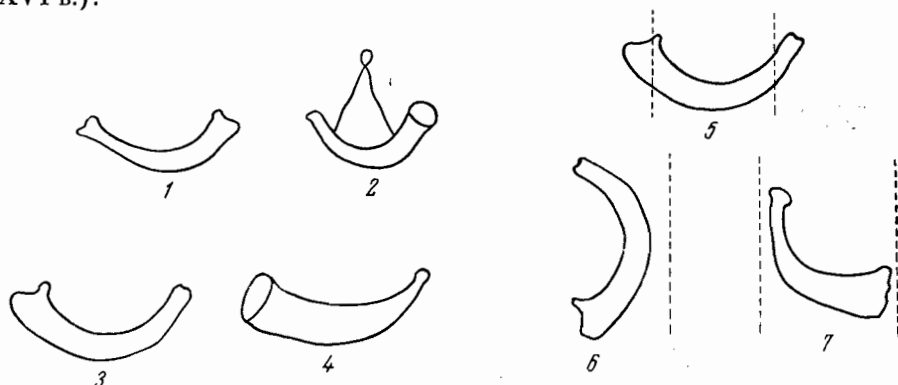

Рис. 2. Характеристика «Рожка». А. Вид «Рожка»: 1) без перевязи (Н¹), 2) с перевязью (Н²); Б. Характеристика корпуса: 3) закрытый, 4) открытый; В. Положение корпуса: 5) горизонтальное (h), 6) вертикальное (v), 7) угловое (an)

Позднее появляется рожок на перевязи с закрытым (преимущественно) и открытым отверстием раструба. Как видно из табл. 1, этот вид насчитывает 331 вариант только для XIV в. Для XV в. их насчитывается 208⁷.

Для более позднего времени рожок в чистом виде (без дополнительного оформления) встречается редко и не имеет большого значения для датировки.

Мы полагаем, что данная спецификация видов «Рожка» раннего периода вполне достаточна для практических целей и не думаем, что характер рисунка отдельных вариантов каждой группы может дать основание для уточнения датировок.

⁶ Pontuseaux на рисунках обозначены пунктирными линиями.

⁷ Автор пользуется случаем выразить глубокую благодарность проф. В. А. Мошину (Загреб) и научному сотруднику Белградского университета М. Грозданович за дополнительный материал, собранный ими по XV в. Эти данные (102 единицы) включены в табл. 1, 2, за исключением пяти единиц, имеющих общую датировку — XV в.

Виды «Рожка» (XIV и XV вв.) *

Даты	Без перепаян, вертикальный, закрытый	С перевязью								Всего
		Без украшений на перевязи						С украшениями на петле перевязи		
		Закрытый			Открытый			Итальянский тип	Французский тип	
		Вертикальный	Горизонтальный	Угловой	Вертикальный	Горизонтальный	Угловой			
А. XIV в.										
1311—1320	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2
1321—1330	9	—	—	—	—	—	—	—	—	9
1331—1340	—	1**	—	—	—	—	—	—	—	1
1341—1350	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2
1351—1360	—	—	6	1	—	—	—	—	—	7
1361—1370	—	16	21	3	2	2	—	1	—	45
1371—1380	—	54	34	10	9	8	—	3	—	118
1381—1390	—	35	41	1	9	7	—	4	1	98
1391—1400	1	20	26	1	5	2	1	1	6	63
Итого	14	126	128	16	25	19	1	9	7	345
Б. XV в.										
1401—1410	—	4	25	—	2	—	—	—	—	31
1411—1420	1	6	9	—	9	—	—	—	—	25
1421—1430	—	1	6	—	12	3	—	—	—	22
1431—1440	—	3	1	—	9	1	—	—	—	14
1441—1450	—	5	1	—	8	1	—	1	—	16
1451—1460	—	5	2	—	16	1	—	2	—	26
1461—1470	—	1	—	—	20	3	—	—	—	24
1471—1480	—	—	1	—	15	3	—	—	—	19
1481—1490	1	—	1	—	10	5	—	1	—	18
1491—1500	—	3	—	—	10	1	1	—	—	15
Итого	2	28	46	—	111	18	1	4	—	210

* К рис. 2 (А и В) и рис. 3.

** Briquet воспроизводит этот знак «Рожка» (№ 7642 вертикальный закрытый), который датирует 1333 и 1334 гг. Столь же сильный отрыв от основного массива этого вида знака вызвал у нас сомнение. И поэтому был запрошен Национальный архив (Париж) и Государственный архив (Генуя). Из Парижа ответ не получен. Директор архива в Генуе проф. Giorgio Costamagna любезно сообщил: дата 1333 г. не соответствует действительности, следует 1334 г., что установлено исследованием Confianco da Nazario и сомнений не вызывает. Знак несколько отличается от воспроизведенного Briquet (см. рис. 4).

Для дополнительной характеристики «Рожка» XIV и XV вв. приведем еще одну деталь. На корпусе мы иногда встречаем линии между продолжениями шнура перевязи (см. рис. 5).

В табл. 2 мы даем хронологические рамки каждой такой разновидности «Рожка».

Начиная с первой четверти XV в. наблюдается значительное усложнение характера филигрны. Появляются варианты, которые не подходят ни под одну из перечисленных групп. Основное отличие заключается в том, что перевязь становится двухлинейной. Но это еще не правило, а единич-

Характер корпуса «Рожка»*

Даты	Без линий	С одной линией	С двумя линиями	С двоянной линией (посредине)	С встречными дугами (посредине)	Всего
А. XIV в.						
1311—1320	2	—	—	—	—	2
1321—1330	9	—	—	—	—	9
1331—1340	1	—	—	—	—	1
1341—1350	2	—	—	—	—	2
1351—1360	4	3	—	—	—	7
1361—1370	37	7	—	—	—	44
1371—1380	74	25	9	6	1	115
1381—1390	70	8	9	1	5	93
1391—1400	49	5	1	—	1	56
Итого	248	48	19	7	7	329
Б. XV в.						
1401—1410	15	13	—	3	—	31
1411—1420	13	3	1	8	—	25
1421—1430	8	2	—	12	—	22
1431—1440	6	—	—	8	—	14
1441—1450	8	2	—	4	1	15
1451—1460	14	—	2	8	—	24
1461—1470	10	2	1	11	—	24
1471—1480	10	2	1	6	—	19
1481—1490	12	—	1	4	—	17
1491—1500	8	2	1	4	—	15
Итого	104	26	7	68	1	206

* К рис. 5. В таблицу не вошли варианты «Рожка» с украшениями на перемычках (две предпоследние графы табл. 1).

ные случаи, которые воспроизведены под № 1—5 на рис. 6. С этого времени «Рожок» начинает обрастать и дополнительным литерным, орнаментальным и сюжетным оформлением. Это явление опять-таки встречается очень редко. Всего насчитывается десять таких случаев, которые приводим полностью (см. рис. 7—8).

На рис. 7 даны разные примеры литерного сопровождения «Рожка» (начало и конец века).

На рис. 8 воспроизводятся все случаи комбинации «Рожка» с другими образительными элементами — цветком лилии, круг, посох и т. д. За исключением лилии, все относятся к последней трети XV в.

Переходя к XVI в., необходимо прежде всего отметить следующее: применение литерного сопровождения так учащается, что описание всего комплекса знаков XVI в. не может вместиться в рамки настоящей статьи. Поэтому ограничимся лишь описанием безлитерных соединений «Рожка» с другими знаками (без учета контрмарок). Мы сознательно опускаем все случаи появления «Рожка» в чистом виде, поскольку к этому времени «Рожок», как таковой, теряет свои отличительные признаки.

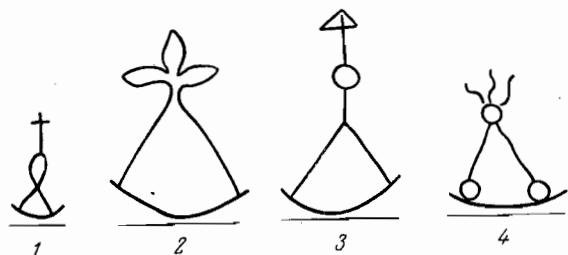

Рис. 3. Украшения на петле
перевязи. Итальянский тип:
1) крест, 2) трилистник,
3) стрела; Французский тип:
4) завязки

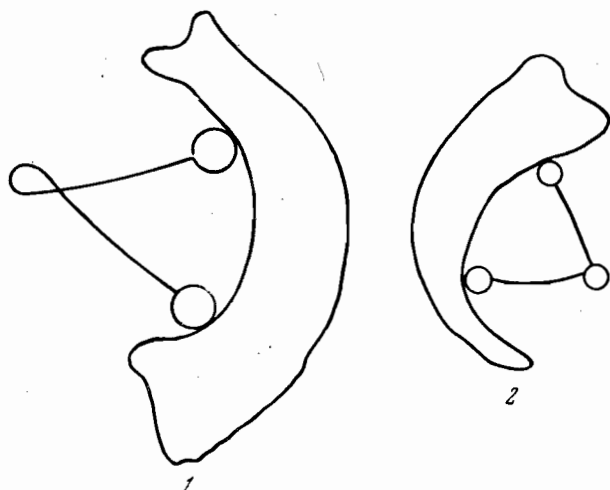

Рис. 4. «Huchet»: 1) 1334 г. (Paris Arch. Nat. X^{1c} IB). Воспроизведен В-7642; 2) 1334 г. (Genova Arch. di Stato, № 167 [165]). Сообщен. проф. G. Costamagna

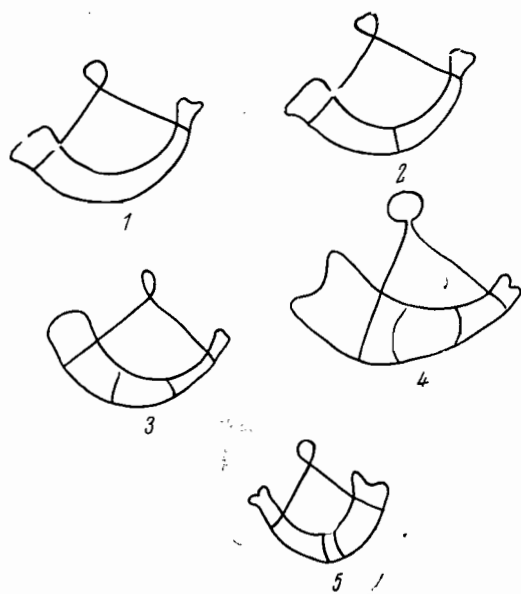

Рис. 5. Дополнительная характеристика корпуса «Рожка»: 1) без линии
2) с одной линией, 3) с двумя линиями, 4) с двумя встречными дугами,
5) с двойной линией

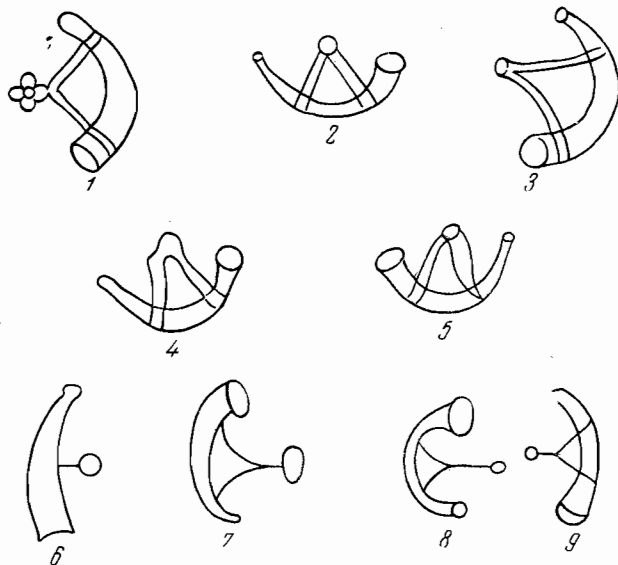

Рис. 6. Особые формы «Рожка»: 1) В-7824 (1420 г.), 2) В-7825 (1454 г.), 3) В-7826 (1460—1484 г.), 4) В-7827 (1467 г.), 5) В-7828 (1474 г.), 6) В-7829 (1546 г.), 7) В-7830 (1547—1555 г.), 8) В-7831 (1560 г.), 9) В-7823 (1575 г.)

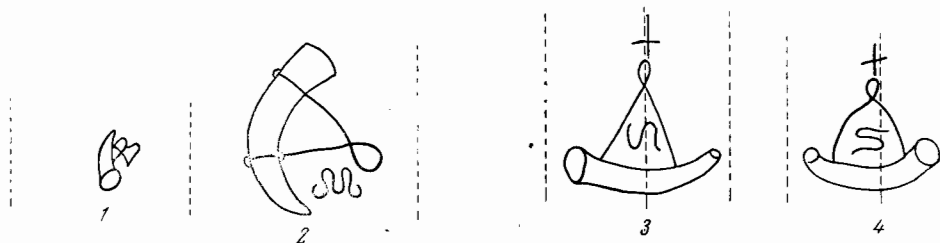

Рис. 7. Литерное сопровождение «Рожка»: 1) с литерой «В» В-7782 (1413 г.), 2) с литерой «М» В-7850 (1490—1492 г.), 3) с буквой «S» (горизонтальной) В-7848 (1458 г.), 4) с буквой «S» (вертикальной) В-7849 (1460 г.)

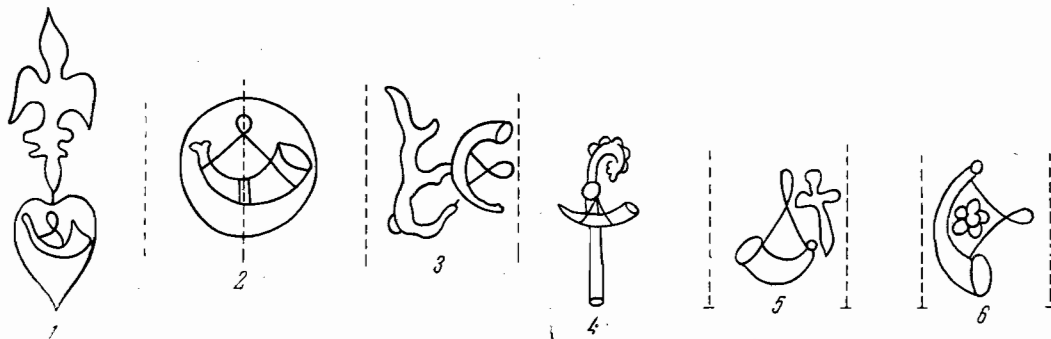

Рис. 8. Комбинация «Рожка» с другими изобразительными элементами (XV в.): 1) в сердцевидной рамке под лилией (1432—1455 г.), 2) в круге (1471—1472 г., 1513—1539 г.), 3) с оленьим рогом (1479—1480 г.), 4) на посохе (1479—1491 г.), 5) с крестом (1488 г.), 6) с цветком (1488—1540 г.)

Рис. 9. Комбинация «Рожка» с другими знаками XVI в. (к табл. 3)

**Комбинация «Рожка» с другими знаками XVI в.
(без литерного сопровождения и учета контрмарок) ***

Характеристика знака	Крайние даты **	Источник
<i>С рукой</i>		
Над рукой	1512—1536	B-11252
<i>С головой быка ***</i>		
Над головой	1532—1581	B-15313, 15143
<i>С головой быка и змеей на кресте</i>		
Под головой	1533—1542	B-15427, Лих.-3341
<i>С тварой</i>		
На тваре (внизу)	1532—1549	B-5018, собр. авт.
» » (вверху)	1553	B-5021
Под тварой	1563—1571	H-1140, B-5023
<i>С медведем</i>		
Над медведем	1538—1581	B-12356, 12364
Под »	1550	B-12359
Над » (перевернут)	1550—1557	Лих.-4148, J-167
На медведе	1554—1577	B-12366, WW-abb. 2
<i>С головой шута</i>		
Правее головы	1552	B-15734
Над головой (перевернут)	1559	B-15736
<i>С гербом Радзивиллов</i>		
Без цветов	1554	B-7888
С цветами	1594	B-7869
<i>На щите</i>		
Вытянутом кверху	1556	N-T CXXXVII (5)
Под короной (на конце — 4)	1557—	N-T CXVI (3)
Под »	1600—	Ch-313
На польском щите	1586—	H-2636
<i>С двуглавым орлом</i>		
На груди орла	1564—	B-7864
<i>Со змеей</i>		
Над головой	1579—1595	B-13844—13846
<i>С гербом Саксонии</i>		
Под гербом	1581—1591	B-1218—1220
<i>В круге</i>		
В нижней половине круга под крестом	1594	B-3105

* К рис. 9.

Список сокращений

- B — С. М. Briquet. Les filigranes, vol. I—IV. Genève, 1907.
 Ch — W. A. Churchill. Watermarks in Paper in Holland, England etc. Amsterdam, 1935.
 H — Ed. Hea wood. Watermarks, mainly of the 17-th and 18-th Centuries («Monumenta...», vol. I). Hilversum, 1950.
 J — J. M. Janot. Les moulins de la Région vosgienne, vol. I—II. Nancy, 1952.
 Лих. — Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.
 N — A. Nicolai. Histoire des moulins à papier de Sud-Ouest de la France 1300—1800, vol. I—II. Bordeaux, 1935.
 WW — Wisse Weiss. Posthorn. Ein Beitrag zur Wasserzeichenkunde («Gutenberg — Jahrbuch», 1944/49, pp. 39—46).

** Тире после даты означает, что знак встречается в следующем и более поздних столетиях.

*** После сдачи статьи в набор автором была получена книга G. Piccard. Die Ochsenkopf — Wasserzeichen, vol. I—III (Stuttgart, 1966), в которой помещена филигрань «Голова быка» с «Рожком» на самой голове (№ XVI—394, 1549 г.).

Рис. 10. Упаковочный этикет фирмы «Hönig» с изображением «Рожка»

Основных соединений, характерных для XVI в., насчитывается 11. Некоторые из них имеют по несколько вариантов, таким образом, общее число соединений достигает 22. В табл. 3 дается перечень характерных комбинаций с указанием пределов использования и источников, откуда получены эти данные. На рис. 9 воспроизводятся знаки в их наиболее раннем варианте.

Большинство знаков встречается лишь в пределах XVI в., но некоторые виды сохраняют свое значение и в более поздние времена. Таковы все виды «Рожка» на разных типах щитов и сочетание «Рожка» с двуглавым орлом.

Коснемся лишь вкратце знаков XVII в. Для этого периода характерны все виды щитов (см. рис. 9, № 13, 15—18), из новых знаков: с гербом Crange Nassau (1601, 1616 гг.), щит под короной с лигатурой WR на конце щита (1616), с гербом г. Берна (1622—) с «Grosse de Bâle» (1627—1638 гг.), с гербом графа Schaffgotsch (1644, 1698 гг.), с гербом г. Регенсбурга (1650—1695 гг.) и т. д.

Нами был использован наличный фонд опубликованных знаков, но тем не менее мы не претендуем на исчерпывающую полноту материалов, т. к. изучение знаков XVI в. находится в сравнительно ранней стадии и наверняка будет сделан еще целый ряд находок.

А. Л. Хорошкевич

ПСКОВСКАЯ ПОЛНАЯ ГРАМОТА 1511 г. *

Полные грамоты, оформлявшие продажу свободных людей в полное холопство, стали известны в науке уже давно. Изложение их содержания находится в новгородских записных книгах старых крепостей, составленных в соответствии с уложением 1597 г. в конце 1597 — начале 1598 г. Записные книги старых крепостей большей частью опубликованы. Часть актов из новгородской записной книги старых крепостей по Шелонской пятине¹ (так называемая книга Лакиера) увидела свет еще в 1855 г.², часть записной книги старых крепостей холоповладельцев Водской пятины — в 1898 г.³ А. И. Копанев в 1966 г. завершил издание записной книги старых крепостей по Шелонской пятине, опубликовав первые две части этой книги из Библиотеки АН (текущие поступления, № 98) и Архива ЛОИИ, № 1092⁴. Две книги и часть книги по Водской пятине остаются пока не опубликованными⁵. Все записные книги происходят из Новгорода, однако в них попали и копии полных грамот, написанные в других городах — Пскове и Москве.

К настоящему времени все полные грамоты тщательно собраны и систематизированы⁶. Исследователи полного холопства С. Н. Валк, которому принадлежит основополагающая работа о полных грамотах, и Е. И. Ко-

* Автор приносит сердечную благодарность Е. Н. Куповой, В. М. Панеяху и Е. И. Кольчевой за помощь в подготовке этой статьи.

¹ Классификация записных книг принадлежит В. М. Панеяху, который определил последовательность сохранившихся отрывков записных книг и их принадлежность холоповладельцам различных пятин (см. В. М. Панеях. Новгородская записная книга старых крепостей 1598 г. (Опыт реконструкции). — «История СССР, 1960, № 1. стр. 175—181; он же. Записные книги старых крепостей конца XVI в. — «Проблемы источниковедения», т. XI, 1963, стр. 357 и др.; он же. О классификации и составе записных и кабальных книг старых крепостей. — «Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1962, стр. 401; см. также Е. И. Каменцева. Записные и кабальные книги старых крепостей. — «Труды Моск. гос. историко-архивного ин-та», т. II, 1960).

² «Акты, записанные в крепостной книге XVI в.». Сообщены А. В. Лакиером. Предисловие редактора (Н. Калачова). — «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», кн. 2. Первая половина. М., 1855, стр. 31—70.

³ «Записная книга крепостным актам XV — XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву. — «Русская историческая библиотека», т. XVII. СПб., 1898, стр. 1—214.

⁴ А. И. Копанев. Материалы по истории крестьянства конца XVI — первой половины XVII в. — «Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР». М. — Л., 1966.

⁵ ЦГАДА, ф. 1144 (Новгородская приказная изба), кн. 7, 8 и 13.

⁶ Первая попытка в этом направлении была предпринята семинаристом А. С. Лапо-Данилевского (см. «Каталог частных актов Московского государства». — «Проблемы источниковедения», т. II. М. — Л., 1936, стр. 333). Полностью эта работа завершена Е. И. Кольчевой (Е. И. Кольчева. Полные докладные грамоты XV—XVI веков. — «Археографический ежегодник за 1963 год». М., 1963, стр. 41—81.

лычева установили время возникновения этих грамот, точные даты их написания, изучили формуляр полных грамот и его эволюцию во времени, местные особенности формуляра и на основе этого выяснили этапы развития полного холопства⁷.

Однако до сих пор полные грамоты были известны только в изложении записных книг конца XVI в. Первый подлинный экземпляр полной грамоты находится в бывшем Рижском городском архиве (ныне Центральный государственный архив Латвийской ССР) в фонде внешнего архива Рижского магистрата, откуда происходит подавляющее большинство грамот внешних сношений Новгорода и Пскова⁸, Полоцка⁹ и Смоленска¹⁰, начиная с XIII и кончая XVI в.

В бумагах Рижского магистрата сохранилось много грамот, касающихся внешних сношений Риги с русскими городами — Смоленском, Полоцком, их городскими советами, купеческими старостами или наместниками относительно различных торговых вопросов. В фонде преобладают послания Полоцкого городского совета, часть которых издана в первой и второй сериях «Ливонских, эстляндских и курляндских грамот»¹¹.

Грамота была послана сыном холоповладельца псковским купцом Юрием Константиновым в 1517 г. в Ригу в связи с тем, что его холопы Семен и еще один, вероятно, унаследованные им от отца, бежали в Ригу. Рижский городской совет, опираясь на заявление беглецов, назвавших себя полочанами, долго не желал возвращать их хозяину¹². Ссылаясь на показания полной грамоты 1511 г., Юрий Константинов требовал возвращения холопов.

Псковская полная грамота относится к переломному периоду истории города, когда он только что был присоединен к Русскому государству. Присоединение Пскова сопровождалось значительной ломкой всего прежнего уклада жизни¹³. Не случайно именно на 1510 и последующие за ним годы приходится наибольшее количество сохранившихся до нашего времени полных грамот. Из 12 грамот, составленных в Пскове в течение 23 лет (с 1510 по 1533 г.) и сохранившихся до нашего времени, в одном только 1510 г. было оформлено 3 продажи в полное холопство¹⁴.

Псковская полная грамота точно датирована 1511 (7020) годом 4 декабря. Она написана спустя почти два года после присоединения Пскова к Русскому государству и дает довольно полное представление обо всех назначенных великим князем псковских властях. Она упоминает наместника Петра Васильевича Великого Шестунова. Бывший дворецкий Ивана III¹⁵ князь Шестунов находился в Пскове в 1507 и 1509 гг., еще до формального его присоединения¹⁶. Наместником же он был назначен на следующий год после присоединения¹⁷. Сразу же после присоединения

⁷ С. Н. Валк. Грамоты полные.— «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову». Пг., 1922, стр. 113—132; Е. И. Колычева. Указ. соч.

⁸ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949.

⁹ К. Э. Напьерский. Русско-ливонские акты. СПб., 1868.

¹⁰ «Смоленские грамоты XIII—XIV веков», подг. Т. А. Сумникова, В. В. Лопатин. М., 1963.

¹¹ «Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch», Abt. II, Bd. I—III. Riga — Moskau, 1905—1910.

¹² Грамоты, касающиеся сношений Пскова с Ригой в конце XV — начале XVI в., автор надеется подготовить для следующего тома «Археографического ежегодника».

¹³ Подробнее см.: Н. Н. Масленникова. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955; С. М. Каштанов и А. Н. Робинсон. Две жалованные грамоты 1510 г. псковским монастырям.— «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 24. М., 1961, стр. 230—231.

¹⁴ Е. И. Колычева. Указ. соч., стр. 49, 68.

¹⁵ «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI веков», подг. Л. В. Черепнин. М.—Л., 1950, стр. 363, 390.

¹⁶ «Псковские летописи», вып. 1. М.—Л., 1941, стр. 91—92.

¹⁷ Там же, вып. 2. М., 1955, стр. 258—259. П. В. Шестунов и С. В. Курбский сменили первых наместников Г. Ф. Морозова и И. А. Челяднина, вызвавших недоволь-

ямским дьяком, в обязанности которого входило писать полные и докладные, был назначен Андрей Никифорович Волосатый: «Да во Пскове же велел быти дьяку Мисюре Муняхину ведати и приказные дела, а ямских дьяках велел быти Андрею Никифорову сыну Волосатого, писати ему полные грамоты и докладные»¹⁸. В этой должности он вероятно находился 16 лет подряд¹⁹.

В грамоте есть еще несколько имен. Это таможенники Федор Рюмин и Иван Резанец. По именам названы и послухи и пристав. Обращает на себя внимание тот факт, что среди названных в полной лиц очень много московских сведенцев или выходцев: таможник Иван Резанец, послух Данило сын Тульников, пристав Исуп Шушлевин. Единственными несомненными псковичами в грамоте были продававшийся в полное холопство Семен Федков и его мать.

Формуляр полной грамоты обнаруживает характерные черты и особенности псковских грамот, которые сохраняются и при изложении полных в записных книгах. Сравним формуляр данной грамоты и изложения другой псковской полной, также написанной ямским дьяком Андреем Волосатым 19 октября 1510 г. и занесенной в записную книгу старых крепостей — так называемую книгу Лакиера:

Грамота 1511 г.

Се яз Костентин Коняев сынъ Кожевников купил есми Семенца Федкова сына псковитина себе и своим детем в полницу. А мати Семенцова сказала, что ее сынъ Семенец живет о себе.

Дал есми на нем рубль московский.

От великого князя Василия Ивановича всея Руси тамгу и осмничье взяли таможици Федор Рюмин да Ивашко Резанец. Ото князя Петра Васильевича наместника псковского приходил пристав Исуп Шушлевин. На то послуси: Данило Григорьев сынъ Тульников да Степан Говрилов сынъ²⁰.

А грамоту писал дьяк емский Ондрей Волосатой лета 7020 декабра 4.

Изложение грамоты 1510 г.

Купил Семен Васильев сын Сеславина Васюка Гридина сына ноугородца себе и своим детем в полницу,

а дал на нем рубль московский.

От великого князя Василия Ивановича всея Русии тамгу и осмничье взяли таможицы.

Полную писал дьяк ямской Ондрей Волосатой лета 7019 октября в 19 день.

У полные печать, писано в кругу спи²¹.

В начале грамоты, как и в изложении полной, указано имя покупателя и имя покупавшегося холопа. Как всегда в новгородских и псковских грамотах, в полную занесено место рождения холопа, или, вернее, место его жительства. Точно указан тип зависимости, в которую поступает холоп: «купил... в полницу», и сумма денег, которая за это уплачена. Записано также, что тамга и осмничье были получены таможенниками, имена которых указаны в данной грамоте и опущены в изложении другой. В полной 1511 г. указано имя наместника и имя приходившего на сделку пристава наместника. В подлинной полной по именам названы и послухи. Эта

ство псковичей. Они пробыли в Пскове четыре года, до 1514 г. Уже в 1514 г. боярин П. В. Шестунов находился в Москве и принимал участие в приеме иностранных послов (Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, стр. 58).

¹⁸ А. И. Никитский. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873, стр. 304.

¹⁹ Известно, что А. Н. Волосатый писал полные грамоты в Пскове в 1515 г. и позднее, вплоть до 1526 г. («Акты, записанные в крепостной книге XVI в.», стр. 33, № 2; Е. И. Колычева. Указ. соч., стр. 69, 72).

²⁰ В грамоте от 17 октября 1515 г. указаны и послухи («Акты, записанные в крепостной книге XVI в.», стр. 31, № 2).

²¹ Там же, № 1.

вует о том, что изложение полных было точным и почти исчерпывающим текст документа. Эту точку зрения еще в форме предположения высказал около 50 лет назад С. Н. Валк²³. Найденный текст документально подтвердил правильность его мнения. А если это так, то можно считать, что записные книги сохранили вполне надежный материал для изучения полного холопства XV—XVI вв.

Неповторимой особенностью псковской полной грамоты является, по видимому, показание матери продающегося в холопство Семенца о том, что он живет самостоятельно. Вероятно, это показание должно было удостоверить правомочность Семенца. Речь в данном случае шла не о возрасте продающегося, а о его экономической самостоятельности, что, возможно, было обязательным условием совершения подобной сделки.

Грамота представляет интерес и потому, что снабжена печатью, известной ранее лишь по описанию в записных книгах. Внизу листа под текстом расположены два квадрата, вписанных один в другой, которые в записных книгах называются «кругами». В них написаны вязью три буквы, их невозможно прочитать иначе, чем «СПИ». Вряд ли поэтому можно предполагать иное чтение, чем «СПИ», хотя Н. В. Калачев раскрывал эту аббревиатуру как «ПИС», а И. А. Голубцов, идя вслед за Калачевым, предполагал, что «ПИС» могло значить «писан» или «писчая взята»²⁴.

В публикуемой в приложении к настоящей статье полной грамоте титла раскрываются, выносные буквы пишутся в строку.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1. 1511 г. декабря 4.— Полная грамота Константина Коняева Кожевникова на Семена Федкова

Се яз Костентин Коняев сын Кожевников купил есми Семенца Федкова сына псковитина себе и своим детем в полницю. А мати Семенцова сказала, что ее сын Семенец живет о себе. Дал есми на нем рубль московский. От великого князя Василия Иванович[а] всея Руси тамгу и осминич[е] взяли тамошници Федор Рюми да Ивашко Резанец. Ото княз[я] Петра Васильевич[а] наместника псковского приходил пристав Исуп Шуплевин. На то послуши: Данило Григорьев сын Тульников да Степан Говрилов сын. А грамоту писал дьяк емский Ондрей Воласатои лета 7020 декабря 4.

ЦГИА ЛатвССР, Бнешний архив Рижского магистрата, ф. 2, ящ. 19, № 77. Бумага. Водяного знака нет. Грамота написана крайне небрежной скорописью. В правом верхнем углу надпись рукой Г. Гильдебранда: «1511 Decembre 4».

Внизу грамоты слева печать: два вписанных квадрата, надпись «СПИ». Правый нижний угол 2 см × 2 см вырезан.

²³ С. Н. Валк. Указ. соч., стр. 131—132.

²⁴ «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI вв.», т. III. М., 1964, стр. 417—418.

Н. Б. Шеламанова
СЕБЕЖСКАЯ ЗЕМЛЯ В XVI в.
(Историко-географический обзор) *

Историческая география России до сих пор недостаточно разработана. Последний капитальный труд академика М. Н. Тихомирова по исторической географии России XVI в. «Россия в XVI столетии» еще раз показал необходимость конкретного изучения отдельных областей Российского государства в первые века его становления. Специальных работ о Себежской земле нет. Ее история затронута в исследованиях русских историков Н. Н. Оглоблина и М. К. Любавского, посвященных первая — Полоцкой земле в XVI в., вторая — территории Великого княжества Литовского XIV — начала XVI в. Судьбе Себежской земли в XVI в. отведено место в работе польского историка Яна Натансона-Леского «История восточной границы Речи Посполитой» (XIV—XVI вв.). Русских историков больше интересовал историко-географический аспект (определение территории, границ Литовского княжества). Польского историка привлекал широкий круг внешнеполитических вопросов, специального историко-географического исследования у него нет. Краткая характеристика города Себежа XVI в. имеется у Н. Д. Чечулина и в названном труде академика М. Н. Тихомирова¹.

Задача настоящей статьи показать территорию и административное устройство Себежской земли в XVI в. Изучение административного деления

* *Список сокращений*

Б.— Большой, -ая, -ое
в., вв.— век, века
г.— год
дер.— деревня
М.— Малый, -ая, -ое
оз.— озеро

подл.— подлинник, подлинный
пуст.— пустошь
с.— село
совр.— современный
р.— река
рч.— речка
у.— уезд

¹ Н. Н. Оглоблин, Объяснительная записка к карте Полоцкого повета во второй половине XVI в.— «Сборник Археологического института», 1880. СПб., кн. 3, отд. II, стр. 3—5; кн. 4, отд. II, стр. 3—75 и карта; М. К. Любавский, Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени первого Литовского статута. М., 1892 (далее — М. К. Любавский, Областное деление...); J. N a t a n s o n L e s k i. Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Cz. 1. Granica moskiewska w epoce Jagiellońskiej.— «Rozprawy historyczne», t. I, zeszyt 3. Lwów — Warszawa, 1922, cz. 2. Epoka Stefana Batorego w dziejach granicy wschodniej Rzeczypospolitej.— «Rozprawy historyczne», t. IX, zeszyt 2. Warszawa, 1935; Н. Д. Чечулин, Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889, стр. 102—107; М. Н. Тихомиров, Россия в XVI столетии. М., 1962, стр. 330—331.

Российского государства поставлено одной из задач составления академического исторического атласа СССР².

Особенностью Себежской земли в Российском государстве в XVI в. было ее пограничное положение на стыке границ России с Великим княжеством Литовским и Ливонским орденом. Город Себеж известен с 1414 г. как псковский пригород. Затем он был захвачен Литвой и вошел в Полоцкий повет, что зафиксировано в перемирных грамотах 1503, 1508 и 1522 гг. В 1535 г. во время русско-литовской войны Себежская волость была занята Россией. В это время крепости в ней уже не было. Российские войска отстроили летом 1535 г. на северном берегу Себежского озера крепость Ивангород-на-Себеже (Себеж), которую в следующем году литовцы пытались уничтожить, но приступ был отбит³. По перемирию 1537 г. после долгих споров и требований литовцев срыть эту крепость Себеж с волостью был признан за Россией. В России он опять был присоединен к Псковской земле.

Таким образом, с конца XV в., со времени первого договора единого Российского государства с Литовским — «вечного мира» 1494 г., Себеж представлял северо-западный район Литвы, граничивший с псковскими Красногородским и Опочецким уездами. Псковская земля официально была присоединена к России в 1510 г., однако зависимость Пскова от России к концу XV в. была настолько прочной, что в «вечном мире» 1494 г., в последующих русско-литовских договорах 1503, 1508 и 1522 гг. и позднейших Псковская земля была записана в числе российских земель. С 1537 г. русско-литовская граница отодвинулась здесь на юг, на рубежи Себежской волости с Полоцким поветом.

Однако вопрос о границах Себежской волости сразу же вызвал большие споры. Литовцы хотели отдать Себеж только с землями собственно городской черной волости, российская сторона требовала всю Себежскую волость, где имелись частные владения панов и церковей. Литва, таким образом, определяла государственную принадлежность земель по частновладельческому принципу, а Россия — по принципу их территориальной принадлежности. С уступленным Литве по этому же перемирию 1537 г. Гомелем Россия отдавала всю его волость, включая и частные владения в ней.

Во время следующих мирных переговоров в 1542 г. стороны представили свои варианты границ себежско-полоцких земель. По перемирию 1542 г. Себеж был снова признан за Россией, а для выяснения спорных границ был назначен межевой съезд. В 1543 г. этот съезд откладывался несколько раз по вине литовцев, в 1544 г. он не состоялся из-за споров о месте съезда. Российские судьи выехали к оз. Нечерцу, а литовские — к селу Овдошкову под Себеж. Литовские судьи Ян Комаевский и Глеб Есманов, так и не договорившись, уехали на родину. Российская сторона снова предложила провести пограничный межевой съезд. Дело затянулось, а затем в связи с уходом от дел (1545 г.) и со смертью короля Сигизмунда I (1548 г.) съезд так и не был созван. В дальнейшем, в 1549—1554 гг., вопрос об установлении себежско-полоцкой границы поднимали уже литовцы.

² В. К. Яцунский. Исторический атлас СССР.— «История СССР», 1967, № 1, стр. 223.

³ M. Strykowski. Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszistkiej Rusi, t. 2. Warszawa, 1846, str. 150—151; «Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским». — «Сборник Русского императорского исторического общества» (далее — Сб. РИО), т. 35. М., 1892, стр. 400, 640; «Акты, относящиеся к истории Западной России», т. 2. СПб., 1848, стр. 53, 158—159; М. К. Любавский. Областное деление..., стр. 255—257; А. Н. Насонов. Псковские летописи, вып. 1. М.—Л., 1941, стр. 107—108; вып. 2. М., 1955, стр. 228—229; ПСРЛ. СПб., т. 6, 1853, стр. 297; т. 8, 1859, стр. 290; т. 13, 1904 (переизд.: М., 1965), стр. 94—95; т. 20, 1914, стр. 429—430; т. 21, 1908, стр. 631—632; т. 26. М.—Л., 1959, стр. 316—317, 321—322; т. 29. М., 1965, стр. 17—18; М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг.— «Исторические записки», т. 46, стр. 284.

По их инициативе назначались съезды на 1551, 1552, 1554 гг., но теперь российская сторона затягивала разрешение спора, так как ей выгодно было сохранение status quo: она владела всей Себежской волостью. Межевой пограничный себежский съезд так и не состоялся ⁴.

В себежском споре, наконец, возобладал принцип, выдвинутый Россией: территориальная принадлежность земель при определении их государственной принадлежности. Речь Посполитая позднее признала владение Россией всей Себежской землей, и во время Ливонской войны, когда после присоединения к России Полоцка встал вопрос о разделе полоцких и витебских земель между Россией и Литвой, а с 1569 г. Речью Посполитой, себежско-полоцкий участок границы споров не вызывал (переговоры 1563, 1566, 1570 и 1578 гг.). После окончания Ливонской войны, хотя в 1581 г. Себеж и был взят Стефаном Баторием, а в ходе переговоров литовцы требовали его сжечь, Себеж по Ямзапольскому перемирию 1582 г. был возвращен России и граница на этом участке восстанавливалась старая. Последующие перемирия конца XVI в. (1585, 1586, 1587, 1591 гг.) и начала XVII в. (1601 г.) до начала польской интервенции в России повторяли условия Ямзапольского перемирия ⁵. Таким образом, с конца XV в., с 1494 г., российско-литовская граница в Себежском районе менялась один раз — в 1537 г., и эта последняя граница сохранялась до начала XVII в.

Для определения российско-литовской границы XVI в. имеет большое значение история города в XVII—XVIII вв. Себеж был отдан Речи Посполитой по Деулинскому перемирию 1618 г., во время Смоленской войны взят Россией, но возвращен Речи Посполитой по Поляновскому миру 1634 г. Затем в 1654 г. опять взят Россией и снова возвращен Речи Посполитой по перемирию 1678 г. Окончательно Себеж был присоединен к России в 1772 г. и входил сначала в состав Полоцкого наместничества, а с 1802 г. до 1917 г. — в Витебскую губернию ⁶. Частые переходы Себежского уезда из рук в руки привели к тому, что территория его в XVI в. не совпадает с позднейшей. Эти переходы отразились и на внутреннем административном устройстве Себежской земли — оно часто менялось ⁷.

⁴ Сб. РИО, т. 59. СПб., 1887, стр. 82, 101, 126, 132, 138, 141, 156—159, 164—166, 181—182, 190—198, 205—221, 234—255, 279—287, 303, 323—325, 335—361, 403, 408—420, 439.

⁵ Сб. РИО, т. 71. СПб., 1892, стр. 478, 656, 689, 694—696, 699—700, 735—736, 739; ЦГАДА, ф. 79 (Сношения России с Польшей), кн. 10, л. 472; кн. 12, лл. 299 об., 312; кн. 13, лл. 15 об.—16, 28 об., 292, 295 об., 311 об., 398 об.—399, 415 об., 421; кн. 14, лл. 4, 22, 267 об.; кн. 15, лл. 651 об., 654 об.; кн. 16, лл. 302 об., 308; кн. 17, лл. 352, 360; кн. 20, лл. 522, 525; трактаты № 33, 34; «Книга Посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствовании короля Стефана Батория, с 1573 по 1580». СПб., 1843 (далее — «Литовская Метрика»), стр. 30, 231, 234, 260; Сб. РИО, т. 137. М., 1912, стр. 69.

⁶ [Е. Болховитинов]. История княжества Псковского, ч. I. Киев, 1831, стр. 30; М. О. Без-Корнилович. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии. СПб., 1855, стр. 131—135; А. М. Семеновский. Витебск и уездные города Витебской губернии. СПб., 1864, стр. 130—134; «Городские поселения в Российской империи», т. I. СПб., 1860, стр. 251—254; П. Семенов. Географическо-статистический словарь Российской империи, т. IV. СПб., 1873, стр. 528—531; «Słownik geograficzny królestwa Polskiego», t. X. Warszawa, 1889, str. 484—488; В. М. Долгоруков. Витебская губерния. Историко-географический и статистический обзор, вып. 1. Витебск, 1890, стр. 88—89; М. К. Любавский. Областное деление..., стр. 255—257; В. П. Семенов. Россия. Полное географическое описание нашего отечества, т. IX. СПб., 1905, стр. 439—441. Современный Себеж — районный центр Псковской области. («Административно-территориальное деление СССР». М., 1967, стр. 143—144).

⁷ Сходную историю имеет северный сосед Себежа псковский пригород город Красный. Основан в 1464 г., в течение всего XVI в. был в руках России. В 1618—1654 гг. принадлежал Речи Посполитой, в 1654 г. взят Россией и окончательно признан за ней по Андрусовскому перемирию 1667 г. В XVII в. снова присоединен к Псковскому уезду, в XVIII—XIX вв. входил в Псковскую губернию как пригород Опочечного уезда (с 1719 г.). Другой сосед Себежа город Опочка — исконно псковский пригород, известный с 1412 г., всегда принадлежал России ([Е. Болховитинов]. История

При написании статьи использованы следующие источники: дипломатические документы сношений России с Литвой и Речью Посполитой XVI и XVII вв. — перемирные грамоты и материалы переговоров; писцовые книги Себежского, Красногородского и Опочечного уездов XVI и XVII вв. и описания полоцких земель XVI в. — литовская Полоцкая ревизия 1552 г. и российский писцовые книги полоцких волостей 1570 г.

О себежских землях XVI в. много сведений содержится в материалах себежского спора 1537—1544 гг.: жалобы обеих сторон на нападения в посольствах этого времени; варианты границ, представленные сторонами в переговорах 1542 г. (повторенные затем в переговорах 1553 г.); «обыск» российской стороны о себежских землях во время подготовки к межеровому съезду 1544 г. В документах переговоров времен Ливонской войны о разделе полоцких земель в 1570 г. частично описана себежско-полоцкая граница в списках, представленных сторонами, с оценкой обоих вариантов границы, сделанной российской стороной по показаниям местного населения — «старожильцев». Себежско-полоцкий рубеж был описан также в ходе работ по описанию границ Полоцкой земли, проведенных российской администрацией в 1563—1570 гг. во время временного владения Россией Полоцком. Описания эти были собраны в Посольском приказе в особый сборник — «Тетрадь рубежей» Полоцкого повета, где имеются описания себежско-полоцкого рубежа 1566 г. и описание соответствующей части российско-литовской границы в «досмотре» границ 1570 г.⁸

Сохранились писцовые книги пограничных полоцких волостей Нищенской и Непоротовской 1570-х гг., составленные российской администрацией в период Ливонской войны. Но эти книги, учитывающие только земли, розданные российским служилым людям, а не все земли этих волостей, дают незначительные дополнительные сведения о литовской стороне рубежа. Кроме того, переход этих земель из рук в руки, связанная с этим смена владельцев привели к перемене названий населенных пунктов или к упразднению многих из них. В результате только природные объекты (реки, озера и пр.), названные в этих книгах, могут служить ориентирами в определении территории этих полоцких волостей.

Некоторые сведения о полоцких пограничных волостях Освейской, Лисненской, Нищенской и Непоротовской можно почерпнуть из полоцкой ревизии 1552 г. При изучении этого источника следует иметь в виду, что ревизия 1552 г. учитывала только основные податные центры, а не все населенные пункты. Кроме того, описание владений в нем построено не по территориальному принципу, а по владельцам. Поэтому без предварительного исследования о землевладении крупных литовских магнатов и шляхты использовать данные этой ревизии полностью не удается⁹.

Писцовые книги Красногородского, Опочечного и Себежского уездов XVI в. не сохранились, хотя по другим псковским уездам такие книги 1585—1587 гг. имеются. Есть платежная книга всех уездов Псковской

княжества Псковского, ч. I, стр. 298; «Городские поселения в Российской империи», т. IV. СПб., 1864, стр. 288—291, 317—318; П. Семенов. Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., т. II, 1865, стр. 774; т. III, 1867, стр. 658—660; Л. П. Софийский. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем. Псков, 1912, стр. 176—183). Современный город Опочка и поселок городского типа Красногородское — районные центры Псковской области («Административно-территориальное деление СССР», стр. 143—144).

⁸ «Писцовые книги Московского государства», ч. I. «Писцовые книги XVI в.», отд. II. СПб., 1877 (далее — «Писцовые книги...»), стр. 421—455; «Временник Московского общества истории и древностей российских» (далее — «Временник МОИДР»), кн. 24. М., 1856, разд. II, стр. 1—48. О назначении и составе «Тетради рубежей» см.: Н. Б. Шеламанова. О характере и времени составления «Тетради рубежей» Полоцкого повета. — «Вопросы архивоведения», 1965, № 4, стр. 51—56.

⁹ «Писцовые книги...», стр. 507—511, 515—528; «Полоцкая ревизия 1552 г.», изд. И. И. Лаппо. М., 1905 (далее — «Полоцкая ревизия...»).

земли 1585—1587 гг.¹⁰ Она может дать лишь представление об их административно-территориальном делении, а не о территориальном составе: по своему назначению эта книга учитывала только основные населенные пункты, центры владений, с которых взимались подати. И эта книга, как и писцовые книги полоцких волостей XVI в., для определения территории дает очень мало, так как здесь мы сталкиваемся с тем же явлением перехода пограничных псковских областей из рук в руки. Лишь незначительная часть населенных пунктов конца XVI в., названных в книге 1585—1587 гг., продолжала существовать в XVII в. и позднее, поэтому может быть найдена и нанесена на современную карту.

Писцовые книги XVII в. дают значительно больше сведений, поскольку названия населенных пунктов XVII в. хорошо сохранились в дальнейшем и в большом количестве отыскиваются на картах Генерального межевания конца XVIII в., многие и на картах XIX в. Необходимо, конечно, учитывать изменения в административно-территориальном делении этих уездов, что, кстати, удается установить по этим же писцовым книгам, и исторические судьбы этих районов. Использованы писцовые книги Красногородского уезда 1674 и 1686 гг. (в последней использована недошедшая писцовая книга 1682/83 г.), а также сохранившаяся неполностью книга описи бывших литовских владений в Красногородском уезде, составленная видимо, после возвращения Красной России в 1654 г., но до описания его в 1674 г.¹¹; книги Опочецкого уезда 1624—1627 гг.¹² и Себежского — 1668 г.¹³

Значительные сведения о себежских северных рубежах содержатся в документах размежевания государственных границ России с Речью Посполитой, производившегося по решениям Поляновского мира в 1634—1648 гг. Во время этого межевания по писцовым книгам, царским грамотам и показаниям «старожильцев» были выяснены не только новые (XVII в.), но и старые границы XVI в. Граница на себежско-опочецком рубеже зафиксирована в межевой росписи 1634—1635 гг. и подтверждена в межевой записи от 23 сентября 1648 г. В материалах межевого участка 1634 г. сохранился также «досмотр» границ на себежско-опочецком участке, присланный в Посольский приказ псковским воеводой кн. Ф. И. Елецким в июне 1634 г. для межевых судей до начала работы съезда.

Некоторые сведения об административном составе Себежского и Красногородского уездов содержатся в актах передачи этих городов Речи Посполитой по Деулинскому перемирию 1618 г. В этих актах только перечисляются входящие в уезды волости¹⁴.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 355; «Сборник Московского архива Министерства юстиции», т. V, М., 1913 (далее — Сб. МАМЮ), стр. VII—XI, 263—268, 409—414, 437—441.

¹¹ ЦГАДА, ф. 1209 (Поместный приказ), кн. 17230, лл. 1—157 (писцы Василий Хозин и Марк Осиновский, 1674 г., подл.); кн. 17286. Сборник псковских актов (список XVIII в.): мерная книга Красногородского уезда старых солдат, 1686 г. (лл. 64—124, писец Никита Иванович Шишкин); мерные книги, 1682/83 г. (писцы В. Хозин и М. Осиновский); отрывки описания бывших владений литовцев в Красногородском уезде (лл. 5—63).

¹² ЦГАДА, ф. 1209, кн. 808, лл. 1—114 (список XVIII в., писец Иван Вельяминов).

¹³ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 437, лл. 1—145 («Мерная книга кн. Ивана Сумарокова и подьячего Федора Лашнова», 1668 г., подл.). Сохранились еще отрывки себежских дозорных книг 1613/14 г. (кн. 17226, лл. 1168—1183, дата «122 г.» указана на л. 1180) и «Списка со списка переписных книг» 1633 г. Михаила Татаринова поместных владений в Себежском уезде (кн. 17233, лл. 113—127). В связи с тем, что в этих книгах велась перепись владений по владельцам, а не по волостям, но, главное, из-за смены владельцев в XVII в. в Речи Посполитой, сведения этих отрывков для наших целей дают ничтожно мало — упоминание, да и то не всех сел, известных в XVI в.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 79, кн. 48, лл. 64 об.—70 об. (Роспись 1634—1635 гг.); кн. 75, лл. 100 об.—110. (Запись от 23 сентября/3 октября 1648 г., по списку 1765 г. из книг Литовской Метрики напечатана в «Историко-юридических материалах, извлеченных из актовых книг губернии Витебской и Могилевской», вып. 3. Витебск, 1872, стр. 308—317; список дефектов, географические названия искажены); 1634 г., д. 35, лл. 25—26

Из картографических источников использованы рукописные карты Генерального межевания — генеральные планы Опочецкого, Себежского и Дриссенского уездов¹⁵. Для справок привлечены карты XIX—XX вв.: «Военно-топографическая карта Российской империи» 1865—1869 гг. (трехверстка) и современные административные карты Псковской и Витебской областей 1958 и 1966 г. (масштаб 1 : 600 000).

Административное устройство Себежской земли в XVI в. не было постоянным. В 1537 г., когда Себеж был признан за Россией, и позднее, в первой половине XVI в., его земля считалась волостью. Во время спора 1537—1553 гг. в ней указывались села — центры владений. В 1537 г. упоминаются с. Мочаже, в 1542 и 1553 гг. в Никольской губе шесть пустошей «по конец оз. Нечерцы и на рч. Нечерцице», в которые «вступались» литовцы. Литовцы в 40—50-х гг. считали несправедливо присоединенными к России следующие земли частных владельцев: с. Дедино, пожалованное королем Михаилу Сапеге; с. Мочаже — на две трети принадлежащее полоцким панам Корсакам, а треть — церкви Спаса в Полоцке; с. Нечерце — пана Яна Быстрейского, путные земли в Нечерце — с. Овдошково и Ветропадовичи; с. Столевичи (Устолевичи) — панов Лovejковичей, Ивана Станавского и Клишина Осташкова; с. Михне — полоцких мещан. Тайный «обыск», проведенный российскими межевными судьями летом 1544 г. при подготовке к сорванному пограничному съезду, подтвердил, что все эти земли были себежскими, хотя и принадлежали действительно указанным владельцам¹⁶.

Итак, состав Себежской волости, какой ее получила Россия, вырисовывается следующим образом. Волостка (село) Дедино — самая западная область на границе с Красногородским уездом и Ливонией в 12 верстах от Себежа, район озер Ситно (Заситно) и Иско (Дедино), у истоков р. Иссы. Село Мочаже — область в районе одноименного озера к юго-западу от Себежского озера, в 15 верстах от Себежа (волость Мочажа есть в себежской писцовой книге 1668 г., села — нет; позднейшее с. Метеже на Себежском генеральном плане северо-западнее одноименного озера; на трехверстке село и озеро Мотяж). Село Нечерце — область в районе одноименного озера (совр. Нечерица) к югу от Себежа в 15 верстах (с. Нечерица на Себежском плане и трехверстке у юго-восточного берега озера в устье рч. Нечерчицы). Село Столевичи в 2 верстах от Себежа за озером — не отыскивается. Село Мхины — область на юго-восточном берегу Себежского озера (дер. Мхинкино в книге 1668 г., с. Мхинки на Себежском плане и трехверстке). Таким образом, спорные земли окружали собственно Себежскую волость с запада и юга.

Во второй половине XVI в. в России Себежская земля была преобразована в уезд, однако ее села не превратились в центры волостей или губ. По платежной книге 1585—1587 гг., в Себежском уезде числились Дедино волостка и Никольская губа. В последней упоминаются центры (села?): Мхины, Техомичи, Козьяны, Яблонцы. Новые центры занимали территорию северных областей: дер. Техомичи-Бураково, по книге 1668 г., на оз. Останце западнее Себежского озера (оз. Остенец есть на Себежском плане, деревни нет; фольварк Техомичи — на трехверстке), погост Яблонец — к северо-западу от Себежского озера (с. Яблонец на оз. Белкином на Себежском плане); дер. Козьяны несколько южнее Яблонца (на Себежском

(«Досмотр» рубежей в июне 1634 г. Клементия Еремеева); 1619 г., д. 2, лл. 15, 24—27, 42—46 (Дело о передаче городов Себежа, Красного и др.).

¹⁵ ЦГАДА, ф. 1356 (Коллекция карт Генерального межевания): Псковская губерния, № 23. Опочецкий у., б/г; Витебская губерния, № 40. Себежский у., 1785 г.; № 68. Дриссенский у., 1785 г.

¹⁶ Сб. РИО, т. 59, стр. 132, 138, 141, 164—166, 194—196, 248—249, 439; «Акты, относящиеся к истории Западной России», т. I. СПб., 1848, стр. 356.

плане). В акте отдачи Себежа по Деулинскому перемирию от 6 апреля 1619 г. в Себежском уезде названы также только Никольская губа и Дедина волостка (согласно недошедшим писцовым книгам 1567/68 г.). В отрывках дозорных себежских книг 1613/14 г. и переписных книг 1633 г. упоминаются области Мочажа, Мхини, Техомичи, Козьяны. Названные в книге 1585—1587 гг. 38 деревень и 8 пустошей, за исключением одной дер. Мелневской (принадлежащей Я. Т. Рютневу, отождествляемой с известной в посольской книге дер. Рютневой) не отыскиваются. Более точно определить территории отдельных себежских областей XVI в. не удастся.

Территорию Никольской губы можно приблизительно очертить как пояс, охватывающий собственно Себежский уезд с севера, запада и юга. Неясным остается, в какую административную единицу входила Мочажа, скорее всего в Никольскую губу. То, что она оставалась в Себежском уезде после 1537 г., не вызывает сомнений: она названа в отрывках дозорных себежских книг 1613/14 г., т. е. до передачи его Речи Посполитой по Деулинскому перемирию, и переписных книг 1633 г., когда Себеж был временно занят Россией. В Полоцкой ревизии 1552 г. прямо указано, что «к Себежу отышло волость Мочежо». Весь XVII в. Мочажа оставалась в Себежском уезде.

С переходом Себежской земли к Речи Посполитой с начала XVII в. административное деление ее опять меняется. В документах межевых съездов 1634—1648 гг. мы встречаемся на границе с Опочецким уездом с волостью Олши и землями Рождественской и Яблонской волостей (?). По писцовой книге 1668 г., ко времени нового временного возвращения Себежа к России в Себежском уезде были волости: Дединская, Мочажская, Заозерская, Тихомицкая, Рождественская, Яблонская, Порецкая¹⁷.

Поскольку имеются только отрывочные сведения о Себежской земле XVI в. в дипломатических документах, а в платежной книге 1585 г. названные деревни не отыскиваются (в книге числится 78 деревень, но названия даны только у 38), территорию Себежской земли приходится определять путем установления ее границ, сведения о которых имеются.

Начнем с северных областей, помня, что северные себежские рубежи были и государственными границами России и Литвы с 1494 по 1537 г. Здесь следует обратить внимание на существующую в картографической литературе ошибку в определении себежско-красногородского рубежа, с которого начиналась эта граница: территория красногородской Синеозерской губы XVI в. отводилась исследователями к Себежскому уезду.

По платежной книге 1585—1587 гг. в составе Красногородского уезда числится Петровская-Синеозерская губа (район среднего течения р. Синеи и оз. Синега), которая как волость есть в красногородской писцовой книге 1674 г., но в писцовой книге этого уезда 1686 г. ее уже нет. В акте отдачи по Деулинскому перемирию Красного (март 1619 г.), согласно писцовой книге Дмитрия Хвостова 1558 г., указана Петровская губа и в ней «за ямщиками» Лидинская слобода. Земли последней (район оз. Лидина на левобережье среднего течения р. Синеи) в XVII в. в Речи Посполитой были выделены в самостоятельную волость, о чем свидетельствуют книга описи бывших литовских владений в Красногородском уезде второй половины XVII в. и писцовая книга 1674 г. В книгах Себежского уезда — платежной 1585—1587 гг. и писцовой 1668 г. — ни Синеозерской губы, ни

¹⁷ Сб. МАМУ, т. V, стр. 437—441, 449; ЦГАДА, ф. 79, 1619 г., д. 2, лл. 15, 24—27; ф. 1209, кн. 17226, лл. 1168—1183; кн. 17233, лл. 113—127; «Полоцкая ревизия...», стр. 103, 162. В переписной книге принятия в подданство России возвращенных земель 1654 г. названы себежские волости: Лыкошковая, Сличевская (Мычевская?), Яблонская, Тихомицкая, Заозерская, Заворонская, Дединская, Нечерская. Следовательно, и в XVII в. административное устройство Себежа не было устойчивым (ЦГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), вязка 1, № 285, лл. 14—21).

Синеозерской и Лидинской волостей нет¹⁸. В XVIII—XX вв. территория Синеозерской губы XVI в. включена была в состав Себежского уезда.

Изучение писцовых книг Красногородского уезда XVII в. позволяет точно установить, когда произошел переход красногородских Синеозерской и Лидинской волостей к Себежу. В писцовой книге Красного 1686 г. есть прямые указания на то, что Синеозерскую и Лидинскую волости «заехали польские люди», почему красногородским солдатам в 1686 г. давали земли в соседней Ключевской волости¹⁹. Присоединение этих волостей к Себежу могло произойти только после 1678 г., когда Себеж был уступлен Речи Посполитой, но до 1686 г., когда сведения об этих волостях попали в красногородскую писцовую книгу.

Для выделения себежских земель XVI в. покажем сначала территорию Синеозерской губы по книгам 1585—1587 и 1674 гг. Из платежной книги 1585—1587 гг. выяснено только, что на территории Синеозерской губы «на немецком рубеже», на оз. Синем и р. Синей вниз от озера до Холодной струги были оброчные ловли, запустевшие к 1585 г. Река Синяя — левый приток Великой и оз. Синее на ней в среднем течении отыскиваются на Себежском плане и на трехверстке на границе Себежского уезда с Люцинским (Люцинский уезд XVIII в. соответствует ливонскому Лужскому — Лудзинскому — XVI в.). Холодную стругу мы отождествляем с дер. Студеной стругой, на Себежском плане расположенной на р. Синей вниз от оз. Синего, у границ себежской Синеозерской волости с Опочецким уездом XVIII в. На Себежском плане и на трехверстке обнаруживаются еще названные в платежной книге 1585—1587 гг. дер. Язвицы (две одноименные деревни — на Себежском плане, дер. Б. Язвицы — на трехверстке) и пустошь Лужище (дер. Луги) в правобережье р. Синей, между оз. Синим и Холодной стругой²⁰.

Писцовая книга Красного 1674 г. и книга описи литовских владений в Красногородском уезде 1654—1674 гг. значительно пополняют сведения о территории Синеозерской волости. Озеро Синее и среднее течение р. Синей (от озера до Холодной струги) являются только серединой волости (губы). На северном берегу оз. Синего и у р. Синей находится, по этим книгам, погост Петра и Павла (погост Синеозерский, Синий) на самой границе Себежского уезда с Люцинским XVIII в. Затем вниз по р. Синей (р. Синяя от оз. Синего до устья впадающей в нее слева рч. Ордицы в XVIII—XX вв. служила границей Себежского уезда с Люцинским; далее граница переходила на рч. Ордицу) отыскиваются в правобережье деревни Селиваково (Селивахова), Ровново (Ровнова) несколько северо-восточнее оз. Синего, пуст. Бередниково (дер. Бередникова) у известной в XVI в. пуст. Лужище (дер. Луги), пуст. Столбово (дер. Столбова); все пустоши расположены против устья рч. Ордицы. Далее вниз по р. Синей от устья рч. Ордицы до Холодной струги (в книге 1674 г. Холодная струга называется еще пуст. Алексашковой) находятся деревни Мехово (Ме-

¹⁸ Сб. МАМЮ, т. V, стр. 263, 267; ЦГАДА, ф. 1209, кн. 17230, лл. 80—95; кн. 17286, лл. 5 об.—13; ф. 79, 1619 г., д. 2, лл. 42—46. В книге приема в подданство России от мая 1654 г. в Красногородском уезде также числятся волости Синеозерская и Лидинская (ЦГАДА, ф. 210, вязка 1, № 285, лл. 47—48).

¹⁹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 1286, лл. 90, 112 («За Агафаном Черным дача Петрушки Артыка, что было ему, Петрушки, дано вместо прежней ево дачи, что было за ним в Синеозерской волости, которую заехали польские люди, и ему, Петрушки, дано в Ключевской волости... За Яковом Прокофьевым... в Ключевской волости, что ему дано вместо прежней ево дачи, что было дано ему в Лидинской волости, а тое волость заехали польские люди, из Дмитриевой дачи Алексеева...»)

²⁰ Сб. МАМЮ, т. V, стр. 263, 267; «Список населенных мест Витебской губернии». Витебск, 1906 (далее — СНМ Витеб.), стр. 382—383. Синеозерская вол.: деревни Б. и М. Язвицы — № 53, 55, Луги — № 20. Здесь и далее приводимые в скобках названия населенных пунктов или природных объектов на картах даются: первое название — по картам Генерального межевания, второе — по трехверстке. Одно название в скобках означает, что оно одинаковое на обеих картах.

хова), Козлово (Козлова); пуст. Глухово, деревни Подкурье, Прибыткава, Марьино отыскиваются только на Себежском плане (деревни Глухова, Подкурова, Прибыткава, Маринова). В левобережье р. Синей от устья рч. Ордицы вниз обнаруживаются деревни: Скоморохово (Скоморохова) в устье Ордицы, Воробьево (Воробьева), пуст. Подсеево (дер. Подсеева, Подсеевка), пуст. Жигряево (дер. Ширяево, Жугряево?)²¹.

Район к северу от р. Синей в ее среднем течении от устья рч. Ордицы и Холодной струги до рек Лжи на западе и Иссы на востоке в XVIII—XIX вв. входил в Синеозерскую волость Себежского уезда. В писцовых книгах Красногородского уезда XVI и XVII вв. сведений о каких-либо населенных пунктах в этом районе нет. Местность эта и в XVIII—XIX вв. (Себежский план и трехверстка) была совершенно незаселена, покрыта сплошными заболоченными лесами. На западе среди этих лесов по рч. Пителице (правый приток р. Лжи), оз. Питель, из которого она вытекает, и рч. Ордице (Ардица, Рубеж!), вытекающей из оз. Питель и впадающей в р. Синюю, в XVIII—XIX вв. шла граница Синеозерской волости Себежского уезда с Люцинским. Характер местности — болотистый, незаселенный — дает основание предполагать, что и в XVI в. граница Синеозерской губы Красногородского уезда с Лужским шла этими же рубежами. На севере этого лесного массива населенные области в Красногородском уезде XVII—XVIII вв. сосредоточены были у рек Лжи, Синей и Иссы, в пределах соседних с Синеозерской Ключевской (от Лжи до Синей) и Покровской волостей (правобережье р. Синей ниже Студеной струги).

Вот по этой-то границе красногородских губ — Синеозерской с Ключевской и Покровской XVI в. — по болотам от Лжи до Синей у Холодной струги и Иссы, соответствующей границе Красногородского уезда конца XVII в. и Опочецкого XVIII—XIX вв. с Себежским, — проводило себежско-красногородскую границу для XVI в. большинство исследователей, присоединяя, таким образом, красногородскую Синеозерскую губу XVI в. к Себежу²². По писцовым же книгам XVI—XVII вв. мы видим, что се-

²¹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 17230, лл. 80—89 об.; кн. 17286, лл. 8—13; СМ Витеб., стр. 382—383, Синеозерская вол.: деревни Селивахово — № 25, Ровное — № 22, Столбово — № 18, Скоморохово — № 62, Мехово — № 17, Козлово — № 16, Марьино — № 3, Воробьевка — № 50, Подсеево — № 47, Ширяево, или Жугряево — № 49 и 60.

²² Е. Замысловский. Учебный атлас по русской истории, изд. 3. СПб., 1887, карта 5 «Россия с 1613 по 1689 гг.»; С. Ф. Платонов. Атлас к учебнику русской истории для средней школы. СПб., 1914, карта «Россия XVI и XVII вв.»; J. Natanson Leski. Op. cit., cz. 1. «Mara granic wschodnich państwa Jagiellońskiego»; Арк. Василев, А. К. Янсон. Древний Псков. Л., 1929, карта на стр. 15; Wł. Semkowicz. Szkolny atlas historyczny, cz. 2. Lwów — Warszawa, 1932, mapa 11 «Polska i Litwa za Jagiellonów (w. XV)»; Wł. Godziszewski. Granica polsko-moskiewska wedle pokoju Polanowskiego (1634—1648 rr.). — «Prace Komisji Atlasu historycznego Polski», z. III. Kraków, 1935, mapa; «Атлас истории СССР для средней школы», ч. 1, изд. 15, 1955, карта «Русское государство в XVI в. 1533—1598 гг.»; «История СССР», т. I. «С древнейших времен до 1861 г.», изд. 2. М., 1964 г., карта 8; «Очерки истории СССР. Период феодализма, конец XV — начало XVII вв.», М., 1955, карта «Русское государство и его соседи во второй половине XVI — начале XVII вв. до 1618 г.»; «История Польши», т. I, изд. 2. М., 1956, карты стр. 184, 192 (Себеж неверно отнесен к территории Речи Посполитой); «Historja Polski», t. I, cz. 2. Warszawa, 1957, mapy: «Polska i Litwa w XV w. (1466 r.)», «Rzeczpospolita w XVII w.»; Cz. Nankę, L. Piotrowicz, Wł. Semkowicz. Mały atlas historyczny. Warszawa, 1957, mapa 8 «Polska i Litwa za Jagiellonów (w. XV)». Настенные исторические карты издания ГУГК, хотя и крупного масштаба, из-за схематичности показа границ допускают существенные ошибки. Карты «Образование Русского централизованного государства (1328—1533 г.)» и «Русское государство в XVI в.» (1963 и 1967 гг. издания) по границе 1533 г. относят к России территории в верховьях р. Великой, принадлежащие в это время Литве. На карте «Расширение Русского государства в XVI—XVII вв.» (1966 г.) территория Себежа отнесена (г. Себеж не обозначен) к Литве за период 1533—1598 гг. В других дореволюционных и советских исторических картах и атласах из-за мелкого масштаба карт проследить правильность псковско-себежской границы не удастся. Только у М. К. Любавского граница в районе Себежа —

верные границы Синеозерской губы (волости) с Ключевской и Покровской были внутренними границами губ (волостей) Красногородского уезда. И только присоединение Синеозерской и Лидинской волостей к Себежскому уезду в конце XVII в. сделало их в XVIII в. государственными российскими рубежами с Речью Посполитой (см. карту).

Граница Красногородского уезда с Себежским в XVI в. шла южными рубежами Синеозерской губы с Дединской волостью и собственно Себежским уездом.

От оз. Синего земли Синеозерской губы простирались на юг сначала немного вверх по р. Синей. По писцовым книгам XVII в., у южного берега озера на р. Синей отыскивается на Себежском плане одна дер. Борутино (Борутина) на границе Себежского уезда с Люцинским. А дальше и граница XVIII в. и деревни XVII в. Бабково (Обабкина, Абабкино), Окулово-Кранкино (Кранкина), Калинкино (Калинкина, Калиновка) находятся на правом берегу правого притока р. Синей — рч. Перновки²³. У этих деревень и в XVIII в. кончалась область населенных мест и начинались большие болота, идущие далеко на юг к истокам рч. Перновки и к оз. Черному и далее на юг и восток до р. Иссы, до себейской Дединской волости. В Синеозерской губе на границе с Себейской землей были расположены земли Лидина. Неизвестно, что представляло из себя Лидино в первой половине XVI в., во второй половине — это ямщицкая слобода (оз. Лидино на левобережье р. Иссы восточнее верховья рч. Перновки и оз. Черного на Себейском плане, с. Лидино — на трехверстке). Во время себейского спора в 1542 г. литовская сторона определила лидинско-дединский рубеж: от границ Ливонии — трех Волотовок (не отыскиваются) к оз. Исцу (затрудняемся в его отождествлении: оз. Исо-Дедино есть в Дединской волости, но далеко на юге, не имеется ли здесь в виду позднейшее оз. Черное?), от него к оз. Ситно (Заситно) и к р. Иссе, где начинался уже дединско-себейский рубеж (оз. Заситно соединяется на Себейском плане с Иссой рч. Заситенкой).

Таким образом, в документах XVI в. мы имеем два точных ориентира на лидинско-дединской границе: оз. Ситно и р. Исса. Граница Лидинской волости в XVII в., по писцовым красногородским (1674 и 1658—1674 гг.) и себейской (1668 г.) книгам, с собственно Себейским уездом проходила далее от оз. Заситенья вниз по Иссе. Лидинская волость, по писцовым книгам XVII в., занимала небольшую территорию к востоку от оз. Черного вдоль левого берега Иссы с центром у оз. Лидина до устья правого притока Иссы — р. Лосмы. На картах XVIII—XIX вв. отыскиваются деревни XVII в. Лидинской волости: Черный остров (деревни Б. и М. Черный остров восточнее оз. Черного — на Себейском плане, в XIX в. — не сохранились); севернее оз. Лидина — деревни Навдышево, Бычково, Селиваново (на Себейском плане — Наидышкина, Бычкова, Селиванова), Лаптево (Лаптева), Горки (Задняя и Передняя горки), Кульево (Кульева на одноименном озере). Восточнее и южнее оз. Лидина на р. Иссе на самом рубеже находятся деревни XVII в.: Демьяново, Ловарново, Машнево (на Себейском плане — Демьянова, Ловарнева, Машнева), Печулово (Печулова, Пичилева), Декшино[во]-Наглово (Ноглова?), Рубанково (Рубанка) в устье одноименной речки, против устья р. Лосмы. Ниже устья Лосмы находятся деревни Мервейка (Мервинка, Мерванка) и Глазово (Глазова — на Себейском плане) уже на лидинско-опочецком рубеже²⁴.

Красного в начале XVI в. показана правильно, но, к сожалению, из-за мелкого масштаба очень схематично. (М. К. Любавский. Областное деление..., карта «Политическая карта Литовско-Русского государства конца XV — начала XVI вв.»).

²³ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 17230, лл. 82 об. — 84; СМ Витеб., Синеозерская вол., стр. 383; имение Абабкино — № 13, дер. Калининское — № 29.

²⁴ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 17230, лл. 89 об. — 95; кн. 17286, лл. 5 об. — 7; СМ Витеб., стр. 373—376, Каменецкая вол.: погост Лидино — № 74, имение Черный остров — № 82.

Обратимся к себежской стороне рубежа — Дединской волости и собственно Себежскому уезду (в XVII в. здесь была Рождественская волость). Дединская волость в XVI—XVII вв. занимала территорию с юга на север от оз. Исца (Исо, Дедино) у истоков р. Иссы (на восточном берегу озера находился центр волости — с. Дедино) вниз по Иссе, ее левобережье до оз. Ситно (Заситенье, Заситно). На западе ее граница с Лужским (Люцинским) уездом не доходила до р. Синой. По писцовой книге Себежского уезда 1668 г., деревни у оз. Заситенья (Ситно) имели боровые леса с «бортными ухояями», выходящими «к литовскому рубежу» и «к лидинскому рубежу». На Себежском плане и трехверстке отыскиваются деревни, указанные в писцовой книге 1668 г. у западного берега оз. Заситенья: Усово (Усова, Вусова), Юрково-Сладево (Сладева, Сляжева), Овинищи (Овинскова, Овники), Дуброва-Барсуки (Барсуки). На Себежском плане граница Дединской и Лидинской волостей шла от Черного озера на юго-восток к Иссе севернее оз. Заситно и соединяющей его с Иссой рч. Засетинке. Видимо, и в XVI в. красногородско-себежская граница в этом заболоченном незаселенном районе (Лидино-Дедино) шла этими же рубежами²⁵. Рождественская волость, по книге 1668 г., расположена была восточнее Дединской, в правобережье Иссы до р. Лосмы. Правобережье Иссы здесь лесистое и болотистое, слабо заселено было и в XVIII в. По книге 1668 г., населенные пункты отыскиваются значительно южнее Иссы, у озер Каменца, Щучно, Скрябино, но отхожие земли этих деревень были на Иссе, что указывает на рубеж. Другой населенный район XVII в. — низовье Лосмы. В самой пограничной полосе отыскиваются деревни: Ламы (Ломы) в правобережье Иссы выше впадения в нее Лосмы, пуст. Решшино (дер. Репшина, Репшин), Мидиново (Мидинки, Демидинки?) в правобережье Лосмы, Армоново (Арманова) — в ее левобережье и пуст. Пересыпня на одноименной речке уже на границе Себежского уезда с Опочецким²⁶.

От устья Лосмы у Иссы далее на восток российско-литовская граница переходила на опочецко-себежские рубежи. Этот участок границы официально не менялся с конца XV до начала XVII в. Данные же межевания 1634—1648 гг. показывают, что во время польской интервенции в начале XVII в. граница эта была нарушена подданными Речи Посполитой и в этом новом виде зафиксирована в межевых актах 1634—1635 и 1648 гг. По документам межеских съездов 1634—1648 гг. удастся восстановить и себежско-опочецкую границу XVI в. К тому же сведения межевания 1634—1648 гг. сочетаются с показаниями писцовых книг Опочки 1624—1627 гг. и Себежа 1668 г.

По межевым записям 1634—1635 и 1648 гг. Себежский уезд граничил с опочецкими Черницкой (дворцовой) и Егорьевской волостями. Себежскими пограничными волостями были здесь в XVII в. Рождественская и Олши²⁷. Эта граница в 1634—1635 гг. повторяла старую опочецко-себежскую границу без изменений до устья рч. Каменки у р. Вети. Она шла

деревни Навдыши — № 149, Лаптево — № 92, Машнево — № 116, Печулево — № 89, Ноголово — № 88, Рубанка — № 109, Мервинки — № 110.

²⁵ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 437, лл. 45 об.— 59 об.; СМН Витеб., стр. 394—395, Юстиновская вол.: погосты Дедино — № 71, Заситно — № 72, деревни Усово — № 29, Слядзэво — № 44, Авинки — № 40, Борсуки — № 21.

²⁶ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 437, лл. 67 об.— 88. СМН Витеб., стр. 374—375, Каменецкая вол.: деревни Ломы — № 110, Арманово — № 32, Демиденки — № 52.

²⁷ Названной в межевых актах волости Олши в писцовой книге 1668 г. нет, ее территория входила, по этой книге, в Порецкую волость. Озеро Олше на Себежском плане (Зуево — на трехверстке) расположено между р. Ветью — правым притоком Иссы, соединяясь с Ветью рч. Олшанкой, — и р. Великой. Волость Олши в 30-х годах XVII в. занимала, видимо, пространство несколько южнее оз. Олше и далеко на север между речью рек Вети и Великой до Черного ручья. В книге принятия в российское подданство себежских земель от мая 1654 г., вероятно, этот же район назван волостью Лыкошковой (ЦГАДА, ф. 210, вязка 1, № 285, лл. 14—15).

по следующим пунктам. От устья р. Лосмы — версту вверх по Лосме до рч. Пересыпни (Пересыпницы), впадающей в Лосму справа, вверх по этой речке версты с две до болот в ее верховьях. Здесь с опочецкой стороны в Егорьевской губе названа пуст. Овсянкина на р. Лосме (дер. Овсянкина на Генеральном плане. Опочецкого уезда, на границе; на трехверстке — Овсянки) пуст. Козырева на рч. Пересыпне (дер. Козырева на Себежском плане южнее верховьев Пересыпницы, в XVIII в. на территории Себежского уезда, также у границы), с себежской стороны — рождественская дер. Ломы. От болот в верховьях рч. Пересыпни — с версту до болота у оз. Скляновского (оз. Склянское на Себежском плане на границе; Плянское? — на трехверстке). Между рч. Пересыпней и оз. Скляновским названа та же дворцовая пуст. Козырева — с опочецкой стороны, а пожни рождественского Клинского монастыря — с себежской. От оз. Скляновского с версту бором до Двух Долгих Волотовок — Игрищ (не отыскиваются), через которые шла «стежка» из опочецкого поместья Афанасия Ордина-Нащокина (!) — Слободы — в себежскую деревню Яблонцы (дер. Афанасьева слобода — на Опочецком плане и трехверстке; дер. Яблонец — на Себежском плане на оз. Белкине, значительно южнее, отделена от оз. Скляновского большими болотами). В межевой записи 1648 г. добавлено: у оз. Скляновского опочецкая дер. Тешутино А. Ордина-Нащокина (дер. Стешутино на Опочецком плане у границы) и себежская дер. Дубягина (дер. Дубяжина на Себежском плане у Яблонца). В опочецкой книге 1624—1627 гг. также названы деревни А. Л. Ордина-Нащокина Слобода, Тешутино. От Долгих Волотовок опять «мхом» до истоков рч. Каменки, левого притока Вети, и по рч. Каменке влиз две версты до р. Вети. Здесь с опочецкой стороны названа дер. Фомина, принадлежащая Афанасию Ордину-Нащокину, в устье Каменки (в записи 1648 г. добавлена дер. Петровка), а с себежской — дер. Томсина волости Олши на Вети. В опочецкой книге 1624—1627 гг. деревня в устье Каменки у А. Ордина-Нащокина названа Каменкой (на Опочецком плане и трехверстке также Каменка); дер. Томсиной в себежской книге 1668 г. нет, но деревни «в Томсинах» у р. Вети названы в Порецкой волости (с. Томсино на Себежском плане и трехверстке). Речка Каменка была пограничной и в XVIII в.²³

Сравнение данных описаний опочецко-себежской границы 1634—1648 гг., сведений писцовых книг Опочки и Себежи XVII в. с картами XVIII—XIX вв. позволяет сделать вывод, что участок границы от устья Лосмы у Иссы до устья рч. Каменки у Вети в XVI—XVII вв. проходил теми же рубежами, что и позднее в XVIII—XIX вв. (см. карту)²⁹. Эта граница и в XVIII—XIX вв. проходила по сильно заболоченной, почти не обжитой местности, особенно с себежской стороны рубежа.

От устья рч. Каменки до р. Вети себежско-опочецкая граница XVI в. не совпадает с позднейшей. Во время межевого съезда в 1634—1635 гг. выяснилось, что себежские «старожильцы» «заходили» в Опочецком уезде земли А. Ордина-Нащокина, «тянущие» к его Слободе по р. Вети, в том числе и летнюю Большую Опочецкую дорогу в ее левобережье. После длительного спора эти спорные земли были поделены пополам: земли Афанасьевой слободы в левобережье р. Вети с дер. Островом и летней Опочецкой дорогой оставили за Опочецким уездом, а леса с угодьями между Ветью и р. Великой разделили пополам. Границу в 1635 г. (она была

²³ ЦГАДА, ф. 79, кн. 48, лл. 64 об.— 70 об.; кн. 75, лл. 100 об.— 111 (Описание границы в этих актах дано с востока на запад); ф. 1209, кн. 808, лл. 82—85 об., 90 об.— 100 об.; кн. 437, лл. 116, 121—123; «Список населенных мест Псковской губернии». СПб., 1885 (далее — СНМ Пск.), стр. 186: с. Афанасьева слобода — № 5936, дер. Стешутино (Ермолаева гора) — № 5941, дер. Каменка — № 5923; СНМ Витеб., стр. 387, Томсинская вол.: с. Томсино — № 5.

²⁹ Ср. этот участок границы у В. Годзишевского по Поляновскому миру: Wł. G o d z i s z e w s k i. Op. cit., str. 16, 46—47, mapy.

подтверждена при межевании 1648 г.) провели от устья рч. Каменки вниз по Вети три версты (здесь на опочечкой стороне названы деревни А. Ордина-Нащокина: Кузьмина, Федорова, Лыкова, Говядова, в записи 1648 г. прибавлена дер. Остров; на себежской стороне Вети — пуст. Ступино, в записи 1648 г. добавлена пуст. Ульяновца). От Вети граница уходит лесами и болотами на северо-восток к р. Великой — сначала на летнюю Большую Опочечкую дорогу, которой следует четыре версты среди «мхов» до острова Козинца, от него «мхом же» полверсты до оз. Лебедина. От оз. Лебедина по зимней Опочечкой дороге граница идет две версты, опять возвращается к летней дороге, по которой полверсты до Прибытковой грязи и еще полверсты до оз. Рубежна. И, наконец, от оз. Рубежна полверсты до р. Великой, где кончался спорный рубеж в 100 сажнях ниже ручья Черного. Далее граница по Великой вверх на протяжении 15 верст до устья ручья Богатого — начала опочечко-полоцкого рубежа — споров не вызывала.

Граница, установленная здесь в 1634—1648 гг., удержалась в дальнейшем вплоть до XIX в. Основные ее ориентиры хорошо прослеживаются по картам XVIII—XIX вв. Деревни А. Ордина-Нащокина в левобережье Вети (по опочечкой книге 1624—1627 гг. пустоши) Мишин остров, Говядова, Лыкова — отыскиваются на Опочечком плане и трехверстке; на Себежском плане и трехверстке дер. Ступино в правобережье Вети. Затем в лесах к северо-востоку от Вети обнаруживаются на Себежском плане (как раз на границе) и на трехверстке озера Лебедино и Рубежное³⁰.

Документы межевого съезда 1634—1635 гг. восстанавливают границу XVI в. В «досмотре» рубежей, присланном из Пскова в июне 1634 г. (досмотр Клементия Еремеева) сообщается, что исконным рубежом Опочечкого уезда с Себежским у р. Великой в левобережье ее был ручей Черный, впадающий в нее под себежской дер. Лысковской (Лыкошково). От ручья Черного граница шла по впадающему в него «поперег» с юга ручью Подсадному, от верховьев его «бором и старью» к ручью Глинцу, от него к горе Костычихе между оз. Олши и опочечкой дер. Слободой и далее между Слободой и себежской дер. Томсиной к рч. Каменке. Сообщается, что в 1618—1619 гг. литовцы из Томсина захватили земли Афанасьевой слободы в правобережье Вети — пуст. Ульяновцу и Ступину.

Граница XVI в. в районе рч. Каменки — р. Великой также сравнительно хорошо прослеживается по карте. Прежде всего оказывается, что р. Веть не была границей между Опочкой и Себежем, граница пересекала р. Веть у устья рч. Каменки (дер. Фомина — Каменка в левобережье и пуст. Ступина в правобережье были в Опочечком уезде) и шла на северо-восток через гору Костычиху (о ней напоминает позднейшая дер. Костычиха XVIII—XIX вв.; урочище Костычиха и Пивная гора упоминаются в себежской книге 1668 г.) и далее через леса к р. Великой. Ручьи Глинец и Подсадный не отыскиваются, но последний упоминается в книге 1668 г., к нему выходили отхожие пашни дер. Лыкошковой, позднейшая деревня XVIII—XIX вв. Подсаднова, южнее Лыкошковой, имеется на Себежском плане. Деревня Лыкошково есть и в себежской книге 1668 г., и на Себежском плане в левобережье р. Великой восточнее оз. Рубежно, к которому выходили ее лесные угодья. Ручей Черный упоминается в книге 1668 г., но на картах не обнаруживается. Далее вверх по р. Великой 15 верст до устья ручья Богатого граница XVI—XIX вв. оставалась без изменений³¹ (см. карту).

³⁰ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 808, лл. 93—94; СНМ Пск., стр. 186—187: деревни Мишин Остров — № 5957, Лыково — № 5951, Б. и М. Говядово, Юхновка (Говядова) — № 5932, 5934, 5947; СНМ Витеб., стр. 387, Томсинская вол.: дер. Ступино — № 6.

³¹ ЦГАДА, ф. 79, 1634 г., д. 35, лл. 25—27; ф. 1209, кн. 437, лл. 110, 116, 118, 121—122, 125—126, 142; СНМ Витеб., стр. 387, Томсинская вол.: дер. Костычиха — № 9; стр. 380, Прихабская вол.: дер. Подсадново — № 17.

Разница в прохождении опочецко-себежской границы (район от устья рч. Каменки у Вети до р. Великой) в XVI в. и в позднейшее время не была замечена в литературе. Все историко-картографические работы показывают на этом участке для XVI в. позднейшую границу, какой она установлена в 1634—1648 гг. и сохранилась в XVIII—XIX вв.³²

Российско-литовская граница 1494—1536 гг. в районе Себежа требует, таким образом, исправления на двух участках: от ливонской границы до устья Лосмы у Иссы (красногородско-себежский рубеж) и от устья рч. Каменки у Вети до Великой у Черного ручья (опочецко-себежский рубеж).

Западные районы Себежской земли были пограничными с Ливонией, а южные и восточные — с Полоцкой землей. С 1537 г. южные себежские области были спорными между Россией и Литвой.

Описание полоцко-себежской границы 1537 г. содержится в материалах переговоров 1542 г., когда обе стороны представили свои варианты границ. Литовская сторона³³ вела рубеж, отводя к себе села Дедино, Мочаже, Столевичи, Нечерце с Овдошковым, Мхини. Ее рубеж от Иссы у оз. Ситно (Заситно), где начиналась дединско-себежская граница, шел вверх по Иссе, до устья ручья Везовца — правого притока Иссы, впадающего в нее ниже ее истока из оз. Истца (Иса, Дедина) (ручей Везавец — на Себежском плане, Везавеник — на трехверстке, в верховьях этого ручья была дер. Везовенка). Ручьем Везовцем вверх до истоков и далее суходолом до мочажско-себежского рубежа. Мочажско-себежский рубеж шел далее к озерам Чернице, Деменцу, Попелинцу, Исорно, «мхом» к оз. Косареву в рч. Беленицу до начала рубежа Столевичей с Себежем (оз. Чернице — не отыскивается, но ручей Черный, берущий начало восточнее верховьев ручья Везавца и впадающий в оз. Бронно, есть на Себежском плане, возможно на нем в XVI в. было и оз. Чернице; об оз. Деменце свидетельствуют рч. Деменца, впадающая в оз. Ореховно с юга, вытекающая из безымянного озера (Деменец?), южнее которого находилась дер. Демянец, северо-восточнее озера Глубокого — на Себежском плане, дер. Деменца — на трехверстке. Другие озера и рч. Беленица не отыскиваются, но район Деменца расположен между оз. Глубоким и Белым, к которому переходит рубеж с рч. Беленицы.

Рубеж со Столевичами (не отыскиваются) от оз. Белого (юго-западнее Себежского озера) шел в рч. Глубочицу и ею в оз. Глубокое, из него в межток, т. е. проток, до Овдошковского рубежа (рч. Глубочицы на картах нет, но ею, безусловно, можно считать позднейшую рч. Ададьницю на Себежском плане, соединяющую озера Белое и Глубокое; в низовье этой речки в XVIII в. было с. Глубочицы (на трехверстке — дер. Глыбочица). От межтока из оз. Глубокого рубеж с. Овдошкова с Себежем продолжался оз. Колесо и из него рч. Гориницей в Себежское озеро. Село Овдошково, в версте от Себежа, не отыскивается; оз. Глубокое связано протоком с оз. Вороно (Ороно), которое можно отождествить с оз. Колесо XVI в., соединяющая его с Себежским озером речка на Себежском плане не имеет названия, но на ней находились деревни Верхняя и Нижняя Угаринки, отдаленно напоминающие своим названием рч. Гориницу. Других рек, соединяющих озера Вороно и Себежское, на Себежском плане нет. От Себежского озера на восток граница Себежа с с. Мхини прослеживается вверх по р. Черной (Чернея — на Себежском плане, Черная — на трехверстке) до устья рч. Житницы — правого притока Черной (Себеж-

³² Единственная работа, в которой подвергалась изучению российско-литовская граница 1494—1536 гг., — это труд Я. Натансона-Леского, но и у него этот участок границы остался неисследованным и на карте показан традиционно неверно (J. Natanson Leski. Op. cit., cz. 1, mapa).

³³ Сб. РИО, т. 59, стр. 196—197.

ский план) и далее неопределенно до Великой (себежско-опочецкой) дороги, до границ собственно Себежской волости с полоцкой Непоротовской. Эта часть себежского рубежа споров сторон не вызывала. Таким образом, литовцы отрезали от Себежской волости половину ее земель с запада, юга и юго-востока (см. карту).

Эту предложенную литовцами в 1542 г. границу принял как основную себежско-полоцкую границу по перемирию 1537 г. Я. Натансон-Лески. Границу, выдвинутую тогда же российской стороной, притом фактически существующую себежско-полоцкую границу с 1537 г. до начала XVII в., признанную и официально после Ливонской войны Речью Посполитой, он показал спорной. При этом эта граница определена не совсем точно, особенно на карте. От истоков р. Иссы Натансон-Лески ведет границу прямо на северо-восток через озера Деменцо, Белое до северных берегов Себежского озера, которое все отводит к Полоцкому повету, сворачивая затем на р. Черную³⁴.

Российская сторона в 1542 г. показывала себежско-полоцкую границу следующим образом. От ливонской границы — от р. Швей до оз. Выдрина, от него к оз. Ярцову «да по мосточки на мох», от оз. Ярцова в рч. Ормицу (Ормеицу), в Красные Луки, затем «по конец Зеленские горы» и в оз. Нечерце, из него вниз по р. Нечерцице до Лав на Листинской дороге. От Лав «бором до Пяти мостов» на Великой дороге из Полоцка к Пскову. Отсюда по дороге к рч. Шелбенице до Копыта. От Копыта до оз. Островна, по Заозерью и до старого Албецкого рубежа — к Лукому, Брынищам, к Красному пню и к рч. Переходнице. Ею вниз в Богатый ручей и ручьем в Великую. Литовцы в 1542 г. восточную границу собственно Себежской волости с полоцкой Непоротовской также указывали от р. Черной и ее притока Житницы (границы Себежа с с. Мхини) к Большой Витовой дороге, к рч. Переходнице и от нее к ручью Богатому и им в р. Великую до Земцова перевоза³⁵.

Более подробно себежско-полоцкая граница определяется по показаниям себежских «старожильцев», собранным российской стороной во время спора о полоцких землях в 1566 г., находящимся в «Тетради рубежей» Полоцкого повета. Здесь этот рубеж определяется так: от ливонского рубежа — от р. Синей у устья ручья Неверовского (литовцы этот ручей называют р. Черной, он отделяет Себежский уезд от ливонского Лужского уезда) вверх по этому ручью три версты и далее лесом пять верст до Прорытой горы, от нее до озера Выдрина пять верст и далее лесом пять верст к Высокой горе и к рч. Орменице; речкой Орменицей вниз, не доходя двух верст до оз. Лисна (куда Орменица впадает) налево, к оз. Липну (Ливну?) и от него к оз. Нечерцу. Из оз. Нечерца рч. Нечерцицей вниз до Лав три версты. От Лав налево лесом к пяти мосткам, от них к озеру Глубокому лесом, далее к озеру Остенцу. От Остенца через Большую дорогу (полоцко-себежская) к озерку Деменцу, от него к рч. Осынице и ею вверх к оз. Осыню. Из оз. Осыня рч. Шолбаницей вверх к оз. Шолбинцу, от него вверх рч. Бобровицей к озерку Бобровцу. От озерка Бобровца через Большую дорогу к Копыту, а от Копыта к озерку Островну. От Островна рч. Островницей в рч. Черную и ею направо вверх к Брынищам и далее ею же вверх к озерку Красные пни. От Красных пней к верховью рч. Переходницы, ею вниз три версты и направо дальше мхом к Богатому ручью и им к р. Великой до начала опочецко-полоцкого рубежа³⁶.

Во время переговоров в 1570 г. часть себежско-полоцкой границы от ливонского рубежа до пяти мостков на Полоцкой дороге была указана

³⁴ J. Natanson Leski. Op. cit., cz. 1, str. 133—134, 138—141, тара.

³⁵ Сб. РИО, т. 59, стр. 164, 194—197.

³⁶ «Временник МОИДР», кн. 24, стр. 9; «Писцовые книги...», стр. 427.

польско-литовской стороной и принята российской. Здесь уточняется, что устье ручья Неверовского выше по р. Синей от оз. Синего в 60 верстах. От Неверовского ручья граница шла к оз. Крупу, оставляя в литовской стороне оз. Ормее, далее долинами и суходолом к рч. Орменице, затем к оз. Нечерцу, из него рч. Нечерцицей, а затем опять долинами и суходолом до пяти мостков. Российские «старожильцы» подтвердили, что показанный литовцами рубеж «от Неверовского ручья через оз. Нечерцо до пяти мостков — то рубеж старой Полотцкой земле с Себежскою землею»³⁷.

Используя сведения себежской писцовой книги 1668 г. и карты — Себежский, Дриссенский планы и трехверстку, определяем себежско-полоцкую границу с 1537 г. Она шла рубежами Дединской волости, Никольской губы и собственно Себежского уезда с полоцкими Освейской, Лисненской, Нищенской и Непоротовской волостями.

Граница Дединской волости с Освейской прослеживается достаточно ясно. Стык границ Себежского уезда с Полоцким и Ливонией — ручей Неверовский (рч. Черная) отыскивается на Себежском плане как безымянный ручей на границе Себежского уезда с Люцинским, в низовье его у р. Синей на себежской стороне в XVIII в. была дер. Неверовка (на трехверстке дер. Шрамы-Неверовка). Далее граница Себежского уезда с Дриссенским XVIII в. шла от ручья Неверовского на юго-восток через огромные леса и болота по совершенно незаселенной местности к оз. Выдрину (на Себежском плане оз. Выдрино северо-западнее оз. Освея, соединяется с ним рч. Освянякой и ее притоком Выдрицей); незаселенные, необжитые места тянутся здесь далеко на восток к рубежам Мочезской волости (озера Брошно, Ница, Ярце) и к Освейскому рубежу (озера Освея, Ормее). «Прорытая гора» между Неверовским ручьем и оз. Выдрином не обнаруживается. В книге 1668 г. в Дединской волости названы многие деревни южнее и восточнее оз. Исца (Исо, Дедино), уголья которых — «боровая лес» — выходили к Освейскому рубежу. Из них отыскиваются на Себежском плане Лаврова, Борянова, Колесова, Плейкова, Пирогова, Перепечки, Ляхова (на трехверстке деревни Колесново, Пирогово, Перепечки, Ляхова) — все они в левобережье ручья Везавца — рч. Везавенки (границы Дединской и Мочезской волостей). Пол-озера Выдрина принадлежало Дединской волости, по книге 1668 г., причем границей себежских владений с литовскими у оз. Выдрина названа р. Синяя³⁸. Таким образом, участок границы в районе Дединской — Освейской волостей XVI—XVII вв. в основном совпадает с себежско-дриссенской границей XVIII в.

К востоку от оз. Выдрина с себежской стороны подходили земли Мочежи³⁹, а с полоцкой — за рч. Ормеицей Освейская волость сменялась Лисненской у одноименного озера. Граница от оз. Выдрина в 1542 г. шла суходолом к рч. Ормеице, оставляя в Мочеже оз. Ярцево (Ярцо, Ярица), а в Освейской волости оз. Ормее (Ормие). Между этими озерами российские «старожильцы» в 1566 г. называли в пяти верстах от оз. Выдрина Высокую гору (не обнаруживается), а литовские в 1570 г. — оз. Крупо

³⁷ Сб. РИО, т. 71, стр. 696, 699—700, 735, 739, ГПБ, ОСПК, Q. IV. 70/1, лл. 75—97.

³⁸ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 437, лл. 45 об.— 59 об.

³⁹ Там же, лл. 5—20. Волость Мочежа, по книге 1668 г., занимала земли к юго-востоку от Дединской в районе озер Бронно, Мотяже, Ница и Ярица до озер Глубокого, Ореховна, Залесья на севере. Пограничными с Литвой были земли южнее озер Ницы и Ярицы и рч. Ормеицы; СНМ Витеб., стр. 394, Юстиновская вол.: деревни Колесово — № 4, Пирогово — № 5, Пленково — № 10, Перепечка — № 20; стр. 369—370, Глембочинская вол.: фольварк Козлово — № 58, дер. Глотова — № 28, фольварк Лузушино — № 69; сельцо Липняшки — № 71, дер. Большое Крупово на оз. Крупово — № 14. Р. Меницкий отождествляет оз. Крупове с оз. Глубоким по находящейся на нем дер. Круповой; ручья Черного он не нашел (R. Mięnicki. Egzulancki Połoccy.— «Ateneum Wileńskie», rocznik IX. Wilno, 1934, str. 64).

(Крупое) в 15 верстах от рч. Черной. На Себежском плане между оз. Ярицей и Ормием есть оз. Глыбочек, на западном берегу которого было с. Крупово (на трехверстке дер. Крупова); возможно, это озеро в XVI в. называлось Круповым, оно находилось в направлении рубежа от оз. Выдрина к рч. Ормеице. Далее границу вели по рч. Ормеице вниз (соединяет оз. Ормие и Лисно) и, не доходя за две версты до оз. Лисна, сворачивали на северо-восток к оз. Нечерцу (Нечерица). Между Ормеицей и оз. Нечерцем называли в 1542 г. Красные Луки и Зеленскую Гору (не обнаруживаются), а в 1566 г. — оз. Липно. Об этом озере может напоминать позднейшая дер. Липняги (Бороздина-Липняги). По книге 1668 г., в Мочажской волости отыскиваются деревни Булыгино-Козлово (с. Козлово, фольварк Козлово), Гловова (Глотова) — первая западнее, вторая южнее оз. Ярцева «на литовском рубеже у рч. Ормеицы», дер. Лезухино-Котовичево (с. Лезушино) у оз. Ница, отхожие луга которой были у рч. Ормеицы.

По полоцкой ревизии 1552 г.⁴⁰, Освейскую волость держал витебский воевода С. Кишка, в ней названы оз. Усвее, села Городиловичи и Стрен-

⁴⁰ «Полоцкая ревизия», стр. 11, 47, 56—57, 155, 171; ГПБ, ОСПК. Q. IV. 70/1, лл. 75—78, 80—86 об. (Освейская вол.), лл. 87—94 (Лиственская вол.). В «досмотре» границ российской стороны 1570 г., в той его части, которая попала не в «Тетрадь рубежей» Полоцкого повета, а в сборник, содержащий известную опись Царского архива XVI в., в ГПБ содержится очень подробное описание пограничной полосы Освейской и Лиственской волостей. Здесь в Освейской волости район оз. Усвее (Освее) вырисовывается обжитым в южной и юго-восточной частях и незаселенным в северной. На южном берегу озера два центра, к которым «тянули» деревни: двор С. Кишки в западной части (позднее с. Освее — на Дриссенском плане, местечко Освее — на трехверстке, совр. поселок городского типа Освее в Верхнедвинском районе Витебской области) и погост Рождества богородицы (Великое село? на Дриссенском плане и трехверстке) в восточной, в 10 верстах от пограничного оз. Крупа. Между ними много деревень по берегу озера и вверх по рч. Святце (Святце) — южному притоку оз. Освее; но из этих 16 деревень отыскивается предположительно только одна Михалково (Михалина? на рч. Святце, южнее озера на трехверстке). Далее на юго-восток сельцо Стрелки (Стренковичи?, по полоцкой ревизии на дороге Славцике с. Стрелки на оз. Ужице — на Дриссенском плане или у истоков рч. Ужицы на трехверстке). К северо-востоку от оз. Освее определяется дер. Городиловичи (по полоцкой ревизии, село, деревня на Дриссенском плане, село — на трехверстке) с многочисленными пустошами (25), земли которой доходили на востоке до оз. Белого и Лисна, на севере — до оз. Любасна. На Любасне указаны четыре пустоши (все эти пустоши у восточных берегов оз. Освее не отыскиваются). На острове оз. Освее было 20 деревень. Северный берег озера у границ с Россией населенных пунктов не имел — здесь вниз по р. Синой, от ее истоков в озере (в XVI в. р. Синяя вытекала из оз. Освее; в XVIII в. ее истоки уже севернее его — Дриссенский план) на 10 верст шли «бортные ухажи» островных деревень. Далее на восток — район оз. Ормея, в пяти верстах северо-восточнее Освейского озера и в трех верстах от пограничного оз. Крупа. Между озерами Ормея и Крупа указано 10 деревень, леса которых выходили к оз. Крупа; все они не отыскиваются. В Лисненской волости в «досмотре» описан район оз. Лисно и южнее его оз. Страдно (зап.) и Сволна (вост.), рч. Лисны (соединяет оз. Лисно и Сволно) и Сволны — южного притока одноименного озера. Это район лесной, сравнительно мало обжитой. В районе оз. Лисно указаны три деревни: Припиш (село, деревня и озеро на Себежском плане, на трехверстке — деревня и озеро Припечь у северо-западного берега оз. Лисно) и Черкасова (не обнаружена), королевская дер. Листна (с. Лисно у южного берега озера, у истоков рч. Лисны на Дриссенском плане и трехверстке). На озерах Страдно, Сволно и Тятно (между Освеем и Лисно, южнее оз. Белого) населенные пункты не указаны, здесь «бортные ухажи» дер. Лисненской. Вниз по рч. Сволне на юг деревни Гнильцы (Гнильцы на трехверстке) и Хотимицы — Хотимичи (дер. Хотимичи — на Дриссенском плане, село — на трехверстке). Таким образом, если освейская сторона рубежа севернее оз. Освейского не была заселена, выходила к Дединской и Мочажской волостям лесными заболоченными местами, то район к северо-востоку от Освейского озера на границе с Мочажой между оз. Ормея и Лисно был хорошо заселен. Находящиеся здесь населенные пункты XVI в. с обеих сторон укладываются в те границы, которые определены в ходе споров 1537—1544 и 1570—1571 гг. СММ Витеб., стр. 156—157, Дриссенский у., Освейская вол.: деревни Великое Село — № 1, Городиловичи — № 2, местечко Освей — № 44; стр. 150—151, Игналинская вол.: деревни Н. и Б. Любасно — № 5, 10; стр. 170, Юхновичская вол.: с. Лисно — № 30; стр. 155, Кухановичская вол.: погост и с. Стрелки —

ковичи. Лисненская волость как самостоятельная не выделена. Без сомнений к ней могут быть отнесены оз. Лисно и села Лисно, Хотомичи, Гнилицы. Василий Олехнович имел землю Борисовщину (не отыскивается) «на границе Московской» на Кругой (оз. Крупое?), борти которой выходили к оз. Лисну.

Граница XVI в. от оз. Выдрина до оз. Нечерца — «старый» себежско-полоцкий рубеж XVI в. — не совпадает с себежско-дрисенской границей XVIII — XX вв. В XVIII в. граница здесь шла несколько южнее, включая в состав Себежского уезда всё оз. Ормее, половину оз. Лисна, все левобережье Ормеицы, т. е. земли Освейской и Лисненской волостей XVI в. (см. карту).

У оз. Нечерца проходил рубеж Никольской губы (в XVII в. Заозерская волость) с полоцкими Лисненской и Нищенской волостями. Эта часть границы прослеживается не столь определенно. От оз. Нечерца граница шла вниз по рч. Нечерцице (соединяет озера Нечерце и Лисно) три версты, но далее Лавы на Лиственской дороге (из Себежа в Лисненскую волость?), пять мостков на Великой лсковско-полоцкой дороге (дорога на Себежском плане есть, но идет она значительно восточнее за оз. Осынь) и озера Глубокое, Остенце — не обнаруживаются. Озеро Деменец можно отождествить с оз. Деминым юго-западнее оз. Осынь, по которому и по вытекающей из него рч. Деменице шла в XVIII в. граница далее на восток к оз. Осынь. Граница XVIII в. шла от рч. Нечерцицы на восток по ее притоку Глыбочице и далее притоком последней — рч. Студенцом (эти речки XVIII в. напоминают озера XVI в. Глубокое и Остенце?). Следующую затем рч. Осыницу, вверх по которой граница шла в оз. Осынь (Осына) с полной определенностью отождествить не удается: вытекающих из оз. Осынь на запад речек нет, речка, соединяющая оз. Осынь с р. Нищей с юга, на Себежском плане носит название Межток, на трехверстке — Шалбиница, но, вероятно, она-то в XVI в. называлась Осыницей, по которой граница к оз. Осыню могла действительно идти вверх (таково же предположение и Н. Н. Оглоблина).

Таким образом, на этом участке определенными ориентирами являются только оз. Нечерце (Нечерица), рч. Нечерцица и оз. Осынь. Следует заметить, что и в XVIII—XIX вв. граница Себежа с Полоцком на этом участке шла лесными необжитыми местами. Леса здесь простирались от оз. Нечерца до оз. Осынь и далее на восток, от озер южнее Себежского озера до оз. Нищи, Долысского и других в Полоцком повете. Незаселенным этот район был и в XVI—XVII вв. На рч. Нечерцице в XVI в. были пустоши (шесть этих пустошей, на которые в 1542 и 1553 г. нападали литовцы: Шевердино, Гридково, Максимово, Кирилово, Толмачево, Урдино — не отыскиваются), а по книге 1668 г., рыбные ловли, но не населенные пункты. Заселенные районы Заозерской волости располагались в XVII в. в районе оз. Островна южнее оз. Себежского, а боровые леса этих деревень выходили далеко на юг «к Осыню до рубежа до Полоцкого уезда». По книге 1668 г. отыскиваются деревни: Климово-Рыболовцово (Рыболева), Белогурова-Суховерщино (Белогурова), Островна (с. Островно), Игнатово-Кузмино (Кузмина, Козмина), Татаброво (Тотаброва), Буланова (Боланова, Баланова)⁴¹. Так что границу между оз. Нечерцем и оз. Осынь мы проводим приблизительно, придерживаясь позднейшей себеж-

№ 63, 102; стр. 153, Клястицкая вол.: деревни Гнилицы — № 57, Хотимичи — № 29; стр. 371, Себежский у., Глембочинская вол.: дер. Припиши — № 102.

⁴¹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 437, лл. 4 об., 20—59 об. Заозерская волость XVII в. занимала территорию по обоим берегам оз. Нечерца и далее на восток до оз. Осынь, северными ее границами были южный и восточный берега Себежского озера и рч. Черная, т. е. юго-восточная часть Никольской губы, земли сел Нечерца и Мхини XVI в.; СМ Витеб., стр. 392, Чернейская вол.: деревни Островно — № 19, Боланово — № 40, Белогурово — № 41, Рыболовка — № 50.

ско-полоцкой границы XVII—XIX вв.: по верховью рч. Нечерцицы, затем ее притоку — рч. Глыбочице (XVIII в.), притоку последней рч. Студенец, далее на восток через леса к оз. Демино (Деменец?) и далее рч. Деменидей, от нее к рч. Межтоку-Шалбинице, которую мы принимаем предположительно за Осиницу XVI в., и ею вверх в оз. Осынь.

От оз. Осынь начинается самый неясный участок себежско-полоцкой границы. Это восточные рубежи Никольской губы (в XVII в. волость Заозерская) с полоцкой Нищенской волостью. Они очень общо обрисованы в документах XVI в., так что остается неясным, какие объекты — населенные пункты или природные рубежи — имеются в виду. Поэтому юго-восточный себежский рубеж удается проследить лишь приблизительно. В описаниях российской стороны 1570 г. граница от оз. Осынь шла вытекающей из него рч. Шолбеницей (в 1542 г. — Шелбеница) к оз. Шолбинцу. Такого озера на картах XVIII—XX вв. нет. Предполагаем, что имеется в виду оз. Б. Албито XVIII в. (совр. Б. Олбито), расположенное восточнее оз. Осынь, соединяющееся с р. Ницей рч. Албетицей (Шолбеница?). В правильности отождествления убеждает и свидетельство российских «старожильцев» в 1542 г., что здесь проходил «старый Албецкий рубеж».

Далее рч. Бобровницы, оз. Бобровца, Копыта на Большой полоцко-себежской дороге (на Себежском плане дорога обозначена), оз. Островна и рч. Островница, впадающей в Черную, на картах нет. Остаются предположения. Полоцко-себежская большая дорога проходит западнее оз. Б. Олбито, в направлении к ней северо-западнее этого озера есть оз. М. Олбито (Олбетцо), соединяющееся с Б. Олбито какой-то речкой (оз. Бобровце?). За дорогой к северо-западу от них есть на Себежском плане два озера Лаврово и Анисимово, связанные между собой речкой, оз. Анисимово (западнее) соединялось с Черной безымянной речкой. Данные писцовой книги 1668 г. позволяют отождествить одно из этих озер (возможно в XVI в. два эти озера были одним озером?) с оз. Островно. В книге 1668 г. названо оз. Островно Задоржное с рч. Островницей «у литовского рубежа», к которой выходили отхожие луга и леса заозерских деревень. Из них отыскиваются между озерами Лавровым и Анисимовым: деревни Пруды-Горенчарово (Гончерова?), северо-западнее на Чернее Городища (Городище) и Рютнева (Рутнева), которая известна по нападениям литовцев в 1587/88 г., Бубново на одноименном озере «у литовского рубежа» (с. Бубново) северо-восточнее оз. Лаврова. Озеро Анисимово отождествляет с Островном Н. Н. Оглоблин.

К сожалению, сохранившиеся писцовые книги пограничной полоцкой Нищенской волости 1570 г. мало дают для уточнения полоцкой стороны границы. По ним можно установить только, что озера Осынь, Б. и М. Олбито были в этой волости, деревни же и ее пустоши на картах почти не отыскиваются⁴². Возможно отождествление деревень Оверкиевой с двумя деревнями Аверковыми у истоков р. Нищи, за ней в левобережье Яковлевой (южнее оз. Б. Олбито), Петровой (с. Петровское — на Себежском плане, фольварк Петровин на трехверстке на северном берегу оз. Б. Олбито или дер. Петрова у северо-восточного берега оз. Нищи). По полоцкой ревизии, в Нищенской волости упоминаются сельцо Албеце (дер. Албетицы южнее оз. Б. Олбито), села Лукое (две деревни Луковы у одноименного озера северо-восточнее оз. Лаврова — в левобережье Чернеи), Асыно

⁴² ЦГАДА, ф. 1209, кн. 437, лл. 27—29, 33 об.—35; ф. 79, кн. 22, лл. 140 об.—141; «Писцовые книги...», стр. 518—528; «Полоцкая ревизия», стр. 58, 138; СМН Витеб., стр. 391—392, Чернейская вол.: деревни Городище — № 42, Рютнева — № 52; Бубново — № 10, какая-то Бубнова на оз. Лукомне в 1570 г. записана в писцовой книге Нищенской волости (не обнаружена); стр. 368, Аннинская вол.: деревни Яковлево — № 1, Осыно — № 33, Луково — № 16, 19; фольварк Петровино — № 47; стр. 372, Долое-чанская вол.: дер. Аверково — № 47, 60; стр. 370, Рыковская вол.: с. Нище — № 35, дер. Албятица — № 31, имение Красная Вода — № 16.

(с. Осыня у восточного берега оз. Осынь), Доложце (с. Долосцо-Долыско на одноименном озере в левобережье Нищи), Юховляне (с. Юхновичи на Нище — на Дриссенском плане) и Нищенское (с. Нища в низовье одноименной реки у оз. Нищи). Села Красное и Акулино не отыскиваются. В писцовой книге 1570 г. есть пуст. Окулинина на рч. Шуице (северный приток оз. Нищи, восточнее оз. Б. Олбито), но и она не отыскивается. Есть и оз. Красное, на котором указано восемь деревень. Но все они не обнаруживаются, так что отыскать это озеро трудно. На Себежском плане и трехверстке в верховьях рч. Шуицы северо-восточнее оз. Б. Олбито есть деревня и фольварк Красная Вода и Красноракова в лесной заболоченной местности. Не остатки ли это оз. Красного?

Таким образом, участок границы XVI в. от оз. Осынь до р. Черной удастся проследить приблизительно. Граница, видимо, проходила по северному берегу оз. Осынь (оно в книге 1668 г. не числится в составе Заозерской волости, к Осыньскому полоцкому рубежу подходили лишь леса себежских деревень), от него на восток лесами к рч. Албетице (Шолбеница?), ею в оз. Б. Олбито (Шолбинце?), из него протоком (рч. Бобровица?) в оз. М. Олбито (Бобровец?), от него сухим рубежом через полоцко-себежскую дорогу к оз. Анисимову или Лаврову (Островно Задорожное?) и от этих озерков протоком (рч. Островенка?) к р. Черной (см. карту). Район западнее и севернее озера Осыня, Б. и М. Олбито и в XVIII—XIX вв. представлял собой малонаселенную лесную местность.

От р. Черной граница определяется более точно (собственно Себежский уезд — Непоротовская волость). По уточненным данным российской стороны 1566 г., она прослеживается вверх по Черной до ее верховьев, здесь на Себежском плане находится оз. Брынищи (Бруница XVI в.) и далее на север можно отыскать следы оз. Красные пни. Озера такого названия нет ни в книге 1668 г. (в XVII в. в Себежском уезде здесь была Порецкая волость), ни на картах. На трехверстке севернее истоков р. Черной обнаруживается урочище Красный пенёк в незаселенном лесном массиве, даже в XIX в. тянувшемся от р. Черной на север и восток до р. Великой, юго-западнее оз. Белого Максютина, на которое обратили внимание Оглоблин и Натансон-Лески. Это урочище находится в направлении верховий рч. Переходницы (Переходня — на Себежском плане). Далее в низовьях Переходницы, не доходя до устья речки в оз. Прихабы (в XVI в. — Хвостне), обнаруживается ручей Богатый (рч. Богаткина) — приток Великой.

Книга 1668 г. подтверждает неизменность рубежа в XVII в. В Порецкой волости в районе оз. Алатьевичи (Алатовичи) к северо-западу от верховьев Черной и оз. Бруница и несколько западнее рч. Переходницы обнаруживается большая населенная область, отхожие пашни которой подходили к «литовскому рубежу». Здесь отыскиваются деревни Алатьевичи (Алатовичи) на восточном берегу озера, Кислова нива (Кисловые нивы), Дубровки (Дубровка, Дубровки) — к северо-востоку от оз. Алатьевичи, Мисникова (Мясникова), Проснево (с. Проснево, дер. Просна) западнее озера, Молинско (Малиновка), Могилевских (Могильня?), селище Литвийково (дер. Литвинкова), Матышино (с. Матыгино, дер. Мотыгино). Густонаселенный район оказывается и в левобережье рч. Переходницы и ручья Богатого, также названный в книге 1668 г. «литовским рубежом». На Переходнице находим деревни Рябикова (Ребикова, Рябикова), Долгое (Долгая нива), у Богатого ручья — Ивонино (Иванова, Ивонина), Борки-Воронино (Б. и М. Борки), Смагино (с. Смагино, дер. Смагина), Вораскино (Вораснина, фольварк Вораскин), Б. Яскины Падорки и М. Сидоровы Падорки (Б. и М. Подарки, Б. и М. Падарки) и, наконец, дер. Земцова в устье ручья Богатого, у р. Великой. (Земцов перевоз литовцы называли в 1542 г. как последний пограничный пункт себежско-полоцкого рубежа).

По полоцкой ревизии в Непоротовской волости указаны: с. Непоротовичи с землями Лаптево и Князево, с. Могильно (на северном берегу одно-

именного озера в левобережье Великой), возможно, села Махново, Каштутино, Шаплино (последние не отыскиваются). Село с названием Непоротовичи не обнаруживается. В «Списке населенных мест Витебской губернии» по Себежскому уезду центром Непоротовской волости является с. Кицково (между озерами М. и Б. Кицково в левобережье р. Великой, восточнее верховьев рч. Переходницы). По писцовой книге Непоротовской волости 1570 г. также не удается проследить ее границу с Себежским уездом, так как населенные ее области находились далеко на востоке, в правобережье р. Великой и ее левого притока Идрицы, в центре волости, а к Себежскому рубежу выходили те же незаселенные лесные области⁴³. Участок границы XVI—XVII вв. от р. Черной через оз. Бруняцы — Красные пни — рч. Переходницу — ручей Богатый — р. Великую хорошо прослеживается по карте (см. карту). Он соответствует границам позднейших волостей Себежского уезда. Вся же восточная граница Себежского уезда с Полоцким XVI в. не совпадает с его позднейшей восточной границей: в XVIII—XIX вв. в Себежский уезд входили земли древних полоцких волостей — Нищенской, Непоротовской, Долысской и других, так что граница уезда отодвинута была далеко на восток.

Несколько слов о себежско-ливонской границе. Эта граница стала частью границы России с Речью Посполитой после Ливонской войны, когда большая часть Ливонии была присоединена к последней. Она не имеет специальных описаний, но восстанавливается по отдельным упоминаниям в дипломатических документах XVI в. и книге 1668 г.

Себежская Дединская волость граничила на западе с Лужским уездом (Лужа, Лудзь, Люцин). Их рубежи шли западнее р. Синей, почти параллельно ей, от района оз. Ситно (Заситно) до устья ручья Неверовского (рч. Черная). Этот участок границы проходил по незаселенной лесной местности и, видимо, с XVI в. дошел без изменений до XX в.

Историю себежско-полоцкой границы XVI в. изучали Н. Н. Оглоблин и Я. Натансон-Лески⁴⁴. Оглоблин, составляя карту Полоцкого повета во второй половине XVI в., определял российско-полоцкую границу по документам «Тетради рубежей» и полоцким писцовым книгам XVI—XVII вв., из картографических материалов он пользовался только трехверсткой. Поэтому показанная им полоцко-российская граница приблизительна и нуждается в уточнениях. Так, в начале себежско-полоцкого рубежа у него неверно указаны ручей Неверовский и оз. Выдрино, которое он отождествил

⁴³ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 437, лл. 107 об.—108 об., 131—132, 139; «Писцовые книги...», стр. 507—511, 515—518; «Полоцкая ревизия», стр. 46; СМН Витеб., Прихабская вол., стр. 380—381; деревни Алатовичи — № 77, Кислова — № 76, с. Дубровки — № 84, имение Мисниково — № 88, деревни Могильно — № 70, две Литвиновки — № 97 и 106, имение Матыгино — № 103, деревни Рябиково — № 79, Долгие нивы — № 78, Ивонино — № 65, имение Борки — № 66, деревни Смагино — № 41, Вараксино — № 43, Б. и М. Падорки — № 38 и 51, фольварк 1-е и 2-е Земцово — № 33 и 35. Неясно положение с полоцкой Покровской волостью XVI в. Литовцы в 1542 г. называли у восточных границ Себежской волости Непоротовскую волость, а не Покровскую. Не числится она среди полоцких волостей XVI в. и в перемирных грамотах, но называется в писцовых книгах испомещения российских служилых людей 1570—1571 гг. В посольстве 1565 г. упоминается Покровская волость Ясы (Сб. РИО, т. 71, стр. 320). Думается, что Покровская волость была временным образованием, возникшим в связи с занятием Россией Полоцка в 1563—1579 гг. И позднее на ее территории находились земли Непоротовской и Яской волостей. Тем не менее на территории позднейшей Непоротовской волости XVII—XIX вв. отыскиваются в пограничной полосе — между рч. Переходной и Великой: пустоши Липники, Раева, Быково, деревни Леонова, Бехеева, пуст. Ходашина, деревни Пучнино, Моисеева (деревни Липни, Раева, Быкова, Леонова, Пучнина, Тюхаева, Ходашина, Масеенкова) и в устье Богатого ручья в правобережье дер. Казино и пуст. Насоново (деревни Казиха и Насонова). — СМН Витеб., стр. 378—379; деревни Липники — № 72, Раева — № 135, Леоново — № 82, Пучнино — № 121, Тюхаево — № 120, Мосеенково — № 122, Козихи — № 125, Носонова — № 136.

⁴⁴ Н. Н. Оглоблин. Указ. соч., кн. 3, стр. 3—15, 24—30, 38—39; кн. 4, карта; J. Natanson Leski. Op. cit., cz. 1 str. 138—141, mapa.

с оз. Броней, отведя, таким образом, части Дединской волости к Освейской; освейское оз. Ормие, наоборот, оказалось у него в Себежском уезде. Южная граница Себежа у оз. Нечерца и далее на восток у нас в основном совпадает до оз. Осынь. Рубеж от оз. Ормие до оз. Осынь Н. Н. Оглоблин также считал близким к границе Себежского уезда с Дриссенским XIX в. В районе оз. Осынь — р. Черной наши предположительные рубежи не совпадают: от оз. Осынь Н. Н. Оглоблин ведет границу на северо-запад по рч. Другой Шалбенице к безымянному озерку, принятому им за оз. Шолбинце (наша граница идет на восток к оз. Б. Олбито), далее к оз. Анисимову (Островну) и от него по рч. (Островнице?) к Черной. По рч. Черной Н. Н. Оглоблин не доводит границу до ее истоков (оз. Бруняцы не обнаружено), но затем ведет ее на урочище Красный пенъ и рч. Переходницу, здесь он проводит границу несколько ниже по реке, вплоть до оз. Прихабы. Так что, на наш взгляд, Н. Н. Оглоблин отводит к Полоцку территории севернее оз. Осынь, верховья рч. Черной и низовье Переходницы.

У Натансона-Леского себежско-полоцкая граница по российскому варианту дается как спорная, описание ее приводится в примечаниях к истории себежского спора в 1542 г. Описание это очень беглое, без отождествления большинства объектов XVI в. с позднейшими: от ливонского рубежа — р. Синей (Швей?) граница ведется на восток около оз. Ярицы до южного берега оз. Нечерце, от него к рч. Шелбенице, ее течением обходит с севера оз. Осыньское и Олбицкое, затем прямо на север, оставляя Сутоки и Луково в литовской стороне, и за урочищем Красный пенъ переходит на рч. Переходницу. Натансон-Лески признает, что российский вариант границы труден для определения. На карте оба варианта границы показаны слишком общо, восточная граница неверна даже в приближении: уходит далеко на восток, значительно выше по р. Великой.

Таким образом, Себежская земля в XVI в. представляла собой малонаселенную окраину России. Население ее сосредоточено было в центре, в районе оз. Себежское и Ороно, озер южнее их, а также рек Великой, Черной, Иссы и ее притока Лосмы. Территория ее в значительной степени была занята большими лесами, сильно заболоченными в пограничных областях.

На примере Себежской земли можно видеть, что административное устройство областей, переходящих от России к Литве и обратно, в силу этого неоднократно менялось в XVI—XVII вв.

Территория на спорном российско-литовском пограничье XVI в. из-за переходов этих земель от одного государства к другому не сохранила в дальнейшем в подавляющем большинстве названий населенных пунктов, в меньшей степени — и природных объектов, содержащихся в равной мере в дипломатических документах и писцовых книгах XVI в. Историко-географические темы XVI в. требуют поэтому привлечения большого круга источников XVI и последующих веков. Тем более для изучения вопросов исторической географии — административного устройства, границ, путей сообщения и др. — возрастает значение документов размежевания государственной границы России с Речью Посполитой 1634—1648 гг. Неоценимое значение имеют также карты Генерального размежевания 70—80-х гг. XVIII в., сохранившие многие названия XVI в. как необходимое звено, связывающее древность с настоящим временем.

С. А. Левина

ТРИНАДЦАТЫЙ СПИСОК ВОСКРЕСЕНСКОЙ ЛЕТОПИСИ

За сто лет, прошедших со времени издания Воскресенской летописи в «Полном собрании русских летописей» по пяти известным в то время спискам (Воскресенский¹, Алатырский², Синодальный³, Парижский⁴, Карамзинский⁵), было выявлено и описано еще семь ее списков (Мазуринский⁶, Библиотечный I⁷, Уваровский⁸, Археографический⁹, Румянцев-

¹ БАН, № 34.5.24 (основн. 1077). Описан: «Каталог обстоятельный российским рукописным книгам, к российской истории и географии принадлежащим и в Академической библиотеке находящимся...» Сост. Соколов. СПб., 1818, стр. 7, № 10; ПСРЛ, т. 7, стр. VI—VII; А. А. Шилов. Описание рукописей, содержащих летописные тексты, вып. I.—ЛЗАК, вып. XXII. СПб., 1910, стр. 24; В. В. Лаптев. Воскресенская летопись.— «Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 102. Л., 1955, стр. 175—177; «Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР», т. 3, вып. 1. Изд. 2. М.—Л., 1959, стр. 332—335.

² БАН, № 16.3.1 (основн. 1296). Описан: «Каталог обстоятельный российским рукописным книгам, к российской истории и географии принадлежащим и в Академической библиотеке находящимся...», стр. 8, № 11; ПСРЛ, т. 7, стр. VII; А. А. Шилов. Указ. описание, стр. 14; В. В. Лаптев. Указ. статья, стр. 173—175; «Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР», т. 3, вып. 1. Изд. 2, стр. 335—337.

³ ГИМ, Син. № 144. Описан: ПСРЛ, т. 7, стр. VIII; М. Н. Тихомиров. Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания.— «Исторические записки», т. 13, стр. 263; он же. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962, стр. 24, № 8.

⁴ ГПБ, Ф, IV, 678. Описан: С. Строев. Описание памятников славяно-русской литературы, хранящихся в публичных библиотеках Германии и Франции. М., 1841, стр. 79—94, № 37; ПСРЛ, т. 8, стр. V—VII; «Отчет императорской Публичной библиотеки за 1887 г.» СПб., 1890, стр. 87—89; В. В. Лаптев. Указ. статья, стр. 178—179; Л. В. Черепнин. Славянские и русские рукописи Парижской национальной библиотеки.— «Археографический ежегодник за 1961 год». М., 1962, стр. 224.

⁵ ГПБ, Ф, IV, 601. Описан: ПСРЛ, т. 7, стр. VIII; В. В. Лаптев. Указ. статья, стр. 172—173.

⁶ ЦГАДА, Собр. Мазурина, № 1530. Описан: С. А. Левина. К изучению Воскресенской летописи.— ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 691—692; М. Н. Тихомиров. Краткие заметки о летописных произведениях..., стр. 96—97, № 92.

⁷ ГПБ, Ф, IV, 239. О нем см.: А. Е. Пресняков. Мелкие заметки к Воскресенской летописи.— ЛЗАК, вып. XIII. СПб., 1901, стр. 3—5.

⁸ ГИМ, Собр. Уварова, № 567. Описан: П. Строев. Рукописи славянские и российские, принадлежащие почетному гражданину и Археографической комиссии корреспонденту И. Н. Царскому. М., 1848, стр. 196, № 232; Леонид. Систематическое описание славяно-русской рукописей собрания графа А. С. Уварова, ч. III. М., 1894, стр. 74—75, № 1384; С. А. Левина. Указ. статья, стр. 692—693; М. Н. Тихомиров. Краткие заметки о летописных произведениях..., стр. 23, № 7; стр. 30, № 16.

⁹ ЛОИИ, Собр. Археографической комиссии, № 243. Описан: Н. И. Сидоров. Рукописи императорской Археографической комиссии. Первое прибавление. СПб., 1907, стр. 7—8; А. А. Шилов. Указ. описание, стр. 9—11; В. В. Лаптев. Указ. статья, стр. 179.

ский¹⁰, Библиотечный II¹¹, Музейный¹²). Среди двенадцати списков нет ни одного, который бы содержал весь текст летописи. Воскресенский список содержит текст до 1347 г. (середины XVI в.), Алатырский — до 1347 г., Мазуринский — до 1451 г. и отрывки за 1460—1461, 1492—1493, 1496 гг., Библиотечный I — до 1230 г., Парижский — 1354—1541 гг., Синодальный — 1347—1541 гг., Уваровский — 1347—1541 гг.¹³, Археографический — 1479—1541 гг. (все семь второй половины XVI в.), Румянцевский — копия Археографического (начала XIX в.), Библиотечный II — с середины главы 56 третьего оглавления до 1541 г. (второй половины XVI в.), Карамзинский и Музейный — копии Библиотечного II (оба середины XVII в.).

Воскресенский список был принят за основной издателями седьмого тома ПСРЛ, вероятно, из-за хорошей сохранности: ни один из листов не утрачен. Рукопись писана одним почерком, но крайне небрежно, с большим количеством описок: «не надобе» вместо «надобе», «пронской» вместо «русской», «преставлении» вместо «поставлении», «взять» вместо «зять», «о правде» вместо «от прадед», «поклону» вместо «покону», «и большим» вместо «к бившим», «и сказал» вместо «изыскал», «воды» вместо «возы» и много еще, правильно читающихся в других списках¹⁴.

Имеются в списке и пропуски нескольких слов или целых предложений, восстанавливаемые с помощью других списков¹⁵.

Обнаружить список того же времени, что и Воскресенский, но более исправный — об этом, казалось, можно было лишь мечтать, так как главные архивохранилища древних рукописей в Москве и Ленинграде неоднократно обследовались, в том числе автором этих строк. И тем не менее такой список лежал... в частном собрании, не известном никому.

Впервые на него обратил внимание В. И. Малышев. Описывая собрание рукописей ленинградского инженера-кораблестроителя С. Н. Быстрова, он отметил под № 1 русский хронограф XVI в.¹⁶ В 1958 г. собрание Быстрова поступило в рукописный отдел ГИИБ¹⁷. Здесь эту рукопись изучил Н. Н. Розов. Он пришел к выводу, что перед ним не хронограф, а летопись XVI в.¹⁸ Для решения научного спора с В. И. Малышевым Н. Н. Розов обратился к нам, за что выражаем ему признательность.

В результате изучения этого списка и сличения с изданным в седьмом томе ПСРЛ текстом Воскресенской летописи, проведенных нами, удалось установить, что в собрании Быстрова хранится фрагмент самого древнего, наряду с Воскресенским, списка Воскресенской летописи.

Список на 438 лл. (имеет две чернильные нумерации в правых верхних и нижних углах до л. 40, далее и до конца книги сохраняется нумерация

¹⁰ ГБЛ, Собр. Румянцева. № 256. Описан: А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 16; С. А. Левина. Указ. статья, стр. 691.

¹¹ ГИИБ, Ф, IV, 585. Описан: «Отчет императорской Публичной библиотеки за 1875 г.». СПб., 1877, стр. 20; А. Е. Пресняков. Указ. статья, стр. 8—10; Н. Ф. Лавров. Заметки о Никоновской летописи.— ЛЗАК, вып. 1 (XXXIV). Л., 1927, стр. 75—76; В. В. Лаптев. Указ. статья, стр. 171—172; ПСРЛ, т. 29, стр. 4.

¹² ГБЛ, Музейное собр., № 1509. Описан: А. Виктор. Собрание рукописей И. Д. Беляева. М., 1881, стр. 3; С. А. Левина. Указ. статья, стр. 690—691; ПСРЛ, т. 29, стр. 4—5.

¹³ На лл. 1—14 помещен неизвестный ранее фрагмент (до 1350 г.) Сокращенного свода 1495 г., опубликованного по Мазуринскому № 289 и Архивскому № 385 из ЦГАДА в т. 27 ПСРЛ.

¹⁴ ПСРЛ, т. 7, стр. 219, 220, 226, 247, 265, 275, 2, 37, 94 и др.

¹⁵ Там же, стр. 228, 230, 243, 244, 248, 249, 258, 266, 295, 299, 302, 317 и др.

¹⁶ В. И. Малышев. К вопросу об обследовании частных собраний рукописей.— ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, стр. 452.

¹⁷ ГИИБ, Собр. Быстрова, № 2.

¹⁸ Р. Б. Заборова, И. А. Коноплева, Н. Н. Розов. Материалы для истории русской литературы в рукописных фондах ГИИБ.— «Труды ГИИБ», т. XII (5). Л., 1964, стр. 159 (раздел «Русская литература XI—XII вв.» написан Н. Н. Розовым).

только в верхнем углу). Водяные знаки: однорукий кувшинчик с литерой КВ (схожий имеется у Лихачева под № 3346—1542 г.) и перчатка с цветком над указательным пальцем (схожий имеется у Лихачева под № 1664 — между 1535 и 1540 гг.). Переплет: доски, обтянутые тисненой кожей, застежки реставрированы.

Текст сохранился с конца событий 913 г. (со слов «[Олго]ве смерти...») ¹⁹ и обрывается с окончанием л. 438 на событиях 1340 г. (до слов «...из церкви святого Николы») ²⁰.

Писан список аккуратным полууставом, очень исправен, если не считать того, что многие листы при реставрации подклеены не по порядку.

Список дает чтения, близкие к Воскресенскому и Алатырскому спискам. В тех случаях, когда Библиотечные I и II и Мазуринский списки дают чтения, отличные от Воскресенского и Алатырского, их нет и в Быстровском. В Быстровском нет пропусков, имеющих только в Воскресенском ²¹, но обнаруживаются пропуски, общие в Воскресенском и Алатырскими списками ²². В то же время чтения Быстровского списка лучше и первоначальнее чтений Воскресенского и Алатырского, хотя и встречаются во всех трех списках общие описки ²³. Они не могут быть признаны копией один другого, а восходят к общему протографу.

Введение в научный оборот нового, тринадцатого, списка и сличение его с известными ранее списками и их между собой позволяют поставить вопрос о переиздании Воскресенской летописи.

При подготовке текста Воскресенской летописи к переизданию следовало бы привлечь 10 списков (Румянцевский, Карамзинский и Музейный исключаются как копии сохранившихся списков). Ни один из 10 списков не может быть принят за основной для всего текста летописи. Отдельные части летописи целесообразно давать по следующим спискам:

- 1) оглавления — по Воскресенскому, Парижскому;
- 2) введение (кроме первой главы) и собственно текст летописи до 913 г. — по Воскресенскому;
- 3) две части первой главы введения — по Библиотечному I, а третью часть — по Мазуринскому;
- 4) текст 913—1340 гг. — по Быстровскому;
- 5) текст 1340—1347 гг. — по Воскресенскому;
- 6) текст 1347—1541 гг. — по Синодальному;
- 7) конец 1541 г. — по Археографическому.

Остальные списки можно использовать для вариантов.

¹⁹ ПСРЛ, т. 7, стр. 277.

²⁰ Там же, стр. 206.

²¹ ГПБ, Собр. Быстрова, № 2, лл. 28, 33, 37, 59, 216 и др. (ср. ПСРЛ, т. 7, стр. 295, 299, 302, 317, 66).

²² ГПБ, Собр. Быстрова, № 2, лл. 18, 53 об., 84, 147 и др. (ср. ПСРЛ, т. 7, стр. 289, 313, 333, 27).

²³ Например, «огороде» вместо «городе» (ГПБ, Собр. Быстрова, № 2, л. 9 об.; ПСРЛ, т. 7, стр. 283).

Я. Е. Водарский

О ДОСТОВЕРНОСТИ ПОУЕЗДНЫХ ИТОГОВ ПЕРЕПИСИ
СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ 1678 г.
В СВОДНЫХ ИСТОЧНИКАХ НАЧАЛА XVIII в.

В настоящей статье кратко рассматриваются три группы сводных источников, составленных в начале XVIII в. и содержащих итоги переписи 1678 г. по уездам с крепостным населением. Из дошедшего до нас сравнительно небольшого количества сводных источников они выделяются своей относительной полнотой и подробностью сведений, составлены по переписным книгам, хранившимся в начале XVIII в. в Поместном приказе, и содержат данные по 93 уездам, не считая уездов пригородов Галича, Костромы, Новгорода, Пскова и Рязани.

I. Первая группа сводных источников представляет собой поуездные перечневые выписки из переписных книг (далее — Перечни)¹. Вот образец такого Перечня по г. Серпухову и его уезду²: «Серпухов. В городе и на посаде. Посадских 281 дв.—996 чел. На осадных помещиковых и вотчинниковых [дворах] и на церковных землях посадских же на дворничестве 14 дв.—24 чел. Монастырских и помещиковых осадных 10 дв.—18 чел. Итого в городе и на посаде 305 дв.—1038 чел. В уезде. Помещиковых и вотчинниковых 22 дв.—97 чел. Крестьянских 256 дв.—1294 чел. Бобыльских 114 дв.—367 чел. Задворных [людей] 51 дв.—186 чел. Скотных 2 дв.—7 чел. Монастырских гостиных 5 дв.—21 чел. Монастырской огородной 1 дв.—5 чел. Коровьих 2 дв.—8 чел. Казенных кузнецов 4 дв.—12 чел. Мельниковых 3 дв.—14 чел. Засыпочных 4 дв.—10 чел. Квасоваров 1 дв.—3 чел. Работниковых 2 дв.—3 чел. Конюшенной 1 дв.—5 чел. Солодовой 1 дв.—2 чел. Поваров 1 дв.—2 чел. Бездворных застольных служек — 12 чел. Служних 10 дв.—30 чел. Рыбаковых 2 дв.—6 чел. Нищий 1 дв.—1 чел. Крестьянских монастырских 381 дв.—1659 чел. Бобыльских 61 дв.—218 чел. На церковных землях попов 1 дв.—2 чел. За попами бобыльских 14 дв.—21 чел. Всего 1245 дв.—5063 чел.»³.

Этот Перечень дает нам довольно полную картину состава населения в городе и во владениях светских феодалов и духовенства в уезде.

Не все Перечни содержат одинаковые категории населения. В некоторых из них отсутствуют сведения о городах, в других находим отрывочные и явно случайные сведения о дворцовых крестьянах. Но во всех Перечнях есть поуездные итоги переписи крестьян, бобылей, задворных и деловых

¹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 5268, лл. 10—217.

² В источнике текст дан столбиком с двумя графами для числа дворов и лиц мужского пола.

³ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 5268, л. 81—81 об. Итог не верен, следует 5023 человека.

людей, принадлежавших помещикам, вотчинникам, патриарху, архиереям, монастырям и церквям (иногда категории владельцев объединяются, например, «за помещики и за вотчинники» и т. п.). Указано также число владельческих дворов и холопов в них, приведены данные о ремесленниках, живших на землях духовенства (иногда в поместьях и вотчинах).

Датировать составление Перечней можно только приблизительно началом XVIII в., всего вероятнее, вторым десятилетием или началом третьего (но не позднее 1722 г.).

II. Вторая группа сводных источников представляет собой восемь табелей (далее — Ведомости)⁴. Они охватывают губернии: Московскую (32 уезда), Санкт-Петербургскую (20 уездов), Архангелогородскую (3 уезда), Рижскую (11 уездов), Нижегородскую (7 уездов), Киевскую (14 уездов), Азовскую (2 уезда) и 7 уездов «Воронежского присутствия городов»⁵.

Каждая Ведомость имеет вертикальные графы. В 1-й графе помещены названия уездных городов, нижняя строка — итог дворов и людей по группам населения, а следующие графы варьируются. В Ведомости Московской губернии далее идут такие графы: 2 и 3-я «посад» (итоги дворов и людей), 4 и 5-я — «помещиковы и вотчинниковы», 6 и 7-я — «крестьянские», 8 и 9-я — «бобыльские», 10 и 11-я — «задворные и деловые», 12 и 13-я — «розночинцы», 14 и 15-я — «за патриархом, и за архиереи, и за монастыри, и за церкви», 16 и 17-я — «крестьянские», 18 и 19-я — «бобыльские», 20 и 21-я — «розночинцы», 22 и 23-я — «итого». В Ведомости Санкт-Петербургской губернии нет граф 14 и 15 (в данной и других Ведомостях, где эти графы отсутствуют, следующие две графы называются: «за патриархом, и за архиереи, и за монастыри, и за церквями крестьянских»), а добавлены четыре графы для дворцовых крестьян и бобылей. В Ведомости Рижской губернии графы 14 и 15-я называются «монастырские и церковные», а после граф 2 и 3-й добавлены четыре графы: «на посаде бобыльские» и «розночинцы осадные». В Ведомости Киевской губернии нет граф 12—15-й. В Ведомостях других губерний отсутствуют графы 14 и 15.

Каждая Ведомость озаглавлена: «Табель такой-то губернии с переписных книг 186-го году» и подписана дьяком Агафоном Прегаевым и канцеляристом Иваном Окоемовым, кроме двух табелей — 1) Азовской губернии, который подписан следующим образом: «Году 1722 июля в 24 день укрепил дьяк Агафон Прегаев. Канцелярист Иван Окоемов» и имеет помету: «Дано ис Приказного стола. Писал и чол Иван Иванов»; 2) Киевской губернии, который подписан одним Агафоном Прегаевым и имеет помету: «Смотрил Иван Ветошников».

К восьми погубернским Ведомостям приложена сводная итоговая ведомость дворов и людей по всем губерниям и группам населения. Она не озаглавлена, подписана теми же А. Прегаевым и И. Окоемовым и имеет следующую помету: «Сия табель перечневая и восемь табелей по губерниям учинены с табелей, каковы поданы в канцелярию Сената декабря 3-го дня 717-го году»⁶.

Приведенные пометы дают основание предположить, что эти Ведомости были составлены в 1717 г., вероятно, для сравнения с итогами ландратской переписи. В 1722 г. с них были сделаны копии для сравнения с итогами подушной переписи. Об этом свидетельствует и общий заголовок дела: «Ведомость нынешнего 722-го году, что в Поместном приказе по переписным книгам 186-го году дворового числа крестьянских, и бобыльских, и де-

⁴ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 5268, лл. 1—8. Копии: ЦГАДА, ф. 1209, кн. 5276, лл. 87—92, 95—104.

⁵ Всего 96 уездов, т. к. отдельно даны итоги по трем рязанским пригородам.

⁶ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 5268. На копиях сводного табеля (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 5276, лл. 93—94 и 105—106) имеется помета: «8 табелей по губерниям и сия перечневая поданы в Канцелярию Сената сенаторам декабря в 6-й день нынешнего 717-го году пополуночи в 8-м часу».

ловых людей дворов по городом и по чином порознь, а имянно: дворцовых ⁷, за патриархом, за властми, за монастыри, за церкви, за бояры и окольничими, и думными, и ближними, и царедворцы, и всяких чинов за людьми по чином. С той, которая из Вотчинной конторы подана в Канцелярию брегандира господина Зотова. Ведомость всего Приказу». Как известно, канцелярия В. Н. Зотова ведала проведением подушной переписи.

Следует отметить, что поуездные итоги в Ведомостях не совпадают с итогами Перечней.

III. Третья группа сводных источников представляет собою поуездные таблицы, составленные канцелярией В. Н. Зотова, в которых содержатся итоги переписи 1678 г. и подушной переписи (подсчитанные на 1721 г.) ⁸. В основу этих источников (далее — Табеля) были положены какие-то еще неизвестные нам поуездные таблицы с итогами переписных книг 1678 г., подсчитанными в Вотчинной канцелярии ⁹.

Табеля, составленные канцелярией В. Н. Зотова, охватывают те же 93 уезда, что и Перечни и Ведомости (и, кроме того, еще уезды Корочанский и Яблоновский). Они имеют общий заголовок: «Ведомость, сколько в котором городе и уезде по присланным из Вотчинной канцелярии перечням 186-го году крестьянских, бобыльских, разночинцовых и других званей дворов и в них людей, и что по скаскам 170-го и 720-го годов и прописных всякого звания мужеска полу людей перечнем октября по 1 число 1721-го году».

Нас интересуют лишь итоги переписи 1678 г. К сожалению, в Табелях они менее подробны, чем итоги Перечней и Ведомостей. Во-первых, в них не указано население посадов ¹⁰. Во-вторых, итоги переписи крепостных людей и холопов указаны только общие, поуездные, без выделения числа дворов и людей за светскими феодалами и за духовенством. В-третьих, в ряде уездов в итоги переписи крестьян и бобылей включены и дворцовые крестьяне и бобыли, причем далеко не во всех уездах, где таковые были.

В то же время в Табелях полнее учтены холопы и особенно разночинцы и церковнослужители.

Таким образом, в Табелях содержатся общие поуездные итоги переписи следующих четырех групп населения: 1) крестьян и бобылей, 2) холопов, 3) разночинцев и 4) церковнослужителей.

Происхождение изучаемых источников — Перечней, Ведомостей и Табелей — однотипно: подьячие Поместного приказа выписывали из переписных книг и подсчитывали частные итоги по отдельным группам населения, составляя перечневые выписки. Следовательно, при критическом анализе встают прежде всего вопросы о полноте охвата территории, полноте учета групп населения, регистрации населения каждой группы, правильности арифметических выкладок писцов и подьячих. От этого зависит возможность использования итогов переписных книг и сводных источников.

Изучение вопросов о достоверности итогов переписных книг позволяет, как нам представляется, сделать вывод о том, что перепись 1678 г. учла не менее 75% населения мужского пола, подлежавшего регистрации, что ошибки писцов при подведении поуездных итогов составляют, как правило, не более 5% итога и что поуездные итоги поэтому пригодны для использования.

⁷ Писцовых и переписных книг дворцовых вотчин в Поместном приказе не было, за исключением книг по отдельным вотчинам в нескольких уездах Санкт-Петербургской губернии.

⁸ ЦГАДА, ф. 248, кн. 659, лл. 426—427 об.

⁹ Об истории их составления см.: М. В. Кочков. Очерк подушной переписи при Петре Великом. — ЖМНП, 1915, январь, отд. II, стр. 110—150.

¹⁰ Подушная перепись в это время не касалась посадских людей, которые были включены в нее только с 1722 г.

Если предположить, что подьячие начала XVIII в. считали не хуже, чем подьячие и писцы последней трети XVII в., то эти выводы можно распространить и на итоги черечневых выписок, которые легли в основу изучаемых сводных источников¹¹.

В этих сводных источниках мы имеем поуездные итоги одних и тех же переписных книг, полученные при трехкратных независимых друг от друга подсчетах. Каждый, кому приходилось работать с переписными книгами, по опыту знает, как трудоемки и сложны такие подсчеты и как легко допустить при этом ошибки. Но если трехкратные подсчеты дают относительно небольшое расхождение в итогах, следовательно, в основном они правильны.

В приложении к настоящей статье помещена таблица поуездных итогов переписи населения 1678 г. по 93 уездам Европейской России, в которых было крепостное население, составленную по изучаемым сводным источникам. В примечаниях к таблице даны необходимые объяснения. Их насчитывается 18. В 7 уездах (Вологодском, Дмитровском, Калужском, Новгородском, Романовском, Рыльском и Серпейском) расхождение итогов в сводных источниках объяснению пока не поддается и требует привлечения других источников, прежде всего самих переписных книг. В 13 уездах (Белгородском, Валуйковском, Воронежском, Дедиловском, Донковском, Ефремовском, Курском, Ливенском, Псковском, Старицком, Староскопском, Устюженском и Ярославском) расхождение итогов объясняется различной полнотой подсчетов холопов, разночинцев и церковнослужителей.

Остановимся сначала на полноте итогов, приведенных в таблице. В ней опущены итоги посадского населения, которые имеются в Перечнях и Ведомостях, но отсутствуют в Табелях. Опущены также имеющиеся в Перечнях и Ведомостях отрывочные данные о дворцовых крестьянах и бобылях¹². Таким образом, таблица содержит общие поуездные итоги переписи крепостного и очень небольшого количества свободного сельского населения в 93 уездах, охватывая 2 млн. человек мужского пола. Не учтенное таблицей население в уездах с преобладанием крепостничества составляет около 250 тыс. человек, или около 11% всего крепостного населения России мужского пола, зарегистрированного переписью.

Таблица позволяет установить относительно точные поуездные итоги переписи населения, составлявшего 89% всего крепостного населения России. В этом ее главное значение.

Сравнение изучаемых сводных источников показывает, что разница между итогами одних и тех же уездов в большинстве случаев относительно невелика, а там, где она значительна, она произошла за счет более полного подсчета холопов, разночинцев и церковнослужителей, как отмечено выше, хотя этот более точный подсчет увеличивает общий итог населения по 93 уездам примерно на 70 тыс. человек, т. е. всего на 3,3%, по отдельным уездам, особенно южным, разница довольно велика.

Характерно, что итоги Табелей не всегда больше итогов Перечней и Ведомостей, поэтому для установления более точного поуездного итога необходимо сравнивать все три источника. Интересно сравнить итоги сводных источников с итогами переписных книг. Возьмем, например, Серпу-

¹¹ Проверка общих итогов Ведомостей подтвердила это предположение.

¹² О численности и размещении населения по районам, в том числе дворцовых крестьян, см. подробнее: Я. Е. Водарский. Численность населения и количество помещтно-вотчинных земель в XVII в. по писцовым и переписным книгам.— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964 г.». Кишинев, 1966, стр. 217—230. О посадских людях см.: Я. Е. Водарский. Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в.— «Города феодальной России». Сб. статей памяти Н. В. Устюгова. М., 1966, стр. 271—297. Поуездные данные о дворцовых и черносопных крестьянах доложены автором на IX (Таллинской) сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (1966 г.).

ховский уезд: Перечень — 940 дворов, 3985 человек, Ведомость — 887 дворов, 3823 человека, Табель — 982 двора, 4160 человек, переписная книга — 821 двор, 3767 человек¹³. Как видим, итог переписной книги наименьший. Это обстоятельство понятно: переписные книги составлялись на основании сказок населения, в которые включались зачастую и нетяглые люди. Они попадали и в переписную книгу, но в общие итоги не включались, так как не нужны были для расчета налогового обложения.

Следовательно, даже если мы располагаем итогами самих переписных книг, итоги сводных источников представляют немалую ценность и должны приниматься во внимание. Их ценность еще более возрастает в тех случаях, когда переписные книги не дошли до нас или сохранились в дефектном виде, без общих итогов. В этих случаях сводные источники восполняют пробел.

Наконец, весьма важно, что рассматриваемые сводные источники содержат поуездные итоги отдельных групп населения. При этом следует оговориться, что в южных уездах перепись, по-видимому, не учитывала украинское население, принадлежавшее украинской старшине. Но это уже недостаток организации самой переписи.

Все сказанное заставляет признать рассмотренные сводные источники чрезвычайно ценными для изучения населения России во второй половине XVII в.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица поуездных итогов переписи сельского населения
(без дворцовых крестьян) 1678 г.

№ п/п	Уезды	Число дворов			Число людей		
		Перечни	Ведомости	Табели	Перечни	Ведомости	Табели
1	Алексинский	2909	3254	3021	15540	16162	16046
2	Арзамасский	13853	13955	13992	51265	51773	39251
3	Балахнинский	614	492	799	2538	2220	3035
4	Бежецкий	10664	9780	9515	32139	33469	32888
5	Белгородский	382	375	385	1569	1628	2838
6	Белевский	5235	6088	5221	26979	25855	26757
7	Белозерский	14038	13075	13870	46843	43778	46090
8	Болховский	1934	1937	1848	9300	9304	9965
9	Боровский	1816	1860	1935	7842	7560	7923
10	Брянский	4401	4490	4767	17913	18159	18262
11	Валуйковский *	9	9	373	24	24	387
12	Великолукский	4239	4110	4350	16336	16769	17895
13	Веневский	1450	1450	1533	6918	6918	7084
14	Верейский	813	802	829	3693	3660	3796
15	Владимирский	11238	19347	25414	44066	70144	91406
16	Вологодский	34243	26058	27207	118410	90019	94469
17	Волоколамский *	1071	1086	1072	4743	4403	4477
18	Воронежский	1330	2589	1333	5139	6440	5123
19	Воротынский *	1172	1235	1177	5281	5176	5223
20	Вяземский	2734	2675	2819	12762	12866	12943
21	Галичский	33266	32679	33423	109061	108292	109346

¹³ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 10320, лл. 1—148. Эти данные получены путем вычитания числа посадского населения из общего итога. Проверка показала, что итог сельского населения должен составлять 853 двора, 3766 человек.

№ п/п	Уезды	Число дворов			Число людей		
		Перечни	Ведомости	Табели	Перечни	Ведомости	Табели
22	Гороховецкий	1145	1254	1558	4770	5601	6331
23	Деделовский	507	507	828	2801	2801	3741
24	Дмитровский	6955	6393	6998	20081	24435	20196
25	Донковский	508	452	519	3053	2624	3091
26	Елецкий	1780	1743	1876	6448	7299	6626
27	Епифанский *	1880	1874	1953	7860	7762	8079
28	Ефремовский	198	720	234	636	1089	720
29	Звенигородский	1628	1672	1629	6417	6098	6417
30	Зубцовский	1035	1018	1042	3999	4358	4024
31	Калужский	1217	1962	1262	5598	8659	5648
32	Карачевский	2447	2259	2439	10383	9844	9496
33	Касимовский	2523	2488	2529	10126	10780	7557
34	Кашинский	10099	10922	10105	36959	35425	37005
35	Каширский	6694	6570	6866	27601	27462	30346
36	Кинешемский	4782	4595	4842	17510	16860	17609
37	Клинский	1623	1685	1610	6730	7005	6699
38	Козельский	4061	4020	4070	21258	20862	21217
39	Коломенский	6962	7092	8674	28477	31191	34984
40	Костромской	34534	38893	39559	100516	126833	112599
41	Крапивненский	2632	2547	2554	12475	12475	12412
42	Кромский *	992	957	1000	6074	5994	6096
43	Курский *	1695	1881	1812	7217	7838	8990
44	Лебедянский	849	565	887	2665	2657	2775
45	Ливенский	56	56	101	255	209	356
46	Лихвинский	1604	1587	1638	8739	8684	8754
47	Луховский	4319	4099	4353	14980	14619	15059
48	Малоярославецкий *	1655	1715	1656	6795	6686	6795
49	Медынский	614	645	614	2651	2723	2671
50	Мещовский	3060	3103	3072	15037	15207	16230
51	Можайский	1295	1304	2930	5217	5302	10400
52	Мосальский	1224	1219	1229	5647	5645	5666
53	Московский	15510	15286	23529	55848	53586	80538
54	Муромский	8902	8569	8958	34817	36811	34967
55	Мценский *	2069	2066	2147	10608	10583	10776
56	Нижегородский	24844	24644	25187	94307	91987	94825
57	Новгородский **	23325	16221	23194	80111	60280	80162
58	Новосильский	1358	1354	1372	6500	6282	6518
59	Оболенский	1538	1577	—	7655	6488	—
60	Одоевский	1235	1349	1274	4676	4486	4714
61	Орловский	3409	3454	3035	14222	14297	14282
62	Перемышльский	1060	983	1061	5582	5182	5581
63	Переяславский	15784	12933	14169	58870	45575	48171
64	Пошехонский	8790	8735	9073	31835	31702	31799
65	Псковский ***	8449	8566	10394	31424	28362	34822
66	Пусторжевский	2896	2621	2975	14717	13494	15328
67	Путивльский	682	630	740	2169	2434	2286
68	Ржевский	4799	4651	4852	17492	16272	17322
69	Романовский	5304	5688	5352	18284	15160	18321
70	Ростовский	11662	13688	15686	51086	50987	56779
71	Русский *	1657	1717	1637	6443	6446	6485
72	Рыльский	1852	1652	1801	7666	7651	4945

№ п/п	Уезды	Число дворов			Число людей		
		Перечни	Ведомости	Табели	Перечни	Ведомости	Табели
73	Рязжский	8170	8029	8090	34235	33957	34435
74	Рязанский ****	26883	27447	28912	121472	122527	126404
75	Серпейский	1950	1135	1953	8353	5385	8350
76	Серпуховский	940	887	982	3985	3823	4160
77	Старицкий	1459	1236	1470	5939	4908	5973
78	Старооскольский *	17	31	1753	55	79	1807
79	Суздальский	27475	28132	33244	98088	92121	113439
80	Тарусский *	1504	1442	1516	7172	6947	7207
81	Тверской	4416	4412	5045	14755	16739	17756
82	Торжновский *	2003	2064	1839	8188	8540	8617
83	Торопецкий	2076	2026	2193	11468	11397	11182
84	Тульский	4059	4059	3823	16988	16897	17883
85	Угличский *	7070	6599	7062	26237	25882	26251
86	Устюженский *	2579	2013	2917	8881	9008	10037
87	Холмский	1188	1163	1162	5849	5798	5379
88	Чернский	1239	1236	1243	5356	5414	5363
89	Шацкий	9352	9614	9467	34193	35008	35167
90	Шуйский	3071	3086	3109	10865	10587	10973
91	Юрьевецкий	957	824	957	2528	2400	2527
92	Юрьевский	2826	2990	2840	14697	12243	11750
93	Ярославский	28534	27792	29285	105453	83797	107743

* По данному уезду переписные книги не найдены.

** С Ладогой, Порховым и Старой Руссой.

*** С Гдовом и Кобыльском. По данному уезду переписные книги не найдены.

**** В источниках даны отдельно итоги по Рязанскому, Зарайскому, Михайловскому и Пронскому уездам.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТАБЛИЦЕ ¹⁴

2. Итог переписи населения в Табеле составляет 39 251 человек вместо 51 265 человек в Перечне и 51 773 человек в Ведомости за счет уменьшения числа крестьян и бобылей (их итоги соответственно: 35 325, 48 985 и 49 189 человек). По данным Д. О. Медведева, крепостных крестьян и бобылей в уезде было 46 326 человек (12 612 дворов) ¹⁵. Итог Табеля, очевидно, неверен ¹⁶.

3. Значительно расходятся все итоги. Однако итоги переписи крестьян и бобылей в Табеле — 616 дворов, 2572 человека, близки к Перечню. В Ведомости занижено количество дворов крестьян и бобылей, но число людей, в общем, близко к Перечню (2,2 тыс. и 2,5 тыс. человек соответственно).

15. Все итоги сильно расходятся. В Табеле даны итоги, включающие дворцовых крестьян. Последних в уезде насчитывалось 5230 дворов, 15 594 человека в ведении Большого двора ¹⁷ и 92 двора, 323 человека в ведении Хлебного приказа ¹⁸, всего 5322 двора, 15817 человек. Исключив их из итогов переписи крестьян и бобылей в Табеле, получим 18 536 дворов, 70 125 человек, т. е. итоги, близкие к Ведомости (18 626 дворов, 66 835 человек крестьян и бобылей). Но итоги в Перечне гораздо меньше. Возможно, это объясняется тем, что они являются итогами только одной из переписных книг Владимирского уезда (всего их было две).

¹⁴ Порядковый номер примечания является номером уезда в таблице.

¹⁵ Д. О. Медведев. Землевание и сельское хозяйство в Арзамасском уезде в XVII в. Автореферат канд. дисс. М., 1949, стр. 6. Общий итог переписи населения в уезде, по подсчету Д. О. Медведева, (кроме дворцовых) 13 194 двора, 48 068 человек.

¹⁶ Он близок к числу одних крестьян, без бобылей.

¹⁷ «Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом», ч. 2. М., 1872, стр. 201, 207—208 (писцовые описания 1674—1678 гг.) (далее «Сборник выписок...»).

¹⁸ ЦГАДА, ф. 145, д. 34, л. 34—34 об. (перепись 1678 г.).

22. Разница значительная во всех итогах, но итоги Табеля включают 357 дворов, 1365 человек дворцовых крестьян по переписи 1678 г. («Сборник выписок...», стр. 208). Без них итоги Табеля составляют 1201 двор, 4966 человек, т. е. близки к Перечню. Расхождение с Ведомостью около 10%.

33. В Табеле почему-то указано меньше крестьян и бобылей. По данным Л. Г. Заничевой, в уезде было 2492 двора¹⁹.

35. Итоги Табеля включают 530 дворов, 1293 человека дворцовых крестьян по писцовому описанию 1675—1676 г. («Сборник выписок...», стр. 224—225). Без них итоги Табеля составляют 6336 дворов, 29 053 человека, т. е. близки к итогам Перечня и Ведомости.

39. Из итогов Табеля следует исключить 553 двора, 1304 человека дворцовых крестьян по писцовым описаниям 1674—1681 г. («Сборник выписок...», стр. 224). Полученные итоги (8121 двор, 33 680 человек) будут близки к итогам Ведомости²⁰. Но все же в Табеле указано значительно больше крестьян и бобылей, чем в Перечне, не говоря уже о холопах.

40. Расхождение итогов весьма значительное, особенно в исчислении людей. Итоги переписи дворов крестьян и бобылей в Ведомости и Табеле совпадают (36 537 и 36 522), а в Перечне итог крестьян почему-то на 5 тыс. дворов меньше, чем в Ведомости. В Перечне же в 8051 дворе крестьян за вотчинниками показано только 11 835 человек, т. е. допущена явная ошибка почти на 20 тыс. человек (за помещиками в 9077 дворах значится 34 989 человек). Если принять во внимание эту ошибку в исчислении людей, то итог их в Перечне будет близким к итогу Ведомости. В Табеле в 36,5 тыс. дворов показано всего 101 596 крестьян и бобылей, тогда как в Ведомости в том же количестве дворов значится 112 628 человек, т. е. на 10—11% больше.

44. Уменьшение итога переписи дворов в Ведомости объясняется ошибочным пропуском количества бобыльских дворов, которых по Перечню насчитывалось 280.

51. Из итогов Табеля следует исключить 1228 дворов, 5001 человека дворцовых крестьян, по писцовым описаниям 1676—1682 гг. Полученные итоги (1702 двора, 5399 человек) будут близки к итогам Перечня и Ведомости.

52. Из итогов Табеля следует исключить население дворцовых вотчин. По переписям 1674—1682 гг. там насчитывалось 5680 дворов, в том числе крестьян и бобылей 4153 двора («Сборник выписок...», стр. 183—200, подсчет автора) 15 053 человека. Исключив их из итогов Табеля, получим 14 562 двора, 43 828 человек (в Перечне 11 610 дворов, 43 945 человек, в Ведомости — 12 039 дворов, 43 244 человека). Прочие категории населения насчитывают в Перечне — 3900 дворов, 11 903 человека, в Ведомости — 3247 дворов, 10 342 человека и в Табеле — 4814 дворов, 21 657 человек. При этом в Табеле в 862 дворах указано 10 174 человека разночинцев, что, по-видимому, является ошибкой.

63. Исключив из итога Табеля 1415 дворов, 5183 человека дворцовых крестьян (описная книга 1693 г.) («Сборник выписок...», стр. 208), получим 12 754 двора, 42 988 человек, т. е. итоги, близкие к итогам Ведомости. В Перечне в 6877 дворах за светскими феодалами указано 31 004 человека крестьян, что, по-видимому, является ошибкой (вместо 21 004 человек). Если так, то итоги Перечня тоже близки к итогам Ведомости и Табеля.

70. Из итога Табеля следует исключить 1211 дворов дворцовых крестьян («Сборник выписок...», стр. 208—209). Крестьян и бобылей по Перечню 43 905 человек, по Ведомости — 40 732 человека, т. е. итоги близки. Итог дворов в Табеле (без дворцовых) близок к итогу Ведомости (14 297 и 13 688).

74. Исключив из итога Табеля 1166 дворов дворцовых крестьян, по писцовому списанию 1678 г. («Сборник выписок...», стр. 224, подсчет автора), получим 27 746 дворов, т. е. итог, близкий к итогам Ведомости и Перечня.

79. Исключив из итога Табеля 3186 дворов дворцовых крестьян, по данным 1674—1677 и 1695 г. («Сборник выписок...» стр. 209—210), получим 30 058 дворов, т. е. итог, близкий к итогам Ведомости и Перечня.

86. В Ведомости допущена явная ошибка в итоге бобыльских дворов за духовенством, повлиявшая на общий итог (55 дворов, 1612 человек, а в Перечне — 574 двора, 1626 человек).

89. По подсчету Л. Г. Заничевой, 9507 дворов (Л. Г. Заничева. Указ. статья, стр. 232).

92. По-видимому, ошибка в Перечне, где в 754 дворах указано 6054 крестьянина (вместо 2,5 — 3 тыс. человек).

¹⁹ Л. Г. З а н и ч е в а. Крестьянские побеги во второй половине XVII в. (по материалам сыска Г. С. Исупова в Мещерском крае). — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964», стр. 232.

²⁰ В Ведомости в частном итоге переписи крестьянских дворов за светскими феодалами, видимо, допущена ошибка: на 15 092 человека крестьян показано 10 328 дворов, тогда как общий итог переписи дворов равен 7444. Вероятно, вместо 10 328 дворов должно быть 3328.

А. П. Гудзинская

ДОКУМЕНТЫ СЫСКНЫХ КОМИССИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Вопрос о сыске беглых является одним из наиболее важных в изучении проблемы закрепощения крестьянства. Бегство крестьян на протяжении всего XVII в. постепенно возрастает и особенно усиливается после принятия Соборного уложения 1649 г. Дворяне, получив право бессрочного сыска, требуют от правительства принятия специальных мер по возвращению бежавших крестьян. Организация сысков беглых явилась ответом правительства на эти требования. Первый массовый сыск беглых крестьян был предпринят в 1658 г. Сыщики были посланы: «...в Казань и в Арзамас и на Курмыш и на Алатор и во все понизовые города и по черте и за черту...»¹ Правительственные сыски охватили к 1661—1663 гг. ряд городов центра: Клин, Дмитров, Коломну, Каширу, Серпухов, Владимир, Суздаль и др.; а также севера Замосковского края — Вологду, Галич, Кострому. В течение 1658—1663 гг. Поместный приказ разослал 25 сыщиков² (в отдельных городах сыщики за это время менялись). На протяжении второй половины XVII в. сыски проводились в 70-х годах, в 1683, 1692—1693 и 1698 гг.

Документы сыскных комиссий второй половины XVII в. известны исследователям с 20-х годов настоящего столетия³. Ими были использованы документы сыскных комиссий по Тамбову, Козлову, Рязани, Шацку, Нижнему Новгороду и другим городам, хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов в фондах Разрядного, Поместного приказов и Приказных дел старых лет.

¹ ПСЗ, т. 1, № 220.

² ЦГАДА, ф. 1209 (Поместный приказ), кн. 4881, лл. 65, 66, 158—159 об.; кн. 4880, лл. 73—78 об., 159, 280—280 об., 333—338.

³ См.: А. А. Новосельский. Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве 2-й половины XVII в.—Труды Института истории РАН ИОН», вып. 1. М., 1926, стр. 325—354; А. Г. Маньков. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.—Л., 1962; И. А. Булыгин. Беглые крестьяне Рязанского уезда в 60-е годы XVII в.—«Исторические записки», т. 43, 1953, стр. 131—149; И. М. Скляр. К истории крестьянского движения в Среднем Поволжье накануне восстания Степана Разина.—«Ученые записки Киргизского гос. педагогического ин-та», вып. 3. Фрунзе, 1957, стр. 153—179; А. М. Орехов. Товарное производство и наемный труд в промышленности по переработке животного сырья в Н. Новгороде XVII в.—«Русское государство в XVII в.». Сб. статей. М., 1961, стр. 75—109; Л. Г. Заничев. Социально-экономическое положение крестьян Шацкого уезда на материалах сыскной комиссии В. М. Плещеева.—«Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г.», Минск, 1964, стр. 202—211; она же. «Крестьянские побег во второй половине XVII в. (по материалам сыска Г. С. Исупова в Мещерском крае).—«Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964 г.». Кишинев, 1966, стр. 231—239.

Материалы сыскных комиссий, о которых идет речь в настоящей работе, хранятся в фонде Поместного приказа ЦГАДА. В этом фонде в течение 1961—1963 гг. в дополнение к известным ранее и использованным выявлен 191 столбец сыскных комиссий. Кроме выявленных ранее существуют и новые сыски, в том числе комиссии сыщиков 60-х годов Е. Г. Огарева и Т. У. Хрушова по Алатырю, Р. В. Игнатьево по Можайску, Д. М. Плещеева по Туле; 1678 г.— С. И. Кольчева по Нижнему Новгороду; 1692—1693 гг.— А. М. Кривкова и др.; 1699 г.— В. Г. Ознобишина по г. Шацку.

Большая часть документов сыскных комиссий относится к сыску 60-х годов. Это результаты работы 22 сыщиков, в ведении которых было 48 городов (один человек проводил сыск в нескольких городах: С. Г. Карцев в Ельце, Ефремове, Воронеже, Усмани; Д. И. Плещеев в Нижнем Новгороде и Балахне и т. п.). Нам известно 227 столбцов и 44 книги сыска 60-х годов. От одних комиссий сохранились и столбцы и книги: по Алатырю — 6 столбцов и 5 книг, по Нижнему Новгороду — 64 столбца, 9 книг (7 копий книг); а от других только столбцы: Владимир, Суздаль, Елец, Ефремов, Переславль-Залесский, Симбирск и др. Обнаружены столбцы сыскных комиссий по 40 городам, а отдаточные книги — по 18.

Значительно меньше документов найдено по последующим сыскам: от сыска 1677—1678 гг.— всего 9 столбцов (от 4 сыщиков по 7 городам); от сыска 1692—1693 гг.— 32 столбца (от 42 сыщиков по 53 городам); от сыска 1698 г.— 3 столбца (от 5 сыщиков по 8 городам). Дела сыскных комиссий по сыску 1683 г. до сих пор не обнаружены.

Возможно, это обусловлено особенностями организации сыска 1683 г. Он был предпринят в связи с межеванием земель, и первоначально предполагалось, что сыскивать беглых будут межевщики. Однако в Поместный приказ посылались челобитные городских дворян о назначении особых сыщиков или передаче сыска воеводам. Этот сыск продолжался недолго. В феврале 1684 г. последовал указ Поместного приказа сыщикам о сдаче наказов и «невершенных дел» воеводам. Это распоряжение, по-видимому, и обусловило тот факт, что в фонде Поместного приказа дела сыска 1683 г. не отложились.

Порядок ведения делопроизводства сыскных комиссий определялся наказами, которые сыщики получали от Поместного приказа. В делах самих сыскных комиссий до сих пор не найдено ни одного наказа сыщикам. Возможно, это объясняется тем, что наказ, который был главным юридическим основанием деятельности сыщика, до конца работы оставался у него на руках и по окончании мог не попасть в дела комиссии. Однако несколько наказов случайно сохранились в других фондах. Они опубликованы в «Дополнениях к актам историческим» и в Полном собрании законов. Это наказы нижегородскому сыщику Д. И. Плещееву от 1658 и 1661 гг.⁴, а также грамота новгородскому воеводе Ивану Репину «О посылке дворян в Новгородские пятины для сыску беглых людей и крестьян и о правилах, которые оным дворянам должно написать в наказы» от 1664 г.⁵ и «Сыщиков наказ» 1683 г.⁶ Эти документы позволяют сделать вывод, что статьи наказов, касающихся порядка ведения дел, не претерпевали значительных изменений как во времени, так и в зависимости от места, где сыщик работал. Юридические изменения, происшедшие во второй половине XVII в. в положении сыскиваемых крестьян (выдача записавшихся в службу и в посады, наказания за побег) и держателей беглых (взыскание наддаточных крестьян, зажилых денег), нашли отражение в документах комиссий, но не повлияли на характер ведения дел сыщиками.

В результате деятельности каждой сыскной комиссии создавался опре-

⁴ «Дополнения к актам историческим» (далее — ДАИ), т. IV, № 48/I и 48/II.

⁵ ПСЗ, т. I, № 364.

⁶ ПСЗ, т. II, № 998.

деленный круг документов, заключенных в столбцы и книги (приводные, отдаточные, записные дел, приходные поголовных и пошлинных денег). В исторической литературе широко известны отдаточные книги, которым посвящена специальная работа А. А. Новосельского⁷. По вопросу о значении дошедших до нас столбцов А. А. Новосельский высказал мнение, что «...статистическая обработка дел о беглых возможна, но... она неизбежно будет носить характер выборочный, и выводы на основании их подсчета — характер гипотетический»⁸. Поэтому он отдает предпочтение отдаточным книгам. Не опровергая этого утверждения о характере материалов столбцового делопроизводства, следует, тем не менее, сказать, что столбцы должны быть подвергнуты изучению и прежде всего потому, что (как уже было сказано выше) они дошли до нас от значительно большего числа комиссий, чем отдаточные книги. Следовательно, возникает вопрос о возможности использования столбцов наряду с отдаточными книгами. С целью решения этого вопроса попытаемся выяснить: 1) существует ли взаимосвязь между делами сыскных комиссий, заключенными в столбцах, и отдаточными книгами; 2) могут ли столбцы заменить книги; 3) равноценны ли сведения, сообщаемые столбцами и книгами⁹.

Изучение столбцов сыскных комиссий ряда уездов (Галичского, Владимирского, Елецкого, Шацкого, Симбирского, Алаторского) позволяет сделать вывод, что сыщики вели делопроизводство в соответствии с предписаниями наказов. Являясь в уезд, они предпринимали самостоятельные шаги к сыску беглых крестьян: объявляли указ о сыске, отправляли рассыльщиков за беглыми, которых держатели отдавали добровольно.

Познакомимся прежде всего с документами, возникшими по инициативе сыщика. Они неоднородны. Так, в комиссии В. А. Суколенова по г. Галичу это были лишь сказки помещиков или их поверенных о том, что беглых у них нет¹⁰.

В делах комиссии Ф. И. Бутурлина по г. Симбирску встретился столбец, состоящий из одних лишь допросов беглых крестьян в виде черновых записей. После каждого допроса позднее были сделаны отметки о решении дел¹¹. Помещики, напуганные, вероятно, указами о сыске и угрозами строгих кар за держание беглых, массами приводили их к допросу. Так, Максим Арсеньев прислал 41 человека, общая численность семей которых составила 164 человека; Исай Беликов — 41 человека; Маркел и Михаил Алекшины — 16 человек. Всего за 28—31 июля Ф. И. Бутурлин допросил 139 человек.

Сыщик рассматривал дела, начатые не только по его собственной инициативе, но и по инициативе истцов-помещиков. Именно они составляют основную массу документов сыскных комиссий и дают возможность увидеть картину жизни крестьянской массы. Поэтому остановимся на них подробнее. В таких делах мы можем найти челобитные истца, память рассыльщику и доезд последнего, один или несколько допросов беглого, выписки из писцовых книг и других документов, подтверждающих права сторон. Итак, дело начиналось челобитной помещика, просившего сыскать или допросить крестьянина, которого он считал своим.

Первое, что мы узнаем из челобитной, — имя истца: ищет ли своих беглых боярин Морозов, или голова московских стрельцов Артамон Матвеев,

⁷ А. А. Новосельский, Отдаточные книги беглых, как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII в.— «Труды Моск. гос. историко-архивного ин-та», т. II. М., 1946, стр. 125—152 (далее — А. А. Новосельский. Отдаточные книги...)

⁸ Там же, стр. 127.

⁹ Так как отдаточные книги как исторический источник рассмотрены А. А. Новосельским в указанной выше работе, здесь они будут привлечены только для сравнения с документами, заключенными в столбцах.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 1209, стб. 20891.

¹¹ Там же, стб. 22552

или монастырь, или скромный помещик, который называет себя просто нижегородцем или галичанином.

Далее сообщается имя крестьянина, обстоятельства и время побега, где и у кого он живет. Если при этом истец крестьянина с собой не привел, за челобитной следует память рассыльщику о поимке беглого и доезд рассыльщика. Доезд и по форме и по содержанию — один из ярких документов сыского дела, свидетельство острых классовых конфликтов. Очень часто это рассказ о драматических событиях, участником которых становился рассыльщик, посланный за беглым. В лучшем случае сам помещик или его приказчик «учинился силен и беглых не отдал» или двory оказались пустыми, а все беглые ушли в лес. Но бывало, что рассыльщика встречали кольем и дубьем всей деревней и беглых ему не выдавали.

Особенно дружно сопротивлялся сельский мир выдаче состоятельных тяглецов. Когда крестьянина, наконец, доставляли сыщику, он его допрашивал. Это был кульминационный момент сыского дела, и документ, явившийся его результатом, наиболее интересен. Все остальные документы служат лишь проверкой ему. Во время допроса, происходившего часто на очной ставке с истцом, сыщик проверял притязания сторон и показания беглеца. Для доказательств притязаний истцов привлекались выписи из писцовых и отказных книг, отдельных записей и другие документы. Правдивость показаний крестьян проверялась не только документами (челобитными истцов, отпускными, выписями из записных книг в службу и др.). Так, в делах галичского сыщика В. А. Суколенова встретились запись: «...с пытки в холопстве не винулся...»¹²

Тщательной проверки всех показаний требовал от сыщика наказ. В случае возвращения крестьян прежнему владельцу он должен был отдать их «с женами и детьми и со всеми их крестьянскими животы». Были случаи, когда сыщик оставлял крестьянина на новом месте, если речь шла о записавшихся в службу или на посаде в тягло до 1653 г.¹³ В соответствии с требованиями наказа допрос делился на несколько частей, где крестьянин сообщал имя отца и свое, место жительства и имя владельца до побега, рассказывал, как долго и где он жил в бегах, говорил о последнем месте жительства и известных ему беглых крестьянах и, наконец, о семье и имуществе. Наиболее содержательной является та часть допроса, где крестьянин рассказывал о своих скитаниях. Приведем несколько примеров таких показаний: «..жил, переходя, у разных помещиков и на судах на Волге работал, кормился христовым именем и своею работою...»¹⁴; «...бежали из с. Онаньина Костромского уезда в д. Кошеево того же уезда и приплы к Полозову, и жили 9 лет по порядной, и, отжив урочные годы, пошли прочь, а что де было у них крепостей и те де крепости все подрали...»¹⁵; «...бежал тому 11 лет и пришел на Корсунскую черту в город Аргаш, и записался в стрелецкую службу»¹⁶.

О причинах, приведших к бегству, крестьяне говорят лишь иногда. Чаще всего это свидетельства такого рода: «...сбрел в мир от скудности...»; «...от хлебного недорода, а не от налога...»¹⁷

Более часты в допросах показания беглецов о взаимоотношениях с новым владельцем. Чаще всего они встречаются в допросах дворовых людей и холопов: «...служилую кабалу дал в Галиче в губной избе». Находим мы и показания крестьян: «...порядился во крестьянство по порядной...»;

¹² ЦГАДА, ф. 1209, стб. 20857, л. 164.

¹³ ДАИ, т. V, № 48/I, стр. 124.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 1209, стб. 20878, л. 343.

¹⁵ Там же, л. 518.

¹⁶ Там же, стб. 22538, д. 1.

¹⁷ Там же, стб. 20878, л. 267; стб. 22567, л. 103.

«...кормился в наймах работою, а на тягле он, Федотка, не живет и изделья на помещика никакого не дельвал...»¹⁸

В последней части допроса крестьянин называл имена жены и детей, живущих вместе с ним и отдельными хозяйствами. И, наконец, перечислял свое имущество, начиная с крупного рогатого скота и кончая домашней птицей, инвентарем и платьем. Однако показания об имуществе есть не во всех допросах. Можно предположить, что сыщик задавал этот вопрос крестьянину только тогда, когда должен был возвратить его прежнему владельцу¹⁹. Так, в делопроизводстве галичского сыщика В. А. Суколенова 129 из 150 крестьян дали показания об имуществе. В остальных случаях (допросы крестьянок, вышедших замуж с отпускными, холопов, ушедших от прежних владельцев с отпускными же или после смерти последних) показания об имуществе не даны. Из 14 допросов сыщика Р. И. Киреева по г. Владимиру в 11 крестьяне не сказали о своем имуществе. Из них 5 человек отказались от принадлежности челобитчику, 4 заявили о добровольном возвращении «на старину», в одном случае это была дворовая, бежавшая после смерти своего господина, и в одном — у челобитчика не оказалось крепостей на беглого крестьянина.

В 136 (из 139) допросах крестьян, представленных в комиссию Ф. И. Бутурлина по г. Симбирску, есть показания об имуществе, да и в остальных трех они отсутствуют лишь из-за плохой сохранности документов. Сведения о крестьянском хозяйстве есть не только в обязательных для сысского дела документах, но и в случайных, не обязательных. Так нам встретились: раздельная запись крестьянского имущества, роспись хлеба, отнятого старостой у крестьянина, порядные записи и др.

В фондах сысских комиссий сохранились также дела, заведенные на основании мировых челобитных. Они содержат наименьшее число документов. В них, как правило, нет допросов, т. е. нет наиболее ценных сведений о беглых крестьянах, в том числе и об их имуществе.

Но бывает, что дело рассматривалось как спорное, а потом стороны подавали мировую челобитную. Условия мировых сделок иногда объявлены («за девку взял вывод», «поступился своим беглым за 70 рублей»)²⁰, а иногда остаются неизвестными.

По окончании расследования дела сыщик выносил решение на основании Уложения 1649 г., наказа, допросов и выверки выписей из писцовых книг и других документов. Решением он определял дальнейшую судьбу беглого крестьянина и меру наказания и самого беглого, и держателя. С последнего, как правило, взыскивали зажилые деньги, а иногда, по-видимому очень редко, наддаточных крестьян. В делах галичского сыщика В. А. Суколенова встретились только два таких случая. В первом полковнику и голове московских стрельцов А. С. Матвееву галичский помещик Гурий Травин отдал за семью беглых из 9 человек 4 семьи общей численностью 39 человек²¹. Решение свое сыщик оформлял в виде записи, под которой иногда встречается его подпись. После решения большинства комиссий имеются записи о приеме беглых крестьян истцом и рукоприкладство истца. За рукоприкладством следует помета: «В книгу писано» или «Записать в отдаточную книгу». Иногда дело заканчивается челобитной истца, где он сообщает, что крестьян принял и просит записать в отдаточную книгу. Если сыщик вел дело по своей инициативе, он отдавал крестьянина на поруки или сажал в тюрьму, что мы узнаем из решения, поручных записей и памятей тюремному сидельцу.

¹⁸ Там же, стб. 20878, лл. 335, 422—423; стб. 22539, л. 77.

¹⁹ ДАИ, т. V, № 48/II, стр. 129; ПСЗ, № 364, стр. 593.

²⁰ ЦГАДА, ф. 1209, стб. 20857.

²¹ Там же, стб. 21016, лл. 91—94.

Нам не встретились такие случаи, чтобы сыщик поставил под сомнение просьбу того или иного истца. Он рассматривал их все, терпеливо отсрочивал дело до представления документов, подтверждающих права истца на крестьянина, хотя бывало иногда, что за отсутствием таковых, в конце концов дело прекращалось. Случалось, сыщик отклонял притязания истцы, и не только в пользу держателя, но и в пользу самого беглеца, оставляя его в службе или на посаде. Тут он, как представитель государственной власти, или ограждал интересы города, или радел о защите границ. Возможны ли были злоупотребления со стороны сыщика в потрафлении более богатой из тяжущихся сторон? Вероятно, такие случаи были возможны, так как в архиве самого Поместного приказа сохранились дела по жалобам на сыщиков. Но из документов сыских комиссий это установить, по-видимому, невозможно или очень трудно, так как делопроизводство вели опытные в юридических вопросах подьячие Поместного приказа, а они умели свои злоупотребления облечь в непогрешимые формы.

Итак, мы установили, что наиболее содержательным документом сыского дела является допрос беглого крестьянина, что он достоверен, так как его можно проверить с помощью других документов, и, наконец, он есть в каждом деле, кроме заведенных по мировым челобитным. По документам дела мы можем проследить направление движения беглых, места расселения их в уезде, где они были найдены, категории помещиков — истцов и ответчиков. Можем установить время, когда побегов становилось больше, изменения в социальном положении беглецов и в некоторых случаях характер обязанностей по отношению к новому владельцу. Возможно тут и изучение политики правительства по вопросу сыска беглых. И, наконец, они дают возможность изучать крестьянское хозяйство отдельных районов страны. Эта часть допроса крестьянина — уникальный источник. До сего времени равных ему для исследования истории крестьянского хозяйства XVII в. нет.

Теперь обратимся к отдаточным книгам. Наказ сыщику предусматривал ведение различного рода книг. Сыщики, произвольно трактуя эту статью наказа, оставили после себя книги, разнородные по характеру записей. А. А. Новосельский показал, что обычной для отдаточных книг является запись «...с краткой мотивировкой решения, иногда с отметкой о наказании беглых, взимании поголовной пошлины и рукоприкладством»²².

Отмеченные А. А. Новосельским книги по Рязани в качестве подробных представляют собой не что иное, как краткое изложение всех документов столбца. Эти книги содержат запись всего дела вплоть до имущества крестьянина. Но они являются единственными в своем роде по полноте сообщаемых сведений. Сравнительно подробными являются записи приводной книги беглых по г. Галичу, отдаточных книг по г. Тамбову и Козлову и некоторых других, но в них очень часто опущены сведения о крестьянском имуществе. Так, в приводной книге по Галичу из 285 записей имущество упомянуто только в восьми²³. 19 записей этой же книги совпали с обнаруженными в столбцах делами галичского сыщика. Сопоставление допросов крестьян с соответствующими записями приводной книги показали, что даже в специальную книгу записывалась только часть показаний. В 18 случаях сведения о крестьянском имуществе, имеющиеся в подлинных допросах, в книгу не были перенесены, и только в одном, где крестьянин сказал, что имущества у него никакого нет, это было записано в приводной книге. Сравнение приводной книги галичского сыщика с его же отдаточной книгой позволяет сделать вывод, что сыщик записывал привод в книгу не в момент допроса крестьянина, а лишь по окончании дела.

²² А. А. Новосельский. Отдаточные книги..., стр. 136.

²³ Ср. ЦГАДА, ф. 1209, кн. 7229, стб. 21016.

Например, допрос крестьянки Воина Черевина Киликеи от июня 1662 г. записан в приводной книге под 1664 г. Дело о ней было закончено в декабре 1664 г.²⁴, т. е. приводная книга только дополняет отдаточную и никаких самостоятельных записей не содержит.

Таким образом, делопроизводство сыскных комиссий (столбцы) является первичным, приводные же и отдаточные книги вторичными и содержат лишь часть сведений, имеющихся в столбцах. Кроме того, отдаточные книги неполны еще и потому, что в них вносились сведения лишь при возвращении крестьян прежнему владельцу, случаи же, когда крестьянин по тем или иным причинам не был возвращен, миновали регистрацию в отдаточных книгах.

Нами сделана попытка изучения допросов крестьян, для того чтобы показать возможность статистической обработки содержащихся в них сведений²⁵. При этом мы берем только показания об имуществе, ибо до сих пор материалы сыскных комиссий менее всего изучены именно с этой стороны. Авторы приведенных выше работ привлекали их для рассмотрения проблем закрепощения крестьян, классовой борьбы, борьбы за рабочую руку, колонизации окраин²⁶.

Показания крестьян об имуществе могут быть признаны достоверными, т. к. дающий их крестьянин находился под двойным контролем: и держателя, и прежнего владельца. Первый должен был следить, чтобы крестьянин не назвал лишнего, второй, — чтобы он ничего не скрыл. Не встретились ни разу в делах комиссий и жалобы ни истцов, ни ответчиков на лживость этих показаний. Материалы допросов могут быть сравниваемы на том основании, что они объединены географически (уездом, где работал сыщик) и хронологически (срок работы сыскальной комиссии не превышал обычно 3—5 лет)²⁷.

Много показаний о крестьянском хозяйстве есть в документах комиссий В. А. Суколенова по Галичу, А. И. Еропкина по г. Алатырю, Ю. Г. Наумова по г. Вологде, В. М. Еропкина по Нижнему и Верхнему Ломовым, Д. И. Плещеева по Нижнему Новгороду и ряде других.

В качестве примера взяты допросы крестьян из дел комиссии В. А. Суколенова по Галичскому уезду. Известные столбцы этого сыщика охватывают период с 1662 по 1666 г. и представляют собой лишь незначительную часть его делопроизводства. Сравнение столбцов с приводной и отдаточной книгами позволяет сделать вывод, что большая часть их за период 1662—1665 гг. утрачена или еще не обнаружена. С другой стороны, сохранились столбцы за 1666 г., в то время как записи отдаточной книги кончаются на 1665 г., т. е. и отдаточные книги этой комиссии не дошли до нас полностью.

И, несмотря на то, что дела галичской комиссии сохранились плохо, в них найдено описание 114 крестьянских хозяйств, которые могут быть признаны характерными для Галичского уезда.

Из названных 114 хозяйств 78 принадлежали беглым крестьянам, жившим в этом уезде от 5 до 50 лет; 14 — крестьянам того же уезда, женатым на беглых, 4 — беглым крестьянам, женатым на вдовах, местных жительницах; 9 — беглым крестьянам, проведенным на последнем месте менее трех лет, но жившим и прежде в Галичском уезде; 9 — беглым крестьянам, срок

²⁴ ЦГАДА, Приводная книга по Галичу, № 7229, л. 245 об.; Отдаточная книга по Галичу, № 7230, л. 202.

²⁵ Привлечены и другие документы, содержащие сведения о крестьянских хозяйствах.

²⁶ А. А. Новосельский. К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII в. — «Исторические записки», т. 16, стр. 58—64; Л. Г. З а н и ч е в а. Указ. статьи.

²⁷ Исключением является комиссия нижегородского сыщика Д. И. Плещеева, которая существовала с перерывом с 1658 по 1670 г.

пребывания которых на новом месте неизвестен, но они и до побега жили в том же уезде.

Далее будут рассмотрены 112 хозяйств. Это вызвано отсутствием в двух допросах показаний о лошадях, в то время как запасы хлеба и другого скота показаны довольно большие, что не дает возможности отнести эти хозяйства к какой-либо группе.

Распределение скота в крестьянских хозяйствах Галичского уезда

Группы хозяйств	Дворы	%	Лошади	%	Коровы	%	Овцы	%	Свины	%
Неимущие	16	14,3	—	—	—	—	—	—	—	—
Безлошадные	11	9,8	—	—	13	4,5	7	2,5	9	7,3
Однолошадные	44	39,3	44	28,2	87	30,1	106	36,8	31	25,2
С 2—3 лошадьми	32	28,6	71	45,5	119	41,2	120	41,7	41	33,4
С 4—6 лошадьми	9	8,0	41	26,3	70	24,2	55	19	42	34,1
Итого:	112	100,0	156	100,0	289	100,0	288	100,0	123	100,0

Из 112 хозяйств 16, или 14,3%, в допросах показали полное отсутствие какого бы то ни было имущества и сообщили, что кормятся «...христовым именем и своею работою»; «...из прокорму у крестьян в том поместье работаючи...». У 11 хозяйств оказалось очень мало скота.

Из 44 однолошадных хозяйств 8 либо не имели никакого другого скота, либо имели незначительное количество мелкого скота (2—5 овец во дворе). 15 хозяйств имели по одной корове и 9 из них — небольшое количество другого скота. В 8 хозяйствах было по 2 коровы и небольшое количество мелкого скота; в 6 — по 3 коровы, овцы и свиньи (1—7 во дворе); в 7 хозяйствах — от 4 до 7 коров, овцы и свиньи (1—10 во дворе). Таким образом, наиболее типичным для этой группы являлось хозяйство с одной лошадью, одной коровой и небольшим количеством мелкого скота.

Хозяйства, имеющие по 2—3 лошади, были более однородны по числу принадлежащего им скота. Здесь в 13 из 32 хозяйств было по 2—3 коровы, 2—9 овец, 1—3 свиньи; в 8 — по 4—5 коров, 1—9 овец, 1—4 свиньи; в 4 — 6 коров, 3—11 овец, 2—4 свиньи; в 4 хозяйствах — по 7—10 коров, 4—10 овец; в 3 дворах показано лишь по 2 лошади.

И, наконец, последняя группа владела относительно наибольшим количеством скота: в 6 хозяйствах — по 4 лошади, 3—8 коров, 1—10 овец, 1—4 свиньи; в 2 дворах — по 6 лошадей, 5 коров и другой скот; в одном — 6 лошадей, 27 коров, 13 овец и коз, 27 свиней, т. е. это последнее держало большую часть скота своей группы.

Как видно из данных таблицы, документы столбцового делопроизводства содержат интересные сведения об обеспеченности крестьянских хозяйств скотом. Выяснение вопроса об обеспеченности крестьянских хозяйств хлебом сложнее и требует специального изучения. Извлекаемые из допросов сведения о посевах и запасах хлеба относятся к разному времени года. В осенних и зимних допросах показаны только озимые посевы и запасы сухого хлеба; в весенних и летних — весь посев. Во многих осенних и зимних допросах при довольно значительных запасах сухого хлеба не показан посев, а иногда и говорится, что ржи, т. е. озимого, не сеяно. Так, из 114 рассматриваемых хозяйств в 61 показан посев (озимый или яровой в зависимости от времени допроса), в 28 — только запас сухого хлеба, в остальных отсутствует как сухой, так и сеяный хлеб. Но по этим данным можно выяснить размер посевов и состав высеваемых культур.

Типичным для среднего хозяйства Галичского уезда может быть, по-видимому, признан крестьянский посев в поместье Гурия Травина в деревне Уткино. Эти крестьяне — коренные жители Галичского уезда. Они были отданы полковнику и голове московских стрельцов Артамону Сергеевичу Матвееву в качестве наддоточных²⁸. Двое из них, имевшие семьи 10—11 человек, сеяли по 3—4 четверти ржи, 10—15 четвертей овса, $\frac{1}{2}$ —1 осьмину ячменя, пшеницы и льняного семени. Наибольший размер посевов, встретившийся в показаниях крестьян Галичского уезда, — 6 четвертей (допрос в марте), 5 четвертей (допрос в апреле).

Некоторые материалы допросов показывают, что крестьяне Галичского уезда в это время жили не только за счет занятий сельским хозяйством. В группе безлошадных хозяйств встретилось несколько случаев, когда крестьяне работали по найму. Среди однолошадных у крестьянина Степана Ларионова из деревни Минаково Нейской волости в момент допроса кроме лошади, трех коров, одной овцы и хлебного запаса оказалось 6 кадей хмеля, 400 лаптей и 5 руб. денег, т. е. он, по-видимому, занимался кроме сельского хозяйства еще и торговлей²⁹. В хозяйстве Клина Тарасова из деревни Широкое волости Верхней Пустыни (поместье Чапльгина) в момент допроса 20 марта 1665 г. насчитывалось 2 лошади, 6 коров, 7 овец, 30 четвертей сухого хлеба, 5 четвертей сеяного хлеба, «...да в хлебе кабал с 6, да на миру взять ему рублей с 7...», т. е. в этом случае крестьянин совмещал сельскохозяйственные занятия с ростовщичеством³⁰. Хозяйство крестьянина Григория Васильева (семья 10 человек) из поместья Ловчикова в Нейской волости насчитывало в момент допроса 13 марта 1665 г. 6 лошадей, 27 коров, 10 овец, 3 козлят, 27 свиней, 100 четвертей ржаного и ярового хлеба и озимый посев 6 четвертей³¹. Можно предположить, что это наиболее обеспеченное хозяйство выращивало скот и хлеб не только для личного потребления, но и на продажу. Крестьянин Яков Патрекеев из починка Золотухина Ликурской волости — владелиц 2 лошадей, 6 коров и 11 овец — заявил, что владеет, кроме того, еще и половиной струга «с товарищи вопче»³².

В нескольких допросах встретились показания о совместном владении пчелами от 1 до 5 ульев.

Иногда крестьяне в допросах рассказывали об имеющемся в их распоряжении хозяйственном инвентаре. Это обычно плуги, сошники, косы, серпы, топоры, хомуты ременные, в одном случае «конное наковально». Изучение данных о 114 хозяйствах может быть и не дает права делать выводы, касающиеся всего уезда, так как это очень незначительная часть хозяйств³³.

Вместе с тем они не только не противоречат тому, что известно до сих пор о состоянии хозяйств и экономическом развитии Галичского уезда, но существенно дополняют эту картину³⁴.

Подводя итоги всему изложенному выше, нужно сказать, что документальные материалы сыскных комиссий являются ценным источником

²⁸ ЦГАДА, ф. 1209, № 21016, лл. 90—91.

²⁹ Там же, № 20878, л. 566.

³⁰ Там же, л. 302.

³¹ Там же, л. 498.

³² Там же, л. 298.

³³ В Галичском уезде, по писцовой книге 1630—1636 гг. кн. Мещерского и Дм. Беклемишева, насчитывалось несколько более 14 070 дворов (не обнаружены книги вотчин «Старых дач») (ЦГАДА, ф. 1209, писцов. кн. № 93—94); по переписной книге 1678 г. насчитывалось 18 817 дворов (там же писцов. кн. № 7257, 7258, 7254).

³⁴ А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). М., 1960; Ю. А. Тихонов. Торговля крестьян Ветлужских станов Галичского уезда на Устюжском рынке в XVII в. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1960 г.» Киев, 1962, стр. 160—178.

по истории крестьянства второй половины XVII в. Они дают возможность изучать проблемы развития крепостного права, форм классовой борьбы, борьбы за рабочие руки, колонизации окраин, экономического развития отдельных районов страны и, наконец, состояния крестьянских хозяйств отдельных районов.

Из двух групп материалов сыских комиссий — столбцового делопроизводства и отчетных книг — при изучении всех этих вопросов должны быть использованы прежде всего документы первой группы.

Столбцы содержат описания имущества крестьян; дают сведения о найме неимущих крестьян в хозяйства зажиточных крестьян; сочетании занятий сельским хозяйством и ремеслом; участии крестьян в торговле. В отчетных книгах подобные сведения встречаются как исключение (например, отчетные книги по Рязани).

Сведения экономического характера, извлекаемые из документов сыских комиссий, позволяют судить о том, что представляло собой типичное крестьянское хозяйство каждого изучаемого района, т. е. каким скотом оно располагало, каковы были размеры посева, какие хлебные культуры и скот преобладали в изучаемом районе, сочеталось ли занятие сельским хозяйством с занятиями ремеслом или военной службой. Сопоставление сведений об отдельных крестьянских хозяйствах позволяет изучать вопрос об имущественном неравенстве деревни XVII в.

Помещаемый ниже список включает все обнаруженные до настоящего времени в фонде Поместного приказа столбцы сыских комиссий. Они расположены в алфавитном порядке городов, где были составлены. Далее следует фамилия сыщика, дата и номер столбца. В тех случаях, когда под одним номером в архиве хранятся дела разных комиссий, указаны номера дел для «оклеенных» столбцов и номера листов для «неоклеенных». Из отчетных книг приводятся лишь те, которые обнаружены после выхода в свет работы А. А. Новосельского «Отчетные книги беглых, как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII в.»

- Алатырь — Е. Г. Огарев (1661—1662), 18436, д. 1, 2, 8, 9, 13—15, 20, 33739; А. И. Еропкин (1662—1669), 18432, 18435, д. 63, 18438, д. 5, 18551, д. 34, 18554, д. 32, 33, 35—43, 18583, д. 86, 20883, ч. I—II, 21007, д. 1—12, 22448, 22459, 22532, 22533, лл. 281—298, 348—350, 359—375; 22536, 22537, 22539—22541, ч. II, 22544, 22545, ч. I, 22547, 22550, 22551, 22553, 22555, 22559, ч. II, 22561, 22567, 28030, д. 1, 34374, 34814, д. 17, 18, 35201, ч. VII, кн. 6023; И. И. Дашков (1663), 20907, д. 1, 22567, лл. 11—12; Т. У. Хрущов (1668—1669), 21056, л. 56—60, 28030, д. 6.
- Алексин, Лихвин, Перемышль — Р. Г. Войников (1692—1694), 19207, ч. II, 31234, 39456
- Армамас — Е. Г. Огарев (1661—1663), 18454, ч. II, 33739, д. 8, 33930, 34120; А. Г. Сокольников (1692—1693), 34037, ч. I
- Балахна — Д. И. Плещеев (1668—1669), 18428, д. 26, 18435, д. 7, 18502, лл. 22—27, 18525, д. 1, 13, 22, 18551, д. 58, 18776, ч. II, 21016, лл. 218—237, 262, 266, 268, 271—278, 21151, лл. 63—64, 34241
- Белоозеро — Ю. Г. Наумов (1665), 18454, д. 21—31, 47—49, 18583, д. 65, 66, 85; воеводы Мартюнины (1684), 33224, д. 6
- Владимир — Р. И. Киреев (1663—1666), 18393, д. 9, 13, 18450, д. 73, 21132, 28031, д. 11, 33726, 34264.
- Вологда, Пошехонье — А. И. Колтовский (1661), 38437, 38484; Ю. Г. Наумов (1664—1670), 18438, д. 8, 18528, д. 94, 18550, д. 79—81, 18551 д. 28, 18593, 20812, 20829, 20836, 20875, 20876, 20974, 21016, лл. 280—312, 21087, 21088; лл. 185—187, 21108, лл. 76—77, 22033, 38482; 33898, д. 18, 33908, д. 27; С. А. Зубов (1665), 35204, ч. I; Д. И. Рудин (1692—1693), 19208, ч. I; 34037, ч. I.
- Воронеж — С. Г. Карцев (1662—1666), 19025, ч. I, 34619, д. 5, 7, 11, 13, 14; 34684, д. 30, 57, 58, 34840, д. 79, 34865, 34867; К. Г. Благово (1692—1693), 34829, д. 20—70
- Вязьма — А. Р. Ханьков (1692—1693), 29723, д. 17, 35204, ч. I
- Галич — В. А. Суколенов (1661—1666), 18427, д. 29, 18438, д. 6, 18525, д. 34, 18551, д. 27, 20833, лл. 1—39, 20857, 20878, 20891, 21016, лл. 1—115, 21107, лл. 1—36, 21110, лл. 105—190
- Данков — А. П. Еропкин (1664), кн. 13904
- Елец — С. Г. Карцев (1665—1667), 23824, 23838, 23876, 23990.
- Зарайск — А. С. Заболоцкий (1665), 18526, д. 18
- Кадам с.м. Ломов

- Казань — В. Б. Волконский (1658), 18420, д. 15, 20831, 20847, 20873, 20881, 20972, 21087, лл. 241—248, 28035, отд. листы
- Калуга — С. Г. Черкасский (1665), 26021, д. 5; М. Д. Тургенев (1692—1693), 25962, д. 5
- Касимов, Козлов — Л. А. Вельяминов (1678), 18873
- Кашин — И. О. Грязной (1668), 18540, д. 34, 39630, ч. I—II; Е. С. Языков (1692—1693), 18539, д. 25, 18540, д. 81
- Кашира, Коломна — И. А. Бобынин (1692—1694), 18529, д. 30, 18533, д. 40, 18539, д. 56, 18540, д. 55, 18542, д. 46, 18547, д. 5, 18551, д. 1, 17, 25, 54, 55, 73, 19107, 33771, д. 37, 62
- Клин — И. О. Грязной (1664), 21152, д. 1—3, 11, 12
- Козлов *см.* Касимов
- Коломна *см.* Кашира
- Кострома — Л. Я. Львов (1663—1665), 18468, д. 44, 29327, 29353
- Крапивна — Д. М. Плещеев (1666), 37522, д. 8—10, 37556, д. 1, 37752, д. 3
- Курск — В. П. Бахметев (1692), 18867, 40028, д. 9, 15, 24, 42—44, 75, 76; 40032, д. 11, 17, 25; 40059
- Ливны — К. Г. Благово (1694), 37696, 37705; И. А. Ползиков (1698), 20992, лл. 35—143.
- Лихвин *см.* Алексин
- Ломов Верхний, Нижний, Кадом, Наровчат, Темников — М. И. и В. М. Еропкины (1662—1666), 18400, 18523, д. 43, 18581, д. 4, 19175, ч. I—II, 20813, 20871, 21007, д. 18—19, 21048, 34906, 34930, 34942, 35152, 35162, 35183, 35184, ч. II, III, 35193, ч. I, VI, 35201, ч. I, 35203, 37522, д. 8, 9, 37556, д. 1
- Луки — А. С. Яхонтов (1692), 18826, ч. III
- Можайск — Р. В. Игнатъев (1667), 28030, д. 19; Н. С. Воейков (воевода, 1667), 18438, д. 28
- Мосольск — Г. Нефимонов (1675), 26206, д. 13
- Наровчат *см.* Ломов
- Нижний Новгород — Д. И. Плещеев (1659—1670), 18391, д. 4, 18420, д. 17, 38, 18435, д. 1—6, 64, 18440, д. 32, 18449, д. 67, 18450, д. 74, 18452, д. 7, 18454, д. 44—46, 18472, д. 65, 18475, ч. II, 18502, д. 5, 18515, д. 62—64, 18516, д. 49, 18523, д. 20, 18551, д. 13, 14, 35, 18577, д. 24, 18593, д. 34, 43, 47, 18776, ч. II, 19084, лл. 21—240, 19106, 19175, ч. III, д. 178—188, 20654, д. 22, 20745, д. 1, 20794, 20795, 20808—20811, 20814, 20816—20818, 20827, 20828, 20830, 20832—20835, 20848, 20855, 20857—20860, 20862, 20870, 20872, 20874, 20879, 20892—20895, 20900, 20902—20907, 20976, 20979, 20980, 20991, 21015, ч. II, 21016—21018, 21037, д. 24—59, 21040, д. 6, 9, 21043, лл. 119—328, 21049, 21056, лл. 61—72, 21068, 21069, 21073, лл. 80—86, 21074, 21076, лл. 29—36, 21082, 21086, 21087, лл. 249—328, 21088, лл. 39—47, 189—241, 21089, лл. 119—182, 21107, лл. 61—232, 21111, 21124, 21135, лл. 544—596, 21141, 21153, лл. 37—190, 21157, 21159, 21173, лл. 172—241, 28029, 28035, 28058, д. 2—7, 34241; С. И. Колычев (1678), 20815, 20877, 21003, 21004, 21135, лл. 289—360; Г. С. Титов (1693), 18450, д. 8, 21088, лл. 7—38, 21158, лл. 27—63; И. И. Кайсаров (1698), 20865, д. 1, 20911, д. 7
- Перемышль *см.* Алексин
- Переславль-Залесский — Л. С. Юшков (1664—1669), 19175, ч. III, д. 190—200, 20856, 21019, 21806, ч. III, 21934, д. 11—28, 21942, 22005, лл. 1—100, 22014, лл. 216—220, 236—238, 22018, лл. 20—22, 22033, 22053, д. 5, 6, 15, 16, 30090, 34277, ч. I; П. Ф. Полтев (1678), 22053, л. 43
- Переславль-Рязанский — А. С. Заболоцкий (1665—1666), 22014, лл. 224—227, 41272, 41336, 41379, 41432, 41514, 41575, 41647, 41649, 41652, 41654, 41678, 41679, 41682, 41683, 41685, 41689, 41698, 41710, 41718—41721, 41782, переписка с Поместным приказом; 41363, 41379, 41514, 41575, 41699, списки с дел: 41394, 41563; Л. А. Вельяминов (1678), 41248; Д. В. Ракитин (1693), 41761, 41783
- Печерники, Прислон, Пронск, Сапожок — А. С. Заболоцкий (1666), 18581, д. 12, 35204, ч. I, 42684б, ч. I—III
- Попехонье *см.* Вологда — Ю. Г. Наумов
- Прислон, Пронск *см.* Печерники
- Романов — Л. С. Юшков (1667), 23045, 33908, д. 29
- Ростов — Л. С. Юшков (1668), 19025, ч. II
- Рязск — А. С. Заболоцкий (1664—1668), 25409, д. 2, кн. 13905; Л. А. Вельяминов (1678), 42684 г., ч. I—III; Д. В. Ракитин (1693—1695), 42684е
- Сапожок *см.* Печерники
- Саранск и Симбирск — Ф. И. Бутурлин (1661—1663), 18436, д. 12, 16, 18, 18452, д. 5, 18461, д. 11, 18475, ч. I, 18528, д. 58, 18539, д. 2, 38, 18543, д. 35, 18549, д. 4, 18550, д. 59, 18596, д. 11, 19137, ч. II, 22534, ч. I, лл. 1—171, 22535, лл. 23—275, 22538, ч. I, II, 22543, ч. I, 22544, 22546, ч. II, 22549, 22552, 22554, 22560, 22565, 22566, 23847, 28068, 35200, ч. VII, кн. 6449, лл. 283—295, кн. 6450, лл. 312—789; И. И. Дашков (1668), 28032, ч. I
- Свияжск — Н. Л. Алексеев (1662), 35199, ч. VII
- Симбирск *см.* Саранск
- Суздаль — Р. И. Киреев (1666—1668), 18435, д. 37, 28028, д. 6, 8, 28030, д. 5, 8; 28057, д. 19, 21—23, 28058, д. 8, 12, 22, 28, 34, 28066, 28068, 33726, ч. I, 34264; И. С. Чаадаев (1698), 18451, д. 22, 19105, ч. I

- Тамбов — А. П. Ерошкин (1664—1665), 35204, ч. I
Тверь — И. О. Грязной (1666—1667), 18523, д. 56
Темников *см.* Ломов
Торжок — И. О. Грязной (1667), 39630, ч. I, II
Тула — Д. М. Плещеев (1667—1670), 21073, лл. 1—79, 87—89, 218—227, 21088, лл. 64—184, 24476, 37443, д. 15, 37636, д. 11, 37650, д. 16; А. М. Кровков (1693), 37285, ч. I, 37402, 37448, 37452, д. 9—57, 37453, д. 11—50, 37258, 37454; Е. А. Пятово (1698), 37399, д. 5, 37465, д. 10—11, 37487, ч. I, II, 37521, д. 7—13
Усмань — С. Г. Карцев (1666), 19025, ч. I, 34839, 34865, д. 5, 6
Чернь — Д. М. Плещеев (1666), 18523, д. 28, 36, 66
Шацк — Ф. М. Плещеев (1665—1666), 18436, д. 21, 18599, д. 23—26, 21182, д. 1—23, 34902, 34904, д. 6, 34905, 34918—34920, 34974, 35008, 35156, д. 1, 35074, 35164, 35180, 35193, ч. I, II, 35203, ч. I; Г. С. Исупов (1693), 34948, 34949, 35073, 35155, 35170, В. Г. Озанобинин (1699), 18572, д. 6, 7
Юрьев-Польский — Л. С. Юшков (1664—1667), 34234
Ярославль — В. Я. и Г. Я. Унковские (1663—1665), 28028, д. 1, 2, 11, 12; Ф. Т. Беклемишев (1693), 22563

М. А. Алпатов

ПЕТРОВСКИЕ «ВЕДОМОСТИ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

«Ведомости», созданные Петром, были, как известно, первой печатной газетой в России — они впервые увидели свет в конце 1703 г. и существовали четверть века, когда вместо них в 1727 г. стали выходить «Санкт-Петербургские ведомости» Академии наук. Как средство информации «Ведомости» по сравнению со своим предшественником — «Курантами» — были более значительным явлением. Однако нас не должно вводить в заблуждение слово «газета» — в действительности «Ведомости», как и газеты в других странах, еще не стали газетой-информатором в нашем смысле слова. Этому мешал по-прежнему как ограниченный масштаб предприятия (наибольший тираж отдельных номеров не превышал 4 тыс. экз.), так и огромные запоздания с выходом «Ведомостей» (в типографии скапливалось помногу заготовленных номеров, ожидавших своей очереди попасть в печатный станок, а интервал между номерами доходил до полугода).

«Ведомости» поэтому представляют для нас интерес не столько как начало периодической печати в России, сколько как явление историографическое, как свидетель степени зрелости общественной и исторической мысли своего времени. Так, собственно, и смотрели на «Ведомости» люди, создававшие их. Один из них — Борис Волков — с полным основанием говорил, что сообщаемые в «Ведомостях» сведения «не почтутся за новости, но за какой-либо меморий ради гисториков», а ценность своего издания видел именно в том, что «наши авизии почитаются за краткую следовательную историю»¹.

С самого начала «Ведомости» ставили задачу рассказать о событиях в России, дать торговую информацию и т. д., тем не менее они уделяли внимание и внешнеполитическому моменту. Достаточно сказать, что «Ведомости» возникли в первые годы Северной войны. Их создание было вызвано стремлением идейно обосновать войну, историческую необходимость для России пробиться к морю, открыть себе дорогу в Западную Европу. Материал о войне стал занимать большое место в «Ведомостях», газета должна была рассказывать не только о событиях в России, но и «во иных окрестных странах», и прежде всего странах, связанных с Северной войной.

Сведения о событиях за границей неизбежно должны были занять тут большое место. Этому помогла и сама практика составления «Ведомостей». Зарубежный материал для них доставлялся Посольским приказом, а за-

¹ Г. В. Балицкий. Зарождение периодической печати в России. СПб., 1908. стр. 31.

тем Коллегией иностранных дел и изредка отдельными лицами, побывавшими за рубежом. Из всех учреждений, обязанных поставлять материал для «Ведомостей», Коллегия иностранных дел оказалась самой аккуратной, а подчас и единственной, выполнявшей эту обязанность. Некоторые из номеров состояли исключительно из иностранного материала, и тогда номер выходил как «Эссенция из французских печатных газетов», «Квинт-эссенция из лейденских газетов» и т. д. Газеты, из которых черпался иностранный материал, были чаще всего на немецком или французском языках. Наряду с сообщениями об отдельных событиях помещались также донесения послов, представлявшие обзор положения в той или иной стране. Первая печатная газета в России была в значительной мере летописью современных ей зарубежных, по преимуществу западноевропейских, событий.

Несмотря на то, что фактические редакторы «Ведомостей» — Ф. Поликарпов в Москве и М. Аврамов в Петербурге (газета издавалась сначала в Москве, потом в Петербурге, затем снова в Москве) — не принадлежали к безусловным сторонникам Петра, «Ведомости» были типичным явлением петровского времени, играли немалую роль в ознакомлении русского читателя с Западной Европой.

На каком методологическом уровне стояли исторические представления первых русских журналистов, составлявших петровские «Ведомости»? Современному читателю трудно отделаться от досадной мысли — не слишком ли надолго затянулся процесс освобождения человеческого сознания от родимых пятен средневекового мышления? Ведь уже наступал XVIII век — знаменитый век Просвещения! В данном случае речь шла не столько о русских людях, — сколько об общем уровне научного мышления в Европе. Бросалось в глаза слабое развитие наук о природе в начале века Просвещения.

Во-первых, здесь можно встретить многочисленные факты, когда человек в недоумении останавливается перед необычными явлениями природы. «За несколько дней во Австрийской земле, — переписывали русские составители «Ведомостей» из австрийской газеты, — кровавый дождь пал, и никаким образом мочно было те капли с камней и с листья и с платья стерть»². «Из Моравии пишут, что две мили от Улмица (Оломоуца) от многих людей духовного и мирского чину видели, что генваря в 8 день с полуночи на воздухе крест явился, и по обоим странам столпы видны были»³. Из голландских газет «Ведомости» перепечатали сообщение, что в Швейцарии «страшной бой между... черными и пестрыми птицами был... черные на пестрых напали, и пестрые по крепком бою одолели, и черных в Брабанскую землю гнали.., и несколько тысяч мертвых птиц на землю с воздуха упало»⁴. Из французских источников в «Ведомости» попадает и рассказ о том, что вокруг Страсбурга «на воздухе великий шум от множества людей и великий звук барабанного боя и трубного гласа слышан был. И о том комендант и ратные тамо обретающиеся люди печалятся»⁵. Многие подобные сообщения могли быть как-то объяснены, многие из них были небылицами, но во всех случаях они не зря появлялись на страницах тогдашней печати — для людей они были полны неизъяснимого значения, они все еще считались предзнаменованиями, чаще всего дурными.

В «Ведомостях» помещались именно те «знамения», которые становились средством пропаганды определенных идей. Во время Северной войны и войны за Испанское наследство вспыхнуло в Венгрии национально-освободительное восстание под руководством Ф. Ракоци против австрий-

² «Ведомости времени Петра Великого» (далее — «Ведомости...»), вып. 1. М., 1903, стр. 259.

³ «Ведомости...», вып. 2. М., 1906, стр. 81.

⁴ «Ведомости...», вып. 1, стр. 229.

⁵ Там же, стр. 119.

ского ига. Для Австрии — участницы войны за Испанское наследство — вести войну на два фронта было трудно. Австрийские газеты решили прибегнуть к религиозной пропаганде, которая потом в виде описаний различных «знамений» попала в «Ведомости». «Видится яко отмщение божие над венгерским государством... за невинно излитую христианскую кровь, понеже октября в 15 день в разных городах великий огненный знак в ночи между 11 и 12 часов великим устрашением видим был»⁶.

«Ведомости» и сами прибегают к такого рода приемам. Если учесть враждебные отношения России с Турцией, не раз перераставшие в войну, то станет понятна версия, бытовавшая как в самой России, так и среди народов, изнывавших под гнетом турок, появившаяся в № 9 «Ведомостей» за 1711 г. Она рассказывала, что «турецкое войско в осьмидесяти тысячах от Царяграда в поле выступили, и милосердием Божиим к нам первое их пред тем войском знамя (на котором написан проклятый их пророк Магмет), вихром изорвало в клочки и древко изломало, от чего то войско признали себе в бесчестие за неправды их... И о такой милости христиане благодарны. Да подает господь и большее счастье монарху нашему на сокрушительного»⁷. Свое наивысшее выражение «знаменья» русского происхождения находят в известии из Москвы, где рассказывается, что 16 мая 1711 г. в канцелярию Сената явился иноземец Филипп Сенебер и «объявил черный камень, на котором по осмотру было написано по-русски». Надписи на камне завершались словами: «Северный орел распространит крыле свои чрез Босфор (есть узость морская между Азовом и Византией) и море Балтийское»⁸. Иноземец нашел этот камень на р. Яузе случайно, а «кто тот камень на том месте положил и на том камне писал, того он не ведает». О происхождении камня знать не полагалось, но цель всего этого была совершенно ясна — орел, простирающий свои крылья за Азов и через море Балтийское, был символом России, борющейся за выход к Черному и Балтийскому морям. Он должен был вдохновить русских современников на эту борьбу.

Мистицизм исчезает, когда человек петровской поры смотрит на общественные явления. Он хоть и не прочь сказать, что все свершилось с божьей помощью, но больше по привычке, это скорее требование хорошего тона, свидетельство политической благонадежности, а не пути познания. В действительности же и западные и русские люди, писавшие о Северной войне и войне за Испанское наследство, о восстании Ракоци и тогдашних международных делах, интересовались соотношением сил борющихся сторон, умели хорошо различать причины и следствия событий, строили прогнозы, доискивались многих объяснений, обходясь без мистицизма.

Главной темой «Ведомостей» была Северная война. Когда от изучения донесений послов переходишь к знакомству с «Ведомостями», сразу бросается в глаза разница в самом характере этих источников. Из кабинетов посольств и ведомств, из залов международных конгрессов и конференций исследователь переносится на поля сражений, он вместе с современниками следит за ходом баталий, вместе с ними подсчитывает потери, пленных и трофеи, изучает карту военных действий.

Меняется и язык и сам характер изложения. «Ведомости» явно рассчитывают на больший круг читателей, стремятся популярно объяснить язык военных реляций. В реляции «О разорении шведской армии, бывшей под командованием фельдмаршала Штейнбока» от 17 июня 1713 г. петровские журналисты, например, снабдили каждый специальный термин более понятным словом: диспозиция — расположение, консилиум — совет, атакировать — осадить, негоциация — договор, ретировался — уступил,

⁶ Там же, стр. 205.

⁷ «Ведомости...», вып. 2, стр. 96.

⁸ Там же, стр. 98.

и это не было исключением. Вместо связного, подчас изысканного, великосветского языка донесения или письма петровского дипломата в «Ведомостях» царит лаконичный, «рубленый» стиль короткого газетного сообщения; эти вести суетливо толпятся, поспешая рассказать все, о чем пишут иностранные газеты.

В этой скороговорке очень часто чувствуется очевидец военной баталии, который передает свое живое впечатление о событии. Это можно ощутить не только в русской реляции. Живой трепет современника доходил до россиянина и через иностранную газету. Из отдельных отрывочных сообщений, взятых из зарубежной прессы, можно составить вполне конкретную, действительную картину того или иного военного события. Примером могут служить сведения о взятии шведами Торуня. Короткие строчки, опубликованные в № 35—38 за 1703 г. и в № 15 за 1704 г., из «свейских таборов при Торуне» рассказывали читателю следующее: «Вчера город Торунь со всем гарнизоном без кровопролития королю свейскому по милости и по немилости сдался. В пребывающей осаде много померло ратных людей; вначале было пять тысяч человек, а ныне токмо тысяща пятьсот остались, и из тех много мрут от цынготные болезни. Наши люди уже все места одержали и везде караулы поставили»⁹. Сведения из Гданска прибавляли, что в Торуне имеется еще «осмь сот раненых и больных, а хлебных запасов в городе токмо на пять дней обреталось»¹⁰.

Далее на основании сообщений из Варшавы рассказывалось, что Карл XII «в Торуне всю крепость разорить хочет, и нынешние зимы в Мариенбурге зимовать станет»¹¹. Польские свидетельства, кроме того, утверждали, что Торунь «весь разорен, и девичий монастырь порохом взорвали. Житель тамошний шведам объявил клад три миллиона»¹². В каком положении оказался город Торунь, давали представления новости из Гданска и Варшавы. «Генерал Штейнбок жителям торунским положил во время двух недель сто тысяч ефимков платить, а от езуитского кляштора в Торуне в побор велел взять шесть тысяч ефимков. Торговый промысел от нашего города отнят, понеже король свейский сверх тех ста тысяч больше еще хочет собирать».

На этом дело не ограничилось. «Говорят, что еще больше сюды будет свейских людей, которые на дворах поставлены будут, и на осмь тысяч человек положено городу Торуню выдать шесть тысяч гульденов и сей город платит по-недельно по четыреста гульден»¹³. Не обошлось и без театрального жеста, свойственного Карлу XII. «Коменданту Ребелу в Торуне король свейский две тысящи ефимков дал за то, что он так храбро боронился»¹⁴. При всей неполноте эти сведения давали конкретные представления о положении в Торуне, чего, как правило, нельзя получить из польских документов.

В целом «Ведомости» являются ценнейшим источником по истории Северной войны. Это своеобразный свод русских и главным образом западных известий о войне. Здесь даны описания отдельных сражений, большим победоносным сражениям посвящены отдельные реляции. Кроме того, «Ведомости» давали иногда обзоры военных действий за определенный период; примером такого обзора может служить «Подлинное доношение преждебывшим под неприятелем шведом в Ингерманландии как на море, так и на сухом пути учиненным победам в нынешнем 1705 г. от июня до сентемврия месяца»¹⁵. Нерегулярный выход «Ведомостей», отрывочность

⁹ «Ведомости...», вып. 1, стр. 92.

¹⁰ Там же, стр. 93.

¹¹ Там же, стр. 97.

¹² Там же, стр. 99.

¹³ Там же, стр. 148.

¹⁴ Там же, стр. 95.

¹⁵ Там же, стр. 266—270.

большей части сообщений не снижают источниковедческой значимости петровских «Ведомостей» для историка Северной войны.

Но с историографической точки зрения наиболее ценным является не эта, по сути дела официальная, задача, стоявшая перед петровской газетой — освещать ход военных действий. Наиболее ценным для тогдашнего уровня знакомства с международными событиями и историей других стран было освещение «Ведомостями» внутреннего положения в странах — участницах Северной войны. Это был уже шаг вперед, от внешнего проявления мощи государства шли к ее основе, к изучению устойчивости политического строя страны.

Для примера можно взять внутреннее состояние Польши в годы до Полтавского сражения. Это был период, когда Карл XII после победы под Нарвой обрушился на Польшу и она оказалась на время в главном фокусе Северной войны. На территории Польши находились тогда войска четырех «потентатов» — Карла XII, Петра I, Августа II и «новокоронованного» Станислава Лещинского. И сами военные действия и снабжение этих войск, бесконечные поборы для войны, уж не говоря о прямом грабеже, тяжким бременем легли на плечи населения Польши. Королевский двор, который вместе с королем теперь кочевал по всей стране, как саранча истреблял все продовольственные запасы на своем пути. Двору сплошь и рядом приходилось следовать по уже разоренной местности. «Короля польского дворовые люди от Висницы идут, понеже там хлебных запасов нет»¹⁶.

К этому прибавлялись рекрутские наборы. «Ныне установлено поселениям по жребию солдатом дать»¹⁷. За наборами следовали военные повинности всего населения. «Король с четвертого дому крестьянина с топором и лопатой взять велел для ограждения Кракова ...Из Кракова пишут, что король Август зело радеет тамошний замок укрепить, и ежедневно больше тысячи поселян работают»¹⁸. Дело осложнялось тем, что король был не поляк, а саксонец, окруженный саксонскими войсками. Не раз мелькают сообщения о том, что «саксонские комиссары контрибуцию собирают». В действительности, война шла между польским и литовским населением, с одной стороны, и с саксонскими войсками — с другой. «Саксонский подполковник Ностиц при Бресте стоял и контрибуции собирал; того ради четырнадцать литовских хоругвей на него напали и четыре мили за ним гнали и у некоторой переправы людей его побили, а иных ранили, да прапорщика с пятнадцатью рядовыми в полон взяли»¹⁹. От Августа старался не отстать и «новобранный» король Станислав. Например, во Львов он «комиссара своего прислал, просят в контрибуции четырех тысяч гульден, а от города Струя шестнадцать тысяч гульден»²⁰. Такое сообщение было одним из многих.

Но наиболее беспощадными были шведы, находившиеся в завоеванной стране. Они опустошали старые польские центры. «Гнездинское архиепископство вконец разорено, и едва можно узнати, где что стояло»²¹. На Варшаву сыпались все новые и новые требования. Одно из первых требований гласило, чтобы варшавяне шведам «четыреста тысяч фунтов хлеба и тысячу бочек пива дали»²². В дальнейшем эти требования все возрастали. «В Краков шведы пришли, и городу положено кроме провианту и хлебных запасов во время трех дней тридцать тысяч битых ефимков платить»²³. Разорению подверглись все польские города и провинции, где появлялись

¹⁶ Там же, стр. 233.

¹⁷ Там же, стр. 242.

¹⁸ Там же, стр. 317, 318.

¹⁹ Там же, стр. 365.

²⁰ Там же, стр. 335.

²¹ Там же, стр. 200.

²² Там же, стр. 204.

²³ Там же, стр. 240.

шведы. В Гданске Карл XII «от тамошних бургомистров просил, чтоб ему скорб короля польского выдали или вскоре ему платили двести тысяч ефимков, а если не хотят те деньги платить, хочет король свейский правосое в городе искать»²⁴. Познань дошла до крайнего разорения. «Свейские осадные люди, которые в Познани были, вышли, потому что жители градские не могли их пропитать»²⁵. То же происходило и в Литве. В Вильне шведы собирали контрибуцию и «от города вместо денег сукна, шелк и иные товары взяли, и на сто подвод положа, с провожатием трехсот драгунов и обоз свой в Золудек и в Асилицец отослали»²⁶.

Глубокий упадок переживало не только сельское хозяйство, но и торговля. В Варшаве «торговые люди, которые в кратком времени денег много иногда шведам, а иногда королевскому войску платили, начинают от таких тягостей в пруссы уходить»²⁷. К хозяйственной разрухе прибавились эпидемии, смертность была столь велика, что вся хозяйственная жизнь была парализована. Даже там, где экономическое положение было сносным, торговля не рождалась; «понеже все померли и купцов нет», то продавцы не могли найти сбыта своим товарам. Эпидемии перебросились и на армию. Из-за смертности среди солдат «король польский велел полки пространно расставить, дабы прилепная скорбь их скоро не брала»²⁸. Смерть косила и шведов. Из них «многие помирают, и того ради свейских проезжих людей... не хотят пускать»²⁹. Король Бранденбурга распорядился поставить на границе с Польшей заставы и виселицы, чтобы «никто из поветренных мест за границу не перешел». Особенно тяжелое положение сложилось в украинских и белорусских воеводствах, где шведы вели себя особенно беззастенчиво.

Естественно, что население Польши не могло относиться безучастно к шведской оккупации. В «Ведомостях» нет сообщений о нападении на шведов гражданского населения, но рассказывается о нападении войск. Например, о том, что «подъезд от войск Хоментовского при Ченстохове на... шведов, которые контрибуции собирали, напал. А шведы, увидя, что против поляков стоять не могут, побежали и... отошли к дворянской маентности, где оные белое знамя выставили, будто сдались. А когда польские начальники к тому месту зачали приближаться, и тогда шведы крепко на них почали стрелять и поляки от великой ярости то место и с шведами сожгли, а которых живых поймали, побили. А всего с свейской стороны потеряли шестьдесят шесть человек»³⁰. Такие случаи не могли быть исключением.

Но шведская оккупация, хозяйственная разруха и огромная смертность еще не составляли полной картины внутреннего состояния Польши. Петровские «Ведомости» рассказывают еще об одном бедствии, составлявшем тогда хроническую национальную беду Польши, — феодальной анархии. Еще Статейные списки XVII в. сообщали о редко прекращавшемся междоусобии среди польской шляхты, составители «Ведомостей» продолжали эту традицию. Приход шведов в Польшу сразу же усилил панско-шляхетскую междоусобицу против законного короля Августа II, союзника России. Карл XII выдвинул свою марионетку Лещинского. Это создало в Польше два враждующих панско-шляхетских лагеря — Варшавскую и Сандомирскую конфедерации.

Польша — уже в который раз — стала ареной ожесточенной гражданской войны. «Кровавый бой был при Сенбурхе между Вишневецкими и

²⁴ «Ведомости...», стр. 232.

²⁵ Там же, стр. 227.

²⁶ Там же, стр. 317.

²⁷ Там же, стр. 201.

²⁸ Там же, стр. 225.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, стр. 301.

Сапеженскими, и Сапеженские их в побег прогнали»³¹, — гласит одно из многих сообщений о сражениях между сторонниками Августа и Станислава. В междоусобную борьбу втягивалось и крестьянство. «В Краковском воеводстве пять тысяч поселян собрались и ружье против Любомирских войск подняли, и несколько рот от них порубили и многие маетности выграбили»³². Лилась кровь, пылали не только деревни, но и панские и шляхетские «маетности», война с чужеземцами переплелась с гражданской войной.

Таков рассказ петровских «Ведомостей» о внутреннем положении в Польше в дополтавские годы Северной войны. Этот рассказ опирается не на русские документы, как это было в освещении хода военных действий, а на материалы западных газет. «Ведомости» представляли собой своеобразный компендиум или, выражаясь языком самих «Ведомостей», экстракт некоторой части западноевропейской прессы в бурные годы начала XVIII в. Вместе с политикой Петра «Ведомости» «прорубали окно в Европу» для русского читателя, раздвигали для него границы наблюдаемого мира, делали новый шаг в изучении Западной Европы.

Войне за Испанское наследство «Ведомости» уделяли, естественно, несколько меньше внимания, чем Северной войне, но следили за ней систематически — во всех номерах газеты, где читатель находил материалы из иностранных газет, он, как правило, встречал сообщения о войне за Испанское наследство. Крупные сражения подчас получали подробное описание в «Ведомостях». Например, почти весь № 27 «Ведомостей» за 1704 г. занимает «Подлинное написание о славной победе от соединенных»³³ над французы и баварцы августа в 13 день при Гохштедте у Дуная реки помощью божией одержанной», представляющее собой донесение прусскому двору о знаменитой второй битве при Гохштедте.

В сообщениях о военных событиях, как это мы видели при описаниях Северной войны, часто чувствуется впечатление очевидца или, во всяком случае, человека весьма осведомленного. «Перебежчики из Ландавы возвещают, что соединенное войско стрельбою великую шкodu городу чинят, и уже две кирки в Ландаве наполнены ранеными людьми и ежедневно многие помирают. Прусская батарея французские ворота и подымательный мост и за ним лежащую контрашарпу вовсе разорила. И то соединенное войско зачали к тому городу подкоп вести, и чают вскоре к контрашарпу притти»³⁴. При чтении подобных сообщений едва ли можно усомниться в том, что перебежчики действительно наблюдали осаду крепости Ландау. Для русского историка войны за Испанское наследство описание хода военных действий в петровских «Ведомостях» имеет немаловажное значение.

Но еще большую историографическую значимость имеет интерес составителей «Ведомостей» к внутривойсковым проблемам воюющих стран, как это было и при анализе сообщений о Северной войне. Из множества материалов иностранных газет о войне составители «Ведомостей» не забывали отбирать те, которые рассказывали, что война это — не только сражения на поле боя, но и отчаянная война всего народного хозяйства многих стран. «Ведомости» рассказывают, что одна из воюющих сторон — Англия, Голландия, «Священная Римская Империя», Савойя — в экономическом отношении была гораздо сильнее своих противников — Франции, Испании, Баварии. Читатель узнавал, что «в Мадриде великая денежная скудость есть, как и в Париже»³⁵. Этим странам приходится на-

³¹ Там же, стр. 177.

³² Там же, стр. 207.

³³ Союзные войска Англии, Голландии и Империя в этой войне.

³⁴ «Ведомости...», вып. 1, стр. 202.

³⁵ Там же, стр. 373.

прятать последние силы в поисках денег. Испанским властям, например, пришлось «для продолжения войны все серебряные церковные сосуды взять и из них деньги ковать»³⁶. Испания пыталась выйти из положения путем усиления грабежа Америки, но и здесь Испанию ждали неудачи — неприятельский флот захватил испанские «серебряные» суда. Уже в 1703 г. появились сообщения «о взятии и разорении гишпанского серебряного каравана, и сказывают, что в тех кораблях еще две трети товаров было... да серебра найдено»³⁷.

Помимо экономических тягот на Западную Европу обрушились эпидемии. Они свирепствовали и во время войны и после нее. Во Франции моровая язва захватила не только народные массы, но и высший свет. Один за другим умерли два дофина и «многие господа больные лежат». «Из Парижа пишут, что от большей части все знатнейшие фамилии принуждены черное платье носить для многого знатных людей урону»³⁸. В Империи «зело много людей помирает, и дохтурами не могут издоловствоваться»³⁹.

Сама война выглядела вовсе не такой, как она рисовалась в победных реляциях. Наборы в армию проводились насильственно; только безвыходное положение заставляет людей брать оружие. «Во Франции великою удачею людей наймовают и рекрутуют, особливо от скудости хлебных запасов принуждены служить»⁴⁰. Такое войско отличалось низкой боеспособностью. В Испании и солдаты и «из разных мест многие люди приклонилися к англичанам и галанцам»⁴¹. Особенно сложно обстояло дело в местах с пестрым национальным составом. В Эльзасе были обычным явлением перебежки из французской армии в немецкую: «...Французы вельми к цесарю перебегают, и нет того дня, что не двенадцать и не пятнадцать французов конных и пеших в цесарское войско со всем оружием приходили»⁴². В то же время наблюдалось и обратное явление: «Цесарские гусары, которые ко французам в Страсбург перебежали, многажды на добычу выезжали и недавно... на цесарских гусар напали»⁴³. При занятии имперскими войсками г. Ульма «баварцов большая часть службу цесарскую приняли»⁴⁴. Когда Евгений Савойский взял Турин, к нему примкнули две тысячи перебежчиков⁴⁵.

Тревожно было и в тылу воюющих стран. «Во Англии и в Шкотской земле... много неудовольных обретаются... и у короля французского денег и людей просили»⁴⁶. Еще хуже дела обстояли в лагере противника. В Испании зрело недовольство и войной и существующим режимом. «Ежедневно многих владению сему сопротивляющихся за орест берут, и все темницы теми наполнены»⁴⁷. Но репрессии уже не помогали; в некоторых испанских городах «великое восстание было, и того ради некоторых рейтар от рубежа в Толедо послали и в Саламанке больше солдат посадили, о том двор королевский зело смутен»⁴⁸. Во Франции, пользуясь обстановкой войны, подняли головы кальвинисты; «изгнанные веры ради паки множеством собралися и в одной провинции с 60 деревень разорили и пожгли, против их принужден король доброе войско послать, понеже опасно, дабы они

³⁶ «Ведомости...», вып. 2, стр. 35.

³⁷ «Ведомости...», вып. 1, стр. 6.

³⁸ Там же, стр. 344.

³⁹ «Ведомости...», вып. 2, стр. 187.

⁴⁰ Там же, стр. 35.

⁴¹ «Ведомости...», вып. 1, стр. 284.

⁴² Там же, стр. 27.

⁴³ Там же, стр. 28.

⁴⁴ Там же, стр. 196.

⁴⁵ Там же, стр. 347.

⁴⁶ Там же, стр. 148.

⁴⁷ «Ведомости...», вып. 2, стр. 33.

⁴⁸ «Ведомости...», вып. 1, стр. 215.

с иными такими же людьми не соединились и больше разорение не учинили»⁴⁹.

Борьба с восставшими оказалась нелегкой, ибо они «дважды королевских людей побили, сего ради король принужден нарочитое войско против их послать, дабы они отсюда не соединились»⁵⁰. Фактически во Франции вновь началась религиозная война; не обошлось и без иностранного вмешательства: «Король французский повелевает всем своим подданным принимать римскую веру, и которое тому противятся, тех принуждает к великим мучениям; а которое в его земле города и уезды многие держали реформатскую веру и те желают все пожитки и дома оставя, выехать в иную страну, но их не выпускают; сего ради многие против того королевского указа восстали и мучителям противились, и к тем королева английская посылает десять тысяч человек войска на вспоможение с воинскими снарядами и припасы, и если с теми соединятся, то немалое смятение и противность во французской земле воздвигнут»⁵¹.

Поднималось движение крестьян; против него были брошены войска. «Из Лиона гонец в Париж пригнал, возвещая, что севенсы (бунтовщики во французской земле) на главу побиты и семьсот человек на боевом месте убито»⁵². С восставшими велись переговоры, как с воюющей стороной, устанавливались перемирия, чтобы выждать время. В июне 1704 г. «мирный договор с комизардами (бунтовщиками во французской земле) разрушен и кавалер, который у французов в аманатах был, назад послан»⁵³.

Вспыхнули крестьянские восстания в Баварии; «тамошние мужики прежде взяли город Статенберг в Баварской земле и оттоле далее пошли... и приступом взяли замок Эберсвенген и в городе бывших порубили, токмо шесть человек живых оставили»⁵⁴. Борьба с крестьянами приняла характер настоящей войны; «полковник Бартел их две тысячи пятьсот человек при Бибурге побил. У Инна реки стоят их три тысячи человек и ежедневно умножаются... «Бунтующие поселяне в Баварской земле в ночи до Рождества Христова (1706 г.) на город Минхен напасть намерелись, и им не удалось, три тысячи человек побито, однако ж не хотят перестать»⁵⁵. «Генерал Крихбаум при Адлерсбахе бунтующих баварских поселян три тысячи человек побил и шесть пушек взял»⁵⁶. Бавария воевала на стороне Франции, но другие княжества Империи, находившейся на стороне Англии и Голландии, кинулись подавлять восставших баварских крестьян; «шесть прусских и три виртембергских полков в Баварскую землю пошли тамошних бунтовщиков к послушанию привести»⁵⁷.

Вмешательство других княжеств Империи в баварские дела было вызвано тем, что волна крестьянских восстаний захлестнула многие немецкие княжества. Иногда крестьянское движение сливалось с солдатским. «В вышней Австрийской земле шесть тысяч человек ратные люди да десять тысяч мужиков, собрався, окопалися и стоят для оберегательства»⁵⁸. Иногда к крестьянским отрядам примыкали дезертиры: «Чрез Регенсбург пишут, что тамошние поселяне и отбегшие солдаты совокупаются и разбоем землю грабят и много злодейства чинят»⁵⁹.

В ряде стран, ведших войну за Испанское наследство, велась другая война — внутренняя, гражданская война, вести о которой через западную

⁴⁹ Там же, стр. 39.

⁵⁰ Там же, стр. 35.

⁵¹ Там же, стр. 48.

⁵² Там же, стр. 154.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же стр. 161.

⁵⁵ Там же, стр. 311.

⁵⁶ Там же, стр. 313.

⁵⁷ Там же, стр. 308.

⁵⁸ Там же, стр. 136.

⁵⁹ Там же, стр. 306.

прессу пробились и на страницы петровских «Ведомостей». Эти свидетельства современников обнажают, в частности, главную причину поражения в этой войне Франции — страны, являющейся до тех пор гегемоном Европы, обладательницы лучшей армии в мире. У Франции и ее блока оказалась более слабая экономика и более слабый тыл, чем у их противников. Сказалось то обстоятельство, что Англия и Голландия, составлявшие главные силы антифранцузского фронта — страны, где буржуазные революции уже свершились, — оказались и в экономическом и в политическом отношениях гораздо сильнее своих противников — феодальных Франции и Испании. Теперь гегемония в Западной Европе и за ее пределами переходила к сильнейшей буржуазной стране — Англии. Этот чрезвычайно важный поворот в жизни Западной Европы был отражен и на страницах русской газеты — петровских «Ведомостей».

Освещение событий венгерской освободительной войны 1703—1711 гг. в «Ведомостях» на первый взгляд вызывает некоторое недоумение. Как известно, между правительством Петра и вождем венгерского восстания Ференцем Ракоци были дружественные отношения. После того как Карл XII принудил Августа II отречься от польского престола, Петр, в противовес шведскому ставленнику Станиславу Лещинскому, намеревался выдвинуть на польский трон Ференца Ракоци. И только возвращение Августа в Польшу помешало осуществлению замысла Петра. С этого момента отношение Петра к Ракоци меняется.

«Ведомости» с самого начала именуют куруцев не иначе как «бунтовщики», а освещение хода освободительной войны ведется, как правило, далеко не в дружественном тоне. Объясняется это тем, что составители «Ведомостей» брали сообщения из венской прессы, усваивали и факты и самый тон австрийских реляций. Переписывание австрийских сообщений подчас было настолько буквальным, что «Ведомости» то и дело писали «наши войска», имея в виду австрийцев. Этому тону явного несочувствия не могло не способствовать то обстоятельство, что речь шла о восстании против «законного государя» — австрийского монарха.

Тем не менее, в этих обильных и тенденциозных австрийских сообщениях о восстании куруцев на страницах «Ведомостей» довольно отчетливо начинает проступать действительный ход венгерской освободительной войны 1703—1711 гг.

Во-первых, в петровских «Ведомостях» отразилась восходящая линия венгерской войны. Из западной печати узнаем, что восстание в Венгрии было полной неожиданностью. Это прослеживается на страницах «Ведомостей». Венгрией интересовались лишь в связи с войной за Испанское наследство. «Из Вены пишут, что в венгерской земле несколько полков венгерских ратных людей собирают и те употребят против баварского курфюрстра»⁶⁰, — сообщили «Ведомости» в феврале 1703 г. «Полкам «одним в Италию, а другим против баварчинов итти указано, а на то место вновь собранные полки поставлены и к воинскому делу выучены будут»⁶¹. Как потом стало известно, формирование венгерских частей будущими деятелями восстания (Тамаш Эсе и др.) проводилось под видом вербовки в австрийскую армию, действовавшую против французов.

Затем уже в июле «Ведомости» сообщили июньские сведения, что в Вене «крепко радеют поране перенять бунтовщиков в венгерской земле, под Монгачом собранных, и за князя Ракоцкого стоят»⁶². Одна часть австрийских войск «против бунтовщиков послана, а три полка в Седмиградскую землю, чтобы поране тех унять, потому что зло поступают». Это было первое известие о восстании. Оно прозвучало и неожиданно и запоздало, так как восставшие уже пытались взять крепость Мукачево.

⁶⁰ «Ведомости...», вып. 1, стр. 24.

⁶¹ Там же, стр. 42.

⁶² Там же, стр. 66.

«Ведомости» на время прекращают освещение венгерских событий и только в октябре русский читатель узнает, что «с венгерским палатином и с иными господами сего королевства часто бывают разговоры, каким способом удержать бунтовщиков, которые всю землю разоряют»⁶³. В октябре «Ведомости» сообщили первые конкретные сведения о военных действиях: «Бунтовщики город Липпу выграбили и шестьдесят человек убили»⁶⁴. Столь скудные вести о восстании в то время, когда «Ведомости» продолжали перепечатывать сообщения из венских газет о действиях австрийских войск в войне за Испанское наследство, говорят о том, что и в Вене и в Петербурге на первых порах, видимо, не придавали венгерскому восстанию серьезного значения.

И только размах самого движения заставил взглянуть на дело иначе. На рубеже 1703—1704 г. вся Венгрия, не считая Трансильвании и Задунайской части, была в руках восставших, и с этого времени «Ведомости» заестрели сообщениями о войне в Венгрии. Эти данные неполны, отрывочны, не всегда точны и подчас грешат тенденциозностью, которой их неделяли в Вене. Даже среди постоянных упоминаний о неудачах куруцев мы не находим ничего о первом крупном их поражении. Речь идет о сражении куруцев с дворянским ополчением и войсками, которыми командовал Шандор Карольи, тогда еще находившийся на стороне австрийцев. Это было 7 июня 1703 г. Возможно, что русские журналисты тогда еще не разобрались в позиции Карольи.

Но в этот период войны даже усиленное подчеркивание действительных и мнимых поражений восставших не смогло скрыть того факта, что в целом это были годы побед венгерского восстания. Уже в январе 1704 г. «Ведомости» сообщили несколько преувеличенные для того времени сведения о том, что куруцев «будет сто тысяч человек и думают под Вену... Бунтовщики тяжкие статьи предлагают, а у цесарского двора думают, как бы их унять, дабы тягость их с себя свалить»⁶⁵. В начале этого года «цесарский генерал Шлик, который против венгерских бунтовщиков с седмью тысящами человек пехоты и с гусары от цесаря комендован был и на него Берецныи (Берчени) — имя начальника — так нечаянно напал, что цесарским солдатам время не было стрелять, из которых побито пятьсот шестьдесят человек, а прочих к Моравскому рубежу загнали, и тот Берецныи ныне у Пресбурга стоит с тридцатью четырьмя тысящами человек конницы и с седмью тысящами пехоты и осмь пушек у него»⁶⁶. С этих пор сведения о победах куруцев становятся регулярным явлением на страницах «Ведомостей».

Опасность вторжения восставших нависала над австрийской территорией и самой австрийской столицей. Летом 1704 г. во время торжеств в день рождения императора «бунтовщики близ к городу набег учинили под начальником Кароли и многие места сожгли, выграбили, людей много побили и скотину увезли...»⁶⁷ В начале 1707 г. «Ведомости» сообщили о том, что «неудовольные крепко появляются и грозят в цесарскую землю впасть»⁶⁸. В «Ведомостях» можно было прочесть, что в Вене считают положение чрезвычайно серьезным и стараются найти из него выход: «У цесарского двора о воинском смущении в венграх часто тайным совет держат. И известно, говорят, что вскоре трактаты примут. Такожде корона аглинская и Генералы Статы (Голландия) сие дело великое ревностию поспешить радеют»⁶⁹.

⁶³ Там же, стр. 93.

⁶⁴ Там же, стр. 97.

⁶⁵ Там же, стр. 115.

⁶⁶ Там же, стр. 137.

⁶⁷ Там же, стр. 167.

⁶⁸ Там же, стр. 373.

⁶⁹ Там же, стр. 346.

В сообщения о ходе войны часто врываются вести о попытках Англии и Голландии наладить переговоры между воюющими сторонами. Это составляет вторую проблему, которая обращает на себя внимание читателя «Ведомостей». Как известно, венгерская освободительная война была по интересам не только Империи, но и всей коалиции, членом которой Империя состояла в войне за Испанское наследство. Поэтому на ход венгерской войны большое влияние оказывала сложившаяся к тому времени международная обстановка.

Австрии, как уже упоминалось, приходилось вести войну на два фронта. «О нынешнем пребывании в венграх и о продолжении войны против короны французской при здешнем дворе советы и тайные разговоры держаны будут»⁷⁰, — сообщали «Ведомости» по этому поводу. Австрия пыталась выйти из войны в Венгрии при помощи союзников: «У двора царского крепко радеют и труждаются по заступлению англичан, голландцев и иных потентатов, чтобы в венгерской земле все усмирить, а чаем скоро миру быть»⁷¹. Цель этого мира — «чтоб соединенные войну против французов могли вести»⁷². Все это приводило к тому, что переговоры не раз начинались, велись много месяцев, но каждый раз кончались бесплодно. Типичным сообщением могут быть следующие строки из «Ведомостей»: «Понеже венгерские бунтовщики от упрямства своего не хотят перестать, то царский, аглинский и галланский послы, которые на разговоре были, приехали (вернулись. — М. А.), и генерал Гейстер в венгры идет с пятнадцатью тысячами человек против бунтовщиков воевати»⁷³.

Но если союзники Австрии были заинтересованы в прекращении венгерской войны, то их противники — французы были заинтересованы в обратном. В Вене не без основания «во опасении... живут от бунтовщиков венгерских, но лаче еще того опасаются, что французы и баварчики помощь им подадут, и того ради принц Евгений изготвится и им встречу поидет...»⁷⁴ Между Ракоци и французским двором велись переговоры о помощи восставшим. Из Парижа поступали известия, что еще в 1704 г. «от принца Рагоцкого два гонца сюда прибежали, дабы союз с королем обновить, такожде венгерский шляхтич, от того же принца сюды прислан и у короля в великой чести»⁷⁵. От французов Ракоци получал деньги, австрийцам случалось захватить в плен венгров, «меж которыми многие французы обретались». «Ведомости» рассказывали и о том, что «князь Рагоцкий сто пятьдесят человек французских офицеров... ждет»⁷⁶. Французская помощь не оказала, конечно, какого-либо заметного влияния на ход венгерской войны.

Третья проблема, которую можно проследить на страницах «Ведомостей», это — социальные противоречия в стане восставших. Уже в начале восстания венский двор пытался оторвать венгерское дворянство от него. От императора в Венгрию был послан генерал «дабы объявив им общее прощение и отдание маестностей (имений. — М. А.) их и вольное употребление веры... на пять лет вольность, но они так не принимают, а просят на пятнадцать лет, а царское величество отказал»⁷⁷. В дальнейшем ходе восстания «несколько нарочитых бунтующих начальников к фельдмаршалку фон Гейстеру писали, если он им пардон и повольность дает — куда они ехать похотят — и свое имение с собою им взять, то они хотят оружие низложить и венгерское государство в прежнем покое установить, а фельдмаршалк им отвечал, что то не в его воли, понеже долго они про-

⁷⁰ «Ведомости», вып. 1, стр. 361.

⁷¹ Там же, стр. 135.

⁷² Там же, стр. 222.

⁷³ Там же, стр. 212.

⁷⁴ Там же, стр. 118.

⁷⁵ Там же, стр. 215.

⁷⁶ Там же, стр. 374.

⁷⁷ Там же, стр. 116.

мешкали, и ныне ему от цесарского величества указ есть, что их огнем и мечем искоренять...»⁷⁸

Как известно, на протяжении всего восстания между крестьянами и помещиками сказывались острые противоречия. Отразились они и в сообщениях «Ведомостей». Примером может послужить рассказ о том, что «Оцкай, венгерский бунтовщик, с двенадцатью тысячами солдат и мужиков пошел некие линии домогаться, но генерал Берецыний (Берчени) указ к нему прислал от походу возвратится, сего ради он мужиков отпустил»⁷⁹. Это один из фактов, говорящих о том, с каким трудом феодальной знати приходилось удерживать руководство крестьянскими отрядами. Разногласия между крепостными и их хозяевами простирались и на внешние отношения восставшей Венгрии; «шляхта и жители князя Рагоцкого принуждают, чтоб он удержался от французов, которых немало при нем обретается, и помогать хотят, чтобы миротворение с цесарским двором совершилось»⁸⁰. Можно не сомневаться, что речь идет о венгерских феодальных владельцах, всячески искавших примирения с Австрией вопреки желаниям крестьянской массы.

Наконец, на страницах «Ведомостей» нашла отражение и нисходящая линия венгерской освободительной войны, ее финал. С 1707 г., как известно, начинаются тяжелые поражения повстанческих войск, особенно у Тренчина в августе 1708 г. и Ромгана в начале 1710 г. Волна освободительного движения стала спадать. В сообщениях «Ведомостей» нашло отражение то быющее в глаза обстоятельство, что наиболее слабым звеном восставших был венгерский феодальный класс, склонный к компромиссу с австрийцами. «Его цесарское величество паки в показание милости своя малконтентам венгерским генеральную амнистию предложить велел, и тридцать уже венгерских шляхтичев цесарскому защищению далися»⁸¹. «Начальники неудовольников или малконтентов на большую часть его цесарского величества послушанию здалися...»⁸², — такие вести становятся обычными на страницах «Ведомостей».

К лету 1711 г. речь пошла о полной капитуляции. «Сдача венгерских крепостей и присяга графа Кароллия, в том числе и 2000 венгерских шляхтичев подтверждается», «...венгерские конфедераты, граф Каролли с 10 000 гусарами около Мутина на поле присягу чинили и в знак подданства генералу-фельдмаршалку графу Иоанну Порфию 149 знамен отдали, также от Тиса реки многие пришли и присягу чинили, при том для радости стрельба была»⁸³. В отличие от сложившего оружие Кароли «Рагоцкий с своими людьми и поляками при Аркецаллесе стоит, где думу отравили, присягая паки с цесарцами биться»⁸⁴. Ракоци не капитулировал перед австрийцами, он «под защищение его царскому величеству дался и команду от него получил над некоторым корпусом»⁸⁵. В обычной манере прозвучал в «Ведомостях» и заключительный аккорд венгерской трагедии: «Ныне королевство венгерское, княжество Седмиградское по 9 летнему мятежию и неопisanному разорению совершенного покоя употребляет, того ради и во всех венгерских городах благодарение богу отправлено»⁸⁶.

Петровские «Ведомости» — первая газета для русского читателя — зачастую в искаженном виде, неумело и с чужих слов сохранила ясные следы важнейших событий своей современности.

⁷⁸ Там же, стр. 227—228.

⁷⁹ Там же, стр. 338.

⁸⁰ Там же, стр. 246.

⁸¹ «Ведомости...», вып. 2, стр. 36.

⁸² Там же, стр. 32.

⁸³ Там же, стр. 98, 99.

⁸⁴ Там же, стр. 53.

⁸⁵ Там же, стр. 98.

⁸⁶ Там же, стр. 99.

С. М. Троицкий

**МАТЕРИАЛЫ ПЕРЕПИСИ ЧИНОВНИКОВ В 1754—1756 гг.
КАК ИСТОЧНИК ПО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
И КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ XVIII в.**

Одной из характерных черт политической истории России XVIII в. было окончательное оформление абсолютной монархии и ее дальнейшее усиление, что сопровождалось растущей бюрократизацией всего государственного аппарата. Не случайно В. И. Ленин назвал Российскую империю XVIII в. чиновничье-дворянской монархией¹. Именно в XVIII в. была создана новая бюрократическая сверху донизу система государственных учреждений. Рост бюрократизации государственного строя сопровождался выделением верхнего слоя управленческого аппарата — крупного и среднего чиновничества, значительная часть которого получила образование во вновь созданных учебных заведениях. Обособление этого слоя чиновников было закреплено Табелью о рангах 1722 г., по которой при назначении на должности в государственных учреждениях принималось во внимание не аристократическое происхождение, а выслуга и деловые качества чиновников. Бюрократия играла важную роль в осуществлении внутренней и внешней политики абсолютной монархии, содействуя дальнейшему усилению самодержавия в России.

При изучении политической истории России XVIII в. многие дореволюционные и советские историки уделяли главное внимание освещению роли центральных и местных органов управления в системе государственных учреждений абсолютной монархии. Лишь в последнее время появилась специальная работа Н. Ф. Демидовой, в которой сделана попытка наметить основные этапы формирования бюрократии в России в XVII—XVIII вв.²

Для дальнейшей углубленной разработки истории русского абсолютизма необходимо не только продолжить изучение истории его важнейших политических институтов, но и уделить специальное внимание особенностям формирования бюрократии в России в XVIII в., выяснению роли различных слоев бюрократии и ее отдельных представителей в государственном управлении и важнейших событиях того времени.

Изучение этого аспекта истории абсолютизма, по нашему мнению, в известной мере опирается в недостаток источниковедческой базы.

С середины 60-х годов XVIII в. впервые в истории России Сенат начал публиковать списки, которые содержали справочные сведения о высшем

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 121.

² Н. Ф. Демидова. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII—XVIII вв.— «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)». Сб. статей. М., 1964, стр. 206—242.

и среднем чиновничестве центральных и местных учреждений. В 1766 г. в Петербурге был издан «Список находящимся у статских дел господам сенаторам, обер-прокурорам и всем присутствующим в коллегиях, канцеляриях, конторах, губерниях, провинциях и городах, також прокурорам, обер-секретарям, эскекуторам и секретарям с показанием каждого вступления в службу и настоящий чин на 1766 г.», в котором указывались фамилия, имя, отчество, чин и должность каждого чиновника и время (год, месяц, число) утверждения его в должности. Такие списки издавались с 1767 вплоть до конца XVIII в. почти на каждый год. Начиная с 1769 г. Военная коллегия стала публиковать аналогичные данные — «Список Воинскому департаменту и находящимся в штате при войске, в полках гвардии и в артиллерии генералитету и штаб офицерам»³. Конкретные сведения о происхождении, образовании и служебной деятельности некоторых, преимущественно высших, сановников России XVIII в. содержатся в «Русском биографическом словаре», энциклопедиях и других справочных изданиях⁴.

В названных работах собран обширный фактический материал для изучения политической истории России XVIII в., в том числе роли бюрократии в государственном управлении, извлеченный из архивов центральных и местных учреждений, отдельных дворянских фамилий и опубликованных источников и литературы. Однако эти публикации имеют и ряд существенных недостатков. Многие из них были написаны для того, чтобы возвеличить и прославить деяния «замечательных» лиц в русской истории. Поэтому в них отсутствуют данные об основной массе центрального и местного чиновничества. Во-вторых, в этих изданиях, заполненных перечислением должностей и царских милостей отдельным сановникам, часто отсутствуют такие важные сведения, как количество крепостных у чиновников, размеры их жалованья и т. п., помогающие раскрыть социальный облик отдельных представителей бюрократии⁵ и выделить внутри нее слои и группы, выяснить их социальное происхождение, национальность, образование и т. п.

Ценные сведения для изучения многих вопросов, связанных с формированием бюрократии в России XVIII в., содержатся в документах фонда Герольдмейстерской конторы Сената, хранящегося в ЦГАДА (ф. 286). Герольдмейстерская контора была учреждена Петром I в 1722 г., одновременно с введением Табели о рангах. Она заменила Разрядный приказ и должна была вести учет дворян, проводить смотры годных к службе лиц и представлять кандидатуры на замещение вакантных должностей. В довольно хорошо сохранившихся материалах этого фонда содержатся ценные данные по истории управления России в XVIII в., которые до последнего времени мало использовались советскими исследователями при изучении русской истории этого периода. Лишь в последнее время появились работы историков Н. Ф. Демидовой и М. М. Штранге, писателя Г. Шторма и некоторых других, написанные с привлечением документов фонда Герольдмейстерской конторы⁶.

³ Подробнее об этих изданиях см.: «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725—1800», т. III. М., 1966, стр. 154—159.

⁴ См., например, «Списки замечательных лиц русских». Сост. П. Ф. Карабановым и дополненные кн. П. В. Долгоруковым, М., 1860; П. Иванов. Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции. СПб., 1863; Е. П. Карнович. Замечательные богатства частных лиц в России. Изд. 2. СПб., 1885; П. Н. Семенов. Биографические очерки сенаторов по материалам, собр. П. И. Барановым. М., 1896 и др.

⁵ От перечисленных выше изданий несколько отличаются статьи «Сборника биографий кавалергардов» (сост. под ред. С. Панчулидзева, т. I—II. СПб., 1901), многие из которых содержат данные о количестве крестьян у кавалергардов.

⁶ Н. Ф. Демидова. Указ. соч.; М. М. Штранге. Демократическая интеллигенция России в XVIII в. М., 1965; Г. Шторм. Потаенный Радищев. М., 1968.

В данной статье нами предпринята попытка ввести в научный оборот еще не привлекавшиеся исследователями материалы переписи чиновников центральных и местных учреждений России, проводившейся в 1754—1756 гг. и содержащей сведения для изучения социально-политической и культурной истории России первой половины XVIII в.

27 января 1754 г. кабинет-секретарь императрицы барон И. А. Черкасов послал генерал-прокурору Сената Н. Ю. Трубецкому письмо, в котором извещал его о том, что Елизавета Петровна приказала «зделать в Правительствующем Сенате ведомость о всех обретающихся при делах е. и. в. гражданских чинах, состоящих в генералитецких и штаб и обер-офицерских чинах», т. е. о высшем и среднем звене чиновников, чьи должности были перечислены в Табели о рангах. В ведомости следовало указать точные данные о возрасте чиновников, образовании, начале службы и ее дальнейшем прохождении, окладах, количестве крестьян, наличии детей и их образовании и службе. В этом же письме Черкасов напоминал Трубецкому о том, что еще 18 декабря 1753 г. он передал повеление императрицы прислать аналогичные сведения «о всех обретающихся в штатской службе при дворе» и полагал, что «о обоих делах в одной убрата ведомости возможно»⁷.

Из этого письма видно, что низшее звено чиновничества (канцеляристы, подканцеляристы, копиисты и т. п.) не подлежало переписи.

Перечень вопросов, на которые чиновники должны были дать ответ для составления ведомости, полностью совпадает с теми данными, которые должны были сообщать дворяне о себе Герольдмейстерской конторе при проведении смотров. Так, 6 марта 1722 г. на основе инструкции герольдмейстер приказал записывать дворян по такой форме: «Имя рек, — лет, служить стал с — году. Ежели военного чину, в котором полку служил и каким образом от службы отбыл или в вакансии. А ежели отставлен — об отставке ево, где дан ему указ и за чьими руками; детей у него, сын, имя рек — , лет — ; обретаецца, в службе или где инде, имя рек же — , лет, в учении русской грамоте, словесному и писать изучился, а других наук не учен или изучен и какой грамоте и живет в доме у него. Свойственников имя рек пишет, которые у него в доме живут, — лет (прописать против вышеписанного ж, как и о детях). Жительство имеет в таком-то городе или уезде, крестьян за ним в таком-то да в таком-то уезде по переписным книгам... году дворов ссостоит»⁸. Как видно из этого документа, правительство интересовал довольно широкий круг вопросов, связанных с пригодностью дворян к отбыванию государственной службы. По нашему мнению, проведение подобной переписи находилось в определенной связи с политикой, которую проводило в 50-х годах XVIII в. правительство, где главную роль играла группа Шуваловых. Наряду с реформами в области экономики (отмена внутренних таможен, проведение генерального межования земель, учреждение банков и т. д.), правительство предпринимало некоторые меры по укреплению всего аппарата государственного управления. В литературе отмечалось, что, кроме волокиты и бюрократизма, на работе государственных учреждений отрицательно сказывалась нехватка чиновников. Дела о производстве служащих в новые чины и назначении на вакантные должности лежали годами, дожидаясь утверждения Елизаветой Петровной⁹. В 1754 г. начала свою работу Комиссия по выработке нового уложения. Еще раньше, 10 марта 1753 г., Сенат по предложению графа П. И. Шувалова приказал всем центральным и местным учреждениям сообщить, сколько в царствование Елизаветы Петровны было создано различных следственных комиссий, чтобы скорее завершить их рабо-

⁷ ЦГАДА, Госархив, XIV разряд, д. 54, л. 77.

⁸ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 7302, л. 54.

⁹ «История Правительствующего Сената за 200 лет», т. 2. СПб., 1911, стр. 187—190, 251—254.

ту¹⁰. В связи с тем, что во многих учреждениях имелось много незаполненных вакансий, были предприняты меры по укомплектованию центральных и местных учреждений чиновниками.

29 марта и 18 декабря 1753 г. Елизавета Петровна утвердила предложения Сената о назначении новых президентов в Берг-, Вотчинную, Камер-, Коммерц-, Ревизион- и Юстиц-коллегии и главных судей в Сибирский и Сыскной приказы, а также в Канцелярии Монетную, Конфискации, Мастерской и Оружейной палаты. Кроме того, были назначены новые герольдмейстер, генерал-кригс-комиссар, обер-прокурор Сената, а также губернаторы и вице-губернаторы Московской, Нижегородской, Новгородской, Петербургской, Ревельской, Рижской, Сибирской и Смоленской губерний¹¹.

Наряду с желанием произвести учет всех чиновников и упорядочить их назначение на освобождающиеся должности, что в известной мере должно было улучшить работу всех звеньев государственного аппарата, правительство при проведении переписи чиновников хотело, видимо, проверить их социальную принадлежность, чтобы закрыть доступ представителям других сословий в дворянское сословие. Как известно, в середине XVIII в. усилился процесс обособления дворянства от других сословий и групп. К этому времени относится запрещение чиновникам-недворянам владеть землей и крестьянами, постановление о том, чтобы на должности секретарей в местных учреждениях, облегчавших продвижение по служебной лестнице и проникновение в ряды дворянства, назначались только дворяне¹². 17 июня 1753 г. состоялось специальное определение Сената о том, чтобы Герольдмейстерская контора, представляя кандидатов на должности секретарей, тщательно проверяла их дворянское происхождение. 6 октября 1753 г. было «повторное определение» Сената по этому же вопросу¹³.

Получив указ императрицы от 27 января 1754 г. о проведении переписи, генерал-прокурор Сената Н. Ю. Трубецкой приказал 29 января Герольдмейстерской конторе разослать во все центральные и местные учреждения указы с требованием срочно прислать необходимые сведения о чиновниках, имеющих офицерские и обер-офицерские чины. В указах Герольдмейстерской конторы со ссылкой на распоряжения Елизаветы Петровны от 18 декабря 1753 г. и 27 января 1754 г. говорилось о необходимости «в крайней скорости» прислать ведомости, так как сама контора такими сведениями о всех чиновниках не располагает¹⁴.

Такие ведомости от подавляющего большинства центральных учреждений в Петербурге и их контор в Москве, а также из части губернских, провинциальных и воеводских канцелярий Европейской России начали поступать в Сенат и Герольдмейстерскую контору уже в 1754 г.

Содержание указов и промеморий Герольдмейстерской конторы, разосланных в феврале 1754 г. по различным учреждениям, свидетельствует о том, что она намеревалась получить данные не только о чиновниках гражданского и придворного ведомств, о чем говорилось в письме И. А. Черкасова, но и Военной и Адмиралтейской коллегий и находящихся в их ведении контор и канцелярий. В ведомости регистрации исходящей и входящей корреспонденции Герольдмейстерской конторы отмечено поступление ответов от двух военных коллегий, четырех полков гвардии и других военных учреждений¹⁵.

¹⁰ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 7320, л. 42—42 об.

¹¹ См. подробнее: ЦГАДА, ф. Герольдмейстерской конторы, кн. 400, лл. 177, 180—181, 194—197, 202, 228—229, 314—318 об. и др.

¹² Н. Ф. Демидова. Указ. соч., стр. 237.

¹³ ЦГАДА, ф. Герольдмейстерской конторы, кн. 441, л. 474—474 об.

¹⁴ Там же, кн. 421, л. 3—3 об.

¹⁵ ЦГАДА, ф. Герольдмейстерской конторы, кн. 421, лл. 45, 46.

Ведомости о чиновниках из учреждений поступали медленно. Через полгода, в июле 1754 г., Герольдмейстерская контора констатировала, что из 340 центральных и местных учреждений ответы прислали 239 ведомств. Было решено остальным послать напоминания¹⁶.

К концу 1754 г. Герольдмейстерская контора получила сведения о чиновниках из большей части учреждений и занялась их сведением в Генеральную ведомость. Эта работа затянулась, так как контора скрупулезно проверяла все данные о движении чиновников по служебной лестнице и изменении их жалованья. Если учесть, что основная масса чиновников служила по 30—40 и более лет, то легко представить огромный объем и сложность этой работы. Для проверки ведомостей Герольдмейстерская контора использовала свой архив и архив Сената, часто посылая запросы в отдельные учреждения¹⁷.

16 мая 1755 г. генерал-прокурор Сената Н. Ю. Трубецкой подписал приказ, в котором потребовал от Герольдмейстерской конторы ускорить завершение работы по составлению Генеральной ведомости и еженедельно рапортовать ему о ходе дел¹⁸. Объясняя, почему Генеральная ведомость не была готова, Герольдмейстерская контора ссылаясь на трудность проверки данных и неприсылку сведений сенаторами Б. Г. Юсуповым, А. Д. Голицыным, И. В. Одоевским, графом А. Г. Головкиным, придворными Х. Минихом, Д. А. Шепелевым и др.¹⁹

Однако ни этот приказ генерал-прокурора Сената, ни новый от 17 мая 1756 г.²⁰ не помогли завершить работу. Генеральная ведомость чиновников Российской империи, имевших генеральские, офицерские и обер-офицерские чины, т. е. всех 14 классов Табели о рангах, так и не была составлена. Получив в сравнительно короткий срок огромное количество ведомостей, содержащих обильные сведения о нескольких тысячах чиновников, Герольдмейстерская контора, не располагавшая большим штатом, не смогла быстро проверить и свести воедино эти данные. Начавшаяся осенью 1756 г. Семилетняя война отвлекла внимание правящих кругов от решения этого вопроса.

Хотя перепись чиновников полностью не была завершена, однако в ходе ее проведения был собран огромный материал по истории чиновничества и государственного управления в России в первой половине XVIII в., представляющий большой интерес для исследователей. Остановимся подробнее на характеристике материалов, отложившихся в ходе проведения переписи.

В фонде Сената сохранились два тома документов, содержащих главным образом подлинные ведомости о чиновниках, присланные в Герольдмейстерскую контору центральными учреждениями — коллегиями, приказами, канцеляриями и их конторами²¹.

В приведенной таблице (см. стр. 137) отсутствуют сведения о чиновниках таких важных учреждений, как Сенат, Синод, Военная Адмиралтейская и Коммерцколлегии, Академия наук, Кулеческий и Дворянский банки, Сибирский приказ и некоторых других.

Можно предположить, что о чиновниках ряда высших центральных учреждений — Кабинета е. и. в., Сената, Синода, — а также высших придворных чинах и некоторых сановниках первых четырех классов специальные ведомости, видимо, не составлялись, а они посылали свои сказки непосредственно в Герольдмейстерскую контору. В пользу этого предположения говорит и содержание уже упоминавшихся рапортов Герольдмей-

¹⁶ ЦГАДА, ф. Герольдмейстерской конторы, кн. 421, лл. 74 об., 75, 81 об.

¹⁷ Там же, лл. 193—206.

¹⁸ Там же, л. 776.

¹⁹ Там же, лл. 777—782.

²⁰ Там же, л. 785 об.

²¹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 8122, ч. II, лл. 300—912; ч. III лл. 913—1566 об.

Численность чиновников в центральных учреждениях России (1754 г.)*

Центральные учреждения России	Чиновники	Центральные учреждения России	Чиновники
Берг-коллегия**	19	Канцелярия от строений	46
Вотчинная коллегия**	42	Коллегия иностранных дел	133
Главная дворцовая канцелярия**	159	Корчменная контора**	12
Главная полицмейстерская канцелярия**	103	Мануфактур-коллегия**	27
Главная провиантская канцелярия**	8	Медицинская канцелярия**	14
Главная соляная контора	14	Монетная канцелярия	36
Главный комиссариат**	18	Обер-егермейстерская канцелярия**	13
Главный магистрат	16	Оружейная канцелярия**	22
Гоф-интендантская контора**	12	Почтамты в Москве и Петербурге	7
Кадетский шляхетский корпус	2	Ревизион-коллегия**	30
Камер-коллегия**	48	Собственная е.и.в. Вотчинная канцелярия**	31
Камер-контора лифляндских и эстляндских дел	7	Судный приказ	21
Камер-палмейстерская контора	4	Сыскной приказ	13
Канцелярия Главной артиллерии и фортификации**	33	Тайная канцелярия**	7
Канцелярия конфискации	17	Штат-контора**	24
		Юстиц-контора	5
		Ямская канцелярия**	54

* В таблицу включены только те учреждения, ведомости о чиновниках которых сохранились (ЦГАДА, ф. Сената, кн. 8122, ч. II—III).

** Эти учреждения имели конторы в Москве, и по ним имеются ведомости о чиновниках. В ведомостях Главных дворцовой и полицмейстерской канцелярий учтены и чиновники местных учреждений — управители отдельных вотчин и местные полицмейстеры, в Кадетском шляхетском корпусе лишь гражданские чиновники его канцелярии. В ведомости Тайной канцелярии нет данных о ее начальнике гр. А. И. Шувалове, видимо, пославшем свой послужной список прямо в Герольдмейстерскую контору. В обнаруженных нами материалах нет ведомости Юстиц-коллегии, есть лишь ведомость ее конторы.

стерской конторы генерал-прокурору Сената о неприсылке ведомостей отдельными лицами. В ее фонде сохранились подлинные сказки «тайного кабинета-секретаря» е. и. в. барона И. А. Черкасова и действительного статского советника Кабинета императрицы В. И. Демидова²², большей части высших чинов Сената — генерал-прокурора Н. Ю. Трубецкого²³, обер-прокурора А. И. Глебова, коллежских советников Д. И. Неvejeина и Ф. С. Голубцова, находящихся «при генерал-прокурорских делах»²⁴, герольдмейстера В. Е. Адодурова, генерал-рекетмейстера И. И. Дивова, обер-секретаря И. С. Ермолаева, экзекутора С. В. Урусова²⁵, а также сенаторов — камергера Б. Г. Юсупова, И. И. Бахметева, И. Ф. Щербатова²⁶, обер-прокурора Синода А. Львова, коллежского советника Г. Н. Теплова, находящегося при президенте Академии наук украинском гетмане графе К. Г. Разумовском²⁷, и другие, позволяющие частично восполнить отсутствие ведомостей о чиновниках некоторых центральных ведомств.

Кроме того, сохранились подлинные сказки большинства придворных Елизаветы Петровны, великого князя Петра Федоровича и его жены Ека-

²² ЦГАДА, ф. Герольдмейстерской конторы, кн. 439, л. 94—94 об., 196—196 об.

²³ Там же, кн. 418, лл. 24—25. В сказке не указано количество крестьян у Трубецкого; кн. 439, лл. 241—241 об., 370, 636—637.

²⁴ Там же, кн. 439, лл. 125—125 об., 349—349 об., 641—641 об., 713.

²⁵ Там же, лл. 50—56 об., 77—78 об., 91—91 об.

²⁶ Там же, лл. 210—210 об., 477—477 об.

²⁷ Там же, лл. 32—32 об., 38; 67, 157, 161—161 об., 170—170 об., 294—294 об., 303 и др.

терины Алексеевны: обер-гофмейстера барона Х. В. Миниха, обер-шталмейстера и камергера, члена присутствия Военной коллегии П. С. Сумарокова и гофмаршала А. М. Гендрикова, камергеров М. Скавронского, И. Ф. Балка, А. Г. Жеребцова, В. Е. Скворцова, Н. А. Возжинского, И. И. Шувалова и др. Сказки этих лиц, содержащие сведения об их службе, образовании и, что особенно важно, о наличии у них крестьян, представляют, по нашему мнению, особый интерес, ибо они дают определенное представление о ближайшем окружении императрицы. То обстоятельство, что около Елизаветы Петровны находились представители видных старых и новых аристократических фамилий, сосредоточившие в своем владении десятки тысяч крепостных, помогает лучше понять дворянский характер внутренней политики правительства.

Кроме уже названных центральных учреждений сохранились ведомости следующих учреждений²⁸: Астраханской рыбной конторы (лл. 1141—1150), Канцелярии казенных винокуренных дел (лл. 1537—1557), Канцелярии Кольвано-Воскресенских горных заводов (лл. 1052—1063), Канцелярии Олонецких петровских заводов (лл. 1179—1185), Канцелярии сбора оставшихся за расходом денег (лл. 1074—1076), Канцелярии судебных дел при Боровицких порогах (лл. 1045—1051), Комиссарства Главной соляной конторы по пизовым городам (лл. 1038—1044), Конторы Коммерц-коллегии в Архангельске (лл. 1165—1166), Московского магистрата (лл. 1078—1109), а также корчемных контор Архангельской, Астраханской, Белгородской, Воронежской, Казанской, Нижегородской, Новгородской, Оренбургской, Петербургской, Смоленской губерний и Ингерманландии (лл. 1370—1416). В этом же деле имеются ведомости о чиновниках некоторых учреждений г. Петербурга: полицмейстерской и гарнизонной канцелярий (лл. 1201—1212, 1421—1436), Невского, Копорского, Ябургского полков, расквартированных в Петербурге (лл. 1437—1474), Кронштадтского и Нарвского — в г. Кронштадте (лл. 1475—1518), почтамта и местных почтмейстеров (лл. 1523—1536), вальдмейстерской конторы (лл. 1519—1522), Выборгской провинциальной канцелярии (лл. 916—926), а также некоторых следственных комиссий о злоупотреблениях администрации в Казани и других городах. В фонде Герольдмейстерской конторы сохранились присланные в 1754—1756 гг. ведомости о чиновниках губернских канцелярий: Архангельской, Астраханской, Белгородской, Воронежской, Выборгской, Казанской, Киевской, Лифляндской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Оренбургской, Петербургской, Сибирской и Эстляндской²⁹, большинства провинциальных и уездных воеводских канцелярий³⁰, чиновников, командированных из центра на места для проведения ревизии, сбора недоимок, расследования злоупотреблений администрации.

Кроме того, сохранилась значительная часть материалов, подготовленных Герольдмейстерской конторой для составления Генеральной ведомости чиновников, — так называемые пункты (беловые и черновые), являющиеся сокращенными вариантами сведений об отдельных чиновниках из тех ведомостей, которые присылали учреждения³¹, в том числе надворных советниках, о которых указы Герольдмейстерской конторы требовали сведения присылать в первую очередь³².

Среди сохранившихся документов о переписи чиновников в 1754—1756 гг. можно выделить четыре основные группы материалов: 1. «Послужные списки чиновников» или их сказки. 2. Ведомости учреждений

²⁸ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 8122, ч. III.

²⁹ ЦГАДА, ф. Герольдмейстерской конторы, кн. 419, лл. 1—358.

³⁰ Там же лл. 359—1487.

³¹ Там же кн. 418, лл. 1—1294, кн. 420, лл. 1—666, кн. 421, лл. 413—440 об., кн. 423 лл. 1—612 об., кн. 439, лл. 1—825, кн. 440, лл. 1—730, кн. 441, лл. 1—770, кн. 442, лл. 1—393.

³² ЦГАДА, ф. Герольдмейстерской конторы, кн. 421, лл. 532—628.

о чиновниках. 3. «Пункты» Герольдмейстерской конторы об отдельных чиновниках. 4. Переписка центральных и местных учреждений с Сенатом и Герольдмейстерской конторой об уточнении сведений послужных списков, ведомостей и «пунктов», а также приложения к ним — копии указов императоров и Сената о пожаловании чиновникам должностей, рангов, окладов, патентов, аттестаты и т. д.

Хронологически сведения, содержащиеся в материалах переписи, охватывают период начиная с последних лет XVII в. и по 1756 г. включительно. Все материалы переписи 1754—1756 гг. являются официальными документами государственных учреждений, тщательно проверявшимися в тех учреждениях, где составлялись сказки и ведомости, а также в Герольдмейстерской конторе. К тому же большинство чиновников обычно старалось полнее описать свою карьеру и представить ее в наиболее выгодном свете.

Основным документом при проведении переписи были сказки чиновников об их службе, фактически являвшиеся послужными списками. Подавляющее большинство документов, исключая сказки некоторых чиновников Коллегии иностранных дел, Лифляндской и Эстляндской губернии, написаны на русском языке. В тех случаях, когда в делах есть документы на немецком, итальянском и других языках, к ним приложены русские переводы. Сказки обычно писались канцелярскими служителями со слов того или иного чиновника и только подписывались им. Но были случаи, когда чиновники сами их писали.

Однако единого формуляра сказок не существовало. Иногда в сказках сообщалось, где они были составлены и кому назначались для передачи (чаще всего эти данные приводили чиновники Коллегии иностранных дел, особенно служившие за границей). Большинство документов имеет в начале или в самом тексте указание на то, что это сказка. Иногда название в документах отсутствует, но их принадлежность к категории сказок легко устанавливается по содержанию. Некоторые из этих документов, являясь по существу сказкой или послужным списком, названы их составителями «известиями», «объявлениями». Некоторые из сказок содержат приложения (копии указов, патентов и других документов, подтверждающих те или иные изменения в служебном положении чиновника)³³, в других — текст для удобства восприятия разграфлен. Приложения представляют большой интерес для проверки сведений, сообщаемых в сказке, и уточнения биографий отдельных лиц. Сохранились черновик и беловик послужного списка канцлера А. П. Бестужева-Рюмина и при них в качестве приложения копии указов Анны Ивановны о назначении его чрезвычайным посланником в Данию, о пожаловании в действительные тайные советники, о назначении его сенатором, вице-канцлером, подчинении ему почтамтов и др.³⁴

Среди большого числа сохранившихся сказок имеются такие, которые по характеру изложения приближаются к автобиографиям. Составители подобных сказок не ограничивались сухим перечнем необходимых сведений, а отмечали встречи с видными русскими, иностранными государственными, военными и дипломатическими деятелями и свое участие в важнейших событиях в России и за рубежом. Содержание сказок многих чиновников, чья служба длилась по 30, 40 и даже 50 лет, свидетельствует о том, что значительная часть русского дворянства с начала XVIII в. была вовлечена в водоворот сложных политических событий не только в России, но и за ее пределами. Учение в школах, академиях и других учебных заведениях в России и за рубежом, участие в военных походах, поездках за границу, а также в работе новых учреждений, в том числе многочисленных следст-

³³ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 8122, ч. II, л. 629—629 об.

³⁴ Там же, ф. Герольдмейстерской конторы, кн. 439, лл. 2—9.

венных комиссий по политическим преступлениям, и т. д.— все это несомненно оказало сильное воздействие на взгляды и настроения чиновничества, вызвало у некоторых из них желание описать наиболее интересные и яркие эпизоды из их жизни. Поэтому такие документы представляют особый интерес для историков, ибо они в какой-то мере позволяют представить мысли и настроения реальных участников важнейших исторических событий. К числу подобных сочинений относятся сказки чиновников Коллегии иностранных дел — советника канцелярии В. М. Бакунина, переводчика П. А. Щукина и др. (см. Приложение).

Вторую большую группу материалов переписи составили ведомости учреждений, содержащие послужные списки чиновников. Ведомости переплетены в книги и расположены по мере их поступления в Герольдмейстерскую контору. Каждая ведомость посылалась вместе с промеморией, которую подписывал кто-либо из чиновников учреждения (советник, секретарь, регистратор и т. д.).

Почти все ведомости имеют названия, например, «Ведомость о присутствующих Московской губернской канцелярии и о состоящих в рангах, а имянно», «Ведомость, учиненная в Камор-коллегии о находящихся в оной коллегии присутствующих, секретарях, камерирах и протчих чинах, состоящих в рангах, кто с которого году, где и в какой службе служили и чинами происходили в которых ныне состоят, и когда и по каким указам жалованье определено и по каким указам, и сколько кому от роду лет, и у кого есть мужеска полу дети и в каковы лета и где на смотрх явлены, а ныне в каких службах находятся и сколько за кем мужеска полу душ людей и крестьян, в которых уездах значит ниже сего»³⁵. Нетрудно заметить, что распространенные варианты заголовков ведомостей почти полностью перечисляют те пункты указа Герольдмейстерской коллегии, на которые следовало прислать ответы.

На сопровождающих ведомости промемориях имеются пометы Герольдмейстерской конторы о получении материалов. Если у конторы не было замечаний, то ставилась дата получения и накладывалась резолюция (например, на промемории Вотчинной коллегии: «Сентября 1 дня. 1754-го году. Записав, внести в Генеральную»). Иногда контора предлагала уточнить данные: «Марта 4 дня 1754-го году, записав, внести в Генеральную, а чего не достанет, доложить» (помета на промемории Ревизион-коллегии)³⁶. Эти промемории сохранились при большинстве ведомостей и помогают их датировать.

Большинство ведомостей с послужными списками не имело строго установленной формы. Некоторые учреждения, например Коллегия иностранных дел, Ревизион-коллегия, прислали в Герольдмейстерскую контору просто сказки и известия чиновников. В тех случаях, когда учреждения присылали графленные ведомости, то они имели весьма существенные различия как в количестве, так и в наименованиях граф, в которых приводились требуемые правительством сведения. Назовем наиболее характерные перечни граф ведомостей: «1. Кто имяны и кольких лет. 2. С которого году (в службе). 3. В какой службе служил и чинами происходил и в которых ныне состоит и когда и по каким указам жалованы. 4. Какое кому жалованье производитца и по каким указам. 5. Сколько мужеска полу детей и в колькие лета и в каких службах и учениях. 6. Сколько за кем мужеска полу душ и в которых уездах» (Мануфактур-коллегия); «1. Кто имяны и которого месяца и числа поданы от них известия. 2. С которого году находятся в службе и в каких чинах были и ныне есть и о протчем» (Вотчинная коллегия); «1. Звание чинов и имен. 2. От оных показание» (Берг-коллегия)³⁷. В ведомостях Обер-егермейстерской канцелярии, Глав-

³⁵ ЦГАДА, ф. Герольдмейстерской конторы, кн. 419, л. 3; ф. Сената, кн. 8122, ч. II, л. 300.

³⁶ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 8122, ч. II, лл. 316, 349.

³⁷ Там же, лл. 350, 385, 411.

ного магистрата и ряда других центральных и местных учреждений на левой стороне указаны фамилия, имя, отчество, чин и должность чиновника, а на правой — текст его сказки³⁸.

Внутри ведомостей послужные списки чиновников располагались в соответствии с классами, установленными Табелью о рангах. Сначала шли послужные списки президентов коллегий, затем вице-президентов и так далее, вплоть до коллежских регистраторов. Анализ ведомостей учреждений и сказок отдельных лиц показывает, что обычно их содержание ничем не различалось: текст сказок в большинстве случаев без каких-либо существенных изменений записывался в ведомости.

Третью большую группу материалов переписи чиновников 1754—1756 гг. составляют так пазываемые пункты чиновников по классам. Они составлялись Герольдмейстерской конторой на каждого чиновника и представляют собой краткое изложение содержания послужного списка, извлеченное из ведомостей учреждений или сказок отдельных лиц. Иногда в черновых «пунктах» отмечалось, что они составлены на основании данных патента на графский титул (например у А. Г. Разумовского)³⁹.

В «пунктах» обычно указывались следующие сведения: «1. Где ныне у дел находится. 2. Когда в настоящий чин произведены (год, месяц, число). 3. Кто имяны и с которого году в службу вступили и какими чинами происходил. 4. Какое жалованье определено и производится по каким указам»⁴⁰. В «пунктах» отсутствуют сведения об изменении окладов во время службы чиновников, а также данные о количестве крестьян, детей мужского пола, их образовании и службе.

Обычно «пункты» излагали более кратко содержание послужных списков. Но иногда для наиболее крупных сановников Герольдмейстерская контора дословно переписывала текст таких сказок в «пункты», опуская лишь данные о количестве крестьян и детей у чиновника. Типичным примером является «пункт» сенатора Б. Г. Юсупова, крупнейшего землевладельца, имевшего 4891 душу русских крестьян мужского пола и 632 «черкас» в Белгородской и Воронежской губерниях⁴¹.

В фонде Герольдмейстерской конторы сохранились не только беловые и черновые варианты «пунктов» большей части чиновников первых восьми классов, но и приложения к ним.

Содержащиеся в «пунктах» сведения о службе чиновников в значительной мере компенсируют отсутствие сказок отдельных лиц и соответствующих ведомостей учреждений о чиновниках.

«Пункты» содержат более точные сведения о службе чиновников, нежели ведомости и сказки, неоднократно проверявшиеся в ходе составления Генеральной ведомости. Знакомство с запросами Герольдмейстерской конторы по поводу послужных списков отдельных чиновников свидетельствует о том, что она уделяла особенно большое внимание выяснению двух вопросов — длительности службы чиновника и установлению его дворянского происхождения. Так, получив ведомость о чиновниках Московской губернской канцелярии, Герольдмейстерская контора запросила в 1754 г. более подробные данные о службе и окладах губернатора С. А. Голицына в 1707—1727 гг.⁴² 3 сентября 1756 г. Ревизион-коллегия дала справку о возрасте секретаря Л. Федорова и времени перехода его в коллегию из Московской гоф-интендантской конторы⁴³.

Напомним, что после опубликования Табели о рангах в 1722 г. правительство не раз издавало указы, которые требовали от учреждений «про-

³⁸ Там же, лл. 433 об., 597—598 и др.

³⁹ ЦГАДА, ф. Герольдмейстерской конторы, кн. 418, л. 15 об.

⁴⁰ Там же, кн. 439, л. 2 об.

⁴¹ Там же, лл. 50—56 об.

⁴² Там же, кн. 419, л. 11.

⁴³ Там же, ф. Сената, кн. 8122, ч. II, л. 316; см. также лл. 369, 383; ф. Герольдмейстерской конторы, кн. 421, лл. 193—206 и др.

изводить в чины по старшинству и заслугам». В развитие соответствующего указа Елизаветы Петровны от 15 февраля 1742 г. Сенат 13 января 1753 г. издал пространный указ «О счете старшинства в чинах по каждому ведомству особо»⁴⁴. Проверка прав чиновничества на дворянство находилась в тесной связи с внутренней политикой дворянского абсолютистского государства в середине XVIII в., стремившегося закрыть доступ представителям непривилегированных сословий в ряды дворянства.

При пользовании материалами переписи 1754—1756 гг. необходимо иметь в виду, что в ходе переписи проводились смотры и назначения чиновников на новые должности. На многих послужных списках чиновников имеются соответствующие пометы. Так, например, на черновом пункте коллежского советника М. В. Ломоносова есть помета: «Смотрено июля 15 дня 1755 года. Пункт сочинен из ведомости канцелярии Академии наук»⁴⁵. На послужных списках переводчиков и коллегии юнкеров Коллегии иностранных дел имеются пометы карандашом, вероятно, сделанные капцлером А. П. Бестужевым: «В публичную экспедицию», «В секретную экспедицию»⁴⁶.

Одновременно с переписью происходила замена умерших и состарившихся чиновников новыми. Так, 13 мая 1754 г. и 25 декабря 1755 г. Елизавета Петровна утвердила доклады Сената о повышении в чинах и должностях значительного числа чиновников центральных и местных учреждений⁴⁷. Эти данные не отражены в ведомостях о чиновниках учреждений, так как они были составлены до издания этих указов, но в большинстве случаев учтены Герольдмейстерской канторой в «пунктах» отдельных чиновников.

Обзор материалов переписи 1754—1756 гг. свидетельствует о том, что она учла большую часть чиновников центрального и местного управления. Однако пользоваться этими источниками весьма сложно из-за обилия документов и отсутствия системы их размещения внутри книг Сената и Герольдмейстерской канторы. Наведение справок об отдельных лицах, упоминаемых в документах переписи 1754—1756 гг., в известной мере облегчается благодаря наличию в фонде Герольдмейстерской канторы краткого именованного указателя упоминаемых в его документах лиц.

В заключение кратко покажем, что дают материалы переписи 1754—1756 гг. для изучения социально-политической и культурной истории России в первой половине XVIII в. Прежде всего они содержат разнообразные данные о нескольких тысячах чиновников, которые дают также представление об их социальном облике и образовании и сведения, обычно отсутствующие в отношении значительной части лиц, упоминаемых в справочных изданиях⁴⁸.

Материалы переписи содержат ценные сведения о возрасте чиновников и продолжительности государственной службы, которая для большей части чиновников начиналась с 14—16 лет, но были, конечно, и отклонения от этого. Преобразования начала XVIII в., Северная война и ряд других обстоятельств привели к тому, что государству понадобилось много людей. Поэтому значительная часть дворян начинала службу (в понятие

⁴⁴ ПСЗ, т. XIII, № 10066.

⁴⁵ ЦГАДА, ф. Герольдмейстерской канторы, кн. 439, л. 484.

⁴⁶ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 8122, ч. II, лл. 717, 723, 726 и др.

⁴⁷ ЦГАДА, ф. Герольдмейстерской канторы, кн. 411, лл. 358—360; кн. 421, л. 788 и др.

⁴⁸ Эти сведения отсутствуют и в новейшем справочнике Э. Амбургера. В его ценном пособии по истории центральных и местных учреждений и придворного ведомства дореволюционной России приводятся справочные сведения (фамилия, имя, отчество, титул, годы, в течение которых чиновник возглавлял то или иное учреждение) о членах Сената, тайных советов, о президентах и вице-президентах коллегий, министрах, послах, генерал-губернаторах, губернаторах и т. п. (E. A m b u r g e r. Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917. Leiden, 1966, S. 105, 111, 171, 176).

«служба» в то время входило и учение в школах и училищах) в 7—12 лет и продолжала ее по 30—40—50 и более лет.

Послужные списки дают материал для выяснения национального состава чиновничества, хотя при проведении переписи правительство не требовало специально сообщать такие данные. Так, помимо русских, составлявших основную массу чиновничества, в центральных учреждениях имелось некоторое число украинцев, грузин, немцев, особенно прибалтийских, французов, швейцарцев, греков, итальянцев, татар, калмыков и др. Данные их послужных списков позволяют установить удельный вес этой группы чиновников в государственном управлении и показать, в какой мере они слились с основной массой русского чиновничества.

Материалы переписи позволяют выяснить социальное происхождение чиновничества. Как известно, по Табели о рангах чиновники 14—9 классов имели офицерские и обер-офицерские чины и получали личное дворянство, а начиная с 8-го класса — потомственное. В подавляющем большинстве послужных списков отмечено социальное происхождение чиновников, что дает возможность изучить особенности формирования бюрократии. Наряду с указанием на принадлежность к дворянскому сословию значительной части чиновничества, что особенно тщательно проверялось Герольдмейстерской конторой, в послужных списках названы выходцы и из других сословий. Так, выходцами «из солдатских детей» были ассессор Мануфактур-коллегии А. Я. Портнов, полицмейстеры П. П. Гончаров (Воронеж) и М. В. Бабановский (Тобольск) и т. д.⁴⁹ Прапорщик Главной полицмейстерской канцелярии В. П. Пименов сообщил, что он был «ис крестьянских детей»⁵⁰. Переводчиками Коллегии иностранных дел были выходцы из посадских людей (П. А. Шукин), из «церковничьих детей» (Т. Щетнев), «ис подъяческих детей» (С. М. Мельников), «из приказного чину»⁵¹ и т. д.

Не менее интересны данные о принадлежности чиновников к отдельным слоям и группам господствующего класса. Среди них мы встречаем представителей древних (Трубацкие, Голицыны, Татищевы и др.) и новых аристократических (Воронцовы, Панины, Шуваловы, Нарышкины, Ягужинские и др.) фамилий столичного и провинциального дворянства, крупнейших земельных магнатов, владевших тысячами и десятками тысяч крестьян (Юсуповы, Нарышкины, Гендриковы, Скавронские, Ягужинские, Головкины и др.). Наличие подобных данных, которые можно обработать статистически, представляет особый интерес для выяснения социального состава бюрократии и классового характера внутренней политики абсолютной монархии, а также для истории дворянства.

В послужных списках отмечалось наличие крепостных крестьян по второй ревизии и дворовых людей, живущих в доме чиновника. В большинстве случаев чиновники указывали, в каких уездах находились у них крестьяне. Эти данные представляют интерес не только для выяснения социального состава бюрократии, но и истории появления вотчин у части чиновников. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что часть мелких чиновников-недворян, начав службу на низших ступенях местной администрации, обзаводилась крестьянами в тех же уездах. Так, протоколист Главного комиссариата Я. В. Титов, начав в 1731 г. службу копиистом в Белгородской губернской канцелярии, в 1754 г. имел «поместье» и 8 душ крепостных в Белгородском и Карачевском уездах вместе с братьями — бывшим канцеляристом Василием и поручиком Алексеем; архивариус Главной полицмейстерской канцелярии Г. С. Семенов, служивший ранее копиистом Шапкой провинциальной канцелярии, имел 36 душ в Шацком уезде и т. д.⁵²

⁴⁹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 8122, ч. II, лл. 420, 478, 480 об.

⁵⁰ Там же, л. 502 об.

⁵¹ Там же, лл. 618, 776, 543.

⁵² Там же, лл. 446—447, 508.

Сообщая данные о количестве крестьян, чиновники нередко отмечали покупку крестьян, получение вотчин в приданое за женой, побеги крестьян, споры из-за вотчин и крепостных и т. д. Ассесор Коллегии иностранных дел И. М. Бакунин, например, сообщил, что имеет в Серпейском уезде 90 душ мужского пола, которые «за убожеством своим заложил»⁵³. В тех случаях, когда мелкие дворяне в силу различных причин лишились земли и крестьян, они это отмечали в сказках, чтобы подтвердить свою принадлежность к привилегированному сословию. Так, архивариус Ревизион-коллегии И. И. Андреев, начавший служить с 1706 г. молодым подьячим в Поместном приказе, сообщил, что его отец был старым подьячим в этом же приказе и «по разрядному списку поверстан поместным окладом и испомещен был в Рuzском и Московском уездах». И. И. Андреев осиротел «в малых летах», потому не помнил, сколько у отца было крестьян и к кому они перешли. В момент переписи он имел одного дворового⁵⁴. Советник Вотчинной коллегии В. С. Поляков, начавший служить в 1713 г. копиистом в Поместном приказе, в своем послужном списке, отметив назначение его в 1721 г. дьяком, специально подчеркнул принадлежность этой категории чиновников к разряду служилых людей. По Соборному уложению 1649 г. дьяки со «стольниками и стряпчими из дворян московских состояли в одном Московского уезда поместном окладе» и получали по 100 четвертей земли⁵⁵.

Сведения послужных списков о значительном количестве дворовых людей в домах средних и мелких чиновников позволяют проследить процесс одворянивания части бюрократии, вышедшей из непривилегированных слоев общества. Так, обер-цегентер Канцелярии главного правления сибирских и казанских заводов Е. Яковлев, начавший службу в 1721 г. подкапцеляристом, приобрел в Оренбургской губернии конфискованную у участников башкирского восстания землю, на которую поселил «жалованных и покушных 16 человек»; обер-гитен-форвальтер этой канцелярии И. Яковлев (начал в 1724 г. служить «к очистке меди учеником») купил в Исетской провинции землю у башкир и поселил на ней четырех дворовых; гитен-форвальтер Д. Г. Попов (бывший копиист) имел «купленных крестьян в Кунгурском уезде на купленных же землях 4-х, да дворовых 4 человека»; шихтмейстер И. П. Костыгин (начал карьеру «пробирным учеником») сообщил: «Поместья не имеет, а дворовых людей, жалованных отцу ево из завоеванных башкирцов, 6 человек» и т. д.⁵⁶

В ходе переписи были собраны данные об образовании чиновников, которые позволяют полнее показать роль существовавших в первой половине XVIII в. высших, средних и низших учебных заведений России в подготовке образованных людей пригодных к отбыванию государственной службы. Славяно-греко-латинская академия, Морская академия, Кадетский корпус, Академия наук и ее гимназия, школа при Сенате, инженерные, артиллерийские и навигацкие школы, цифирные школы в провинциальных и уездных городах — вот далеко неполный перечень русских учебных заведений, наиболее часто упоминавшихся в послужных списках чиновников. Кроме того, при Сенате, коллегиях и части канцелярий и контор в соответствии с Табелью о рангах существовали должности коллегии юнкеров, где дворянская молодежь осваивала «науку управлять». К этому следует прибавить, что большинство чиновников Коллегии иностранных дел проходило стадию «студента» коллегии и посылалось за границу для совершенствования знаний языков, а также для изучения «политических

⁵³ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 8122, ч. II, лл. 18 об., 352 об., 519, 524 об., 650—651 и др.

⁵⁴ Там же, лл. 340—340 об., 400—400 об., 425—426; ф. Герольдмейстерской конторы, кн. 419, л. 441 об. и др.

⁵⁵ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 8122, ч. II, лл. 353—356.

⁵⁶ Там же, лл. 401, 401 об., 404 об., 406.

наук». Для чиновников этого ведомства был характерен особенно высокий уровень профессиональной подготовки.

Для приобретения и совершенствования знаний посылались за границу чиновники и других учреждений. Так, ассессор Берг-коллегии Ф. С. Милюков еще в 1724—1726 гг., будучи послан вместе с В. Н. Татищевым в Швецию для изучения «горных и заводских наук», успешно выдержал экзамены двух авторитетных комиссий — шведской, а затем русской. Ассессор И. П. Бахарев был в 1725—1726 гг. в Швеции «для обучения горных машин и механики», а затем работал в канцелярии Главного правления сибирских и казанских заводов. «Титулярные советники и бархатного дела мастера» С. М. Ивков и И. С. Водилев обучались своей профессии на казенных мануфактурах в Петербурге у французских мастеров, а затем в 1725 г. Ивков послан «был с протчею ево братьею в Италию с советником Кассисом для совершенного обучения бархатного дела на казенном кошете», где через три года получил аттестат. Архивариус Монетной канцелярии А. В. Щербаков с 1724 по 1732 г. учился в Славяно-греко-латинской академии, а затем был назначен для посылки «за море ко обучению медальерного искусства», но был заменен И. Т. Ивкиным⁵⁷ и т. д.

Наконец, следует отметить, что значительная часть чиновников Москвы, Петербурга и ряда провинциальных городов получала домашнее образование. Ценные массовые данные об образовании чиновников и формировании потомственной интеллигенции дают те пункты послужных списков, которые касаются учения и службы детей чиновничества. Они свидетельствуют о растущей тяге столичного и провинциального дворянства и чиновничества к образованию. Документы дают сведения об образовании чиновничества не только в центральных городах, России, но и в провинции. Секретарь Галицкой провинциальной канцелярии К. Постников сообщил, что он поступил на службу копиистом после того, как окончил 2-летнюю цифирную школу в Галиче. Его сын Василий служил ефрейтором в Кадетском корпусе, а Иван — юнкером в Сенате. Секунд-майор Г. Н. Чуровской, ведавший сбором подушных денег в Кунгуре, начал службу с 1700 г. драгуном, его сын Филипп — учеником в Инженерной школе в Петербурге. Товарищ воеводы в г. Орле майор Небольсин также начал службу драгуном, а его дети учились дома: один, обучившись дома читать, писать, арифметике, геометрии и немецкому языку, служил титулярным юнкером в Берг-коллегии, а его младший брат Павел «российской грамоте и писать, також немецкого языка обучен, на второй смотр явлен в Правительствующем Сенате в нынешнем 754-м году и для обучения арифметики, геометрии и французского языка отпущен в дом»⁵⁸ и т. д.

Однако основная масса низшего и среднего звеньев чиновничества не имела достаточного количества образования и приобретала опыт работы путем практики, как и в XVII в.

Данные переписи позволяют установить количество чиновников в отдельных учреждениях и ведомствах, что дает возможность определить, какие звенья государственного аппарата пользовались наибольшим вниманием и поддержкой абсолютизма.

Как мы показали, материалы переписи чиновников России в 1754—1756 гг. являются ценным массовым историческим источником. Несмотря на некоторые отличия, в целом послужные списки, ведомости учреждений и «пункты» Герольдмейстерской конторы являются однотипными источниками, которые можно подвергнуть статистической обработке.

⁵⁷ Там же, лл. 393, 400, 420 об.— 421 об., 521.

⁵⁸ ЦГАДА, ф. Герольдмейстерской конторы, кн. 419, лл. 441 об., 492 об.— 493 об., 553 об.— 554.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Из ведомости Коллегии иностранных дел,
представленной в Герольдмейстерскую контору**

№ 1. 1754 г. февраля 21.— *Послужной список статского советника Коллегии иностранных дел И. И. Тописьского*

Требуемое известие

В котором году в какой чин определяем был	Статский советник Иван Иванов сын Тописьской Служит с 1702-го года. В прежде бывшем приказе Разряде написан в подьячие	Сколько лет в каком чину состоял					
В 1711-м	Взят из Разряду в Правительствующий Сенат						
В 1715-м	Из Сената отослан гвардии к маэру Ушакову в Рекрутную канцелярию	В подьячих: 16					
В 1718-м	Определен во дьяки Правительствующим Сенатом						
В 1721-м	Взят в Тайную канцелярию и определен секретарем Правительствующим Сенатом						
В 1726-м	В Верховной тайной совет взят секретарем же.						
В 1730-м	В Сенат взят	В секретарях: 17					
В 1735-м	Из секретарей в ассессоры определен в Коллегию экономии Правительствующим Сенатом	В ассессорах: 6					
В 1741-м	В советники определен и был в Юстиц-коллегии по имянному указу	В советниках: 1					
В 1742-м	Генваря 5-го дня по высочайшему е. и. в. указу за подписанием собственные е. и. в. руки пожалован в статские советники в Коллегию иностранных дел, где и поныне.	В статских советниках: 12					
В 1743-м	Июля 15 дня по всемилоостивейшему и высочайшему подписанному высокою е. и. в. рукою о произвождении жалованья по тысяче рублей в год, которое поныне получаю. От роду мне 63-й год.	Всего в службе пребываю 52 года					
	Детей мужеска пола не имею. Деревень за мною: <table border="0" style="margin-left: 20px;"> <tr> <td style="padding-right: 10px;">в Можайском — 60</td> <td rowspan="3" style="font-size: 3em; padding: 0 10px;">}</td> <td rowspan="3" style="vertical-align: middle;">140 всего душ</td> </tr> <tr> <td>в Каширском 50</td> </tr> <tr> <td>в Рузском — 30</td> </tr> </table>	в Можайском — 60	}	140 всего душ	в Каширском 50	в Рузском — 30	
в Можайском — 60	}	140 всего душ					
в Каширском 50							
в Рузском — 30							
	Иван Тописьской подписуюсь. 1754-го года февраля 21 дня.						

ЦГДА, ф. Сената, кн. 8122, ч. II, л. 634—634 об.

№ 2. 1754 г. февраля 22.— *Послужной список советника Коллегии иностранных дел В. М. Бакунина*

В Государственную коллегию иностранных дел требуемое известие

Советник канцелярии Василий Михайлов сын Бакунин от роду имеет пятьдесят четвертой год. Из дворян. Определен 1720 года июля 17 переводчиком. 1726 мая 28 секретарем, 1741 февраля 5-го ассессором, а 1744 апреля 3 дня по имянному е. и. в. указу пожалован советником канцелярии с жалованием по тысяче рублей на год.

И чрез те 34 года служил при делах, будучи в калмыцком и в горских народах, также в Персии при войсках и в других дальних посылках и комиссиях, в команде Артемья Вольнского, генерала-фельтмаршала князя Михайла Михайловича Голицына, действительных тайных советников князя Юрья Юрьевича Трубецкого, Ивана Ивановича Бахметева, генерала Любераса, генерала-майора Кудрявцева, бригадиров Шамордина, Митрофанова и Тургенева и полковника Беклемишева, вместо которого за отсутствием его и калмыцкими делами управлял.

А между тем 1722 года в Низовом Персицком походе поймал между калмыцких войск шпиона кубанского татарина. А 1725 года калмыцких владельцев Дасанга и Нитар Доржу, которые с лишком в десяти тысячах кибитках хотели откочевать на Кубань, в чем с тамошним салтаном уже и соглашались, увещеваниями своими отворотил и по-прежнему удержал в подданстве е. и. в., за что в том же 1725-м году владелец Нитар Доржа, залуча его в пути между улусов калмыцких, бил палками и едва до смерти не замучил и из ружья не застрелил.

А 1735 года по его же проекту бывшей хан Дондук Омбо с калмыцким народом призван с Кубани донским старшиною, что ныне генерал-майор, Данилом Ефремовым, по-прежнему в подданстве е. и. в., о чем о всем известно в Правительствующем сенате и в Коллегии иностранных дел, в которой и ныне при протчих правит переводческую должность.

Он имеет трех сынов: Петра, Михайлу и Петра ж Бакуниных, которые были в науках в Шляхетном кадетском корпусе и ныне служат: первой в Коллегии иностранных дел ассессором, другой в Правительствующем сенате протоколистом, третьей в Коллегии ж иностранных дел переводчиком и ныне находится при российском министре в Дрездене.

А людей и крестьян за ним советником канцелярии в Володимерском и в Нижегородском уездах по последней ревизии 160 душ. 22 февраля 1754 года.

Василий Бакунин.

ЦГАДА, ф. Сената, кн. 8122, ч. II, л. 747—747 об.

№ 3. 1754 г. сентября 26.—Послужной список переводчика Коллегии иностранных дел П. А. Щукина

Скаска переводчика Петра Щукина, поданная высокородному господину надворному советнику и резидующему при блистательной Порте Оттоманской министру его высокородию Алексею Михайловичу Обрескову в Пере Константинопольской. Сентября 26 дня 1754-го года.

Покойник отец мой Антип Иванов сын Щукин, с которым я пятнадцать лет расстался, сказывал о себе, сколько припомнить могу, что был он московской житель, Мещанской слободы посадочный человек, и, имея достаточные пожитки и изрядной дом за Арбатскими воротами в Поварской улице, близ Пресни, в приходе церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, выбран был с общесогласия вышепомянутой Мещанской слободы и отослан в литейный Пушечный двор к приему и весу собираемых колоколов для переливания в пушки за много лет до пременения временной жизни в вечную блаженные и вечнодостославные памяти великого государя царя Петра Алексеевича императора и самодержца всероссийского, где за долговременную и беспорочную службу был признаваем за бургомистра. И у многих из тогдашних превосходительных господ министров и генералитета в знать пришед.

По окончании оной службы чрезмерную чрез то от всей вышепереченной слободы зависть на себя навел, так что по многократным налогам и утеснениям також и по случившимся ему разным в торгу несчастиям напоследок, продав дом свой, принужден был выехать в город Казань, в котором я при окончании 1717-го году родился и был тамо с упомянутым отцом моим пока он, прожив остальные пожитки свои, обратно оттуда в Москву в надежде от сродников не оставлену быть возвратился, с коим и я на девятом году от роду приехал и немедленно старанием родственников в Славяно-греко-латинской Спасской училищной монастырь записан, в котором обучался латинскому языку по 1732 год.

И вступя в Реторическую школу, во оном году по силе указа, присланного из Святейшего Синода по представлению Государственной коллегии иностранных дел о выборе и присылке шести учеников из лутчих и прилежных к науке, а именно: из теологии, философии и реторики по два человека взять, я и отослан вместе с Яковлевым, Ворониным, Братищевым, Черницыным и Чекалевским в Государственную коллегию иностранных дел, при которой определен с ними к бывшему тогда профессору Керу для обучения ориентальных персидского, арабского и турецкого языков.

И обучаясь у него началам, а особливо персидского и турецкого, в непродолжительном времени по усмотрению оною Государственною коллегиею иностранных дел недовольного к тому знания и искусства в помянутом профессоре, двое из нас, Братищев и Чекалевский, посланы были в Персию, а остальные, в том числе и я, учение у оного ж профессора продолжали, от которого о науке и прилежности моей неодно-

кратно аттестовано было. И потому прибавка и сравнение с протчими товарищами в кормовых деньгах тогда мне учинено.

После того, в 1749-м году, по присланной от бывших тогда кабинетных министров цыдуле в секретную той же Государственной коллегии иностранных дел экспедицию о увольнении и присылке меня для письма к бывшему в то время надворным советником господину Вешнякову, велено мне быть при нем, пока в часто упоминаемую государственную коллегию обратно не прийдет.

В силе чего взят я оным в том же 1749-м году в Константинополь, где до прибытия российского чрезвычайного и полномочного посольства и после оного, по получении уже им господином Вешняковым резидентского характера, я, явля в студентском звании канцелярскую должность, беспрестанно, денно и ночно письменными делами засуещен был, как о том и о вечной и всеприлежной службе моей многократные от него представления и засвидетельствования в Государственную коллегию иностранных дел чинимы были, по которым во время вышепомянутого посольства определено окладного мне жалования посту по пятьдесят рублей в год, да награждения выдано пятьдесят рублей.

И начал употребляем быть к разным на латинском, италянском языках переводам.

А в 1743-м году в рассуждении беспрестанных трудов еще прибавлено мне к жалованию обще с бывшими товарищами моими, Яковлевым и Ворониным, по тридцати рублей в год. И в том состоянии находился я по приезде к Порте Оттоманской резидента ж господина Неплюева, от которого в 1746-м году канцеляристом с прибавкою по семьдесят рублей к прежнему жалованию объявлен. А по кончине оного господина Неплюева по учиненному господином резидентом Обресковым представлению в прибытие его высокородия сюда в Константинополь в 1750 г. пожалован в переводчики при оной государственной Коллегии иностранных дел с определением жалования по четьреста рублей в год.

И с того времени поныне правлю переводческую и канцеляристскую должность со всеусердным рачением. Переводчик Петр Щукин.

ЦГАДА, ф. Сената, кн. 8122, ч. II, лл. 758—759 об.

Из ведомости Канцелярии от строений

№ 4. 1754 г.—*Послужной список гезеля архитектуры Н. Ф. Васильева*

Николай Федоров сын Васильев. Жалованье производится ныне 250 рублей. От роду ему 48 лет. В службе состоит с 726 году. Прислан в том году в ведомство Канцелярии от строений ис Кабинета архитектурным учеником и был по 738-й год. А в 738 году по достоинству архитекта графа де Растрелия, а по указу ис Правительствующего Сената, пожалован архитектуры гезелем з жалованьем по 250 рублей на год.

И по указу из Сената в 746 году командирован в Ригу к строению церкви святого Алексая человека божия, а потом по указу сенатскому был в Дерпте при строении ж церкви Успения пресвятыя богородицы. В 751 году по указу же ис Правительствующего Сената дан ему ранг армейского поручика. Детей, людей и крестьян не имеет.

На полях помета: «Во оной ранг пожалован мая 2 дня 751 году».

ЦГАДА, ф. Сената, кн. 8122. ч. III, л. 953 об.

С. И. Сметанин

**МАКЛЕРСКИЕ И ОБЫВАТЕЛЬСКИЕ КНИГИ ГОРОДОВ
КАК ИСТОЧНИК ПО СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ
(по материалам городов Урала 1800—1861 гг.)**

Известно, что одной из главных трудностей в изучении экономической истории России крепостного периода и особенно в изучении проблем генезиса капитализма является недостаток источников. Купеческие архивы крепостного периода почти не сохранились. Исследователи чаще всего используют статистические материалы, сконцентрированные в фондах правительственных органов, однако эти материалы создают очень приблизительную и часто искаженную картину экономического развития. Достаточно сослаться на известные факты из области промышленной статистики крепостной России, когда из-за отсутствия обоснованных критериев чиновники одной губернии относили к «фабрикам и заводам» все промышленные объекты вплоть до мелких кустарных мастерских, в другой губернии в этот разряд включались лишь крупные мануфактуры, а в третьей — оставляли решение этого вопроса на усмотрение самих хозяев промышленных предприятий¹.

Аналогичные недостатки имели и материалы центральных органов о состоянии торговли. Сословный подход не позволял даже приблизительно учитывать масштабы торговли мещан и крестьян, не имевших гильдейских свидетельств, а это обстоятельство закрывает перед исследователями возможность проследить статистически процесс вытеснения старых купеческих родов новыми торгующими людьми из сферы торговли.

Традиционным источником для изучения внутренней торговли служит сравнительно хорошо поставленная ярмарочная статистика. Но по мере того, как в первой половине XIX в. значение ярмарок постепенно уменьшается и все большие массы товаров направляются из районов производства непосредственно в районы потребления, этот источник перестает объективно отражать ход развития внутренней торговли.

В условиях феодально-крепостнической системы явления хозяйственной жизни часто принимали необычную форму, затушевывавшую их социально-экономическую сущность. Естественно, эта качественная сторона процессов, как правило, не могла найти отражения в центральных статистических материалах.

Очевидно, важнейшее значение для исследования истории промышленности и торговли крепостной России имеет изучение первичных фактов хозяйственной жизни: отдельных купеческих родов, отдельных промышленных предприятий и кустарных промыслов, подрядов и торговых

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 457—468; т. 4, стр. 5—6.

Соотношение основных видов

Акты	Чердынь, маклерская книга	Чердынь, маклерская книга	Чердынь, книга для записи кон- трактов
	1807 г.	1810 г.	1830 г.
Акты о торговых сделках и поставках . . .	3	11	1
Доверенности на торговые сделки и поставки	6	7	1
Общие торговые доверенности	—	—	—
Доверенности на управление пром. предприя- тием и имуществом	—	—	—
Подряды на перевозки	18	28	2
Доверенности на перевозки	—	—	—
Подряды на выполнение работ	3	7	8
Доверенности на выполнение работ	—	—	—
Контракты о найме	13	16	2
Акты продажи недвижимости	2	10	—
Доверенности на продажу недвижимости . .	—	—	—
Акты аренды (кортм)	3	3	—
Акты найма к питейному откупщику	36	22	6
Прочие акты питейных дел	2	—	7
«Одобрения» и «аттестаты»	—	—	—
Поручительства	2	1	—
Заемные (долговые) письма	4	17	—
Вексели	14	12	—
Доверенности на взыскание долгов	1	—	—
Судебные доверенности	—	—	—
Доверенности на «хождение по присутствен- ным местам»	—	—	—
Прочие акты	1	—	—
Всего	108	134	27

* ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 75, 81, 170, 34; ф. 21, оп. 1, д. 216; ф. 19, оп. 1, д. 131; ГАСО, ф. 106. В таблицу включены материалы наиболее полных по составу книг, но не всех, использованных

сделок, найма рабочей силы. Богатые материалы подобного рода содержат архивы городских дум и городских магистратов, сравнительно слабо изученные исследователями. Эти материалы частично восполняют несохранившиеся архивы купцов и промышленников. Из всего комплекса материалов городских учреждений своей систематичностью и полнотой охвата явлений хозяйственной жизни выделяются обывательские книги городов и маклерские книги.

Настоящая статья посвящена анализу маклерских и обывательских книг ряда городов Урала за период с 1800 по 1861 г.

Следует отметить, что маклерские книги сохранились не во всех фондах городских учреждений Урала. Их разновидности довольно полно представлены в фондах Чердыни, Екатеринбурга, Соликамска и лишь отдельными образцами в архивах Ирбита и Кунгура².

Под условным названием «маклерские книги» мы объединяем как соб-

² Государственный архив Пермской области (далее — ГАПО), ф. 19 (Кунгурский городской магистрат), оп. 1, д. 130 (1793 г.), д. 131 (1807 г.); ф. 20 (Чердынский горо-

актов в маклерских книгах *

Чердынъ, книга для записи договоров	Соли- камск, маклер- ская книга	Кунгур, маклер- ская книга	Екатери- бург, кни- га для записи верящих писем	Екатери- бург, кни- га для записи верящих писем	Екатери- бург, кни- га для записи верящих писем	Ирбит, книга для записи верящих писем	Ирбит, маклер- ская книга	Всего
1859 г.	1808 г.	1807 г.	1800 г.	1810 г.	1815 г.	1800 г.	1830 г.	
—	5	11	—	—	—	36	27	} 200
—	—	—	29	32	27	4	—	
—	—	—	22	56	41	—	—	119
—	—	—	—	8	1	—	—	9
3	18	34	—	—	—	58	98	} 272
—	—	—	5	2	5	1	—	
9	20	33	—	—	—	22	20	} 127
—	—	—	1	4	—	—	—	
4	12	58	—	—	—	19	19	143
—	7	14	—	—	—	5	—	} 75
—	—	—	9	21	7	—	—	
1	1	1	—	1	—	30	3	43
—	42	44	—	—	—	39	42	} 272
—	—	13	8	8	3	—	—	
—	—	—	13	2	—	1	—	} 32
—	—	—	1	9	3	—	—	
—	22	51	—	—	—	14	} 329	523
—	12	30	—	—	—	18		
—	—	3	7	17	7	—	—	} 113
—	—	—	24	19	25	—	1	
—	—	—	—	—	9	—	—	} 66
—	2	15	4	15	26	3	—	
17	141	307	123	194	154	250	539	1994

оп. 1, д. 111, 167, 192; ф. 143, оп. 1, д. 63, 144
автором.

ственно маклерские книги, так и их разновидности, имевшие названия: «книги для записи контрактов», «книги для записи купчих крепостей», «книги для записи верящих писем» и др.

Составлением всех этих книг занимались маклеры при городских магистратах, которые выбирались из «невинно упавших купцов»³. Копии оформляемых актов заносились маклером в книгу, и только после этого акты считались действительными перед законом. Участник какой-либо

довой магистрат), оп. 1, д. 9 (1847—1851 г.), 16 (1849 г.), 34 (1859 г.), 75 (1807 г.), 81 (1810 г.), 82 (1810 г.), 170 (1830 г.), 173 (1830 г.); ф. 21 (Соликамский городской магистрат), оп. 1, д. 216 (1808 г.), 221 (1826 г.), 222 (1826 г.), 265 (1826 г.), 272 (1803 г.), 273 (1804 г.), 274 (1858 г.); Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО), ф. 106 (Екатеринбургский городской магистрат), оп. 1, д. 111 (1800 г.), 131 (1804 г.), 149 (1807 г.), 167 (1810 г.), 191 (1814 г.), 196 (1816 г.), 226 (1819 г.) и др.; ф. 8 (Екатеринбургская городская дума), оп. 1, д. 1370 (1851 г.); ф. 143 (Ирбитский городской магистрат), оп. 1, д. 63 (1800 г.), 144 (1830 г.).

³ А. М. Фемелди. Русский нотариат. История нотариата и действующее нотариальное положение 14 апреля 1866 г. СПб., 1902, стр. 70.

сделки или соглашения, не доверявший своим партнерам на слово, непременно обращался к ближайшему городскому маклеру или нотариусу. Таким образом, маклерские книги содержали копии самых разнообразных частноправовых актов (см. табл. 1).

Кроме городских маклеров частноправовые акты в конце XVIII — первой половине XIX в. оформляли также специальные «крепостные отделения» при губернских палатах гражданского суда и уездных судах⁴. Но «крепостные отделения» занимались только документами о собственности на землю и крепостных людей.

Порядок оформления актов в «крепостных отделениях» отличался крайним бюрократизмом и волокитой, свойственными вообще чиновничьим учреждениям того времени. «Неудобства этого порядка, — писал А. М. Фемелиди, — очень ощутительны: стороны не могут не только точно определить свои расходы по совершению акта, но даже и время, которое для этого понадобится в палате...»⁵ Эти недостатки не отмечались в деятельности городских маклеров и нотариусов.

Институт городского нотариата сложился в значительной степени стихийно, вызванный потребностями развития хозяйственной жизни. Если на протяжении XVIII в. неоднократными правительственными указами учреждались должности разных «специализированных» нотариусов для оформления разных актов при разных органах, то к началу XIX в. практически все частноправовые акты, кроме крепостных, находились в ведении городских маклеров и нотариусов. Жизненность этого института подчеркивает то обстоятельство, что именно практика городских маклеров была взята за основу при разработке нотариального положения 14 апреля 1866 г.

Городовые маклерские книги как исторический источник совершенно не исследованы. В знаменитом курсе А. С. Лаппо-Данилевского «Очерк русской дипломатики частных актов»⁶, как и в позднейших курсах источниковедения и монографиях, о них не упоминалось.

Со временем маклерские книги начинают дифференцироваться по видам актов. Так, правительственным указом 24 ноября 1821 г. (ст. 58) маклерам предписывалось иметь вместо одной две книги: 1) для записи векселей и заемных писем и 2) для внесения контрактов, договоров и условий⁷. Появляются отдельные книги для записи купчих крепостей, верящих писем. Различия между этими разновидностями книг были не всегда достаточно четкими. Правда, состав книг для записи векселей и купчих крепостей определился сразу: в первые вносились копии векселей и заемных писем, а во вторые — акты купли-продажи недвижимости⁸. Относительно просто определялось и содержание книг для записи контрактов: сюда вносили все акты, кроме тех, которые подлежали занесению в книги записи векселей и купчих крепостей. Значительно сложнее было определить точный состав документов книг для записи верящих писем. Верящие письма и некоторые виды контрактов отражали одни и те же сделки, различия между ними были чаще формальными, так что иногда контракт можно было оформить как верящее письмо. Очевидно, именно по этой причине книги для записи верящих писем в некоторых случаях не велись параллельно с книгами для записи контрактов или собственно маклерскими книгами, а заменяли их. Если в ранних книгах для записи верящих писем Екатеринбурга подавляющее большинство до-

⁴ А. М. Фемелиди. Русский нотариат. История нотариата и действующее нотариальное положение 14 апреля 1866 г. СПб., 1902, стр. 71—72.

⁵ Там же, стр. 69.

⁶ А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920.

⁷ «Собрание законов о купцах, мещанах, посадских и цеховых». СПб., 1823, стр. 332.

⁸ ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 9, 173; ГАСО, ф. 106, оп. 1, д. 131, 149, 196.

кументов записано в форме именно верящих писем, то в книгах Ирбита это формальное требование даже не соблюдается, и книги записи верящих писем отличаются от обычных маклерских книг только заголовком. Однако состав поздних чердынских и екатеринбургских книг для записи верящих писем уже значительно более узок и включает лишь несколько основных видов верящих писем: общие торговые доверенности приказчикам и комиссионерам, доверенности на управление хозяйством, на получение документов и на представительство в «присутственных местах»⁹⁻¹⁰.

В основу классификации актов маклерских книг могут быть положены два принципа: форма актов (контракты, купчие крепости, верящие письма и т. д.) или их хозяйственное содержание (торговые сделки, подряды на выполнение работ, наем рабочей силы, аренда и т. д.). Для исследования экономических проблем более целесообразен второй принцип, который и взят за основу в данной статье. Правда, довольно часто оба принципа классификации дают один и тот же результат: все документы, относящиеся к одному виду хозяйственной деятельности, и только они облечены в определенную форму. Например, все документы о денежной задолженности имеют форму векселей и заемных писем, а весьма любопытные факты предоставления своего имущества посторонними людьми в качестве гарантии выполнения кем-либо обязательств по казенным подрядам отражены в форме «поручательств». Но в других случаях такого строгого соответствия не наблюдается. Например, акты, отражающие торговые сделки, могут иметь форму прямого торгового контракта, верящего письма приказчику или комиссионеру на совершение сделки, а иногда верящего письма на доставку товаров или получение причитающихся за товары денег. Последние документы совпадают по форме с доверенностями на взыскание долгов и доверенностями на перевозки грузов, т. е. актами, не отражающими непосредственно торговые сделки.

Следует заметить, что классификация актов по содержанию труднее классификации по форме. Например, иногда трудно определить, следует ли отнести содержание договора о поставках к торговым сделкам или к подрядам на выполнение работ (работа на заказ). Если мещанин или крестьянин обязался заготовить лес или построить коломенку и получил деньги от заказчика, то в подобном акте сочетается и торговая сделка (поставка) и работа на заказ (подряд). В тех случаях, когда подрядчик не покупает продаваемые изделия, а сам готовит их один или с группой других людей, выполняя заказ, мы будем считать условно подобную сделку подрядом на выполнение работ.

Перейдем к анализу основных видов документов.

1. Акты о торговых сделках и поставках. Маклерские книги, безусловно, содержат лишь ограниченное число документов о торговых сделках. Сделка, при которой покупатель сразу получал товар, а продавец плату за него, не регистрировалась в книгах. Здесь регистрировались (в форме контрактов) те сделки, при которых получение товара или денег откладывалось на определенный срок либо продавец брал обязательство доставить товар в другой пункт, либо поручал выполнение сделки комиссионеру или приказчику. Безусловно регистрировались контракты о поставках, т. е. обязательства заготовить и поставить определенное количество товара за определенный срок.

В контракте о поставке или торговой сделке указывались имена и звания покупателя и продавца (если речь шла о поставках в казну или на горные заводы, указывалось имя и звание представителя казны, уполномоченного заключить контракт), оговаривались количество и качество товара, договорная цена, порядок, место и время передачи товара и по-

⁹⁻¹⁰ ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 16 (1849 г.); ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 1370 (1851 г.).

лучения денег, указывались имена приказчиков и комиссионеров, принимавших участие в сделке, и предусматривались условия неустойки.

В верящих письмах условия сделок оговаривались с разной степенью полноты. Наиболее подробными были, как правило, доверенности, касавшиеся казенных поставок.

Статистическое обобщение материалов торговых сделок в масштабах всего края не всегда целесообразно, потому что специфические черты торговли того или иного города неизбежно растворяются при таком обобщенном подходе.

Например, материалы маклерских книг позволяют заметить, что торговля чердынских купцов имела несколько архаичный характер. Они закупали хлеб и продовольственные товары на южной Каме, везли их на север, до Печоры, и там продавали или обменивали на местные товары — рыбу и точильный камень. Именно обменивали — в начале XIX в. на камском севере сохранился еще безденежный обмен. В качестве комиссионеров выступали те же чердынцы: владелец судна, делавший рейс на юг, до Сарапула, или на север, на Печору, получал доверенности и поручения от земляков продать, обменять, купить¹¹. Иногда мещанин выступал комиссионером купца, а иногда и наоборот.

Торговля екатеринбургских купцов была значительно более обширной и многогранной. Они поставляли провиант и прочие припасы на горные заводы, продавали сало, масло и железо в Москве, Петербурге, Таганроге и на Макарьевской ярмарке, вступали в торговые сделки с иностранцами, закупали иностранные товары для продажи их на Урале. В качестве их комиссионеров часто выступали купцы Москвы, Ростова и других городов, ведущие общие торговые дела с екатеринбургскими. Екатеринбургский купец вел операции через комиссионеров одновременно в Петербурге, Таганроге и в Сибири.

Торговые акты маклерских книг за 1800—1859 гг. позволяют определить удельный вес участвующих в торговле социальных групп¹².

С учетом этого исключения оказывается, что 69,5% участников торговых сделок — купцы, 14,5% — мещане и 16% крестьяне. Однако эти цифры не могут еще служить основой для объективной оценки удельного веса торгующих крестьян и мещан. Картина изменяется, если учесть отдельно продавцов и покупателей. Мещане составляли 15% продавцов и 10% покупателей, а крестьяне — 18% продавцов и только 8% покупателей¹³. Это значит, что крестьяне и мещане преимущественно продавали товары. Эти товары (сало, зерно, кожи и др.) они закупали в ближайших селениях (это не продукция собственного хозяйства — партии слишком велики), чтобы сбывать затем оптовым торговцам и крупным потребителям.

Треть мещан, участвующих в сделках, находится в определенной зависимости от крупных купцов: или продает собственную продукцию скупщикам (кунгурские мещане — юфть «своего завода»), или сбывает товары купцам своего города, или действует по доверенности. Мещанин, действующий по доверенности купца (мы исключаем здесь приказчиков и комиссионеров), выполняет поставки товаров по контракту, заключенному этим купцом, и, конечно, уступает доверителю определенную часть

¹¹ Следует отметить, что эти поручения давались как в форме доверенностей, так и в форме договоров (контрактов).

¹² Для этой операции целесообразно исключить из числа контрагентов торговых сделок представителей неуральских губерний (поскольку речь идет об Урале), а также покупателей товара для собственного личного или производственного потребления (чиновников, закупающих для себя или казны дрова и сено, представителей горных заводов, закупающих провиант и другие припасы). Потребители товаров выступают здесь не в качестве коммерсантов.

¹³ ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 75, 81, 170, 34; ф. 21, оп. 1, д. 216, 274; ф. 19, оп. 1, д. 131; ГАСО, ф. 106, оп. 1, д. 111, 167, 192, 226; ф. 143, оп. 1, д. 63, 144. Эти же материалы использованы при дальнейших вычислениях по торговым актам.

прибыли. В то же время две трети мещан выступают в качестве независимых торговцев, совершая сделки объемом до 3—5 тыс. руб. Это уже конкуренты купцов. Среди крестьян доля зависимых торговцев выше: 46% их действует по доверенности или продает товар местным купцам и мещанам. Остальные выступают как самостоятельные торговцы, но величина их сделок не превышает тысячи рублей. Таким образом, если судить по торговым актам уральских маклерских книг, половина крестьян и треть мещан не конкурировали в торговле с купцами, а составляли низший слой торговцев, служивший своеобразной базой для крупной оптовой торговли¹⁴.

В то же время торговые акты позволяют выделить наиболее крупных предпринимателей из числа крестьян и мещан. Например, самые крупные торговые операции чердынской книги 1810 г. связаны с именем крестьянина С. И. Латкина, выполнявшего в это время подряд на строительство Северо-Екатерининского канала. По четырем актам он купил у двух купцов и двух мещан на 5,5 тыс. руб. хлеба и на 2,25 тыс. руб. железа. В последнем акте он именуется уже купцом¹⁵.

Акты маклерских книг позволяют выявить детальную картину торговой деятельности крупнейших купеческих фамилий. Так, в екатеринбургской книге за 1800 г. торговым операциям купцов Резановых посвящено девять актов, Казанцевых — восемь, Толстиковых — пять, а в книге за 1810 г. Резановы фигурируют в шести актах, Казанцевы — в девяти, Толстиковы — в четырех¹⁶. Анализ актов позволяет определить специализацию торговой деятельности каждой купеческой фамилии и ее изменения во времени.

В заключение следует отметить, что 52% всех уральских покупателей, зарегистрированных в книгах за 1800—1859 гг., составляли казна и горные заводы. Самые крупные сделки — это именно поставки на горные заводы. Но при использовании этих данных необходимо учитывать, что поставки на заводы, связанные с рядом формальностей, безусловно чаще регистрировались в книгах, чем обычные акты купли-продажи.

2. Общие торговые доверенности приказчикам и комиссионерам встречаются лишь в маклерских книгах Екатеринбургa и имеют очень четкий формуляр: я, такой-то, доверяю приказчику (комиссионеру) такому-то на такой-то срок «производить внутри Российской империи торги по городу и ярмаркам и в пограничных местах и крепостях». В отдельных случаях дается наименование товаров, которыми надлежит вести торг, размер доверенного капитала и рамки кредита, к которому разрешается прибегать от имени доверителя.

В числе доверителей четыре иногородних купца, один мещанин, все остальные — екатеринбургские купцы. Из 122 приказчиков и комиссионеров, получивших доверенности, 45 относятся к купеческому сословию, 75 — мещане и один крестьянин¹⁷. Некоторые купцы давали в год от 7 до 11 доверенностей различным приказчикам и комиссионерам. Имеются случаи «многоступенчатых» доверенностей: купец III гильдии, который являлся приказчиком купца II гильдии и имел от него доверенность, нанимал сам от его имени приказчиков и в свою очередь давал им доверенности именем своего хозяина.

Эта группа источников дает сравнительно ограниченный материал для социально-экономического анализа. Она позволяет лишь уточнить вес и торговые связи отдельных купеческих фамилий и положение мещан в сфере торговли.

¹⁴ Следует помнить, что этот вывод не распространяется на розничную торговлю, не отраженную в маклерских книгах.

¹⁵ ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 81.

¹⁶ ГАСО, ф. 106, оп. 1, д. 111, 167.

¹⁷ Там же, д. 111, 167, 182.

3. Доверенности на управление промышленными предприятиями и ведение недвижимым имуществом также встречаются лишь в екатеринбургских книгах. Таких доверенностей обнаружено всего лишь девять. Формуляр их не имеет такой определенности, как у рассмотренных уже видов актов, и разные документы дают разное количество сведений. Во всех случаях доверенность содержит имена, звания и места жительства доверителя и доверенного, перечень доверяемого имущества и указание на его принадлежность (собственное, арендованное или в свою очередь «порученное в управление»). В отдельных случаях уточняются полномочия доверенного: «нанимать вольных людей», сдавать казне продукцию, закупать сырье, производить ремонт.

При значительном количестве документы этого вида могут представлять очень интересный материал для изучения промышленного предпринимательства. Из зафиксированных девяти актов в пяти доверяется управление винокуренными заводами, причем все доверители сами являются либо арендаторами, либо получившими предприятие в управление от казны. В двух случаях в управление передается дом, хозяйство и свечной завод, в одном — хозяйство и мельница, в другом — арендованные у казны разработки «цветного камня». Все доверители — купцы. Доверенности получили трое купцов, трое мещан, один чиновник и два жителя горнозаводских селений.

4. Подряды на перевозки составляют одну из наиболее многочисленных групп актов маклерских книг. Эта группа представлена двумя видами: 1) обязательствами (договорами) и 2) доверенностями. Документы первого вида в разных случаях именовались договорами, контрактами или обязательствами, но эти различные названия не отражались на их четко разработанном формуляре. Последовательность изложения в этих актах обычно такова: имена, звания и места жительства хозяина груза и подрядчика, пункты отправления и назначения, срок доставки, вид и количество транспорта (подводы, лошади, суда), вес и состав клади, обязательство подрядчика возместить стоимость при потере или порче части груза, неустойка за опоздание, договорная плата за перевозку, размер аванса. Подробная характеристика груза часто опускалась, указывался только вес.

Доверенность на перевозку давалась обычно в том случае, если подрядчик поручал выполнение перевозки другому лицу. Чаще всего в подобном документе назывались доверитель, доверенный и хозяин груза, вид транспорта, пункты отправления и назначения, давалась общая характеристика груза, а в остальном содержание доверенности определялось усмотрением доверителя и обстоятельствами. Но иногда получателю доверенности просто предписывалось принимать обязательства по перевозкам от имени доверителя.

Эта группа актов существенно дополняет сведения о торговле и торговых людях, потому что подавляющее большинство грузов — купленные товары или товары, перевозимые к месту продажи. Не менее интересен и анализ состава самих подрядчиков, их доходов и условий подрядов: перевозки являлись существенной формой вовлечения мещан и крестьян в торгово-промышленное предпринимательство, формой накопления первичных капиталов.

Следует отметить, что в актах о перевозках, как и в актах о торговле, отражается специализация каждого города, поэтому общее статистическое рассмотрение материала необходимо дополнять тщательным анализом документов отдельных книг.

Так, например, почти все акты чердынских книг отражают водные перевозки, поэтому партии грузов здесь довольно велики (от 2 до 8 тыс. пудов), а плата за перевозку относительно низка. Перевозка пуда клади от

Сарапула до Усолья стоила в среднем 9 коп., а до Чердыни — 15—17 коп. По другим городам, где в основном регистрировались перевозки сухим путем, средняя величина партии груза составляла 300—600 пудов, а стоимость перевозки пуда клади на аналогичное расстояние была в несколько раз выше¹⁸.

Чердынский подрядчик часто не только перевозил товар, но и выполнял торговые поручения. Чердынские купцы не только принимали подряды на перевозки, но сами и выполняли их, тогда как купцы других городов выступали почти исключительно в качестве субподрядчиков.

Совершенно иная специфика ирбитских перевозок. Подавляющее большинство подрядов здесь было связано со знаменитой Ирбитской ярмаркой, поэтому 90% грузов принадлежало неуральским торговцам, а 90% перевозок выполняли жители неуральских губерний.

Это обстоятельство позволяет отдельно проанализировать состав пришлых подрядчиков на Урале. 50% общего их числа (по актам не только ирбитских, но и других маклерских книг 1800—1859 гг.) падало на долю представителей национальных меньшинств, которые в документах все именуется татарами или «бухаритинами». 35% пришлых подрядчиков составляли крестьяне, 12% — мещане и 3% купцы. Из местных уральских подрядчиков наиболее многочисленная группа — крестьяне (46%), но довольно значителен удельный вес купцов (30%) и мещан (24%)¹⁹.

Большинство купцов не выполняло принятых подрядов, а поручало перевозки крестьянам, заключая второй подряд. Например, кунгурский купец А. Хлебников в 1802 г. принял подряд на перевозку меди из Юговских заводов в Москву, договорившись получить с пуда по 1 руб. 10 коп. на общую сумму 1620 руб. В тот же день он заключил контракт на перевозку этой меди с крестьянами Кунгурского уезда, только им он заплатил 90 коп. за пуд, а всего 1325 руб. Чистая прибыль Хлебникова составила 295 руб. Возмещение ущерба за утраченный товар и неустойку крестьяне полностью приняли на себя. В другом случае тот же Хлебников, взяв подряд по 1 руб. 50 коп. за перевозку пуда меди, передал его крестьянам Вятской губернии, договорившись уплатить им лишь по 88 коп. за пуд²⁰.

Аналогичным образом действовали и другие купцы-субподрядчики. Дело в том, что подряды на перевозку казенных грузов (а субподряды заключались в основном именно при казенных перевозках) необходимо было обеспечить крупным капиталом, поэтому крестьяне не могли заключать выгодные контракты с казной от своего имени. Но так или иначе именно крестьяне составляли почти половину уральских подрядчиков. Плата за перевозку партии клади составляла обычно несколько сотен, а иногда и несколько тысяч рублей, так что предприимчивый крестьянин-подрядчик, даже отдавая часть дохода купцам, мог на эксплуатации рядовых возчиков, своих односельчан, постепенно сколачивать капитал. Кроме того, этот род деятельности ближе знакомил его с методами и порядками «деловых кругов». И, очевидно, перевозки играли существенную роль в вовлечении крестьян в торгово-промышленное предпринимательство.

Анализ состава хозяев грузов по актам о перевозках позволяет уточнить данные торговых актов. Если исключить всех пришлых владельцев клади и оставить в этой категории только уральских жителей, а также учреждения и предприятия, расположенные на Урале, то оказывается,

¹⁸ Изменение стоимости перевозок за указанный период было относительно незначительным, поэтому оно здесь не принято во внимание.

¹⁹ ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 75, 81, 170, 34; ф. 21, оп. 1, д. 216; ф. 19, оп. 1, д. 131; ГАСО, ф. 106, оп. 1, д. 111, 167, 192, 266; ф. 143, оп. 1, д. 63, 144. Эти же материалы использованы при дальнейших вычислениях по актам данной группы.

²⁰ ГАПО, ф. 19, оп. 1, д. 131, лл. 2—3, 6 об., 7, 8.

что подавляющая часть грузов принадлежала купцам (41%), горным заводам и казне (43%). Мещане составляли 9% хозяев груза, крестьяне — 2,5%, прочие — 4,5%. В основном эти цифры подтверждают данные торговых актов.

5. Подряды на выполнение работ. По форме это те же виды документов, что и акты о перевозках, поскольку перевозки составляли лишь одну, хотя и наиболее распространенную, категорию работ, для выполнения которых заключались подряды. В контракте на выполнение работ указывались исполнитель подряда и заказчик, вид, объем и срок исполнения работы, обуславливались качество изделий, договорная плата и неустойка. В доверенностях на выполнение подрядов подробное описание работы и сведения об оплате обычно опускались.

По содержанию эта группа документов в наибольшей степени приближается к актам найма рабочей силы. Подчас трудно определить, следует документ отнести к подрядам или к договорам о найме. Например, в 1808 г. группа крестьян Чердынского уезда взяла подряд искать для соликамского купца А. Л. Ливанова месторождения медной руды. Крестьяне договорились, что Ливанов заплатит им за каждое найденное месторождение, в зависимости от его величины, 75—500 руб.²¹

Этот подряд отличает от контракта о найме лишь способ оплаты труда: крестьяне «продают» своему контрагенту найденные месторождения, оставляя за собой свободу распоряжаться своим временем.

В другом случае чердынский крестьянин Артемов обязуется чердынскому купцу Аболенскому «делать на его, Аболенского, кирпичном заводе мойми, Артемова, работниками и на собственной моей провизии» кирпичи²². С наймом этот подряд сближает то обстоятельство, что даже средства производства здесь принадлежат заказчику. Но это подряд: крестьянин Артемов сам нанимает от себя рабочих, организует работу и от хозяина получает лишь плату за готовые изделия.

Иногда, впрочем, в контракте подобного рода заказчик вмешивается в организацию труда, в отношения между подрядчиком и его рабочими. Так, соликамский городничий, сдавая подряд на строительство каменного дома соликамскому мещанину, обещает платить «за женщин (выполнявших подсобные работы на строительстве.— С. С.) на каждую по 12 коп. в день и чтобы те женщины в день выработывали по 12 часов»²³.

Социально-экономическое содержание других подрядов совсем иное. Например, по одному из ирбитских актов 1800 г. крестьянин Уралов взял у крестьянина Устинова 7 руб., за что и обязался вырубить за последнего для Туринского завода три сажени куренных дров²⁴. Акты подобного характера не единичны. Мастерские и непременные работники нанимали отрабатывать за себя свой «урок», а вольные подрядчики передавали свой подряд. Формально это еще ближе к найму, чем приведенные выше примеры. Но подрядчик здесь работал не *на* заказчика, а *за* заказчика.

Среди видов работ, выполненных подрядным способом по актам 1800—1859 гг., на первом месте стоит строительство и ремонт зданий (35 актов из учтенных 134), на втором — заготовка леса (24 акта). Затем следует производство кирпича, изготовление речных судов, заготовка извести и бутового камня, производство поковок, добыча руды для горных заводов. Остальные виды работ (прокладка канала, изготовление колокола, «огнегасительных машин», иконостаса и пр.) представлены единичными актами²⁵.

²¹ ГАПО, ф. 21, оп. 1, д. 216, л. 41—41 об.

²² ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 81, лл. 24 об.— 25 об.

²³ Там же, ф. 21, оп. 1, д. 216, лл. 25 об.— 26.

²⁴ ГАСО, ф. 143, оп. 1, д. 144, л. 96 об.

²⁵ ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 75, 81, 170, 34; ф. 21, оп. 1, д. 216, 274; ф. 19, оп. 1, д. 131; ГАСО, ф. 106, оп. 1, д. 111, 167; ф. 141, оп. 1, д. 63, 144. Эти же материалы использованы при дальнейших вычислениях по актам данной группы.

17% всех подрядов обслуживали промышленное производство (руда для горных заводов, дрова для стекольного завода и кирпичного сарая, строительство кирпичного сарая и кожевни и т. д.); 30% — строительные работы (лесные стройматериалы, кирпичи, известь и пр.); 18% актов имели целью удовлетворить торгово-транспортные потребности (строительство канала, судов, товарных амбаров), и, наконец, 35% подрядов имели в виду бытовое, административное и прочие виды «нехозяйственного» потребления (строительство жилых домов, заготовка дров, строительство церквей и административных зданий и проч.).

Таким образом, больше половины подрядов обслуживали производство, торговлю и строительство, что свидетельствовало о сравнительно развитой хозяйственной жизни края.

Большинство подрядчиков составляли крестьяне и мещане (крестьяне — 45,5% мещане — 44,5%, купцы — 5,5%, остальные — 4,5%), причем крестьянские подряды были крупнее мещанских. Если плата за выполнение подряда, взятого крестьянами, в среднем составляла 300 руб., а в некоторых случаях достигала несколько тысяч, то подряды мещан в среднем оценивались в 140 руб. и редко достигали тысячи.

Половина всех подрядов выполнялась для горных заводов и крупных промышленных предприятий, казны, церкви и чиновников²⁶. Купцы составляли 31% всех заказчиков, но с учетом посредничества (субподрядов) удельный вес купечества достигал 41%. Мещане давали лишь 17% всех подрядов, и всего один подряд был выполнен для крестьянина.

6. Договоры о найме. Обычный формуляр документов этого вида включает имена, звания и места жительства нанимаемого и нанимателя, описание работы, ее объем или срок выполнения, «правила поведения» нанимаемого, договорную плату, размер аванса. В относительно редких случаях сословная принадлежность контрагентов не указывается. При найме на определенный срок указание на вид работы довольно часто заменяется словами «всякая работа». В этих случаях преимущественно имеются в виду разнообразные работы «при доме», которые в документах иногда называются более определенно «домовой работой».

Подробная характеристика работы давалась, как правило, при найме на производство, строительство или на транспорт (сплав, судовая работа). Так, крестьяне, нанятые в 1807 г. кунгурским мещанином для шитья котов, обязались «шить в каждой сотне по десяти пар с самыми широкими опушками, а прочие девяносто пар простые, то есть обшивными или [с] кожаными опушками». Крестьяне, кроме того, дали обычную в этих документах формулу гарантии качества своей продукции: «обещали работать «самым лучшим мастерством, подшивкой, отделкой и опушкой, так как было можно свидетельствоваться о лучшей работе нашей в торгу во время продажи тех котов против всех таковых котовых швецов самым лучшим нашим мастерством»²⁷.

При повременной плате договор обычно строго обуславливал продолжительность рабочего времени. В одном из контрактов каменщик обязуется «приходить же на работу на сходе солнца, а с работы сходить по закату солнца, считая в месяц рабочих дней тридцать»²⁸. Нанимаясь в «позолотную по дереву работу» в 1859 г., чердынский мещанин пишет: «За каждой прогульной день обязуюсь заработать два дня»²⁹ (это обязательство распространяется и на случай болезни). Крестьянин, отдавая своего сына на три года в «домовую работу», обещает в случае его смерти отработать полученные деньги³⁰.

²⁶ С учетом тех актов, по которым купец, взявший подряд для казны или заводов, передавал его выполнение второму лицу.

²⁷ ГАПО, ф. 19, оп. 1, д. 131, л. 16.

²⁸ Там же, л. 148.

²⁹ Там же, ф. 20, оп. 1, д. 34, л. 10—10 об.

³⁰ ГАСО, ф. 143, оп. 1, д. 63, л. 58.

Традиционные содержащиеся в актах «правила поведения» работников. Например, уже упомянутые «швецы котов» обязывались хозяйину «во время же означенной работы и находимости в его доме с худыми и подозрительными людьми знакомства не иметь и к дому его, Онтуфьева, не приводить и самим нам ничево хозяйскова без спросу и приказу не брать... и за прочими другими временными его работниками смотреть, а хозяйское имущество хранить»³¹.

Кроме обычного формуляра о найме в маклерских книгах встречается иной, фиксирующий обязательство отработать долг. Подобные акты начинаются с указания на величину долга и содержат обычные сведения о хозяине и работнике, о сроке отработки долга, характере и условиях работы и «правилах поведения» работника. Характер работы в этих документах фиксируется несколькими общими словами.

Таких случаев явного закабаления обнаружено всего 12 (из общего количества 143 договоров о найме), и все они относятся к периоду до 1810 г. Например, чердынский мещанин Д. И. Федулов в 1807 г. дал обязательство купцу П. Калашникову, что признает долг своего умершего отца в 37 руб., «которые деньги должен я, Дмитрий, ему, купцу Калашникову, заслужить двух годов работою... работать всякую работу, чего он, хозяин, прикажет»³². В 1800 г. приписной крестьянин А. Скатов взял у ирбитского купца С. П. Панаева «на платеж государственных податей и отправление положенной на меня по окладу казенной заводской работы денег сорок пять рублей», за что отдает своего сына Федора «в домовую и полевую работу» на четыре года³³.

Следует отметить, что большинство рабочих и служащих нанималось для производства или строительства; для обработки кож и изготовления обуви, для рудничных, плотничьих и каменных работ, заготовки точильного камня, работы в кузнице и т. п. (см. табл. 2). Относительно меньше

Таблица 2

Назначение работ, исполняемых по найму*
(1800—1859 гг.)

	Чердынь	Соликамск	Кунгур	Ирбит	Всего
Всего актов	35	12	58	38	143
в том числе с указанием работ	32	9	54	29	124
%	100	100	100	100	100
Производство, строительство	5	7	51	8	71
%	16	78	95	28	57
Торговля	25	—	—	6	31
%	78	—	—	21	25
Домашнее хозяйство, административная служба и т. п.	2	2	3	15	22
%	6	22	5	51	18
Работа не указана	3	3	4	9	19

* ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 75, 81, 170, 34; ф. 19, оп. 1, д. 131; ф. 21, оп. 1, д. 216; ГАСО, ф. 143, оп. 1, д. 63, 144.

нанимаемых занято в торговле и перевозке товаров (торговля на судах, судовая работа) и еще меньше в сфере натурального хозяйства и административных служб («домовая работа», пастьба скота, городовые службы). Однако это соотношение неодинаково в разных городах. В торговой

³¹ ГАПО, ф. 19, оп. 1, д. 131, л. 16.

³² Там же, ф. 20, оп. 1, д. 75; лл. 37 об.—38.

³³ ГАСО, ф. 143, оп. 1, д. 63, л. 11 об.

Чердыни подавляющее большинство наемных работников занято в сфере торговли, водят суда по Каме и северным рекам и ведут торговлю с этих судов. Из пяти актов найма в производственных целях четыре относятся к 1830 и 1859 гг. В Кунгуре подавляющее большинство работников нанимается для производственной деятельности. В Ирбите, население которого в основном кормится ярмаркой, основная цель найма — обслуживание домашнего хозяйства.

Большинство нанимаемых — крестьяне; мещане составляют несколько меньшую долю, представители других сословий — ничтожное меньшинство (см. табл. 3). Следует заметить, что если подавляющее большинство крестьян выполняет грубую физическую работу (горная работа, «домовая работа», шлав, «всякая работа», заготовка точильного камня и т. п.), то мещане нанимаются преимущественно или в качестве служащих и «материально ответственных» работников (приказчиков, кладовщиков, кассиров, мельников), или в качестве ремесленников и работников высокой квалификации (кожевников, сапожников, кузнецов, разведчиков золота и т. п.).

Среди нанимателей абсолютное большинство составляют купцы, следующие места занимают мещане и горные заводы (см. табл. 4). Если купцы используют наемный труд преимущественно в сфере торговли и перевозки товаров, то мещане в основном нанимают работников в свои ремесленные мастерские. Крестьяне в качестве нанимателей, судя по материалам маклерских книг, встречаются крайне редко. Конечно, при этом следует учитывать, что они, очевидно, еще реже, чем представители городских сословий, обращались в официальные органы для заключения договоров о найме.

Таблица 3

Сословный состав нанимаемых*

Всего актов с известной сословной принадлежностью нанимаемых — 116 (100%)			
В том числе	Крестьяне	Мещане	Прочие
Работа низкой квалификации . . .	45	17	3
Ремесло и работа высокой квалификации	6	16	—
Нефизическая работа	9	19	—
Работа не указана	1	—	—
Всего	61 (53%)	52 (45%)	3 (2%)

* Таблица составлена на основании источников табл. 2.

Объем работы не позволяет проводить анализ оплаты наемного труда, хотя акты и дают необходимый для этого материал. Необходимо отметить лишь некоторые архаичные элементы заработной платы. Так, в большинстве актов предусматривается, что нанимаемый будет жить «на хозяйском пропитании». Реже хозяин обеспечивает наемного работника одеждой и обувью, но и это было настолько традиционным явлением, что в документах содержится оговорка, «а обувь и одежда свои».

В чердынских книгах первого десятилетия XIX в. в добавление к обычной заработной плате судового работника очень часто предусматривается «приклад» — право провозить на хозяйском судне определенное количество собственного груза и вести собственную торговлю (при плате от 30 до 40 руб. судовому работнику за сезон полагалось от 20 до 30 пудов «приклада», а при плате от 45 до 130 руб. — от 50 до 100 пудов). При закупке на нижней и средней Каме хлеба для хозяина такой работ-

Таблица 4

Категории нанимателей *

Назначение работ	Всего актов с известными категориями нанимателей 127 (100%)																	
	Крестьяне	%	Торгово-заводские людии	%	Мещане	%	Купцы	%	Не тор-ные заво-ды	%	Торговые заводы	%	Казна	%	Город	%	Прочие	%
Производство, строи-тельство	1	—	1	—	13	—	19	—	3	—	19	—	—	—	—	—	—	—
Торговля	2	—	—	—	1	—	29	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Домашнее хозяйство, административная служ-ба	1	—	3	—	7	—	9	—	—	—	—	—	2	—	2	—	—	—
Работа не указана	—	—	—	—	—	—	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	—
Всего	4	3	4	3	21	17	65	51	3	2	19	15	2	1,5	2	1,5	7	6

* Таблица составлена на основании тех же источников, что и табл. 2.

ник покупал хлеб и для себя. Этот хлеб в дальнейшем на Печоре продавался и обменивался на рыбу вместе с хозяйским товаром, и работник дополнительно к заработной плате получал определенную прибыль. Такой обычай обеспечивал некоторую материальную заинтересованность работника.

Следует подчеркнуть, что материалы маклерских книг могут служить основанием для статистического определения масштабов наемного труда лишь со значительными оговорками: в большинстве случаев письменные договоры о найме не составлялись и не заверялись у маклеров. Как и большинство других видов актов маклерских книг, договоры о найме представляют материал не столько для количественной, сколько для качественной характеристики этого социально-экономического явления.

7. Акты об аренде («кортоме») недвижимости представляют значительный интерес для исследователя, потому что объект аренды во многих случаях служил источником дохода, а арендная плата являлась частью доходов собственника.

Обычный договор об аренде содержит сведения об арендаторе и хозяине арендуемого имущества, описание (часто довольно подробное) объекта аренды, указание на срок аренды и размер арендной платы. Кроме договоров об аренде в этот раздел включены немногочисленные доверенности на сдачу или получение в аренду имущества. В «верящих» письмах на сдачу имущества в аренду не указываются арендатор, срок аренды и размер арендной платы.

Социально-экономическую ценность зафиксированных в уральских маклерских книгах актов об аренде значительно понижает состав объектов аренды и распределение этих актов по маклерским книгам. Объектами подавляющего большинства актов являлись лавки, дома и квартиры. Из 64 найденных актов в 45 случаях в аренду сдавались лавки и в 8 — дома и квартиры, 7 актов фиксируют аренду складочного амбара, герберга, харчевен и городских весов, один акт — аренду покоса, и только 3 акта — аренду производственных объектов (рыбной ловли, разработок жернового и точильного камня). При этом подавляющее большинство актов об аренде содержат две книги: ирбитская книга на запись верящих писем 1800 г. и соликамская книга на запись контрактов 1858 г.³⁴ Остальные книги содержат от одного до четырех актов³⁵.

В Ирбите сдача в аренду квартир и лавок на время ярмарки служила важным источником дохода местных жителей. Арендная плата за лавку в 1800 г. составляла от 10 до 110 руб., тогда как годовой заработок наемного рабочего колебался от 20 до 70 руб. Этот факт подтверждает свидетельства современников, что значительные доходы Ирбита от обслуживания ярмарки отвлекали население от промысловой деятельности и были одной из причин слабого развития ремесла и промыслов города.

Безусловно, материалы о составе арендаторов и сдающих свое имущество в аренду, об арендной плате могут существенно дополнить другие источники, отражающие социально-экономическую жизнь городов Урала.

8. Акты, касающиеся питейных дел, составляют одну из наиболее многочисленных групп документов маклерских книг. Обилие подобных документов объясняется тем обстоятельством, что действия, имеющие отношение к казенным питейным делам, подлежали обязательной официальной регистрации. Это обилие позволяет ограничиться здесь анализом материалов лишь тех книг, которые включены в табл. 1.

Наиболее распространенный вид документов этой группы — контракты о найме на службу к питейному откупщику (231 акт из 272 учтенных

³⁴ ГАПО, ф. 21, оп. 1, д. 274; ГАСО, ф. 143, оп. 1, д. 63.

³⁵ ГАПО, ф. 19, оп. 1, д. 131; ф. 20, оп. 1, д. 75, 81, 34; ф. 21, оп. 1, д. 216; ГАСО, ф. 106, оп. 1, д. 167; ф. 143, оп. 1, д. 144.

актов о питейных делах). Особый характер найма позволил выделить эти документы из группы обычных договоров о найме. Формуляр контракта о найме к откупщику относится к числу наиболее разработанных. В полном виде контракт занимает шесть страниц маклерской книги. Кроме сведений об откупщике (или его поверенном) и нанимающемся, сроке найма (обычно год) и договорной плате контракт содержит целый свод правил поведения и обязанностей нанимающегося. Служащий откупщика обязуется «быть добропорядочным и во всем послушным», продавать только обусловленные законами виды напитков, стандартными мерами и в стандартной посуде (при этом виды напитков, меры и названия посуды перечисляются полностью), содержать в чистоте посуду, не фальсифицировать напитки, обращаться вежливо с покупателями («и самомалейших грубостей не чинить и тем от покупки питий их не отвращать»), хранить имущество и капитал, возмещая всякую утрату или поломку, нанимать за свой счет работников и отвечать за их поведение, разведывать и доносить о корчемстве, своевременно сдавать вырученные деньги. Однако маклерская книга включает лишь один или несколько таких полных текстов контракта. В большинстве случаев она содержит лишь необходимые сведения об откупщике, нанимающемся, сроке найма и договорной плате, отсылая затем к написанному ранее стандартному тексту («а далее по номеру такому-то»).

Следующий вид актов этой группы — документы об уплате питейных сумм (22 акта из 272). В этих актах лаконично указывается, кто, кому, когда и где передат указанную сумму.

Книги «верящих» писем содержат доверенности откупщиков и их поверенных на руководство питейными сборами по городам и уездам (17 актов) и доверенности на получение партий напитков с винокуренных заводов и доставку их в города (2 акта).

Документы этой группы позволяют восстановить иерархию лиц, занятых в сфере питейных откупов. Первую категорию составляют сами откупщики: вольский именитый гражданин В. Злобин, камергер В. А. Всеволожский, коломенский купец Китайцев, вольский купец Курсаков и др.

В непосредственном их подчинении находятся поверенные (75% из них купцы, 25% — мещане), которые обычно ведают питейными делами по одному или нескольким уездам. В подчинении у поверенных находятся лица, призванные «надзирать» над «поставленными у питий» в одном или нескольких населенных пунктах. «Надзиратели» подписывают стандартный договор о найме к откупщику, но получают повышенную плату (от 120 до 360 руб. в год), и в договор включается пункт об обязанности «надзирать». Среди «надзирателей» первое место по численности занимают мещане, второе — купцы и третье — крестьяне.

Наконец, низшую категорию занятых питейными делами лиц составляют «сидельцы» в «питейных домах или трактирах». 75% «сидельцев» составляли мещане, 19% — крестьяне и 6% купцы. (И здесь мещане занимают более прочные позиции, чем крестьяне!). Они получают от 24 до 60 руб. в год, но большинство — 36 руб. Некоторые оговаривают себе вместо платы право «продажи холодных закусок», а иные торгуют напитками «из прибыли» (но и в их контрактах указано, что они обязаны сдавать выручку полностью).

Наиболее обычная плата — 36 руб. в год — не составляла повышенного дохода. К тому же по стандартному тексту контракта «сиделец» обязывался из этих денег «употреблять на всякие мои надобности и издержки, как-то на собственное свое и работников моих содержание, к поправлению питейному дому или трактиру и мостов, на дрова, свечи, мешки, провоз питей и денег». Только плата одному работнику должна была поглотить львиную долю жалования «сидельца». Очевидно, «продажа питий» давала существенный дополнительный доход.

9. «Одобрения», аттестаты и поручительства. Документы этой группы в маклерских книгах немногочисленны — обнаружено всего 34 акта (11 «одобрений», 5 аттестатов и 18 поручительств)³⁶. Они сосредоточены преимущественно в книгах верящих писем Екатеринбурга.

Законы требовали, чтобы лица, вступающие в хозяйственные отношения с государственными органами и предприятиями, предъявляли строго обусловленные гарантии и залоги своей добропорядочности и кредитоспособности. Казна не могла верить устным свидетельствам, как верили частные предприниматели. Именно это обстоятельство было причинной составления актов рассматриваемой группы.

«Одобрения» и аттестаты давались соответствующим «обществом» (городским, мещанским, купеческим или сельским) тому представителю «общества», который желал «вступить в казенные подряды, поставки и перевозки» или занять какую-либо должность в казенных органах и предприятиях (например, должность «сидельца» при продаже соли или при продаже питей). «Общество» ручалось за добропорядочность и кредитоспособность своего представителя, в отдельных случаях (в аттестатах) даже «своими капиталами».

Однако для подрядов и поставок, связанных с оборотами крупных капиталов (питейные и соляные откупа, поставки материалов на казенные заводы), такого заверения было недостаточно. Подрядчик должен был предъявить в качестве залога определенный, довольно крупный капитал. Поскольку денежный капитал, используемый в оборотах, здесь не годился, необходимо было закладывать недвижимое имущество. Но чаще всего оценочная стоимость недвижимого имущества предпринимателя была значительно меньше необходимой суммы. Подрядчик был вынужден искать такое имущество на стороне, т. е. получать поручительства. Поручительства, которые давались владельцами недвижимости подрядчикам, содержали описание закладываемого имущества, указание на его оценочную стоимость и формулу залога. В случае банкротства подрядчика казна конфисковала не только его заложенное имущество, но и имущество поручителей, но в качестве платы за риск поручитель получал определенный процент. Залогом служили дома, лавки, промышленные объекты (например, салотопенный завод).

«Одобрения» и аттестаты получали преимущественно крестьяне и мещане, но поручительства — почти исключительно крупные купцы.

10. Заемные (долговые) письма и вексели составляют наиболее многочисленную группу документов маклерских книг. Анализ этих документов позволяет существенно уточнить социальный состав участников хозяйственной жизни. Однако лаконичность документов этого рода существенно ограничивает рамки социально-экономического анализа. В них содержится лишь наименование кредитора и должника, величина долга и срок его возврата. Лишь в крайне редких случаях в долговых письмах указывается цель займа, и в единичных актах должник предоставляет кредитору право пользования какой-либо частью своего имущества (обычно покосом) до возвращения долга.

Обычно исследователю приходится определять степень участия кредиторов и должников в экономической жизни лишь по величине кредитруемых сумм.

11. Доверенности на взыскание долгов и на представительство в присутственных местах. В доверенностях на взыскание долгов указываются сведения о кредиторе, его доверенном, должнике и величине долга. В некоторых случаях такая доверенность развертывается в пространное письмо, где рассказывается, когда, при ка-

³⁶ ГАПО, ф. 20, оп. 1, д. 75, 81; ГАСО, ф. 106, оп. 1, д. 111, 167, 192, 226; ф. 143, оп. 1, д. 63.

ких обстоятельствах был оказан кредит, с какой целью он был использован и в какой форме его следует взыскать (товарами, услугами, добиться возвращения лишь части долга).

К этому виду документов примыкают доверенности на ведение дела в суде, поскольку большинство судебных тяжб также касается долгов. Эти акты также бывают иногда весьма лаконичными, а иногда обрисовывают все обстоятельства дела.

Наконец, доверенности на представительство или хождение по существенным местам в некоторых случаях облакали доверенного правом представлять интересы доверителя во всех возможных случаях и имели весьма лаконичную форму, а иногда касались одного конкретного дела с раскрытием всех его обстоятельств.

Естественно, что наибольший интерес для исследователя представляют «расширенные» документы всех этих трех видов, которые выходят за рамки стандартного формуляра и каждый из которых рисует индивидуальный жизненный случай. Впрочем, аналогичную, но более полную информацию исследователь может почерпнуть в фондах соответствующих судебных органов.

Перейдем к анализу обывательских книг.

Материалы обывательских книг не только не использовались в исторической литературе, но даже существовало мнение, что «почти нигде в России обывательские книги не велись»³⁷. В действительности они не являются настолько редким источником. За весь или почти за весь период с 1800 по 1861 г. обывательские книги сохранились в фондах г. Чердыни и Кунгура, старейших уральских городов, несколько книг — в архиве столицы горнозаводского Урала — Екатеринбурге, тогда как в фондах городских учреждений Перми сохранилась лишь одна книга, а по Соликамску нет ни одной³⁸.

Составление городских обывательских книг было вменено в обязанность городским учреждениям «Городовым положением» 1785 г.³⁹ «Положение» имело специальный раздел «Наставление для сочинения и продолжения городской обывательской книги». Согласно этому «Наставлению», книга должна была представлять список жителей города с указанием их имущества и занятий по следующей форме: 1) имя, фамилия, возраст горожанина, состав его семьи, 2) его недвижимое имущество (дом, строения, земля), 3) живет ли он в городе или находится в отлучке, 4) его занятия («промысел»), 5) в каких он был «градских или иных службах»⁴⁰. Обычной единицей обывательской книги был, таким образом, не человек, а семья или хозяйство.

В записях о недвижимом имуществе не только перечислялись дома, «складочные амбары», лавки, «кожевни», «бумажные мельницы», «сало-топечные заводы», но обычно сообщался их размер, материал, из которого они были построены («деревянный», «полукаменный», «каменный»), местоположение, а также давалась приблизительная оценка стоимости каждого строения. Фиксируя владельцев лавок, амбаров, строений про-

³⁷ И. Дитятин. Устройство и управление городов России, т. II. Ярославль, 1877, стр. 255.

³⁸ Архив при Чердынском краеведческом музее (далее — Архив при ЧКМ), ф. 2 (Чердынская городская дума), оп. 1, д. 45 (1802—1804 гг.), 79 (1808 г.), 120 (1813 г.), 159 (1817 г.), 197 (1820 г.), 273 (1823—1825 гг.), 303 (1825 г.), 351 (1826 г.) и др.; ГАПО, ф. 19 (Кунгурский городской магистрат), оп. 1, д. 124 (1801—1803 гг.), 126 (1813—1815 гг.), 127 (1854—1856 гг.), 134 (1820 г.) и др.; ф. 217 (Кунгурская городская дума), оп. 1, д. 17 (1810—1812 гг.), 61 (1821—1824 гг.), 85 (1825—1827 гг.), 91—92 (1828—1830 гг.), 108 (1831—1833 гг.), 121 (1834—1836 гг.) и др.; ф. 512 (Шермская городская дума), оп. 1, д. 345; ГАСО, ф. 8 (Екатеринбургская городская дума), оп. 1, д. 567 (1823—1825 гг.), 639 (1829—1831 гг.), 970 (1843 г.), 1025 (1842—1844 гг.).

³⁹ «Собрание законов о кушцах, мещанах, посадских и цеховых». СПб., 1823, стр. 16.

⁴⁰ Там же, стр. 17.

мышленного назначения, исследователь может получить довольно объективный материал для анализа торгово-промышленного предпринимательства горожан.

Однако еще более ценный социально-экономический материал дают записи о занятиях городских жителей. «Имеет торг мелочными товарами в кортомной лавке», «имеет кузнечное ремесло», «промысел имеет варенья и продажи мыла, а сын Матвей — живописное художество», «промысел имеет шитья сапогов на промышленников», «пропитание имеет от черной работы», — таковы типичные записи обывательских книг⁴¹. В Кунгурских книгах фиксировался даже «капитал» каждого горожанина от 25 руб. и выше (в книгах других городов указывались только купеческие капиталы)⁴².

Через каждые несколько лет в городе приступали к составлению новой обывательской книги. Этим делом занимались выборные старосты и депутаты, причем каждая семья, вносимая в книгу, должна была представить «доказательства своего состояния», которые затем подлежали критическому рассмотрению и проверке. Составлялись книги в трех экземплярах: один оставался в городском архиве, второй отправлялся в губернское правление, третий — в губернскую казенную палату⁴³.

Очевидно, данные обывательских книг об имуществе и занятиях горожан можно считать относительно точными — составляли эти книги сами горожане, а в пределах города трудно было скрыть или существенно исказить положение дел. Фискальное значение этих книг могло быть только весьма ограниченным: основой для государственных налогов всякого рода служили материалы ревизий и особо составляемые сведения о купцах, цеховых и иных сословных категориях. Лишь внутренняя разверстка городских повинностей могла производиться в каком-то соответствии с данными обывательских книг, но именно это должно было стимулировать объективность этих данных.

Конечно, анализ обывательских книг — очень трудоемкое и кропотливое занятие, однако их структура несколько облегчает задачу исследователя. Согласно «Городовому положению» обывательская книга делилась на шесть частей. В первую часть вносились «настоящие городские обыватели», т. е. люди, «кои в том городе дом, или иное строение, или место, или землю имеют»⁴⁴. Впрочем, «Городовое положение» дает и иное определение этой сословной группы: «Городовыми обывателями разумеются все те, кои в том городе или старжили, или родились, или поселились, или дома и иное строение, или места, или землю имеют, или в гильдии, в цех записаны, или службу городскую отправляли, или в оклад записаны»⁴⁵. Если первое определение включает в разряд обывателей только владельцев недвижимости, то второе — всех жителей города. Однако «Городовое положение» дает и третью формулировку, противоречащую двум первым. Согласно этой третьей формулировке обыватели — это мещане, «среднего рода люди» и только они⁴⁶. При подобном толковании из состава данной группировки исключаются купцы, а тем более чиновники и дворяне.

И. Дитятин выделял три оттенка этого термина: 1) «настоящие городские обыватели» — владельцы недвижимости, 2) «городские обыватели во-

⁴¹ Примеры взяты из обывательской книги Кунгура за 1801—1803 гг. (ГАПО, ф. 19, оп. 1, д. 124).

⁴² Конечно, это были «объявленные» капиталы, которые могли и не вполне соответствовать действительности.

⁴³ «Собрание законов о купцах, мещанах, посадских и цеховых», стр. 15, 19—20.

⁴⁴ Там же, стр. 17.

⁴⁵ Там же, стр. 21.

⁴⁶ Там же, стр. 23.

обще» — все жители города и 3) «городовые обыватели в особенности» — торгово-промышленное население города, т. е. купцы и мещане⁴⁷.

Городовые власти, по крайней мере некоторых уральских городов, принимают за основу первое определение и даже снабжают первую часть более распространенным заголовком: «Список городских обывателей, имеющих дома». В эту часть включаются не только мещане, но и купцы, дворяне, чиновники, духовенство — короче говоря, все, владеющее недвижимостью в пределах города. Первая часть в значительной степени дублирует следующие части, поэтому в графе о занятиях обычно лаконичные ссылки: «по мастерству записан в третьей части», «купец третьей гильдии, записан во второй части».

Вторая часть обывательской книги — «купцы, вписавшиеся в гильдии». Состав семей, включенных в эту часть, весьма непостоянен: если купец не мог или не хотел покупать гильдейского свидетельства на очередной год, он выбывал из второй части очередной обывательской книги.

В третью часть книги записывались цеховые. Эта категория определялась в «Городовом положении» следующими словами: «Вписавшиеся в цех суть те мастера, подмастерья и ученики различных ремесл, кои вписались в цех своего ремесла»⁴⁸. Следует заметить, что цеха объединяли отнюдь не всех ремесленников города. Создавать цех разрешалось лишь в том случае, если в городе было больше пяти ремесленников данной специальности, каких-либо санкций за уклонение от организации цехов не полагалось, поэтому городские власти не спешили обычно с их организацией. Тем не менее в третью часть обывательских книг часто вносились и ремесленники, не состоявшие в цехах. Так, в чердынских книгах начала XIX в. третья часть озаглавлена: «Вписавшиеся в цехи разных ремесл и не вписавшиеся, а имеющие ремесло»⁴⁹. В кунгурских же обывательских книгах третья часть обычно объединяет всех ремесленников и «промышленников» (владельцев промышленных предприятий).

В четвертую часть должны были включаться иногородние и иностранные гости, в пятую — именитые граждане. Но обывательские книги уральских городов в своем составе этих частей обычно не имели.

Наконец, шестая часть — список «посадских», т. е. тех жителей города, «кои в других частях обывательской книги не внесены, промыслом, рукоделием или работою кормятся в том городе»⁵⁰. По строгому смыслу этого определения посадский — это не цеховой, не купец, а также не обыватель, т. е. человек, не имеющий в городе недвижимости. Другие статьи «Городового положения» позволяют посадским иметь «в своем доме» лавки, держать трактиры, харчевни и постоянные дворы⁵¹, иными словами — владеть недвижимостью. Составители обывательских книг исходили из первого определения, т. е. в шестую часть включали жителей, не владеющих недвижимостью и не включенных в остальные части книг.

И. Дитятин считал, что «так называемые посадские» — это мещане⁵². Очевидно, он исходил из второго определения «Городового положения». Однако «посадские» обывательских книг — это разве только часть мещан, та часть, которая не вошла в состав «настоящих городских обывателей». Конечно, и «обыватель», как ясно из сказанного, тоже не тождествен «мещанину»⁵³. Следует отметить, что обывательские книги, не имевшие

⁴⁷ И. Дитятин. Указ. соч., стр. 144, 146.

⁴⁸ «Собрание законов о купцах, мещанах, посадских и цеховых», стр. 18.

⁴⁹ Архив при ЧКМ, ф. 2, оп. 1, д. 45, л. 91.

⁵⁰ «Собрание законов о купцах, мещанах, посадских и цеховых», стр. 19.

⁵¹ Там же, ст. 140, 142, стр. 49—50.

⁵² И. Дитятин. Указ. соч., стр. 144, 148.

⁵³ Это отмечает и А. А. Кизеветтер (А. А. Кизеветтер. Городовое положение Екатерины II. 1785 г. М., 1909, стр. 35).

фискального назначения, не выделяют сословия мещан и, конечно, не могут служить источником для определения численности этого сословия.

В Чердыни шестая часть обычно снабжена заголовком «Посадские бескапитальные» и включает людей, «не имеющих домов», в том числе «отлучившихся в разных местах по паспортам»⁵⁴. Иными словами, здесь в шестую часть книги действительно включали только тех, кто не был включен в предыдущие части, в том числе и первую. Создавалось четкое различие между «обывателями», имеющими недвижимое имущество и хотя бы относительный достаток, и «посадскими» — самой беднейшей прослойкой города, людьми, не имевшими домов, жившими за счет различных заработков, в значительной степени на стороне.

В кунгурских обывательских книгах это социальное разграничение является не столь четко. В книге за 1801—1803 гг. шестая часть разделена на несколько разделов: «посадские капитальные торговые» (сюда включены люди, занимавшиеся мелкой торговлей), «капитальные и бескапитальные рукодельные», «промышленные» (сюда включены мелкие ремесленники, не включенные в третью часть, извозчики, приказчики и т. п.), наконец, «остальные» («пропитывается от черной работы» — написано против каждого из людей, включенных в этот раздел). «Капитальные» обладают «капиталом» от 200 до 700 руб., следовательно, их нельзя отнести к беднейшему слою горожан. Значительная часть «рукодельных» и «промышленных» также имеет «капиталы» от 50 до 500 руб.⁵⁵ Как и в Чердыни, имена посадских отсутствуют в списке обывателей-домовладельцев первой части. Очевидно, все эти люди частично снимают квартиры в городе, частью лишь приписаны к городу, но живут и занимаются своим делом в других населенных пунктах.

В обывательских книгах Кунгура, составленных позднее, шестая часть озаглавлена, как и в чердынских книгах, «Посадские бескапитальные». В рубрике о занятиях жителей, кроме наиболее часто «пропитывается от черной работы», стоят записи: «переторжка мелочным товаром», «переторжка харчевыми припасами», «от рукоделья»⁵⁶.

Проще всего допустить, что ничего не изменилось, кроме заголовка, т. е. в позднейших книгах, когда мелкие, не купеческие капиталы перестали учитывать, всех посадских, не имеющих в городе недвижимости, объявили «бескапитальными». Но некоторые обстоятельства не позволяют сделать такой, казалось бы, простой вывод. Во-первых, в 1801—1803 гг. среди торгующих посадских мы встречаем ведущих сравнительно крупный торг. Например, Е. Ф. Титов, имеющий 700 руб. капитала, торгует «разными съестными припасами, хмелем, деланными юфтьями и сырыми кожами». Торговцы такого масштаба в шестой части поздних книг уже не числятся. Во-вторых, в шестую часть книги 1801—1803 гг. включено непропорционально большое количество горожан — 461 семья, тогда как в книгах за 1810—1836 гг. число семей посадских колеблется от 365 до 389 с тенденцией к увеличению. Общее число жителей города с самого начала XIX в. непрерывно росло. Если из числа посадских 1801—1803 гг. исключить 96 семей «торговых капитальных», получается более реальная цифра — 365 семей. Очевидно, определенная часть сравнительно зажиточных горожан, внесенная в первые годы столетия по формальным соображениям в шестую часть книги, в следующих книгах была переведена в другие разряды городского населения.

Чердынские обывательские книги сохранились за весь исследуемый период до 1861 г. в неизменной форме, с делением на предписанные «Го-

⁵⁴ Архив при ЧКМ, ф. 2, оп. 1, д. 45, лл. 101—120; д. 96, лл. 52—58; д. 197, лл. 66—76; д. 795, лл. 77—89 и др.

⁵⁵ ГАПО, ф. 19, оп. 1, д. 124, лл. 153—250.

⁵⁶ Там же, ф. 217, оп. 1, д. 17, лл. 159—193; д. 92, лл. 242—263; д. 121, лл. 103—137 и др.

родовым положением» части. Кунгурские книги носят отпечаток стремления их составителей к экономии времени и места. Так, ремесленники, включенные в третью часть, в первой части уже не фигурируют, а с 1810 г. в первой части не указываются занятия жителей. Нет записей о занятиях горожан и в первой части пермской книги за 1848 г. В середине XIX в. кунгурские книги уже составляются в виде единого алфавитного списка всех горожан, правда, по-прежнему с регистрацией членов семьи, недвижимости, занятий и занимаемых общественных должностей. Принадлежность к сословиям обывателей или посадских уже не регистрируется, отмечаются только гильдии купцов⁵⁷. Екатеринбургские обывательские книги, которые охватывают лишь период с 1823 по 1844 г., также не разделены на части, а представляют алфавитные списки всех горожан-домовладельцев. Они даже не называются обывательскими книгами, а «обывательскими списками».

Дело в том, что составление обывательских книг было очень трудоемким делом, требовавшим специального штата достаточно квалифицированных работников. Выборные депутаты, которые должны были составлять книги, имели немало других обязанностей, и им было трудно выполнить эту работу «без расстройства своих дел». В сравнительно небольшом, постепенно утрачивавшем свое прежнее хозяйственное значение г. Чердыни, население которого составляло около 2000 человек в 1800 г. и 3425 человек в 1860 г., задача составления обывательских книг была сравнительно легкой. Эта задача была значительно труднее для Кунгура, насчитывавшего к 1860 г. 9,5 тыс. жителей, а в Екатеринбурге, население которого составляло почти 8 тыс. в 1800 г. и 20 тыс. в 1860 г., работа по составлению обывательских книг «по всей форме» при существовавших организационных и технических возможностях становилась невероятно сложной и трудоемкой⁵⁸.

Именно по этой причине за первые двадцать лет XIX в. обывательские книги в Екатеринбурге не составлялись вообще, а за следующее двадцатилетие составлялись только в результате усиленных требований и даже угроз со стороны губернских властей⁵⁹.

Можно предположить, что эта закономерность действительно и для других городов России: требование учитывать население по архаичным категориям в связи с ростом городов, перемещиванием сословий становилось все более неоправданным (к тому же не имело практического значения) и выполнялось лишь в больших и средних по количеству населения городах.

Обывательские книги нецелесообразно использовать в качестве источника для определения количества городского населения: единицей учета в них был не человек, а семья или хозяйство. К тому же некоторые хозяйства, описанные в первой части книги, повторялись в других частях.

Тем более нецелесообразно, а чаще всего и невозможно, использовать этот источник для определения численности городских сословий: систематизация жителей в книгах не пословная, а смешанная. Если сословие купцов здесь действительно выделяется в отдельную часть, то другая часть — цеховых — административной практикой дополнялась в ряде случаев нецеховыми ремесленниками, т. е. за основу здесь принимался род занятий жителей. При составлении же списка «настоящих городских обы-

⁵⁷ ГАПО, ф. 19, оп. 1, д. 127.

⁵⁸ 1800 г.— Н. С. Попов. Хозяйственное описание Пермской губернии, т. II, СПб., 1804, стр. 266, 282 и 300; 1860 г.— Х. Мозель. Пермская губерния. Материалы для географии и статистики России, т. 18, ч. 2. СПб., 1862, стр. 708, 722, 729. (Приблизительное количество жителей за 1800 г. выведено на основании данных о числе жителей мужского пола с учетом пропорций населения мужского и женского пола, сложившихся в следующие годы).

⁵⁹ ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 455 «О сочинении городских обывательских книг».

вателей» использовался третий принцип — как уже сказано, сюда заносились все домовладельцы, независимо от их сословной принадлежности. Мещане оказывались распыленными в двух, а иногда и в трех частях обывательских книг. Более того, сам термин «мещанин» из всех использованных книг употребляется только в екатеринбургских. Это связано скорее всего с тем, что больше половины жителей Екатеринбурга, а следовательно, и больше половины занесенных в обывательские книги, составляли представители не городских сословий, а горнозаводского населения.

Для учета численности городских сословий более целесообразно использовать окладные книги и другие документы фискального характера. Но в отличие от источников этого рода обывательские книги содержат краткое описание хозяйств горожан, и именно в этом заключается их ценность.

Обывательские книги позволяют проследить возвышение и упадок отдельных купеческих фамилий, вытеснение крупных торговых предпринимателей XVIII в. новыми людьми, рост участия купцов в промышленном предпринимательстве.

Так, в чердынской обывательской книге 1802—1804 гг. впервые появляется фамилия Алиных, в будущем крупнейших промышленников и купцов Северного Прикамья, к началу XX в. контролировавших всю хозяйственную жизнь края. Родоначальник этой фамилии Семен Алин, «воспитанный в городе Чердыни из пезаконнорожденных, а причисленный в 1790 году 31 году мещанин... промысел имеет сереброделаемый мелочных вещей»⁶⁰. В книге 1811—1813 гг. он уже выступает в качестве купца III гильдии, но зарегистрированным занятием его остается по-прежнему изготовление серебряных изделий⁶¹. В книге 1820 г. он снова мещанин, «промысел имеет сереброделаемый разных мелочных вещей и производит торг хлебом и прочими принасами»⁶². В 1838—1840 гг. он снова купец III гильдии, имеет три дома, четыре складочных амбара, и с этого времени род Алиных прочно становится в первые ряды чердынского купечества.

Крупнейшие чердынские купцы Валуевы и Углецкие, которые в начале столетия были здесь единственными представителями купцов II гильдии, торговали хлебом, пушниной, точильным камнем, рыбой, в 20—30-х гг. теряют свое положение и скатываются в ряды мещан. Вместе с ними теряют купеческое звание Аболенские, Удниковы, Ветошевы и другие старые торговые фамилии, процветание которых в XVIII в. определялось тем, что Чердынь была важным пунктом на главном торговом пути в Сибирь. Пути переместились на юг, Чердынь стала утрачивать свое прежнее значение. В новых условиях посредническая торговля уже не обеспечивала процветания. Чтобы получать большие прибыли, теперь надо было вовлечь в оборот богатства края, организовывать их эксплуатацию, но этого старые купцы делать не умели, приспособиться к новым условиям не могли и беднели. Правда, сдавались они не без сопротивления: даже прекратив крупную торговлю, старались сохранить гильдейские свидетельства.

Из 48 купеческих фамилий в 1802—1804 гг. против 28 имеются записи об их занятиях. Из этих 28 купцов только двое вели крупную торговлю и один сочетал торговлю со значительным промышленным предпринимательством («добыча точильного камня»). Из остальных 11 занимались «мелочной переторжкой», 6 — ремеслом (кузнечным, кожевенным, скорнячным и иконописным), 8 «находили пропитание от услуг»⁶³. Но долго так, естественно, продолжаться не могло. В 1811—1813 гг., после резкого

⁶⁰ Архив при ЧКМ, ф. 2, оп. 1 д. 45, л. 92.

⁶¹ Там же. д. 197.

⁶² Там же, д. 795. По устным преданиям местных жителей Семен Алин разбогател на спекуляции серебром.

⁶³ Архив при ЧКМ, ф. 2, оп. 1, д. 45.

увеличения минимального размера капитала, необходимого для получения гильдейского свидетельства, и значительного увеличения государственного обложения⁶⁴ число купеческих капиталов в Чердыни сокращается до 13, а к 1820 г. — до 7. Лишь с 30-х гг. снова начинается медленный рост численности купцов. В 1840 г. их 13, в 1854 г. — 26⁶⁵. Однако это уже новые люди, которые начали выдвигаться из низов одновременно с Алиным — Верещагины, Гусевы, Юргановы. Их меньше, чем было на рубеже XIX в., выше третьей гильдии они не поднимаются. Освоить край в торгово-промышленном отношении они смогут лишь после ликвидации крепостного права.

Таблица 5

Динамика купеческих капиталов г. Кунгура *

	Обывательские книги						
	1801— 1803 гг.	1810— 1812 гг.	1825— 1827 гг.	1828— 1830 гг.	1834— 1836 гг.	1844 г.	1857 г.
Капиталы I гильдии	—	—	—	1	1	1	4
Капиталы II гильдии	1	—	3	2	2	4	4
Капиталы III гильдии	59	18	68	28	22	32	45
Всего	60	18	71	31	25	37	53

* ГАПО, ф. 19, оп. 1, д. 124, 127; ф. 217, оп. 1, д. 17, 61, 85, 91, 92, 121.

По обывательским книгам Кунгура также прослеживается сначала сокращение, затем рост количества купеческих капиталов, хотя Кунгур не испытывал такого хозяйственного упадка, как Чердынь. Наоборот, положение Кунгура как одного из главных торгово-промышленных центров Урала было упрочено проведением через этот город в конце XVIII в. Сибирского тракта. Известно, что в периоды сокращения численности купцов здесь не происходил упадок деловой жизни. И вряд ли будет правильно объяснять эти колебания исключительно изменениями в обложении купцов государственными налогами.

В Кунгуре, как и в Чердыни, состав купечества за полвека значительно изменился. Правда, кунгурские купцы Хлебниковы состояли во II гильдии и вели крупную торговлю хлебом как в конце XVIII, так и в середине XIX в.⁶⁶ Но они были исключением. Юхневы, которые в конце XVIII в. считались самыми богатыми и влиятельными из кунгурских купцов, уже в первые годы нового столетия ведут лишь мелочную торговлю и переходят в III гильдию, а Колмогоровы, Шавкуновы, Шеломовы, Мичковы, Ярышкины — купцы II гильдии в конце XVIII в. и III гильдии — в начале XIX в. покидают вторую часть обывательских книг. Их место занимает новая группа купцов во главе с Кузнецовыми и Пилпкиными.

Примечательно, что эти новые купцы, как правило, занимаются кожевенным производством, определявшим теперь промышленную специализацию Кунгура. Если в 1801—1803 гг. 37% кунгурских купцов владело кожевенными предприятиями, то уже в 1835 г. доля кожевников среди купечества увеличивается до 54%. В годы сокращений численности купцов

⁶⁴ П. Г. Рындзюнский. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958, стр. 42.

⁶⁵ Архив при ЧКМ, ф. 2, оп. 1, д. 96, 197, 795 и не имеющая номера обывательская книга за 1854 г.

⁶⁶ Представителем этого рода был, в частности, один из директоров Российско-Американской компании.

процент кожевенных промышленников среди них значительно вырастает: они сохраняют положение и в тех условиях, когда не связанные с промышленностью купцы — «чистые торговцы» — падают на дно. Следует заметить, что сокращение купечества в 30-х гг. происходило исключительно за счет III гильдии, в то время как купцы I и II гильдии, связанные с кожевенным промыслом, не только сохраняют, но и упрочивают свое положение.

Еще более богатый материал дают обывательские книги для изучения хозяйственной жизни остальной части городского населения. Поскольку деление на обывателей и посадских имело в основном формальный характер (горожанин, снимающий квартиру, подчас был богаче иного «домовладельца»), полезно для дальнейших расчетов из общего числа обывателей, посадских и цеховых исключить купцов и лиц негородских сословий (чиновников, духовенство, военнослужащих, дворян и т. п.), чтобы получить в итоге число мещан. При этом необходимо учитывать, что в некоторых книгах, например чердынских, цеховые включены в состав обывателей, тогда как в других (кунгурских) их имена отсутствуют в первой части. Проведав подобную операцию, уже нетрудно разбить мещан на основные группы по роду занятий.

Таблица 6

Основные занятия мещан в г. Чердыни *

	Обывательские книги		
	1802—1804 гг.	1820 г.	1834—1840 гг.
Хозяйства купцов	48	7	12
Хозяйства мещан	413	466	513
Занятия мещан:			
торговля	30	61	42
ремесло	94	86	89
работа и «услуги»	291	307	344

* Архив при ЧКМ, ф. 2, оп. 1, д. 42, 197, 795. В табл. 6 и 9 не включены хозяйства держателей постоянных дворов, лиц, не имевших постоянных занятий и находящихся в богадельне. Необходимо также учитывать, что некоторые мещане сочетали несколько видов занятий.

Приводимые в таблице данные позволяют отметить, что слой торгового мещанства тесно смыкается с купечеством и в годы сокращения числа купцов соответственно увеличивается число торгующих «капитальных» мещан. Когда купец III гильдии находил невыгодным для себя покупать гильдейское свидетельство из-за повышенного обложения или по другим причинам, он не прекращал торговли, а продолжал ее в звании мещанина. Правда, закон ограничивал масштабы мещанской торговли, но контроль за выполнением закона не всегда и не везде был очень строгим, да и сами ограничения зачастую были лишь приблизительными. Когда вставал вопрос о применении статей закона, между отдельными представителями власти возникали разногласия по поводу их толкования, а в результате никаких санкций за его нарушение подчас не следовало. Конечно, большинство торгующих мещан вело «мелочную переторжку», находилось в зависимости от крупных торговцев и никоим образом не могло с ними конкурировать. Но некоторые мещане выступают в качестве сравнительно крупных предпринимателей, смело вторгаясь в сферу деятельности гильдейского купечества.

Так, в 1820 г. 32 торгующих мещанина занимаются явно крупной торговлей, что выражается словами: «торг хлебом и поставки на судах», «торг хлебом, рыбою и судоходство», «торг хлебом и рыбою», «торг скотом» и т. д. Составители обывательских книг обычно четко различают «торг» и «переторжку», а, кроме того, торговля хлебом и рыбой на своих судах — наиболее традиционные виды торговли чердынских купцов. В 1838—1840 гг. аналогичную крупную торговлю ведут шесть-семь мещан. Расчеты обнаруживают, что общая численность торгующих людей города довольно стабильна: она имеет тенденцию или к увеличению или к уменьшению, но не испытывает таких резких скачков, как отдельно число купцов или торгующих мещан.

Из кунгурских обывательских книг только ранние позволяют разделить общее число мещан на группы по занятиям. Начиная с 1810 г. в первой части книг, где перечисляются «настоящие городские обыватели, имеющие дома», не содержится указаний на занятия горожан, а поэтому и общий итог вывести невозможно. В книге за 1801—1803 гг. из 1039 мещанских семей 119 (11%) занимались торговлей, 550 (53%) ремеслом, а 284 (27%) «находили пропитание от черной работы». Ремеслом здесь занималась значительно большая часть населения, чем в Чердыни: если Чердынь являлась преимущественно торговым центром, то Кунгур еще в XVIII в. становился все в большей степени центром кожевенного промысла. Эволюцию ремесленной группы кунгурского населения обывательские книги позволяют проследить, потому что, как уже сказано, в третью часть их включались не только цеховые, но все жители, занимающиеся ремеслом.

Таблица 7

Эволюция специальностей кунгурских ремесленников по обывательским книгам*

	Обывательские книги			
	1801—1803 гг.	1810—1812 гг.	1828—1830 гг.	1834—1836 гг.
Всего хозяйств ремесленников	480	462	517	565
занимающихся выделкой кожи	183 (38%)	149 (32%)	100 (19,5%)	92 (16%)
занимающихся изготовлением кожевенных изделий (сапог, котов, башмаков и пр.)	154 (32%)	186 (40%)	299 (58%)	357 (63%)
% ремесленников обеих специальностей от общего числа ремесленников	70%	72%	77,5%	79%

* ГАПО, ф. 19, оп. 1, д. 124; ф. 217, оп. 1, д. 17, 91, 121.

Как видно из приведенной таблицы, доля ремесленников, специализировавшихся на выделке кожи и изготовлении кожевенных изделий, непрерывно возрастает, причем внутри этих двух групп быстро растет удельный вес сапожников и сокращается доля кожевников. Конечно, сапожный промысел базировался на кожевенном, от которого получал сырье. Но один кожевник мог выделать значительно больше кож, чем требовалось одному сапожнику. Возрастание удельного веса сапожников свидетельствует, что увеличивалась переработка кож в готовые изделия на месте, что Кунгур поставлял на рынок все большую долю своей продукции не в виде кож, а в виде готовых изделий.

Детальный анализ обывательских книг позволяет проследить и другие, пожалуй более важные изменения в организации ремесленного производства: зарождение в нем элементов капиталистической эксплуата-

Капиталы ремесленников г. Кунгура *

Величина «капитала» по обязательной ните	Выделка кожи										Изготовление изделий из кожи				
	1801—1803 гг.					1834—1836 гг.					1801—1803 гг.			1834—1836 гг.	
	«деланье кож и торг оными»	«деланье кож и торг оными»	Всего	%	«деланье кож и торг оными»	«деланье кож и торг оными»	Всего	%	В том числе «работа на промышленников»	Всего хозяйств	%	Всего хозяйств	%		
0 руб.	54	—	54	29,5	49	1	50	54	124	23	80	285	80		
25 »	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13	—		
50 »	38	—	38	—	3	—	3	—	23	2	—	13	—		
100 »	43	6	49	47,5	9	—	9	13	5	—	18	31	16		
200 »	14	1	15	—	7	1	8	—	1	—	2	14	—		
300 »	6	3	9	—	3	1	4	—	1	—	—	—	—		
400 »	—	1	1	21	1	—	1	22	—	—	—	—	—		
500 »	4	9	13	—	6	1	7	—	—	—	—	—	—		
600 »	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—		
700 »	—	1	1	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—		
800 »	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
1000 »	1	2	3	2	—	—	—	11	—	—	—	2	—		
2000 »	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
3000 »	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
8000 »	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—		
Всего . . .	160	23	183	100	84	8	92	100	154	25	100	358	100		

* ГАПО, ф. 19, оп. 1, л. 124; ф. 217, оп. 1, л. 121.

ции. Как видно из табл. 8, кунгурские кожевники испытывали вполне определенное расслоение: одновременно со значительным увеличением доли беднейших, «бескапитальных» ремесленников в несколько раз увеличился удельный вес богатейших, с «капиталом» свыше 500 руб. Появились предприниматели с капиталами в несколько тысяч рублей. В это же время, как мы знаем, в кожевенное производство активно начинают включаться и кунгурские купцы. Эти обладатели капиталов — уже не ремесленники, а «промышленники», как их именуют обывательские книги, — владеют довольно крупными кожевнями и нанимают рабочих.

Концентрация производства в крупных кожевнях и была второй причиной сокращения числа кожевников в обывательских книгах: наемные рабочие кожевен, за исключением мастеров и подмастерьев, не включались в число ремесленников. Это те, кто находил пропитание «от черной работы».

Правда, выделение богатой верхушки прослеживается и у сапожников. Среди них имеется даже категория ремесленников, «работающих на промышленников». Однако характер производства здесь не требовал создания крупных мастерских, и «на промышленников» сапожники работали по-прежнему по своим домам. Кроме того, изготовление кожевенных изделий требовало обязательной квалификации, не являлось «черной работой», и все люди, которые занимались этим делом, включались в состав ремесленников.

Чердынские же обывательские книги свидетельствуют, что здесь указанные процессы еще не вступили в силу: общее число ремесленников почти равномерно распределено между главными ремесленными специальностями, ни одна из этих специальностей не имеет тенденции к росту, количество ремесленников каждой отрасли ограничено, они обслуживают только население города и ближайших окрестностей.

Анализ екатеринбургских обывательских книг, особенно трудоемкий из-за того, что они составлялись в форме единого алфавитного списка, выявляет особенности социально-экономических условий горнозаводского центра. Горнозаводские люди (мастеровые, непременные работники, низшие чины горного ведомства), чиновники и военнослужащие здесь составляли большинство населения. По данным книги 1823—1825 гг., из 2382 зарегистрированных семей 1164 представляли горнозаводское население и только 439 — мещан. Как видно из табл. 9, среди екатеринбургских мещан особенно велика была прослойка торгово-промышленных предпринимателей, смыкавшихся с купечеством, зато относительно мала ремеслен-

Занятия мещан г. Екатеринбурга *

Таблица 9

	Обывательские книги		
	1823—1825 гг.	1829—1831 гг.	1844—1845 гг.
Хозяйства купцов	91	72	97
Хозяйства мещан	493	505	623
В том числе с указанными занятиями:	384	505	623
торговля	249	226	224
промышленное предпринимательство и подряды	1	6	14
ремесло	38	93	143
работа и «услуги»	96	180	230

* ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 567, 639, 970.

ная прослойка. Причины этого кроются именно в специфике Екатеринбургa как горнозаводского центра.

Горные заводы, потреблявшие огромное количество продовольствия и других товаров, проводившие большое число работ подрядным способом, вызвали в ближайшей округе экономическое оживление и усиленно втягивали население в подряды и поставки всякого рода. Это стимулировало предпринимательство в первую очередь купечества и мещанства, как слоев населения, относительно свободных в своих действиях. Горнозаводские люди, находившиеся в крепостной или полукрепостной зависимости, не имели такой свободы передвижения, а, следовательно, у них было меньше возможностей для торгово-промышленного предпринимательства. Известно, что дополнительно к заводской работе они занимались преимущественно ремеслом. Это объясняет малый удельный вес ремесленников среди екатеринбургского мещанства. Следует заметить, впрочем, что отсутствие разряда не владеющих недвижимостью посадских людей в екатеринбургских обывательских книгах исключает правомерность сравнения их данных с данными книг других городов и заставляет при их использовании проявлять большую осторожность. Включение посадских в состав мещанства неизбежно понизило бы удельный вес торгово-промышленных предпринимателей и резко увеличило низшую прослойку мещанства, жившую за счет продажи рабочей силы.

Можно предполагать, что маклерские и обывательские книги городов сохранились не только в городских фондах Урала. Тщательный анализ этих источников позволяет проследить некоторые подспудные процессы формирования капиталистических отношений в феодально-крепостнической России.

А. Г. Тартаковский

**ЖУРНАЛЫ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ШТАБА КУТУЗОВА
КАК ЛЕТУЧИЕ АРМЕЙСКИЕ ИЗДАНИЯ 1812 г.**

(К постановке вопроса)

Памятники армейской публицистики 1812 г., погребенные многие десятилетия в архивах, музеях, книгохранилищах, только в недавнее время привлекли к себе внимание историков. Уже первые разыскания в этой области оказались плодотворными для познания не только самой армейской публицистики, но и более широкого круга проблем Отечественной войны. Они, в частности, позволили раскрыть ранее совершенно неизвестную в литературе военно-пропагандистскую деятельность русского командования, по-новому осветить некоторые политико-стратегические и дипломатические аспекты кампании, партизанское движение в стране, военно-общественную мысль преддекабристской эпохи. Отчетливо обозначилась роль походной типографии русского штаба как агитационного центра армии, который в идейно-политической борьбе с наполеоновским нашествием занял позицию, весьма отличную от официозно-правительственной. Армейские летучие издания в гражданственно-просветительском духе истолковывали характер войны и популяризировали полководческий авторитет Кутузова в противовес нападкам на него правящей верхушки.

Естественно, что изучение армейской публицистики немислимо без разработки источниковедческих проблем темы и прежде всего без определения круга, состава и разновидностей летучих изданий походной типографии.

Едва ли не самое видное место среди них принадлежало «Известиям» из армии, игравшим роль периодических военных сообщений. Именно эти издания наиболее последовательно пропагандировали передовые идеи и оповещали войска, население и зарубежную общественность о ходе боевых действий.

В настоящее время установлено, что издание «Известий» было предпринято после приезда Кутузова в армию и оставления Москвы — в пору острейшей угрозы национальным интересам России. До начала 1813 г. походная типография издала не менее 19 выпусков «Известий» (13 из них обнаружены, тексты 6 остальных пока не разысканы), причем только на сентябрь — декабрь 1812 г. приходится 15 изданий. В среднем на каждый из этих месяцев падает почти по 4 выпуска «Известий», т. е. они выходили в свет почти еженедельно. Помимо обширного конкретного материала в них содержались обобщающие военно-политические оценки, яркие агитационные призывы, проникновенные публицистические размышления. Писались «Известия» красочным, своеобразным слогом, по-народному обрзным и впечатляющим. Значительными, иногда тысячными тиражами

систематически рассылались они из Главной квартиры в войска и губернские центры, где, в свою очередь, размножались в местных типографиях, переправлялись в уезды и волости и таким образом доводились до населения, в том числе и до крестьян¹.

Однако вопрос об издании походной типографией периодических военных сообщений отнюдь не исчерпывается одними лишь данными о выпуске «Известий». Существует предположение о публикации ею в том же качестве еще одной разновидности документов Главной квартиры — журналов военных действий.

Ведение этих журналов как подневной хроники боевых действий в конце XVIII — начале XIX вв. было вполне устоявшейся формой штабного делопроизводства в русской армии, и за ряд кампаний того времени мы располагаем текстами подобных журналов. При преобразовании накануне 1812 г. военного управления в России «сочинение военного журнала» было возложено на генерал-квартирмейстерскую часть армии². Однако какие-либо сведения о составлении журналов I и II Западных армий за первые месяцы войны (с 12 июня по 1 сентября) в источниках отсутствуют. Видимо, сама обстановка поспешного отступления войск, когда нормальная работа штабов то и дело нарушалась, мало способствовала ведению подробного дневника военных действий. Известные же в литературе «Краткие журналы» I и II Западных армий за этот период войны относятся к более позднему времени — они составлялись ретроспективно генерал-квартирмейстерами I армии Мухиным и К. Ф. Толем в 1813—1816 гг.³

Журналы военных действий стали вестись непосредственно по ходу событий только с сентября 1812 г. — уже в Тарутинский период войны, когда Кутузов упорядочил штабную службу в армии. Вместе с тем на составлении журналов настаивал и Александр I. Ошеломленный полученной окольным путем вестью об оставлении Москвы и не имея более недели никаких донесений от Кутузова о судьбе войск, он направил 7 сентября 1812 г. в его ставку П. М. Волконского для выяснения обстановки и контроля над действиями главнокомандующего по руководству армией. По свидетельству сотрудника кутузовского штаба А. И. Михайловского-Данилевского, П. М. Волконский «объявил главнокомандующему, что государю императору угодно было получать журнал военных действий»⁴. Некоторое время спустя — в рескрипте от 9 октября 1812 г. — Александр I еще раз подтвердил неотложность регулярных отчетов перед ним Кутузова посредством этих журналов⁵. Журналы составлялись под непосредственным наблюдением Кутузова, который определял характер и состав включаемых в них сведений. На этот счет сохранились документальные свидетельства очевидцев. Так, на рапорте генерал-лейтенанта Б. А. Голицына от 4 октября 1812 г. о боевых успехах Владимирского ополчения дежурный генерал армии П. П. Коновницын сделал следующую помету: «Его светлость приказал действие записать в журнал...»⁶. А. И. Михайловский-Данилевский отмечал в своих записках, что фельдмаршал повелел «приносить оный (т. е. журнал военных действий. — А. Т.) только его светлости прямо для прочтения и поправок». Из тех же записок явствует,

¹ А. Г. Тартаковский. Русская армейская публицистика 1812 года. (Опыт источниковедческого изучения). — «Археографический ежегодник за 1963 год». М., 1964, стр. 172—179.

² «Учреждение для управления большой действующей армии», ч. I. СПб., 1812, стр. 14.

³ «Краткие журналы» опубликованы в книгах: «Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива», т. XV. СПб., 1911, стр. 1—24; «Генерал-квартирмейстер Карл Федор. Толь в Отечественную войну», б/м и б/г, стр. 17—34, 153—161.

⁴ Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ГПБ, ОР), ф. 488, № 5, л. 85.

⁵ «М. И. Кутузов». Сб. документов, т. IV, ч. 2. М., 1955, стр. 54.

⁶ Там же, стр. 11.

что составление журнала было первоначально поручено по предложению К. Ф. Толя А. И. Михайловскому-Данилевскому⁷. Об этом сказано и в «свидетельстве» Михайловскому-Данилевскому, выданном штабной канцелярией в связи с его отъездом из Тарутина после ранения: «По возложенному от его светлости на него в особой доверенности препоручению составлял при армии военный журнал всем действующим войскам противу неприятеля, занимался сею деятельностью с примечным успехом и рачением»⁸. После того как он выбыл из строя, журнал военных действий велся другими сотрудниками штаба Кутузова. Имеются сведения, что в числе их был чиновник канцелярии главнокомандующего некий Безак, служивший в армии еще при Суворове⁹. «Составлением военного журнала» занимался также капитан квартирмейстерской части Сахновский. Об этом говорится в отношении Кутузова к В. С. Ланскому от 18 ноября 1812 г.¹⁰

Журналы представляли собой официальный и наиболее достоверный свод военных событий за последние четыре месяца кампании 1812 г. При их создании широко использовалась оперативная документация главнокомандующего и рапорты на его имя нижестоящих военачальников, тексты которых отражены в журналах очень полно. Журналы велись в форме развернутых подневных записей, где фиксировалась по возможности вся совокупность боевых действий на данное число как армии в целом, так и отдельных ее подразделений, вплоть до батальонов, рот и летучих отрядов. Описание сражений, маневров, боевых партизанских рейдов, подробные сведения о неприятеле, численности его войск, трофеях, пленных сочетались с глубокими оценками тактического и стратегического характера.

Первый журнал, обозревавший действия армии после оставления Москвы и до завершения флангового марш-маневра — с 1 по 22 сентября, — был составлен, видимо, сразу по прибытии войск в Тарутино. Каждый последующий журнал охватывал отрезок времени от 3 до 8 дней. Всего по 31 декабря 1812 г. было составлено 24 отдельных журнала. Рукописные подлинники журналов по мере их оформления отсылались за подписью Кутузова на имя Александра I в Петербург и с 15 октября 1812 г. по 17 января 1813 г. печатались в Прибавлениях к «Санкт-Петербургским ведомостям» в качестве материалов официальной военной информации¹¹.

Одновременно копии журналов откладывались в кутузовской канцелярии, где они образовали целую папку, сохранившуюся и до настоящего времени. Папка эта состоит из двух частей. Одна включает в себе белые копии полного комплекта журналов за 1812 г., а другая — черновые копии-отпуски журналов с 24 октября по 31 декабря того же года. Причем в конце каждой черновой копии имеется помета о дне подписания главнокомандующим и отсылки того или иного журнала в Петербург¹².

Попутно журналы военных действий выполняли еще одну важную функцию — именно из них и черпался для упомянутых выше армейских «Известий» почти весь попадавший туда конкретный материал о военной

⁷ ГПБ, ОР, ф. 488, № 5, лл. 85—86.

⁸ «Труды Московского отдела Императорского Русского Военно-исторического общества» (далее — «Труды МО ИРВИО»), т. II, М., 1912, стр. 99.

⁹ «Замечания А. Шербянина на историю 1812 г. М. Богдановича». — «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1912, кн. 4 (243). М., стр. 15.

¹⁰ «Труды МО ИРВИО», т. II, стр. 190.

¹¹ Журналы военных действий, кроме того, печатались в 1812—1813 гг. в других русских газетах, распространялись они и в виде отдельных листов. Позднее журналы были опубликованы в книгах: «Известия о военных действиях российской армии против французов 1812 г.» (СПб., 1813); «Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной е. и. в. канцелярии» (вып. 13. СПб., 1906); «М. И. Кутузов» (т. IV, ч. 1, 2; т. V).

¹² Центральный Государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. Военно-ученого архива (ВУА), д. 3484, лл. 1—133.

действительности. Как показывают текстуальные сопоставления, из журналов заимствовались в «Известия» дословно или в свободном изложении целые разделы и абзацы¹³. При этом непосредственным источником служили, естественно, не подлинники журналов, отсылавшиеся в Петербург, а их копии, хранившиеся в Главной квартире. Из всей документации русского штаба они были более доступны для постоянного использования и в любой момент могли быть предоставлены в распоряжение сотрудников походной типографии.

Мысль о принадлежности журналов к армейским летучим изданиям высказал в 1962 г. Ю. М. Лотман¹⁴, подкрепивший свои суждения некоторыми свидетельствами источников (подробнее мы рассмотрим их ниже). Но его позиция в этом вопросе недостаточно последовательна. С одной стороны, имея в виду летучие издания, он указывал: «К этой же группе документов относятся так называемые „Журналы военных действий“», — и далее безоговорочно привлекал их тексты для анализа идейных мотивов армейской публицистики. С другой стороны, понимая недостаточность приводимых им аргументов, Ю. М. Лотман отмечал в сугубо гипотетическом плане: «Большинство из них (т. е. журналов. — А. Т.) печаталось в «Санкт-Петербургских ведомостях», однако можно предположить, что до этого они публиковались в типографии Главной квартиры» (Разрядка моя. — А. Т.). В заключение своих доводов Ю. М. Лотман пишет: «...Как бы ни решался этот вопрос (т. е. вопрос о публикации журналов походной типографией. — А. Т.), сам факт принадлежности «Журналов» к публицистике (печатной или рукописной) кутузовского штаба бесспорен»¹⁵. Но как раз это-то и представляется более всего спорным.

Говорить о публицистическом значении тех или иных документов можно только в том случае, если они как-то распространялись в обществе, становились публично известными. Трудно полагать, что рукописные копии журналов, хранившиеся в секретной канцелярии главнокомандующего и в этом своем виде доводившиеся до сведения небольшого числа штабных офицеров, могли играть такую роль. К тому же понятие «рукописная публицистика», в иных случаях вполне правомерное, никак не применимо к рукописным журналам штаба русской армии в 1812 г. Кутузовский штаб — это не нелегальный политический кружок, занимавшийся тайным распространением рукописных материалов, а официальный центр командования по руководству вооруженными силами страны, утверждавший свою точку зрения на ход военных событий совершенно открыто и располагавший для того достаточной типографской техникой. Поэтому судить о принадлежности тех или иных документов к публицистике кутузовского штаба допустимо лишь тогда, когда доказан факт печатания этих документов в армейской походной типографии — точно так же, как это доказано, например, в отношении армейских воззваний, обращений, приказов, памфлетов¹⁶ и упомянутых уже «Известий».

Поскольку аргументы, приведенные на этот счет Ю. М. Лотманом, очевидно, следует привлечь дополнительные данные и критически осмыслить весь имеющийся в источниках материал.

В одном из ранних жизнеописаний Кутузова говорилось: «Нельзя не упомянуть еще следующего случая, могущего по всей справедливости служить новым доказательством чрезвычайной дальновидности великого рос-

¹³ А. Г. Тартаковский. Русская армейская публицистика Отечественной войны 1812 г. Рукопись канд. дисс. М., 1965, стр. 183—188.

¹⁴ Ю. М. Лотман. Походная типография штаба Кутузова и ее деятельность. — «1812 год. К столетию пятидесятилетия Отечественной войны». Сб. статей. М., 1962.

¹⁵ Ю. М. Лотман. Указ. соч., стр. 224—225, 228—229.

¹⁶ А. Г. Тартаковский. Русская армейская публицистика 1812 года. (Опыт источниковедческого изучения), стр. 165—172, 179—181.

сийского гения. Известно, что со времени расположения войск при Тарутине князь Кутузов начал издавать журнал военных действий, в котором описывал подробно все до войны касающееся¹⁷. (Разрядка моя.— А. Т.). Знаменательно, что сам выпуск журнала рассматривается как результат непосредственной инициативы Кутузова, как свидетельство его политической прозорливости и распорядительности. Употребление же слова «издавать» отнюдь не случайно. Здесь явно имеется в виду не составление журналов в рукописном виде, а, как справедливо отмечает Ю. Лотман, именно печатное воспроизведение их текстов¹⁸.

В то же время мало вероятно, что автор этого свидетельства, говоря об изданиях в армии журналов, подразумевал бы выпускавшиеся походной типографией «Известия» о военных действиях. Правда, в России в 1812 г. журналами суммарно назывались иногда любые сообщения периодического характера о ходе военных событий. Так, С. Р. Воронцов, полагая необходимым издавать эти сообщения в России, называл их «отдельным печатным журналом»¹⁹. «Журналом военных действий» называл Ф. Ростопчин правительственные известия о ходе боевых действий, которые печатались в столицах в начальный период кампании²⁰. Подобная нечеткость в терминологии была характерна преимущественно для гражданского населения и отдаленной от армии столичной общественности. Что же касается профессионально военной среды, штаба главнокомандующего и вообще военного делопроизводства того времени, то издававшиеся походной типографией «Известия» чаще всего и именовались как «известия», реже — как «бюллетени» или просто «печатные листы», но название «журналы» в военной терминологии того времени не встречается.

Тем более ценными для нас являются аналогичные указания современников, стоявших в непосредственной близости к Главной квартире. А. И. Михайловский-Данилевский, активнейший сотрудник походной типографии, автор армейских «Известий» и вместе с тем, как уже говорилось, составитель журналов, не раз отмечал факт выпуска их походной типографией. Он писал об этом, в частности, в отзыве на книгу «Известия о военных действиях Российской армии против французов в 1812 году». Эта книга, вышедшая в свет в 1813 г., представляла собой перепечатку из Прибавлений к «Санкт-Петербургским ведомостям» за 1812 г. материалов официальной военной информации — правительственных известий начального периода войны²¹, рапортов командующих, донесений других военачальников и журналов военных действий. Раскрывая состав этой книги, А. И. Михайловский-Данилевский указывал: «В сем сочинении заключаются донесения генералов и частных начальников, равно и журнал военных действий, издаваемый в течение войны при Главной квартире»²² (Разрядка моя.— А. Т.). Отметим, что не в Петербурге, — это было тогда общеизвестно, — а именно в Главной квартире. Характерно, что, процитировав в одной из своих статей аналогичное указание книги Я. Деминского о войне 1812 г. относительно выпуска журналов кутузовским штабом, А. М. Михайловский-Данилевский никак не оспорил этого утверждения, а лишь уточнил время составления журналов²³.

¹⁷ «Анекдоты или достопамятные сказания о его светлости генерал-фельдмаршале князе М. И. Голенищеве-Кутузове-Смоленском...», ч. II. СПб., 1914, стр. 45.

¹⁸ Ю. М. Лотман. Указ. соч., стр. 224.

¹⁹ «Архив князя Воронцова», кн. 17. М., 1860, стр. 252—253.

²⁰ Н. Дубровин. Отечественная война в письмах современников (1812—1815). СПб., 1882, стр. 38.

²¹ Их не следует путать с армейскими «Известиями», от которых они отличались по своему происхождению, содержанию и общей направленности. Подробнее об этом см.: А. Г. Тартаковский. Военная публицистика 1812 года. М., 1967.

²² А. И. Михайловский-Данилевский. Разбор российских сочинений, касающихся до истории 1812 года. — «Отечественные записки», 1820, № 8, стр. 249.

²³ Там же, № 5, стр. 262; Ю. М. Лотман. Указ. соч., стр. 224—225.

Значительный интерес представляет в этом же плане письмо к Денису Давыдову Н. Кудашева — видного партизанского военачальника и зятя Кутузова. Письмо Н. Кудашева не датировано, однако точно устанавливается, что оно было отправлено не позднее конца первой декады октября 1812 г. По свидетельству самого Д. Давыдова, уже 12 октября оно было получено им в числе других писем из Главной квартиры, датированных 10 октября²⁴. В своем письме Н. Кудашев, восхищаясь боевыми подвигами Д. Давыдова, который находился тогда со своим отрядом в тылу французской армии, сообщал: «В журналах имя твое гремит...»²⁵ (Разрядка моя. — А. Т.). К моменту отправления этого письма в кутузовском штабе были составлены и отосланы Александру I семь отдельных журналов, причем в четырех из них имя Давыдова и действия его партизанского отряда и в самом деле «гремели»²⁶. Но Н. Кудашев никак не мог иметь в виду журналы, печатавшиеся в Петербурге, — публикация их в столичных газетах началась только с 15 октября. Следовательно, слова из письма Н. Кудашева также могут быть поняты лишь в том смысле, что журналы военных действий получили широкую известность благодаря обнародованию их в самой армии.

Такого же рода данные находим и в личной переписке Кутузова. В письме жене — Е. И. Кутузовой (середина октября), рассказывая о воинских успехах Н. Кудашева, который с партизанским отрядом разгромил неприятельскую колонну на Боровской дороге, Кутузов отмечает: «Он в партии и сделал сегодня прекрасное дело, увидишь в журнале»²⁷. И в этом случае речь шла, видимо, не о рукописном, а о печатном экземпляре журнала. Ю. Лотман считает, что текст письма Кутузова «допускает единственное толкование»: Кутузов «обещает прислать печатный экземпляр журнала, как только типография Главной квартиры его изготовит»²⁸. Поскольку журнал военных действий с 8 по 15 октября, где давалось описание партизанских действий Н. Кудашева, был опубликован в Прибавлениях к «Санкт-Петербургским ведомостям» только через 10 дней — 25 октября 1812 г., то журнал, посланный Кутузовым жене, мог быть отпечатан только в армии. Причём из контекста этого письма, в котором журнал упомянут лишь вскользь, без каких-либо пояснений, как нечто уже хорошо известное, а равно и из других писем Кутузова того времени ясно, что журналы военных действий посылались им из штаба армии своим близким более или менее регулярно²⁹.

Не менее авторитетные подтверждения факта издания журналов кутузовским штабом содержатся в оперативной документации Главной квартиры. В «Журнале входящим бумагам с 9 сентября по 31 декабря 1812 г.» кутузовской канцелярии за 22 сентября записано кратко содержание полученного письма М. А. Милорадовича «с изложением статей, долженствующих входить в состав журнала, предполагаемого быть издачу»³⁰ (Разрядка моя. — А. Т.). Ясно, что и здесь могло подразумеваться

²⁴ «Сочинения Дениса Васильевича Давыдова», ч. I. М., 1860, стр. 146—149; Денис Давыдов. Военные записки. М., 1940, стр. 246, 442.

²⁵ «Сочинения Дениса Васильевича Давыдова», ч. I, стр. 146.

²⁶ Журналы военных действий со 2 по 22, с 22 по 25, с 25 по 28, с 29 по 30 сентября, с 1 по 3, с 4 по 5, с 5 по 8 октября; «М. И. Кутузов», т. IV, ч. 1, стр. 335—342, 381—383, 399—401, 408—410, 434—435; ч. 2, стр. 14—15, 70—74.

²⁷ «М. И. Кутузов», т. IV, ч. 2, стр. 216.

²⁸ Ю. М. Лотман. Указ. соч., стр. 225.

²⁹ Так, в письме Е. И. Кутузовой (начало ноября 1812 г.) главнокомандующий сообщал, что курьер, отправленный к ней, «забыл журнал» и вслед за ним послан с этим журналом специальный нарочный («Русская старина», 1872, № 4, стр. 653—654).

³⁰ «Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива», т. XVII. СПб., 1914, стр. 70.

издание журнала только в походной типографии, поскольку в правительственной прессе журнал военных действий стал печататься лишь три недели спустя, 22 сентября М. Милорадович ничего еще об этом не знал, да и забота об издании в столице военных сообщений никак не входила в круг обязанностей Милорадовича, находившегося в Тарутинском лагере. Столь же важны в этом плане данные о рассылке журналов военных действий из Главной квартиры по губерниям. В «Подробном журнале исходящих бумаг...» канцелярии Кутузова сохранился текст следующего предписания, направленного 14 ноября 1812 г. от имени П. Коновницына одновременно в 17 губерний России: «С издаваемого военного журнала о действиях нашей армии по повсеместном поражении неприятеля я спешу препроводить при сем... один экземпляр»³¹ (Разрядка моя.— А. Т.). Совершенно очевидно, что и в данном случае речь также шла о печатных журналах, так как число губерний, в которые они направились, совершенно исключало возможность рассылки их в рукописном виде, да и само указание на «один экземпляр» свидетельствует о типографском воспроизведении журнала. Вместе с тем нет никаких оснований считать, что П. Коновницыным рассылались те экземпляры журнала, которые в виде отдельных Прибавлений к «Санкт-Петербургским ведомостям» издавались в столице. Во-первых, Главная квартира распространяла в виде листовок, как правило, только продукцию состоявшей при ней походной типографии. Во-вторых, судя по ясному указанию П. Коновницына в предписании от 14 ноября о «повсеместном поражении неприятеля», данный журнал никак не мог обойти успешное для русских сражение при Красном 5—7 ноября; в Прибавлениях к «Санкт-Петербургским ведомостям» журнал, посвященный этому событию (с 3 по 7 ноября 1812 г.), был опубликован лишь 22 ноября³². Таким образом, и рассылавшийся П. Коновницыным 14 ноября военный журнал «о действиях нашей армии» мог быть размножен лишь в армейской типографии.

Но если журналы военных действий издавались Главной квартирой, то что же могли представлять собой их тексты? Есть ли основания считать, что они полностью тождественны тем текстам журналов, которые печатались в Прибавлениях к «Санкт-Петербургским ведомостям», или же были чем-то отличны от них? Ведь дублировать в точности издание журналов, и без того пользовавшихся в России широчайшей известностью благодаря их публикации в столичной прессе, походной типографии было в высшей степени нецелесообразно, если вообще не бессмысленно. Между тем этот вопрос, имеющий первостепенный интерес, не был специально поставлен в работе Ю. М. Лотмана.

Журналы, которые велись сотрудниками кутузовского штаба, по справедливому мнению Ю. Лотмана, не были обычными информационными документами, а составлялись с «определенной пропагандистской тенденцией»³³. Особенно отчетливо это проявлялось в популяризации журналами народных форм борьбы с врагом — вооруженной крестьянской самодеятельности, действий ополчений, летучих армейских отрядов, партизанских методов борьбы. Проявлялись эти тенденции также в раскрытии стратегического смысла происходивших событий и во взволнованных публицистических обращениях к населению. При этом сила противника, его упорство и готовность к сопротивлению, иногда весьма ощутимые, наконец, ожесточение и напряженность боевых действий — все это ничуть не замалчивалось, что еще более оттеняло значение успехов русской армии, народа и полководцев.

³¹ «Труды МО ИРВИО», т. II, стр. 182. «Подробный журнал исходящих бумаг...», № 887—903.

³² «М. И. Кутузов», т. IV, ч. 2, стр. 314—318.

³³ Ю. М. Лотман. Указ. соч., стр. 224.

Но попадая в правительственную прессу, эти журналы печатались далеко не полностью и подвергались существенным искажениям, равно как рапорты Кутузова и других военачальников, которые также публиковались тогда в официальной прессе. Из 24 журналов за 1812 г., изданных в Петербурге, только 7 были напечатаны целиком, остальные 17 оказались сильно урезанными. В некоторых журналах по распоряжению царя была вычеркнута большая часть текста³⁴. Цензурное вмешательство царя имело в виду не столько соблюдение военной тайны или придание журналам более краткой и выразительной формы, сколько явное стремление к упрощению хода военных событий, что диктовалось, в конечном счете, сугубо охранительными соображениями. Приглажались тексты журналов, трактовавшие о высокой боеспособности неприятельских войск. Вымарывались трезвые оценки сражений, факты об испытываемых русской армией трудностях и лишениях, о настроении жителей в охваченных войной районах. Но самые значительные изъятия испытали тексты журналов, содержавшие в себе описания крестьянского партизанского движения и действий регулярных партизанских соединений. Такого рода сведения почти на всем протяжении войны правящие круги вообще стремились не придавать гласности³⁵.

О том, в каком виде журналы военных действий доходят посредством правительственной прессы до читателей, Кутузов, конечно, хорошо знал — в его ставку регулярно присылались из Петербурга отпечатанные там экземпляры журналов. И вряд ли он был удовлетворен столь ограниченной и искаженной их публикацией, тем более что он не только подписывал эти журналы, но и составлялись они, как уже указывалось, при его прямом участии и, в известной мере, по его плану. Правда, сведения о военных событиях, которые выпадали из журналов при их публикации в «Санкт-Петербургских ведомостях», нередко проникали на страницы армейских «Известий». Так, описание вооруженной борьбы крестьян, вычеркнутое Александром I из журнала с 25 по 28 сентября, который был напечатан в Прибавлениях к «Санкт-Петербургским ведомостям» 15 октября, еще за две недели до того обнародовали армейские «Известия» от 30 сентября³⁶. Но ввиду специфического назначения «Известий» в них включались лишь незначительные материалы журналов.

В этих условиях одновременное, а практически даже опережающее столичную прессу издание в армии журналов военных действий приобретало бы совершенно особое значение, так как, подвергаясь значительно меньшему контролю со стороны царя и правительственной бюрократии, походная типография Главной квартиры могла воспроизводить тексты этих журналов в полном виде. Только в этом отношении издание журналов в армии имело бы свой смысл.

³⁴ Следы цензурных искажений в текстах журналов обнаруживаются не в их подлинниках, хранящихся в архиве личной канцелярии Александра I (Центральный государственный исторический архив СССР, ф. 1409, оп. 1, д. 649), а в копиях, которые препровождались от имени царя петербургскому генерал-губернатору С. К. Вязмитинову и по которым эти журналы публиковались в Прибавлениях к «Санкт-Петербургским ведомостям». На копиях журналов отчетливо видны зачеркивания целых строк и слов, вымаранные тексты, исправления и редакционные пометы. Архивное дело с этими копиями под названием «Выписки из военных журналов, донесения с театра военных действий, правительственные сообщения (копии) и т. д., предназначенные для опубликования в печати» хранится в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ф. 1165-И, оп. 1, д. 136).

³⁵ «М. И. Кутузов», т. IV, ч. 1, стр. 381, 382, 399, 408—410, 434; ч. 2, стр. 70, 71, 73, 128—134, 195—200, 220—221, 246—248, 289—291, 315, 317, 376, 378, 398—400, 419, 420, 602, 603, 619, 620; ч. 5, стр. 30—32.

³⁶ Там же, т. IV, ч. 1, стр. 400; «Листовки Отечественной войны 1812 года». М., 1962, стр. 50—51.

Надо сказать, что и в ряде других случаев походная типография действовала столь же самостоятельно, инициативно, независимо от официальной военной пропаганды, истолковывая многие важные события войны, например Бородинское сражение, переговоры Кутузова с Лористоном, вопреки установкам на этот счет правительственных сфер и самого царя³⁷. Поэтому и данное предположение представляется вполне убедительным. Однако до тех пор, пока не обнаружены сами печатные экземпляры этих журналов, выпущенные походной типографией в полном объеме их текстов, вопрос об издании их в армии в качестве военно-пропагандистских документов нельзя считать полностью выясненным. Он может быть окончательно решен лишь в результате дальнейших разысканий и прежде всего архивных.

³⁷ А. Г. Тартаковский. Военная публицистика 1812 года.

А. П. Погребинский

**ЦЕННЫЙ ИСТОЧНИК ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
И ФИНАНСОВОЙ ИСТОРИИ РОССИИ
ЭПОХИ КАПИТАЛИЗМА**

В Центральном Государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР хранится «Обзор деятельности Министерства финансов за 1855—1880 годы»¹. Этот документ отличается от обычных периодических «всеподданнейших докладов». Он был составлен министром финансов Грейгом по случаю 25-летнего царствования Александра II. В связи с юбилеем сановные льстецы стремились представить картину всеобщего финансового и экономического благоденствия, которое будто бы было достигнуто страной за эти 25 лет.

Главным событием истекшего 25-летия была крестьянская реформа и связанные с ней преобразования в различных областях общественного устройства и государственного управления. Министерство финансов в данном обзоре стремилось показать якобы благотворные последствия финансовой реформы 1862 г. для государственного бюджета и благосостояния народа.

В тех случаях, когда было очевидно, что реформы влекли за собой совершенно обратные, отрицательные последствия, авторы документа предпочитали умолчать или отделаться общими, нераскрывающими положения вещей фразами.

Обзор имел цель в популярной форме ознакомить царя с экономическим и финансовым состоянием страны. Он предназначался для личного пользования Александра II, поэтому чиновники Министерства финансов при составлении доклада стремились к максимальной полноте и популярности. Этим объясняется многосторонний, почти энциклопедический характер обзора.

В документе содержится не только подробная характеристика финансовой и кредитной реформ 60-х годов, но и оценка состояния всех важнейших отраслей экономики страны, в нем сосредоточены самые разнообразные сведения, в том числе и такие, которые до последнего времени были мало или вовсе неизвестны.

Документ находится в хорошем состоянии, написан тушью от руки на 129 листах плотной бумаги отличного качества, большими буквами, четким, каллиграфическим почерком.

¹ ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, д. 684.

Кроме введения обзор имеет пять частей: 1. Преобразование исчисления и контроля государственных доходов и расходов; 2. Преобразование податей и сборов; 3. Преобразование кредитных учреждений и кредитной операции; 4. Меры содействия торговле и промышленности; 5. Изменения в составе Министерства финансов. Каждая из этих частей в свою очередь состоит из нескольких разделов. Четкая структура документа, равно как и безукоризненное внешнее оформление имели своей целью облегчить пользование документом.

То обстоятельство, что обзор был написан для царя, сделало его сугубо секретным документом. В нем содержатся такие данные, которые Министерство финансов предпочитало не доводить до широкого сведения, хранить в тайне, и по-видимому поэтому он в течение многих десятилетий оставался неизвестным исследователям.

Отчет был впервые обнаружен автором в 1951 г. Некоторые данные, содержащиеся в нем, были использованы в монографии «Очерки по истории финансов дореволюционной России» (М., 1954).

Узнав о существовании публикуемого обзора, Д. Доброхотов высказал догадку о том, что данный документ будто бы был известен И. Блюху свыше 70 лет назад². И. Блюх в книге «Финансы России XIX-го столетия»³ действительно упоминает о записке Министерства финансов по поводу образования комиссии по сокращению государственных расходов, но данный обзор представляет собой обширный секретный доклад Александру II, освещающий все стороны финансовой и экономической политики самодержавия за 25 лет. К тому же оба эти документа написаны в разное время. Известная Блюху записка была составлена не позднее 1878 г., т. к. на ее основании в январе 1879 г. был издан царский указ о создании особой комиссии по сокращению государственных расходов, между тем как указанный обзор датирован 19 февраля 1881 г.

Следовательно, речь идет о совершенно разных документах. Есть основание утверждать, что содержание данного обзора было известно только узкому кругу его составителей из Министерства финансов и приближенным Александра II. Даже такой официозный историк финансов дореволюционной России, как И. Блюх — крупный капиталист, банковский делец и участник железнодорожных обществ, — ничего не знал о нем и не мог его использовать в своей двухтомной истории финансов.

После появления в свет «Очерков финансов дореволюционной России» мало исследователей обратило на него внимание. Мы знаем только единственный случай использования его в последующей литературе⁴.

Эпоха, которая отражена в «Обзоре деятельности Министерства финансов за 1855—1880 годы», представляет важный этап в социально-экономической истории России. В течение этих 25 лет завершился промышленный переворот и развивалась крупная машинная индустрия, быстро росла система капиталистических банков, шло интенсивное железнодорожное строительство, государственный бюджет и налоговая система все больше становились на службу растущему капиталистическому хозяйству. В этот период были проведены финансовая и контрольная реформы. Буржуазные преобразования коснулись и других сторон общественного и государственного устройства.

² Д. Доброхотов. О книге проф. Погребинского «Очерки истории финансов дореволюционной России». — «Финансы СССР», 1956, № 3, стр. 94.

³ И. Блюх. Финансы России XIX-го столетия, т. II. СПб., 1882, стр. 255—256.

⁴ И. Ф. Гиндин. Государственный банк и экономическая политика. М., 1960, стр. 141. И. Ф. Гиндин оспаривает утверждение данного обзора о том, что казначейские ссуды выдавались главным образом лицам, пострадавшим от стихийных бедствий: пожаров, неурожаев и т. д. В действительности, в тот период выдавались крупные суммы промышленным предприятиям, а, кроме того, с 70-х годов появились другие формы казначейского финансирования капиталистов и помещиков, о чем ничего не сообщается в обзоре.

Составители обзора достаточно полно, хотя и элементарно, изложили фактическую сторону дела. В обзоре немало таблиц, статистических материалов, не все из них даже после провозглашения принципа гласности бюджета публиковались в печати. Следовательно, специалист-исследователь сможет извлечь из отчета много ценного, позволяющего восстановить подлинную картину состояния бюджета и финансового положения страны.

В то же время тенденциозность и лицемерие предназначенного для царского пользования обзора характеризуют трактовку важнейших процессов пореформенного периода правящими кругами, трактовку, которая в свою очередь нуждается в изучении и объяснении. К источнику необходимо подойти критически.

Первые два раздела обзора посвящены финансовой реформе 1862 г. Исследователь найдет здесь весьма подробную историю подготовки и проведения преобразований системы исчисления бюджетных смет, принципов построения государственного контроля и кассового обслуживания, детальное описание всех существовавших в России до и после реформы налогов с указанием дохода, который приносил каждый из них. Здесь специально освещены особенности налоговой системы некоторых окраин царской России (Польша, Бессарабия). Эти данные помогут изучить еще не освещенный в нашей литературе вопрос о финансовой политике царизма в национальных районах страны.

Характерно, что, несмотря на казенный оптимизм и стремление приукрасить положение в стране, составители отчета вынуждены признать переобремененность податями крестьянства и незавершенность реформ налоговой системы. «...Вся тяжесть прямых налогов,— читаем в обзоре,— лежит по-прежнему на крестьянах, задерживая правильное развитие их благосостояния, и только коренное преобразование настоящей податной системы может, в достаточной мере, облегчить сельское податное население и тем самым улучшить быт его»⁵.

Третья часть обзора посвящена дореформенной банковской системе страны, мероприятиям правительства по «преобразованию кредитных установлений», и, наконец, характеристике государственных и частных банков после реформы 60—70-х годов. Обзор содержит общие сведения о сущности реформ Государственного банка и последующем 20-летнем развитии его деятельности, данные о размерах операции Государственного банка по сравнению с дореформенным коммерческим банком. Далее сообщается о возникновении в пореформенный период различных категорий частных банков, в том числе и земельных, а также малоизвестные и в значительной степени новые данные по истории сберегательного дела в России.

Важные сведения сообщаются о развитии системы сельских ссудо-сберегательных обществ. Потребность в мелком кредите была настолько велика, что к 1878 г. таких товариществ было уже около 700 с общим количеством членов 150 000 человек⁶. Между тем устав первого из таких обществ, составленный помещиком Лучининым, был утвержден только в 1864 г. Таким образом, менее чем за 15-летний период была создана сравнительно широкая сеть сельских ссудо-сберегательных обществ. Для историка государственного кредита дореволюционной России этот раздел публикуемого обзора с его исчерпывающими данными о времени возникновения, местонахождении, первоначальных собственных капиталах каждого из пореформенных кредитных учреждений будет иметь неопределимое справочное значение.

⁵ ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, д. 684, л. 19.

⁶ Там же, л. 59.

Малоизвестные материалы содержатся в обзоре по поводу казначейских ссуд, которые предоставлялись помещикам и предпринимателям «по особым высочайшим повелениям».

Одни только частные горные заводы в период осуществления крестьянской реформы получили ссуду от казны в размере 4 млн. руб., а всего к 1880 г. было выдано ссуд из казны «на особых основаниях» отдельным лицам до 30 млн. руб.

Эти данные свидетельствуют о том, что прямая финансовая поддержка государственным казначейством некоторых промышленников существовала в России со времен реформы, еще до появления так называемых внеуставных ссуд Государственного банка. Широко развернувшаяся в эпоху империализма помощь монополиям и банкам имела, таким образом, прочные исторические традиции.

Исследователь истории финансов и денежного обращения России особенно заинтересуется обширным разделом обзора, посвященным денежному обращению. В этом разделе содержатся все необходимые данные об эмиссии кредитных билетов и их металлическом обеспечении, изменении курса и покупательной способности кредитного рубля и мероприятиях царского правительства по стабилизации денежной системы, влиянии войн и военных расходов на денежное обращение.

В советской историко-экономической литературе мало изучена финансовая сторона выкупной операции. В специальных монографиях и статьях дана лишь общая оценка выкупа земель крестьянством после отмены крепостного права.

Исследователю, который решил бы восполнить этот пробел, полезно было бы прежде всего обратиться к данному обзору, в специальном разделе которого содержатся самые разнообразные и подробные статистические и фактические данные, характеризующие связь выкупной операции с финансовым состоянием страны.

Вместе с тем в данном разделе особенно чувствуется лицемерие и лживость обзора. Он начинается с оценки этого, продиктованного исключительно дворянскими интересами, антинародного акта, как мероприятия, проведенного в интересах крестьянства. Вот как изображается в обзоре сущность выкупной операции: «...Дав свободу многомиллионному сословию крестьян, ваше императорское величество не оставило их без поддержки для приобретения в собственность данных или в пользование помещичьих земель. Поддержка эта заключалась в выдаче выкупных ссуд в размере (с небольшими исключениями) $\frac{4}{5}$ оценки выкупаемых земель, которая выводилась по 6% капитализации назначенного с крестьян по уставной грамоте в пользу помещика оброка»⁷.

Но в отчете имеется не только подобное казенное славословие. В дальнейшем изложении автор вынужден перейти к фактам и цифрам, он сообщает об условиях проведения выкупной операции в различных местностях Российской империи, об удержании задолженности помещиков кредитными установлениями в связи с выдачей выкупных ссуд, о платежах крестьян и т. д. В документе есть указание на то, что льготные по отношению к крестьянам условия реформы в западных губерниях были установлены по политическим соображениям.

«В 1863 году после того, как вспыхнуло польское восстание, — читаем в обзоре, — признано было необходимым прекратить обязательные отношения крестьян к помещикам в западных губерниях, а вместе с тем приступить к обязательному выкупу крестьянских наделов»⁸.

Сравнительно подробно в документе описано железнодорожное строительство, история образования первых железнодорожных строительных

⁷ ЦГАОР, СССР, ф. 678, оп. 1, д. 684, л. 61.

⁸ Там же, л. 64.

обществ и характер их взаимоотношения с казной, рост сети, расходы государственного казначейства на железные дороги и источники покрытия этих расходов⁹. Особое внимание составителей отчета к железнодорожному делу станет совершенно понятным, если вспомнить, какую роль играло оно в экономике и финансах пореформенной России. За отчетное 25-летие было выстроено свыше 20 тыс. верст железных дорог, на что было затрачено около 900 млн. руб. Железнодорожное строительство было важнейшим фактором капиталистического развития страны — оно не только сблизило различные экономические районы, но и способствовало развитию сельского хозяйства, значительно убыстрило темпы развития тяжелой промышленности.

Совершенно естественно то, что в документе показана главным образом финансовая сторона строительства дорог. Очень осторожно в отчете излагаются условия, на которых предоставлялись концессии в 60-х годах, и последующая система создания частных железнодорожных обществ с правительственной гарантией доходности акций. Однако при всем желании составителей скрыть расточительность казны и громадное капиталистическое обогащение, которыми сопровождалось железнодорожное строительство, цифры и факты отчета свидетельствуют о том, как дорого обходились дороги и как бессовестно наживались за счет средств, собранных с народа, железнодорожные воротилы.

Естественно, в документе ничего не говорится о широко распространенном взяточничестве и должностных преступлениях — постоянных спутниках строительства дорог в России¹⁰.

Подводя финансовые итоги железнодорожного строительства, чиновники Министерства финансов вынуждены, правда в весьма осторожной форме, признать невыгодность для казны системы гарантированных прибылей. Уже к 1880 г. сумма долга, числившегося за железнодорожными обществами, по уплаченной правительством гарантии составила 330 млн. руб.¹¹ Этот раздел обзора окажет существенную помощь не только лицам, изучающим историю железнодорожного строительства, но и авторам более широкого профиля — историкам хозяйства и финансов дореволюционной России.

Само собой разумеется, данные о финансировании железнодорожного строительства и другие сведения, которыми богат данный отчет, имеются не только в этом источнике, но достоинство документа заключается в его комплексности и в том, что он может явиться отправным для исследователя в его работе.

Четвертый раздел публикуемого обзора начинается со статистических данных о динамике промышленного производства за 25 лет (число фабрик и заводов, стоимость промышленной продукции, количество рабочих, положение отдельных отраслей промышленности, рост акционерных компаний). Эти данные в сопоставлении с другими статистическими источниками помогут историку народного хозяйства России изучить состояние промышленности страны в пореформенный период.

Хорошо отражена в обзоре также история торговой и внешнеторговой политики самодержавия. Сведения о возникновении бирж в России и их географическом размещении, истории таможенных тарифов, торговых договорах России с иностранными государствами, мероприятиях по развитию судоходства имеют, главным образом, справочное значение¹².

Небольшой раздел обзора «Пароходные предприятия» содержит важную для специалиста историческую справку о возникновении, развитии и

⁹ Там же, лл. 68—77.

¹⁰ А. П. Погребинский. Строительство железных дорог в пореформенной России и финансовая политика царизма. — «Исторические записки», т. 47, стр. 155—156.

¹¹ ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, д. 684, л. 75.

¹² Там же, лл. 102—113.

деятельности акционерных обществ пароходства. Весьма характерно то обстоятельство, что наиболее крупные из этих обществ получали систематическую финансовую помощь из сумм Государственного казначейства. Так, например, Русское общество пароходства и торговли получало «воспособление» от казны — помилную плату в размере 4 руб. 50 коп., причем, как сказано в обзоре, общая сумма «воспособления» не должна была «превышать 730 тыс. руб.». Остальные пароходные компании также получали «помилную плату» от казны в размере 1250 тыс. руб. в год. Правительственная помощь пароходным компаниям свидетельствует о том, что финансовая помощь казны капиталистическим предпринимателям была общераспространенным явлением.

Денежная помощь владельцам паровозостроительных и рельсопрокатных заводов носила более широкий характер. Ее размеры показаны в специальном параграфе обзора, посвященном машиностроительному и железнодорожному делу. Так, Новороссийское общество с 1869 г. получало по 50 коп. правительственной премии за каждый выработанный пуд рельсов. Премии получал также Путиловский и ряд других заводов страны. В 1876 г. правительство обязало частные железнодорожные компании половину необходимого им количества рельсов приобретать внутри страны. Кроме того, заводам предоставлялись крупные казенные заказы по выгодным ценам.

В рамках настоящего краткого сообщения невозможно отметить все вопросы, освещенные в данном отчете, все содержащиеся в нем важные для исследователя сведения и материалы. Одно несомненно — данный документ является историческим источником, имеющим важное значение. Его широкое использование будет содействовать успешному изучению социально-экономической истории пореформенной России.

В. И. Буганов

**ПРИЕМЫ РАБОТЫ В. И. ЛЕНИНА
НАД МАТЕРИАЛАМИ
БЮДЖЕТНЫХ ОБСЛЕДОВАНИЙ
КРЕСТЬЯНСКИХ И КУСТАРНЫХ ХОЗЯЙСТВ
РОССИИ И ГЕРМАНИИ**

В изучении источниковедческих приемов работы В. И. Ленина важное место занимает рассмотрение его методов обработки статистических данных крестьянских бюджетных обследований. Между тем в историографии этот вопрос остался незатронутым, за исключением некоторых наблюдений, которые приведены в работах статистиков И. К. Воронова и Н. Н. Кореневской. В их исследованиях кратко охарактеризованы некоторые критические высказывания Ленина по поводу народнических методов обработки статистических данных, которые применялись в земских (преимущественно воронежских) изданиях¹. В настоящей статье кратко характеризуется комплекс бюджетных обследований в России конца XIX — начала XX века и их использование в трудах народников. Основное место занимает в статье вопрос о приемах работы В. И. Ленина над этими источниками. В трудах В. И. Ленина подобные приемы можно изучить на примере бюджетных обследований крестьянских и кустарных хозяйств России и Германии. По другим странам такие источники в его работах не упоминаются.

Первые обследования бюджетов, охватывавшие более или менее значительное число крестьянских хозяйств, были предприняты отдельными исследователями в 1870—1880 гг.; в 90-е годы проводятся большие работы по сбору бюджетных сведений в Воронежском земском статистическом бюро. Сведения подобного рода поступали в статистические бюро в ходе проведения подворных переписей, получивших, как и бюджетные обследования, широкое распространение к 90-м годам XIX в.

Во многих земско-статистических сборниках приводятся данные об основных статьях расходов крестьянских хозяйств, но они носят слишком общий характер. Гораздо более ценны выборочные подробные обследования некоторых хозяйств крестьян или кустарей. Но и эти сведения зачастую трудно подвергнуть научному анализу, так как в них, как правило, статистические данные приводились без распределения по отдельным типам хозяйств (бедные, средние, зажиточные)². Такой характер имеют, в частности, данные о бюджетах некоторых категорий кустарей Москов-

¹ И. К. Воронов. Воронежские бюджетные исследования и их сравнительная переработка, вып. 1.— «Крестьянские бюджеты 1924 года». Воронеж, 1926, стр. 2, 9—11; Н. Н. Кореневская. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России. М., 1954, стр. 29, 85, 93, 95—96, 98—101.

² Н. Н. Кореневская. Указ. соч., стр. 8—10; см. также: А. Чайнов и Г. Студенский. История бюджетных исследований. Изд. 2. М., 1922, стр. 19—21.

ской губернии³; «средние» данные о хозяйствах кустарей вообще помещены в ряде исследований, изданных в «Трудах» так называемой комиссии по исследованию кустарной промышленности, например о промыслах ряда уездов Нижегородской губернии⁴.

У некоторых исследователей приводятся данные (как правило, весьма неполные, отрывочные), характеризующие положение отдельных групп крестьян или кустарей. Так, В. Борисов, изучавший гармонно-ящичный промысел Мясновской волости Тульского уезда, приводит один бюджет зажиточной семьи и один бюджет «менее зажиточного» кустика; М. Попов в статье о промыслах в слободе Воронцовке Воронежской губернии — один бюджет «семьи в сравнительно лучшем положении»; И. Прусаков (кузнечно-косный промысел во Владимирской губернии) — один бюджет семьи «достаточного» кустика и семьи «относительно бедного» кустика и т. д.⁵ Конечно, эти отрывочные сведения с неясной группировкой данных не могли дать достаточно полный материал для изучения имущественного положения кустарей.

В. И. Ленин отмечал, что «средние» данные о хозяйствах кустарей «всегда характеризуют хозяйство, стоящее выше среднего типа, т. е. изображают действительность в лучшем свете, чем она есть»; это относится к ряду данных по Московской, Владимирской губерниям, Острогжскому уезду Воронежской губернии и «особенно к бюджетам, приведенным в «Трудах комиссии по исследованию кустарной промышленности» (по Вятской, Херсонской, Нижегородской, Пермской и другим губерниям)». Здесь же В. И. Ленин отмечает, что бюджетные данные у некоторых авторов (например, у Карпова, Манохина, Семенова и Осадчего) «выгодно отличаются тем, что характеризуют отдельные группы крестьян»⁶.

Так, в работе А. Карпова о скорняжном промысле в Арзамасском уезде все бюджетные данные распределены по таким группам хозяйств кустарей: 1) богатая (доход 700 руб., расход 503 руб.); 2) средняя (соответственно 120 руб. и 124 руб.); 3) бедная (75 руб. и 111 руб.)⁷. Г. Манохин в исследовании о медноиздельном промысле на Суксунском заводе приводит три бюджета самостоятельных хозяев — одиночек, затем наемных мастеровых и хозяев, имеющих мастерские в несколько человек, итого 9 бюджетов⁸. Более подробная группировка бюджетных данных приводится у Г. И. Осадчего, который крестьянские хозяйства разделил на пять типов: богатое, зажиточное, среднее, малообеспеченное и бедное (несостоятельное)⁹. П. П. Семенов распределяет бюджетные данные по шести группам крестьянских дворов: богатый (с валовым доходом от 1 до 2 тыс. руб. и чистым доходом от 500 до 1500 руб.), зажиточный (соответственно 500—900 руб. и 300—500 руб.), достаточный (300—500 руб. и 100—300 руб.), недостаточный (150—300 руб. и 30—100 руб.), бедный (50—150 руб. и не более 30 руб.) и нищих (не более 50 руб. валового дохода, отсутствие чистого дохода)¹⁰.

³ «Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики», т. VI, вып. 1. М., 1879, стр. 35—47 и др.

⁴ «Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России». СПб. (далее — «Труды...»), вып. VI, 1880, стр. 524, 542; вып. VII, 1881, стр. 791—794; см. также стр. 938—941, 980—981; вып. VIII, 1882, стр. 1256—1259 и др.

⁵ «Труды...». СПб., вып. IX, 1883, стр. 2393—2396, 2580—2583; вып. X, 1883, стр. 2892—2894 и др.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 141. Примечания.

⁷ «Труды...», вып. III. СПб., 1879, стр. 114—119.

⁸ Там же, вып. X, стр. 2959—2966.

⁹ Г. И. Осадчий. Щербаковская волость Елисаветградского уезда Херсонской губернии. Историко-этнографическое и хозяйственно-статистическое описание. Херсон, 1891, стр. 92—95.

¹⁰ П. П. Семенов. Мураевенская волость (Рязанской губернии). — «Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины», т. I. СПб., 1880, стр. 70—72; См. также приложения «Крестьянские инвентари и бюджеты», стр. 139—158.

Всего к концу XIX в. было опубликовано, по нашему подсчету, около 200 бюджетов крестьянских и кустарных хозяйств по 26 губерниям; около половины из них (93 бюджета) относятся к Воронежской губернии, где работа по сбору бюджетных сведений получила особый размах. Из 93 воронежских бюджетов только данные о 67 были распределены по имущественным группам, остальные содержат «средние» данные без распределения по группам¹¹. Кроме того, некоторые данные о крестьянских бюджетах приводились в работах отдельных экономистов 90-х годов, например В. Е. Постникова, которые использовал В. И. Ленин: ряд неопубликованных ранее бюджетов по крестьянскому хозяйству был использован в статье известного воронежского статистика Ф. Щербина (76 бюджетов по Воронежской и 3 по Калужской губерниям), который проанализировал, таким образом, данные около 300 бюджетов.

Из этого обзора видно, что большинство собранных к концу XIX в. различными исследователями данных о бюджетах имело существенные недостатки (неполнота, отрывочность данных, отсутствие группировок), главным из которых являлась невозможность изучения типов хозяйств крестьян и кустарей по их экономической силе. И если даже некоторыми исследователями проводилось распределение этих хозяйств по типам и группам, то часто оно страдало расплывчатостью, дробностью, сами эти типы и группы, в основу которых у разных авторов были положены различные признаки, не были теми строго обоснованными, научными группировками, которые необходимы для точного политико-экономического анализа положения крестьян и кустарей в экономике России конца XIX в. Тем не менее эти данные дают интересный материал для подобного анализа при условии правильности их научной обработки.

Данные бюджетов привлекались экономистами-народниками, которые, используя «средние» цифры, фактически скрывали экономическое неравенство, социальную дифференциацию среди крестьян и кустарей, пытались представить последних в виде единой массы мелких производителей с устойчивым хозяйством и противопоставить их крупной капиталистической промышленности. Так, Ф. Щербина, хотя и отмечает разный уровень доходов и расходов в различных группах крестьян (например, по 67 воронежским бюджетам расходы на одну душу равны в одном крестьянском хозяйстве 15 руб. 52 коп., в другом — 34 руб. 71 коп., в третьем — 227 руб. 78 коп. и т. д.), тем не менее на всем протяжении своей работы использует «средние» цифры о доходах и расходах в хозяйствах крестьян и кустарей различных губерний и географических районов. Он приходит к выводу об «однообразии средних величин, характеризующих крестьянские потребности», и утверждает, что «явление это служит своего рода особенностью существующего экономического и бытового строя страны». Крестьянские бюджеты, по его словам, отличаются «однообразием или, во всяком случае, близким сходством средних потребностей семьи, выраженных в денежной форме»¹². Анализируя бюджетные данные по Острогожскому уезду Воронежской губернии, Ф. Щербина выводит так называемый закон средних потребностей применительно к развитию крестьянского хозяйства в России во второй половине XIX в. Он утверждает, что этот «закон» дает более правильную «формулу производства» по сравнению с той, «какая выработана западноевропейской наукой для капиталистического производства. С точки зрения последней, развитие производства совершается путем накопления прибавочных ценностей при том неперменном условии,

¹¹ Ф. Щербина. Крестьянские бюджеты и зависимость их от урожаев и цен на хлеб (далее — Ф. Щербина. Крестьянские бюджеты...). — «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства», т. II. СПб., 1897, стр. 82—83; Н. Н. Кореневская. Указ. соч., стр. 140—153.

¹² Ф. Щербина. Крестьянские бюджеты..., стр. 9, 12.

что на долю представителей труда приходится обыкновенно лишь столько материальных средств, сколько требуется для удовлетворения *minimum'a потребностей рабочего населения*. С точки зрения закона средних потребностей развитие крестьянских производительных процессов совершается также путем накопления прибавочных ценностей, но при ином уже условии, состоящем в *потреблении рабочим населением* такого количества материальных средств, которое позволило бы *удовлетворение средних потребностей при постоянной тенденции их к развитию*. В этом претенциозном положении, в котором «закон средних потребностей» противопоставляется марксовой теории прибавочной стоимости, полностью отсутствует анализ классовых взаимоотношений; целью подобного рода утверждений опять же являлось доказательство преимущества мелкого хозяйства крестьянина и кустаря, которое объявляется «народным» и противопоставляется капиталистическому. «С строго экономической точки зрения закон средних потребностей указывает на коренное различие народного и капиталистического типов производства в пользу представителей труда в первом случае»¹³.

Другой народник, С. Н. Кривенко, анализируя крестьянские бюджеты по Острогожскому уезду и отмечая имущественное неравенство среди крестьян, тем не менее заявляет, что «капитализация земледелия, т. е. процесс, соответственный капитализации промыслов, у нас только еще подготавливается и подготавливается. Он не отличается ни интенсивностью, ни даже определенным характером и направлением». В соответствии с этим он ратует за «сохранение за народом земли и общины и развитие настоящей народной промышленности»¹⁴.

В ряде произведений 1890-х годов В. И. Ленин подверг сокрушительной критике воззрения народников на экономическое развитие пореформенной России, доказал капиталистический характер эволюции хозяйства крестьян и кустарей, а также привел данные о быстром развитии крупной машинной индустрии. В. И. Ленин с этой целью подверг анализу огромное количество различных источников, в том числе земской статистики, о крестьянском хозяйстве и мелкой промышленности. Особое место среди них занимают данные о бюджетах, которым В. И. Ленин придавал большое значение, так как они содержат богатый материал для изучения экономической состоятельности различных классовых группировок крестьянства и кустарей.

Уже в работе «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», анализируя процесс дифференциации русского крестьянства, В. И. Ленин использует данные книги В. Е. Постникова о «доходах и расходах» крестьянских хозяйств. В. Е. Постников делит всю хозяйственную территорию на четыре площади (пищевая, кормовая, хозяйственная и торговая или рыночная); главное значение среди них в смысле получения денежного дохода имеет рыночная площадь. Из двух таблиц В. Е. Постникова В. И. Ленин составил одну, характеризующую распределение земли по этим четырем площадям и величину денежного дохода по пяти группам крестьянских хозяйств, засевающих до 5 десятин, 5—10, 10—25, 25—50 и более 50 десятин. Анализируя данные таблицы, В. И. Ленин показывает, что высшие группы (с посевом более 25 десятин на двор) ведут коммерческое хозяйство (1500 руб. и 574 руб. денежного дохода на один двор в двух высших группах). В низших группах земледелие не покрывает необходимых нужд семьи (у семей с посевом до 5 десятин рыночная площадь и денежный доход отсутствуют, у семей с посевом в 5—10 десятин 30 руб. де-

¹³ «Сборник статистических сведений по Воронежской губернии», т. 2, вып. 2. «Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду». Составил Ф. Щербина. Воронеж, 1887, стр. 452, 454.

¹⁴ С. Н. Кривенко. Письма с дороги. Письмо 1-е.— «Русское богатство», № 1. СПб., 1894, стр. 161, 169.

нежного дохода); эти нужды крестьяне бедной группы вынуждены покрывать сторонними промыслами¹⁵.

Собранные В. Е. Постниковым бюджеты охватывали хозяйства двух высших групп зажиточного крестьянства; он приводит семь бюджетов немецких колонистов с посевом от 42 до 82 десятин на двор и один бюджет русского крестьянина с 39,5 десятин посева¹⁶. Эти данные, по словам В. И. Ленина, «крайне недостаточны»; поэтому в дальнейшем он снова пользуется расчетами В. Е. Постникова о количестве посева на двор, необходимом для прокормления средней семьи, и количестве денежного дохода по группам хозяйств. Для семьи среднего крестьянина такой нормой посева является 16—18 десятин земли, а денежного годового расхода 150 руб. как минимум. Анализируя данные о доходности хозяйств низшей группы, В. И. Ленин заключает, что они «самостоятельным земледельческим хозяйством ...могут покрыть только *меньшую половину* своих минимальных расходов»¹⁷.

В этой же работе В. И. Ленин использует данные воронежской и московской статистики о бюджетах крестьян (24 бюджета по Острогожскому уезду Воронежской губернии) и кустарей (8 бюджетов московских кустарей). Критикуя народника С. Н. Южакова, преуменьшавшего значение расходов на одежду, инвентарь, аренду, различные хозяйственные нужды по сравнению с расходами на растительную пищу и налоги¹⁸, В. И. Ленин показывает, что из среднего расхода воронежского крестьянина в 495,39 руб. в год на расходы первого рода идет 250,49 руб., на расходы второго рода — 135,80 руб. (109,10 руб. — на содержание скота). Из среднего расхода московских кустарей в 348,83 руб. на продовольствие и налоги идет 156,03 руб., на остальные расходы — 192,80 руб.¹⁹

Более детальному анализу бюджетные данные по Острогожскому уезду были подвергнуты В. И. Лениным в работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?»

В сборнике по Острогожскому уезду приводятся статистические данные о бюджетах 24 «типических» крестьянских хозяйств, из которых 15 бюджетов характеризуют хозяйства государственных крестьян и 9 — бывших помещичьих крестьян. В качестве показателей, расположенных в 143 графах таблицы, приводятся данные о населении, землевладении, инвентаре, скоте и птице, расходах и доходах. Некоторые показатели сильно раздроблены, например данные о валовом доходе размещены в 22 графах (доход от ржи, пшеницы, лошадей и т. д.). В конце таблицы имеются итоги по 15 хозяйствам государственных, 9 хозяйствам бывших помещичьих крестьян и по всем 24 хозяйствам²⁰. Степень экономической мощи хозяйств в таблице не определяется: это сделано Ф. Щербиной в тексте сборника (глава «Состав и бюджет крестьянских хозяйств»), где каждое из них отнесено к определенному экономическому типу: зажиточному, среднезажиточному, достаточному, состоятельному, среднесостоятельному, «около средней зажиточности», «несколько выше средней состоятельности», «несколько ниже среднего состояния», бедному. Разрабатывая бюджетные данные, Ф. Щербина ограничивается анализом «средних»

¹⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 29—31. В. Е. Постников. Южно-русское крестьянское хозяйство. М., 1891, стр. 319—320.

¹⁶ В. Е. Постников. Указ. соч., стр. 279—288.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 45—46.

¹⁸ С. Н. Южаков. Нормы народного землевладения.— «Русская мысль», IX, М., 1885, стр. 23—24.

¹⁹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 46, примеч.; ср. составленный Ф. Щербиной «Сборник статистических сведений по Воронежской губернии», т. 2, вып. 2, стр. 398; см. также прилож. Д, стр. 42—50; «Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики», т. VI, вып. 1, М., 1879, стр. 55—56, 58, 180—181, 183 и др.; т. VII, ч. 1, М., 1882, стр. 119—120, ч. 2, стр. 43—45 и др.

²⁰ «Сборник статистических сведений по Воронежской губернии», т. 2, вып. 2, прилож. Д, стр. 42—50.

цифр, характеризующих положение крестьянских хозяйств не по их экономическим признакам, а по юридическим разрядам (государственным и бывшим помещичьим). Этот анализ приводит автора к заключению, что «потребности семьи и хозяйства у государственных крестьян почти в 1½ раза шире, чем у крестьян бывших помещичьих», а средние данные по всем 24 хозяйствам выше средних же данных по всему уезду примерно на 35%. Ф. Щербина приводит подробные цифровые подсчеты о «средних» расходах, доходах этих хозяйств, которые должны, по его расчетам, обосновать выдвинутый им «закон средних потребностей». По всем 24 хозяйствам средней валовой расход равнялся 495 руб. 38 коп., средний валовой доход 539 руб. 52 коп. при 44 руб. 14 коп. чистого дохода с кредитом в 28 руб. 17 коп.²¹

В. И. Ленин при изучении бюджетных данных проанализировал таблицу и текст главы «Состав и бюджет крестьянских хозяйств» сборника Ф. Щербины. В составленной им таблице, помещенной в приложениях к работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», все 24 хозяйства были разделены на три группы: в первую, зажиточную, группу вошли 6 хозяйств государственных крестьян²²; во вторую — 11 среднесостоятельных хозяйств²³; в третью — 7 бедных хозяйств²⁴. При отнесении хозяйств к одной из трех групп В. И. Ленин учел главные моменты, характеризующие степень их экономической мощи: величину валового дохода, расхода, чистой прибыли, дефицита. В группу зажиточных он включил хозяйства с валовым доходом выше 750 руб. и с чистым доходом от 90—100 руб. и выше, в группу средних — хозяйства с валовым доходом от 300 до 750 руб. и чистым доходом до 50 руб. (лишь в одном случае — 122,9 руб. чистого дохода) или даже с дефицитом в несколько десятков рублей; к бедным отнесены хозяйства с валовым доходом до 250 руб. и в основном с дефицитом от одного до нескольких десятков рублей (только два хозяина имеют чистый доход в несколько рублей).

В. И. Ленин учитывал все данные, характеризующие имущественное положение каждого хозяина, в их взаимосвязи; так, один из них, С. И. Прудской (№ 7), имел чистый валовой доход 766,7 руб. Казалось бы, его нужно было включить в число зажиточных хозяев. Но валовой расход его хозяйства равнялся 810 руб., дефицит — 43,3 руб.²⁵; В. И. Ленин включил это хозяйство в число среднесостоятельных.

²¹ «Сборник статистических сведений по Воронежской губернии», т. 2, вып. 2, прилож. Д, стр. 376—382, 384—403.

²² Хозяйства (№ 1—6, по Ф. Щербине) М. Ф. Леммера из колонии Рибенсдорф, П. М. Середы из слободы Карпенковой, В. С. Романова из слободы Лыски, И. А. Вольщенко из слободы Айдар, А. С. Поддубного из слободы Ровеньки и М. И. Шемяя из слободы Сагуны.

²³ Хозяйства С. И. Прудского из слободы Новоосиновки, достаточный хозяин (№ 7); Е. С. Рагозина из слободы Новая Сотня, среднесостоятельный (№ 8); С. С. Картавого, слобода Подгорная, среднезажиточный (№ 9); Д. И. Рыбалкина, слобода Киница, «средней зажиточности» (№ 10); Ф. С. Гвозденка, слобода Марьевка, «несколько выше средней состоятельности» (№ 16); О. Дрюченко, слобода Леарки, состоятельный (№ 17); Л. Е. Чучупало, слобода Ольховатка, среднезажиточный (№ 18); В. Е. Копаева, слобода Россошь, среднесостоятельный (№ 19); Г. Ф. Прохоренко, слобода Евстратовка, среднесостоятельный (№ 20); Ф. И. Зерникова, слобода Щучья, среднесостоятельный (№ 21); М. М. Спицына, слобода Юрасовка, среднесостоятельный (№ 22).

²⁴ Хозяйства И. Д. Галепского, слобода Лушниковка, «около средней зажиточности» (№ 11); И. П. Бабешко, слобода Гончаровка, «бедного состояния» (№ 12); С. И. Дорженко, слобода Белогорье, «бедного состояния» (№ 13); А. И. Мельникова, слобода Старая Калитва, бедняк (№ 14); И. Г. Сердюкова, слобода Новая Калитва, бедняк (№ 15); Е. С. Заики, слобода Всевятская, «несколько ниже среднего состояния» (№ 23); С. Р. Чередника, слобода Лизиновка, «бедного состояния» (№ 24).

²⁵ В «Сборнике статистических сведений по Воронежской губернии» этот дефицит (43,3 руб.) ошибочно показан как чистый доход. В. И. Ленин исправил эту ошибку. Также была исправлена цифра, обозначающая величину валового расхода у М. М. Спицына (№ 22); вместо ошибочной суммы 843,8 руб. в сборнике В. И. Ленин правильно считал 343,8 руб.

Все сведения, касающиеся каждого из 24 хозяйств, В. И. Ленин выбирал из таблицы сборника по Острогжскому уезду; в свою таблицу Ленин поместил данные не о каждом из хозяйств данной группы, а только итоговые данные, а также средние данные (на одно хозяйство) по каждой из трех групп. Ленинская таблица в отличие от таблицы Ф. Щербины насчитывает не 143 графы, а всего 44, так как ряд граф был здесь объединен в одну графу. Например, 24-я графа в таблице В. И. Ленина (доход от скотоводства) объединяет показания девяти граф Ф. Щербины (графы 119—127 — доход от лошадей, волов, коров и т. д.); некоторые показатели были «целиком взяты», по словам Ленина, из сборника. В ряде случаев В. И. Ленин особо выделяет денежную часть расходов и доходов в крестьянских хозяйствах, что не было сделано Ф. Щербиной; с этой целью В. И. Ленин вычитал, например, из валового дохода то, что было потреблено в своем хозяйстве²⁶.

Эта компактная, сравнительно небольшая таблица, в которой данные были сгруппированы по строго обоснованным экономическим типам, давала возможность для глубокого сравнительного анализа положения различных групп крестьянства. Критикуя Ф. Щербину и С. Н. Кривенко, В. И. Ленин писал, что употребляемые ими «средние» цифры соединяют вместе «различнейшие типы хозяев» и прикрывают тем самым их разложение. Анализ статистических данных по юридическим разрядам крестьян (государственных, помещичьих), говорит В. И. Ленин, «только прикрывает громадные различия и ничего больше»²⁷. Так, если средний годовой расход у первых равняется 541,3 руб., у вторых — 417,7 руб., то по экономическим группам соотношение будет другое: 855,86 руб. у зажиточных, 471,61 руб. у средних и 223,78 руб. у бедных крестьян (соотношение 4 : 2 : 1). Различие в величине валового дохода между зажиточными и бедными крестьянами оказывается еще больше — 10 : 2 (1053,2 руб. : 202,4 руб.). Если крестьяне высшей группы получают чистый доход в среднем 197,34 руб., держат батраков (все без исключения шесть хозяев этой группы), то бедняки ведут хозяйство «прямо в убыток» (в среднем дефицит в 21,38 руб.) и вынуждены прибегать к дополнительным заработкам от промыслов (здесь — в основном продажа своей рабочей силы). «Ясно отсюда, — заключает В. И. Ленин, — что мы имеем дело с совершенно разлагающимся мелким производителем, верхние группы которого переходят в буржуазию, визшие — в пролетариат»²⁸.

Используя данные сборника с группировкой крестьянских хозяйств по скоту (четыре группы: без рабочего скота, с 1 шт. раб. скота, с 2—3, с 4 и более шт.), В. И. Ленин показывает, что, несмотря на несколько более высокое положение среднего хозяйства по 24 бюджетам, чем среднего поуездного типа крестьянского хозяйства, отношения между тремя группами крестьянства (зажиточная, средняя и бедная) однородны как в бюджетных, так и поуездных данных. Их обобщение приводит В. И. Ленина к заключению о том, что в уезде имеется лишь 0,1 хозяев, которые ведут доходное земледельческое хозяйство и не нуждаются в сторонних заработках; «по отношению к массе бедноты мы видим уже прямую *экспроприацию*, сопровождающуюся притом концентрацией средств производства в руках меньшинства, владеющего сравнительно крупными и прочно стоящими хозяйствами». Это разложение крестьянства играет огромную роль в создании внутреннего рынка²⁹.

В капитальном исследовании «Развитие капитализма в России» для того, чтобы показать глубокие различия между типами крестьянских хозяйств, В. И. Ленин в главе «Разложение крестьянства» подробно разби-

²⁶ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 313—319.

²⁷ Там же, стр. 225—226.

²⁸ См. там же, стр. 225—228.

²⁹ Там же, стр. 229—233.

рает бюджетные данные по четырем уездам Воронежской губернии, составленные Ф. Щербиной³⁰. В этом статистическом сборнике сначала приводится таблица данных о бюджетах 27 хозяйств по Землянскому и 12 бюджетах по Задонскому уездам³¹, затем таблица с 15 бюджетами по Коротоякскому и 13 бюджетами по Нижнедевицкому уездам³², итого две таблицы с 67 бюджетами. Из них В. И. Ленин взял 66 бюджетов, отбросив бюджет № 14 по Коротоякскому уезду, как «совершенно неполный»: по этому бюджету заполнены цифровыми показателями лишь немногим более 80 граф, в то время как по другим бюджетам имеются показания в 537 графах. Показатели таблиц сборника весьма подробны; так, данные о расходах помещены в 110 графах (графы 334—443), о доходах — в 77 графах (графы 444—520) и т. д.

В. И. Ленин отметил, что крупными недостатками сборника являются отсутствие группировок по различным признакам (статистические данные распределены по юридическим разрядам крестьян), отсутствие текста, который сообщал бы сведения, не вошедшие в таблицы, и, наконец, «крайняя неработанность» данных о «заработках» (о всех промыслах говорится лишь в четырех графах, тогда как данные об одежде и обуви приводятся в 152 графах)³³.

Для изучения расслоения крестьянства В. И. Ленин цифровые данные обеих таблиц сборника распределил по шести группам крестьянских хозяйств в зависимости от количества рабочего скота, воспользовавшись показаниями на этот счет 71-й графы сборника. Такая группировка давала возможность сравнить бюджетные показатели с данными подворных переписей о положении различных типов крестьянских хозяйств, которые приводятся во 2-й главе труда В. И. Ленина. В первую группу (безлошадных хозяйств) В. И. Лениным включены 5 бюджетов по Землянскому (№ 8, 16, 19, 22, 24), 3 — по Задонскому (№ 7, 8, 11), 2 — по Коротоякскому (№ 10 и 11) и 2 — по Нижнедевицкому (№ 11, 13) уездам, всего 12 хозяйств; во вторую группу (хозяйства с одной лошадей) — 18 хозяйств четырех уездов; в третью группу (с двумя лошадей) — 17 хозяйств; в четвертую (с тремя лошадей) — 9 хозяйств; в пятую (с четырьмя лошадей) — 5 хозяйств; в шестую (с пятью и более лошадей) — 5 хозяйств.

Все цифровые данные, характеризующие положение каждой из шести групп, В. И. Ленин выбирал из разных мест двух огромных таблиц сборника; абсолютные данные о всех хозяйствах определенной группы сводились вместе, затем путем деления итогов на число хозяйств получались средние цифры (на одно хозяйство) в пределах одной группы. В каждом случае (для вычисления различных видов расходов, доходов и т. д.) нужно было проделать огромную работу по препарированию, пересчету данных, в результате которой масса сырого, необработанного материала превращалась на страницах работы В. И. Ленина в небольшие компактные таблицы, которые неопровержимо подтверждали его выводы.

Возьмем в качестве примера ленинскую таблицу о величине расходов и доходов на одно хозяйство по всем группам. В таблице, например, приводятся данные о валовом доходе; в первой группе (безлошадные хозяйства) он равняется 118,10 руб. на одно хозяйство. Чтобы получить эту цифру, нужно было выбрать сведения о валовом доходе 12 хозяйств этой группы из разных мест двух таблиц сборника (532-я графа). По Землянскому уезду валовой доход у пяти хозяев (№ 8, 16, 19, 22, 24) равнялся соответственно 125,8 руб., 60,6 руб., 169,6 руб., 129,6 руб. и 104,2

³⁰ «Сборник оценочных сведений по крестьянскому землевладению в Землянском, Задонском, Коротоякском и Нижнедевицком уездах». Воронеж, 1889 (далее — «Сборник оценочных сведений...»).

³¹ Там же, стр. 210—231.

³² Там же, стр. 232—253.

³³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 140—141, примеч.

руб. и т. д., по всем четырем уездам 12 хозяйств имели в итоге годовой доход размером 1417,24 руб., или 118,10 руб. на одно хозяйство³⁴. Такие же подсчеты нужно было проделать по всем группам и показателям и для всех других таблиц и расчетов, помещенных в 12-м параграфе «Развития капитализма в России» («Земско-статистические данные о крестьянских бюджетах»).

В. И. Ленин приводит сначала ряд статистических таблиц с общими данными о распределении доходов и расходов по шести группам в 66 хозяйствах четырех уездов, затем таблицы с данными о крестьянском землевладении (имуществе, инвентаре, расходах на хозяйство, доходах от земледелия и т. д.) и, наконец, таблицы о жизненном уровне крестьян (расходы на пищу, одежду, обувь и т. д.). Все они составлены подобным же образом из показаний таблиц сборника, причем в ряде случаев одна графа таблицы В. И. Ленина объединяет показания многих граф «Сборника оценочных сведений...».

Составитель сборника Ф. Щербина, рассматривая данные своих таблиц, в частности их показания о доходах и расходах, опять же оперирует «средними» цифрами и приходит к стереотипному выводу: «В силу выведенного на основании этих цифр закона средних потребностей крестьяне, ведя собственное хозяйство, удовлетворяют не минимальные потребности, а средние, при известном типе или степени их развития»³⁵.

В. И. Ленин, подробно анализируя бюджетные данные с помощью составленных им таблиц, показывает «громкую разницу» в бюджетах бедных и зажиточных крестьян. Так, крестьяне низшей группы имеют на одно хозяйство валового дохода 118,10 руб., крестьяне высшей группы — 1766,79 руб.; валового расхода соответственно 109,08 руб. и 1593,77 руб.; чистого дохода 9,02 руб. и 173,02 руб. и т. д.

«Средние» цифры и здесь совершенно фиктивны, т. е. прикрывают «полную нищету массы низшего крестьянства» (30 бюджетов из 66), «которое при ничтожном размере дохода (120—180 руб. на семью валового дохода) не в состоянии сводить концы с концами и существует, главным образом, батрачеством и поденщиной»³⁶. Столь же показательны цифры, характеризующие земледелие в крестьянских хозяйствах. Так, в двух низших группах на один двор имеется 1,48 и 3,42 десятины посева (в том числе 0 и 0,58 десятины аренды), в двух высших — 18,10 и 21,08 десятины посева (в том числе 6,92 и 10,58 десятины аренды). Бюджетные данные о посевной площади и аренде В. И. Ленин сравнивает с аналогичными данными по целым уездам (четыре уезда Воронежской, четыре уезда Саратовской, три уезда Нижегородской губерний и др.) и делает вывод, что воронежские бюджетные данные можно считать типичными³⁷.

Данные статистических таблиц об имуществе и инвентаре, доходе от земледелия, о составе расходов на хозяйство, пищу, подати и повинности дают аналогичную картину. Сопоставляя их с данными о жизненном уровне батраков, взятыми из официальной статистики³⁸ и из земско-статистического сборника по Орловской губернии³⁹, В. И. Ленин показывает, что однолошадные и безлошадные крестьяне в этом отношении «стоят не

³⁴ См. там же, стр. 142; ср. «Сборник оценочных сведений...», графы 8, 530—537.

³⁵ «Сборник оценочных сведений...», стр. 123; разработку данных о доходах и расходах см. на стр. 92—124.

³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 142, 146.

³⁷ См. там же, стр. 149—150.

³⁸ С. А. Короленко. Вольнонаемный труд в хозяйствах владельческих, и передвижение рабочих в связи с статистико-экономическим обзором Европейской России в сельскохозяйственном и промышленном отношениях. Департамент земледелия и сельской промышленности. Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев, вып. V. СПб., 1892, прилож. № 9, стр. 142.

³⁹ «Сборник статистических сведений по Орловской губернии. Карачевский уезд», т. V, вып. 2. Орел, 1892.

выше батраков, приближаясь даже скорее к *minimum*'у жизненного уровня батрака». Низшая группа крестьянства, включает В. И. Ленин, по ее отношению к другим группам, вытесняющим ее из земледелия, по размерам хозяйства, по источнику средств к жизни (продажа своей рабочей силы) и по жизненному уровню, относится «к батракам и поденщикам с наделом»⁴⁰.

Эти данные свидетельствуют о разложении крестьянства на три различные группы, что способствует созданию внутреннего рынка, так как превращение крестьян в сельский пролетариат создает рынок на предметы потребления, превращение же части крестьянства в сельскую буржуазию создает рынок на средства производства⁴¹.

В. И. Ленин приводит в «Развитии капитализма в России» и другие бюджетные данные. Так, из двух таблиц земско-статистического сборника по С.-Петербургской губернии он составляет свою таблицу с данными о доходах от молочного хозяйства крестьян С.-Петербургского уезда⁴². В другом месте он приводит «итоги типичных бюджетов скорняков разных групп» в виде статистической таблицы, полученной путем обработки данных А. Карпова о скорняжном промысле в Арзамасском уезде; цифровые показатели распределены по трем группам: богатых, средних и зажиточных⁴³.

Данные бюджетной статистики, подробно разработанные им в гл. II § XII, В. И. Ленин использует в других главах «Развития капитализма в России»⁴⁴ и в статьях «Некритическая критика» (1900 г.)⁴⁵, «Внутреннее обозрение» (1901 г.)⁴⁶, в брошюре «К деревенской бедноте» (1903 г.)⁴⁷, в работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» (1908 г.)⁴⁸.

Представляют интерес статистические данные о бюджетах крестьянских хозяйств в Германии, проанализированные В. И. Лениным в исследовании «Аграрный вопрос и „критики Маркса“» (1901—1907 гг.). Эта работа была направлена против ревизионистских тенденций по аграрному вопросу, нашедших наиболее яркое выражение в трудах буржуазных и мелкобуржуазных идеологов Э. Давида и Ф. О. Герца на Западе и С. Булгакова (в 1890-е годы был «легальным марксистом») и В. М. Чернова (одного из лидеров и идеологов партии эсеров) в России. Авторы этих трудов выступили против марксистского понимания процесса развития капитализма в сельском хозяйстве, утверждая, что в земледелии в противоположность промышленности не действует закон концентрации капитала, не происходит классовое расслоение, отсутствует классовая борьба. Они писали об «устойчивости» мелкого крестьянского хозяйства, его преимуществами по сравнению с крупным хозяйством, используя с этими целями

⁴⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 161.

⁴¹ См. там же, стр. 157—158.

⁴² Там же, стр. 274; ср. «Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии», вып. V. «Крестьянское хозяйство в С.-Петербургском уезде», ч. 2. «Очерк крестьянского хозяйства». СПб., 1887, прилож. III. «Сбыт молочных продуктов в Коркиномьянской и Кюляятской волостях», стр. 314—315.

⁴³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 372, 373; ср. «Труды...», вып. III, стр. 114—119.

⁴⁴ См., например, В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 302 (данные о расходах на овощи на душу населения).

⁴⁵ Там же, стр. 623—627 (о доле расходов на подати в общих денежных расходах). Статья является ответом на рецензию «легального марксиста» П. Скворцова на книгу В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» (П. Скворцов. Товарный фетишизм.— «Научное обозрение», 1899, № 12; о бюджетах и податях см. у Скворцова на стр. 2289—2292).

⁴⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 301—302 (о потреблении хлеба).

⁴⁷ Там же, т. 7, стр. 155 (данные о расходах однолошадных и богатых крестьян на хозяйство).

⁴⁸ Там же, т. 17, стр. 97—98, 114—115, 119—120 (данные о доходах и расходах в «средних» цифрах и по группам крестьянских хозяйств).

подтасованные статистические данные о положении немецкого крестьянства, в частности данные о крестьянских бюджетах.

Ф. О. Герц, используя общие данные так называемой баденской анкеты о бюджетах крестьянских хозяйств (без разделения их на экономические типы), пишет, что эти данные нигде на всем протяжении трех томов анкеты не дают права делать выводы о «недоедании», о «грязной униженной нужде» и т. д. Автор приводит ряд примеров, которые должны, по его мнению, обосновать мысль об устойчивости мелких крестьянских хозяйств, их высокой производительности, высоком жизненном уровне их владельцев и т. д. Из сочинения М. Гехта «Три деревни Баденского Гарда» Ф. Герц выписывает данные о высокой урожайности пшеницы, ржи, ячменя и особенно картофеля, восхищается «виртуозностью», «художественностью» «гардского крестьянина» в этой области сельскохозяйственного производства (выведение различных сортов картофеля)⁴⁹. Из этих и других данных Ф. О. Герц делает общий вывод, «что, вообще говоря, среднее и мелкое производство держится гораздо крепче, нежели крупное. Ни в каком случае не имеет здесь последнее такого превосходства, какое оно имеет в фабрично-заводской промышленности». Если техническое превосходство бывает на стороне крупного земледелия, то основное, экономическое, превосходство, по его мнению, «бывает по большей части на стороне мелкого производства, которое в состоянии обходиться без ренты и с меньшими процентами прибыли... и которому работа обходится дешевле, нежели крупному производству... мелкое (производство.— В. Б.) берет также интенсивностью рабочей силы и т. д. и т. д.»; кроме того, на стороне мелкого производства находится и «естественное превосходство», так как «во всех отраслях сельского хозяйства больший или меньший результат зависит гораздо более от природы, нежели от формы производства»⁵⁰.

В. М. Чернов, приводя подробные выдержки из упомянутого исследования М. Гехта, восхищается уровнем жизни баденских крестьян, говорит, что данные этого автора свидетельствуют о большей производительности мелких хозяйств сравнительно с крупными, жизненности мелкого и среднего крестьянства, повышении благосостояния мелких крестьян⁵¹.

В одной из своих работ этого периода В. М. Чернов выступает с ревизионистской формулой: «Интересы *народа*, как совокупности трудящихся классов»⁵².

В. И. Ленин сделал подробные выписки из работ Ф. О. Герца, В. М. Чернова, отметив в них противоречия и явную фальсификацию данных. Например, по поводу книги Ф. Герца он замечает: «Хар[актерная] постан[овка] в[опроса] (неистор[ичность], расплывч[атость], ух[одит] в частности)»; относительно анализа бюджетных данных: «...*rohe Methode* (грубый метод.— В. Б.) — просто сравн[ивает] вал[овые] д[о]х[оды]» и др.⁵³ В. И. Ленин сделал также конспект книги М. Гехта, на основе переработки данных которой была написана глава «Процветание передовых современных мелких хозяйств. Пример Бадена» работы «Аграрный вопрос и „критики Маркса“». В. И. Ленин, рассмотрев данные Гехта, показал, что и сам М. Гехт, и Ф. О. Герц, и другие «прикрашивают действительность... выдавая про-

⁴⁹ Ф. О. Герц. Аграрные вопросы в связи с социализмом. М., 1901, стр. 162—164, 169, 188—190.

⁵⁰ Там же, стр. 193—195.

⁵¹ В. М. Чернов. Типы капиталистической и аграрной эволюции.— «Русское богатство», № 8. СПб., 1900, стр. 206—209; см. также стр. 204.

⁵² В. М. Чернов. Крестьянин и рабочий, как категории хозяйственного строя.— «На славном посту (1860—1900)». Литературный сборник, посвященный Н. К. Михайловскому, ч. II, б/м, [1900], стр. 157—197.

⁵³ «Ленинский сборник», т. XIX. М., 1932, стр. 135, 141; см. также «Материалы к критике аграрных воззрений В. Чернова».— Там же, стр. 147—161.

цветание буржуазного меньшинства за общий прогресс и замазывая пролетаризацию большинства...»⁵⁴

В. И. Ленин, анализируя те же данные о бюджетах немецких крестьян, полностью разбил утверждения ревизионистов об «устойчивости», «процветании» мелкого крестьянства. Фальсификация реальной действительности, указывает В. И. Ленин, тесно связана у Герца «с тем приемом, который особенно культивировали русские народники, а теперь подхватывают все и всяческие „критики“ в аграрном вопросе,— с огульными отзывами о „крестьянстве“». А так как на Западе понятие „крестьянства“ еще более неопределенно, чем у нас (нет резкого сословного признака), и так как „средние“ отзывы и выводы прикрывают сравнительное „благосостояние“ (или хотя бы неголодание) меньшинства и обездоливание большинства, то поприще здесь для всяких апологетов открывается необъятное»⁵⁵.

Баденская анкета⁵⁶, которая дает возможность различить отдельные группы крестьянства, представляет собой ряд монографий о 37 типичных общинах, в которых приводятся, по словам В. И. Ленина, «подробнейшие, *детальнейшие*, невероятно детальные, бюджеты» 70 особо подробно описанных хозяйств; 31 из них принадлежит к крупным, 21 — к средним и 18 — к мелким хозяйствам⁵⁷.

В. И. Ленин делал выписки из баденской анкеты, данные о 70 бюджетах были им собраны в особой «записной книжке», которая, к сожалению, не сохранилась. Для своей работы «Аграрный вопрос и „критики Маркса“» он использовал не трехтомную анкету, в которой описанию каждой из 37 общин посвящался отдельный выпуск, а статистическую таблицу под названием «Наглядное изложение результатов исчисления доходов, сделанного в обследованных общинах», помещенную в приложении к «Результатам исследования положения сельского хозяйства в великом герцогстве Баденском»⁵⁸. В. И. Ленин отмечает, что в «Результатах» допущена «огульность выводов» о положении немецкого крестьянина, так как различные его группы (крупные, средние и мелкие) «*не разделены* нигде систематически и в итогах..., везде говорится „вообще“, напр., даже по поводу потребления. Сопоставляются общины, а не крупные, средние и мелкие предприятия.— В. Б.»⁵⁹.

В. И. Ленин сделал ряд выписок из текстового описания «Результатов» о распределении земельной площади, побочных заработков, кредитоспособности и задолженности в крестьянских хозяйствах Бадена⁶⁰, которые были также использованы в его работе.

В. И. Ленин приводит «главные результаты» обработки данных статистической таблицы из «Результатов», они распределены по трем группам: Grossbauer'ов, Mittelbauer'ов и Kleinbauer'ов (крупных, средних и мелких крестьян). Размер землевладения богатых хозяев равняется 33,34 га в среднем на одно хозяйство, средних — 13,5 га, бедных — 6,96 га, т. е. землевладение бедных почти в пять раз меньше по сравнению с богатыми крестьянами. На одно крупное хозяйство приходится 619,9 марок прибыли, на одно бедное хозяйство — 35,3 марки, т. е. в 17,5 раз меньше. «Мелкий крестьянин, следовательно, — говорит В. И. Ленин, — в буквальном смысле слова *едва-едва сводит концы с концами, и это только благодаря сокращению потребления*». В подтверждение этой мысли В. И. Ленин приводит расчеты о количестве потребляемых в каждой из этих групп продуктов.

⁵⁴ «Ленинский сборник», т. XXXI. М., 1938, стр. 50—67; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 156—165.

⁵⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 180.

⁵⁶ «Erhebungen über die Lage der Landwirtschaft im Grossherzogthum Baden», Bd. 1—3. Karlsruhe, 1883. Ergebnisse der Erhebungen über die Lage... Karlsruhe, 1884.

⁵⁷ «Ленинский сборник», т. XIX, стр. 180—183.

⁵⁸ См. «Ленинский сборник», т. XIX, стр. 184—185.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же, стр. 184—191.

Оказывается, что в группе крупных хозяйств на одного человека в день потребляется 138 г. мяса, у бедных — 72 г.; по картофелю же соотношение меняется (соответственно 1,82 фунта и 1,94 фунта в день). На одежду в первой группе тратится в среднем 66 марок в год на человека, во второй (бедной) — 38 марок⁶¹.

Из всех этих данных В. И. Ленин делает вывод, что «капиталистическая эволюция настолько сблизила уже *общий* экономический строй» стран Западной Европы, а также России и Запада, «что *основные черты* экономики крестьянского хозяйства в Германии оказываются те же, что и в России»; в последней этот процесс разложения крестьянства находится в начальной стадии развития, не отлившись еще в более или менее законченные формы. На Западе этот процесс давно уже привел к уничтожению словесной грани между крестьянским и «частновладельческим» хозяйством и к образованию класса сельскохозяйственных наемных рабочих; тем не менее этот процесс расслоения, пролетаризации крестьянства продолжается. Разорению бедного крестьянства предшествует «отчаянная борьба за свою экономическую самостоятельность». Неизбежным результатом борьбы является выделение меньшинства зажиточных хозяев и все большее нищание большинства, «образование меньшинства *капиталистических*, основанных на наемном труде, хозяйств и растущая необходимость для большинства искать «сторонних заработков», т. е. превращаться в промышленных и земледельческих наемных рабочих». Буржуазные экономисты и всякого рода оппортунисты, говорит В. И. Ленин, «не могут не чураться этой стороны дела», т. к. признание противоречий капитализма в сельском хозяйстве приводит к признанию безысходности и безнадежности положения мелкого крестьянства «вне революционной борьбы пролетариата против всего капиталистического строя»⁶².

В заключение подведем некоторые итоги вышеизложенному. В работах народников, буржуазных и мелкобуржуазных идеологов на Западе и в России бюджетные данные использовались с целью затушевания и прямого отрицания классового расслоения и тем самым необходимости классовой борьбы крестьянства. Отсюда идут употребление «средних цифр», огульные отзывы о крестьянстве «вообще» без разделения его на экономические типы, группы. В использованных ими различных статистических изданиях и исследованиях подобные группировки данных отсутствовали или не давали возможности для правильного суждения по исследуемому вопросу.

Методы использования и обработки бюджетных данных в работах В. И. Ленина носят принципиально новый характер. В основном он использовал земско-статистические данные о крестьянских бюджетах Таврической и особенно Воронежской губерний, а также некоторые данные о бюджетах крестьян и кустарей Московской, Петербургской и Нижегородской губерний.

Для исследования положения крестьянства на Западе В. И. Ленин привлек бюджетные данные о баденском крестьянстве (правительственная баденская сельскохозяйственная анкета).

Как правило, в использованных Лениным изданиях статистические сведения о крестьянских бюджетах не были распределены по экономическим типам или же эти последние страдали неясностью и дробностью. В. И. Ленин иногда заимствовал предложенные автором группировки (например, из книги В. Е. Постникова), но чаще он производил перегруппировки (например, вместо девяти группировок Ф. Щербины в сборнике по Острогскому уезду Воронежской губернии ввел три группировки: бедная, средняя и зажиточная группы), вводил свои группировки (например, шесть групп по рабочему скоту при анализе бюджетных данных по четырем уездам

⁶¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 180—182.

⁶² Там же, стр. 187—188.

Воронежской губернии; затем эти шесть групп сводились к тем же трем основным группам; данные баденской анкеты также распределены по трем группам).

При отнесении крестьянских хозяйств к той или иной группе В. И. Ленин исходил из данных своего источника, учитывая его показания о степени экономической мощи отдельных хозяйств в их совокупности и взаимосвязи. Во многих случаях В. И. Ленин объединяет ряд таблиц своего источника в одну, пересчитывает статистические данные в соответствии с новой принятой им группировкой, уменьшая при этом число показателей в таблицах (44 показателя вместо 143 в острогожском сборнике). Отбрасывая «средние цифры» о крестьянстве вообще, В. И. Ленин широко применяет средние данные в пределах установленных групп, типов крестьянских хозяйств. Сравнивая бюджетные данные с данными поуездных подворных переписей, В. И. Ленин показывает, что бюджетные показатели дают убедительный материал для суждений о жизненном уровне, положении различных групп русского крестьянства. Недаром В. И. Ленин в ряде последующих работ по аграрной истории России использует данные воронежской бюджетной статистики.

Анализ русских и немецких бюджетных данных, убедительные приемы обработки, препарирования соответствующих статистических сборников явились основой для ленинских выводов о расслоении крестьянства, образовании сельской буржуазии и пролетариата, однородности экономического строя в сельском хозяйстве России и стран Запада. Экономический анализ статистического материала приводит В. И. Ленина к политическому выводу о необходимости революционной борьбы беднейшего крестьянства в рамках революционной борьбы пролетариата против капиталистической эксплуатации. С помощью новаторских методов обработки статистических источников В. И. Ленин разбил антинаучные фальсификации народников, различного рода оппортунистов.

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

Т. В. Батаева

ИЗДАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ О РАБОЧЕМ КЛАССЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА ЗА 50 ЛЕТ (1917—1967 гг.)

История рабочего класса советского общества занимает одно из ведущих мест в отечественной историографии. За 50 лет в нашей стране в результате большого труда археографов создана значительная библиотека изданий документов, отражающих различные аспекты деятельности рабочего класса СССР советского периода. Эти издания содействовали пропаганде и познанию опыта передового отряда международного рабочего движения, неизбежно оказывая воздействие на разработку проблем истории советского рабочего класса с 1917 г. по настоящее время.

Несмотря на очевидное значение изданных сборников документов, они не явились предметом специального освещения в нашей литературе. Сведения об отдельных изданиях или группах изданий можно встретить в работах, посвященных советской археографии в целом¹, либо публикациям по отдельному периоду², либо по конкретному вопросу³. Авторы этих работ не имели цели дать обобщенную характеристику изданий по рассматриваемой теме. Настоящая работа посвящена осуществлению этой задачи, насколько это окажется возможным в пределах данной статьи.

Первым историографом истории советского рабочего класса и методологом ее был В. И. Ленин. Изданию произведений В. И. Ленина уделялось и уделяется в нашей стране большое внимание⁴. Не ставя здесь задачу дать обзор изданий сочинений В. И. Ленина, относящихся к истории рабочего класса советского общества, что должно быть объектом особого рассмотрения, отметим, что археографами нашей страны внесен существенный вклад в Лениниану. В настоящее время имеется высоконаучное 5-е издание сочинений — Полное собрание сочинений, пользование которым облегчено справочным томом⁵. Представляет интерес для исследователя издание Ленинских сборников, раскрывающих процесс творчества В. И. Ленина⁶. Имеются тематические сборники произведений В. И. Ленина, пере-

¹ С. Н. Валк. Советская археография. М., 1948, стр. 256—289; А. А. Новосельский, В. И. Шунков. Издание исторических источников в СССР. — «Исторический архив», 1956, № 2, стр. 192—204; М. С. Селезнев. О публикации документальных материалов по истории советского общества. — «Вопросы истории», 1958, № 6, стр. 86—95; А. А. Новосельский, В. А. Кондратьев. О публикации исторических источников в СССР за 40 лет. — «История СССР», 1958, № 3, стр. 204—219.

² Т. В. Ивницкая. Публикации документов по истории рабочего класса СССР (1918—1920 гг.). М., 1960.

³ В. А. Кондратьев, М. С. Селезнев. Документальные сборники о рабочем контроле и национализации промышленности. — «Исторический архив», 1956, № 5, стр. 227—232; Л. С. Рогачевская. Документальные сборники о коллективах и ударниках коммунистического труда. — «Вопросы истории», 1965, № 3, стр. 126—131.

⁴ Об этом см.: «Издание и распространение произведений В. И. Ленина». Сб. статей и материалов. М., 1960.

⁵ Алфавитный указатель произведений, вошедших в Полное собрание сочинений В. И. Ленина. Предметный указатель к новым произведениям В. И. Ленина, включенным в Полное собрание сочинений. М., 1966.

⁶ «Ленинские сборники», 1—XXXVI. М., 1924—1959. Имеются указатели: «Указа-

печатанных из Собраний сочинений: «Ленин о производительности труда»⁷, «Ленин о профсоюзах» и др.⁸ В них собраны основные труды, относящиеся непосредственно к истории деятельности советского рабочего класса: о новых формах классовой борьбы в условиях победившей диктатуры пролетариата, о руководящей роли партии и о месте в новом обществе самой массовой рабочей организации — профессиональных союзов, о задачах рабочего класса по социалистическому строительству.

Особое место в изучении истории рабочего класса СССР занимают публикации руководящих материалов партии и правительства, в которых конкретизировалась ленинская теория, определялась стратегия и тактика партии. Ценные источники представляют для исследователя издания протоколов и стенографических отчетов съездов и конференций КПСС и сборник «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1960)» (ч. 1—4. М., 1954—1960). Переиздание протоколов и стенографических отчетов съездов и конференций РКП(б) — ВКП(б) было предпринято в 20-е годы истпартами, в 30-е годы Институтом Маркса—Энгельса—Ленина, выпускавшим серию «Протоколы съездов и конференций ВКП(б)»⁹. Из материалов, относящихся к истории советского периода, в это время были изданы протоколы XI съезда РКП(б) и 10-й Всероссийской конференции РКП(б)¹⁰. С 1958 г. по настоящее время Институтом марксизма-ленинизма в серии «Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций КПСС» были изданы протоколы ЦК РСДРП(б) между VI и VII съездами и переизданы протоколы VIII и IX съездов, 8-й конференции РКП(б) и стенографические отчеты VII, X, XI, XII, XIII, XV съездов и 16-й конференции¹¹. Переиздания выгодно отличаются от первых публикаций; в них проведено уточнение текстов. Остались непереизданными стенографические отчеты XIV, XVI и последующих съездов¹². Первые издания многих из них стали библиографической редкостью.

Для историка советского рабочего класса значительный интерес представляют тематические издания партийных директив по народному хозяйству. Начиная с 1928 г., когда вышла в свет публикация постановлений партии по хозяйственной политике¹³, предпринимались все новые изда-

тель к Ленинским сборникам I—VII». М., 1928; «Указатель к Ленинским сборникам I—XX». М., 1933; статьи о XXXVI Ленинском сборнике: А. В. Овчаров, В. Н. Степанов, В. М. Устинов. Новые документы В. И. Ленина. К выходу в свет XXXVI Ленинского сборника.— «Вопросы истории КПСС», 1959, № 6, стр. 191—197; И. И. Корнева. О методике публикации документов в новом Ленинском сборнике.— «Труды Моск. гос. историко-архивного ин-та», т. 15. М., 1962, стр. 95—112.

⁷ В. И. Ленин. О производительности труда. М., 1956.

⁸ В. И. Ленин. О профсоюзах. 1895—1923. М., 1957; В. И. Ленин. О питерских рабочих. Л., 1960; В. И. Ленин. О союзе рабочего класса и крестьянства. М., 1954; В. И. Ленин. О развитии тяжелой промышленности и электрификации страны. М., 1956.

⁹ Подробнее см.: К. Сидоров. О серии новых изданий протоколов съездов и конференций ВКП(б).— «Пролетарская революция», 1934, № 4, стр. 130—132.

¹⁰ «Одиннадцатый съезд РКП(б). Март — апрель 1922 г.» М., 1936; «Протоколы десятой Всероссийской конференции РКП(б). 1921». М., 1933.

¹¹ «Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917—февраль 1918 г.» М., 1958; «Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г.» Протоколы. М., 1959; «Девятый съезд РКП(б). Март — апрель 1920 г.» Протоколы. М., 1960; «Восьмая конференция РКП(б). Декабрь 1919 г.» Протоколы. М., 1964; «Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 г.» Стенографический отчет. М., 1963; «Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г.» Стенографический отчет. М., 1963; «Одиннадцатый съезд РКП(б). Март — апрель 1922 г.» Стенографический отчет. М., 1964; «Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 г.» Стенографический отчет. М., 1963; «Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 г.» Стенографический отчет, ч. 1—2. М., 1961—1962; «Шестнадцатая конференция ВКП(б). Апрель 1929 г.» Стенографический отчет. М., 1962; «Двенадцатый съезд РКП(б). 17—25 апреля 1923 г.» Стенографический отчет. М., 1968.

¹² «Четырнадцатый съезд ВКП(б). 18—31 декабря 1925 г.» Стенографический отчет. М.—Л., 1926.

¹³ М. Савельев. Директивы ВКП(б) в области хозяйственной политики за десять лет (1917—1927 гг.). М.—Л., 1928.

ния: в 1931 г. «Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам», подготовленные к печати М. Савельевым и А. Поскребышевым, в 1957—1958 гг. «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», т. I—IV. Первоначальный принцип отбора документов только партийного происхождения (в сборниках 1928 и 1931 гг.) претерпел в последнем издании изменение. В многотомник включены основные директивы высших органов партии, а также законодательные, правительственные акты Советского государства за 1917—1957 гг. В первые сборники включались документы только с марта 1919 г. (с VIII съезда партии). Следовательно, последнее издание имеет более широкий хронологический диапазон и содержит разнообразные источники директивного характера. В многотомном сборнике перечислены директивы, относящиеся ко всем периодам истории советского рабочего класса и ко всем основным вопросам — о труде и заработной плате, о рабочем дне и состоянии рабочей силы, о рабочем контроле и национализации промышленности, о коммунистических субботниках и социальном соревновании, производительности труда и трудовой дисциплине и др.

Справочное значение имеет тематический сборник материалов «КПСС о профсоюзах»¹⁴, куда вошли извлечения из программ и устава партии, резолюции и постановления съездов, конференций, пленумов о задачах профсоюзов на различных этапах борьбы партии и рабочего класса за победу коммунизма в нашей стране.

Законодательные акты Советского правительства о рабочем классе, как и все другие, публиковались вначале в центральных газетах: «Газете Временного Рабочего и Крестьянского правительства», «Известиях», «Правде» и других, затем в «Собрании узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР»¹⁵ и позднее в «Собрании законов Советского правительства». Из первых кодификационных изданий большое значение для разработки истории рабочего класса имеет «Кодекс законов о труде», утвержденный ВЦИК 4 ноября 1918 г. и опубликованный 10 декабря 1918 г.¹⁶ Это ценнейший источник, раскрывающий итоги коренных преобразований в области труда за первый год социалистической революции. Он отразил особенности регулирования труда в обстановке гражданской войны, когда трудовая повинность была основной формой привлечения к труду. Следующий «Кодекс законов о труде», принятый 4-й сессией ВЦИК 9-го созыва 30 октября 1922 г.¹⁷, показывает дальнейшие изменения в области труда в новых исторических условиях. Этот кодекс был распространен на все союзные социалистические республики, а после образования СССР союзные республики издали свои кодексы, сходные с кодексом законов о труде РСФСР. Последующие изменения регулирования труда находили отражение в действующих кодексах¹⁸.

На основе первых отдельных публикаций декретов и постановлений были подготовлены сборники законодательных актов. Одной из крупных систематических публикаций первых лет было трехтомное издание ВСНХ «Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству»¹⁹. В нем

¹⁴ «КПСС о профсоюзах». Изд. 3. М., 1957.

¹⁵ М. С. Селезнев. О публикации законодательных актов Советского правительства в 1917—1920 годах.— «Археографический ежегодник за 1961 год». М., 1962, стр. 126—144.

¹⁶ «Кодекс законов о труде 1918 г.» — СУ РСФСР, 1918 г., № 87, 88, ст. 905; «Известия ЦИК», 25, 28 и 31 декабря 1918 г.

¹⁷ СУ РСФСР, 1922 г., № 70, ст. 903. «Кодекс законов о труде 1922 г.» выдержал множество изданий, в 1928 г. вошло 19-е издание.

¹⁸ «Кодекс законов о труде». М., 1933; 1934; 1935; 1936 и т. д.

¹⁹ «Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству», вып. 1. 25 октября 1917 г.— 26 октября 1918 г. М., 1918; вып. 2. 25 октября 1918 г.— 15 марта 1919 г. М., 1920; вып. 3. 15 марта 1919 г.— 1 сентября 1919 г. М., 1921. Об издании в целом см.: М. С. Селезнев. О публикации законодательных актов Советского правительства в 1917—1920 годах, стр. 131—134.

собран законодательный материал по организации и способам управления народным хозяйством, по его регулированию и в том числе по труду как основному фактору народного хозяйства (материалы по труду выделены в самостоятельные разделы). Это богатейшее собрание законодательных актов о рабочем классе. Здесь раскрываются вопросы о распределении рабочей силы, биржах труда, коллективных договорах, трудовой дисциплине, вознаграждении за труд, социальном обеспечении и здравоохранении и другие за период с 25 октября 1917 г. по 1 сентября 1919 г. В качестве источников для публикации взяты тексты первого опубликования в газетах. По возможности была проведена сверка опубликованных текстов с первоисточниками. Как было отмечено редакцией, в ряде случаев при первом опубликовании законодательные акты издавались не в том виде, в каком они были утверждены²⁰. Следовательно, большая точность изданных в сборнике текстов — это тоже несомненное достоинство трехтомника. Однако деятельность редакции при публикации 1-го выпуска была затруднена утратой части документов (до апреля 1918 г.) при эвакуации ВСНХ из Петрограда в Москву. Несмотря на трудности периода, издание ВСНХ подготовлено на должном научном уровне, оно имеет предисловия, примечания и алфавитно-предметные указатели в каждом выпуске.

В практических целях в 1921 г. был издан другой тематический сборник, посвященный более узкому кругу вопросов — социальному обеспечению трудящихся. В небольшом «Сборнике декретов, постановлений, циркуляров и распоряжений по социальному обеспечению», подготовленном Наркоматом социального обеспечения, помещены законодательные акты с апреля 1918 г. по декабрь 1920 г. об осуществлении Советским государством гуманной политики сохранения здоровья и улучшения материально-го состояния трудящихся. Для истории рабочего класса представляют интерес акты, опубликованные в разделах «Социальное обеспечение трудящихся» и «Социальное обеспечение красноармейцев и их семей». Сюда вошли: положение о социальном обеспечении трудящихся 31 октября 1918 г., подписанное В. И. Лениным и наркоматами социального обеспечения и труда²¹, постановления также за подписью В. И. Ленина о сохранении за добровольцами-рабочими, отправляющимися на фронт и в продовольственные отряды, их мест и среднего заработка, о распространении этого постановления на агитаторов, добровольно отправляющихся на фронт, о признании добровольцами рабочих и служащих, призванных в Красную Армию по постановлениям партии коммунистов, профсоюзов и волисполкомов²², и многие другие акты, созданные ВЦИК, СНК, РВС, Советом Рабочей и Крестьянской Обороны, Главным комитетом по всеобщей трудовой повинности.

Тексты документов перепечатаны из СУ и «Известий». Сборник неполон, поскольку опущен начальный период с октября 1917 г. по март 1918 г. Значение опубликованных здесь текстов для научного исследования невелико. Законодательные акты были изданы для практического использования, вследствие чего составители внесли изменения в первоначальный текст — статьи, утратившие силу и измененные другими декретами, были исключены, вместо них давались статьи декретов, имевшие силу. Этот сборник при сравнении с рассмотренным выше изданием ВСНХ значительно проигрывает. В издании ВСНХ текст источника приводится полностью, а о последующих изменениях сообщается в примечаниях²³. Следует также

²⁰ «Сборник декретов и постановлений по народному хозяйству», вып. 1. 25 октября 1917 г. — 26 октября 1918 г., стр. VII.

²¹ «Сборник декретов, постановлений, циркуляров и распоряжений по социальному обеспечению». М., 1921, стр. 9—14.

²² Там же, стр. 28—29.

²³ Ср., например, как передан текст Положения о социальном обеспечении трудящихся 31 октября 1918 г. в «Сборнике декретов и постановлений по народному хозяйству» (вып. 2, стр. 288—290) и в «Сборнике декретов, постановлений, циркуляров и распоряжений по социальному обеспечению» (стр. 13—15).

учесть, что издание ВСНХ за освещаемый им период поглощает сборник Наркомата социального обеспечения. В сборнике ВСНХ нет только тех актов, которые выходят за его хронологические рамки: 3-й его выпуск заканчивается сентябрем 1919 г., а сборник по социальному обеспечению — декабрем 1920 г. Следовательно, до сентября 1919 г. целесообразно пользоваться изданием ВСНХ.

Следующий сборник законодательных актов отличается от рассмотренных иным назначением и задачами. В 1933 г. ИМЭЛ в целях исторического исследования издал сборник «Декреты Октябрьской революции»²⁴. Его составитель С. Н. Валк включил в издание правительственные акты, подписанные или утвержденные В. И. Лениным с 25 октября 1917 г. по 6 января 1918 г. В издании давался не только окончательный текст декретов, но и сохранившиеся рукописи для того, чтобы показать историю составления актов и участие в их подготовке В. И. Ленина. В этом издании опубликованы законодательные материалы, имеющие непосредственное отношение к истории рабочего класса: положение о рабочем контроле 14 ноября 1917 г., обращение «Ко всем товарищам рабочим России» в связи с демобилизацией промышленности от 9 сентября 1917 г., декреты о страховании, оплате труда и 8-часовом рабочем дне железнодорожников, о конфискации заводов и мастерских и др.²⁵ В настоящее время этот небольшой сборник поглощен многотомным изданием ИМЛ и Института истории АН СССР «Декреты Советской власти»²⁶, включающим все законодательные акты Советской власти, созданные с 25 октября 1917 г. по 9 ноября 1918 г. Это издание научного типа. В основу его положены опубликованные тексты актов. Вместе с тем, как и в сборнике 1933 г., здесь использованы архивные материалы. Ряд документов печатается впервые. Предметный указатель сборника содержит такие рубрики, как рабочий класс, рабочий день, рабочий контроль, профессиональные союзы, национализация предприятий и другие, которые помогают отыскивать декреты, относящиеся к истории советского рабочего класса.

В 1940 г. был выпущен «Сборник декретов и постановлений Советской власти по народному хозяйству. 1917—1919». Его издание было предпринято в учебных целях кафедрой политэкономии Военно-политической Академии РККА им. В. И. Ленина. В сборнике перепечатаны законодательные акты Советского правительства в основном из упомянутого выше «Сборника декретов и постановлений по народному хозяйству» ВСНХ. Причем он небольшой по объему и документы в нем опубликованы неполностью. Самостоятельного значения для научного использования сборник не имеет.

Таким образом, в нашем распоряжении имеется несколько ценных научных изданий, облегчающих изучение партийно-правительственных материалов, относящихся к истории советского рабочего класса. Нельзя не заметить, что издавна преимущественно законодательные акты первых лет Советской власти, последующие годы пока в научных публикациях не представлены.

Источники статистического характера не явились предметом работы археографов. В распоряжении исследователя имеются лишь официальные издания — сборники материалов государственной статистики, издаваемые

²⁴ «Декреты Октябрьской революции. (Правительственные акты, подписанные или утвержденные Лениным как председателем Совнаркома)», т. I. «От Октябрьского переворота до роспуска Учредительного собрания». М., 1933.

²⁵ Там же, док. 21, 48, 50, 87, 136, 139, 150, 151, 154, 155, 195, 196, 197, 201—205, 212, 228—230.

²⁶ «Декреты Советской власти», т. I. 25 октября 1917 г.— 16 марта 1918 г. М., 1957; т. II. 17 марта — 10 июля 1918 г. М., 1959; т. III. 11 июля — 9 ноября 1918 г. М., 1964. О сборнике см.: О. В. Мартынов. Декреты Советской власти.— «Вестник АН СССР», 1960, № 10, стр. 116—117; М. С. Селезнев. Законодательные акты начального периода развития Советского государства.— «Информационный бюллетень ГАУ МВД СССР», 1958, № 7, стр. 103—105.

ЦСУ. Статистические сборники и труды ЦСУ, выпущенные в первые годы Советской власти, его периодические издания «Вестник статистики», «Бюллетень ЦСУ» и материалы переписей дают ценнейшие сведения о народном хозяйстве, промышленности и труде, о численности и составе рабочего класса, его культурно-техническом уровне и материальном положении.

Документальные публикации, раскрывающие деятельность рабочих Советской страны, освещают следующие периоды истории рабочего класса: 1) первые годы Советской власти после победы Великой Октябрьской социалистической революции (1918—1920 гг.); 2) период восстановления промышленности (1921—1925 гг.); 3) годы построения социализма (1926—1941 гг.); 4) период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.); 5) послевоенный период (1946—1967 гг.).

Внутри каждого периода принята тематическая группировка публикаций. В тех немногочисленных случаях, когда документальное издание выходит за рамки принятой систематизации, охватывает многие периоды и многие темы, например «Профсоюзы СССР» в 4-х томах, оно рассматривается при первом упоминании.

Ввиду обилия изданий многие из них, посвященные более широким темам, даются только в групповой характеристике. Специальному рассмотрению подвергаются публикации, непосредственно посвященные истории рабочего класса.

Издания исторических документов рассказывают о первых шагах деятельности рабочего класса в условиях победившей диктатуры пролетариата. Это и первые социалистические преобразования, рабочий контроль и национализация промышленности, борьба за трудовую дисциплину и повышение производительности труда, коммунистические субботники, участие в создании вооруженных сил страны и отпоре интервенции и внутренней контрреволюции, осуществление продовольственной диктатуры.

Вместе с тем имеются издания более широкого плана, освещающие и вопросы участия рабочего класса в политическом управлении страной, и вопросы состава и численности рабочего класса и его профсоюзных организаций. Таким изданием является сборник «Рабочий класс Советской России в первый год диктатуры пролетариата» (М., 1964), подготовленный совместно Институтом истории АН СССР, ЦГАНХ СССР, Московским и Ленинградским областными архивами Октябрьской революции.

Сборник основан на большом круге архивных источников центральных и ряда местных архивов, широко использована в нем периодика 1918 года и издания ЦСУ. В него вошли документы, созданные, в основном, самими рабочими и их низовыми организациями — заводскими рабочими собраниями, фабрично-заводскими комитетами и профсоюзами, центральными комитетами, областными и районными конференциями. Представлены обобщенные данные Наркомтруда, Наркомпрода. Деятельность рабочего класса в 1918 г. раскрывается в сборнике многопланово: публикуются отклики на важнейшие события (на Брестский договор, мятеж левых эсеров, покушение на В. И. Ленина, революцию в Германии и др.); освещен рост партийных организаций на фабриках и заводах; отражены такие вопросы, как участие рабочего класса в управлении промышленностью, борьба за трудовую дисциплину и производительность труда, борьба за хлеб, деятельность в области культуры. В этом издании публикуются документы, отражающие материальное положение рабочих. Материалы статистического характера позволяют судить и о составе рабочего класса. К достоинствам сборника следует отнести то, что его составители избежали, в основном, повторной перепечатки документов по темам, освещаемым ранее в публикациях (о рабочем контроле, борьбе за трудовую дисциплину и производительность труда, борьбе за хлеб и др.). Ценны примечания с количественной характеристикой документов, аналогичных публикуемым, но не вошедших в издание. Вместе с тем заметны и недостатки,

вызванные, на наш взгляд, не вполне систематическим и полным выявлением источников. Особое внимание уделено составителями деятельности текстильщиков в ущерб другим отрядам рабочих. В сборнике не представлена деятельность таких крупных отрядов рабочего класса, как горняков, швейников, рабочих железнодорожного и речного транспорта, строителей, хотя документальные материалы о них не менее богаты и значение их в общей борьбе рабочего класса ничуть не меньше. Почти не показана солидарность с рабочими других стран.

Сборник документов и материалов в четырех томах «Профсоюзы СССР» подготовлен Высшей школой профдвижения, центральным архивом ВЦСПС с участием Московского историко-архивного института. Он охватывает почти 60 лет деятельности профсоюзов. К советскому периоду деятельности относятся второй — четвертый тома²⁷. Сборник является научно-популярным изданием, основанным на документах профсоюзов, как опубликованных ранее, так и впервые издаваемых. Опубликованные документы отражают участие профсоюзов в создании и упрочении Советского государства, в осуществлении ленинского плана строительства основ социалистической экономики, в борьбе за трудовую дисциплину, за осуществление продовольственной диктатуры, роль профсоюзов в построении социализма, в организации и мобилизации сил рабочего класса на завершение строительства социализма и построения коммунизма. В них показана растущая трудовая активность в борьбе за увеличение выпуска военной продукции, укрепление военно-экономической мощи СССР в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны. Сборник освещает организационную работу профсоюзов, их роль в народном хозяйстве, в улучшении материально-бытового и культурного положения рабочих и служащих. Представлена международная деятельность профсоюзов.

Вернемся к рассмотрению публикаций о первом периоде истории советского рабочего класса — 1918—1920 гг.

Самыми ранними по времени выхода в свет были журнальные публикации об участии рабочего класса в вооруженном отпоре иностранной и внутренней контрреволюции. Начало опубликования источников по этой теме было положено Комиссией по изучению истории РКП(б) и Октябрьской революции (Истпартом). В печатном органе Истпарта — журнале «Пролетарская революция» среди документов по истории интервенции и гражданской войны были помещены декларации, принятые рабоче-крестьянскими отрядами Приморской области, и резолюции I съезда трудящихся Ольгинского уезда июня — июля 1919 г.²⁸ В публикации «Партизанщина в Тобольской губернии»²⁹ давались документы белогвардейцев о ходе восстания рабочих в Тюмени 13 марта 1919 г., организованного большевиками.

С середины 20-х годов, когда в журнале Центрархива «Красный архив» были помещены документы по истории интервенции в России³⁰, он становится систематическим публикатором источников по рассматриваемой теме.

²⁷ «Профсоюзы СССР». Документы и материалы в 4-х томах. 1905—1963, т. II. «Профсоюзы в период построения социализма в СССР. Октябрь 1917 г.—1937 г.»; т. III. «Профсоюзы в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму (1937—1952 гг.)»; т. IV. «Профсоюзы в период завершения строительства социализма и начала развернутого строительства коммунизма (1953—1963 гг.)». М., 1963.

²⁸ «Партизанское движение в Приморской области (1918—1920 гг.)». Приложение к статье А. Яременко.— «Пролетарская революция», 1922, № 7, стр. 91—97.

²⁹ «Партизанщина в Тобольской губернии. (Материалы по истории партизанского движения в Сибири при Колчаке)». — «Пролетарская революция», 1923, № 8 (20), стр. 156—221.

³⁰ «Красный архив». Систематический указатель публикаций и статей, № 1—3 (106), 1922—1941 гг., стр. 50—53.

На протяжении всего периода существования журнала (до 1941 г.) в нем был помещен ряд публикаций, непосредственно посвященных борьбе рабочего класса против интервентов.

В публикации «Крым 1918—1919 гг.»³¹ содержатся сводки, доклады, телеграммы осведомительных органов командования «Добровольческой армии» в Крыму, отражающие события всеобщей политической забастовки в марте 1919 г., вооруженного восстания в Михайловке в феврале 1919 г., всеобщей забастовки в Севастополе в марте 1919 г. и отклики на последнюю в Симферополе и Ялте. Документы крайне тенденциозны, но тем не менее по ним можно проследить активную деятельность большевистской партии.

Публикации «Керченские каменоломни»³² и «Из истории французской интервенции в Одессе»³³ также составлены из документов белогвардейцев и освещают положение и действия рабочих на территориях, захваченных белыми. В последней из названных публикаций помещена докладная записка полковника генштаба «Борьба с большевиками в Новороссийском крае», представляющая интерес для выяснения настроения и положения рабочих и всего населения этого района в 1918—1919 гг., об активизации деятельности большевистских организаций, о революционизировании войск интервентов.

В 20-е годы были опубликованы документы о создании Красной Армии³⁴ и воспоминания участников борьбы — рабочих и крестьян Урала, Сибири, Севера и Забайкалья³⁵.

Роль рабочего класса в создании Красной Армии отражают публикации документов, появившиеся с конца 30-х годов³⁶. Подборка документов «Рабочий класс и профсоюзы в создании Красной Армии» была непосредственно посвящена деятельности рабочих. Эта публикация была частью изданного в 1939 г. сборника «Профсоюзы СССР в создании Красной Армии», основанного на документах профорганизаций, хранящихся в Центральном архиве профдвижения и труда (фонды ВЦСПС, ЦК профсоюзов). Кроме того, были использованы документальные материалы ЦГАОР СССР, Московского областного архива Октябрьской революции, ЦГАКА и периодическая печать — центральные и местные газеты. Издание сборника явилось ценной попыткой последовательно отразить участие профсоюзов в организации Красной Армии за период с февраля 1918 г. по 1920 г. Он получил положительную оценку советской общественности³⁷ и выдержал два издания.

Опубликованные в сборнике обращения и постановления ВЦСПС, ЦК профсоюзов и губпрофсоветов, а также многочисленные резолюции рабочих собраний, сведения о ходе формирования отрядов Красной Армии отражают историю создания рабочим классом вооруженных сил как в период формирования добровольческих отрядов, так и в период создания регулярной Красной Армии.

³¹ «Красный архив», 1928, № 28, стр. 66—85, 142—181.

³² Там же, 1931, № 44, стр. 40—84.

³³ Там же, № 45, стр. 53—80.

³⁴ «Гражданская война». Материалы по истории Красной Армии, т. I. М., 1923.

³⁵ «Борьба за Урал и Сибирь». Воспоминания и статьи участников. М., 1926; М. С. Кедров. За Советский Север. Личные воспоминания и материалы о первых этапах гражданской войны в 1918 г.— «Прибой», 1927; «Партизаны». Сб. статей, партизанских и красногвардейских воспоминаний, исторических документов и боевых песен — посвященный трехлетней героической борьбе рабочих и крестьян Забайкалья за власть Советов. Чита, 1929.

³⁶ «Из документов по организации Красной Армии». — «Красный архив», 1937, № 81, стр. 147—152; «К XX годовщине РККА. (Из документов по истории организации Красной Армии)». — «Красный архив», 1938, № 86, стр. 29—55; «Рабочий класс и профсоюзы в создании Красной Армии». — «Красный архив», 1939, № 86, стр. 56—92.

³⁷ См. рецензии на сборник: «Книга и революция», 1939, № 7—8, рец. Н. Фирсонов; там же, 1940, № 10—11, рец. С. Блюменталь; «Труд», 14 мая 1939 г., рец. И. Гофман и О. Шекуи; «Красный Крым», 11 августа 1940 г., рец. В. Руль.

Однако ввиду небольшого объема и научно-популярного характера издания роль рабочих организаций в создании вооруженных сил страны освещена в нем неполно. Не показаны в сборнике итоги осуществления мобилизаций. Недостаточно использована отчетная документация ВЦСПС.

Этот сборник восполняет публикация ЦАОР «Петроградские рабочие в борьбе с Юденичем»³⁸, где помещены отчеты штабов обороны укрепленных центров Петрограда по формированию отрядов Красной Армии и обороне города в период осеннего похода Юденича 1919 г.

Многие страницы истории участия рабочего класса в создании Красной Армии раскрываются сборниками: «Против германских интервентов (февраль — март 1918 г. в Петрограде)» (Л., 1941), «Уральцы в Отечественной войне против немецких захватчиков в 1918 г.» (М., 1942), «Листовки гражданской войны в СССР. 1918—1922 г.» (М., 1942), «Организация Красной Армии (1917—1918)» (М., 1943), «Московские большевики на защите советской столицы в 1919 г.» (М., 1947). Цепным в них был показ тех вопросов, которые не освещались ранее: работа по вовлечению крестьян в регулярную армию («Против германских интервентов»), борьба рабочего класса с меньшевиками и эсерами, стремившимися сорвать организацию революционных вооруженных сил и укрепление коммунистической прослойки рабочего класса (в сб. «Московские большевики на защите советской столицы в 1919 г.»).

Перечисленные издания не были посвящены только истории рабочего класса. Это характерно и для новых изданий, появившихся в связи с празднованием 40-летней годовщины Октября и посвященных общей проблеме истории борьбы за Советскую власть, истории гражданской войны в целом в СССР и на отдельных территориях страны³⁹.

Сборники изданы по Украине и по отдельным ее губерниям⁴⁰, Белоруссии⁴¹, Грузии⁴², Латвии⁴³, Киргизии, Абхазии, Юго-Осетии, Дагестану, Чечено-Ингушетии⁴⁴, по Туркменистану, Казахстану⁴⁵, по многим

³⁸ «Красный архив», 1939, № 94, стр. 3—32.

³⁹ По каталогам, изданным ГАУ, насчитывается свыше 50 сборников, охватывающих период победы Октябрьской революции и борьбы за упрочение Советской власти («Каталог сборников, изданных архивными учреждениями СССР. 1917—1960» [далее — «Каталог сборников... 1917—1960»]; «Каталог архивоведческой литературы и сборников документов (1960—1963)». М., 1964 [далее — «Каталог архивоведческой литературы... 1960—1963»]). Кроме того, имеются еще издания, не вошедшие в каталог, поскольку они подготовлены не архивными учреждениями.

⁴⁰ «Каталог сборников... 1917—1960», № 422, 423, 425, 427, 436, 438, 440, 441. По Украине: «Борьба за распространение и упрочение Советской власти на Украине (декабрь 1917 г.— апрель 1918 г.)». Киев, 1957; «Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине», т. 3; «Альбом фотодокументов из истории борьбы за победу Великой Октябрьской социалистической революции на Украине (1917—1920 гг.)». Киев, 1957. Кроме названных по номерам «Каталога сборников... 1917—1960» изданий, имеются сборники, опубликованные после 1960 г. и вошедшие в «Каталог архивоведческой литературы... 1960—1963» (в нем нет нумерации сборников): «Киевщина в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции (1918—1920 гг.)». Сб. документов и материалов. Киев, 1962; «Николаевщина в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. Март 1918 г.— декабрь 1920 г.» Документы и материалы. Херсон, 1962; «В огне гражданской войны. Из истории борьбы трудящихся Одесщины против объединенных сил внутренней и внешней контрреволюции в период гражданской войны и иностранной военной интервенции. 1918—ноябрь 1920 гг.» Сб. документов и материалов. Одесса, 1962.

⁴¹ «Каталог сборников... 1917—1960», № 362.

⁴² Там же, № 464.

⁴³ «Советская Латвия в 1919 г.» Документы и материалы в 2-х томах, т. I. «Образование социалистической Советской республики Латвии и социалистическое строительство в 1919 г.» Рига, 1959; т. 2. «Борьба латышского народа против иностранной и местной контрреволюции в 1919 г.» Рига, 1960.

⁴⁴ «Каталог сборников... 1917—1960», № 448, 449, 451, 456, 457.

⁴⁵ Там же, № 501; «Союз рабочего класса и трудового дайханства Туркменистана в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны (1917—1920 гг.)». Документы и материалы. Ашхабад, 1957; «Победа Великой Октябрь-

городам и губерниям Российской республики⁴⁶ и ее национальным районам⁴⁷. В целом в этих изданиях освещен большой круг вопросов гражданской и военной истории и в их числе истории рабочего класса. Опубликованы документы, относящиеся к различным сторонам деятельности рабочего класса, — освещается его роль в организации вооруженного отпора внешней и внутренней контрреволюции и создании Красной Армии, его трудовая деятельность в тылу, осуществление мероприятий в области социалистических преобразований в промышленности, организация труда, осуществление продовольственной диктатуры. Отражена борьба рабочих на оккупированных территориях — различные формы диверсий, саботаж, забастовки, демонстрации, вооруженные восстания. Так как опубликование сборников документов предпринималось по более широкой теме, чем история рабочего класса, и без какой-либо взаимосвязи, документы разрознены и не представляют целостного комплекса даже по отдельным вопросам.

Наиболее обобщенным является трехтомник «Из истории гражданской войны в СССР»⁴⁸, подготовленный ИМЛ с участием ЦГАОР СССР и ЦГАСА. В сборнике широко представлены документальные материалы архивов — Центрального партийного, ЦГАОР СССР, ЦГАСА, сети местных партархивов, ЦГА союзных республик и областных госархивов. Значительное место занимают в сборнике опубликованные ранее документы как из периодики, так и предшествующих документальных публикаций. Для освещения роли рабочего класса использованы партийные фонды, фонды ВЦСПС и ЦК профсоюза рабочих-металлистов. Документы, относящиеся к деятельности рабочего класса по созданию вооруженных сил, даны во втором (т. I), втором и шестом (т. 2), третьем (т. 3) разделах. Здесь опубликованы ценные источники обобщающего и отчетно-итогового характера о рабочих пополнениях в Красную Армию. Среди них данные учетного отдела Всероссийской коллегии о численности добровольцев Красной Армии, сведения и отчет ВЦСПС о мобилизации профсоюзами своих членов на фронты гражданской войны, в продовольственные отряды и на субботники, об итогах мобилизации коммунистов, проведенной ЦК РКП(б) и мо-

ской социалистической революции в Казахстане и образовании Казахской ССР». Алма-Ата, 1947.

⁴⁶ «Каталог сборников... 1917—1960», № 364, 376, 377, 385, 390, 393, 394, 398, 408, 410, 413, 414, 459, 460—462, 471, 500; «Борьба за власть Советов в Астраханском крае (1917—1920 гг.)». Документы и материалы, ч. 2; «Оборона Астрахани и разгром интервентов и белогвардейцев в Астраханском крае (декабрь, 1918 г.— март 1920 г.)». Астрахань, 1960; «Симбирская губерния в годы гражданской войны». Сб. документов, т. 2. Март 1919 г.— декабрь 1920 г. Ульяновск, 1960; «Челябинская губерния в период военного коммунизма (июль 1919 г.— декабрь 1920 г.)». Документы и материалы. Челябинск, 1960; «Упрочение Советской власти в Тульской губернии. Год 1918». Сб. документов и материалов, Тула, 1961; «Южное Зауралье в период гражданской войны (1918—1920 гг.)». Сб. документов и материалов. Курган, 1963; «Орловская губерния в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.)». Сб. документов и материалов. Орел, 1963.

⁴⁷ «Удмуртия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны». Сб. документов, ч. 1. Июнь 1918 г.— начало марта 1919 г. Ижевск, 1960; ч. 2. Март 1919 г.— декабрь 1920 г. Ижевск, 1963; «Чувашия в годы гражданской войны. Образование Чувашской автономной области». Сб. документов, Чебоксары, 1960; «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Якутии». Сб. документов и материалов, ч. 2, кн. 1. Якутск, 1961; ч. 2, кн. 2. «Разгром пепелявской авантюры». Якутск, 1962.

⁴⁸ «Из истории гражданской войны в СССР (1918—1922)». Сб. документов и материалов, т. 1. Май 1918 г.— март 1919 г. М., 1960; т. 2. Март 1919 г.— февраль 1920 г. М., 1961; т. 3. Февраль 1920 г.— октябрь 1922 г. М., 1961. Кроме того, издано два общесоюзных сборника: «Северный фронт. Борьба советского народа против иностранной военной интервенции и белогвардейщины на Советском Севере (1918—1920)». Документы. М., 1961; «Южный фронт. Май 1918 г.— март 1919 г. Борьба советского народа с интервентами и белогвардейцами на юге России». Сб. документов. Ростов-на-Дону, 1962.

биллизации по РСФСР⁴⁹. Документы о деятельности рабочих в тылу по налаживанию военного производства, мобилизации промышленности и транспорта на оборону, борьбе за хлеб помещены в разделах, посвященных перестройке всей жизни страны на военный лад, мобилизации сил на разгром Колчака, мирной передышке, укреплению Советской республики. Отдельные документы сборника — резолюции, постановления рабочих собраний, отчеты о деятельности некоторых организаций, выпуске продукции, коммунистических субботниках, трудовых «неделях» и другие иллюстрируют общий трудовой подъем рабочих в годы гражданской войны.

Тема трудовой деятельности рабочих в первые годы Советской власти освещена в значительной группе публикаций, посвященных, как правило, отдельным вопросам этой темы. Их можно разделить на следующие группы:

- 1) о рабочем контроле и национализации промышленности;
- 2) об участии рабочих в электрификации страны;
- 3) о борьбе за повышение производительности труда и о коммунистических субботниках;
- 4) о рабочих продовольственных отрядах.

Роль рабочего класса в организации промышленности отражена в документальных публикациях по истории рабочего контроля и национализации промышленности. Первыми появились небольшие публикации «Красного архива»⁵⁰. Пооктябрьский период борьбы за рабочий контроль отражен в «Материалах по истории рабочего контроля над производством». В этой публикации — документы в основном из фонда Центрального совета фабрично-заводских комитетов о массовом участии рабочих в контроле на предприятиях, в правильном расходовании сырья и топлива, размещении средств производства, в вопросах найма и увольнения.

Основное количество источников по этому вопросу было опубликовано после Великой Отечественной войны, когда появились общесоюзные⁵¹, республиканские (по Азербайджану, Грузии, Туркестану, Украине)⁵², областные (по Ивановской и Костромской областям, по Уралу)⁵³ издания и по отдельным городам⁵⁴.

В этих изданиях опубликован большой круг источников, раскрывающих процесс превращения средств производства в промышленности в государственную социалистическую собственность и начало создания новых, социалистических производственных отношений. Наряду с официальной

⁴⁹ «Из истории гражданской войны в СССР» (1918—1922)», т. 1, док. 130; т. 2, док. 109, 119, 145, 185; т. 3, док. 144.

⁵⁰ «Из истории борьбы за рабочий контроль». — «Красный архив», 1935, № 69—70, стр. 138—158; «Материалы к истории рабочего контроля над производством (1917—1918 гг.)» — «Красный архив», 1940, № 103, стр. 106—129.

⁵¹ «Экономическая политика СССР», т. 1. Ноябрь 1917 г.— февраль 1921 г. М., 1947; «Национализация промышленности в СССР (1917—1920 гг.)». Сб. документов и материалов. М., 1954.

⁵² «Документы по истории борьбы за Советскую власть в Азербайджане в 1917—1918 гг.» — «Труды Азербайджанского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б)», 1948, т. XII, стр. 43—260; «Национализация промышленности в Грузии». — «Исторический вестник», 1956, № 9, стр. 256—324; «Рабочий контроль и национализация промышленности в Туркестане (1917—1920 гг.)». Ташкент, 1955; «Рабочий контроль и национализация промышленности на Украине (март 1917 г.— март 1921 г.)». Киев, 1957.

⁵³ «Рабочий контроль и национализация крупной промышленности в Иваново-Вознесенской губернии». — «Материалы по истории СССР», т. 3. М., 1956; «Рабочий контроль и национализация промышленности в Костромской губернии (1917—1919)». Кострома, 1960; «Национализация промышленности на Урале (октябрь 1917 — июль 1918 г.)». Свердловск, 1956.

⁵⁴ «Рабочий контроль и национализация промышленных предприятий Петрограда в 1917—1919 гг.», т. I. Л., 1947; «Национализация промышленности и организация социалистического производства в Петрограде (1917—1920 гг.)». Л., т. I, 1958; т. II, 1960.

документацией центральных и местных государственных органов управления промышленностью введены в научный оборот источники, отражающие массовую инициативу рабочих по борьбе с саботажем предпринимателей и установлению рабочего контроля, по проведению национализации, по организации новых форм управления национализированными предприятиями, по борьбе за социалистическую дисциплину труда. Это многочисленные резолюции, заявления, постановления рабочих собраний, материалы профсоюзных органов и фабрично-заводских комитетов, раскрывающие активную революционную деятельность рабочего класса страны. К сожалению, по ряду промышленных районов, игравших немаловажную роль в народном хозяйстве страны, в том числе по Москве, такие публикации не вышли. Научный уровень названных сборников неодинаков: общесоюзное издание «Национализация промышленности в СССР»⁵⁵ значительно уступает местным сборникам, из которых высоким качеством подготовки выделяется двухтомник по Петрограду и «Национализация промышленности и организация социалистического производства в Петрограде (1917—1920 гг.)».

Вопросы социалистического преобразования экономики, участия рабочих в осуществлении ленинского плана электрификации нашли отражение в публикациях «Красного архива», «Исторического архива» и в сборнике «К истории плана электрификации Советской страны»⁵⁶. В этих публикациях, кроме документов государственных планирующих организаций, представленных в большинстве, имеются источники о творческой инициативе трудящихся и помощи в строительстве электростанций в городах и селах страны.

Борьбе рабочего класса за повышение производительности труда в годы гражданской войны специально посвящены две публикации: одна в журнале «Красный архив», другая — «Документы трудового энтузиазма»⁵⁷.

В журнальной публикации помещено небольшое количество ценных, но разрозненных документов, созданных профсоюзами металлургов, железнодорожников, горнорабочих и кожевников.

Сборник «Документы трудового энтузиазма», подготовленный Московским историко-архивным институтом с участием сотрудников ЦГАОР СССР, представляет систематическое издание, основанное на полном тематическом выявлении документов центральных органов профсоюзов: ВЦСПС и центральных комитетов (металлургов, горнорабочих, текстильщиков, швейников, железнодорожников, строителей) и фонда листовок, хранящихся в ЦГАОР СССР. В постановлениях, циркулярах и резолюциях центральных профсоюзных органов и низовых профсоюзных организаций, их докладах и отчетах, резолюциях и протоколах общезаводских собраний раскрывается трудовой подвиг рабочего класса, сумевшего в тяжелых условиях гражданской войны обеспечить бесперебойное снабжение армии и фронта всем необходимым. В сборнике отражены различные стороны трудовой деятельности и формы борьбы за повышение производительности труда, в том числе борьба за трудовую дисциплину, сдельная оплата труда, коммунистические субботники и трудовые недели. Ценным является опубликование в сборнике систематического перечня выявленных документов.

⁵⁵ См. рецензии на сборник: «Вопросы истории», 1955, № 4, стр. 140—145; «Исторический архив», 1955, № 3, стр. 213—217.

⁵⁶ «К истории электрификации РСФСР». — «Красный архив», 1939, № 95, стр. 3—72; № 96, стр. 55—72; «Волховская гидроэлектростанция — первенец ленинского плана ГОЭЛРО». — «Исторический архив», 1956, № 1, стр. 41—73; «К истории плана электрификации Советской страны». М., 1952.

⁵⁷ «Профсоюзы в борьбе за повышение производительности труда в годы гражданской войны». — «Красный архив», 1939, № 96, стр. 73—120; «Документы трудового энтузиазма. Сборник документов о борьбе рабочего класса СССР за повышение производительности труда в 1918—1920 годах». М., 1960.

Тема коммунистических субботников освещена в публикациях, которые территориально охватывают либо всю страну (небольшие журнальные публикации)⁵⁸, либо отдельные территории: Петроград, Москву и Московскую губернию, Север европейской части страны, Удмуртию⁵⁹. Кроме того, эта тема затронута в сборниках более широкого профиля, посвященных социалистическому соревнованию в целом или движению за коммунистический труд. Состав и содержание названных публикаций различны. В публикациях журнала «Красный архив» резолюции, протоколы общих собраний рабочих многих заводов страны и отчеты об итогах проведенных субботников иллюстративно показывали проведение субботников по всей республике. Журнальная публикация по Удмуртии содержит перепечатку материалов периодики и отражает проведение субботников в городской и сельской местности Удмуртии, затрагивая при этом вопрос о вовлечении в субботники крестьянства, что не получило освещения в сборниках документов.

Сборники документов по Петрограду, Москве и Архангельской губернии базируются на значительном круге источников, включающем в себя фонды городских и районных комитетов РКП(б) и первичных партийных заводов и фабрик, исполнительных органов Советов, профсоюзных организаций и периодическую печать. Они показывают процесс великой смены подневольного труда трудом творческим, рождение и развитие первой формы коммунистической организации труда — субботников, превращение субботников в массовое движение рабочих и роль в этом партии. Каждый из сборников имеет агитационно-массовое значение. Но тема в них полностью не освещена, недостаточно раскрывается организационная роль профсоюзов, не раскрыт вопрос о роли субботников в укреплении союза рабочего класса и крестьянства, о распространении субботников по уездам, о значении субботников в повседневном повышении производительности труда и т. д.

Участие рабочего класса в осуществлении продовольственной диктатуры отражено в публикациях «Красного архива» «Из истории борьбы продовольственных отрядов рабочих за хлеб и укрепление Советской власти (1918—1920 гг.)»⁶⁰ и «Борьба за хлеб в 1918—1919 гг.»⁶¹. Первая публикация составлена на основе документов фонда Центрального военпродбюро при ВЦСПС. Это отчеты Центрального военпродбюро, сводки и списки об организации и распределении продовольственных отрядов, об их деятельности, доклады комиссаров продотрядов. В небольшой сравнительно публикации воссоздано широкое историческое полотно о героической деятельности продотрядов в производящих губерниях страны (представлены Орловский, Воронежский, Саратовский, Самарский, Нижегородский районы, Украина, Урал и Сибирь). В ней отражен массовый поход рабочих в деревню на борьбу за хлеб, за укрепление Советской власти.

Вторая публикация, основанная на документах фондов Совнаркома и Наркомпрода, отражает продовольственную политику и мероприятия правительства по осуществлению хлебной монополии.

⁵⁸ «Всероссийский первомайский коммунистический субботник в 1920 г.» — «Красный архив», 1937, № 82, стр. 18—39; «Коммунистические субботники тыла — красному фронту в годы гражданской войны». — «Красный архив», 1937, № 83, стр. 14—34.

⁵⁹ «Коммунистические субботники в Петрограде в 1919—1921 гг.». [Л.], 1949; «Коммунистические субботники в Москве и Московской губернии в 1919—1920 гг.». [М.], 1950; «Коммунистические субботники на Севере (1919—1921 гг.)». [Архангельск], 1950; «Первые коммунистические субботники в Удмуртии». — «Записки Удмуртского научно-исследовательского института истории, языка, литературы и фольклора при Совете Министров Удмуртской АССР», вып. 13. Ижевск, 1950, стр. 36—53.

⁶⁰ «Красный архив», 1938, № 89—90, стр. 103—154.

⁶¹ «Красный архив», 1939, № 97, стр. 8—43.

В сборниках документов, посвященных вопросам восстановления народного хозяйства в 1921—1925 гг., получила освещение и деятельность рабочего класса. Эти публикации вышли в свет недавно, в основном в 60-х годах.

Таковы сборники документов по Подолии, Алтаю, Брянской и Гомельской губерниям, по Дону, Черкасщине, Кузбассу, Армении, Юго-Осетии и Казахстану⁶². Несколько сборников (по Саратову, Иркутску и Полтавщине)⁶³ освещают историю партийных организаций в восстановительный период. Очевидно, что в перечисленных выше сборниках вопросы истории рабочего класса не могли не прозвучать, но им посвящены лишь отдельные документы. Несколько больше документов по этой теме, чем в других, помещено в сборнике «Восстановление народного хозяйства Брянской губернии», поскольку эта губерния была местом сосредоточения крупных металлургических и металлообрабатывающих заводов. В нем имеются документы о росте производительности труда, производственных совещаниях, рационализации, материальном положении рабочих.

Сборники по Ленинграду и по Дальневосточной области предоставляют в распоряжение читателей ценные и логически взаимосвязанные источники по истории рабочего класса.

Сборник «Восстановление промышленности Ленинграда (1921—1924 гг.)» является научным изданием, продолжающим освещение истории развития социалистической промышленности, начатое двухтомником по национализации промышленности. Рабочему классу посвящен раздел «Рабочие кадры»⁶⁴, основанный на документах ленинградских заводов, губпрофсовета, губпрофобра, губкома союза металлистов и статистических органов. Здесь помещены протоколы и постановления общих рабочих собраний, доклады, отчеты профсоюзных органов, заключения комиссии по обследованию работы заводов и фабрик. Они освещают такие важные вопросы, как состав рабочего класса, подготовку рабочих кадров, формы оплаты труда и материальное положение рабочих, производительность труда, трудовой героизм, деятельность производственных кружков и совещаний. Значение сборника для исследования значительно возрастает благодаря опубликованному в нем перечню выявленных документов по тарифам, коллективным договорам, о награждении предприятий и др.⁶⁵ Сборник подготовлен на высоком научном уровне, об этом же свидетельствует и научно-справочный аппарат к нему, содержащий указатели, перечни, примечания.

Сборник «Борьба рабочего класса за восстановление и развитие промышленности Дальневосточной области (1922—1925)» (Хабаровск,

⁶² «Подолия в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.)». Випница, 1957; «Алтай в восстановительный период». Барнаул, 1960; «Восстановление народного хозяйства Брянской губернии (1921—1925 годы)». Сб. документов и материалов. Брянск, 1960; «Восстановление народного хозяйства Гомельской губернии (1921—1925 гг.)». Сб. документов и материалов. Гомель, 1960; «Восстановительный период на Дону (1921—1925 гг.)». Сб. документов. Ростов-на-Дону, 1962; «Черкасщина в период восстановления народного хозяйства. 1921—1925». Черкассы, 1963; «Кузбасс в период восстановления народного хозяйства. 1920—1926». Кемерово, 1966; «Восстановление народного хозяйства Армянской ССР». Документы и материалы за 1921—1928 гг. Ереван, 1958; «Восстановление и развитие народного хозяйства Юго-Осетии». Сб. документов и материалов (1921—1929 гг.). Ст. 1960; «Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921—1925)». Алма-Ата, 1962.

⁶³ «Саратовская партийная организация в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.)». Документы и материалы. Саратов, 1960; «Иркутская партийная организация в восстановительный период (1920—1926 гг.)». [Иркутск], 1960; «Діяльність партійної організації Полтавщини у відбудовний період (1921—1925 рр.)». Харків, 1961.

⁶⁴ «Восстановление промышленности Ленинграда (1921—1924 гг.)», т. I. Л., 1963, стр. 175—263.

⁶⁵ Там же, стр. 436—445.

1962) — единственный по рассматриваемому периоду, непосредственно посвященный рабочему классу. Это популярное издание, подготовленное по фондам ЦГА РСФСР Дальнего Востока (Дальневосточного бюро ВЦСПС, Дальревкома, Приморского губсовнархоза и других), ЦПА Института марксизма-ленинизма и местных партархивов, ЦГАОР СССР (фонд ВЦСПС) и госархива Хабаровского края. Однако и в этом сборнике имеются разделы (I и II), посвященные общим вопросам состояния промышленности и мероприятиям по созданию органов управления ею (национализации, использованию частного капитала и др.). Раздел «Политический и трудовой подъем рабочего класса Дальневосточной области в восстановительный период» и параграф «Подготовка профессионально-технических кадров для промышленности» (во II разделе) содержат исторические материалы о ленинском призыве в партию, о международной пролетарской солидарности, о борьбе за увеличение выпуска и повышение качества выпускаемой продукции, за восстановление предприятий, мостов и дорог Дальнего Востока, о материальном и культурном уровне рабочих и другим вопросам. Остается пожалеть, что в сборнике не опубликованы данные о количественном и качественном составе рабочего класса.

Тематически обособлен сборник «Профсоюзы Узбекистана в 1925 году» (Ташкент, 1960), поскольку он касается деятельности профсоюзов только в последний год восстановительного периода. Сборник подготовлен архивными управлениями МВД УзССР по материалам профсоюзов (Среднеазиатского бюро ВЦСПС, совпрофа Узбекской ССР, отраслевых и местных профсоюзных органов, ЦГА УзССР, ЦГА Кара-Калпакской АССР, госархивов Наманганской, Самаркандской и других областей). В документах отражена организационная перестройка профсоюзов Узбекистана после национального размежевания, тарифно-экономическая и культурно-массовая работа, деятельность производственных совещаний и комиссий, культшефство союзов над кишлаками и аулами. К сборнику приложен перечень важнейших дополнительных архивных источников.

Тема участия рабочих в электрификации страны продолжена в сборниках ЦГАОР и Института экономики АН СССР об электрификации Советской страны, охватывающих 1921—1925 гг. и 1926—1932 гг.⁶⁶ В этих сборниках, отражающих процесс осуществления ленинского плана ГОЭЛРО (планирование и сооружение электростанций по всей стране, развитие электрификации промышленности и сельского хозяйства), опубликованы документы о творческой активности рабочих, участвовавших в строительстве, постановления и резолюции общих собраний, производственных совещаний и комиссий, приказы с благодарностью за хорошую работу, доклады производственных комиссий, газетные информации о социальном соревновании на предприятиях, о шефской помощи рабочих в электрификации сел и др.

Аналогичного характера документы помещены в сборнике популярного типа «Первенец индустриализации страны — Днепротэс имени В. И. Ленина»⁶⁷. В него вошли письма, обращения рабочих, договоры на социальное соревнование, листовки о ходе соревнования, отчеты и рапорты о выполнении планов строительства, газетные материалы о трудовых подвигах строителей Днепротэса.

⁶⁶ «Развитие электрификации Советской страны 1921—1925 гг.» Сб. документов и материалов. М., 1956; «Электрификация СССР. 1926—1932 гг.» Сб. документов и материалов. М., 1966. (В подготовке последнего сборника принял участие ЦГАНХ СССР.)

⁶⁷ «Первенец индустриализации страны — Днепротэс имени В. И. Ленина. 1926—1932 гг.» Сб. документов о строительстве Днепротэса имени В. И. Ленина. Запорожье, 1960. Документы по этой теме были опубликованы в изданиях: «Материалы по истории СССР» (т. 7. М., 1959, стр. 167—202), в подборке «Из истории строительства Днепровской гидроэлектростанции имени В. И. Ленина. (Итоги первых двух лет строительства)».

Следует упомянуть и журнальную публикацию «Волховская гидроэлектростанция — первенец ленинского плана ГОЭЛРО»⁶⁸, в которой помещены документы ГАОРСС ЛО, касающиеся сооружения названной гидроэлектростанции в 1921—1926 гг. Среди документов — производственные бюллетени Волховстроя, резолюции и постановления делегатских и других собраний, отражающие трудовой героизм строителей, роль производственных совещаний в развитии соцсоревнования и др.

История рабочего класса в годы перехода от периода восстановления народного хозяйства к периоду социалистической реконструкции и созданию фундамента социалистической экономики получила отражение в публикациях, которые тематически можно подразделить на: 1) посвященные истории индустриализации и 2) истории трудового и политического подъема рабочего класса.

По истории индустриализации страны вышли сборники: «Первые шаги индустриализации СССР. 1926—1927 гг.» (М., 1959), «Социалистическая индустриализация Азербайджана (1926—1932 гг.)» (Баку, 1957), «Коммунисты Ленинграда в борьбе за выполнение решений партии по индустриализации страны (1926—1929 гг.)» (Л., 1960) и «Завершение восстановления промышленности и начала индустриализации Северо-Западного района (1925—1928 гг.)» (Л., 1964). Последний из названных сборников вышел в серии, подготовка которой ведется сейчас по стране, «История индустриализации СССР»⁶⁹. Интересны публикации по этой теме в журнале «Исторический архив»⁷⁰.

Во всех названных сборниках, за исключением двух историко-партийных, выделены разделы о рабочем классе. Состав рабочего класса, вопросы материального положения, уровень зарплаты и подготовка кадров раскрываются в издании «Первые шаги индустриализации СССР, 1926—1927 гг.» при помощи сводных конъюнктурных обзоров НК труда и в сборнике по Северо-Западному району, где опубликованы статистические материалы. Здесь опубликованы и материалы Госплана — по Союзу, тарифно-экономического отдела Северо-Западного облбюро ВЦСПС и ЛОСПС. Вопросы развития новых форм производственной активности (смотри, конкурсы, переклички, ударные комсомольские группы), борьба за режим экономии, техническую реконструкцию и рационализацию промышленности получили освещение во всех сборниках. Среди источников документы первичных партийных и профсоюзных организаций, общих, делегатских собраний, производственных совещаний и сводные отчетные данные. Всюду привлечена периодика, широко пропагандировавшая передовой опыт. В сборнике «Социалистическая индустриализация Азербайджана» помещены документы о массовом соревновании и ударничестве.

Лучшим в научном отношении является сборник по Северо-Западному району, подготовленный ГАОРСС ЛО, ЛГУ, государственными и партийными архивами Ленинградской, Мурманской, Новгородской, Псковской областей и Карельской АССР. В нем научно обоснован отбор опубликованных источников. Как и в сборниках по предшествовавшим периодам, в нем дан перечень выявленных документов.

К этому сборнику логически примыкает публикация «Социалистиче-

⁶⁸ «Исторический архив», 1956, № 1, стр. 41—73.

⁶⁹ Пока статья готовилась к печати, вышел в свет еще ряд сборников документов в сериях «История индустриализации СССР» и «История коллективизации сельского хозяйства СССР». Обзор этих сборников должен стать предметом особого рассмотрения.

⁷⁰ «О встречном планировании и хозрасчетных бригадах в машиностроительной промышленности (1930—1932 гг.)». — «Исторический архив», 1955, № 4, стр. 3—24; «Борьба московских большевиков за повышение производительности труда в промышленности (1929—1932 гг.)». — «Исторический архив», 1957, № 3, стр. 80—118; «Из истории производственных совещаний (1926—1927 гг.)». — «Исторический архив», 1959, № 2, стр. 91—114.

ское соревнование на предприятиях Ленинграда в годы первой пятилетки (1928—1932 гг.)» (Л., 1964)⁷¹. Сборник документов о ленинградских рабочих, которые были инициаторами массового социалистического соревнования, основан на фондах ЦГАОР, ГАОРСС ЛО и Ленинградского областного партархива. Привлечены документы Ленинградского областного и районных комитетов ВКП(б), партийных и комсомольских организаций заводов и фабрик, фонды трестов, фабрик и заводов, профсоюзных органов и завкомов, использована периодика. В сборнике представлены источники массового характера, показывающие инициативу рабочих в возникновении движения ударников и начале массового соревнования, раскрывается рост соцсоревнования, его различные формы в борьбе за досрочное выполнение и перевыполнение заданий первого пятилетнего плана. В сборнике даны итоги выполнения пятилетки ленинградской промышленностью (отчеты трестов и рапорты рабочих и служащих заводов, статистические сведения).

Трудовой и политический подъем рабочего класса отражен в сборниках: «Политический и трудовой подъем рабочего класса СССР (1928—1929 гг.)» (М., 1956), «Первый Всесоюзный съезд ударных бригад (к тридцатилетию съезда)» (М., 1959), «Социалистическое соревнование в СССР» (М., 1965) и сборник «Борьба трудящихся Харьковщины за побудову фундаменту соціалістичної економіки (1926—1932)» (Харків, 1950).

Сборник «Политический и трудовой подъем рабочего класса СССР (1928—1929 гг.)» подготовлен ЦГАОР СССР и Институтом истории АН СССР как научно-популярное издание. Были использованы фонды центральных архивов (ЦГАОР СССР и УССР, ЦГА РСФСР Дальнего Востока, ЦК ВЛКСМ и ВЦСПС) и областных госархивов (Московского, Ленинградского, Горьковского, Свердловского, Запорожского, Ростовского). Весьма широко представлены в сборнике материалы периодической печати. Документы сборника — постановления и резолюции, информационные обзоры и отчеты профсоюзов, договоры на соцсоревнование, письма и рапорты рабочих коллективов — показывают политическую активность и сплоченность рабочего класса вокруг Коммунистической партии в связи с курсом на индустриализацию производства, развитие комсомольско-молодежного движения за социалистическую рационализацию, начало и развитие соцсоревнования. Ценны обобщенные таблицы о составе рабочих, участвующих в соревновании. Особый раздел сборника составили документы об авангардной роли рабочих в борьбе за социалистическую перестройку деревни, их помощь в проведении сева, хлебозаготовок, в борьбе с кулачеством. В целом состав документов выборочен, среди них мало источников о ведущей роли коммунистов (вследствие недостаточного использования партийных фондов). В публикации из-за необоснованных изъятий частей текста составителями не показаны трудности, которые приходилось преодолевать рабочему классу.

В сборнике «Первый Всесоюзный съезд ударных бригад» опубликованы документы фонда ВЦСПС — извлечения из стенограмм съезда, проходившего с 5 до 10 декабря 1929 г., приветствия съезду некоторых ударных бригад предприятий, обращение съезда ко всем трудящимся страны и его приветствие Центральному Комитету ВКП(б). Некоторые документы входили ранее в сборник «Политический и трудовой подъем рабочего класса», однако составители нигде не оговорили это. Это издание носит массовый характер, тексты, взятые из одной стенограммы, даны как отдельные документы, последовательность выбранных выступлений не соблюдена, извлечения не оговорены.

⁷¹ Эта тема отрывочно представлена в другом ленинградском издании: «Поколения ударников». Сб. документов и материалов о социалистическом соревновании на предприятиях Ленинграда в 1928—1961 гг. Л., 1963.

Общесоюзный сборник «Социалистическое соревнование в СССР. 1918—1964»⁷² является обобщенной публикацией, в которой социалистическое соревнование показано с самого его зарождения в ведущих отраслях народного хозяйства по всей стране (представлены все крупные промышленно-экономические районы: Центральный, Донбасс, Кузбасс, Северо-Западный Урал, Казахстан и др.). Сборник подготовлен по материалам ЦГАОР, ЦА ВЦСПС, облгосархивов, ведомственных и заводских архивов. Каждый раздел сборника посвящен определенному периоду: 1918—1936 гг., 1937—1958 гг., 1958—1964 гг. Разделы делятся на главы о формах соревнования. Первый период представлен очень слабо и преимущественно путем перепечатки документов из предшествующих публикаций, последующие же периоды показаны более основательно. Опубликованы положения и постановления ВЦСПС, доклады отделов ВЦСПС, справки о работе ЦК профсоюзов по руководству соревнованием, письма, обязательства и другие документы инициаторов и участников соревнования, сведения, информации и статистические материалы о соревновании. В ряде случаев в сборник включены документы ЦК ВЛКСМ о работе комсомольско-молодежных и фронтовых бригад, о Всесоюзном соревновании женщин и молодежных тракторных бригад и др. Включение этих документов вполне оправдано общей темой издания. В подобном тематическом издании неправильным было искусственное ограничение источниковедческой базы только материалами профсоюзов, и мало уделено внимания роли партийных организаций в развитии соцсоревнования.

История рабочего класса периода Великой Отечественной войны в специальных сборниках документов освещения не получила. Большая группа публикаций, изданных комиссиями по истории Великой Отечественной войны и местными партийными и государственными архивами, характеризуется в обзоре Л. И. Араповой⁷³, где рассмотрены и источники о деятельности рабочих. Из этой группы публикаций можно выделить сборники, содержащие наиболее компактный материал о рабочем классе. Среди них сборники по Владимирской, Ивановской, Ярославской, Новосибирской областям⁷⁴ и два новых сборника по Москве и Ленинграду⁷⁵. Они подготовлены в основном по материалам государственных и партийных архивов и достаточно полно освещают тему, в том числе и участие в боях, за исключением сборников по Ленинграду и по Новосибирской области, где военная сторона не освещается. Во всех изданиях значительную группу составляют документы (доклады, отчеты, справки, резолюции и др.) о самоотверженном труде рабочего класса, о кадровой проблеме, о шефской работе. Раскрываются на отдельных примерах вопросы соревнования комсомольско-молодежных бригад, Всесоюзного социалистического соревнования, внедрения рационализаторских предложений. По своему построению и составу источников более сходны между собой сборники по Москве и Ленинграду, где выделены разделы о работе предприятий («Ленинградская промышленность — фронту» и «Предприятия столицы куют оружие победы»), и сборники по областям, где даны разделы или главы о трудовом героизме и помощи освобожденным районам (они не выделены в ива-

⁷² «Социалистическое соревнование в СССР, 1918—1964». Документы и материалы профсоюзов. М., 1965.

⁷³ Л. И. Арапова. Публикации документов по истории Великой Отечественной войны. — «История СССР», 1965, № 3, стр. 66—76.

⁷⁴ «Трудящиеся Ивановской и Владимирской областей в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)». Иваново, 1959; «Ярославцы в годы Великой Отечественной войны». Сб. документов. Ярославль, 1960; «Доблестный труд рабочих, крестьян, интеллигенции Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны». Новосибирск, 1964.

⁷⁵ «Москва — фронту. 1941—1945». М., 1966; «900 героических дней». Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941—1944 гг. М. — Л., 1966.

новском сборнике). В сборниках показано партийное руководство, авангардная роль коммунистов и общий вклад трудящихся в достижение победы над врагом. Все названные публикации — научно-популярные издания, подготовленные в политико-воспитательных целях, однако они оказывают определенную помощь и историку. Следует отметить наличие в московском сборнике перечня документов, не вошедших в него.

Два сборника, посвященных восстановлению и развитию Волгограда и Смоленска⁷⁶, хронологически выходят за пределы периода Великой Отечественной войны — они охватывают события с 1943 по 1960—1962 гг. В их подготовке приняли участие ЦГА РСФСР, местные партийные архивы и госархив Смоленской области. Они выполнены как издания, рассчитанные на самые широкие круги читателей: в них включены наиболее яркие документы, каждой тематической главе предпослан очерк, написанный в художественно-литературном плане. В них даны главы: 1-я — период войны, 2-я — послевоенные годы, 3-я — с 1958 г. (в волгоградском сборнике) и с 1961 г. (в смоленском сборнике). В сборнике отражены вопросы о создании строительных добровольческих бригад, об их работе, о патриотических починах по ускорению темпов восстановления городов, справки об итогах работы предприятий. В завершающих главах помещены документы о соревновании бригад и ударников коммунистического труда.

Из истории рабочего класса послевоенного периода в документальных изданиях получила освещение в основном одна тема — о социалистическом соревновании и высшей его форме — движении за коммунистический труд. Сборники документов о коллективах и ударниках коммунистического труда охарактеризованы в обзоре Л. С. Рогачевой⁷⁷, где названы основные группы опубликованных источников и отмечены недостатки публикаций: малочисленность документов обобщающего характера, что привело к иллюстративности освещения темы; отсутствие источников личного характера — дневников и др.

В последнее время вышло еще несколько сборников документов. Среди них общесоюзный сборник «Движение за коммунистический труд в промышленности СССР. 1958—1963 гг.» (М., 1965) и местные сборники⁷⁸. Сборник обобщающего характера подготовлен Институтом истории Академии наук СССР. В нем удачно сочетаются документы участников движения за коммунистический труд с отчетными, информационными сведениями из фондов ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ и ЦК отдельных профсоюзов. При сравнительно небольшом объеме сборник отражает довольно широко начальный этап движения, его развитие и превращение новой формы соревнования в общенародное движение.

В серии «История фабрик и заводов» изданы сборники, отражающие многолетний опыт рабочих отдельных предприятий. Советский период истории предприятий освещен в сборниках: «Ленские прииски» (М., 1937), где в последней главе опубликованы резолюции, письма и постановления рабочих Ленского и Витимского горных округов периода борьбы с колчакщиной; «Век труда и борьбы» (Калинин, 1961), посвященном 100-летию (1858—1958 гг.) истории Калининского хлопчатобумажного комбината; «История Харьковского тракторного завода им. Орджоникидзе» (Харьков, 1960); «История Харьковского паровозостроительного завода. 1917—1932 гг.» (Харьков, 1965); «Столетний путь», посвященном 100-летию комбината «Красный керамик» (Новгород, 1957). В сборники

⁷⁶ «Поднятый из руин». Сб. документов и материалов о восстановлении и развитии Волгограда (1943—1960 гг.). Волгоград, 1962; «Возрожденный из руин». Сб. документов и материалов о восстановлении и развитии г. Смоленска. 1943—1962 гг. Смоленск, 1963.

⁷⁷ «Вопросы истории», 1965, № 2, стр. 126—131.

⁷⁸ «Мы придем к победе коммунистического труда». Казань, 1964; «Коммунизм рождается сегодня». Ашхабад, 1964.

включены документы администрации предприятий, партийных и общественных организаций, воспоминания рабочих, которые воссоздают отдельные яркие страницы истории предприятий за годы Советской власти.

Тема международной пролетарской солидарности нашла отражение в упомянутом уже сборнике «Профсоюзы СССР», где в специальных разделах каждого тома помещены документы о борьбе советских профсоюзов за единство мирового рабочего и профсоюзного движения, и в серии сборников «Из истории международной пролетарской солидарности»⁷⁹. Эта серия научно-популярного типа была подготовлена ГАУ, ИМЛ, ЦГАСА, ЦГАОР СССР с участием научных учреждений социалистических стран (Болгарии, Венгрии, ГДР, Чехословакии и др.). В выпущенных шести томах серии, охватывающих период с 1917 по 1945 г., опубликованы документы о пролетарской солидарности трудящихся в борьбе за мир, против наступления реакции, в борьбе с военной опасностью и наступлением фашизма, против фашистской агрессии, за уничтожение фашизма в годы второй мировой войны. Среди опубликованных документов резолюции собраний рабочих, информации, заявления о солидарности, совместные коммюнике ВЦСПС и зарубежных профсоюзов, приветствия, справки международного отдела ВЦСПС об обмене опытом профсоюзной и производственной работы.

Подводя краткие итоги, следует отметить, что публикациями создана значительная печатная документальная база, которая окажет помощь в изучении истории советского рабочего класса. Документальные публикации сделали достоянием общественности многочисленные виды документов партийных и профсоюзных организаций, советских и иностранных учреждений, характеризующие различные стороны деятельности рабочего класса СССР на протяжении всей истории советского периода.

Опубликованные источники — ценное начало в документальном раскрытии истории советского рабочего класса. В существующих сборниках документов довольно полно представлена трудовая деятельность рабочего класса, гораздо слабее — политическая и совсем слабо численность, качественный состав и материально-технический уровень рабочего класса. Эти вопросы освещены только в публикациях о рабочем классе в первый год диктатуры пролетариата и в первые годы индустриализации. Из сотен имеющихся публикаций только единицы посвящены непосредственно истории рабочего класса. Задачи научной разработки истории советского рабочего класса подсказывают необходимость более систематического издания сборников документов. Вполне своевременна подготовка научной общесоюзной серии по этой проблеме. Современные приемы публикации источников, применение таких форм опубликования документов массового характера, как таблиц, регестов, систематических перечней выявленных источников, позволяют создать полноценные издания, которые послужат надежным основанием для дальнейшего научного изучения и разработки истории советского рабочего класса.

⁷⁹ «Из истории международной пролетарской солидарности». Документы и материалы, сб. I. «Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922)». М., 1957; сб. II. «Пролетарская солидарность трудящихся в борьбе за мир (1917—1924)». М., 1958; сб. III. «Международная солидарность трудящихся в борьбе с наступлением реакции и военной опасностью (1925—1927)». М., 1959; сб. IV. «Международная пролетарская солидарность в борьбе с наступлением фашизма (1928—1932)». М., 1960; сб. V. «Международная солидарность трудящихся в борьбе с фашизмом, против развязывания второй мировой войны (1933—1937)». М., 1961; сб. VI. «Международная солидарность трудящихся в борьбе за мир и национальное освобождение против фашистской агрессии, за полное уничтожение фашизма в Европе и Азии (1938—1945)». М., 1962.

В. И. Кострикин

ИСТОЧНИКИ О ЗЕМЕЛЬНЫХ КОМИТЕТАХ 1917 ГОДА И ИХ ПУБЛИКАЦИЯ

Свержение самодержавия в феврале 1917 г. было началом нового подъема борьбы крестьян с помещиками. В первые же недели после победы Февральской революции из деревни начали поступать сообщения о крестьянских выступлениях. Крестьяне арестовывали помещиков, их управляющих, производили обыски в усадьбах, расторгли арендные договоры, снимали с работы служащих, рабочих и военнопленных, а в некоторых случаях захватывали частновладельческие земли.

Начатая крестьянами борьба за землю вынудила Временное правительство наряду с другими мерами издать 21 апреля постановление об организации земельных комитетов. Официально они создавались для подготовки земельной реформы и регулирования земельных отношений до Учредительного собрания. На деле разговорами о предстоящей земельной реформе Временное правительство хотело успокоить крестьян, а «регулирование текущих земельных отношений» означало борьбу с начавшимся крестьянским движением.

Согласно постановлению в системе Министерства земледелия учреждался Главный комитет, а на местах — губернские и уездные комитеты. Волостные земельные комитеты могли организовываться по инициативе населения или уездных комитетов.

Представление о ходе организации земельных комитетов в Европейской России дает следующая составленная нами таблица ¹:

Земельные комитеты	Количество комитетов (1917 г.)						
	на 30 мая	на 15 июня	на 30 июня	на 19 июля	на 1 августа	на 15 августа	на 1 сентября
Губернские и областные	6	14	34	44	45	45	45
Уездные	нет свед.	84	214	331	385	420	425
Волостные	нет свед.	220	650	нет свед.	нет свед.	2671	3115

Наряду с земельными комитетами по инициативе масс организовывались Советы крестьянских депутатов. Советы крестьянских депутатов име-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 930, оп. 1, д. 1, лл. 21—26, 59; д. 2, л. 39; д. 9, лл. 103—104; д. 41, л. 4; д. 74, л. 18; д. 88, лл. 11—25.

ли довольно широкое распространение. Однако низовые крестьянские Советы развивались сравнительно медленно и не оказывали заметного влияния на крестьянское движение.

Наиболее распространенными организациями, которые крестьяне могли использовать в своей борьбе с помещиками, были волостные земельные комитеты.

В исторических исследованиях, посвященных аграрной революции 1917 г., уделяется внимание и земельным комитетам. В некоторых источниковедческих и археографических работах имеются сведения об источниках по истории земельных комитетов². Прделана значительная работа по выявлению и публикации документов о земельных комитетах и других крестьянских организациях. Материалы о них были включены уже в первый советский сборник документов — брошюру В. И. Ленина «Как обманули народ социалисты-революционеры и что дало народу новое правительство большевиков», изданную в 1917 г.³

Некоторые сведения о деятельности земельных комитетов можно найти в изданных в 20-х годах в виде хроник документальных сборниках: «1917 год в Иваново-Вознесенском районе», «Революция в Самарской губернии. 1917—1918 год», «1917 год в Сталинградской губернии», «Борьба за Советы на Екатеринославщине», «1917 год в Воронежской губернии» и других. К 10-летию юбилею Октябрьской революции был напечатан документальный сборник «Крестьянское движение в 1917 году» (М.—Л., 1927), а через два года была осуществлена публикация документов в двух частях «Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации» под редакцией и с предисловием проф. А. В. Шестакова.

В сборнике «Крестьянское движение в 1917 году» опубликованы сведения об аграрных выступлениях за март—октябрь 1917 г., которые поступали в Главное управление по делам милиции от комиссаров Временного правительства, землевладельцев, управляющих имениями и т. д. Сообщения сводились в одну ведомость за определенное время, а начиная с середины апреля ведомости составлялись ежедневно. Сведения распределялись по губерниям в хронологическом порядке. В сборнике они сгруппированы не только по губерниям и месяцам, но и по районам.

В эти сообщения входят в большинстве случаев материалы об аграрном движении — захваты земли, инвентаря, порубки леса, захваты и разгромы имений, арендное движение и т. п.

При использовании сборника необходимо помнить, что в ведомости включались непроверенные сообщения. Кроме того, они подвергались двойной обработке: сокращению секретарской частью и редактированию. Следует также иметь в виду, что документы исходили или от комиссаров Временного правительства, или от лиц, пострадавших от крестьянского движения. Наконец, поступавшие в Главное управление по делам милиции сообщения с мест не охватывали всех случаев движения. Ведомости сравнительно мало дают сведений о земельных комитетах. Из опубликованных сообщений часто трудно определить, о каких комитетах идет речь (земельных, продовольственных, исполнительных), кто автор сообщения.

Для изучения истории земельных комитетов более ценным является сборник документов «Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации». Большинство включенных в него материалов охваты-

² Ю. У. То м а ш е в и ч. О некоторых вопросах источниковедения истории крестьянского движения в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции.— «Проблемы источниковедения», т. VII. М., 1959; Е. В. Б а ж е н о в а. Публикации Временного правительства и его специальных экономических органов по вопросам народного хозяйства России.— «Труды Б-ки АН СССР и ФБОН АН СССР», т. V. М.—Л., 1961.

³ Об этом см.: Е. А. Л у ц к и й. Первый советский сборник документов.— «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966.

вают четыре промышленные губернии (Петроградскую, Московскую, Владимирскую, Пермскую) и пять сельскохозяйственных (Самарскую, Саратовскую, Тамбовскую, Воронежскую, Вятскую). Сгруппированы документы по тематическим разделам, а внутри разделов расположены в хронологической последовательности.

Из 565 опубликованных документов материалы о земельных комитетах имеются в 110 документах. Правда, в большинстве случаев это краткие упоминания о комитетах. И лишь примерно в 30 документах более или менее конкретно освещены некоторые моменты их деятельности. В них имеются сведения о времени возникновения и численности земельных комитетов в Тамбовской губернии, ряд документов отражает борьбу за расширение прав комитетов и деятельность отдельных комитетов по регулированию арендных сделок на землю, установлению цен на рабочие руки. В сборнике отражены события, связанные с опубликованием 13 сентября тамбовскими эсерами так называемого «Распоряжения № 3». В отчетах о заседаниях исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов встречается некоторая информация о работе Главного земельного комитета. Особую группу составляют законодательные акты Временного правительства о крестьянских организациях. В данный раздел включены не только опубликованные законы и циркуляры, но и не получившие силу закона законопроекты.

Однако в целом сборник не дает достаточно полного, а иногда и правильного представления о деятельности земельных комитетов и их роли в крестьянском движении. Объясняется это тем, что документы отбирались по сравнительно небольшой территории. В сборнике преобладают материалы периодической печати, а среди них корреспонденции, авторы которых излагали информацию с определенных позиций. Этот недостаток, который отмечают и сами составители, присущ всем разделам. По истории земельных комитетов включены всего лишь 15 архивных документов. Наконец, почти нет документов, исходивших от самих земельных комитетов (протоколы, резолюции, переписка и т. п.). А именно эта группа материалов позволяет наиболее точно выяснить характер действий комитетов.

В последующие 30 лет было издано много документов по истории Великой Октябрьской социалистической революции⁴.

В широких масштабах развернулась публикаторская работа в связи с 40-летием Советской власти. Было осуществлено издание в 10-ти томах серии документов и материалов «Великая Октябрьская социалистическая революция» (1957—1963 гг.). Изданию предшествовала огромная работа по изучению архивных материалов, периодической печати и других источников. Во всех томах можно найти ценные, впервые публикуемые документы о крестьянском движении и крестьянских организациях. К сожалению, материалов о земельных комитетах сравнительно мало. Не по всем вопросам составителям удалось отобрать наиболее типичные и обобщающие документы. Необоснованно отсутствие постановления I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов от 23 июня 1917 г. и других важных источников.

Много было сделано в последние годы по публикации местных документов 1917—1918 гг.

Только в европейской части РСФСР было издано несколько десятков сборников документов, подготовленных областными государственными и партийными архивами.

Они расширяют источниковедческую базу для изучения истории крестьянского движения и крестьянских организаций. Однако приходится

⁴ В. В. Филагина, А. М. Штутина, В. П. Мещанова. Великая Октябрьская социалистическая революция. Библиографический указатель документальных публикаций. Под ред. Е. Н. Городецкого. М., 1957.

отмечать, что при подготовке местных публикаций не было уделено должного внимания аграрному вопросу, в частности крестьянским организациям, в их числе и земельным комитетам.

В небольшом сообщении невозможно разобрать все публикации. Останемся на содержании нескольких сборников документов по сельскохозяйственным губерниям: Воронежской, Курской, Орловской, Пензенской, Рязанской⁵. В эти сборники включены документы различного происхождения, отражающие борьбу крестьян против помещиков в отдельных селах, волостях и уездах, формы проявления этой борьбы. Встречаются, правда редко, крестьянские указы о земле. Заслуживают внимания материалы о крестьянских съездах, которые оказывали то или иное влияние на крестьянское движение, на деятельность земельных комитетов. Ценные сведения о событиях в деревне после Февральской революции дают выступления делегатов из уездов на Рязанском губернском съезде представителей общественных организаций. По составу делегатов данный съезд фактически был крестьянским. Несмотря на попытки представителя Временного правительства Шаховского повлиять на решения съезда, последний принял неудобное правительству постановление по земельному вопросу, которое крестьяне восприняли как закон. Приходится только сожалеть, что текст постановления составители почему-то не включили в сборник.

В сборнике по Пензенской губернии опубликованы материалы о I и II губернских крестьянских съездах в апреле и мае 1917 г. Постановления II съезда оказали большое влияние на политику земельных комитетов губернии.

Деятельность земельных комитетов с различных позиций раскрывается в телеграммах и заявлениях помещиков и лесопромышленников, донесениях комиссаров Временного правительства, газетных корреспонденциях, протоколах и постановлениях исполнительных комитетов, Советов крестьянских депутатов. И все же рассматриваемые публикации поверхностно рассказывают о борьбе крестьян за землю. Документы о крестьянском движении в них составляют 20—30%. Несколько полнее они представлены в сборнике «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии». Однако в этой публикации, как и в сборнике по Воронежской губернии, основными материалами о крестьянском движении являются сводки Главного управления по делам милиции, ранее опубликованные в сборнике «Крестьянское движение в 1917 году». Еще меньше источников о земельных комитетах: из 563 документов пяти сборников их лишь 43. Совсем нет документов о земельных комитетах Тамбовской, Рязанской губерний, всего три документа по Пензенской. Между тем в Пензенской губернии раньше, чем в других губерниях, были организованы земельные комитеты. Широкое распространение получили они в других центральных земледельческих районах. К началу августа в Рязанской губернии земельные комитеты действовали в 190 волостях из 248, в Воронежской губернии — в 176 из 246⁶.

В названных публикациях редко встречаются документы низовых комитетов, не отражена борьба Временного правительства и его местных органов против земельных комитетов. Существенные пробелы в докумен-

⁵ «Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии. 1917—1918». Воронеж, 1957; «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии». Курск, 1957; «Борьба грядущих Орловской губернии за установление Советской власти в 1917—1918 гг.». Орел, 1957; «Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции в Пензенской губернии». Пенза, 1957; «Борьба за установление и укрепление Советской власти в Рязанской губернии (1917—1920 гг.)». Рязань, 1957.

⁶ «Сельскохозяйственный листок» (Рязань), 5 августа 1917 г.; ЦГАОР СССР, ф. 406, оп. 6, д. 77, л. 38.

тальном освещении истории земельных комитетов нельзя объяснить отсутствием источников. Остановимся лишь на некоторых архивных источниках. Прежде всего следует назвать фонд Главного земельного комитета (№ 930), хранящийся в ЦГАОР СССР. Немало интересных документов можно найти в фондах Министерства земледелия (№ 934), Главного управления по делам милиции (№ 406), отдела по делам местного управления МВД (№ 398) и других.

Все архивные документальные материалы о земельных комитетах по их происхождению и содержанию можно разбить на четыре крупные группы. На первое место следует поставить значительную по объему группу документов, исходящих от земельных комитетов. Сюда относятся материалы исполнительных комитетов, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, освещающие деятельность земельных комитетов. Основными видами документов являются протоколы (журналы заседаний), постановления, телеграммы, докладные записки, опросные листы (анкеты). Наибольшее число постановлений и протоколов земельных комитетов сохранилось по Костромской, Новгородской, Полтавской, Рязанской губерниям.

Этот вид источника наиболее точно отражает историю земельных комитетов. Его значение в данном случае возрастает, так как авторами большинства протоколов являются волостные комитеты. Наряду с разрозненными материалами имеются целые подборки в количестве 20—30 документов.

Телеграммы передавали определенные сведения или являлись формой переписки. Это ответы на запросы различных учреждений, информация о деятельности комитетов и крестьянском движении, предложения по регулированию земельных отношений. Телеграммы иногда дублируют тексты постановлений комитетов. С целью ускорения информации их содержание передавалось телеграфно полностью или в изложении с соответствующими пояснениями. Такое же назначение имели и докладные записки. Но в них можно найти больше подробностей, деталей. При отсутствии протоколов телеграммы нередко являются единственным, хотя и менее ценным, источником, который позволяет восстановить те или иные действия комитетов. С другой стороны, без документов переписки часто нельзя выяснить историю появления постановления, его дальнейшую судьбу, отношение к нему населения и правящих кругов.

В фонде Главного земельного комитета хранятся поступившие с мест опросные листы или сводки по этим листам⁷. К сожалению, их сравнительно немного: 39 листов по Пензенской, Смоленской, Рязанской, Пермской и другим губерниям; сводка 259 листов по Ставропольской и 159 листов по Уфимской губерниям. Опросные листы, судя по содержанию, охватывают период марта — июня 1917 г. Они заполнялись земельными комитетами или отдельными жителями деревни (в большинстве крестьянами). Непосредственные участники или очевидцы борьбы за землю дают ответы на вопросы: когда, чьи, каким образом захватывались земли, какова была роль в решении земельного вопроса крестьянских организаций и съездов. Особого внимания заслуживают сообщения об участниках аграрного движения. В анкете были поставлены вопросы: а) участвовали все крестьяне, б) только средние, в) средние и бедные, г) только бедные. Правда, лица, заполнявшие листы, часто не отвечали на поставленные вопросы или давали ответы, исключаяющие друг друга. Только в 20 анкетах даны определенные ответы: в движении участвовали все крестьяне — 6 анкет, средние и бедные — 8, бедные — 6. Зато на вопрос «примыкали ли хуторяне и отрубники к крестьянскому движению» имеются ответы в 403 листах: не примыкали — 327 анкет, примыкали — 75.

⁷ ЦГАОР СССР, ф. 930, оп. 1, д. 70, лл. 1—92.

Другой важной группой источников являются документы, исходившие непосредственно от крестьянских масс: протоколы, постановления волостных собраний, уездных и губернских крестьянских съездов. Сохранилось значительное количество протоколов волостных собраний (сходов) по выборам волостных земельных комитетов. Они дают возможность выяснить не только многообразие форм, систем выборов, но и сделать вывод о том, что низовые земельные комитеты избирались всем крестьянством или большинством и создавались нередко по инициативе самих крестьян. Если учесть, что Временное правительство отпускало кредиты на $\frac{1}{5}$ волостей, то большинство таких земельных комитетов лишь формально считались правительственными учреждениями, на деле были самостоятельными органами крестьянства.

Протоколы волостных собраний свидетельствуют о доверии крестьян к земельным комитетам, с помощью которых они рассчитывали получить помещичьи земли до Учредительного собрания. Но крестьяне выносили решения, в которых выражали несогласие с действиями комитетов, проводившими политику Временного правительства. По материалам некоторых крестьянских съездов можно проследить борьбу за демократизацию и расширение прав земельных комитетов, влияние постановлений съездов на деятельность комитетов.

В особую группу следует выделить документы враждебного трудящемуся крестьянству лагеря помещиков, лесопромышленников, сахарозаводчиков. Многочисленные письма, телеграммы содержат жалобы на действия земельных комитетов. Но эта информация далеко не всегда достоверна, т. к. землевладельцы искажали действительность. Поэтому все приводимые в них конкретные факты о земельных комитетах требуют тщательной проверки. Однако документы отдельных помещиков и помещичьих организаций являются незаменимым источником, когда речь идет об изучении политики и тактики контрреволюции. Они показывают двойкий характер борьбы помещиков против земельных комитетов: открытое наступление на комитеты, с одной стороны, и стремление сделать их послушным орудием в руках крупных землевладельцев, с другой стороны.

Наконец, четвертую, значительную по объему, группу составляют документы учреждений Временного правительства: инструкции, положения, циркуляры, протоколы и стенограммы заседаний Главного земельного комитета, служебные доклады работников министерств, сводки, справки по материалам, поступившим с мест, переписка с местными учреждениями.

Справки о земельных комитетах, несмотря на их неполноту, правильно отражают процесс организации губернских, уездных и волостных комитетов в Европейской России. Порядок организации губернских и уездных комитетов, их структуру и функции определял «Наказ по организации и деятельности губернских и уездных земельных комитетов», принятый Главным земельным комитетом 31 мая и более детально изложенный затем в проекте инструкции местным земельным комитетам⁸.

Борьба вокруг земельных комитетов на местах, непосредственно связанная с аграрным движением, накладывала отпечаток на деятельность центральных учреждений, заставляла думать о пересмотре или уточнении постановления о земельных комитетах. Протоколы заседаний Главного земельного комитета, тексты служебных докладов позволяют восстановить (не всегда в желаемых деталях) историю подготовки и обсуждения нескольких проектов нового положения (постановления) о земельных комитетах. Они разоблачают предательскую политику эсеров, политику обмана крестьян. Особенно интересны в этом отношении протокольные записи обсуждения в Главном земельном комитете законопроекта министра

⁸ ЦГАОР СССР, ф. 934, оп. 1, д. 12, лл. 39, 53—59.

земледелия С. Маслова «Правила об урегулировании земельными комитетами земельных и сельскохозяйственных отношений».

Циркуляры, обширная переписка с комиссарами Временного правительства и местными земельными комитетами отражают ту же политику сохранения помещичьего землевладения, проводившуюся Министерством земледелия, Главным земельным комитетом и правительством в целом. Они говорят о резко отрицательном отношении Временного правительства всех составов к любым попыткам земельных комитетов, крестьянских съездов нарушить дореволюционные аграрные отношения.

При изучении истории земельных комитетов нельзя ограничиться использованием документов только центральных архивов. Знакомство с фондами некоторых областных архивов показывает, что в них хранится немало ценнейших и еще неиспользованных источников. Взять, например, Государственный архив Куйбышевской области. Здесь из всех фондов периода 1917 г. лучше всего сохранился фонд губернского земельного комитета (№ 645). В нем насчитывается 157 единиц хранения. Имеется небольшой (6 единиц хранения) фонд Самарского уездного земельного комитета. Фонд губернского исполнительного комитета содержит 21 единицу хранения. Правда, основные виды документов в них те же, что и в ранее названных фондах ЦГАОР СССР (протоколы, постановления, временные правила о землепользовании, телеграммы и т. д.). Но по количеству и содержанию они более полны, разнообразны и дают возможность конкретно изучить деятельность отдельных комитетов.

С другой стороны, в фонде губернского земельного комитета имеются материалы, которых нет или почти нет в ЦГАОР СССР. Прежде всего это документы, которые характеризуют взаимоотношения губернских, уездных и волостных комитетов. Часто их действия резко расходились. Губернские власти стремились собственными силами воздействовать на уездные или волостные земельные комитеты. Естественно, возникавшая при этом документация дальше канцелярий губернских учреждений не шла. Интересны документы о связях между волостными комитетами, об их согласованной, планомерной работе. Имеются протоколы межволостных совещаний комитетов по улаживанию конфликтов, по распределению помещичьих земель между волостями.

Одним из эсеровских доводов против немедленного захвата помещичьих земель было утверждение, что захват приведет к сокращению посевных площадей. Вся буржуазная и мелкобуржуазная печать кричала об анархии в деревне, о подрыве сельскохозяйственного производства. В ответ на это некоторые земельные комитеты проводили обследования для выяснения вопроса об использовании перешедших к крестьянам частновладельческих земель. Сохранившиеся акты обследований говорят о том, что в большинстве случаев все земли использовались правильно.

Как видим, в государственных архивах имеется основательная историко-ведческая база для публикаторской работы. Теперь, когда в основном завершена публикация документов по истории Великой Октябрьской социалистической революции, наступило время подготовки и издания сборников документов по отдельным темам, в том числе и по истории земельных комитетов. Но такие публикации могут иметь определенное научное значение в том случае, если будет многоплановый отбор документов.

Деятельность земельных комитетов отражена в документах различного происхождения. Они, как говорилось ранее, имеют неодинаковую научную ценность. При подготовке публикаций прежде всего необходимо обращать внимание на документы самих комитетов (протоколы, постановления). Наиболее точные сведения по этим вопросам дают именно протоколы и постановления земельных комитетов и прежде всего волостных.

Сопоставление этих документов с другими источниками и прежде всего с исходящими от помещиков убедительно показывает, что последние часто излагали факты в искаженном виде. Например, владельцы имений нередко сообщали о захвате земель, а в действительности речь шла о передаче необрабатываемых земель в аренду крестьянам. В свою очередь сообщения общего характера о принудительной аренде не могут использоваться без должной проверки. Постановления об аренде помещичьих земель имели разное значение. Одно дело аренда по дореволюционным ценам, другое — по 5—8 руб. за десятину со взносом денег в земельные комитеты. Последняя является по существу безвозмездным захватом помещичьих земель.

Вполне понятно стремление составителей включить в публикации прежде всего документы, отражающие революционные действия комитетов. Но ограничиваться отбором однотипных документов было бы неправильно. Только одновременное издание документов революционно настроенных комитетов и комитетов, поддерживавших политику Временного правительства, может дать правильное представление об их позициях на различных этапах крестьянского движения.

Нельзя ограничиться изданием отдельных видов документов, например, протоколов или постановлений. Для оценки конкретного постановления и тем самым действий земельного комитета, принявшего это постановление, важное значение иногда имеет история происхождения документа, его влияние на борьбу крестьян против помещиков. Отсюда необходимость комплексного отбора источников для публикации.

Как уже указывалось, в сборнике «Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации» опубликовано эсеровское «Распоряжение № 3. Всем земельным и продовольственным комитетам Тамбовской губернии» и некоторые другие материалы, связанные с данным распоряжением. Тамбовские эсеры рассчитывали под видом учета передать имения под охрану земельных комитетов и тем самым спасти помещичью собственность. Нельзя до конца понять тактику эсеров, не изучив всю совокупность документов. В этом легко убедиться, ознакомившись со статьей Е. А. Луцкого «Распоряжение № 3»⁹. Поэтому при публикации «Распоряжения № 3» следует иметь в виду документы фонда министра — председателя Временного правительства (№ 3), которые раскрывают позицию Министерства земледелия и позволяют установить прямую связь между этим распоряжением и земельным законопроектом С. Маслова.

Временное правительство, хотя и приостановило исполнение «Распоряжения № 3», формально его не отменяло. Объясняется это тем, что в Министерстве земледелия быстро уяснили подлинный смысл затеи с этим распоряжением. По поводу жалоб помещиков в связи с появлением «Распоряжения № 3» товарищем министра земледелия Ракитниковым 20 сентября была составлена докладная записка на имя председателя Временного правительства и верховного главнокомандующего. В ней обращалось внимание на то, что еще до принятия «Распоряжения № 3» Тамбовский губернский земельный комитет направил в Главный земельный комитет телеграмму, в которой предлагал ввиду разраставшегося крестьянского движения в срочном порядке провести закон о передаче земель сельскохозяйственного назначения в распоряжение земельных комитетов.

«Изложенная телеграмма, — говорилось далее в записке, — доказывает, что вынесенное впоследствии, в разгар аграрных беспорядков, постановление губернского земельного комитета о передаче всех частновладельческих имений в распоряжение и под охрану земельных комитетов вызвано

⁹ «Ученые записки Московского городского пед. ин-та им. В. П. Потемкина», т. XXVI, вып. 3. М., 1953, стр. 75—101.

было единственно стремлением губернского комитета внести успокоение в крестьянскую массу, взять под свою защиту.... частновладельческие имения и локализовать, затушить вспыхнувший пожар»¹⁰.

Ракитников высказывал свое отношение к действиям тамбовских эсеров. «По долгу совести,— писал он,— должен признать, что мера, принятая Тамбовским губернским земельным комитетом, правильна и является единственным выходом из создавшегося положения». Поэтому авторы записки предлагали не отменять постановление губернского земельного комитета — отмена «усилит раздражение и озлобление в крестьянской среде», а «использовать его как принятие частновладельческих имений под охрану земельных комитетов, ни в коем случае не стесняя собственников в ведении хозяйств, и взять лишь под контроль комитета использование и распределение земель, не обрабатываемых владельцами и сдаваемых ими в аренду»¹¹. Таким образом, предлагалось использовать земельные комитеты в качестве буфера между помещиками и крестьянами.

По истории земельных комитетов имеется много однотипных документов. Поэтому при подготовке тематических сборников можно использовать статистический метод передачи содержания не вошедших в публикацию документов. Взять, например, постановления земельных комитетов. Они легко поддаются статистической обработке. Все постановления можно систематизировать по комитетам (губернским, уездным, волостным), по территории и месяцам их появления и, наконец, по содержанию.

Если одновременно учитываются сведения различного происхождения, то необходимо в соответствующих графах указывать источник этих сведений (подлинники, копии постановлений земельных комитетов, сообщения помещиков и комиссаров Временного правительства, исполнительных, продовольственных комитетов и т. п.).

Составленные таким образом таблицы нельзя, конечно, считать первоисточником. Но при тщательной, строго научной обработке документов их можно вполне использовать в научных исследованиях. В этом убеждают сводные таблицы о правонарушениях, составленные Главным управлением по делам милиции и опубликованные в сборнике «Крестьянское движение в 1917 г.». Несмотря на серьезные недостатки, они использовались историками на протяжении нескольких десятилетий.

Мы остановились только на задачах публикации документов по истории земельных комитетов 1917 г. Предстоит большая работа по выявлению и отбору многих тысяч документов не только по этой теме. Выполнить ее можно совместными усилиями многих историков и научных сотрудников архивов.

¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 3, оп. 1, д. 344, л. 1.

¹¹ Там же, л. 2.

А. В. Флоровский

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ РОССИИ ЭПОХИ ПЕТРА I В ЧЕШСКИХ АРХИВАХ *

В 1721 г. венский императорский двор направил ко двору царя Петра I своего чрезвычайного посла для восстановления дружественных отношений с Россией, прерванных в начале 1719 г. по инициативе Вены. Эта миссия была возложена на графа Стефана Вилема Кинского — представителя одного из крупнейших магнатских родов Австрийской империи и в частности Чехии. В одном из чешских архивов рода Кинских (в замке Слоупы) сохранился свод документов по этой миссии с текстом всех донесений Кинского из России императору Карлу VI от сентября 1721 г. до середины 1723 г. В настоящее время этот материал хранится в Государственном земледельческо-лесничем архиве в г. Дечине в северной Чехии¹.

Этот большой фолиант в белом кожаном переплете содержит материалы, разделенные на три части. В первую входят документы, касающиеся подготовки русской миссии Кинского, начиная с данной ему инструкции 20 июня 1721 г. и перечня вопросов, которые Кинский задавал венскому правительству относительно своей предстоящей деятельности в России, и кончая текстом речи, приготовленной Кинским для прочтения при первой же аудиенции у царя Петра. Вторую часть составляют переписанные сплошь — без новых страниц для каждого документа — донесения Кинского императору. В тексте донесений нет ничего написанного шифром, хотя в подлинниках, хранящихся в Венском архиве, многие места были тщательно зашифрованы. Третью часть фолианта составляют разрозненные материалы, касающиеся России, — немецкий рукописный текст Духовного регламента, печатный гравированный план Петербурга 1716 г. с портретом Петра Великого (типа Купецкого) работы А. Зубова, чертеж (с раскраской) Ладожского канала, несколько печатных русских плакатов и т. д., очевидно кое-что из того материала, который подбирал гр. Кинский во время своего пребывания в России.

При изучении миссии Кинского нельзя, конечно, ограничиться данным фолиантом; в Венском государственном архиве², кроме него, имеется еще

* Настоящая статья является частью большой работы А. В. Флоровского, опубликованной в «Sborník archivních prací», Praha, 1968, N 2, 513.

¹ Государственный земледельческо-лесничий архив, г. Дечин, «Acta legationis Moscoviticae» и др.

² Венский гос. архив, Haus-, Hof- und Geheimgeschichtliches Archiv, Россия, 1721—1722 гг.

много существенных дополнений. Однако и сам сборник дает возможность ознакомиться с этим важным этапом в развитии русско-австрийских отношений. В исторической литературе о нем почти ничего нет. С. М. Соловьев³ лишь мельком упоминает о Кинском, при этом делает ошибочное толкование одного из его действий. Венский материал читал и отчасти бегло использовал в конце прошлого века А. Г. Брикнер⁴ в своей статье об австрийских дипломатах в России в 20-е годы XVIII в. Несколько больше извлек из того же архивного фонда М. А. Полиевктов⁵ в книге о балтийском вопросе в русской дипломатии после Ништадского мира 1721 г. Однако Полиевктову оказался почему-то недоступен такой важный документ, как инструкция Кинскому.

Весьма мало найдется упоминаний и ссылок на миссию Кинского в иностранной научной литературе. Основное содержание всей этой, хотя и кратковременной, миссии остается до сих пор вне круга внимания и русских и западноевропейских историков, в частности историков австрийских. Миссия в целом представляет несомненный интерес, поскольку помогает представить себе создавшуюся после заключения Ништадского мира общую политическую обстановку в Европе и позиции России в международных отношениях этих лет. В последние годы венский материал Кинского был привлечен к написанию истории дипломатии Петра I гёттингенским профессором Р. Виттрамом⁶. В его книге имеется немало ссылок и на донесения Кинского, однако в целом эта миссия не освещена.

Отправление в Россию чрезвычайного имперского посла в 1721 г. состоялось после того, как прерванные по решению венского двора дипломатические отношения между Австрией и Россией удалось по инициативе Петра I и при усилиях посетивших Вену русских представителей ген. И.-Б. Вейсбаха и П. И. Ягужинского обновить и наладить «взаимную корреспонденцию» между венским и русским дворами. Вена назначила на пост посла при царском дворе гр. С.-В. Кинского, учитывая, между прочим, и его знания чешского языка, что должно было, по представлению Вены, облегчить его работу в русской политической среде. В России Кинский должен был прежде всего наладить имперское посредничество и содействовать примирению между Россией и Швецией в связи с созывом еще в 1713 г. Веной мирового конгресса в Брауншвейге. С другой стороны, Кинский должен был попытаться создать благоприятные возможности для заключения дружественного союза между Австрией и Россией. Обе эти задачи не были решены Кинским. Первая отпала сама собой, поскольку в Россию Кинский прибыл уже тотчас по подписании мира в Ништадте. И хотя царь Петр изъявлял и после этого готовность принять участие в работах Брауншвейгского конгресса, Вена отказалась от самого продолжения этого международного обсуждения, поскольку нерешенными в области североевропейских дел оставались теперь вопросы, которые Вена предпочитала бы решить без участия иных великих держав — в порядке внутреннего обсуждения и соглашения. Для продвижения же вопроса о русско-австрийском союзе в России слагалась в то время обстановка весьма неблагоприятная, так как при русском дворе широко развернул акцию посол Кампредон по привлечению России к союзу с Францией и попутного примирения царя с Англией. При русском дворе разыгралась тогда интереснейшая борьба двух концепций — русско-французской и русско-австрийской. Весьма поучительно ввиду этого параллельное изуче-

³ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. IX. М., 1963, стр. 232.

⁴ А. Г. Брикнер. Австрийские дипломаты в России (по документам Венского архива). — «Вестник Европы», 1893, XII, стр. 506.

⁵ М. А. Полиевктов. Балтийский вопрос в политике после Ништадского мира. СПб., 1912.

⁶ R. Wittram. Peter I. Czar und Kaiser, I—II. Göttingen, 1964.

ние донесений Кампредона версальскому двору⁷ и реляций Кинского Карлу VI. Руководители русской дипломатии Г. И. Головкин и П. Шафиров стараются сохранить независимость русской политической линии среди этих противоборствующих влияний и домогательств. Это параллельное изучение дипломатической переписки позволяет заглянуть за кулисы дипломатической игры, причем любопытно, что иной раз в донесениях конкурента оказываются некоторые подробности о выступлениях и заявлениях противной стороны, которых мы не находим в донесениях самого Кинского.

Миссия Кинского не увенчалась какими-либо определенными успехами, хотя и содействовала налаживанию более или менее дружественных отношений между Россией и Австрией. Но она сравнительно скоро оборвалась по инициативе самого Кинского, поддержанного и венским двором, предложившим послу вернуться «по домашним обстоятельствам». Однако причиной этого отъезда были обстоятельства, выходящие далеко за пределы «домашних». Перед Веной поставлена была проблема, как отнестись к настояниям русского двора о признании императорского титула за Петром I. Уклоняясь от прямого и формального отказа от подобного признания, венский двор предлагал как бы закрыть место министра-посла при русском дворе, что давало Вене возможность избежать признания этого нового достоинства русского монарха.

С. М. Соловьев⁸ связывал отъезд Кинского с его официальным выступлением в пользу признания за внуком царя, сыном царевича Алексея, прав на русский престол. Это была ошибка, Кинский, насколько можно судить по всей совокупности его бумаг, подобного официального выступления не делал, хотя, конечно, предварительно и сдержанно вел переговоры о правах царевича. А с другой стороны, в переписке Кинского имеется достаточно вполне положительных указаний, что суть дела была именно в титуле. Это по документам Венского архива уже разъяснил в свое время А. Г. Брикнер⁹.

Мы не можем здесь входить в рассмотрение существа русской миссии Кинского, а остановимся лишь на некоторых его сообщениях, касающихся внешней стороны его миссии, поскольку она довольно подробно освещается в дечинском фолланте.

Кинский прибыл в Петербург 10(21) сентября 1721 г. и поселился в каменном доме генерал-майора Чернисова (очевидно, Чернышова.— А. Ф.). Он организовал здесь целый посольский двор на широкую ногу, при нем состояло несколько офицеров, пажи, караульные, служители, кучера и даже особый посольский музыкальный коллектив, который иной раз пел в русских храмах, и т. д. В официальных случаях посол бывал на разных собраниях и даже несколько раз принимал у себя самого царя. По донесениям Кинского можно было бы составить подробный хронологический обзор всех этих встреч и выступлений. Для хроники петербургской придворной и московской жизни и хроники жизни самого царя тут имеется множество иллюстраций. Можно найти сведения и о времяпрепровождении русского двора и всего дипломатического корпуса, о передвижениях самого царя, о приемах, представлениях, встречах и разговорах с самыми разнообразными особами. Не забудем, что в это время в Петербурге находился и герцог Голштинский, принятый царем под свое покровительство и занимавший своими делами русских и австрийских политиков, как это хорошо известно по дневнику камер-юнкера герцога Голштинского Берхгольца¹⁰.

⁷ Сб. РИО, т. 40, 49, 52.

⁸ С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. IX, стр. 534, 644. К сожалению, теперь не найден в ЦГАДА тот документ, на который ссылается Соловьев.

⁹ А. Г. Брикнер. Указ. соч., стр. 508.

¹⁰ «Дневник Берхгольца, веденный им в России (1721—1725)», I—IV. М., 1902—1903.

Первая встреча Кинского с царем состоялась 1 октября 1721 г. в Летнем дворце, куда посол со свитой приехал по воде в предоставленной ему «царской барке». Кинский потом не раз обращал внимание на своеобразие жизни в Петербурге, где нужно было постоянно пользоваться ладьями для переезда из одной части города в другую.

В январе 1722 г. Кинский вслед за русским двором переехал в Москву, хотя в Вене уже тогда было определено решить отозвать посла не как посла, но как «болящего». В Москве еще продолжались торжества по случаю подписания мира в Ништадте. Кинский и здесь не раз имел случай встречаться и общаться с царем. По возвращении царя в марте после лечения открытыми Петром I в 1715 г. «марциальными» водами в Олонце Кинский развеселил царя заявлением, что от внимания царя, видно, не уходит ничто — ни на земле, ни под ней¹¹. С отъездом царя по Волге в Астрахань в персидский поход присутствие Кинского в России переставало быть необходимым, и он 16 июля покинул Москву с тем, чтобы уже через месяц покинуть Петербург и направиться домой.

Личное общение гр. Кинского с царем, с членами его семьи, с ближайшим окружением, с министрами, генералами и другими в течение почти года могло ввести внимательного и наблюдательного посла в самую гущу русских политических и общественных отношений. Круг его наблюдений не был, конечно, слишком велик, поскольку ограничивался высшим светом русских столиц, новой и старой, и кругом дипломатов, государственных людей, военных руководителей. «Дружеские» встречи на царских приемах и в частных домах с иностранными дипломатическими коллегами, представлявшими иной раз вполне враждебные Австрии и делу Кинского планы и идеи, неминуемо вводили Кинского в круг текущих политических планов и отношений России, помогали ему понимать и представлять себе весь круг политических интересов, сходящихся тогда у царского трона, укрепившего свое международное влияние и ставшего одним из важнейших средоточий общей политики тогдашнего европейского света.

К сожалению, донесения Кинского из России не содержат достаточно материала о всем круге его наблюдений и впечатлений. Он ограничивался по преимуществу регистрацией тех фактов и тех элементов в своих разговорах и переговорах, которые непосредственно были связаны с проблемами международной политики России, и Россия, как таковая, и вся русская политическая и иная жизнь в донесениях отображаются не часто и не полно. Кинский занимался описанием русских отношений лишь изредка, отступая от основных политических тем дня и времяпрепровождения царского двора. В частности, Кинский изредка сообщает в Вену отрывочные, но несомненно нужные венскому двору сведения о русской армии и ее командовании¹². Кинский, конечно, направил в Вену в свое время и сведения о таких важных актах, как издание «Правды воли монаршей», Табели о рангах 24 января 1722 г., сведения о подготовке реорганизации местного управления¹³.

К глубочайшему сожалению, ни в дечинском фолианте, ни в Венском государственном архиве нет никаких следов обещанного Кинским особого сводного доклада о русских впечатлениях. В донесении 13 апреля 1722 г. он оговаривал свою готовность сделать в Вене обстоятельный устный доклад императору и правительству «о здешней русской ситуации» и внести этим большой свет в «здесьние дела» в связи с несомненной пользой укрепления дружбы между Австрийской империей и Россией. Посол не решился доверить почти этот свой отчет о «всей здешней системе»¹⁴. «Я при-

¹¹ Донесение Кинского 27/III — 1722 г.

¹² Донесения Кинского 1/X, 15/XII, 20/XII — 1721 г., 9/II, 27/III — 1722 г.

¹³ Донесение Кинского 31/I — 1722 г.

¹⁴ Донесения Кинского 19/IV, 1/V, 29/V — 1722 г.

обрел,— говорил Кинский,— полную осведомленность о здешних обстоятельствах и могу теперь дать устно обо всем подробный отчет»¹⁵.

Читая эти заявления, трудно предположить, что Кинский не осуществил, будучи уже в Австрии, этот свой план и не решился доверить бумаге все свои впечатления и соображения. Пока, однако, подобной сводной реяляции Кинского нам обнаружить не удалось.

Нужно особо оговорить, что для истории русской миссии Кинского имеется не лишенный интереса материал издававшейся в Праге чешской газеты — еженедельника «Pražské poštovské Noviny» К. Ф. Розенмюллера. Здесь во время пребывания Кинского при русском дворе печатались корреспонденции из России о его деятельности. Можно думать, что их сообщал в Прагу кто-либо из окружения или свиты Кинского. Важно то, что в этих корреспонденциях можно найти и некоторые данные, дополняющие донесения самого Кинского. Так, заслуживает внимания, например, сообщение о посещении дома Кинского царем Петром I 16 ноября 1721 г. В Петербурге в это время началось сильное наводнение, так что в дом Кинского кое-кто из приглашенных не смог попасть, в частности и герцог Голштинский. Но Петр I ничего не испугался и от посла поехал в лодке по сильно «взбаламученной» Неве. И сам Кинский описал императору этот эпизод, о чем есть сведения и в дневнике Берхгольца. Но только в пражской газете находим любопытную подробность. Кинский провозгласил тост, напомнив о том, что русских связывает со славянами их общее происхождение от прародителей Чеха, Леха и Руса. Кинский иной раз сообщал императору удачные свои остроты при беседах с царем или его сотрудниками, однако на этот раз он воздержался осведомить немецкий правительственный центр о том, что он иногда при царском дворе брал и явно славянские ноты¹⁶.

И еще нужно отметить, что Кинский во время этой своей миссии проявлял, видимо, живой интерес к литературе о России. Во всяком случае в одной из библиотек рода Кинских имелось значительное собрание книг о России времени Петра Великого. В 1838 г. на это собрание обращал особое внимание М. П. Погодина О. М. Бодянский, знавший об этих книгах от библиотекаря Кинских Ф. Л. Челаковского¹⁷.

Конечно, это был не единственный человек в Чехии, кто интересовался русскими делами и книгами о них. Еще ныне в библиотеке рода графов Вальдштейнов-Вартенбург (ранее в замке Dux Oberleutendorf, ныне Мнихово Градиште) сохраняется пачка изданий на иностранных языках, посвященных различным событиям истории России. В частности, здесь имеются несколько немецких и латинских изданий царских манифестов о войне с турками 1711 г., брошюра о взятии Риги в 1710 г., апология Ивана IV пера Трейера (1711 г.), брошюры об императорском титуле царя, изданные в 1722 и 1724 гг., и др. Среди этих брошюр, зарегистрированных у Минцлова¹⁸, имеется одна, оставшаяся донныне не описанной,— брошюра о полтавской победе, изданная в 1709 г. в Кельне у Петра Марто с осуждением шведского короля¹⁹.

¹⁵ Донесение Кинского 6/VII — 1722 г. «Vollkommentliche Anzeige des hiesigen Systematik pro et contra».

¹⁶ Этот рассказ перепечатан: Vl. Klimeš. Počátky českého a slovenského novínářství. Praha, 1955, стр. 56; Ср. А. С. Мылъников.— «Советское славяноведение», 1967, № 1.

¹⁷ О. М. Бодянский. Письма к М. П. Погодину из славянских земель (1835—1861), I. М., 1879, стр. 53.

¹⁸ С. Р. Минцлов. Петр Великий в иностранной литературе. СПб., 1872.

¹⁹ «Des Moscovitischen Adlers unvermatteter Sieg über den Nordischen Löwen in Pohlen und Moscau, worinnen vernehmlich die letztere Action mit der Moscovitischer Armee und unglücklichen Niederlage des Königs von Schweden den 27 Juni styl-vet. 1709 ohnweit Poltawa unumständlich und mit curieusen Anmerckungen vorgestellt wird». Cölln, bey Peter Marteau.

Когда-то именно Кинскому приписывали авторство, в частности Бюшинг, интересной немецкой записки о вступлении на русский престол Екатерины I в 1725 г. Записка эта была в конце XVIII в. издана Бюшингом²⁰ по рукописи одного из венских архивов (неизвестно какого.— А. Ф.). Однако Кинский не мог быть автором этого сочинения, ибо в 1725 г. в России он не был, а записку писал очевидец русских событий первой половины сентября 1725 г. и она датирована — Вена, 29 сентября 1725 г.²¹ Мы останавливаемся на этой записке еще и потому, что в одном из чешских архивов, именно в бывшем архиве графов Ностицов²², имеется рукописный список этой записки на 90 листах, но с иным заглавием: «Gründliche Relation verschiedener Merkwürdigen Anecdoten des russischen Hofes in Sonderheit deren was bey letzten grossen Revolution nach Absterben des Tzaren daselbst vorgestalten. Anno MDCCXXV».

Ввиду разницы заглавий эту рукопись нельзя считать копией печатного издания Бюшинга, они сделаны, очевидно, с какого-то общего оригинала. Но и в этой рукописи нет никаких указаний на имя автора. Предположение Брикнера о возможной связи этой записки с именем секретаря имперского посольства в России Н. Х. Гохгольцера, который оставался при русском дворе и после отъезда Кинского, нельзя исключить, но автор записки все же был в сентябре 1725 г. уже в Вене, Гохгольцер между тем в это время оставался в России, подробно описывая в своих донесениях весь сложный круговорот событий после смерти Петра I и при укреплении Екатерины I на российском престоле. И уж никак нельзя считать автором записки гр. Рабутина, как это вслед за Минцловым повторяет в книге о Петре Великом Р. Виттрам²³ с оговоркой о редкой для серьезного дипломата не критичности. Ведь решение о его отправлении в Москву прямо из Берлина было в Вене принято только в октябре 1725 г. после того, как в августе отпала мысль о поручении русской миссии миланскому гражданину Н. Каймо (N. Caimo) или же вновь Кинскому. А самая посылка Рабутина была оформлена только уже в начале 1726 г.²⁴ К русскому двору Рабутин прибыл только к концу апреля 1726 г., 30 апреля он написал свое первое донесение из Петербурга. В занимающей нас записке между тем прямо говорится о том, что автор датировал ее 29 сентября 1725 г. уже после возвращения из России²⁵. Таким образом, Рабутин не мог быть автором указанной записки.

²⁰ «Magazin für Geographie und Geschichte», XI, стр. 481—522.

²¹ С. Р. Минцлов. Указ. соч., № 38, ст. 156. Ср. разъяснения Брикнера. Указ. соч., стр. 508—509, прим. 2.

²² Архив Ностицов, Q ii, ныне в Государственном архиве в Торшовском Тыне.

²³ R. Witttram. Op. cit., II, S. 406, 616.

²⁴ Ср. его верительную грамоту 30/1 — 1726 г.— Венский гос. архив, Haus-, Hof- und Geheimearchiv, Россия 13 «а», конволют 1, лл. 59, 62.

²⁵ Ср. relatio conferentiae, 17/VIII — 1725 г.— Венский гос. архив Haus-, Hof- und Geheimearchiv, Россия, 12 «в», 1725 г., лл. 102, 139 и др.

Н. А. Ивницкий

О ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА¹

Изучение истории социалистического преобразования сельского хозяйства в СССР имеет большое научное и практическое значение. «Переход советской деревни к крупному социалистическому хозяйству, — говорится в Программе КПСС, — означал великую революцию в экономических отношениях, во всем укладе жизни крестьянства. Коллективизация навсегда избавила деревню от кулацкой кабалы, от классового расслоения, от разорения и нищеты. На основе ленинского кооперативного плана извечный крестьянский вопрос нашел свое подлинное разрешение»².

Коллективизация сельского хозяйства означала коренные изменения не только в судьбах многомиллионного крестьянства, но и в жизни всей страны. Утверждение социалистических отношений во всем народном хозяйстве упрочило положение Советского государства.

Победа колхозного строя нанесла сокрушительный удар по троцкистским и правооппортунистическим теориям о путях строительства социализма, показала, что ленинский кооперативный план указывает единственно правильный путь социалистического преобразования сельского хозяйства для всех стран, вступивших на рельсы социалистического развития: «Ленинский кооперативный план доказал свою великую жизненность как для тех стран, где существовала длительная традиция глубокой привязанности крестьянства к частной собственности на землю, так и для стран, недавно покончивших с феодальными отношениями»³.

Не случайно поэтому проблема социалистического переустройства сельского хозяйства в последнее время привлекает все больше внимание исследователей. После XX съезда КПСС появились серьезные монографические работы по истории коллективизации, в которых содержится большой фактический материал и сделаны интересные наблюдения и выводы⁴.

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный на заседании Археографической комиссии.

² «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет, т. III. М., 1962, стр. 237.

³ «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм». М., 1961, стр. 47.

⁴ В. П. Данилов. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957; В. М. Селунская. Борьба КПСС за социалистическое преобразование сельского хозяйства. М., 1961; «Очерки истории

Появились также работы, исследующие вопросы коллективизации в различных районах страны⁵.

Однако несмотря на интенсивную разработку истории колхозного движения, нужно признать, что ряд вопросов до сих пор не получил достаточного освещения (например, классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса, развитие демократических основ колхозной жизни, взаимоотношения колхозов и государства и т. д.). В связи с этим большое значение для дальнейшей успешной разработки истории колхозного движения в нашей стране имеет введение в научный оборот ранее не известных источников.

В настоящее время Главным архивным управлением при Совете Министров СССР совместно с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Институтом истории Академии наук СССР предпринято издание серии документальных сборников по истории коллективизации сельского хозяйства в СССР. Для координации и научно-методического руководства работой по подготовке сборников документов создана Главная редакция во главе с членом-корреспондентом АН СССР Д. М. Кукиным. Главная редакция провела ряд мероприятий по организации подготовки и издания общесоюзной серии: определены основные социально-экономические районы, по которым будут издаваться сборники, рассмотрены планы-проспекты томов серии, проведены кустовые координационные совещания, в которых приняли участие члены Главной редакции, работники Главного архивного управления и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Всего должно быть издано 26 по-районных сборников (некоторые в 2—3 томах) и 3 тома сводных материалов по СССР.

Уже вышли в свет сборники документов по истории коллективизации сельского хозяйства в Узбекистане, Северном и Западном районах РСФСР, Молдавии, Туркмении, Татарии и Казахстана⁶, а также два тома документов по Украине, которые по существу являются составной частью серии, хотя формально и не входят в ее состав⁷.

Подготовлены к печати два тома сводных материалов по СССР. Первый том охватывает период непосредственной подготовки массовой коллективизации сельского хозяйства (1927—1929 гг.), а второй освещает проведение сплошной коллективизации в 1929—1932 гг.

Опыт подготовки и издания отдельных томов позволяет подвести первые результаты проделанной работы и поставить некоторые общие вопросы публикации документальных источников по истории коллективизации сельского хозяйства.

коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках». М., 1963; С. П. Трапезников. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1967, т. I—II и др.

⁵ А. Б. Турсунбаев. Победа колхозного строя в Казахстане. Алма-Ата, 1957; Х. Н. Дриккер. К истории коллективизации сельского хозяйства в Таджикистане в период первой и второй пятилеток (1929—1937). Сталинабад, 1959; П. Н. Шарова. Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Черноземной области. 1928—1932 гг. М., 1963; И. С. Степичев. Победа ленинского кооперативного плана в восточносибирской деревне. Иркутск, 1966 и др.

⁶ «Подготовка условий сплошной коллективизации сельского хозяйства Узбекистана (1927—1929 гг.)». Ташкент, 1961; «Социалистическое переустройство сельского хозяйства в Узбекистане (1917—1926 гг.)». Ташкент, 1962; «Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе (1927—1937 гг.)». Архангельск, 1964; «Социалистическое переустройство сельского хозяйства Молдавской АССР (1920—1937 гг.)». Кишинев, 1964; «Коллективизация сельского хозяйства Казахстана (1926—1941 гг.)», ч. 1, 2. Алма-Ата, 1967; «Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе РСФСР (1927—1937 гг.)». Смоленск, 1968; «Коллективизация сельского хозяйства в Туркменской ССР (1927—1937 гг.)». Ашхабад, 1968.

⁷ «История коллективизации сельского хозяйства Украинской ССР. 1917—1937 гг.», т. I. «Колхозное строительство на Украине в 1917—1927 гг.» Киев, 1962; т. II. «Проведение сплошной коллективизации на Украине. 1927—1932 гг.» Киев, 1965.

Создание единого центра по координации и научно-методическому руководству положительно сказалось на качестве как подготовленных, так и изданных сборников.

Издание документов по основным экономическим районам РСФСР, союзным республикам и сводных материалов по СССР привело к устранению дублирования в публикации документов и дало возможность лучше выявить специфические особенности исторического процесса в том или ином социально-экономическом районе. Вместе с тем единая схема, принятая для всего издания, позволяет показать общие закономерности колхозного движения на всей территории СССР.

Анализ состава и содержания документальных сборников свидетельствует о большой работе, проделанной составителями при подготовке серии. Достаточно указать, что составителями северного сборника в ходе выявления документов было просмотрено 843 фонда с общим количеством 22 929 единиц хранения, выявлено около 12,5 тыс. документов, а в сборник вошло только 261, т. е. примерно 2% общего количества выявленных документов. При подготовке казахстанского сборника просмотрено около 75 тыс. единиц хранения, в которых было выявлено свыше 5 тыс. документов; в сборник вошло 310 документов (6%) и т. д.

Рассматривая состав и содержание сборников серии, необходимо подчеркнуть, что в них включены разносторонние материалы. Как отмечается в обзоре М. Л. Богденко⁸ и в предисловии к сборнику «Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе РСФСР (1927—1937 гг.)», публикуемые материалы по их характеру можно условно разделить на три группы:

а) документы директивного порядка (решения партийных, советских и колхозно-кооперативных органов по вопросам коллективизации сельского хозяйства, директивы, циркуляры, письма этих органов низовым организациям и т. п.);

б) отчетно-информационные материалы (доклады и отчеты на съездах, конференциях, пленумах, совещаниях партийных и советских организаций, докладные записки и информационные сводки, материалы обследований и сообщения с мест, корреспонденции в периодической печати и др.);

в) инициативно-учредительные документы (протоколы собраний крестьян, заседаний правлений колхозов, уставы коллективных хозяйств, обращения колхозников, договоры о социалистическом соревновании и т. д.).

Отрадно заметить, что подавляющее большинство документов в сборниках публикуется впервые и лишь в редких случаях допускается перепечатка из других изданий, представляющих, в основном, библиографическую редкость. Особо следует указать, что в научный оборот введена масса новых документов, многие из которых были либо неизвестны, либо практически недоступны для изучения. Например, материалы о проведении мероприятий по ликвидации кулачества как класса впервые были опубликованы в сборниках по истории коллективизации в Северном, Западном районах РСФСР и Молдавии⁹. Здесь помещены постановления краевых и областных партийных органов о мероприятиях по ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации, которые были приняты на основе известного постановления ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. Интересны также материалы о ходе раскулачивания и высылке кулаков, о ме-

⁸ «Вопросы истории», 1966, № 8, стр. 149.

⁹ «Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе РСФСР (1927—1937 гг.)», док. 98, 100, 101, 103, 108, 115, 123 и др.; «Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе РСФСР (1927—1937 гг.)», док. 50—52, 55, 64, 73; «Социалистическое переустройство сельского хозяйства Молдавской АССР (1920—1937 гг.)», док. 67, 70, 73, 74 и др.

роприятиях по хозяйственному устройству и трудовому перевоспитанию бывших кулаков на местах новых поселений. Особенно ценные документы по этому вопросу содержит сборник «Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе РСФСР (1927—1937 гг.)».

В сборниках много материалов, освещающих подготовку массового колхозного движения. Документы характеризуют материально-техническую помощь Советского государства колхозно-кооперативному движению, идеологическую и организационную подготовку этого движения. Этот вопрос получил, пожалуй, наиболее полное освещение в сборниках.

Составители изданных томов серии по истории коллективизации в общем успешно справились со своими задачами и издали ценные в научном и политическом отношении сборники, которые объективно показывают сложный и во многом противоречивый процесс социалистического переустройства сельского хозяйства.

Приходится, однако, констатировать, что составители некоторых сборников чрезмерно увлеклись включением в публикации директивных материалов. Это относится прежде всего к составителям сборников «Подготовка условий сплошной коллективизации сельского хозяйства Узбекистана (1927—1929 гг.)» и «Социалистическое переустройство сельского хозяйства Молдавской АССР (1920—1937 гг.)». Составители первого сборника целый раздел посвятили директивным материалам, которые раньше уже были опубликованы, и в другие разделы сборника включено много аналогичных материалов. Что же касается документов обобщающего характера, то их в названных сборниках явно недостаточно.

Иногда в местные издания включается общесоюзный материал, как это имеет место в сборниках «Социалистическое переустройство сельского хозяйства в Узбекистане (1917—1926 гг.)» и «Проведение сплошной коллективизации на Украине. 1927—1932 гг.» Между тем в этом нет никакой необходимости, так как документы эти общеизвестны, они многократно публиковались в различных изданиях и по содержанию относятся к общесоюзным сборникам. В то же время ряд важных документов партийных организаций республик и областей в сборники не включен¹⁰.

Достоинством изданных сборников является то, что они в большинстве своем отражают специфику, особенности социалистического переустройства деревни. Так, в материалах узбекистанских и казахстанского сборников мы найдем интересные документы о проведении земельно-водной реформы, об оседании кочевого и полукочевого населения, о формах колхозного строительства в национальных районах и т. п. Хорошо, что составители этих сборников поместили ряд уставов коллективных хозяйств (узбекистанский сборник (1917—1926 гг.), док. № 355, 358, 362; казахстанский, ч. 1, док. № 113, ч. 2, док. № 182, 189). Публикация подобных материалов важна, так как она позволяет проследить изменение организационных форм колхозов, показать демократический характер общественной формы хозяйства, который «обеспечивает управление производством самими колхозными массами, развертывание их творческой инициативы, воспитание колхозников в духе коммунизма»¹¹.

К сожалению, в других сборниках подобные материалы не публикуются.

Серьезное значение для правильного понимания процесса социалистического переустройства сельского хозяйства представляют материалы о классовой борьбе в деревне в период подготовки и проведения сплошной коллективизации. Опубликованные в последнее время сборники как данной

¹⁰ Подробнее об этом см.: М. Л. Богденко. Первые тома общесоюзной серии документов и материалов по истории коллективизации сельского хозяйства.— «Вопросы истории», 1966, № 8, стр. 149.

¹¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1964, стр. 77.

серии (северный, западный, казахстанский, молдавский), так и самостоятельные (астраханский¹² и др.) ввели в научный оборот много новых документов о классовой борьбе и ликвидации кулачества как класса в ходе массового колхозного движения. Это особенно важно, потому что проблема ликвидации кулачества как класса, несмотря на ряд появившихся работ, еще недостаточно изучена¹³. Публикация материалов о классовой борьбе в деревне накануне и в период сплошной коллективизации имеет большое политическое значение, ибо она помогает разоблачать вымыслы буржуазных фальсификаторов о том, что мероприятия Советской власти в отношении кулаков были «необоснованными» и «жестокими». Документы сборников показывают, что сопротивление кулачества социалистическому переустройству сельского хозяйства было настолько яростным и ожесточенным, доходившим до прямого антисоветского террора, что, не сломив его и не разбив кулачество в открытом бою, нельзя было успешно осуществлять колхозное строительство. Многочисленные документы, опубликованные в сборниках, показывают остроту классовой борьбы в деревне. В северном сборнике, например, приводятся документы об избиении и убийстве бедняков и середняков и о других кулацких выступлениях (док. № 58, 60 и др.). В западном сборнике рассказывается о том, что в 1929 г. количество террористических актов кулачества резко возросло и достигло 284 (док. № 41). Некоторые документы о классовой борьбе приводятся и в сборнике по Казахстану (ч. 1, док. № 52, 56, 57). В других сборниках (кроме астраханского) таких документов очень мало.

В украинском и казахстанском сборниках документы о мероприятиях по ликвидации кулачества как класса отсутствуют, что несомненно обеднило их содержание, а в северном, молдавском и западном сборниках они представлены слабо.

Заметным недостатком сборников, за исключением северного, является отсутствие документов по трудовому устройству и перевоспитанию бывших кулаков. Опубликование хранящихся в архивах документальных материалов по этому вопросу имело бы важное значение в борьбе с буржуазными фальсификаторами, распространяющими всевозможные клеветнические измышления о судьбе бывших кулаков в Советском Союзе. Между тем только в северный сборник включены единичные документы, освещающие практическое осуществление политики партии в отношении кулаков. В числе этих документов постановление Северного крайкома ВКП(б) о размещении и устройстве кулацких переселенцев (док. № 115), список спецпереселенцев Северного края, подлежащих досрочному восстановлению в избирательных правах (док. № 188), и некоторые материалы, использованные составителями в комментариях (стр. 679—682). А в казахстанском сборнике имеется лишь один документ и то частного характера (док. № 112). Что же касается других сборников, то в них совсем нет подобных материалов.

В изданных сборниках оказался обойденным и вопрос о втором этапе ликвидации кулачества как класса, который проходил в 1931 г. и коснулся главным образом национальных и потребляющих районов. Только один документ помещен в западном сборнике — постановление бюро Западного обкома ВКП(б) от 10 марта 1931 г. о выселении кулачества за пределы области (док. № 73) и в казахстанском (док. № 104).

¹² «Путь трудовых побед». Сб. документов и материалов. Волгоград, 1967.

¹³ И. Я. Трифонов. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа (1921—1927). М., 1960; П. В. Семернин. О ликвидации кулачества как класса.— «Вопросы истории КПСС», 1958, № 4; В. К. Медведев. Ликвидация кулачества в Нижне-Волжском крае.— «История СССР», 1958, № 6; В. А. Сидоров. Ликвидация в СССР кулачества как класса.— «Вопросы истории», 1968, № 7; Ф. А. Каревский. Ликвидация кулачества как класса в Среднем Поволжье.— «Исторические записки», т. 80 и др.

Думается, что в последующих томах серии этот недостаток будет устранен.

Слабо освещена и деятельность политотделов. В казахстанском сборнике из 61 документа, относящегося к 1933—1934 гг., работе политотделов посвящено 4 (док. № 168, 179, 180, 185), в западном — ни одного, в молдавском — 3 (док. № 122, 128, 133) и т. д. В какой-то мере это можно объяснить отсутствием материалов в местных архивах, особенно в тех районах, которые подвергались немецко-фашистской оккупации в годы Великой Отечественной войны. Однако этот пробел в сборниках можно было бы восполнить, если бы составители привлекли материалы центральных архивов и прежде всего фонды ЦГАНХ.

С точки зрения археографического оформления сборники подготовлены удовлетворительно, хотя и по этой части можно было бы высказать некоторые соображения. Прежде всего о введениях. Исторические введения и археографические предисловия в подавляющем большинстве сборников мало отвечают своему назначению. Исторические введения к сборникам — это либо самостоятельные исследования, слабо связанные с публикуемыми материалами («Социалистическое переустройство сельского хозяйства в Узбекистане (1917—1926 гг.)», «Коллективизация сельского хозяйства Казахстана (1926—1941 гг.)»), либо пересказ содержания документов сборника без попытки определить место и значение публикуемых источников в изучении данной темы («Социалистическое переустройство сельского хозяйства Молдавской АССР», «Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе РСФСР»). Наиболее удачным является введение к сборнику документов по истории коллективизации в Северном районе.

Археографические предисловия (или археографические части введения) в молдавском, северном и узбекистанских сборниках ограничиваются перечнем фондов и архивов, из которых извлечены документы, и указанием, что археографическая обработка произведена в соответствии с Правилами (и Инструкцией) публикации исторических источников. Лишь в казахстанском и западном сборниках сделана попытка определить принцип отбора документов для публикации, особенности археографической обработки и другие вопросы археографии.

Следует отметить, что все сборники имеют комментарии, которые помогают лучше разобраться в документах. В одних случаях они краткие, дающие только минимум сведений, относящихся к публикуемым документам, в других же — подробные: они дополняют материалы сборника новыми сведениями, почерпнутыми из документов, не вошедших в данное издание. К первой группе можно отнести комментарии молдавского и узбекистанских сборников, ко второй — северного, казахстанского и западного. Учитывая, что в сборник можно включить ограниченное количество документов, было бы целесообразно и в дальнейшем шире использовать в комментариях не публикуемые материалы, цитируя или излагая их основное содержание. Это позволит дополнительно ввести в научный оборот значительное количество новых документов.

В этой связи хочется высказать еще одно пожелание. В целях расширения круга источников, публикуемых в сборниках, хорошо было бы практиковать включение в качестве приложений таблиц, составленных на основании документальных материалов (если документы имеют одинаковый формуляр или аналогичное содержание — сводки и т. п.). Такую попытку уже сделали составители сборника по истории коллективизации сельского хозяйства в Казахстане — они дали в качестве приложения сводку основных показателей об организационно-хозяйственном укреплении колхозов в 1936—1940 гг. (ч. II, стр. 545—547). К сожалению, это единственный случай в общесоюзной серии по истории коллективизации.

При подготовке сборников документов по истории коллективизации (да и не только коллективизации) составители довольно часто встречаются с трудностями источниковедческого характера. Речь идет о разноречии, а иногда и противоречивости сведений, содержащихся в документах. Это объясняется, во-первых, тем, что первоначальные данные уточнялись и, во-вторых, документы составлялись учреждениями на основании разных источников. Например, сведения о коллективизации органы Наркомзема составляли на основании зарегистрированных уставов колхозов, система Колхозцентра — по данным протоколов общих собраний крестьян об организации колхозов, органы Наркомфина — на основании переписей для налогового обложения и т. д. Естественно, что сведения Наркомзема могут быть неполными, так как сюда не входят колхозы, не зарегистрировавшие свои уставы. В материалах сельскохозяйственной кооперации мы не найдем сведений о «диких» колхозах, т. е. колхозах не вошедших в систему сельскохозяйственной кооперации. Поэтому нельзя на основании одних данных опровергать другие. По нашему мнению, правильно поступили составители казахстанского сборника, когда при публикации одного документа, которому они отдали предпочтение, оговаривают имеющиеся в нем разночтения с другими материалами (стр. 559, 560, 591, 592).

Одним словом, вопросов, над разрешением которых надо еще работать, много. Можно указать и другие упущения в археографической обработке документов (случаи неточной датировки, не всегда оговаривается опубликованность документов, некоторые неудачные заголовки и др.). Но недостатки сборников — это недостатки роста, по мере накопления опыта их будет все меньше и меньше. Важно, чтобы работа по изданию источников по истории коллективизации была быстрее завершена. Этого ждут исследователи и широкий круг читателей.

З. К. Звездин, В. Е. Полетаев

О СЕРИЙНОМ ИЗДАНИИ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СССР

Главное архивное управление при Совете Министров СССР, Институт истории АН СССР и ИМЛ при ЦК КПСС готовят к изданию серии документальных сборников по истории индустриализации и коллективизации сельского хозяйства СССР.

В нашей литературе предъявлялись серьезные и обоснованные претензии к документальным публикациям, предпринимавшимся ранее в масштабах всей страны и посвященным революциям 1905 и 1917 гг. К числу недостатков этих «серий»¹ относили громоздкость (так, по истории первой русской революции было издано 148 томов, а по истории Октября — 203 тома); неоднократная публикация одних и тех же документов; разноречивой в структуре, справочном аппарате и приемах археографической обработки. Эти недостатки привели к отсутствию целевой связи между сборниками, изданными на местах и в центре.

В новых сериях, подготавливаемых к изданию, учтен опыт предыдущих публикаций, что позволит в значительной части избавиться от прежних недостатков.

Проблема социалистической индустриализации СССР не получила достаточной разработки в научно-исследовательской литературе, а изданные ранее отдельные документальные сборники посвящены преимущественно вопросам социалистического соревнования или роли местных партийных организаций в строительстве социалистической индустрии².

Основой серии по индустриализации должны стать четыре сводных тома документальных материалов общесоюзного характера. Первый том содержит документы за 1926—1928 гг., во втором, третьем и четвертом томах соответственно публикуются материалы, раскрывающие процесс индустриализации за первую, вторую и довоенные годы третьей пятилетки. Непосредственно к ним примыкают два тома документальных материалов по истории железнодорожного транспорта и связи за весь период индустриализации с 1926 по 1941 г. Наряду с этими томами готовятся сборники на местах — во всех союзных республиках, кроме Прибалтийских, и в ос-

¹ По отношению к этим изданиям понятие «серия» мы применяем условно, поскольку они связаны только единством темы.

² «Политический и трудовой подъем рабочего класса СССР (1928—1929)». М., 1956; «Первые шаги индустриализации СССР (1926—1927)». М., 1959; «Социалистическая индустриализация Азербайджана (1926—1932)». Баку, 1957; «Борьба трудящихся Харьковщины за построение фундамента социалистической экономики (1926—1932)». Харьков, 1959; «Социалистическое соревнование на предприятиях Ленинграда в годы

новых экономических районах РСФСР — всего 40 томов³. Такая структура дает возможность значительно уменьшить количество сборников, охватить практически всю территорию страны и осветить специфические особенности и своеобразие процесса индустриализации в отдельных районах в зависимости от их географического положения, природных ресурсов, степени развития производительных сил и т. п.

Все издание в целом предназначено для широкого круга исследователей, аспирантов, студентов, для всех, интересующихся историей нашей Родины. Для исследователей, разрабатывающих проблемы истории индустриализации отдельных районов, эта серия должна дать представление как об основных документах, характеризующих проведение социалистической индустриализации в целом по стране, так и об источниках, раскрывающих специфику этого процесса в других районах Советского Союза. В свою очередь историкам, занимающимся проблемами индустриализации по стране в целом, это издание даст представление о характерных особенностях и своеобразии исторического процесса на местах.

Главной редакцией разработана программа серии, в которой даны методические указания по отбору документов для публикации, составу справочного аппарата, археографической обработке томов.

Во всех сборниках серии принято приблизительное единство структуры, что позволяет по основным общим направлениям разделить все важнейшие вопросы, из которых складывалась политика индустриализации и ее осуществление в нашей стране. Так, в первом томе сводных материалов две основные части. Первую часть составляют документы о политике партии в области индустриализации; специальный раздел посвящен разработке первого пятилетнего плана, далее идут разделы, характеризующие самый механизм индустриализации — финансирование промышленности и капитального строительства, организация и осуществление строительства новых предприятий, вопросы организации производства и управления промышленностью, а также результаты ее работы.

Вторая часть первого тома содержит документы, в которых отражается непосредственное участие масс в осуществлении индустриализации. Здесь основное внимание уделяется таким проблемам, как численность и состав рабочего класса и инженерно-технических работников, подготовка кадров для промышленности, вопросы трудовой активности рабочих масс и участие рабочих в управлении производством. Для сборников, издающихся на местах, не обязательна такая же структура, однако в каждый сборник включены документы освещающие все указанные проблемы.

Таким образом, каждый сборник документов охватывает большой круг сложных проблем. Поэтому перед коллективом составителей и Главной редакцией встала сложная задача разработки таких принципов отбора документов, которые бы давали читателю наибольшее количество нового, объективно отражающего действительность материала. Исходя из этого, были намечены три основные критерия отбора документов.

Во-первых, основной костяк любого сборника составляют обобщающие отчетные документы партийных, государственных, общественных и хозяйственных органов: общесоюзных — для центральных томов, республикан-

первой пятилетки (1928—1932)». Л., 1961; «Саратовская партийная организация в годы индустриализации страны и подготовки сплошной коллективизации сельского хозяйства (1926—1929)». Саратов, 1960.

³ На местах готовятся сборники по истории индустриализации союзных республик — Азербайджана, Армении, Грузии, ЗСФСР в целом, Белоруссии, Украины, Казахстана, Киргизии, Молдавии, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана; автономных республик — Татарии, Башкирии, Бурятии; экономических районов — Центрально-Промышленного, Северо-Западного, Западного, Центрально-Черноземного, Северного, Нижегородско-Горьковского края, Среднего Поволжья, Нижнего Поволжья, Северного Кавказа, Урала, Западной Сибири и Дальнего Востока.

ских и областных — для местных изданий. Директивный материал, как центральный, так и местный, включается в минимальном количестве. Так, в первом сводном томе публикуется небольшая подборка (объемом не более 1 п. л.) выдержек из руководящих документов Коммунистической партии и Советского правительства, раскрывающих принципиальные особенности социалистического метода индустриализации. К таким документам относятся, например, резолюции XIV и XV съездов, апрельского Пленума ЦК ВКП(б) и другие. Этот раздел служит своего рода документальным вступлением ко всей серии в целом. В сводные тома включены директивные документы, которые определяли основное направление работы партийных и хозяйственных организаций в данный период индустриализации (например, резолюции XVI партконференции и V съезда Советов СССР о принятии первого пятилетнего плана, постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о работе угольной промышленности Донбасса от 8 апреля 1933 г.) или являлись принципиально важной ступенью в развитии социалистической промышленности (например, положение о трестах, утвержденное ЦИК СССР 2 июня 1927 г., постановление СНК о хозяйственных правах главных управлений народных комиссариатов от 2 декабря 1936 г.).

Директивные документы ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР, а также республиканских или областных партийных органов включаются в местные сборники только в том случае, если они имели прямое отношение к развитию хозяйства данного экономического района (например, постановления ЦК ВКП(б) о работе Уралмета и Северного химического треста для сборника по истории индустриализации Урала; резолюция II Всеукраинской конференции КП(б)У «О пятилетнем перспективном плане развития народного хозяйства Украины» и постановление Политбюро КП(б)У о строительстве Днепрогэса для сборника по индустриализации Украины).

Подобные же критерии были положены в основу определения целесообразности включения в состав сборников директивных материалов низовых партийных, профсоюзных и комсомольских организаций.

Особенно сложным представлялась проблема отбора документов по принципу опубликованности. Дело в том, что в конце 20-х — начале 30-х годов многие важные источники по вопросам индустриализации были опубликованы, чаще в виде ведомственных изданий, реже — для сравнительно широкого распространения. Наряду с ними в архивах отложились подготовительные материалы или черновые варианты многих из них. Так, например, бюджетное управление Наркомфина СССР размножало ежегодный отчет об исполнении единого госбюджета типографским способом в 500 экз., в архивном же фонде Наркомфина имеются только подготовительные разрозненные материалы по этому вопросу, степень подлинности которых установить чрезвычайно трудно.

Так же обстоит дело с документами, характеризующими хозяйственную деятельность Советского правительства.

С 1925 по 1930 г. ежегодно публиковались «Материалы к отчету правительства», которые содержат обзор хозяйства страны за год. Кроме того, в фондах Госплана и Совета съездов государственной промышленности и торговли, хранящихся в ЦГАНХ СССР, имеются годовые конъюнктурные обзоры, которые составлялись почти тотчас по окончании хозяйственного года и потому содержат в ряде случаев лишь предварительные данные.

Еще сложнее положение со статистическими источниками. Кроме таких широко известных публикаций, как сборники «Социалистическое строительство СССР», ЦСУ опубликовало за годы первой пятилетки все сводные материалы по промышленности в сборнике «Промышленность СССР» (М., 1936). Опубликованы также результаты переписи промышленного оборудования.

Приблизительно такое же положение с основными статистическими материалами о составе и численности рабочего класса. ВЦСПС опублико-

вал предварительные материалы разработки переписи рабочих 1929 г.⁴ Как известно, эта перепись была обработана частично, и необработанная часть переписи до нас не дошла. В фонде статистического сектора ВЦСПС сохранились отдельные разработочные таблицы, материалы которых были опубликованы в статистическом сборнике «Труд в СССР»⁵. Также опубликованы и широко известны результаты переписи рабочих 1932—1933 гг.⁶, материалы разработки заявлений о приеме в члены профсоюза, обследования инженерно-технических работников на 1 января 1933 г.⁷ и т. д.

Перед составителями встал вопрос: какие документы целесообразнее включать в сборники? Те, которые были размножены в свое время в виде ведомственных изданий, вышли в свет сравнительно небольшим тиражом и представляют в настоящее время значительную редкость, либо те подготовительные, отрывочные, частные; нередко содержащие неточные сведения материалы, которые отложились в архивных фондах. Несмотря на принципиальную нежелательность повторных публикаций, в данном случае представляется целесообразным включить в сборники эти обобщающие, наиболее точные, хотя формально некогда опубликованные, но в настоящее время далеко не всем известные и доступные материалы. Таким образом, главным критерием отбора документов для серийных сборников является точность, объем и значимость сообщаемых документами фактов для понимания исторического процесса.

В процессе отбора документов были поставлены еще две важные для теории археографии проблемы: сочетание «типичного» и «особенного» и понятие «нового факта».

Как известно, объем даже местных сборников по истории индустриализации определенного экономического района не дает возможности охватить все стороны процесса, все факты, его составляющие. Поэтому перед составителями встала задача отобрать документы, показывающие характерные особенности данного экономического района, но на фоне и в тесном взаимодействии с развитием экономики всей страны. Исходя из этой задачи, в ряде сборников за основу плана сборника брались коренные особенности района.

Например, в годы первой пятилетки для Урала наиболее характерным явлением был большой объем капитального строительства. В то же время бывший Нижегородско-Горьковский район отличался не только большим размахом капитального строительства тяжелой промышленности, но и вставшей в конце пятилетки проблемой освоения вновь построенных предприятий. Особенности Татарской АССР в годы первой пятилетки было развитие преимущественно легкой промышленности — кожевенной и меховой. Здесь до начала второй пятилетки оставалась еще нерешенной проблема безработицы. В первых же двух районах она была ликвидирована полностью к концу 1930 г. Поэтому, если в сборнике по индустриализации Урала следовало выделить одну проблему — строительство гигантов металлургии и машиностроения, то в сборнике по индустриализации Горьковского края наряду с проблемой строительства встала вторая важнейшая проблема — освоение новых и реконструированных предприятий. В сборнике же по индустриализации Татарии большое место по праву должно быть отведено легкой промышленности.

Однако указанные принципы отбора требуют дальнейшей детализации, так как, с одной стороны, ряд важных явлений не отражен или почти не отражен в обобщающих документах, а, с другой стороны, ограниченный объем не позволяет одинаково полно проследить эти явления по

⁴ А. Г. Рашин. Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. М., 1930; «Металлисты СССР», т. I. М., 1930.

⁵ «Труд в СССР». Справочник 1926—1930 гг. М., 1930.

⁶ «Профсоюзная перепись 1932—1933 гг.» М., 1934.

⁷ «Состав руководящих работников и специалистов Союза ССР». М., 1936.

местным материалам. Например, вопросы освоения производства на новых и реконструированных предприятиях в силу ряда обстоятельств (неудовлетворительная сохранность некоторых фондов центральных учреждений, характер самих обобщающих документов) могут быть показаны только документами самих предприятий, преимущественно их отчетами. Поскольку в любом сборнике нельзя дать отчеты всех предприятий, приходилось выбирать лишь наиболее характерные заводы как для страны в целом, так и для данного экономического района.

Так, для сборника по истории индустриализации Горьковского края были выбраны два крупнейших предприятия — Горьковский автозавод и машиностроительный завод «Красное Сормово», на которых освоение и организация производства проходили по-разному, отражая особенности решения этой проблемы на двух основных типах предприятий того времени. Первый — совершенно новый завод, один из крупнейших в стране; основная особенность освоения производства на нем заключалась в трудностях создания новых кадров квалифицированных рабочих и инженерно-технического персонала. Второй — предприятие старое, с давно сложившимися кадрами. Освоение новой продукции шло на нем в процессе реконструкции и повышения квалификации старых кадров. Эти предприятия являются типичными как для района, так и для страны в целом. Легкая промышленность Чувашской, Марийской, Удмуртской и Мордовской АССР рассматривается в этом сборнике в соответствии с ее удельным весом в промышленности всего экономического района. Она получила достаточное отражение в обобщающих материалах — докладах и отчетах Нижегородского, а потом Горьковского крайкома, а также обкомов республик, в связи с чем не было необходимости помещать в сборнике другие документы о легкой промышленности. По такому же принципу строились сборники, раскрывающие процесс индустриализации большинства развитых экономических районов.

Практика работы над серийными сборниками показывает, что определение соотношения и характера обобщающих и частных документов должно проводиться не в стихийном порядке, диктуемом только случайностью выявления, а определяться планом, исходящим из конкретных социально-экономических особенностей района, отдельных предприятий и т. п.

Весьма важное значение при работе над подобными сериями обобщающего характера приобретает умение составителей найти критерии для отбора новых фактов, учитывая их реальное значение в свое время, а также новизну для современной исторической науки. Так, в ряде уже изданных сборников по истории социалистического соревнования⁸ основное внимание уделялось отдельным примерам производственных достижений, но почти не обращалось внимания на методы организации и развития новых форм соревнования. Составители нередко шли вслед за традиционными представлениями о значении тех или иных его форм при отборе документов для публикации.

Например, долгое время в нашей литературе считалось, да и сейчас считается, что производственные коммуны на предприятиях представляли собой несвоевременную попытку введения такой формы творческой организации масс, которая не соответствовала тогдашнему уровню развития рабочего класса, и что они были заслуженно ликвидированы в годы первой пятилетки. Однако документы показывают, что в этих коммунах было много интересного и вполне соответствующего политической сознательности рабочих, что в ряде коммун отсутствовала уравниловка, а некоторые из них давали примеры весьма продуманной организации производства.

⁸ «Первые шаги индустриализации СССР (1926—1927)». М., 1959; «Политический и трудовой подъем рабочего класса СССР (1928—1929)». М., 1956 и др.

Нельзя сбрасывать со счета и такой важный фактор, как большое воспитательное значение коммун, особенно на стройках, для молодежи, в значительной части вышедшей из среды крестьянства.

В организации коммун были и недостатки, но эта форма тем не менее заслуживает большего внимания, в ней содержится много общего с тем, что мы видим сейчас в бригадах коммунистического труда. Следовательно, публикация документов о производственных коммунах имеет не только познавательное, но и воспитательное значение.

В годы первых пятилеток существовали формы социалистического соревнования, которые сами по себе представляются перспективными, т. е. важны для всех этапов социалистического строительства, например, хозяйственные бригады в первой пятилетке, соревнование по профессиям, по цехам или предприятиям однородного производства (Всесоюзное соревнование на лучший доменный цех, лучшего сталевара Союза и т. д.). Эти формы содействовали лучшей организации труда на производстве, освоению техники. При отборе документов главное внимание уделялось материалам, повествующим о перспективных формах организации труда и творческой активности масс, изучение которых представляется полезным не только с чисто исторической, но и практической точки зрения.

Одним из сложных вопросов для археографов, сталкивающихся с публикацией документов 20—30-х годов нашего века, является проблема определения подлинности документов. Теоретически эта проблема, казалось бы, давно решена в правилах издания документов. Исходя из этой кажущейся ясности, некоторые ученые готовы объявить все неоформленные должным образом документы не вызывающими доверия и потому не подлежащими публикации. Однако на практике решение этого вопроса оказывается не таким простым.

Многим исследователям известно, как мало обращалось внимания в годы индустриализации на правильное ведение делопроизводства. Если в первые годы Советской власти в учреждениях еще сохранялись некоторые старые традиции в организации делопроизводства, способствовавшие правильному оформлению документов, их четкой систематизации и классификации, то к началу 30-х годов эти традиции были утрачены, что сказало самым отрицательным образом на делопроизводстве даже высших государственных учреждений. Так, если делопроизводственные документы Госплана СССР до начала 1930 г. не только правильно оформлены, но и сформированы в дела, то после 1930 г. они находятся в хаотическом состоянии: протоколы президиума неполны (о протоколах секций нечего и говорить), многие документы, особенно не выходявшие за пределы Госплана, не имеют подписей, а отпуска — соответствующего оформления. Подобные случаи не редкость для делопроизводства 30-х годов.

Сильно затруднила правильную классификацию документов непродуманная система обработки документальных материалов, существовавшая долгое время. В бывшем архиве труда, например, были полностью изъяты из профсоюзных фондов препроводительные документы, на которых, как правило, ставились подписи, наименования адресата и автора. В результате подлинные документы утратили делопроизводственное оформление, удостоверяющее их подлинность.

Настоящим бичом являются часто встречающиеся ошибки машинисток, поскольку нередко документы не считывались вовсе. Эти ошибки, особенно в цифрах и названиях, весьма трудно поддаются исправлению. При отборе документов приходится проводить огромную работу по выявлению черновых материалов, с которых производилась перепечатка, сверка содержащихся в них фактических данных, выяснению возможной подлинности документов, исходя из времени составления, задач, смежных документов в деле и т. д. Опыт работы над документальной серией по индустриализации показывает, что отбор документов должен проводиться не только

и не столько исходя из критерия формальной подлинности, сколько исходя из правильности сообщаемых документом фактов.

Разумеется, при этом нет оснований для того, чтобы «превращать» хотя и правильный, но неоформленный надлежащим образом документ из копии в подлинник или выдумывать несуществующие подписи. Но нет оснований отказываться от его публикации с соответствующими разъяснениями, помещенными либо в подстрочных примечаниях, либо в археографическом предисловии.

Научно-справочный аппарат серийных сборников строился с таким расчетом, чтобы он в возможно большей степени расширял для читателей документальную базу, создавал возможность использования тех документов, которые из-за ограниченного листаж не могли быть опубликованы в сборнике. Главная редакция не ставила в своих указаниях жестких рамок в создании научно-справочного аппарата, что дало простор творчеству составителей и содействовало накоплению необходимого опыта для следующих работ, хотя и вызвало известную разноречивость.

Основными формами научно-справочного аппарата явились комментарии, указатели предприятий и учреждений, списки сокращенных названий учреждений, списки использованных источников, хроники, списки выявленных, но не включенных в состав сборников документов, предметные указатели.

На некоторых формах научно-справочного аппарата следует остановиться особо. Ограниченный листаж как центральных, так и местных томов не дает возможности показать документами (постановлениями) большую руководящую деятельность, которую проводили партийные и государственные органы в целях практического осуществления социалистической индустриализации. Даже такие распространенные издания, как «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», «Справочник партийного работника», не содержат и десятой части всех важных постановлений и решений партии и правительства. В сборнике, выпускаемом ограниченным тиражом, нецелесообразно вновь публиковать документы, уже включенные в указанные выше широко известные издания. Поэтому была предложена новая форма справочного аппарата, которая бы удовлетворяла двум требованиям — давала весь или почти весь руководящий материал и в то же время освобождала от его повторной публикации. Такой формой стала хроника — перечень постановлений съездов, конференций, пленумов ЦК ВКП(б), решений Политбюро ЦК ВКП(б), постановлений СНК и СТО, а также ЦИК СССР — для центральных томов серий и постановлений ЦК национальных компартий, обкомов и совнаркомов союзных и автономных республик для сборников, издающихся на местах. Хроники, предназначенные для центральных томов, готовятся на основании материалов Политбюро ЦК ВКП(б), СНК и СТО СССР. Постановления, принятые этими органами, располагаются в хронологической последовательности и включают краткую справку о содержании документа. Разумеется, даже в такую хронику не было возможным, да и целесообразным, включать абсолютно все решения, среди которых многие касались частных вопросов. Чтобы по возможности исключить момент субъективизма при отборе постановлений для хроники, была заранее определена группа вопросов, которые не имели принципиального значения для данной публикации. Все документы, относящиеся к этим вопросам, не включались в состав хроники, например, постановления об утверждении квартальных и полугодовых планов, назначении и перемещении руководящего состава, утверждении цен на промышленную продукцию и т. д. Некоторые постановления, хотя тематически и относящиеся к исключаемой группе вопросов, но имевшие принципиальный характер, включались в хронику. Так, например, включено постановление СНК СССР от 1936 г. об установлении

новых цен в связи с отменой дотаций в тяжелой промышленности. Это постановление и ряд подобных подводили итог большой работе советской промышленности.

Сокращение хроники за счет второстепенных материалов требовалось также и потому, что хроника-перечень для любого из центральных томов даже после изъятия второстепенных материалов составляет пять-шесть печатных листов.

В хрониках исследователи получают большое количество нередко ранее не известного директивного материала, который даст возможность правильно и всесторонне осветить руководящую роль Коммунистической партии и правительства в деле социалистической индустриализации страны.

Подобные хроники делаются в большинстве местных изданий. Там создались два основных типа хроник. Первый тип (например, в сборнике по индустриализации Нижегородского (Горьковского) края) аналогичен рассмотренной выше хронике в центральных томах. В состав Нижегородского края входило большое количество административно-территориальных единиц с разным уровнем промышленного развития. Для этого экономического района характерным было создание новых производств и подготовка новых кадров. Естественно, что партийным организациям края приходилось чаще вникать в вопросы индустриального развития, чаще принимать по ним решения. Документов, которые включаются в хронику, здесь много, что и заставляет строить ее по типу хроники в центральных томах.

Второй тип хроники (например, во втором томе сборника документов по истории индустриализации Северо-Западного района) включает не только решения партийных органов, но и сведения о времени пуска новых или реконструированных предприятий, крупных цехов, о производственных достижениях заводов (досрочное выполнение пятилетки, выпуск первых советских машин), а также о трудовых починах лучших производственников Ленинграда (составление встречного промфинплана на заводе им. Карла Маркса, организация первой хозрасчетной бригады на Балтийском заводе и т. д.). Такое различие в составе хроник обусловлено преимущественно количеством постановлений партийных органов, которые подлежали включению в хронику. В состав сборника по Северо-Западному району включены материалы по истории индустриализации Ленинградской, Псковской, Новгородской, Мурманской областей и Карело-Финской АССР, из которых на долю Ленинградской партийной организации приходится большинство партийных документов по этому району, но и оно относительно невелико, так как в Ленинграде положение с развитием промышленности было благополучнее, чем в других районах страны.

Практика показывает, что для местных сборников в принципе предпочтительнее хроники второго типа.

Большие дискуссии проводились по вопросам подготовки перечней документов, выявленных, но не опубликованных в сборнике. В процессе работы были предложены два типа таких перечней: первый тип представлял собой перечисление (обычно хронологическое) заголовков всех тех документов, которые, по мнению составителей, следовало включить в перечень, а второй тип — тематический указатель, в котором тематика совпадает в основном с тематикой и хронологическими рамками разделов сборника. Каждый тематический раздел содержит перечень видов документов, их хронологические рамки, содержание, а также исковые данные. Второй тип дает возможность сообщить читателю о значительно большем числе документов, чем первый. Однако и в том, и в другом случае сравнительно небольшой объем сборников не дает возможности включать в перечни много документов. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности подобного типа справочного аппарата вообще. Действительно, само по себе упоминание о видах документов без знания их содержания исследователю дает очень мало (иногда просто вводит в заблуждение), в то же время ма-

льный объем справочных сведений не освобождает любого исследователя при более глубокой разработке темы от обращения к справочному аппарату архива (описям).

Несравненно большее значение приобретают тематические перечни, изданные отдельно и поэтому имеющие больший объем. Хорошим примером подобного перечня является перечень-обзор документов по истории индустриализации Урала, вышедший в г. Свердловске. Имея объем 6 п. л., он содержит обзор документов за 1926—1932 гг. и охватывает, таким образом, значительную часть документов архивов Урала.

Наконец, хотелось бы вкратце остановиться на таком очень важном вопросе, как именной указатель. Наш долг, долг современных советских историков, сохранить для потомства имена всех тех людей, чьими руками закладывались камни социалистической индустрии, которые, не жалея сил, не считаясь с трудностями, создавали экономику социализма. Имена тех из них, которые находились под запретом и сейчас почти забыты. Следовательно, именной указатель в таком издании, как настоящее, имеет не только справочное, но и большое познавательное значение. Однако до сих пор не решен вопрос о том, какого характера должен быть этот указатель. Нам кажется, что при решении этого вопроса не должно быть шаблона. В одних случаях это может быть аннотированный указатель, в других — краткие справки о наиболее активных участниках осуществления политики индустриализации в том или ином районе страны. Но бесспорно одно — такого рода материалы должны быть обязательно включены в сборники.

Работа над серийными сборниками не обходится без ряда промахов и серьезных трудностей. Недостаточно продуманно прошло распределение территорий экономических районов. Так, в состав Центрально-промышленного района вошли такие развитые области, имеющие свою специфику, как Московская, Ивановская, Ярославская, Калининская, Калужская, Владимирская. Естественно, что осветить подробно в документах историю осуществления социалистической индустриализации этого района на 80 печатных листах не представляется возможным. В то же время отдельный том по Западному району (Брянская и Смоленская области) недостаточно насыщен материалом.

Методика работы над сборниками серии также не была должным образом отработана, что вело к известному разнообразию в элементах их структуры. Наиболее трудоемкая работа по выявлению документов проводилась недостаточно продуманно, т. е. одновременно во всех архивах, входящих в определенный экономический район без первоначального выяснения состава основного архива, расположенного в бывшем центре экономического района.

Однако, несмотря на отдельные недостатки, серийные издания по истории индустриализации представляют первый и в общем весьма успешный опыт координации работы и единого научного руководства в масштабе всего Союза, который ждет дальнейшего продолжения и разработки методики подобных изданий.

**ПУБЛИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ,
ТРУДЫ ПО АРХЕОГРАФИИ
И СПЕЦИАЛЬНЫМ ИСТОРИЧЕСКИМ ДИСЦИПЛИНАМ
ЗА 1966—1967 гг. ***

ТРУДЫ К. МАРКСА, Ф. ЭНГЕЛЬСА, В. И. ЛЕНИНА

- Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2-е, т. 39. М., Политиздат, 1966, 715 стр.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения. В трех томах. М., Политиздат, 1966, т. 1, 640 стр.; т. 2, 547 стр.; т. 3, 643 стр.
- Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М., Политиздат, 1967, 71 стр.
- Маркс К. Критика Готской программы. Предисл. Ф. Энгельса. М., Политиздат, 1967, 52 стр.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. М., Политиздат, 1966, XII + 484 стр.
- Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. С прил.: К. Маркс. Тезисы о Фейербахе. М., Политиздат, 1966, 68 стр.; 1967, 70 стр.
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е, т. 3. Развитие капитализма в России. М., Политиздат, 1967, XVI + 791 стр.
- Ленин В. И. Военная переписка. 1917—1922 гг. Сборник. Предисл. Н. Мамаея. М., Воениздат, 1966, 454 стр.
- Ленин В. И. О Великой Октябрьской социалистической революции. Сборник. Изд. 2-е. М., Политиздат, 1966, 443 стр.
- Ленин В. И. О дисциплине. Сборник. Сост. С. Буточникова, Л. Никольская. М., Политиздат, 1967, 224 стр.
- Ленин В. И. О культурной революции. Сборник. Сост. Г. Г. Карпов. М., Политиздат, 1967, 272 стр.
- Ленин В. И. О религии и церкви. Сборник. Сост. Э. Г. Филимонов, И. А. Галицкая. М., Политиздат, 1966, 303 стр.
- Ленин В. И. О советской социалистической демократии. Сборник. Изд. 2-е, доп. Сост. П. Т. Василенков. М., Политиздат, 1967, 253 стр.
- Ленин В. И. Против догматизма, сектантства, «левого» оппортунизма. Сборник. Изд. 2-е, доп. М., Политиздат, 1967, XVI + 439 стр.
- Ленин и «Правда». (Статьи, письма, заметки В. И. Ленина). Изд. 2-е. М., изд-во «Правда», 1967, 799 стр.
- Ленин В. И. Апрельские тезисы. О задачах пролетариата в данной революции. М., Политиздат, 1967, 16 стр.
- Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции. М., Политиздат, 1967, 152 стр.
- Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. М., Политиздат, 1966; 1967, 119 стр.
- Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. (Популярный очерк). М., Политиздат, 1967, 136 стр.
- Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. М., Политиздат, 1967, 383 стр.
- Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти. М., Политиздат, 1967, 143 стр.
- Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад. (Кризис в нашей партии). М., Политиздат, 1967, 231 стр.

* Составитель И. Е. Тамм.

Документы рассказывают... (Распоряжения В. И. Ленина о боевой деятельности флота в 1918 г.). Публ. подгот. В. Н. Гудкин-Васильев.— «Судостроение». Л., 1967, № 4, стр. 70—71

Ленинские документы по народному просвещению. (Окт. 1917 г.— янв. 1923 г.).— «Советская педагогика», 1966, № 6, стр. 109—117.

Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В. И. О диалектическом материализме. Хрестоматия. Сост. Л. А. Лавинская. М., Политиздат, 1966, 327 стр.

Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В. И. О научном коммунизме. Хрестоматия. Изд. 3-е. Подгот. А. П. Шептулин, А. А. Большухин и др. М., Политиздат, 1967, 495 стр.

Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В. И. Об историческом материализме. (Сб. высказываний). Подгот. А. П. Шептулин, А. А. Большухин и др. Общ. ред. А. П. Шептулина. М., Политиздат, 1966, 477 стр.

О коммунистическом воспитании. (Сб. произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, выдержек из постановлений и резолюций XX, XXI и XXII съездов КПСС и Программы КПСС). Изд. 2-е Сост. С. М. Ковалев. М., Политиздат, 1966, 384 стр.

Хрестоматия по диалектическому и историческому материализму. (Сб. отрывков из работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина). Сост. Л. А. Лавинская, М. И. Сидоров. М., Политиздат, 1967, 384 стр.

Хрестоматия по научному коммунизму. Сост. Г. Н. Волков и М. И. Сидоров. Ч. 1. От утопии к науке. Ч. 2. Возникновение научного коммунизма. М., изд-во «Мысль», 1966, 384 стр.; 312 стр.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПЕРИОДА ФЕОДАЛИЗМА

Документы на половецком языке XVI в. (Судебные акты Каменец-Подольской армянской общины). Транскрипция, перев., предисл., введ., граммат. коммент. и глоссарий Т. И. Грунина. Под ред. Э. В. Севортяна. М., изд-во «Наука», 1967, 430 стр.

Исторические песни XVII века. Тексты. Изд. подгот. О. Б. Алексеева и др. Вступ. ст. Б. М. Добровольского и В. В. Коргузалова. М.— Л., изд-во «Наука», 1966, 385 стр.

С. П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. Подгот. текста и вступ. ст. Н. Н. Степанова. Предисл. А. Окладникова. М.— Л., изд-во «Наука», 1966, 241 стр.

Мухамедьяров Ш. Ф. Тарханый ярлык казанского хана Сахиб-Гирей 1523 г. (Публикация).— «Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М. Н. Тихомирова». М., изд-во «Наука», 1967, стр. 104—109

Омск в описаниях путешественников, ученых, писателей XVIII и XIX веков. Сост. и коммент. А. Ф. Палащенко.— «Известия Омского отдела Геогр. об-ва СССР», 1966, вып. 8, стр. 69—95

Падение крепостного права в России. Документы и материалы. Под ред. В. А. Федорова. Вып. 2. «„Положения 19 февраля 1861 года“ и русское общество». М., изд. Моск. ун-та, 1967, 112 стр.

Послания Гелимина. Подгот. В. Т. Пашуто и И. В. Шталь (Текст на рус., литов. и латин. яз.). Вильнюс, 1966, 200 стр.

Протасьева Т. Н. Запись в Хронографе XVII в. (Публ. записи 1706 г.) — «Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М. Н. Тихомирова». М., изд-во «Наука», 1967, стр. 322—328

Самгина Е. И. Служилое землевладение и землепользование в Черном уезде в первой половине XVII в. (Публ. досмотра поместных земель 1701 г.) — «Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М. Н. Тихомирова». М., изд-во «Наука», 1967, стр. 273—276

Тверская Д. И. К вопросу о роли купечества в процессе формирования все-российского рынка в XVII в. (Публ. «изустной памяти» Бажена Железникова).— «Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М. Н. Тихомирова». М., изд-во «Наука», 1967, стр. 297—300.

Хрестоматия по истории Орловского края. Пособие для учителя. В 3-х вып. Ред. колл.: В. И. Самаркин и др. Вып. 1. С древнейших времен до февр. 1917 г. Тула, 1966, 204 стр.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПЕРИОДА КАПИТАЛИЗМА

Большевистские листовки накануне Февральской революции. Публ. подгот. И. М. Дажина.— «Вопросы истории КПСС», 1967, № 2, стр. 76—85

«В доводоте новой России». Письма А. М. Коллонтай В. И. Ленину и Н. К. Крупской в Швейцарию. Март 1917 г. Послесл. И. Дажиной.— «Новый мир», 1967, № 4, стр. 235—242

В Зимнем дворце в ночь с 24 на 25 октября 1917 года... Публ. записок полк. С. И. Назимова. Подгот. В. Р. Копылов.— «Советские архивы», 1966, № 4, стр. 45—47.

25 сентября 1917 года. О чем писали русские газеты за месяц до Октябрьской революции. Подборку сост. А. Ненароков.— «Советский Союз», 1967, № 5, стр. 20—21.

Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. В 2-х т. Ред., биогр. очерк и коммент. П. А. Зайончковского. Т. I. 1883—1886 гг.; т. 2. 1887—1892 гг. М., изд-во «Наука», 1966, 551 стр.; 578 стр.

Из переписки ЦК РСДРП с местными большевистскими организациями. (1912—1914 гг.). Публ. подгот. С. Т. Беляков и А. М. Володарская.— «Вопросы истории КПСС», 1966, № 11, стр. 76—85.

Кропоткин П. А. Записки революционера. Предисл. и примеч. В. А. Твардовской. М., изд-во «Мысль», 1966, 504 стр.

Март — апрель 1917 года. Публ. подгот. И. Н. Владимирцев и Л. И. Терентьева.— «Советские архивы», 1967, № 2, стр. 3—22

«...Мы единогласно пришли к этим выводам...» (Публ. докт-ов прогрессивных литовских организаций в Америке. 1920—1924 гг.). Подгот. М. Лозинская и К. Закарявичюс.— «Коммунист» (Вильнюс), 1967, № 4, стр. 20—25

На каторжном острове. Дневники, письма и воспоминания политкаторжан «нового Шлиссельбурга» (1907—1917 гг.). Науч. ред., авт. предисл. и коммент. Ю. Д. Марголис. Сост. К. С. Леонидова. Л., Лениздат. 1967, 292 стр.

Народники в Белоруссии. Публ. подгот. Е. Михайлова.— «Неман» (Минск), 1966, № 10, стр. 147—152

Партия большевиков в годы мировой империалистической войны. Вторая революция в России. (1914 г.—февр. 1917 г.). Сборник. Сост. В. Конюховский. М., изд-во «Моск. рабочий», 1966, 144 стр.

Письма А. М. Коллонтай петербургской работнице [В. И. Волковой]. Публ. Музея Великой Октябрьской революции в Ленинграде.— «Нева», 1966, № 10, стр. 162—165

«Полярная звезда» — журнал А. И. Герцена и Н. П. Огарева. В 8-ми кн. 1865—1869. Вольная русская типография. Лондон — Женева. Факсимильное изд. Кн. 3—4. М., изд-во «Наука», 1966, IV + 337 стр.; 1967, 318 стр.

Рабочее движение в Азербайджане в годы реакции (1907—1910 гг.). Ч. II. 1908 год. Документы.— «Вестник архивов Азерб. ССР», № 4—5. Баку, 1966, стр. 3—180.

Рабочее движение на Украине в период первой мировой империалистической войны. Июль 1914 г.—февр. 1917 г. Сб. документов и материалов. Сост. Н. П. Панчик, Т. Б. Слоудикова и др. Киев, 1966, 434 стр.

Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны. 1914 — февр. 1917 г. Сб. документов. Под ред. А. Л. Сидорова. Сост. Г. В. Богданов, Л. Б. Леонидов, Т. С. Федорова. М., изд-во «Наука», 1966, 467 стр.

Скорее в Россию! (Воспоминания А. М. Коллонтай). Публ. подгот. И. М. Дажина и Р. Я. Цивилина.— «Советские архивы», 1967, № 2, стр. 23—33.

Строчка из письма Владимира Ильича. (Новые документы о пребывании М. И. Ульяновой в Самаре в 1901—1903 гг.).— «Болга», Саратов, 1967, № 4, стр. 117.

Н. Г. Чернышевский в Вилюйске. (Публ. рапорта кн. Голицына генерал-губернатору Восточной Сибири). Подгот. Г. Е. Хант.— «Прометей». М., 1966, т. 1, стр. 268—271.

Шелгунов Н. В. Неизвестные страницы воспоминаний. Публ. подгот. Ф. Кузнецов.— «Прометей», т. 2. М., 1967, стр. 120—145.

Январь, 1917. Февраль, 1917. Март, 1917. Май, 1917. Июнь, 1917. (Выдержки из газет, воспоминаний, опубликованных документов). Публ. подгот. А. А. Кузнецов.— «Неман» (Минск); 1967, № 1, стр. 131—144; № 2, стр. 150—165; № 3, стр. 119—134; № 4, стр. 129—145; № 5, стр. 136—147, № 6, стр. 121—135.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Автобиография В. М. Примакова. Публикация. Вступ. ст. П. Гурьянова.— «Архивы України» (Киев), 1967, № 1, стр. 62—68

Боец партии. (Из дневника Д. А. Фурманова). Публ. подгот. Г. Горбунов.— «Партийная жизнь», 1966, № 20, стр. 64—68

Братья по классу, товарищи по оружию. (Публ. материалов о деятельности литовских большевиков среди солдатских масс и создании первых литовских частей Красной Армии в 1918 г.).— «Коммунист» (Вильнюс), 1967, № 2, стр. 23—29

В боевом 1917 году. (Выдержки из листовок, воззваний, обращений, резолюций, докладов, газетных сообщений и др.) Публ. подгот. В. Аникеев, Л. Ильина, Д. Кузнецова и др.— «Партийная жизнь», 1967, № 7, стр. 26—35

В борьбе за топливо. (Публ. автобиографии и писем И. И. Радченко, назначенного В. И. Лениным руководителем Главторфа. 1917—1935 гг.). Подгот. А. А. Новикова.— «Советские архивы», 1966, № 4, стр. 3—10

В боях за Москву. Документы героического прошлого. Вступ. ст. В. Николашина, Н. Ушатикова.— «Советские профсоюзы», 1967, № 1, стр. 22—24.

В дни суровых испытаний. (Сталинградская партийная организация в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.). Сб. документов и материалов. Сост. В. С. Красавин, Г. М. Головкин и др. Волгоград, 1966, 478 стр.

В годы суровых испытаний. (Документы 1919—1920 гг.) Публ. подгот. Э. Ривовш и Ю. Полощук.— «Советы депутатов трудящихся», 1967, № 1, стр. 49—55

Великая битва под Москвой. Публ. подгот. Н. М. Алещенко, А. Д. Колесник, П. Д. Маслов и др.— «Советские архивы», 1966, № 5, стр. 43—56; № 6, стр. 49—69

Великая Московская битва. (Публ. докт-ов из подготовляемого к печати сб. «Москва — фронту»). Предисл. С. М. Кляцкина, А. Д. Колесника и А. М. Синицина.— «Вопросы истории», 1966, № 12, стр. 3—22

Верный ленинец. (К 80-летию со дня рождения С. М. Тер-Габриеляна). Публ. подгот. А. Захарян, Г. Манукян. Вступ. ст. А. Н. Карапетян.— «Вестник архивов Армении» (Ереван), 1966, № 2, стр. 61—82

Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич. Автобиография. Публ. подгот. С. В. Житомирская.— «История СССР», 1967, № 2, стр. 96—104

Вопросы организации учета и статистики (в 1917—1920 гг.) Публ. документов.— «Вестник статистики», 1967, № 3, стр. 39—42; № 4, стр. 39—45; № 5, стр. 52—56

Воспоминания о Надежде Константиновне Крупской. Под ред. А. М. Арсеньева, В. С. Дриздо и А. Г. Кравченко. Сост. Г. С. Цовьянов. М., изд-во «Просвещение», 1966, 495 стр.

Восстановление текстильной промышленности Иваново-Вознесенской губернии (1920—1925 гг.). Сб. документов и материалов. Сост. В. А. Бабичев, Г. Я. Горбунов и др. Иваново, 1966, 264 стр.

Всенародная любовь. (Письма трудящихся В. И. Ленину, воспоминания о нем и газетные корреспонденции).— «Преподавание истории в школе», 1967, № 2, стр. 10—16.

Вставай, страна огромная! (Документы о деятельности Советов в годы Отечественной войны). Публ. подгот. Э. Ривош и Л. Даценко.— «Советы депутатов трудящихся», 1967, № 8, стр. 47—52

Герои гражданской войны. Публ. подгот. А. М. Иванов и В. А. Червяков.— «Военно-исторический журнал», 1966, № 2, стр. 3—16; № 4, стр. 61—72; № 7, стр. 44—49; № 11, стр. 41—45; 1967, № 2, стр. 47—51; № 4, стр. 48—53

Говорят солдаты Октября. (Строки из старой анкеты). Публ. ИМЛ при ЦК КПСС. Подгот. Э. Н. Тихонова и Н. В. Орлова.— «История СССР», 1967, № 2, стр. 58—62

Голос великой революции. Сборник. Сост. Г. Д. Костомаров. М., Политиздат, 1967, 223 стр.

XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 29 марта — 8 апреля 1966 года. Стенографический отчет. В 2-х т. М., Политиздат, 1966, 640 стр.; 672 стр.

XXIII съезду КПСС. Приветствия и трудовые рапорты. М., изд-во «Правда», 1966, 471 стр.

Дзержинский Ф. Э. Дневник заключенного. Письма. М., изд-во «Молодая гвардия», 1966, 333 стр.

Дипломаты и зарубежная печать о революции в России и событиях в Советской республике. По материалам «Вестника НКВД» (1919—22 гг.), «Бюллетеня НКВД» (1919—22 гг.) и журнала «Международная жизнь» (1922—30 гг.). Публ. подгот. Ф. Т. Орехов.— «Международная жизнь», 1967, № 1, стр. 73—84; № 2, стр. 107—117; № 3, стр. 77—87; № 4, стр. 56—63

Документы внешней политики СССР. [Комиссия по изд. дипл. документов: А. А. Громько (предс.) и др.] Т. 12. 1 янв.— 31 дек. 1929 г. Ред. колл.: И. И. Агаянц и др. М., Политиздат, 1967, 816 стр.

Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Отв. ред. Н. А. Хренов (совет. часть) и Т. Цесляк (польск. часть). Т. 4. Апр. 1921 г.— май 1926 г. Подгот. В. Гостыньская и др. Т. 5. Май 1926 г.— дек. 1932 г. Подгот. А. Заторский и др. при участии Г. Адалинской и др. М., изд-во «Наука», 1966, 559 стр.; 1967, 612 стр.

Документы рассказывают... Из истории борьбы против деникинщины. Вступ. ст. Б. Кашкаева, Г. Моисеева.— «Советский Дагестан» (Махачкала), 1967, № 2, стр. 30—43

Документы рассказывают... К истории дагестанской социалистической группы. (Документы 1917—1918 гг.). Вступ. ст. Б. Кашкаева, М. Хаджи-Мурадова.— «Советский Дагестан» (Махачкала), 1966, № 5, стр. 20—32

Ермеев Л. М. Глазами друзей и врагов. О роли Советского Союза в разгроме фашистской Германии. Воспоминания. Телеграммы. Заявления. Дневники. Послания. Статьи. Письма. Речи. Предисл. М. В. Захарова. М., изд-во «Наука», 1966, 272 стр.

За власть Советов. (Из истории борьбы за установление Советской власти в Камчатской обл.) 1920—1922 гг. Документы и материалы. Предисл. Б. И. Мухачева. Сост. Б. И. Мухачев, Е. А. Назарчук, И. А. Яровикова. Владивосток, 1967, 184 стр.

Заграничные походы советских кораблей. (По материалам ЦГАВМФ СССР). Публ. подгот. В. А. Дивин.— «Советские архивы», 1966, № 6, стр. 70—72

Из доклада исполкому Ефремовского Совдепа заведующего Отделом народного образования А. Котельникова. (15 февр. 1919 г.).— «Народное образование», 1966, № 8, стр. 91—94

Из истории научной организации труда в СССР. НОТ и РКИ. (Документы 1923—1924 гг.).— «Научная организация труда и управления», изд. 2-е. М., 1966, стр. 29—43

Из истории создания строительной индустрии в СССР. Публ. подгот. М. И. Кулькова.— «Советские архивы», 1967, № 2, стр. 34—58

Имя, ставшее легендой. Публ. о Г. Бжишкянце. 1918—1928. Вступ. ст. А. М. Дунаевского.— «Вестник архивов Армении» (Ереван), 1966, № 2, стр. 33—60

Искусство — народу! Архивные документы о культурном строительстве в Литве. (1918—1919 гг.). Публ. подгот. М. Лозинская и К. Тамашаускас.— «Коммунист» (Вильнюс), 1966, № 7, стр. 40—44

История индустриализации Казахской ССР (1926—1941 гг.). Документы и материалы. В 2-х т. Под ред. С. Б. Байшева. Т. I (1926—1932 гг.). Сост. Б. Н. Абишева, Е. Л. Виленский и др. Т. II (1933 — июнь 1941 гг.). Сост. Б. Н. Абишева, А. А. Байшин и др. Алма-Ата, 1967, 479 стр.; 434 стр.

История ордена Ленина завода «Ленинская кузница» (1862—1962 гг.). Сб. документов и материалов. Сост. А. Б. Байбаков, Р. С. Кац и С. А. Яковлев. Киев, 1967, 322 стр.

История Саратовского края. 1917—1965. Хрестоматия в помощь учителю истории. Сост. В. К. Медведев и др. Саратов, 1967, 445 стр.

К 25-летию Чебоксарского электроаппаратного завода. 1941—1966. Материалы по истории завода. Сост. и подгот. к печ. М. Л. Брикер. Чебоксары, 1966, 16 стр.

К 50-летию Великого Октября. (Публ. документов о положении в стране в начале 1917 г., о подготовке и ходе Февральской буржуазно-демократической революции). Подгот. К. В. Крестовская, Л. И. Панин. Вступ. ст. Г. Е. Рейхберга.— «Советские архивы», 1967, № 1, стр. 3—47.

К чему призывали листовки гражданской войны. (Публ. листовок 1918—1920 гг.).— «Вестник Моск. ун-та», Журналистика, 1967, № 1, стр. 49—50.

Калинин М. И. О коммунистическом воспитании и воинском долге. Сб. речей, докладов, статей. Сост. и авт. предисл. М. В. Кабанов. М., Воениздат, 1967, 726 стр.

М. И. Калинин в Башкирской АССР. Сборник. Под ред. З. А. Аминева, А. М. Байкова. Сост. А. М. Байков. Уфа, 1966, 160 стр.

Калинин в Тбилиси. (Новые документы. 1900 г.) Публ. подгот. В. Джикия.— «Литературная Грузия» (Тбилиси), 1967, № 4, стр. 64—69

Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941—1945. Документы и материалы. Сост. М. Л. Кичиков. Б. С. Санджиев, Ю. О. Оглаев. Элиста, 1966, 551 стр.

Комкор Григорий Хаханьян. Публ. документов 1919—1928 гг. Вступ. ст. Г. А. Айрапетян.— «Вестник архивов Армении» (Ереван), 1967, № 2, стр. 53—70

Комсомольцы и молодежь Ивановской области в годы строительства социализма. (1921—1940 гг.). Сб. документов и материалов. Сост. К. А. Гущина и др. Иваново, 1967, 315 стр.

КПСС о профсоюзах. Сб. документов. Сост. А. П. Прошина и Н. М. Юрова. М., Профиздат, 1967, XXII + 666 стр.

Крупская Н. К. Октябрьские дни. (Из книги «Воспоминания о Ленине»), изд. 2-е. М., Политиздат, 1967, 31 стр.

Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Документы и материалы. Сост. Ф. П. Захарова, П. И. Калашникова и др. Куйбышев, 1966, 447 стр.

Ленин и интернационал молодежи. (Документы 1915 г., считавшиеся утерянными). Публ. подгот. М. Мухамеджанов.— «Молодой коммунист», 1966, № 8, стр. 1—8

В. И. Ленин и Самара. Сб. документов и материалов. Сост. В. А. Белянов, И. И. Еркинов и др. Куйбышев, 1966, 564 стр.

Летопись боевой славы. Основные события и факты из истории строительства и боевой деятельности Вооруженных Сил СССР. (1918—1919 гг.).— «Военно-исторический журнал», 1966, № 7, стр. 111—120; № 8, стр. 106—116; № 10, стр. 115—119; № 11, стр. 114—119; № 12, стр. 110—114; 1967, № 2, стр. 111—116; № 4, стр. 113—119.

Луначарский А. В. Ленин и молодежь. (Доклад, прочит. 25 янв. 1924 г. для слушателей Коммунистического университета).— «Прометей», т. I. М., 1966, стр. 4—35

Любовь всенародная. Письма и приветствия В. И. Ленину от трудящихся Пензенской губ. (1918—1924 гг.). Сост. Е. Г. Самойлов, А. В. Сергеев. Саратов — Пенза, 1966, 167 стр.

Микоян А. И. Из воспоминаний о Серго Орджоникидзе.— «Юность», 1966, № 10, стр. 9—21

Михайлов Добрев Г. Из воспоминаний болгарского интернационалиста. (О встречах с В. И. Лениным и о революционной работе в России. 1917—1918 гг.).— «Советские архивы», 1966, № 4, стр. 55—59

Московская битва в цифрах. Период контрнаступления. Период обороны. (Статистич. материалы, разработанные и составленные В. В. Гуркиным и К. А. Маланиным).— «Военно-исторический журнал», 1967, № 1, стр. 89—101; № 3, стр. 69—79

Мужественные сыны революции. (Документы об участии литовских рабочих в Октябрьской революции). Публ. подгот. М. Лозинская и К. Тамашаускас.— «Коммунист» (Вильнюс), 1966, № 11, стр. 68—69

Мы наш, мы новый мир построим. (Документы 1920—1926 гг.). Публ. подгот. Э. Ривовш и И. Киздлов.— «Советы депутатов трудящихся», 1967, № 3, стр. 37—43

Научные знания — народу. Архивные документы о культурном строительстве в Литве в 1918—1919 гг. Публ. подгот. М. Лозинская и К. Тамашаускас.— «Коммунист» (Вильнюс), 1966, № 9, стр. 57—61.

Наш край в документах и иллюстрациях. Сборник. Ред. колл.: Д. И. Копылов и др. Тюмень, 1966, 590 стр.

Незабываемые страницы. (Документы Советов конца 1917 — начала 1918 гг.). Публ. подгот. Э. Ривош и Б. Морозов.— «Советы депутатов трудящихся», 1966, № 11, стр. 39—44

Новые документы о первой сельской большевистской организации в Казахстане. Публ. подгот. П. Пахмурный.— «Партийная жизнь Казахстана» (Алма-Ата), 1967, № 4, стр. 70—73

О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 4 янв. 1967 г.— «Коммунист», 1967, № 1, стр. 3—16; «Новое время», 1967, № 3, стр. 33—40; «Коммунист Белоруссии», 1967, № 1, стр. 2—13; «Коммунист вооруженных сил», 1967, № 3, стр. 3—14

О чем писали газеты в 1917 году. (Подборка материалов «Правды», «Известий», «Газеты Временного рабочего и крестьянского правительства»).— «Вестник Моск. ун-та», Журналистика, 1966, № 5, стр. 62—67

Образование Марийской автономной области. Сб. документов и материалов. Сост. Г. И. Богомолова и З. Ф. Куваева. Ред. А. В. Хлебников. Йошкар-Ола, 1966, 208 стр.

Образование Туркменской ССР и создание компартии Туркменистана (1924—1925 гг.). Сб. документов. Под ред. В. Г. Мелькумова и Я. Худайбердыева. Ашхабад, 1966, 367 стр.

Объявляются достоянием республики. Декрет о национализации сахарной промышленности. Публикация.— «Сахарная промышленность». М., 1967, № 4, стр. 20—21
Они не стали на колени. Сб. воспоминаний и документов о концлагере Береза Каргуская. Сост. В. Поссе и Л. Аржаева. Минск, 1966, 347 стр.

Дни сражались вместе с нами. (Документы об участии интернационалистов в борьбе за власть Советов в Белоруссии. 1918—1920 гг.)— «Неман» (Минск), 1966, № 11 стр. 132—142

Орджоникидзе Г. К. Воспоминания об Ильиче.— «Молодой коммунист», 1966, № 10, стр. 13—16

Особая сводная агитационная эскадрилья им. Максима Горького. Публ. подгот. В. А. Прокопович и О. М. Слоним.— «Советские архивы», 1966, № 4, стр. 48—54

Остроумов Б. А. В. И. Ленин и Нижегородская радиолaborатория. История лабораторий в документах и материалах. Л., изд-во «Наука», 1967, 407 стр.

Партийное строительство. Хрестоматия. Сост. В. С. Викторов, А. С. Конькова, Д. А. Парфенов. М., Политиздат, 1966, 324 стр.

Первые годы Советской власти (конец 1917—1924 годы). Документы.— «Партийная жизнь», 1967, № 10, стр. 30—44

Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы. В 3-х т. Ред. колл.: Д. А. Чугаев (отв. ред.) и др. Тт. 2—3. Сост. Т. Ф. Авраменко, В. Л. Логинова и др. М., изд-во «Наука», 1966, 558 стр.; 1967, 743 стр.

Письма В. И. Ленину из-за рубежа. Предисл. В. В. Анисеева. Сост. К. Ф. Богданова и А. П. Якушина. М., изд-во «Мысль», 1966, 428 стр.

Письма славы и бессмертия. 1905—1920 гг. Предисл. Ф. Н. Петрова. Сост. В. А. Кондратьев. М., Политиздат, 1966, 192 стр.

Письмо Н. К. Крупской. Публикация. Вступ. ст. И. Куценко.— «Кубашь» (Краснодар), 1967, март, стр. 87—88

По поручению товарища Ленина. Из истории борьбы за бакинскую нефть. Публ. подгот. А. П. Беляков и В. С. Бакулин.— «Советские архивы», 1966, № 6, стр. 3—16

По поручению товарища Ленина. (Переписка Управления делами СНК за 1918—1922 гг.). Публ. подгот. М. Ф. Фросина и Л. А. Шапиро.— «Советские архивы», 1966, № 5, стр. 3—10

По пути борьбы и побед. (Публ. док-тов по истории народного хозяйства Грузии. 1917—1921 гг.; 1922—1926 гг.)— «Литературная Грузия» (Тбилиси), 1967, № 1, стр. 50—60; № 2, стр. 46—56

Подвиги народных мстителей. Партизанское движение Калининской обл. 1941—1944 гг. Документы и материалы. Сост. В. А. Туркин, А. В. Егорова. М., изд-во «Моск. рабочий», 1966, 399 стр.

Приезд Ленина в Россию. (Воспоминания Е. И. Вишневого, В. Д. Бонч-Бруевича, А. В. Бельшева).— «Морской сборник», 1967, № 4, стр. 8—11

Приморская краевая партийная организация в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сб. документов и материалов. В 2-х т. Ред. колл.: А. И. Крушанов и др. Т. 2. Владивосток, 1966, 392 стр.

(Публикация ходатайства перед Реввоенсоветом республики о награждении активных участников Шенкурской операции). Подгот. Г. А. Санович.— «Военно-исторический журнал», 1967, № 2, стр. 108—110

Революционеры Прикамья. 150 биографий деятелей революционного движения, работавших в Прикамье. Сост. Н. А. Аликина, И. Г. Горовая. Ред. колл.: Н. А. Аликина и др. Пермь, 1966, 823 стр.

Революция — искусство — дети. Материалы и документы. Сост. Н. П. Старосельцева. М., изд-во «Просвещение», 1966, 295 стр.

- Революция рабочих, крестьян, солдат. (Из документов тех дней). Публ. документов, присланных в редакции газет в 1917 г.— «Нива», 1966, № 11, стр. 14—17
- Саратовская партийная организация в предвоенные годы. Документы 1937—1941 гг. Сост. Л. Захарова, И. Игошин и др. Саратов, 1966, 232 стр.
- Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXI. (1 янв. 1959 г.— 31 дек. 1960 г.). М., Политиздат, 1967, 464 стр.
- Сборник законов Азербайджанской ССР и указов Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР. 1938—1966 гг. В 2-х т. Т. I. Баку, 1966, 496 стр.
- Систематическое собрание законов РСФСР, указов Президиума Верховного Совета РСФСР и решений Правительства РСФСР. Тт. 6—7. М., изд-во «Юрид. лит-ра», 1967, 451 стр.; 603 стр.
- Слово старого коммуниста. (Письма балтийского матроса М. И. Пантюхова). Публ. подгот. С. Нестерович.— «Звезда Востока» (Ташкент), 1967, № 4, стр. 31—37
- Советская статистика в 1920 году. Публ. документов.— «Вестник статистики», 1967, № 6, стр. 51—54
- Советский морской флот. Важнейшие решения партии и правительства. (Октябрь 1917—1950 гг.).— «Морской флот», 1966, № 10, стр. 3; № 11, стр. 3; № 12, стр. 3; 1967, № 1, стр. 5; № 2, стр. 4; № 3, стр. 7; № 4, стр. 8; № 5, стр. 6
- Советско-монгольские отношения. 1921—1966. Сб. документов. Сост. М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. М., изд-во «Наука», 1966, 360 стр.
- Становление и развитие здравоохранения в первые годы Советской власти. 1917—1924 гг. Сб. документов и материалов. Ред. колл.: М. И. Барсуков и др. Сост. В. Н. Додонов, Л. И. Завалищенко и др. М., изд-во «Медицина», 1966, 544 стр.
- Так побеждали Советы... (Протокольная запись заседаний расширенного Пленума Моск. обл. бюро РСДРП от 9—10 нояб. 1917 г.). Публ. подгот. Н. В. Орлова и Т. В. Шенелева.— «Советские архивы», 1966, № 4, стр. 33—44
- Тегеран — Ялта — Потсдам. Сб. документов (трех конференций стран антигитлеровской коалиции). М., изд-во «Международные отношения», 1967, 368 стр.
- Три письма к Луначарскому (М. Горького, А. П. Карпинского, С. Цвейга). Публ. подгот. И. А. Луначарская.— «Прометей». М., 1966, т. I, стр. 286—291
- Трудиющиеся Украины — Ленину. (Публ. писем и телеграмм, 1917—1924 гг.) Подгот. П. Павлюк и Д. Щедрина.— «Коммунист Украины» (Киев), 1967, № 4, стр. 10—16
- Тульский край. Документы и материалы. Ч. 1. Сост. А. П. Бурсак, А. Д. Зюзин, Н. В. Куприянова. Тула, 1966, 376 стр.
- 1917 год в деревне. (Воспоминания крестьян). Предисл. и ред. Я. Яковлева. Сост. И. В. Игрицкий. Переработ. изд. М., Политиздат, 1967, 288 стр.
- Упрочение Советской власти в Пермской губернии. Документы и материалы. Под ред. Ф. С. Горового. Сост. Е. Н. Лукьянова, Н. Д. Аленчикова и др. Пермь, 1966, 431 стр.
- Установление Советской власти и гражданская война в Коми крае. (1917—1920). Сб. документов и материалов. Сост. Н. А. Дегтева, В. Г. Зыкин и др. Сыктывкар, 1966, 355 стр.
- Фотиева Л. Из жизни В. И. Ленина. (1918—1924).— «Сельская новь». М., 1967, № 4, стр. 5—7
- Фотиева Л. Как работал Ленин. (Воспоминания).— «Дон», Ростов н/Д., 1967, № 4, стр. 3—26
- Фрунзе М. В. Об итогах реорганизации Красной Армии.— «Военно-исторический журнал», 1966, № 8, стр. 64—72
- Хрестоматия по истории Иркутской области. Ред.-сост. С. Б. Каминский, Г. П. Константинов, А. П. Косых и др. Иркутск, 1966, 274 стр.
- Хрестоматия по истории КПСС. Сост. Т. Г. Логвинова и М. А. Семичаевский. М., Политиздат, 1967, 423 стр.
- Цель — социализм. (Документы об участии Советов в социалистическом строительстве. 1929—1931 гг.). Публ. подгот. Э. Ривош, Г. Денисова и Г. Калашникова.— «Советы депутатов трудящихся», 1967, № 5, стр. 49—56
- Цифры и факты. Важное завоевание революции. (Законодательство о социальном страховании).— «Социалистический труд», 1967, № 4, стр. 19—23
- Ч и ч е р и н Г. В. «Наша политика мира — это созидательная политика». (Сокращенный вариант заявления от 30 янв. 1924 г.) — «Век XX и мир». М., 1967, № 4, стр. 5—7
- Электрификация СССР. Сб. документов и материалов. 1926—1932 гг. Сост. П. П. Ковалев, М. И. Кулькова и Л. В. Фомина, М., изд-во «Экономика», 1966, 477 стр.
- Юность мужала в боях. Статьи. Очерки. Документы. Сост. А. Д. Коваль. М., Воениздат, 1966, 416 стр.

ИСТОЧНИКИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Борьба за мир. Материалы трех Интернационалов. (Учеб. пособие для вузов). Сост. Ю. Ю. Фигатнер. Под ред. М. М. Филипшовой. М., изд-во «Высшая школа», 1967, 551 стр.

Г а р и б а л ь д и Д. Мемуары. Перев. В. С. Бондарчука и Ю. А. Фридмана. Статья и коммент. В. Е. Невлера. М., изд-во «Наука», 1966, 468 стр.

Д а в и д Н е п о б е д и м ы й. Толкование «Аналитики» Аристотеля. Сводный критич. текст. Перев. с древнеарм., предисл. и примеч. С. С. Аревшатына. (Текст на рус. и древнеарм. яз.). Ереван, 1967, 155 стр.

Документы Организации солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки. Кн. 4. М., 1966, 175 стр.

Иван Троян — герой французского сопротивления. Публ. подгот. З. Н. Тихонова.— «Вопросы истории», 1966, № 11, стр. 151—155

Из неопубликованных писем Клары Цеткин. Публ. подгот. Н. И. Кондаранцев и В. С. Гетман. Перев. с нем. Л. В. Мишин.— «Вопросы истории КПСС», 1966, № 8, стр. 83—86

Из неопубликованных писем Клары Цеткин. Публ. подгот. Е. Н. Соколов. Перев. с нем. Л. В. Мишин.— «Новая и новейшая история», 1967, № 2, стр. 145—147

Из переписки члена Парижской Коммуны А. Клеманса. (К Ж. Лемонье, 10 окт. 1872 г. Франц. текст).— «Французский ежегодник. 1965». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 267—269

Из стенограммы совещания в ставке вермахта от 9 янв. 1941 г. (К вопросу о планировании немецко-фашистским командованием войны против СССР). Вступ. ст. В. Дашичева.— «Военно-исторический журнал», 1967, № 2, стр. 79—83

И с о к р а т. Речи. Перевод под ред. К. М. Колобовой. (Продолжение).— «Вестник древней истории», 1966, № 4, стр. 233—247; 1967, № 1, стр. 215—234

Итальянская коммунистическая партия. Съезд, 11-й. Материалы. Перев. с итал. М., Политиздат, 1966, 279 стр.

К истории петиции, представленной Пьером Доливье Законодательному собранию 1 мая 1792 г. Вступ. ст. А. В. Адо.— «Французский ежегодник. 1965». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 229—232

К 150-летию Эжена Потье. Публ. подгот. Е. В. Киселева.— «Вопросы истории КПСС», 1966, № 10, стр. 90—92

Многостороннее экономическое сотрудничество социалистических государств. Сб. документов. Вступ. ст. Н. Фаддеева. Сост. П. А. Токарева и др. М., изд-во «Юрид. лит-ра», 1967, 308 стр.

Неизданные письма Мабильона. Публ. подгот. Л. Г. Катускина. Ред. А. Д. Люблинская.— «Средние века». Сборник, вып. 29. М., изд-во «Наука», 1966, стр. 276—288

Неопубликованные письма Фритьофа Нансена к русским ученым. Публ. подгот. Т. И. Лысенко и А. И. Васина.— «На Севере Дальнем» (Магадан), 1966, № 1, стр. 92—99

Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов. В 3-х т. Под общ. ред. Р. А. Руденко. Т. 2. Военные преступления. Преступления против человечности. Сост. Г. Н. Александров, А. И. Полтораки, М. Ю. Рагинский. М., изд-во «Юрид. лит-ра», 1966, 799 стр.

О русских коммунистических группах в Австрии и Венгрии в 1917—1918 гг. Публ. подгот. Р. А. Ермолаева.— «Вопросы истории КПСС», 1966, № 7, стр. 67—69

Письма узников Эттерстада. Публикация. Вступ. ст. М. Г. Искрина.— «Вопросы истории», 1967, № 1, стр. 100—101

Показания убийцы. Текст записи разговора немецких кинодокументалистов В. Хайновского и Г. Шоймана с Зигфридом Мюллером по кличке «Конго — Мюллер».— «Знамя», 1967, № 2, стр. 190—208

Политика капиталистических держав и национально-освободительное движение в Юго-Восточной Азии (1871—1917). Документы и материалы. Предисл. А. А. Губера. Ч. 2. Сост. А. Г. Тартаковский, С. В. Нефедова и др. М., изд-во «Наука», 1967, 492 стр.

Почему не состоялось вторжение в Англию. (Рукопись Ф. Паулоса. Вступ. ст. Л. Безыменского).— «Военно-исторический журнал», 1967, № 4, стр. 78—81

Практикум по истории средних веков. Для студентов-заочников ист. фак-тов пед. ин-тов. Сост. М. Л. Абрамсон, С. А. Сливко, М. М. Фрейденберг. М., изд-во «Просвещение», 1967, 256 стр.

Русские дипломаты о войне за независимость в Латинской Америке. (Документы 1817—1826 гг.). Публ. подгот. Г. Б. Шумова. Перев. с франц. В. И. Кузнецов.— «Новая и новейшая история», 1966, № 5, стр. 109—119

Самые большие военные преступники нашего времени. Т. I и II. (Документ Комиссии по разоблачению военных преступлений, совершенных империалистами США и их лакеями в Южном Вьетнаме). М., 1966, 64 стр.

Хрестоматия по новейшей истории. Пособие для учителей. Сост. М. Е. Сучков. Под ред. Н. Н. Яковлева. Ч. 2. 1945—1965. М., изд-во «Просвещение», 1966, 256 стр.

КНИГИ И СТАТЬИ ПО АРХЕОГРАФИИ, АРХИВОВЕДЕНИЮ И СПЕЦИАЛЬНЫМ ИСТОРИЧЕСКИМ ДИСЦИПЛИНАМ

- Азбелев С. Н. Текстология как вспомогательная историческая дисциплина.— «История СССР», 1966, № 4, стр. 81—134
- Александрович А. И. Вопросы охраны здоровья народа в деятельности районных Советов Петрограда в 1917 г. (Обзор документов).— «Советское здравоохранение», 1967, № 2, стр. 57—60
- Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век, изд. 2-е. Л., 1966, 184 стр.
- Аникеев В. В. Документы Центрального партийного архива о деятельности партии в период подготовки Октября.— «Вопросы истории КПСС», 1966, № 11, стр. 122—127
- Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. М., изд. Моск. ун-та, 1967, 541 стр.
- Антонова С. И. Периодическая печать как исторический источник по истории СССР (1895—1917 гг.). Для студентов-заочников ист. фак-тов гос. ун-тов, вып. 1. Методич. пособие по курсу «Источниковедение истории СССР». М., изд. Моск. ун-та, 1966, 56 стр.
- Арнольд В. Адрес на визитной карточке. (Интересная находка в Куйбышевском архиве — адрес Ульяновых).— «Волга» (Саратов), 1967, № 5, стр. 98—99
- Аттокуров С. А. К вопросу об источниковедении и историографии истории промышленности Киргизии в конце XIX и в начале XX века.— «Ученые записки ист. фак-та» (Киргизский гос. ун-т). Фрунзе, 1966, вып. 9, стр. 35—76
- Бегунов Ю. К. Когда и кем было написано «Сказание о железных вратах».— «Ученые записки» (Азерб. гос. ун-т), серия яз. и лит.-ры. Баку, 1966, № 3, стр. 39—43
- Белов Г. А. Международный форум архивистов (Вашингтон, 9—14 мая 1966 г.) — «Советские архивы», 1966, № 5, стр. 89—99
- Белов Г. А. Советские архивисты в США. (Международный конгресс в Вашингтоне, 9—14 мая 1966 г.) — «Новая и новейшая история», 1967, № 1, стр. 178—180
- Белокуров Б. С. Опыт использования архивных материалов в топонимике.— «Вопросы географии», сб. 70. М., 1966, стр. 137—141
- Белявский М. Т. Наказы крестьян Восточной Сибири в Уложенную комиссию 1767—1768 гг.— «Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М. Н. Тихомирова». М., изд-во «Наука», 1967, стр. 343—363
- Беляков С. Т. и Веселина М. С. Совершенствовать поиски документов В. И. Ленина.— «Советские архивы», 1966, № 5, стр. 15—19
- Бем Ю. О. Внешние признаки печатных изданий первых лет Советской власти. (Постановка вопроса).— «Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М. Н. Тихомирова». М., изд-во «Наука», 1967, стр. 364—379
- Бобков Е. А. К вопросу об историографии и задачах палеографического исследования памятников древнерусской музыкальной письменности.— «Труды Моск. историко-арх. ин-та», т. 24, вып. 2. М., 1966, стр. 73—85
- Боброва Е. И. Собрание инкунабулов БАН СССР.— «Материалы и сообщ. по фондам Отд. рукописей и редкой книги БАН СССР». М.— Л., 1966, стр. 106—116
- Богданов М. Л. Первые тома общесоюзной серии документов и материалов по истории коллективизации сельского хозяйства СССР.— «Вопросы истории», 1966, № 8, стр. 147—154
- Бородкин П. А. Принципы подготовки популярной литературы с использованием архивных документов.— «Материалы научно-метод. конференции архивистов РСФСР. Куйбышев, 1964». М., 1966, стр. 213—218
- Борщевский С. С. «Отечественные записки». 1868—1884. Хронологический указатель анонимных и псевдонимных текстов. М., изд-во «Книга», 1966, 96 стр.
- Бочков В. Н. К вопросу о разработке хроники событий по материалам государственных архивов.— «Материалы научно-метод. конференции архивистов РСФСР. Куйбышев, 1964». М., 1966, стр. 205—213
- Брахман Б. и Шрейер Г. Минимум или максимум документаций? (В связи со ст. М. С. Селезнева и М. Н. Черноморского «Вопросы создания источниковедческой базы по истории советского общества»).— «Вопросы истории», 1966, № 8, стр. 107—112
- Бубнов Н. Ю. и Копанев А. И. Отчет об археографической экспедиции Библиотеки АН СССР 1965 г.— «Материалы и сообщ. по фондам Отд. рукописной и редкой книги БАН СССР». М.— Л., 1966, стр. 199—205
- Буганов В. И. Летописные известия о Московском восстании 1682 г.— «Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М. Н. Тихомирова». М., изд-во «Наука», 1967, стр. 310—319
- Буганов В. И. Повесть о Московском восстании 1682 года.— «Древнерусская литература и ее связи с новым временем». М., изд-во «Наука», 1967, стр. 317—354
- Буганов В. И. Русское летописание в советской историографии.— «Вопросы истории», 1966, № 12, стр. 143—155
- Бучина Л. И. Материалы по истории народного образования в Литве и Белоруссии в 60-е годы XIX в. в Отделе рукописей Гос. публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-

Щедрина.— «Сб. методических статей по библиотековедению и библиографии», вып. 20 (41). Л., 1966, стр. 274—286

Валкин М. Х. Новые материалы о революционере-народнике А. С. Бутурлине — «Ученые записки» (Ульяновский гос. пед. ин-т), серия обществ. наук, т. 22, вып. 1. Ульяновск, 1966, стр. 243—277

Валкина И. В. К вопросу об источниках Татищева.— «XVIII век. Сб. 7. Роль и значение литературы XVIII в. в истории русской культуры. К 70-летию со дня рожд. чл.-корр. П. Н. Беркова». М.—Л., изд-во «Наука», 1966, стр. 74—85

Варшавчик М. А. К вопросу об отборе историко-партийных источников.— «Вопросы истории КПСС», 1966, № 3, стр. 112—117

Власенко Т. С. «Тайные записки арестанта». К вопросу о распространении «Колокола» в России.— «Из истории обществ.-полит. движения в России XIX в. (Материалы Отд. письм. источников ГИМа)». М., 1967, стр. 34—53

Водовозов Н. В. История древней русской литературы. М., изд-во «Просвещение», 1966, 383 стр.

Военная переписка В. И. Ленина. (О сб. «В. И. Ленин. Военная переписка»).— «Военно-исторический журнал», 1967, № 4, стр. 82—86

Волк С. С. «Устав исполнительного комитета „Народной воли“». — «Археографический ежегодник за 1965 год». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 107—112

Воробьев Г. Г. и Рудельсон К. И. Современные проблемы документной классификации и информации.— «Советские архивы», 1966, № 6, стр. 17—28

Воробьева И. А. Русские гидронимы Сибири в XVII в. (по материалам «Чертежной книги Сибири» С. Ремезова).— «Вопросы географии», сб. 70. М., 1966, стр. 62—71.

Воронин Н. Н. Даниил Заточник.— «Древнерусская литература и ее связи с новым временем». М., изд-во «Наука», 1967, стр. 54—101

Воронова Т. П. Архив О. А. Добиаш-Рождественской в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.— «Средние века». Сборник, вып. 29. М., 1966, стр. 187—190

Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. Устав. Саратов, 1967, 11 стр.

Гельман Э. Г. Картографические материалы как источник по исторической географии Новгородской губернии XVIII в.— «Труды Моск. гос. историко-арх. ин-та», т. 24, вып. 2. М., 1966, стр. 114—133

Гельман Э. Г. Карты и планы «водяных коммуникаций» XVIII в. как источник по исторической географии Новгородской губернии.— «Труды Моск. гос. историко-арх. ин-та», т. 23. 1967, стр. 261—278

Георгиев Е. Избранные произведения К. Маркса и Ф. Энгельса. О 3-томнике.— «Полит. самообразование», 1967, № 5, стр. 124—127

Гольдина В. Богатейшее документальное наследие. (О док-тах Петроградского и Московского ВРК в ЦГАОР'е).— «Партийная жизнь», 1967, № 5, стр. 28—31

Горев И. О планах научно-издательской деятельности архивных учреждений на 1967 г.— «Вопросы истории КПСС», 1967, № 3, стр. 148—150

Горьковский областной архив. Путеводитель по фондам Государственного архива Горьковской области и его филиала в Арзамасе. Горький, 1967, 486 стр.

Гуковский А. И. Историческая наука и филателия.— «Новая и новейшая история», 1966, № 6, стр. 114—117

Гуковский А. И. Не о всяких сказках вести сказ. (В связи со ст. И. А. Булыгина и Л. Н. Пушкарева «Источниковедение» в 6 т. СИЭ).— «Вопросы истории», 1967, № 1, стр. 184—186

Дажина И. М. Призывы партии к народу. (Листовки января—февраля 1917 г.).— «Советские архивы», 1967, № 1, стр. 48—58

Дворецкая Н. А. Сибирские летописи как исторический источник.— «Сб. методич. статей по библиотековедению и библиографии», вып. 20 (41). Л., 1966, стр. 287—299

Деятов В. Ленин и рабочее движение. (Новые документы в музее В. И. Ленина).— «Коммунист» (Вильнюс), 1967, № 4, стр. 10—14

Дейч Г. М. К вопросу о письмах В. И. Ленина родным как историческом источнике.— «Вопросы истории КПСС», 1967, № 2, стр. 113—117

Дильмухамедов Е. Д. и Турта В. В. Отражение в мемуарных источниках рабочего движения в Казахстане в 1905—1907 гг. К 60-летию первой русской революции.— «Изв. АН КазССР», серия обществ. наук, 1966, № 1, стр. 38—45.

Дмитриева Р., Дмитриев Л. и Творогов О. По поводу статьи А. А. Зимина «Спорные вопросы текстологии „Задонщины“». — «Русская литература», 1967, № 1, стр. 105—121

Документы ЦГИА СССР в работах советских исследователей. Библиогр. указатель. Книги, статьи и публикации на рус. яз. Вып. 2. Сост. А. Л. Вайнштейн, Н. Г. Маркова и М. Д. Филиппова. Л., 1966, 327 стр.

Долгорукова Т. Н. К вопросу о создании справочников по истории строительства государственного аппарата в союзных советских социалистических респуб-

ликаx. (На примере РСФСР). «Материалы научно-метод. конференции архивистов РСФСР. Куйбышев, 1964». М., 1966, стр. 188—195

Долдобанова Н. А., Шеламанова Н. Б. К биографии академика М. Н. Тихомирова.— «Археографический ежегодник за 1965 год». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 173—175

Дондоков Б. Ц. Ценный источник по истории Октябрьской революции в Сибири. (Об использовании печатной продукции).— «Вестник Моск. ун-та», Журналистика, 1967, № 1, стр. 47—49

Дракохруст Е. И. Уваровский список Литовского статута 1588 года в собрании Государственного исторического музея.— «Ежегодник Гос. ист. музея. 1963—1964». М., 1966, стр. 117—137

Дробижев В. З. Главный штаб социалистической промышленности. (Очерки истории ВСНХ. 1917—1932 гг.). М., изд-во «Мысль», 1966, 285 стр.

Дылевский Н. М. Русские и украинские рукописи и старопечатные книги в болгарских книгохранилищах.— «Исследования источников по истории русского языка и письменности». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 206—224

Евсеев Е. Н. Роль и значение обзоров в организации использования документальных материалов в научных целях.— «Материалы научно-метод. конференции архивистов РСФСР. Куйбышев, 1964». М., 1966, стр. 196—204

Ермолаева Р. А. Документальные материалы Центрального и местных партийных архивов о деятельности иностранных групп РКП(б) в России. М., 1967, 14 стр.

Ерошкин Н. П., Куликов Ю. В., Чернов А. В. История государственных учреждений России до Великой Октябрьской социалистической революции. (Уч. пособие). М., 1965, 417 стр.

Ефремова Л. А. О научной организации труда в архивах.— «Советские архивы», 1966, № 6, стр. 76—78

Жвания З. Труды архивных учреждений Грузинской ССР. 1958—1966.— «Научно-информ. бюллетень (Арх. упр. при Сов. Мин. ГрузССР)». Тбилиси, 1966, № 13—14, стр. 111—131

Жекулин В. С. Географические сведения в Новгородских берестяных грамотах.— «Известия Всесоюз. геогр. об-ва», т. 98, вып. 5. Л., 1966, стр. 444—447

Жекулин В. С. Историко-географические методы исследования территории.— «Ученые записки (Новгор. головной гос. пед. ин-т)», 1966, т. 6. Вопросы географии, стр. 42—62

Жекулин В. С. Обзор некоторых материалов по исторической географии Новгородского края в XII—XV вв.— «Ученые записки (Новгор. головной гос. пед. ин-т)», 1966, т. 6. Вопросы географии, стр. 91—111

Жуков Л. М., Замниус В. С., Рубин И. А. Некоторые вопросы использования документальных материалов государственных архивов для краеведения.— «Геогр. общ-во СССР. Ленинград. Челябинский отд. Доклады к научно-краеведч. конференции», вып. 1. Челябинск, 1966, стр. 44—48

Жуковская Л. П. Юрьевское евангелие в кругу родственных памятников.— «Исследования источников по истории русского языка и письменности». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 44—76

Загоровский В. П. Как возникли названия городов и сел Воронежской области. Воронеж, 1966, 111 стр.

Зак Л. М. Значение одной буквы. (Об ответственности современников за точное воспроизведение высказываний В. И. Ленина. В связи с переводами воспоминаний К. Цеткин).— «История СССР», 1966, № 6, стр. 221

Зарубин Г. П. и Нестеренко А. И. Из ленинских документов, посвященных вопросам борьбы за здоровье народа. (Новые материалы).— «Гигиена и санитария», 1967, № 3, стр. 48—55

Зимин А. А. Две редакции «Задонщины».— «Труды Моск. гос. историко-арх. ин-та», т. 24, вып. 2. М., 1966, стр. 17—54

Зимин А. А. К вопросу о тюркизмах «Слова о полку Игореве». (Опыт исторического анализа).— «Ученые записки» (Науч.-исслед. ин-т при Сов. Мин. Чуваш. АССР), вып. 31. Чебоксары, 1966, стр. 138—155

Зимин А. А. Когда было написано «Слово»?— «Вопросы литературы», 1967, № 3, стр. 135—152

Зимин А. А. Новые документы по истории местного управления в России первой половины XVI в.— «Археографический ежегодник за 1965 год». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 342—353.

Зимин А. Спорные вопросы текстологии «Задонщины».— «Русская литература», 1967, № 1, стр. 84—104

Иванов Ю. А. Вопросы источниковедческой критики воспоминаний работников советской промышленности.— «Из истории рабочего класса в Кузбассе. (1917—1965)». Кемерово, 1966, стр. 109—129

Измайлова Т. А. Локализация группы иллюстрированных армянских рукописей XI века по их памятным запискам.— «Вестник обществ. наук» (АН Арм. ССР). Ереван, 1966, № 9, стр. 42—56

Иорш И. И. Материалы о монголах, калмыках и бурятах в архивах Ленинграда. История, право, экономика. М., изд-во «Наука», 1966, 206 стр.

Иремадзе А. Ильич был за мирный путь... К разъяснению одного ленинского документа.— «Литературная Грузия» (Тбилиси), 1967, № 4, стр. 3—7

Ирошников М. П. Создание советского центрального государственного аппарата. Совет Народных Комиссаров и Народные комиссариаты. Окт. 1917 — янв. 1918 г. М.—Л., изд-во «Наука», 1966, 298 стр.

История государственных учреждений СССР. (Уч. пособие). ч. 2. 1936—1965 гг. Ред. С. И. Копьев. М., изд. МГИАИ, 1966, 358 стр.

История советской археологии. (Уч. пособие в 6 вып.). Под ред. М. С. Селезнева. Вып. 1. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и первые шаги советской археологии (1917—1920 гг.). М., изд. МГИАИ, 1966, 46 стр.; Вып. 4. Археология в годы Великой Отечественной войны. (1941—1945). 1966, 44 стр.; Вып. 5. Т. В. Батаева, Е. М. Тальман, Д. М. Эпштейн. Археология в послевоенные годы (1945—1955), 1967, 82 стр.; Вып. 6. И. И. Корнева, Е. М. Тальман, Д. М. Эпштейн. Археология в период развернутого строительства коммунизма. 1967, 110 стр.

Ищенко Д. С. Старейший русский список студийского устава. (Палеографическое описание).— «Исследования источников по истории русского языка и письменности». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 140—161

Казанцев Б. Н. О некоторых приемах изучения источников по статистике стачек периода первой русской революции. (На примере анализа источников о стачках рабочих-текстильщиков Центрального промышленного района России за январь—июль 1907 г.).— «Археографический ежегодник за 1965 год». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 139—152

Кайминь Я. Борьба партии за победу социалистической революции в Латвии в 1917—1919 гг. (Обзор источников).— «Вопросы истории КПСС», 1966, № 10, стр. 126—133

Какабадзе С. С. Грузинские документы Института народов Азии АН СССР. М., изд-во «Наука», 1967, 512 стр.

Какабадзе С. С. Установление критического текста начальной части «Картлис Цховреба».— «Палестинский сборник», вып. 15(78). М.—Л., 1966, стр. 172—180

Каменцева Е. И. Меры жидких тел в России во второй половине XVIII — начале XIX в.— «Труды Моск. гос. историко-арх. ин-та», т. 24, вып. 2. М., 1966, стр. 159—173

Кармалина В. П. Научно-справочный аппарат к описям фондов.— «Советские архивы», 1966, № 6, стр. 29—33

Карпенко Э. Г. Анкеты-интервью как источник при изучении технического, культурного, политического роста рабочих кадров.— «Из истории рабочего класса в Кузбассе. (1917—1965)». Кемерово, 1966, стр. 77—108

Кизяев И. И. Полезные начинания партийных архивов.— «Советские архивы», 1966, № 5, стр. 67—70

Киселев Г. Ф. и Любишева В. А. В. И. Ленин и создание государственной печати и герба РСФСР.— «История СССР», 1966, № 5, стр. 21—26

Клейненберг И. Э. Унификация вошаного веса в новгородско-ливонской торговле XV в. (Из истории внешнеторговой политики Иванского ста).— «Археографический ежегодник за 1965 год». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 82—93

Клокова А. С. Тематический обзор фондов Государственного архива Магаданской области.— «Труды Сев.-Вост. комплексного научно-исслед. ин-та» (АН СССР. Сиб. отд-ние). М., 1967, вып. 17, стр. 210—216

Клопов Э. В. Дату заседания ЦК РКП(б) необходимо уточнить. (О заседании, датированном 9(22) янв. 1918 г.).— «Вопросы истории КПСС», 1966, № 11, стр. 118—119

Колтомова Л. и Тужикова М. Материалы по истории рабочего класса в фондах Новокузнецкого филиала Кемеровского облгосархива. (Краткий обзор).— «Из истории рабочего класса в Кузбассе (1917—1965)». Кемерово, 1966, стр. 140—145

Кондратов И. П. Сбор и изучение документов подполья.— «Советские архивы», 1966, № 5, стр. 71—74

Коновалов А. А. Географические названия в берестяных грамотах.— «Советская археология», 1967, № 1, стр. 84—98

Коноплева И. А. Рукописи А. И. Герцена. Каталог. Л., 1966, 41 стр.

Корецкий В. И. Новый документ о Великом Новгороде. (Грамота 1502 г.).— «Советские архивы», 1967, № 1, стр. 109—111.

Королюк В. Д. и Рогов А. И. Михаил Николаевич Тихомиров — историк славянских народов и славяно-германских отношений.— «Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 3—9

Коротков Ю. Н. У истоков первой «Земли и воли». (Неопубликованная страница из тетради А. А. Слепцова).— «Исторические записки», т. 79, стр. 176—209

- Костина Р. В. К вопросу об исследовании машинописных текстов первых лет Советской власти.— «Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М. Н. Тихомирова». М., изд-во «Наука», 1967, стр. 380—388
- Костюхина Л. М. Писцовая школа московского Чудова монастыря в конце XVI в.— «Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М. Н. Тихомирова». М., изд-во «Наука», 1967, стр. 134—142
- Крестова Л. В. и Кузьмина В. Д. Иоиль Быковский, проповедник, издатель «Истинны» и первый владделец рукописи «Слова о полку Игореве».— «Древнерусская литература и ее связи с новым временем». М., изд-во «Наука», 1967, стр. 25—53
- Кузнецов А. С. Волостные архивы Сибири как исторический источник.— «Вопросы истории и истории философии». Сб. аспирантских работ, вып. 4. Иркутск, 1966, стр. 41—46
- Кузьмин А. Г. Древнейшая рязанская грамота XIV столетия.— «Советские архивы», 1967, № 1, стр. 112
- Кузьмин А. Г. К вопросу о происхождении варяжской легенды.— «Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М. Н. Тихомирова». М., изд-во «Наука», 1967, стр. 42—53
- Кукущкина М. В. Описи книг XVI—XVII вв. библиотеки Антониево-Сийского монастыря.— «Материалы и сообщ. по фондам Отд. рукописной и редкой книги БАН СССР». М.—Л., 1966, стр. 122—142
- Кукущкина М. В. Поступления рукописей в БАН СССР в 1964 г.— «Материалы и сообщ. по фондам Отд. рукописной и редкой книги БАН СССР». М.—Л., 1966, стр. 103—105
- Кутейников И. В. Научная работа в партийных архивах Украины.— «Вопросы истории КПСС», 1967, № 3, стр. 150—154
- Кутлюков М. Документы о поездке Хивинского посланника Аллашукур-бая в Москву в 1762—1763 годах.— «Обществ. науки в Узбекистане». Ташкент, 1966, № 6, стр. 70—74
- Кучкин В. А. «Наказание отца к сыну» по списку середины XV века.— «Исследования источников по истории русского языка и письменности». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 288—290
- Лазебников А. В поисках исчезнувших строк. (О записке В. И. Ленина Ф. Ф. Образцову в связи с постройкой Народного дома. 1917 г.).— «Нива», 1966, № 11, стр. 8—13
- Латкин В. Ф. Встречу славным юбилеям. (В партархиве Краснодарского крайкома КПСС).— «Советские архивы», 1967, № 1, стр. 94—97.
- Лебедева И. Н. Греческие и русские списки хроники Псевдо-Дорофея в собрании БАН СССР.— «Материалы и сообщ. по фондам Отд. рукописной и редкой книги БАН СССР». М.—Л., изд-во «Наука», 1966, стр. 28—37
- Лебедева И. Н. Неизвестные фрагменты греческого Евангелия в собрании библиотеки АН СССР.— «Палестинский сборник», вып. 15 (78). М.—Л., 1966, стр. 117—129
- Левшин Б. В. Выставка документальных материалов, посвященных академику М. Н. Тихомирову.— «Археографический ежегодник за 1965 год». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 176
- Ленинские документы о Казахстане. (В 5-м изд. Сочинений В. И. Ленина).— «Партийная жизнь Казахстана» (Алма-Ата), 1966, № 7, стр. 51—53
- Литвак Б. Г. Движение помещичьих крестьян в великорусских губерниях в 1855—1863 гг. (Статистические итоги анкетного обследования местных архивов).— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы». Кишинев, 1966, стр. 558—571
- Лихачев Д. С. По поводу статьи С. Н. Азбелева «Текстология как вспомогательная историческая дисциплина».— «История СССР», 1967, № 2, стр. 230—235
- Лосякова К. М. и Клеопов И. Л. Историко-географические карты в комплексах географических атласах.— «Доклады Ин-та географии Сибири и Дальнего Востока». Иркутск, 1966, вып. 11, стр. 65—69
- Лукашев А. В. Пресненские большевики в борьбе за ленинскую линию в революции. (По следам одного документа).— «Вопросы истории КПСС», 1967, № 4, стр. 115—118
- Лудкий Е. А. Первый советский сборник документов. Брошюра В. И. Ленина «Как обманули народ социалисты-революционеры и что дало народу новое правительство большевиков» 1917 г.— «Археографический ежегодник за 1965 год». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 153—161
- Люблинская А. Д. Значение трудов О. А. Добиаш-Рожественской для развития латинской палеографии в СССР. К 25-летию со дня смерти чл.-корр. АН СССР О. А. Добиаш-Рожественской.— «Средние века». Сборник, вып. 29. М., 1966, стр. 173—178
- Мартынов М. Н. Неизвестная «книга» о горных заводах Урала.— «Советские архивы», 1966, № 6, стр. 39—48
- Медведев Е. И. и Шарякова Э. С. Архивы и историческая наука.— «Мате-

риалы научно-метод. конференции архивистов РСФСР. Куйбышев, 1964». М., 1966, стр. 20—28

Медушевская О. М. Развитие теории советского источниковедения.— «Труды Моск. гос. историко-арх. ин-та», т. 24, вып. 2. М., 1966, стр. 3—16

Мельникова Н. Н. Издания, напечатанные в типографии Московского университета. XVIII в. Под ред. П. Н. Беркова. М., изд. МГУ, 1966, 455 стр.

Милов Л. В. К истории текста Закона Судного людем Пространной редакции.— «Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М. Н. Тихомирова». М., изд-во «Наука», 1967, стр. 65—78

Минасов Р. Документы эпохи мужества. (Об Октябрьской революции, в ЦГА кинофотодокументов).— «Молодая гвардия», 1967, № 1, стр. 168—175

Мингалев В. С. Летописная повесть — источник «Сказания о Мамаевом побоище».— «Труды Моск. гос. историко-арх. ин-та», т. 24, вып. 2. М., 1966, стр. 55—72

Миროнова И. А. Основные источники по истории внешней политики России конца XIX — нач. XX в.— «Археографический ежегодник за 1965 год». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 122—138

Михайлова В. Н. Источники по численности и составу рабочих кадров угольной промышленности Кузбасса в послевоенный период (1946—1958 гг.) в фондах Кемеровского областного госархива.— «Из истории рабочего класса в Кузбассе (1917—1965)». Кемерово, 1966, стр. 130—139

Михайлова С. Б. Воспоминания Н. А. Морозова как исторический источник.— «Археографический ежегодник за 1965 год». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 113—121

Морозов В. Ф. Большевицкая газета «Голос правды» как источник по изучению установления Советской власти.— «Ученые записки» (Пензенский гос. пед. ин-т), серия обществ. наук. Саратов — Пенза, 1967, вып. 19, стр. 44—50

Мурьянов М. Ф. Фрагменты латинских рукописей VIII—X вв. из коллекции Академии наук СССР.— «Средние века». Сборник, вып. 29. М., изд-во «Наука», 1966, стр. 208—220

Назаров В. Д. Жалованная грамота Лжедмитрия I Галицкому Великоустыинскому Авраамьеву монастырю.— «Археографический ежегодник за 1965 год». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 354—368

Назаров В. Д. Палеографический и текстологический анализ списков Сводного Судебника.— «Вестник Моск. ун-та», История, 1967, № 1, стр. 54—76

Найда С. Ф. и Наумов В. П. Советская историография гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР. М., изд-во МГУ, 1966, 172 стр.

Найдель М. Значение деятельности Народного Комиссариата рабоче-крестьянской инспекции Азәрбайджанской ССР и архивных учреждений республики в организации рациональной системы депопроизводства (1922—1934 гг.).— «Вестник архивов Азерб. ССР». Баку, 1966, № 4—5, стр. 194—203

Николаева А. Т. Вопросы источниковедения в трудах И. И. Голикова, посвященных Петру I.— «Труды Моск. гос. историко-арх. ин-та», т. 24, вып. 2. М., 1966, стр. 86—113

Носова И. И., Смоктунович Л. Л. и Сольский Д. И. Научно-справочный аппарат к документальным материалам ведомственных архивов.— «Советские архивы», 1966, № 5, стр. 20—25

Овчинников Р. В. Документы о Е. И. Пугачеве на судебном процессе декабристов. (В фонде Тайной экспедиции Сената в ЦГАДА).— «Труды Моск. гос. историко-арх. ин-та», т. 24, вып. 2. М., 1966, стр. 174—182

Оловеникова Т. С. Рукописные материалы XVII—XIX веков в Орловском областном архиве.— «Исследования источников по истории рус. языка и письменности». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 236—245

Орбели Р. Р. Из истории одной рукописи. (О грузинском переводе воинского устава Петра I).— «Вопросы истории народов Кавказа». Тбилиси, 1966, стр. 399—404

Павлов-Сильванский В. Б. Деятельность Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР за 1965 год.— «Археографический ежегодник за 1965 год». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 376—380

Павлов-Сильванский В. Б. Отказные книги поместного приказа как источник по истории служилого землевладения. (По материалам Вяземского уезда 30—40-х годов XVII в.).— «Археографический ежегодник за 1965 год». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 94—103

Павлов-Сильванский В. Б. Писцовая книга Звенигородского уезда XVI в. (К вопросу о публикации).— «Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М. Н. Тихомирова». М., изд-во «Наука», 1967, стр. 143—157

Пересветов Р. Поиски дорожного сундука. (Об исчезновении в 1918 г. при отправке в Екатеринбург документов из кабинета Ленина в Смольном).— «Урал» (Свердловск), 1967, № 4, стр. 142—145

Петропавловский Е. С. Листовки как источник при изучении истории КПСС. (Большевицкие листовки в дооктябрьский период). М., изд-во «Высшая школа», 1966, 83 стр.

- Пилькевич С. Д. Архивные учреждения Украинской ССР готовятся к 50-летию Октября.— «Советские архивы», 1967, № 2, стр. 59—62
- Покровская В. Ф. Из истории создания Лицевого летописного свода второй половины XVI в.— «Материалы и сообщ. по фондам Отд. рукописной и редкой книги БАН СССР». М.—Л., 1966, стр. 5—19
- Покровский Н. Н. Купчие, данные и меновные грамоты как источник по истории черносопного землевладения России XIV—первой четверти XVI в.— «Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М. Н. Тихомирова». М., изд-во «Наука», 1967, стр. 79—90
- Полевой Б. П. Гипотеза о «Годуновском» атласе Сибири 1667 г.— «Известия АН СССР», серия геогр. М., 1966, № 4, стр. 123—132
- Попова З. Д. Рукописи XVII—XVIII веков в Курском областном архиве.— «Исследования источников по истории рус. языка и письменности». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 225—235
- Попоз А. В. Учредительная грамота Смоленской епископии.— «Археографический ежегодник за 1965 год». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 59—71
- Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР (для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно»). Сост. Н. Б. Шеламанова.— «Археографический ежегодник за 1965 год». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 177—272
- Пушкарев Л. Н. Формы и содержание исторического источника.— «Советские архивы», 1966, № 5, стр. 34—40
- Равикович Д. А. Охрана памятников истории и культуры РСФСР.— «История СССР», 1967, № 2, стр. 192—206
- Равнополец Л. С. К вопросу об издании и распространении произведений В. И. Ленина в Белоруссии.— «Академия наук БССР. Фундам. б-ка им. В. Г. Белинского. Научная конфер., посвящ. 40-летию б-ки». Минск, 1966, стр. 26—41
- Реликвия революции. Экскурсия в ЦГАОР СССР.— «Советские архивы», 1966, № 5, стр. 57—66
- Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. (Стрыйковский и его «Хроника»). М., изд-во «Наука», 1966, 310 стр.
- Родзинская И. Ю. Источники по истории русско-английских отношений 1760—1770 годов.— «Труды Моск. гос. историко-арх. ин-та», т. 24, вып. 2. М., 1966, стр. 134—158
- Розов Н. Н. Библиотека Сильвестра (XVI век).— «Исследования источников по истории рус. языка и письменности». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 191—205
- Романов А. Н. К вопросу о комсомольской периодической печати 1918—1920 гг. как историческом источнике.— «Вопросы истории КПСС», 1967, № 5, стр. 105—119
- Росляков А. А. О методике выборочного обследования источников по истории партии. (Из опыта работы Туркменского филиала ИМЛ при ЦК КПСС).— «Вопросы истории КПСС», 1966, № 8, стр. 118—121
- Рыбаков Б. А. Михаил Николаевич Тихомиров.— «Археографический ежегодник за 1965 год». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 3—6
- Рыбаков Б., Кузьмина В., Филин Ф. Старые мысли, устарелые методы. (Ответ А. Зимину).— «Вопросы литературы», 1967, № 3, стр. 153—176
- Рыбаков Ю. Я. Отчеты Министерства внутренних дел начала XIX в. как источник по истории обрабатывающей промышленности России.— «Труды Моск. гос. историко-арх. ин-та», т. 24, вып. 2. М., 1966, стр. 183—190.
- Серебрянникова В. Г. О народовольческих листовках «Социалистов черноземной полосы».— «Из истории обществ.-полит. движения в России XIX в. (Материалы. Отд. письм. источников ГИМа)». М., 1967, стр. 54—67.
- Сидорова Л. П. Лубочные повести о начале Москвы и их исторические источники.— «Древнерусская литература и ее связи с новым временем». М., изд-во «Наука», 1967, стр. 260—287.
- Скогорев В. А. и Собинникова В. И. Памятники письменности XVII—XVIII веков в Воронежском областном архиве.— «Исследования источников по истории рус. языка и письменности». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 246—252
- Смирнова В. А. Издания и распространение Учредительного манифеста и временного Устава международного Товарищества рабочих в 1864—1866 годах.— «Научно-информ. бюлл. сектора произв. К. Маркса и Ф. Энгельса» (Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). М., 1966, № 15, стр. 4—15
- Снегирев Л. Знамя победы над Веной. (О фондах Центр. музея Вооруженных Сил СССР).— «Радуга» (Киев), 1967, № 5, стр. 120—123
- Соловьев А. А. О некоторых вопросах комплектования партийных архивов документальными материалами.— «Советские архивы», 1967, № 2, стр. 63—70
- Сонелькина Е. Л. Об отборе документов для публикации (для сб. «Профсоюзы СССР»).— «Советские архивы», 1966, № 5, стр. 84—88
- Сперанский М. Н. Перевод «Слова о полку Игореве» в бумагах А. Ф. Малиновского. (Подгот. к печ. и ввод. заметка В. Д. Кузьминой).— «Древнерусская литература и ее связи с новым временем». М., изд-во «Наука», 1967, стр. 17—24
- Сумкина А. И. Акцентированные рукописи XVII века.— «Исследования

источников по истории рус. языка и письменности». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 106—121

Сусанов М. В. Документальная коллекция «Советско-чехословацкая дружба». (В Ужгородском архиве).— «Советские архивы», 1967, № 2, стр. 87—89

Тагунова В. И. Из рукописей Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника.— «Исследования источников по истории рус. языка и письменности». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 253—259

Тематика исследований до документальным материалам в центральных государственных архивах СССР за 1965 г. Справочник, вып. 4. М., 1966, 242 стр.

Теория и практика архивного дела в СССР. (Учебник для студентов вузов по специальности «Историко-архивоведение»). Под ред. Л. А. Никифорова и Г. А. Белова. М., изд-во «Высшая школа», 1966, 468 стр.

Терещенко Л. С. Программа разработки материалов Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.— «Труды Моск. гос. историко-арх. ин-та», т. 24, вып. 2. М., 1966, стр. 220—234

Тихомиров М. Н. Значение документальных богатств ЦГАДА для советской исторической науки.— «Археографический ежегодник за 1965 год». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 31—40

Толмачев П. Тегеран, Ялта, Потсдам и современность. К публикации документов.— «Международная жизнь», 1966, № 12, стр. 103—111

Тоом В. О документальном наследии съездов Компартии Эстонии.— «Коммунист Эстонии» (Таллин), 1967, № 3, стр. 23—28

Трофимов И. Редкие рукописи В. Г. Белинского (о М. А. Бакунине, кружке Н. В. Станкевича и др.) — «Радуга» (Киев), 1967, № 4, стр. 163—166.

Тютюкин С. В. Ленинские рефераты о войне (осень 1914 г.) — «История СССР», 1967, № 2, стр. 29—42

Удальцова З. В. Хроника Иоанна Малалы в Киевской Руси.— «Археографический ежегодник за 1965 год». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 47—58

Ульяновский областной архив. Путеводитель. Под ред. И. С. Ромашина. Сост. И. С. Ромашии, М. С. Ануфриева и др. Ульяновск, 1966, 242 стр.

Усакова А. Коммунистическая партия в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства Казахстана. (Обзор фондов партийного архива 1926—1940 гг.) — «Вопросы истории Коммунистической партии Казахстана», вып. 4. Алма-Ата, 1966, стр. 273—286

Участкина З. В. Развитие техники бумагоделания за 50 лет.— «Труды Ленингр. технолог. ин-та целлюлозно-бум. пром-ти», вып. 19. Экономический. Л., 1967, стр. 5—15

Фадеев А. Д. По следам одной телеграммы В. И. Ленина (Самарскому губисполкому от 6 апр. 1920 г. о борьбе с эпидемией тифа).— «Вопросы истории КПСС», 1966, № 11, стр. 120—124

Фиалков Д. Н. Раздумье над первыми чертежами земли Иртышской. (Чертежи С. Ремезова).— «Известия Омского отдела Геогр. об-ва СССР», 1966, вып. 8, стр. 97—100

Филарет, архиепископ Киевский и Галицкий. Труды святых Кирилла и Мефодия на территории Русского государства в русской исторической литературе.— «Журн. Моск. патриархии», 1967, № 3, стр. 55—58

Флоря Б. Н. Коми-Вымская летопись.— «Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М. Н. Тихомирова». М., изд-во «Наука», 1967, стр. 218—231

Фрайман А. Л. Документы Петроградского ВРК.— «Советские архивы», 1966, № 5, стр. 106—108

Ханинсон Я. Г. Ленинское слово в дореволюционной Сибири. Из истории издания и распространения произведений В. И. Ленина в Сибири (1895—1904 гг.). Новосибирск, 1966, 91 стр.

Хлусов М. И. Об издании документов по истории индустриализации СССР.— «Советские архивы», 1966, № 1, стр. 68—71

Хорошкевич А. Л. Быт и культура русского города по словарю Тонни Фенне 1607 г.— «Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М. Н. Тихомирова». М., изд-во «Наука», 1967, стр. 200—217

Хорошкевич А. Л. Русские грамоты 60—70-х годов XV в. из бывшего Рижского городского архива.— «Археографический ежегодник за 1965 год». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 325—341.

Хромченко Л. Г. Перспективы применения средств кибернетики при использовании в историко-технических исследованиях архивных документальных материалов.— «Применение электронно-вычислительных устройств в исследованиях по истории науки и техники». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 88—101

Центральный архив Татарской АССР. Казань. Путеводитель. Сост. И. А. Георгиевская, М. Б. Кочурова и др. Казань, 1967, 278 стр.

Цикулин В. А. История государственных учреждений СССР. (Учебное пособие). Ч. 2. 1936—1965 гг. М., 1966, 359 стр.

Цимман М. Особенности исторических источников, характеризующих поземельные отношения в дореволюционном Казахстане. «Алма-Атинский ин-т народного хоз-ва. Научная конференция. 1965. Доклады...», Алма-Ата, 1966, стр. 437—448

- Цыбульский В. А. О протоколах Сестрорецкого ревкома (март — август 1917 г.) — «История СССР», 1966, № 4, стр. 234—236
- Чавчадзе И. Документальные материалы ЦГА ГССР. О Г. К. Орджоникидзе. (К 80-летию со дня рождения). — «Научно-информ. бюллетень» (Арх. упр. при Сов. Мин. ГрузССР). Тбилиси, 1966, № 13—14, стр. 69—73
- Черепнин Л. В. Из источниковедческих наблюдений над берестяными грамотами. — «История СССР», 1966, № 2, стр. 94—105
- Черепнин Л. В. Развитие вспомогательных исторических дисциплин за пятьдесят лет. — «Советские архивы», 1967, № 5, стр. 130—137
- Черноморский М. Н. Источниковедение истории СССР. (Советский период). (Уч. пособие для ист. фак-тов вузов). М., изд-во «Высшая школа», 1966, 343 стр.
- Черноморский М. Н. Материалы текущей статистики промышленности о состоянии промышленности в период гражданской войны (1919—1920 гг.) — «Труды Моск. гос. историко-арх. ин-та», т. 24, вып. 2. М., 1966, стр. 250—266
- Чубенко В. Гербы рассказывают. (Гербы городов Поволжья). — «Волга» (Саратов), 1966, № 7, стр. 191
- Чугаев Д. А. Опыт публикации архивного фонда (Петроградского ВРК). — «Советские архивы», 1967, № 1, стр. 68—72
- Чумаченко Э. Г. О приемах исследования В. О. Ключевским источников древнерусских житий святых. — «Труды Моск. гос. историко-арх. ин-та», т. 24, вып. 2. М., 1966, стр. 191—202
- Чумаченко Э. Г. Путешествие В. В. Полозова по странам Ближнего и Среднего Востока в 70-е годы XVII в. (Источниковедческий анализ челобитных В. В. Полозова). — «Палестинский сборник», вып. 15(78). М.—Л., изд-во «Наука», 1966, стр. 208—227
- Шебанов А. Ф. Из опыта создания полного собрания законов и свода законов в дореволюционной России. — «Известия высш. учеб. заведений». Правоведение. Л., 1967, № 2, стр. 96—106
- Шеламанова Н. Б. К вопросу об изучении источников по истории внешней политики России в конце XVI в. — «Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М. Н. Тихомирова». М., изд-во «Наука», 1967, стр. 180—199
- Шмидт С. О. О времени составления «Выписи» о втором браке Василия III. — «Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М. Н. Тихомирова». М., изд-во «Наука», 1967, стр. 110—122
- Шмидт С. О. Памяти учителя. (Материалы к научной биографии М. Н. Тихомирова). — «Археографический ежегодник за 1965 год». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 7—30
- Шмидт С. О. Сказания об афонских монастырях в новгородской рукописи XVI века. — «Древнерусская литература и ее связи с новым временем». М., изд-во «Наука», 1967, стр. 355—363
- Щапов Я. Н. «Правило о церковных людях». — «Археографический ежегодник за 1965 год». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 72—81
- Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Голышенко В. С. Описание пергаментных рукописей Государственного исторического музея. Ч. 2. — «Археографический ежегодник за 1965 год». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 273—309
- Эгговатов Н. В. Криптограмма на рукописи «Слова о полку Игореве». — «Археографический ежегодник за 1965 год». М., изд-во «Наука», 1966, стр. 104—106
- Яковлев Л. Об источниковедческой базе изучения истории и теории интернациональной солидарности трудящихся. М., 1967, 12 стр.
- Яцунский В. К вопросу обработки и истолкования статистических данных о крестьянском движении в России в XIX—начале XX в. — «Ajaloo jarkudel radadel», Tallinn, 1966, lk. 146—153.

III. ПУБЛИКАЦИИ

В. И. Корецкий

ВНОВЬ ОТКРЫТЫЕ НОВГОРОДСКИЕ И ПСКОВСКИЕ ГРАМОТЫ XIV—XV ВВ.

Вновь открытые грамоты извлечены, как и ранее опубликованные нами¹, из столбцов Поместного приказа и Новгородской приказной избы. Они сохранились в списках в поземельных делах XVII в.

На первое место надо поставить грамоты из архива Мишиничей-Онцифоровичей — одного из наиболее знаменитых новгородских посаднических родов, к которому привлечено пристальное внимание исследователей. Их немного — всего две, но они имеют важное значение: сделанные в последнее время архивные находки впервые пересеклись с миром берестяных грамот.

В 1685 г. возникло дело² по челобитью игумена Колмова монастыря Феодосия «з братьею» о выдаче выписи из писцовых книг на монастырские земли на том основании, что на них «жаловалные государские [грамоты] и выписи и всякие монастырские крепости не[мецкие] [л]юди пограбили, а иные крепости в пожары згорели. А по писцовым книгам и по жаловальным грамотам и по духовной посадницы Орины того Колмова монастыря вотчины и всякие угодья в Новгородском уезде в Обонежской и в Вотцкой и в Шелонской пятинах в разных местех. А ныне по вашему великих государей указу велено быть в Новгородском уезде писцом, а выписи нам, богомольцам, на те монастырские вотчинные земли и на угодья ис писцовых книг в монастырь не дано». Монастырские власти просили «великих государей» — Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича — велеть «ис писцовых книг и ис приправочных и из дозорных и ис отказных книг и из жаловальных грамот и со всяких монастырских крепостей на вотчины и на всякие угодья дать нам, богомольцам, в монастырь выписать, по чему нам теми вотчинами и угодьями впредь владеть» (л. 1).

Далее в деле помещены на лл. 2—5 выпись из писцовой книги Обонежской пятины Юрья Константиновича Сабурова 1425—1496 гг. на монастырские вотчины; на лл. 5—9 — выпись из писцовой книги Обонежской пятины Андрея Лихачева да подьячего Ляпуна Добрынина 1563—1564 гг.; лл. 9—10 занимает выпись из писцовых книг Обонежской пятины Нагорной половины Андрея Плещеева да подьячего Семейки Кузьмина 1582—1583 гг., а лл. 10—15 — выпись из писцовой книги Обонежской пятины Заонежской половины 1582—1583 гг. тех же писцов; лл. 15—18 — выпись

¹ В. И. Корецкий. Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю. — «Исторический архив», 1955, № 5; он же. Новгородские грамоты XV века из архива Палеостровского монастыря. — «Археологический ежегодник за 1957 год». М., 1958.

² ЦГАДА, ф. Поместного приказа, г. Новгород, стб. 43651, ч. II, д. 18.

из писцовых книг Вотской пятины Корельской половины письма и дозору Елизарья Григорьевича Старого да подъячего Семейки Киселева 1581—1582 гг. Далее находятся списки с грамот из архива Мишиничей-Онцифоровичей: на л. 18 — с духовной Орины — последней представительницы этого рода; на лл. 18—19 — с ободной Луки Варфоломеевича — одного из ранних представителей рода, закладывавших основы его почти двухсотлетнего могущества; на л. 19 дополнительно дан сокращенный пересказ ободной Луки. На лл. 19—21 приведен список с жалованной грамоты царя Михаила Федоровича Колмову монастырю от 17 ноября 1627 г.; на лл. 21—23 — список с жалованной грамоты Колмову монастырю царя Алексея Михайловича (без конца) ³.

Ободная Луки Варфоломеевича (см. грамоту № 1) представляет собой один из ранних образцов древнерусского частного акта вообще и, пожалуй, самый ранний, относящийся к Обонежью ⁴. Она запечатлела дальнейший процесс освоения крупным светским вотчинником крестьянской волостной земли. Мануйла и Алексей, скорее всего, первые новгородские феодалы-пришельцы, внедрившиеся в крестьянский мир. Интересно отметить, что некий Олекса Колбинец, давший поруку в кунах, упомянут в берестяной грамоте, направленной от Луки Варфоломеевича к Марфе (№ 389), а Мануйла фигурирует в письме Онцифора Лукиничича своей матери, очевидно той же Марфе, которой должен был передать 20 бел (№ 358). «Посадник Мануйла», упоминавшийся в берестяной грамоте, не обязательно «казенный курьер» ⁵, а мог быть и посадничьим сыном.

Староста Родион и «вся братья» — Пиккуй, Юрий, Жадислав и другие — представляют собой те родственные группы, из которых состояла крестьянская волость. С подобным положением сталкиваемся мы и в известной мировой старосты Азика и «его братья» с Василием Матвеевым по спорному делу о владениях в Шенкурском погосте на Ваге 1315—1322 гг. ⁶

Мануйла, Алексей и представители крестьянской волости владели Тайбольской землей, очевидно, на правах сябренничества, или складничества. Институт этот использовался феодалами для проникновения в крестьянскую волость ⁷. Тайбольская земля покупается Лукой Варфоломеевичем «одерень себе и своим детем, куды староста со всею своею братнею тогою постоял». Упоминание в ободной «страдамой» земли, полей, заполок, хмельников, которые наряду с другими угодами покупаются Лукой «все одерень», свидетельствует о значительном хозяйственном освоении Тайболы к моменту покупки. Об этом же говорит и подробное описание земельных границ, а также указания на «Никифорову межу», «Симкинскую межу» и «Григорьеву пиву», сделанные в ободной. Слова же о том, что «в том ободе нету Луки сябра», могут быть расценены как показатель ликвидации первоначального института сябренничества, бытовавшего в Тайбольской земле. Такой крупный феодал, как Лука Варфоломеевич не нуждался в нем для закрепления за собой новой вотчины. Он полагается на собственную силу и могущество.

Лука Варфоломеевич — фигура заметная в Новгородской истории. Он сын известного Варфоломея Юрьевича и отец знаменитого посадника Онцифора Лукиничича. В отличие от отца и сына, посадником Лука Варфоло-

³ На этом дело обрывается.

⁴ Подлинность вкладной посадника Словенского конца Ивана Фомина 1181—1182 гг. Муромскому монастырю заподозрена С. Н. Валком: С. Н. Валк. Начальная история древнерусского акта. — «Вспомогательные исторические дисциплины». Сборник. М.—Л., 1937, стр. 301—303.

⁵ А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1958—1961 гг. М., 1963, стр. 90, 52.

⁶ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» (далее — ГВН и П) под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949, стр. 279—280.

⁷ Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле XIV—XV вв. М., 1955, стр. 263.

меевич не был, хотя и выполнял важные поручения Новгородской республики. Так, в 1333 г. он совместно с другими послами отправляется из Новгорода в Торжок к Ивану Калите, пришедшему туда «со всеми князи низовскими»⁸. В новгородской истории он более всего известен как организатор самовольного похода на Двину, куда он отправился, «не послушав Новаграда, митрополища благословения и владычня, скопив с собою холопов збоев». Тогда же его сын Онцифор двинулся на Вагу⁹. В 1342 г. во время этого похода взяв «землю Заволочную... на щит» и поставив на Двине городок Орлец, Лука Варфоломеевич и погиб. Следовательно, ободную надо отнести ко времени до 1342 г.

Ободная на дальнюю Тайболу неожиданно вводит нас в самую гущу новгородских событий. Составлялась она в Великом Новгороде, писал ее «Василей, дьяк святого Дмитрея». Церковь св. Дмитрия расположена в Неревском конце на Донслани улице в Кожевниках, недалеко от Волхова. Поблизости находилась и усадьба Мишиничей, связанных с Неревским концом. Церковь св. Дмитрия служила складом для товаров; вокруг нее, по-видимому, грушировались торговцы и ремесленники. Летописец, сообщая об ее гибели во время пожара 1390 г., добавил: «и товара много множество изгоре»¹⁰. Любопытно присмотреться к составу послухов, присутствовавших при составлении ободной. Прежде всего надо отметить их незначительность, отсутствие упоминаний о них в летописях. Относительно двоих из них нет никаких сомнений, что они ремесленники. Это Артемий Корнильев — котельник и Тимофей — серебряник. Известия о ремесленниках-новгородцах для первой половины XIV в. настолько редки, что представляют самостоятельный интерес, но в данном случае они приобретают еще и особое значение в связи с тем восстанием, которое подняли черные люди в Новгороде, узнав о гибели Луки Варфоломеевича.

Исторические отождествления, да еще для такого раннего времени, как первая половина XIV в., очень затруднительны и проблематичны. Но все-таки на некоторые совпадения я хотел бы обратить внимание. 17 мая 1338 г. был заключен договор с немецкими купцами, в котором говорилось о новгородском купце «Волосе, который был убит, и об его товарищах, побитых на том же корабле, и о товаре Волоса»¹¹. Необычность имени и близость по времени заставляют вспомнить об упоминании в ободной Луки Варфоломеевича среди послухов Волоса. Если в обоих случаях речь идет об одном и том же лице — купце Волосе, как-то связанном с церковью св. Дмитрия на Донслани улице, то составление ободной можно было бы отнести к более раннему времени. Среди послухов упомянут Фешко Федоров. А. В. Арциховский отметил редкость прозвища Фешки среди древнерусских имен и прозвищ, встреченное им лишь в одной из берестяных грамот XIV в., обнаруженной недалеко от мостовой Великой улицы и повествующей о торговле солью¹².

Не настаивая на проведенных сопоставлениях, отвергнуть или принять их — дело будущих разысканий, я хотел бы указать на несомненные связи Мишиничей — Онцифоровичей с ремесленниками и торговцами Неревского конца (они приглашают их послушествовать при составлении земельных актов, привлекают для составления ободной дьякона церкви св. Дмитрия,

⁸ «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов» под ред. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950 (далее — НПЛ), стр. 345.

⁹ А. Л. Шурьгина отметила на р. Кокшенге, недалеко от Шенкурска, до наших дней сохранившееся поселение «Анциферовское», как возможный след похода Онцифора (А. Л. Шурьгина. Новгородская боярская колонизация.— «Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 78. Кафедра истории СССР. Л., 1948, стр. 42).

¹⁰ НПЛ, стр. 384.

¹¹ ГВН и П, стр. 71.

¹² А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1952 г. М., 1954, стр. 35.

служащей складом для товаров, обращаются к ним за услугами и в некоторых других случаях, например, при покупке коня). Очевидно, они не только давали ремесленникам работу, вооружая ватаги, наподобие той, во главе которой Лука и Онцифор отправились в 1342 г. на Двину и Вагу, не только доставляли пропитание части новгородской гольтыбы, привлекая ее для участия в своих походах, но и реализовывали награбленную добычу и доходы со своих огромных вотчин посредством знакомых купцов, получая деньги на новые военные предприятия. Становится понятной бурная реакция черных людей, поднявших в 1342 г. восстание в Новгороде при вести о гибели Луки Варфоломеевича на Двине¹³.

Приведенные выше соображения заставляют по-новому подойти к смелой гипотезе Б. А. Рыбакова о новгородском архиепископе Василии Калике как выразителе интересов новгородских ремесленников, черных людей¹⁴. В. Л. Янин, напротив, указывает на связи Василия Калики со знатными фамилиями Неревского конца и настаивает на аристократическом характере его деятельности¹⁵. Теперь мы видим, что такие видные представители боярства Неревского конца, как Мишиничи, в свою очередь, были в достаточно тесных отношениях с местными ремесленниками и в какой-то мере должны были учитывать интересы последних и при замещении архиепископской кафедры. Василий Калика, безусловно, представлял более широкие слои новгородского населения, чем архиепископ Моисей, ориентировавшийся на узкий боярский круг. Бывший поп Козмодемьянской церкви на Холопьем улице, населенной в основном ремесленниками¹⁶, «муж добр, кроток и смирен», по характеристике летописи¹⁷, Василий Калика устраивал на какое-то время и черных людей и такие боярские роды, тесно связанные с ремесленниками, как Мишиничи, усадьба которых находилась поблизости.

Приблизительное указание на местонахождение Тайбольской земли, купленной Лукой Варфоломеевичем, содержится в кратком пересказе ободной (см. грамоту № 2), сделанном в XVI или XVII вв., где старинные названия в ряде случаев заменены были на более современные. Здесь сказано, что по соседству с Тайбольской землей находился «стан за губою и мхи возле губы с Трестьяные воды и в Бегрую». Последнее указание можно сравнить со ссылкой, помещенной в деле, на писцовую книгу Обонежской пятины 1495—1496 гг.: «Да в той же писцовой книге написано — рыбные ловли на Пашской губе в Ергуеве стане, Колмова монастыря весь котечная ловля» (л. 5). Поиски Тайбольской земли как будто ведут к Пашской губе, в южное Обонежье, где протекает река Паша.

Для уточнения местонахождения Тайбольской земли обратимся к Экономическим примечаниям второй половины XVIII в. и Генеральному плану Новоладожского уезда Петербургской губернии, составленному тогда же. И действительно, здесь находим оз. Сар окружностью в три версты, из которого вытекает речка Вяница («Вяница-река» ободной), впадающая в Ладожское озеро. Речка Салма («Салмакса-река» ободной) — приток Вяницы¹⁸. «Пажская губа» ободной — это Папская губа, в которую, по выражению составителей Экономических примечаний, «устьем впадает» река Паша¹⁹. «Колголемскому бродищу» ободной соответствуют деревня Колго-

¹³ НПЛ, стр. 356.

¹⁴ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М.—Л., 1948, стр. 767—774.

¹⁵ В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, стр. 334—336.

¹⁶ А. А. Строков. Раскопки Холопьем улицы древнего Новгорода.— «Новгородский исторический сборник», вып. 1. Л., 1936, стр. 44.

¹⁷ НПЛ, стр. 342.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 1154. Петербургская губерния, Экономические примечания Новоладожского уезда, лл. 286 об.—288 об.; ф. 1155. Генеральный план Новоладожского уезда, ч. 8.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 1154. Петербургская губерния. Экономические примечания Новоладожского уезда, л. 285.

лема и погост того же названия на реке Папе²⁰. Итак, Тайбольская земля локализуется в низовьях реки Паши, близ Пашской губы.

Духовная Орины (см. грамоту № 3) ценна тем, что в ней указаны земельные владения Мишиничей-Онцифоровичей, сохранившиеся к моменту передачи этих земель в Колмов монастырь, «где», по выражению Орины, «живет отец мой и маги моя и род мой». Мишиничи-Онцифоровичи издавна благодетельствовали Колмову монастырю, расположенному в окрестностях Неревского конца, где высился их каменный терем. В синодике Клопского монастыря, к которому в XVIII в. был приписан Колмов, помещены имена создателей последнего: «Варфоломея, Луки, Максима, Аньсифора, Георгия, Григория»²¹. Это, за исключением Григория, — несомненные представители рода Мишиничей. Но, обращаясь к синодику, необходимо учитывать, что он переписывался довольно поздно и в нем обнаруживается перестановка. Имя Максима Онцифоровича поставлено прежде имени его отца Онцифора Лукиничя, хотя тот умер в 1356 г., а Максим Онцифорович здравствовал и в 1376 г., когда ездил с посольством в Москву. Упоминание имени Григория в одном ряду с именами Варфоломея, Луки, Максима, Онцифора, Георгия (Юрия) требует своего объяснения, тем более, что в берестяных грамотах, найденных на территории усадьбы Мишиничей-Онцифоровичей, оно встречается. Можно высказать предположение, что Григорий синодика — один из сыновей Онцифора, который проживал на усадьбе Мишиничей, расположенной по другую сторону Великой улицы, отдавал хозяйственные распоряжения некой Домне. В. Л. Янин на основании его хозяйственных распоряжений понижает его до ранга слуги²². Но, если рассуждать таким образом, то и в самом Онцифоре, пекущемся о иппенке, трудно признать знатного господина.

Мы не знаем, как «устраивали» Колмов монастырь Варфоломей, Лука и Онцифор. Но о Юрии Онцифоровиче, которого Орина называет в духовной своим прадедом, известно, что он воздвиг в 1392 г. в Колмове монастыре Троицкую церковь²³. Дед Орины Михаил Юрьевич поставил там в 1419 г. церковь в честь своего патрона св. Михаила²⁴. А бабка Орины Настасья в 1423 г. вскоре после смерти мужа завершила в Колмове монастыре строительство церкви Рождества богородицы²⁵.

Послухом при составлении духовной Орины был ее духовник «поп Сава святых чудотворец Козьмы и Домьяна». Очевидно, здесь имеется в виду церковь Козьмы и Домьяна на Кузюдемьянской улице, на которой была расположена усадьба Мишиничей. С этой церковью они были связаны издавна. Сохранился пергаменный Пролог с припиской, сделанной в 1400 г. писцом Фомой, который связывал его написание с прадедом Орины Юрием Онцифоровичем, поставленным при перечислении бояр Кузюдемьянской улицы на первое место: «В лето 6908, индикт (а) 9 лет (а), написаны быша книги сия, глаголемый Пролог, ко святома чудотворцома и безмездника Козьмы и Домьяну на Кузюдемьяну улицу, при князи великом Васильи Дмитровиче, при архиепископе новгородьстем владыце Иване, а повелением рабов божиих боголюбивых бояр Юрья Онцифоровича, Дмитрия Микитинича, Василия Кузминича, Ивана Даниловича и всих бояр и всей улицы Кузюдемьяне»²⁶.

В. Л. Янин, знакомый с духовной Орины, лишь по краткому упоминанию о ней у Макария, вслед за ним датировал ее XVI веком²⁷. Однако дати-

²⁰ ЦГАДА, ф. 1155. Генеральный план Новолодожского уезда, ч. 7.

²¹ Макарий. Археологическое описание церквей древностей в Новгороде и его окрестностях, ч. I. М., 1860, стр. 588, прим. 398.

²² В. Л. Янин. Я послал тебе бересту. М., 1965, стр. 143—146.

²³ НПЛ, стр. 385.

²⁴ Там же, стр. 412.

²⁵ В. Л. Янин. Я послал тебе бересту, стр. 101.

²⁶ ГИМ, Синод., № 240, л. 186 об.

²⁷ В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 235, прим. 5.

ровать духовную Орины XVI веком нельзя, ибо земли, предназначенные Ориной для передачи в Колмов монастырь, записаны за ним уже в писцовой книге Обонежской пятины 1495—1496 гг., выпись из которой имеется в деле, откуда извлечены ободная Луки и духовная Орины (л. 2—3). Не попали они и в число конфискованных Иваном III в Новгороде боярских земель. Если некоторые из владений Мишиничей-Онцифоровичей и указаны в писцовых книгах конца XV—начала XVI в. «за великим князем», то со знаменательной оговоркой — «бывали Колмова монастыря». Отсюда можно заключить, что Орина передала свои родовые вотчины еще до конфискаций, предпринятых Иваном III с середины 70-х годов XV в.²⁸ и отнести духовную Орины к третьей четверти XV в.

А. В. Арциховский в своих комментариях к берестяным грамотам отмечал, что владения Мишиничей были велики и расположены в разных местах²⁹. Однако представить их сколько-нибудь конкретно до сих пор не удалось. Встречающиеся в берестяных грамотах наименования волостей и селений могли быть отнесены к различным концам Новгородской земли.

Духовная Орины дает возможность восстановить, по крайней мере, ядро владений Мишиничей. Первыми в ней указаны земли «на Лоши, на Сыроли, и на Каньели, и на Сосари лешие сельца». Мы их встречаем в писцовой книге Вотской пятины 1500 г. Здесь при описании погоста Егорьевского Лопьского названы: «Волость Нила, что бывала Колмова монастыря», «великого князя д. Сосари, что бывала Колмова монастыря». В числе других упомянуты «д. Конец, в Сироле», «д. Лехкола, в Сироле» и т. д.³⁰ Эти вотчины Колмова монастыря, полученные от Орины, расположены близ Ладожского озера в районе Орешка. Они были отписаны у монастыря «на великого князя» во время конфискаций, произведенных Иваном III в Новгороде в 70—90-х годах XV в.

Следующими в духовной Орины названы волость на Паше и земля на Тайболе. Река Паша — приток Свири — берет начало в маленьком Паш-озере. Это юг Обонежья. В выписи из писцовой книги Обонежской пятины 1495—1496 гг., помещенной в деле, указана и эта волость Мишиничей: «Да в Рождественском погосте на Паше волостка Троицкого Колмовского монастыря...» (л. 3). Далее в выписи дан Воронежский погост (л. 4). Здесь же по соседству с Рождественским погостом на Паше находилась и Тайбольская земля, название которой в конце XV в. уже не употреблялось.

Далее в духовной Орины при переписке в XVII в. был допущен пропуск. Такое заключение можно сделать, сравнив текст духовной с ее изложением (см. грамоту № 4), включенном в правую грамоту 1538—1539 гг., которая приведена в жалованной грамоте царя Михаила Федоровича от 17 ноября 1627 г. (л. 16). Пропущенными в духовной оказались слова «и поволховские сельца у Петра святого на другой стороне Волхова, в Сийне и на Пидьбе, сельца и воды и пожни», которые должны следовать, очевидно, после слов «на Паше и на Тайбале землю и воды и ловища и пожни». Эти владения Мишиничей находились частью в Обонежской, частью в Вотской пятинах. В неоднократно упоминавшейся выписи из писцовых книг Обонежской пятины 1495—1496 гг. написано: «В Обонежской пятине в Петровском погосте на Волхове в вопчей деревне в Сити Еофимьева монастыря на Колмовского монастыря участке...» (л. 2). Земли же, переданные Ориной Колмову монастырю в Вотской пятине, были конфискованы Иваном III. В писцовой книге Вотской пятины 1500 г. при описании Петровского погоста на Волхове среди деревень, в прошлом монастырских, а теперь великокняжеских оброчных, отданных помещикам Дуровым, указаны «деревни, что были Троицкого Колмова монастыря»: «д. Глиница,

²⁸ В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.—Л., 1961, стр. 315 и др.

²⁹ А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1955 г. М., 1958, стр. 53.

³⁰ «Временник МОИДР», кн. 11. М., 1851, стр. 257, 268, 271.

д. Проскурнищно, д. Хвостец, д. Каменка островок, д. Крутец на Пидбе, д. Хороброво в верховье *речки Пидбы* (курсив мой.— В. К.)»³¹.

Отписывая от Колмова монастыря земли, Иван III делал монастырю и частичные возмещения. Так, в выписи из писцовых книг Обонежской пятины 1495—1496 гг. относительно деревень Колмова монастыря в Спасском Шугозерском погосте сказано: «а дал им те деревни князь великий — Зиновьевская Данилова деревня на Шугозерке... Тимофеевская Бородцкого деревня в Каргиничах» (л. 2). В Ильинском Веннищком погосте той же пятины Иваном III были пожалованы монастырю деревни, принадлежавшие Федору Остафьевичу Глухову (л. 4).

Следующая группа земель, переданных Ориной Колмову монастырю, на Веряже и Любоеже относится к Шелонской пятине. Земли в Шелонской пятине были отобраны Иваном III у монастыря лишь частично. В писцовой книге Шелонской пятины 1499 г. в районе реки Веряжи перечислены «деревни, что были Колмова монастыря. Д. Масково..., д. Кренево вопче [с] своеземцем с Прокошем с Мяколовым за великим князем на монастырском участке и на Родионовском Норова...»³² В Коретцком погосте Шелонской пятины значится «деревня на усть Любоежи на Веряже (курсив мой.— В. К.)... и с Колмовским монастырем участок. А та деревня вопче с Троецким монастырем с Клопцким, а монастырские дворы и обжи писаны у монастырских деревень»³³.

Последнее из указанных в духовной Орины земельных владений Мишиничей расположено в Обонежской пятине на самой границе с Деревской. В выписи из писцовой книги Обонежской пятины 1495—1496 гг. сказано: «Да в Пречистенском Боженском погосте Колмовского монастыря деревня на Броннице против перевоза...» (л. 2). В писцовой книге Обонежской пятины Нагорной половины 1582—1583 гг. читаем: «Погост Пречистенской Боженской на реке на Мсте, а церковь за рекою за Мстою в Деревской пятине»³⁴.

Итак, земельные владения Мишиничей-Онцифоровичей, как они вырисовываются из духовной Орины, составленной в третей четверти XV в., находились в трех новгородских пятинах — Вотской, Обонежской и Шелонской — в районах рек Лопи, Волхова, Паши и Веряжи. Земли эти Орина передавала в Колмов монастырь «на память роду моему и мне по владенью прадеда моего Юрья Анцифоровича и по деда моего владенью и отца моего и по моему владенью». Очевидно, одновременно Орина передала в монастырь и соответствующую документацию, из которой сохранились только ободная Луки Варфоломеевича и сама духовная. Остальные грамоты, по словам монастырских властей, «не[мецкие] [л]юди пограбили, а иные крепости в пожары згорели» (л. 1). Из ссылки Орины на владенье прадеда Юрья Онцифоровича можно лишь заключить, что означенные в духовной земли уже принадлежали ему. Но роду Мишиничей они могли достаться и раньше. Ведь ободная Луки на Тайболу, как показано, составлялась до 1342 г. В пользу высказанного соображения говорят и берестяные грамоты. От XIV в. до нас дошла берестяная грамота (№ 279) от старосты Михаила и «от всех пашазерчевъ» к сотским — Максиму Онцифоровичу и др.³⁵ Село Пашозеро (на современных картах в восточной части Ленинградской области) существует и поныне на маленьком Пашозере, откуда вытекает река Паша. Но владения на реке Паше указаны и в духовной Орины. Здесь впервые показания публикуемых грамот уже не предположительно, а точно совпадают с показаниями берестяных грамот. Следовательно, и волостка на Паше и Тайбольская земля были приобрете-

³¹ Новгородские писцовые книги (далее — НПК), т. III. СПб., 1868, стб. 478—479.

³² НПК, т. V. СПб., 1895, стб. 299.

³³ Там же, стб. 292.

³⁴ «Временник ОИДР», кн. 6. М., 1850, стр. 118.

³⁵ А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1956—1957 гг. М., 1963.

ны Мишиничами в XIV в. еще до того, как Юрий Онцифорович вступил во владение их родовыми вотчинами. Эти земли в Обонежье могли служить как бы плацдармом для броски Луки и Онцифора в Заволочье в 1342 г. Обнаружение же земельных владений Мишиничей в районе Орешка заставляет вспомнить «карельских данников Григория и Дмитра» (№ 286), отправившихся собирать дань после заключения договора со шведами зимой 1338/39 г. за три года до экспедиции Луки и Онцифора³⁶.

Но исчерпывались ли земельные владения Мишиничей в XIV в. лишь перечисленными в духовной Орины? На этот вопрос надо ответить отрицательно. Берестяные грамоты, относящиеся к XIV в., называют целый ряд селений и местностей, локализовать которые еще предстоит. Так, имения Мишиничей находились в районе Торжка, куда Онцифор Лукинич направил берестяную грамоту (№ 358) с хозяйственными распоряжениями³⁷. В ней приказчику рекомендовалось, в частности, стоять на гумне, «коли молотят», — свидетельство заведенного здесь барского хозяйства.

Итак, владения Мишиничей в XIV в. были выдвинуты не только далеко на север и северо-запад, но и на юго-восток. Центральное положение занимали вотчины в Шелонской пятине к югу от Ильменя, по-видимому, значительно более массивные, чем перечисленные в духовной Орины. Рубеж XIV—XV вв., когда жил и действовал Юрий Онцифорович, — время наивысшего расцвета землевладения Мишиничей. Но тогда же прозвучал и первый тревожный сигнал. Сохранилась пергаменная грамота о продаже Юрием Онцифоровичем села Медны с деревнями в Новоторжском уезде³⁸. На протяжении XV в. земельные владения Мишиничей сокращаются. Еще Андрей Михайлович и Никита Михайлович, из которых кто-то был отцом Орины, владели Избоищем, Горотней, Парфой на Ловоте, расположенных в Шелонской пятине (№ 307)³⁹. В духовной Орины об этих землях нет ни слова.

В XIV в. Мишиничи выступают как бы провозвестниками новгородской экспансии. Они делают упор не столько на развитие хозяйства в своих вотчинах, сколько на сбор дани в покоренных областях и далекие грабительские походы на север. Эти бояре-конкистадоры связаны как с новгородскими ремесленниками и купцами (первые вооружают их отряды, вторые реализуют добычу), так и с новгородской гольтьбой, собирающейся под их стяги. С приостановкой новгородской экспансии проходит пора Мишиничей. Экономическое и политическое значение рода к середине XV в. падает. Их уже не выбирают посадниками, их имена исчезают из летописей. На авансцену новгородской истории выдвигаются новые боярские роды, связывающие себя все более и более с землей.

Следующая группа новгородских грамот обнаружена в спорном деле 1679 г. властей Вяжицкого монастыря с помещиком Я. О. Глебовым по поводу монастырской пустоши Липично⁴⁰. Дело это возникло еще в 60-х годах XVII в. В ходе его монастырские власти предъявили грамоты XV в., удостоверяющие их права на спорную землю: купчую Малафея Максимова (л. 35) (см. грамоту № 5); раздельную Евдокии — дочери Малафея Максимова (лл. 35—36) (см. грамоту № 6) и данную ее сына Остафья Михайловича (л. 36) (см. грамоту № 7). Более или менее точно из них датируется лишь данная по упоминанию в ней игумена Вяжицкого мона-

³⁶ А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1956—1957 гг. М., 1963.

³⁷ А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1958—1961 гг., стр. 52.

³⁸ «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XV — начала XVI вв.», т. 1. М., 1952, стр. 26—27.

³⁹ А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1956—1957 гг.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, г. Новгород, стб. 43494, ч. II, д. 11/2.

стыря Варлаама (1465—1478 гг.)⁴¹. Соответственно раздельную можно отнести ко второй половине XV в. (до 1478 г.), а купчую — предположительно к середине XV в. Указанные в этих грамотах земли находились в Деревской пятине⁴².

Упоминание о данной посадника Исака Андреевича Борецкого (сколо 1428 г.—60-е годы XV в.)⁴³ и о духовной новгородского архиепископа Ионы (1459—1469 гг.)⁴⁴ сохранились в грамоте царя Федора Ивановича Отенскому монастырю от 9 июля 1592 г. (отрывок из нее публикуется ниже под № 8). Эта грамота оказалась включенной в дело второй половины XVII в.⁴⁵ При пересказе другой грамоты царя Федора Ивановича 1594 г. тому же монастырю «Исаак Марьин» назван «посадником» (л. 9). Интересно указание на гибель «всяких крепостей и духовных грамот», среди которых были и грамоты XV в., в Отенском монастыре во время опричного погрома 1570 г. Очевидно, такая же участь постигла тогда и архивы многих других новгородских монастырей.

Последняя из публикуемых грамот (№ 9), хотя и извлечена из столбцов по Новгороду, относится к числу псковских грамот периода независимости Пскова. Это раздельная Якима, княжего зятя, Ивана Пучка, старост Старо-Вознесенского монастыря Микулы и Матвея, Оксентия и Кузьмы Милечких и Карпа Мишпатинича на землю в Залавьи. Список с раздельной обнаружен в спорном деле 1670 г. псковского помещика Н. П. Караулова со Старо-Вознесенским монастырем и др.⁴⁶ В ходе судебного разбирательства игуменья Старо-Вознесенского монастыря Анисья предъявила пергаменную раздельную, с которой был снят список. Далее помечено, что «подлинная харатейная данная (так!— В. К.) отдана игуменьи Анисьи» (л. 25).

До сего времени было известно краткое изложение раздельной с ошибками в географическом наименовании (Залавда вместо Залавье), написания отдельных слов, опубликованное Л. М. Марасиновой по списку 1671 г.⁴⁷ В своей публикации Л. М. Марасинова дает слово «Перемузга» как географическое название, хотя в археографическом комментарии допускает и чтение «перемузга»⁴⁸. Однако не случайно, что Л. М. Марасиновой не удалось сопоставить слово «Перемузга», понимаемое ею как географическое наименование, с показаниями других источников⁴⁹. Я отдаю предпочтение чтению «перемузга»⁵⁰, ибо в раздельной речь идет с «первой перемузге», «другой перемузге», следовательно, могла быть и третья, четвертая перемузга так же, как и первый, второй и т. д. «жеребьи». То же самое надо сказать и о слове «могчило» или «мочигло». Это, скорее всего, мочило для замачивания льна и конопли. По-видимому, мы здесь имеем дело с местными псковскими диалектизмами.

В. Л. Янин на основании упоминания в изложении раздельной «Якима, княжего зятя» мастерски датировал ее 1417—1434 гг.⁵¹ Упоминание в публикуемом полном тексте раздельной среди послухов Иллариона Дойниковича, хорошо известного псковским летописям⁵² (в кратком изложе-

⁴¹ ГВНИП, стр. 302—306.

⁴² НПК, т. II, стб. 469.

⁴³ В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 380.

⁴⁴ ГВНИП, стр. 127, 157, 174.

⁴⁵ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, г. Новгород, стб. 43481, ч. II, д. 20, лл. 4—5.

⁴⁶ Там же, стб. 43160, ч. II, д. 20, лл. 26—27.

⁴⁷ Л. М. Марасинова. Новые псковские грамоты XIV—XV веков. М., 1966, стр. 55.

⁴⁸ Там же, стр. 56.

⁴⁹ Там же, стр. 109.

⁵⁰ У Срезневского: «музгъ» — «тина» (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1895, стр. 193).

⁵¹ В. Л. Янин. Сфрагистический комментарий к псковским частным актам.— В кн. Л. М. Марасинова. Новые псковские грамоты XIV—XV веков, стр. 176—177.

⁵² «Псковские летописи» под ред. А. Н. Насонова, вып. 1, стр. 28; вып. 2, стр. 32, 35, 37, 112, 120.

нии раздельной имена послухов отсутствуют), дает возможность не только подтвердить, но и несколько уточнить эту датировку. Последний раз Илларион Дойникович упоминается в летописи в 1417 г. Следовательно, и раздельная была составлена где-то около 1417 г. Указанные в раздельной земли расположены близ Изборска⁵³.

В приложении публикуются новгородские грамоты первой поры после присоединения Новгорода к Москве, характеризующие земельную политику Ивана III в этом районе. Представляют они интерес и содержащимися в них данными о землевладении в период новгородской республики. Раздельная докладная игумена Вяжицкого монастыря Ефросина, игумена Понедельского монастыря Ефросина, Михаила Юрьева и Семена Давыдова на Брусенскую землю (см. грамоту № 1 в приложении) примыкает к группе грамот XV в. из архива Вяжицкого монастыря (см. грамоты 5—7) и помещена непосредственно перед ними (лл. 9, 35). Ее можно датировать временем около 1489—1501 гг. по упоминанию в ней великокняжеского наместника Юрия Захарьевича Кошкина⁵⁴ и игумена Вяжицкого монастыря Ефросина⁵⁵.

Правая грамота 1501—1505 гг. (или 1510 г.) находится в деле о борьбе крестьян Кондушской волости Обонежской пятины с Александрово-Свирским монастырем начала XVII в.⁵⁶ В составе правой грамоты, дошедшей до нас в списке конца XVI в. (лл. 77—81) (см. грамоту № 2 в приложении), находится список того же времени с купчей времени новгородской республики (лл. 78—79), составленной во второй половине XV в. Правая грамота 1501—1505 гг. (или 1510 г.) интересна также тем, что характеризует отношение московского правительства к земельному землевладению в районе Новгорода. Датирована она на основании совместного наместничества в Новгороде в 1501—1505 гг. (другой раз в 1510 г.) кн. Данила Васильевича Щенятева и кн. Василия Васильевича Шуйского⁵⁷.

Жалованная грамота великого князя Ивана III и его сына великого князя Василия Ивановича церкви Федора Стратилата в Новгороде от 20 февраля 1505 г. сохранилась в деле 1594—1595 гг.⁵⁸ (лл. 16—17) (см. грамоту № 3 в приложении). Б. Д. Греков указал на список с этой же грамоты 1697 г. с несколько отличной датой (22 февраля 1505 г.)⁵⁹.

⁵³ Л. М. Марасинова. Указ. соч., стр. 107—109.

⁵⁴ «Архив исторических сведений, относящихся до России». М., 1855, кн. 2, ч. 1, отд. 2, стр. 34.

⁵⁵ П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стб. 65.

⁵⁶ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, г. Новгород, стб. 42765, д. 2, лл. 1—89. Дело это частично использовано нами в статье «Борьба крестьян с монастырями в России XVI—начале XVII вв.» — «Вопросы истории религии и атеизма», вып. 6. М., 1958, стр. 179—180. Купчая XV в. опубликована нами в «Советских архивах», № 1 за 1967 г., стр. 110. Вся правую грамоту в составе дела опубликовал Г. Н. Анпилов в сб. «Новые документы о России конца XVI—начала XVII в.» (М., 1967, стр. 485—490). К сожалению, в издании имеются ошибки. Так, «доспело» вм. «доспелось», «со всеми» вм. «со всем», «Иванка» вм. «Иванко», «жены» вм. «жоны», «Мадреги» вм. «Ма[н]дреги», «участника» вм. «участника», «Большом колу» вм. «большом колу». «Приколках» вм. «приколках», «Сидор Глухов» вм. «Сидор Глухзов», «веки» вм. «в веки», «знахори старожильцы» вм. «знахори и старожильцы», «истарины» вм. «старины», «Васильевича» вм. «Васильевича», «и братья его место» вм. «и братья его место», «Гриша Еспов» вм. «Гриша Есипов», «крест» вм. «крест» и др. Некоторые места остались издателем непрочитанными или прочитаны неверно. Так, «Илевко» вм. «и Левко», «и по Лишойлае» вм. «и по лешой лес», «и по лешой лес» вм. «и по лешой лес», «полевая земля и леша» вм. «полевая земля и лешая», «нас таков суд был» вм. «нам таков суд был», «[да в ...ливой] мох» вм. «да в *Водливой* мох».

⁵⁷ П. Н. Милюков. Древнейшая разрядная книга, стр. 30—32; «Памятники дипломатических сношений», т. I. СПб., 1851, стб. 123—125; А. А. Зимин. Список наместников Русского государства первой половины XVI в.— «Археографический ежегодник за 1960 г.» М., 1962, стр. 33—34.

⁵⁸ ЦГАДА, ф. Поместного приказа, г. Новгород, стб. 42757, ч. IV, д. 40.

⁵⁹ Б. Д. Греков. Описание актовых книг, хранящихся в архиве имп. Археографической комиссии. Пг., 1916, стр. 133.

Грамоты публикуются на основании правил издания документов XVI—XVII вв.

№ 1. *Ок. 1333—1342 гг.—Ободная Луки Варфоломеевича на Тайбольскую землю, купленную у Мануйлы, Алексея, старосты Родиона «и у всей братии»*

А с ободные грамоты пишет:

Се купи Лука у Мануйла* и у Олексия и у старосты и* у Родиона и у всей братии и Пикуя и у Юрья и у Жадислава и у Андрея и у Сердилия и у Андрея Тайбольскую землю одерень себе и своим детем, куди* староста со всею своею братиею ногою постоял, страдающую землю и пожни и тонища и ловища и хмельники и поля и заполки и страдающую землю и гонейный лес, мхи и болота и воды — тое Луки все одерень. А завод тое земли по старым межам по Звею реку на Великий камень, от Великого камня на Долгий мох, на островок, а от островка на Ольховой ручей, по Ольховому ручью на глажевник, от глажевника по ручью по Вяду реку прямо в Великий порог, по Вянды реке вверх до Никифоровы межи, от Никифоровы межи чрез Соколей мох в Сар-озеро, из Сар-озера на Долгий остров в Долгий мох на Глубокий ручей по Симкинскую межу в Салмаксу реку, по Салмаксы реке вверх до бродища до Колголемского, от бродища по Григорьеву ниву, по Головской мох чрез Пажской мох прямо к черному лесу, возле черного лесу до Зыбучего мху по Гажье озерко, от озерка на Великий мох вокруг Пажской губе на Кобылью гору, от Кобыльей горы возле озера до Птицына** камня прямо на озерка, от озерка на Перзув ручей до Великого озера, подле Великого озера до Звей реке. А в том ободу нету Луки сябра никого же. А на то послуш: Козьма Никифоров, Артемей Корнильев котельник, Есип Гаврилов, Тимофей серебряник, Волос, Юрьи Соболев, Фешко Федоров, Назарей Савин. А писал Василей, дяк святого Дмитрея.

№ 2. *Ок. 1333—1342 гг.—Краткое изложение ободной Луки Варфоломеевича, сделанное в XVI—XVII вв.*

А в другом списке пишет с ободные:

А се купи Лука у Мануйла и у Алексея и у старосты у Родиона и у всей братии у Пикуя и у Юрья и у Жадислава и у Андрея и у Сердилия и у Андрея Тайбольскую землю одерень себе и своим детям. Да купи Лука стан за губою и мхи возле губы с трестьяные воды и в Бегрую. А тем мхам вниз до Кобыльи горы возле губы тем мхам межа, а вверх до Лебединого озера возле губы тем мхам межа. И на то послуш: Козьма Никифоров, Ортемей Корнильев котельник, Есип Гаврилов, Тимофей серебряник, Волос, Юрьи Соболев, Фешко Федоров, Назарей Савин. А подлинную духовную писал Василей, дяк святого Дмитрея.

№ 3. *Вторая половина XV в.—Духовная Орины на земли, завещанные Колмову монастырю*

Список с подлинной духовной слово в слово.

Во имя отца и сына и святого духа се яз, раба божия Орина, списа сие рукописание при своем животе. А приказываю в дом святых Троицы и святых Богородицы на Колмово, где живет отец мой и мати мой и род мой. А даю землю на Лопи, на Сыроли, и на Каньели, и на Сосари лешие сельца, а тех сел землю и воду и ловища и пожни все без вывета. А другую землю волость даю на Паше и на Та (й) бале землю и воды и ловища и пожни тех сел (и) леса и на Веряжи, и на островке, и на Любоеже, и на Броннице. А тех сел всех землю и воды и пожни и ловища и лишие земли без вывета даю в дом святых Троицы и святых Богородицы на память роду моему и мне по владенью прадеда моего Юрья Анцыфоровича и по деда моего владенью и отца моего и по моему владенью даю сю землю и в веки. А на то послуш отец мой духовной пои Сава святых чюдотворец Козьмы и Домьяна. А хто се рукописание мое преступит, и яз сужуся с ним пред богом в день страшного суда божия.

№ 4. *Вторая половина XV в.—Краткое изложение духовной Орины в правой грамоте 1538—1539 гг., включенной в жалованную грамоту царя Михаила Федоровича Колмову монастырю от 17 ноября 1627 г.*

В прошлом во 132-м году по нашему указу положили они перед нами правую грамоту 47-го году за рукою и за печатью Семена Иванова сына Щелепина. А в той правой грамоте написано по духовной вдовы Орины, что она дала в дом пречистые Богородицы, что на Колмове, землю на Лопи, на Сыроле, и на Каньеле, и на Сосаре и лешие сельца и тех сел землю и воду, ловища и пожни все без вывета. Да она ж дала другую землю и воды и ловища и пожни на Паше и на Тайбале и поволховские сельца у Петра святого и на другой стороне Волхова, в Сийне и на Пидьбе, сельца и воды и пожни тех сел и леса и на Веряжи, и на островке, и на Любоежи, и на Броннице.

* Так в рукописи.

** В рукописи пцна.

№ 5. XV в.—*Купчая Малафей Максимова сына у Стефана, Якова и Максима, детей Александровых, на землю на Понеделъи*

Се купи Малафей Максимов сын у Стефана да у Якова да у Максима у Александровых детей землю на Понеделъи на Микулинской стороны в Дмитриеве селе и в Руднякове и в Онисимкове и на Брусной. И в пожнях и в котчицах, и в перевесицах, и в старом лесу во всей той земли Малафею в шестой части участок трех братьев. И дасте Малафей на той земли 9 рублев себе и своим детям и в веки.

А у той записи послухов 3 человеки.

№ 6. XV в.—*Раздельная Овдокии, Малафеевой дочери, своих детей Тимофея и Остафия на земли и дворы*

Се розделиша Овдокея, Малафеева дочь, детей своих, Тимофея и Остафия, землю * и воду, отчину свою. И достанется Тимофею Лукинское село Верхнее Липично, где Тимофеев двор. А куды соха и сокира ходила того села, туды володети сыну ее Тимофею. А что двор отца ее Малафеев на Нутной улицы в поле **, и тот достанется сыну ее, Тимофею, в отделе по жеребью. А Остафию, сыну ее, достанется Нижнее село Липично, большой двор Малафеев, и Понеделское село *** и Рудняковское село *** и Лющичкая земля до Колобова пути и Деревская Ракошинская земля, опричь Михайлове прикупле. А сей им дел крепок и в веки, и детям. А брату под братом хитрости не деять, а стояти им за ту землю без хитрости содного по крестному целованью. А что кому бог сведет, ино брату мимо брату земли не отпущать, а на то люди добрые с обе половины требуя.

№ 7. 1465--1478 гг.—*Духовная Остафия Михайловича на земли, завещанные Вяжицкому монастырю*

Милости божия и пречистой его богоматери и святого Николы чудотворца. Се даст (ть) Остафей Михайловичь в дом святого Николы на Вежица игумену Варламу и всем старцом Вежицкого монастыря отца своего прикуплю Михайлову в Деревях, в Ракошинах. А что на По[не]делье большей двор деда моего Малафея и Рудняковское село и в Ракошинах, в Деревях, дедина ево ****, то ***** брату ево Тимофею до его живота. А по животе брата его Тимофея, ино в дом святого Николы на Вежица. А на По[не]дельной большей двор деда ево Малафея и Рудняковское село и в Ракошинах, в Деревях, дедина ево, что досталось от брата ево от Тимофея по дельной матери ево Овдокеи грамоты. А осподину ево, игумену Варламу, или иной хто будет игумен в монастыре святого Николы на Вежицах, и всем старцам вежицким держати поминка у святого Андрея на Ситецки по ево деде и по батьке и по матке и по нем. А та земля брату ево Тимофею чиста. А как бог ответит брата ево Тимофея, ино тая земля по грамотам па Малафеевым в дом святого Николы ***** на Вежица чиста и в веки.

№ 8. XV в.—*Упоминания о данной посадника Исака Андреевича Борецкого и духовной новгородского архиепископа Ионы в грамоте царя Федора Ивановича Отенскому монастырю от 9 июля 1592 г.*

В 100-м году бил челом Отня монастыря игумен Корнилей з братьею: в Шелонской пятине в Сутоцком погосте монастырская Отни пустыни у старой владычни мельницы пожня Турцова, а дал де им тое пожню в дом Исак Марьян. А на той де у них пожне поставлена для сенокосу деревенька Новинка меж писцов и дозорщиков, и в духовной де грамоте архиепископа Ионы чудотворца та деревня Новинка написана была за Отенским монастырем. И в 78-м году, как отец государев, блаженное памяти великой государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии был в Великом Новгороде, и тогда де у них в монастыре всякие крепости и духовные грамоты утерялись.

№ 9. Ок. 1417 г.—*Раздельная милечских сябров Якима, княжего зятя, Ивана Пучка, старост Старо-Вознесенского монастыря Микулы и Матфея с Оксентием и Кузьмой Милечкими и Карпом Мишатиничем на землю в Залавьи*

Список с харатейной даной слово в слово.

Се розделишь сябри Милечкии Яким, княжей зять, и Еване Пучка и старосте святого Вознесенья старого Микула и Матфей и сябри их Оксентей и Кузьма Милечкеи и Карпи Мишатинич и Хопылева земля в Залавьи заходьскую. И досташа-

* Слово написано над строкой.

** Слово вписано в текст на левой свободной стороне столбца.

- Написано над строкой.

**** Вторая буква в написана по какой-то другой бикве.

***** В рукописи по.

***** Слово написано над строкой.

ся Кузьме Милечкому и Карпу и Хопылевой *, первой жеребей, от Тешевич по первую перемузгу по кроеве; а другой жеребей, средней, досташася Якиму, княжкому зятю, и Евану Пучку по ту ж перемузгу по кроеве, а з другой стороне от Вознесенской земли и от Оксентееве по другую перемузгу по кроеве же; а святому Вознесенью и Оксентею досташася ** третей жеребей от Милец по мост, а из моста в мочигло, а от мочигла кроими до последнего мыса и до ** оромине до ** Милечкого мха. А всем тем трем жеребьям межа от Тешевич по старии кроеве по Тешевичкии, от Тешевичких кроев в старии кроеве в Микулине, из старых кроев из Микулиных в роскладную межу в Микулину, из Микулине межи мостом *** да в мочигло, а от мочигла кроими до последнего мыса да орамине да по Милечкый мох, по оромину, от Милечкого мха до Винковых кроев, до **** Тешевичких; а путь коленней ко осадним жеребьем от конец моста стариком, а над ложишю к первому жеребью от Тешевич к Кузьмину и к сябром его пожно у Выгалова моста и другую пожно у Козяева двора на селищи по кроеве, а над другой жеребей над Якимом и над Еванов на ложишю пожно за озером и другую пожно на селищи Туровскую по кроеве по рокытье; а к третьему жеребью к Вознесенскому и ко Оксентееву на ложишю пожно на бросе. А то им роздел водерень. А на то послуся Лармон Дойникович да Яким Кусавской да Филип Ляхнович. А чо Карпове земли оприще и в Залавской в Вознесенском жеребью две полосе, а третья в Якимове жеребьи и в Еванове, а то ходит Карпу, а сябром в том ненадобе.

А у подлинной харатейной даной печать свинцовая вислая, а на ней вылита подпись.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1. Ок. 1489—1501 гг.— *Раздельная докладная игумена Вяжицкого монастыря Ефросина, игумена Понедельского монастыря Ефросина, Михаила Юрьева и Семена Давыдова на Брусенскую землю*

Доложа великих князей наместника новгородского Юрья Захарьича. Се разделяща игумен Ефросим свягаго Николы Вежицкого монастыря и все старцы вежицкие с игуменом Ефросином свягаго Николы Понедельского монастыря и со всеми старцы понедельскими и с Михаилом с Юрьевым и с Семеном з Давыдовым землю Брусенскую дворную и полевою и лешую и пожни и борти и заполоки, ино в дву полях во всем достанется в дом святому Николы на Вяжища пятая часть, а в третьем поле той земли Брусенской у понедельских старцов семена с их половины достанется в дом свягаго Николы на Вяжища пятая часть. А черной им лес Брусенской земли, где ни будет, то им вопчи. А кто почнет наступаться на ту землю Брусенскую, ино им стояти содною. А сесь им дел крепок и во веки: А на то люди добрые с обе половины: Ондрей Костянтинов сын, Семен Михайлов, Прокофей Костянтинов, Стефан Михеев.

№ 2. 1501—1505 (или 1510) гг.— *Правая грамота, данная новгородскими наместниками кн. Даниилом Васильевичем Щенятевым и кн. Василием Васильевичем Шуйским своеземцам Антону и «его братьи» Гриде, Климу, Игнату и Мине, на землю между реками Мандрегой и Сарой, бывшую в споре с Ширяем Завалишиным*

Список з грамоты, которую положил перед дяком перед Семейкой Емельяновым Александрова монастыря Свирского игумен Деонисей з братьею. А в грамоте пишеть:

Сий суд судили Василей Ермолин сын ***** Харламова да Иван Брюхов сын Резанова, став на спорной земли промеж Мандреге реки и Сары, Ширяй Завалишин да Антон, да Гридя, да Климо Васильевы дети, своеземцы, да Игнатко да Мина Михайловы дети, своеземцы ж. Так рек Ширяй Завалишин: жалоба мне, господине, на Онтоне, на Гридю, на Клима, на Игната, на Миню, папшот у меня, господине, землю сильно, да пожни косят промеж Мандреге и Сары и на Великом острове пожно косят Кондушскую Настасьинской волости, а ставитца на тех пожнях с[о]рок воз сена, запустили, господинь, у меня три деревни Кондуские тое деле земли и пожен, а доспелось, господине, убытка в тех деревнях, денежного доходу на дватцать рублей новгородскую, а тому, господине, три годы на четвертой. И судьи спросили Онтоне и его братьи: отвечайте своему исцу? И Антон з братьею тако ркли: нам, господине, в той земли половина и в пожнях промеж Мандреге реки и Сары, а на Великом, господине, острове пожня вся наша, а Ширяю в ней участка нет. И судьи спросили Ширяя: почему ты называешь ту землю и пожни, и на Великом острове пожно своею? И Ши-

* Буква п исправлена из в.

** Буква д исправлена из в.

*** Второе о исправлено.

**** В тексте ошибочно во.

***** Слово пропущено.

рый так рек: то, господине, Кондуская земля и пожни промеж Мандреги реки и Сары и на Великом острове пожня Настасьинские волости, пожаловал меня государь, князь великий, со всем по старине, как были Кондуши за Настасью. А се во *, господине, у меня грамота жаловальная да шлюсь, господине, на книги, что из пожалован Кондушами со всем по старине, что к ней ни потягло. И судьи спросили Ширия: есть ли у тебя знахори старожильцы, что то земля и пожни? И Ширий так рек: есть у меня на то знахори и старожильцы, люди добрые Костя Ларев, да Григька Овсеев, да Иванко Фларев, да Лешошка Парфеев, тем то, господине, ведомо, что то земля и пожни и на Великом острове пожня моя Кондуская Настасьинские волости. И судьи спросили Шириевых старожильцов Кости Ларева и его товарищев: скажите, брате, в божью правду, чья то земля, гди мы стоим? И Костя [и] его товарищи тако ркли: скажем, господине, по крестному целованью, что то земля Настасьинская Ивановы жоны Григорьева Кондушская; а я, господине, Костя и мои товарищи ту землю пашем да и пожни косим промеж Ма[н]дреги реки и Сары и на Великом острове. А яз, господине, Костя, да Гришка, помним по штидесят лет, Иванко яз, господине, помню пятьдесят лет, и Левко яз, господине, помню тритцать лет. А наехали, господине, деды наши и отцы наши, да и мы, ту землю до сех мест пашем. А участка, господине, в той земле и в пожнях и до сех мест не было. А при Ширии, господине, семьнатцать лет землю пашем и пожни косим промеж Мандреги реки и Сары и на Великом острове пожню косим, а участника ж мы в той земли не выдали** и в пожнях и до сех мест. И судьи спросили Онтон и его братья: почему называете вы в той земли себе половину и в пожнях, гди мы стоим, промеж Мандреги реки и Сары и на Великом острове пожню зовете своею? И Онтон з братьею тако рек: нам, господине, в той земли половина и в пожнях промеж Мандреги реки и Сары, а гди вы стоите***, то господине***, перестрада наша, а на Великом острове пожня вся наша, а участка в ней Ширия нет. А во се, господине, грамота купчая на ту землю деда нашего Михайла и отца нашего Василия. И судьи возрили в грамоту, и в грамоте шипет:

Се купили Михайло Васильев сын и сын его Василей у Савелья у Богданова землю в Пиркинничях в Чимкинском селцы, четвертую часть, и в Колупове, четвертую часть, и в Лахти в Сидорове селе, четвертью часть, и у святого Ильи полосной земли, четверть, и на ручью в Лукине сиденьи, осмая часть. А тех сел полесвая земля и лешая, и пожни, и полишой лес, и ловища, и в большом колу в Пиркинничях тритцать сажень участка, а в приколках в Лахтинских, что ловил Сидор Глухтов, ино во всем том, четверть, и на ручью по Лукиным ловищам и в колах и в озерах, осмая часть, а на Осинювом острове, четверть ужища, а на Каноме реки страдомая земля и пожни, на Клемцове наволоке страдомая земля и пожни, а на Яндебы реки по обе стороны страдомая земля и пожни и полешой лес, у Яндебского порога приколки, ино во всем том четверть, а по Мандреги реки страдомая земля и пожни, и по Саре реки страдомая земля и на Тенинской наволоки пожни и на Негимжмы реки по обе стороны страдомая земля и лешая, а в тое села и страдомая земля и пожни, осмая часть, а в Шамельничях, в Лявкоринской земли, осмая часть, а на Пачине селищи, осмая часть. А с тех сел ходила секира, соха и коса, и ловища, и тонища, и лучевая вода поездная и во всей Богданове части половина без вывета. Дал Михайло Васильев сын и сын его Василей Савелью Богданову на тех землях пол-трьятцать рублей да конь в два рубли. Купил**** себе и своим детем в веки. А куды владеет Богдан и сын его Василей [и] туды владеет Михайлу и сыну его Василью и его детем в веки. А на то послуси: Максим Ларивонов, Павел Тимофеев, Иван Федоров, Игнатей Васильев, Иван Онтонов.

И ищя***** Ширий так рек: то, господине, судьи, у них грамота лживая, а шлюсь, господине, на великого князя книги. И судьи спросили Ширия: почему ты сказываешь Онтонову грамоту и его братья лживой? И Ширий так рек: владеет, господине, по той грамоте в Чимкинничях, а инде, господине, не владеет: да ти, господине, земли у них в книгах не написаны, да и пожни, что у него в грамоте написано. И судьи спросили Онтон и его братья: есть ли у вас на то знахори и старожильцы, что вам в той земли и в пожнях половина промеж Мандреги реки и Сары, и на которой стоим, и на Великом острове пожня ваша? И Онтон з братьею так ркли: е, господине, у нас на то знахори и старожильцы люди добрые Гаврило Иванов да Павел Остафьев да Гришка Павлов. И судьи спросили Онтоновых старожильцов и его братья Гаврила Иванова и его товарищев: скажите [в] божью правду, чья то земля, где мы стоим? И Гаврило и его товарищи так ркли: скажем, господине, по крестному целованью, что в той земли и в пожнях промеж Мандреги реки и Сары, гди вы стоите, Онтону и его братья половина, а на Великом острове пожня вся Онтонова и его братья, та земля и пожни деда их Михайла и отца их Василия да их до сих мест. А купши ту землю дед их Михайло и отец их Василей у Савелья у Богданова у лав-

* В рукописи всево.

** В слове видали и написано вместо счищенного е.

-* Написано над строкой.

**** Выносное л написано позднее.

***** Слово написано над строкой.

ского. Палка помнит девяносто лет, Гаврилко и Грихко помним по осьмидесят лет, и Гриша помнит сорок лет, кое то земля и пожни из старины деда их да и отца их и до сех мест. И судьи спросили Гаврилка и его товарищов: знает ли межу отвести Онтону от Шяряева земли? И Гаврилко и его товарищи тако ркли: меж, господине, не знаем, то земля у них вопчая, а межа в ней не бывала и[с] старины, а на том, господине, и крест животворящей целуем, что то земля вопчая.

И о сем судьи рклись доложити наместников навородцких князя Данила Васильевича и князя Василья Васильевича.

Перед наместники навородцкими, перед князем Данилом Васильевичем, перед князем Васильем Васильевичем, став, судьи Василей Ермолин сын Харламова да Иван Брюхов сын Резанова список суда своего положили и обоих исцов, ищюю Шяряя Завалишина и ответчика Онтону Васильева сына и в братьи его место в Гридино да [а] в Климово Васильевых детей и в товарищов его место в Ыгнатово да в Минино Михайловых детей, поставили. И князь Данило Васильевич и князь Василей Васильевич *, выслушав судной список, спросили обоих исцов, ищюю Шяряя и ответчика Онтону и в братьи его место ** в Гридино да в Климово и в товарищов его место в Ыгнатово да в Минино: был ли вам таков суд, как в сем списке написано? И обои исцы сказали, что нам таков суд был, как в сем списке написано. И по тому князь Данило Васильевич и князь Василей Васильевич велели судьям Василью Харламову да Ивану Резанову обоим исцом, ищюю Шяряю Завалишину и ответчику Онтону и в братьи его место в Гридино да в Климово и в товарищов его место в Ыгнатово да в Минино присудити жеребей, чей ся жеребей вымет,— того старожильцам крест целовав и землю отвести. И судьи, став на землю, Василей Ермолин сын Харламова да Иван Резанов сын Брюхова, обоих исцов, ищюю Шяряя Завалишина и ответчика Онтону и его братью Гридю и Клима Васильевых детей, да Игната да Миню Михайловых детей, своеземцов, поставили, и обоих исцов старожильцы стали ж. И судьи жеребей кинули и вынялся жеребей Онтоновым старожильцам и крест целовати, и Онтоновы старожильцы Гаврило Иванов да Павел Остафьев, да Гриша Есипов, да Гриша Павлов и крест поцеловали и межу отвели. И судьи Василей Харламов да Иван Резанов по княжь Данилову слову Васильевича и по княжь Васильеву слову Васильевича ищюю Шяряя Завалишина обвинили, а Онтону и его братью Гридю и Клима и Игната и Миню оправили, потому что их жеребей вынялся старожильцов. И став на землю, крест поцеловали и межу отвели по рецы по Саре вверх да [в] Алгев мох, да в Перетной мох, да в Остричей мох, да в Крестной мох, да в Водливой мох, да в Ольховое озеро ***...

№ 3. 1505 г. февраля 20.— Жалованная грамота вел. кн. Ивана Васильевича и его сына вел. кн. Василия Ивановича священникам церкви Федора Стратилата в Новгородѣ на бывшие владичные земли в Сытинском погосте Деревской пятины взамен отобранных у них земель во Влажинском погосте той же пятины

И Федоровские попы принесли з государевы з жалованные грамоты список. И в списке пишеть:

Лета 7013-го февраля в 20 день пожаловал князь великий Иван Васильевич всеа Русии и сын его князь великий Василей Иванович всеа Русии в своей отчине в Великом Новгороде священником Федора святого, что Федор святой на Федорове улицы, что были за ними деревни Федора святого в Деревской пятине во Влажинском погосте, а бывали Васильевские Пянтелеева Деревжскаина. И великие князи у нех те деревни взяли, а пожаловали теми деревнями конюшего своего Великого Новгорода Ивана Андреевича Кольгчева, а священников Федора святого в тех место деревень дали им великие князи в Деревской же пятине в Сытинском погосте в волости в Сытине, что была владычня, д. Глотова Веретей, д. Климова, д. Середняя Веретей, д. Веретей ж, д. Заолежье, д. Крайная Веретей, д. Сельцо Замленье, д. Выглядово, д. Боровичи, д. Поддубье, д. Горка, д. Симоново, д. Языково, д. Власово, д. Борисово, д. Павлово, д. Болажево, д. Словытино, д. Лубяницы, д. Коробово, д. Бесково, д. Шипово, д. Китово, д. Спорница, да Козицкино, д. Бораново, д. Ручей, д. Костелево. И всех деревень 28, а дворов в них 63, а людей в них 73 человеки, а беж 60. А доходу с них деньгами под четверта рубли навородцкая и две гривны и полторы денги, а [и]з хлеба пятина. И священником с тех беж тот доход весь имати соби, оприч великих князей обежные дани. А что из тех беж священники возьмут соби на пашню беж, и им с тех беж на крестьянех своих доходов не имати. А что на крестьяне[x] прибавят своих доходов и оне в том вольны, только бы было не пусто, чтобы великих князей дань и посошная служба не залегла. А доспийот пусто, и священником платити великих князей дань и посошная служба самим, а от великих князей в том быти им в опале. А подписал дьяк Данило Киприянов.

* Слово написано над строкой.

** В рукописи весто.

*** На этом правая грамота обрывается.

В. А. Кучкин

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ГОРОДА XVI в.

(Выпись из писцовых книг г. Мурома 1566 г.
и муромская сотная 1573/74 г.)

Вопросы, связанные с развитием русского города в XVI в., принадлежат к числу важных, но, к сожалению, мало разработанных проблем истории России того времени. Подобное положение во многом объясняется недостаточностью сохранившихся источников. Лишь отдельными документами представлены в настоящее время фонды центральных учреждений Русского государства XVI в., ведавших городами. Еще хуже обстоит дело с местными городскими архивами XVI в., большинство из которых безвозвратно погибло.

Без сомнения, наиболее важными и наиболее интересными источниками по истории русских городов XVI в. являются их описания, раскрывающие социально-экономическую природу городов, дающие сведения о количестве населения, различных юридических категориях последнего, этническом составе, нередко о классовой борьбе в городах и внутренней политике правительства.

В конце прошлого века Н. Д. Чечулин в монографии о русских городах XVI в. привел сведения о 27 писцовых, переписных и приправочных книгах, платежницах и сотных, в которых заключалось 44 описания 39 городов Русского государства¹. Рецензент Н. Д. Чечулина В. О. Ключевский указал еще на два описания XVI в.: городов Перми (Чердыни) и Соликамска².

В изданном в 1919 г. втором выпуске исследования о городах Московского государства первой половины XVII в. П. П. Смирнов сослался на описания Двинских посадов (Холмогор и будущего Архангельска) 1551—1553 гг. (крайние даты) и сотную Устюжны Железопольской 1566/67 г.³ В 20-х годах нынешнего столетия Е. Ф. Дюбюк нашел сотную 1593—1594 гг. дьяка П. Шапилова, данную Юрьеvec-Повольскому посаду⁴.

¹ Н. Д. Чечулин. Города Московского государства в XVI веке. СПб. 1889, стр. 23, прим. 1.

² В. О. Ключевский. Отзыв о исследовании Н. Д. Чечулина «Города Московского государства в XVI веке». — В. О. Ключевский. Сочинения в 8-ми томах, т. VIII. М., 1959, стр. 185—186. Пермская писцовая книга И. И. Яхонтова и подьячего Т. Карпова 1578/79 г. напечатана в «Пермских губернских ведомостях» (1878 г., № 82—104); Соликамская писцовая книга того же года и тех же писцов напечатана А. Дмитриевым в «Пермской старине» (вып. III. Пермь, 1891, стр. 162—176).

³ П. П. Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII века, т. I, вып. 2. Киев, 1919, стр. 6, прим. 1; стр. 83, прим. 11; стр. 120, прим. 9. П. П. Смирнов использовал только общие итоги найденных им описаний. Последние нуждаются в более подробном изучении и издании.

⁴ Е. Ф. Дюбюк. Юрьеvecкий посад в конце XVI столетия по сотной переписи

Таким образом, до последнего времени было известно 50 описаний 44 (из 232) городов Русского государства XVI в.⁵, 7 описаний относятся к первой половине века, остальные — ко второй.

Публикуемые описания Муромского посада 1566 и 1573/74 гг. — древнейшие из сохранившихся описаний г. Мурома и одни из старших среди известных описаний русских городов вообще. На протяжении XV—XVI вв. писцовые работы в Муромском уезде и на посаде производились несколько раз. Самым ранним было описание З. М. Гавинского, датируемое временем между 1492 и 1504 гг.⁶ По-видимому, оно являлось частью общего описания земель Русского государства в конце XV в. Следующее описание Мурома было произведено писцами Григорием Яхонтовым и Василием Карачаровым между 1541—1544 гг.⁷, скорее всего в 1543—1544 гг., когда писцовые работы в стране велись в широких масштабах⁸. Как в 1492—1504, так и в 1541—1544 гг. были описаны, видимо, город вместе с уездом.

Наиболее значительным из всех описаний Мурома в XVI в. было описание 1564—1568 гг. Оно проводилось спустя несколько лет после завоевания Казанского ханства, когда прекратились опустошительные набеги воинственных соседей на восточные области Русского государства и стал заметен экономический рост этих областей. Фискальные цели писцовых работ 1564—1568 гг. были главными, но не единственными. Документы описания свидетельствуют, что писцы клали в тягло обеленные земли, пересматривали доходы духовенства⁹, размежевывали владения феодалов, испомещали в уезде новых помещиков, а некоторые поместья отписывали на государя¹⁰. Описание осуществлялось, очевидно, целой коллегией писцов. В апреле 1564 г. упоминаются писцы Д. А. Бутурлин и И. М. Таратин. Они дали сотную с муромских вотчинных книг М. И. Колычева и И. Т. Загряжского¹¹. В дальнейшем упоминаются мерные и межевые книги М. И. Колычева и Д. А. Бутурлина с товарищами¹². На книги одного только М. И. Колычева ссылается жалованная грамота 1597 г. Муромской соборной церкви Рождества богородицы¹³. Д. А. Бутурлин с товарищами 8 февраля 1566 г. дали выпись с писцовых книг посаду г. Мурома¹⁴, на книги 1566/67 г. письма Д. А. Бутурлина есть ссылка в одной ввозной грамоте 1570 г.¹⁵ Очевидно, писцовые работы 1564—1568 гг. в Муромском уезде и г. Муроме

дыка Посника Шапилова. — «Труды Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения», вып. 5. Исторический сборник. Иваново-Вознесенск, 1928. Сотная не издана.

⁵ О количестве русских городов в XVI в. см.: А. А. Зимин. Состав русских городов XVI века. — «Исторические записки», т. 62.

⁶ АСЭИ, т. II. М., 1958, стр. 170—174, 270; АФЗиХ, т. I. М., 1951, стр. 255—256.

⁷ ЦГАДА, ГКЭ по Мурому, № 7738, 7741 и 7745; Федотов-Чеховский. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России, т. I. Киев, 1860, стр. 185. Г. Яхонтов умер в начале 50-х годов XVI в. — «Тысячная книга 1550 года и дворовая тетрадь пятидесятих годов XVI века». М.—Л., 1950, стр. 198. В. Карачаров в конце 1551 г. принял монашество (см. вкладную книгу Троице-Сергиева монастыря 1673 г.).

⁸ С. М. Каштанов. Феодалный иммунитет в годы боярского правления (1538—1548). — «Исторические записки», т. 66, стр. 254.

⁹ Так, писец Михаил Колычев вотчинную землю муромского собора написал в сошные книги вместе с тяглыми сохами, а тамгу и мытную пошлину, которые шли собору вместо руги, отписал на государя (ЦГАДА, ф. Оруж. пал., стб. 40642, л. 7); позднее тамга была отдана на откуп посадским людям (см. сотную 1573/74 г.).

¹⁰ ЦГАДА, ГКЭ по Мурому, № 7748; А. Юшков. Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ. М., 1898 (далее — А. Юшков. Акты...), № 192, стр. 175; ЦГАДА, ГКЭ по Мурому, № 7746.

¹¹ ЦГАДА, ГКЭ по Мурому, № 7746. Писец И. М. Таратин продолжал работать и в июле 1564 г. (А. Юшков. Акты..., № 192, стр. 175).

¹² ЦГАДА, ГКЭ по Мурому, № 7748.

¹³ ЦГАДА, ф. Оруж. пал., стб. 40642, л. 7.

¹⁴ Публикуемый ниже документ.

¹⁵ А. Юшков. Акты..., № 196, стр. 179.

преследовали широкие цели и осуществлялись несколькими лицами. Возможно, что в ходе описания одни писцы сменяли других.

Трудно сказать, по приказу какого центрального учреждения производилось в указанные годы описание Муромского уезда. Возможно, это была Поместная изба¹⁶. Книги же по г. Мурому были составлены «по наказу Сысского приказа за подписью дьяка Самойла Михайлова»¹⁷.

Следующие описания Муромы относятся к 70-м годам XVI в., но о книгах 1571/72 г. и 1573/74 г. по Муромскому уезду имеются лишь упоминания¹⁸. Сотная же Муромскому посаду 1573/74 г. писцов Михаила Ивановича Шишелова и Богдана Григорьева сохранилась в подлиннике¹⁹. Описания Муромы в первой половине 70-х годов были предприняты скорее всего в связи с последствиями морового поветрия 1569/70 г., о котором сообщает приписка к выписи из писцовых книг г. Муромы 1566 г. Огромная убыль населения (из 738 владельцев дворов «в живые» по сотной 1573/74 г. осталось лишь 111) вызвала необходимость подсчета уцелевших от эпидемии и их нового обложения. К сожалению, пока что остается неизвестным, какое центральное учреждение руководило писцовыми работами в Муроме в то время и только ли М. И. Шишелов и Б. Григорьев приняли в них участие.

Значительные писцовые работы проводились в Муроме в конце 80-х годов XVI в. Так, в 1586—1588 гг. (крайние даты) И. Талызин и подъячий П. Степанов произвели дозор Муромы, вероятно лишь уезда²⁰. Источники ссылаются также на дозорные книги 1588/89 г. кн. Михаила Мезецкого²¹. Кроме того, под 1586/87 г. упоминаются «кониюшенные» книги, а под 1588/89 г. — книги езового приказчика Ивана Зыкова²². Составляли они как будто по наказам из Дворцового ведомства. Наконец, в 1592—1594 гг. (крайние даты) Я. П. Вельяминов и подъячий Ф. Андреев описали вотчины Троице-Сергиева монастыря в Муромском уезде. Их книги сохранились и изданы²³. Таков был ход писцовых работ в Муроме и его уезде в конце XV—XVI в., насколько о нем можно судить по известным в настоящее время источникам.

Описания Муромского посада 1566 и 1573/74 гг. явились итогом крупных правительственных мероприятий. Выпись и сотная не только содержат важные сведения по социально-экономической истории Муромы во вто-

¹⁶ ЦГАДА, ГКЭ по Мурому, № 7748.

¹⁷ См. публикуемую выпись из писцовых книг г. Муромы 1566 г. О существовании в XVI в. особого Сысского приказа до сих пор не было известно (А. А. Зимин. Преобразование центрального государственного аппарата в годы опричнины. — Научные доклады высшей школы. Исторические науки», вып. 4, 1961, стр. 129—130).

¹⁸ ЦГАДА, ф. Помест. прик., писц. кн. 703, л. 1091—1091 об.; А. Юшков. Акты..., № 291, стр. 311.

¹⁹ ГБЛ, ф. 67 (Я. П. Гарелина), карт. 8, № 84 — второй публикуемый документ. Подлинник лобезно указан Л. В. Заборовским. Копия: Архив ЛОИИ, собр. Н. П. Лихачева, № 370, лл. 12—41 об. По подлиннику напечатана с большими пропусками в АЮ, № 229, стр. 247—251.

²⁰ С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. II, М., 1916, стр. 610. До дозора И. Талызина и П. Степанова Муромский уезд описывал Пятой Тумский, однако дата этого описания неизвестна (ЧОИДР, 1907, кн. 2, смесь, стр. 64).

²¹ ЦГАДА, ф. Оруж. пал., стб. 40642, л. 7; ЦГАДА, ГКЭ по Мурому, № 7801. В литературе существует мнение, что кн. Михаил Мезецкий производил дозор Муромы в 1576/77 г. (М. А. Дьяконов. Рецензия на книгу П. Н. Милюкова «Спорные вопросы финансовой истории Московского государства». — ЖМНП, 1893, июль, стр. 228; С. М. Каштанов. О внутренней политике Ивана Грозного в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича. — «Труды Моск. гос. историко-архивного ин-та», т. 16, М., 1961, стр. 452, прим. 71). Однако указание на этот дозор является, видимо, опiskeй в источнике (ср. ЦГАДА, ГКЭ по Мурому, № 7801; ф. Оруж. пал., стб. 40642, л. 7). В 1576 г. князь Михаил Васильевич Мезецкий участвовал в Ливонском походе (Ю. В. Татищев. Род князей Мезецких. — «Известия Русского генеалогического общества», вып. 2, СПб., 1903, стр. 66).

²² ЦГАДА, ф. Помест. прик., писц. кн. 703, л. 1110 об.; ГБЛ, ф. 303, кн. 527, № 325, л. 385 об.

²³ ПКМГ, ч. I, отд. 1, стр. 873—892.

рой половине XVI в., но, что особенно ценно, позволяют вскрыть динамику общественных и экономических изменений в земском городе за время опричнины. Конечно, данные муромских описаний не могут быть использованы без тщательной критической проверки. Подобная проверка невозможна в кратком введении к публикации. Однако несколько источниковедческих замечаний относительно публикуемых документов сделать необходимо.

Выпись из писцовых книг г. Муром 1566 г. дошла в поздней копии XVIII в. Насколько точно передала она свой оригинал? Сравнение выписи 1566 г. с подлинной сотной 1573/74 г. дает почти полное совпадение имен, отчеств, фамилий и прозвищ владельцев дворов. Верны, в целом, и цифровые итоги. Однако при сравнении текста выписи 1566 г. с ссылками на «старую сотную» Д. А. Бутурлина, которые имеются в сотной 1573/74 г., обнаруживается ряд расхождений между ними.

Выпись 1566 г.

Ссылки на сотную 1566 г.
Д. А. Бутурлина с товарищами
в сотной 1573/74 г.

«Всего по писму Дмитрея Андревича Бутурлина с товарищи во всех рядах лавок, полков и лубеников и на посаде 315 лавок, оброку с них збирать 45 руб. 15 алт.»^{23а}

«И всево в Муроме на посаде прошлого семдесят четвертаго по писцово Дмитрея Ондревича Бутурлина с товарищы сотне написано во всех рядах и на площади и по переулкам лавок и анбаров и полков и лубеников и мест лавочных триста пятнатцать, а оброку с них сорок пять рублей и пятнатцать алтын»²⁴. «А по писцово сотне Дмитрея Ондревича Бутурлина с товарищы 74-го написано в живущем в Муроме на посаде пятьсот семдесят семь дворов»²⁵.

Нет

«А по писцово сотне Дмитрея Ондревича Бутурлина с товарищы написано впусе семнатцать дворов пустых»²⁶.

Нет

Кроме того, сотная 1573/74 г. ссылается на сотную Д. А. Бутурлина при подведении общих итогов описанных дворов («а по писцово по старой сотне написано то же») и при определении размеров городского поля²⁷. Подворные итоги 1566 и 1573/74 гг. расходятся, хотя количество земли указано одинаковое — 608 четвертей. Даже если учесть вольное переложение писцами сотной 1573/74 г. документа своих предшественников, все-таки в ней остается сведение о 17 пустых дворах, которого нет в имеющейся копии писцовой выписи 1566 г. Очевидно, что в последней оригинал XVI в. подвергся некоторым сокращениям. Подтверждением высказанной мысли служит описание торгового города Муром в копии выписи 1566 г. В то время как в сотной 1573/74 г. описана каждая лавка, каждый лубеник, в выписи 1566 г. торговые места перечислены суммарно. Сохранилась и помета одного из копиистов: «А списано лавки рядами на перечень ради скорости». Такой характер списывания привел к ошибке. Между текстом выписи и итогом писцов обнаруживается расхождение при подсчете лавок городского торгового и, соответственно, суммы взимаемого оброка. Итог по тексту 308 лавок и 37 руб. 25 алт. 2 ден. оброка — меньше писцового — 315 лавок и 45 руб. 15 алт. оброка. Следует принять итог писцов, поскольку те же цифры получаются по сотной 1573/74 г., использовавшей сотную 1566 г. В остальных подсчетах по тексту выписи 1566 г. совпадают с указанными в ней писцовыми итогами.

Последнего нельзя сказать о сотной 1573/74 г. Хотя она дошла в оригинале, в ней немало противоречий. Так, общее число дворов беломестцев по

^{23а} Архив ЛОИИ, собр. Н. П. Лихачева, № 370, л. 231 об.

²⁴ ГБЛ, ф. 67, карт. 8, № 84, лл. 6—7; АЮ, стр. 248.

²⁵ Там же, л. 9; там же, стр. 249.

²⁶ Там же, л. 10; там же, стр. 250.

²⁷ Там же, л. 16; там же, стр. 251.

сотной 1573/74 г. равнялось 75, однако в тексте перечислен лишь 71 двор. Сличение с выписью 1566 г. показывает, что в сотную 1573/74 г. не попало описание еще 6 белых дворов, общий же итог 75 дворов просто списан с сотной 1566 г. Трудно сказать, чем вызваны ошибки писцов при подсчетах лавок, пустых дворовых мест, а также при подведении общих итогов. Общее число торговых мест по сотной 1573/74 г. равнялось 319, хотя в 1566 г. насчитывалось 315 лавок, полок и т. п., а потом еще прибавилось 3 лавки, т. е. в итоге должно было получиться 318 торговых мест. Подсчет лавок, анбаров, лубеников, полок и лавочных мест по тексту сотной дает цифру 328. То же получается при подсчете лавок по рядам. Подсчет пустых дворовых мест дает цифру 442 вместо 439, указанной в сотной. Неясно, как получилась цифра 520 пустых дворовых мест в общем итоге. При исчислении жилых посадских дворов в сотной указано количество живших в них людей — 149 человек. Эта цифра не поддается проверке. Следует предположить, что писцы 1573/74 г. пользовались какими-то материалами, не отраженными в сотной, но цифровые итоги этих материалов в сотную включили так же, как механически включили они общие итоги описания 1566 г.

При характеристике г. Мурома по описаниям 1566 и 1573/74 гг. необходимо иметь в виду, что оба эти источника зафиксировали далеко не все дворы городского населения. В выписи и сотной перечислены дворы, видящиеся только на черной тяглой земле²⁸. Так, оба документа не фиксируют дворов, расположенных в Муромском кремле²⁹, в них не описано находившееся в пределах города село Чегодаево — владение Троице-Сергиева монастыря³⁰, село Кудринское — слободка муромского Спасского монастыря³¹, Ямская слобода, состоявшая собственно из двух слобод: Якиманской и Глядячей, или Фроловской³².

Лишь принимая во внимание такую неполноту источников, можно, например, объяснить парадоксальную разницу между небольшим числом дворовладельцев (111), перечисленных в сотной 1573/74 г., и большим числом торгов г. Муром, где, по данным того же источника, было 202 лавки «в живущем». Очевидно, торгов обслуживал не только посадских людей Муром, но и жителей городских и пригородных сел и слобод, не попавших в оклад, а следовательно, и в сотную с муромскими черными тяглыми людьми. Городское население Муром в действительности было большим, чем отмечено в описаниях 1566 и 1573/74 гг. Таковы те основные особенности публикуемых источников, которые следует учитывать при работе над материалом описаний.

Выпись 1566 г. сохранилась в копии XVIII в. в составе сборника документов по Мурому, хранящегося в архиве ЛОИИ, собрание Н. П. Лихачева, № 370. Сборник представляет собой рукопись в 4° на 637 листах, без конца. Переплет — доски, обтянутые кожей, — сохранился плохо. Застежки оторваны. Водяной знак рукописи — герб города Амстердама с литерами АИ

²⁸ Характерно выражение выписи 1566 г.: «всего в разньи посацких семьсот семьдесят пять дворов», хотя в это число включены дворы беломестцев. Видимо, назвать посадскими их можно было в том смысле, что они были расположены на посадской земле.

²⁹ В выписи и сотной упомянуты «город», т. е. кремль Муром, и Стрельная башня Муромского кремля. В кремле должны были находиться осадные дворы (ср. ГБЛ, ф. 303, кн. 530, Муром, № 5, л. 941 об.)

³⁰ М. А. Дьяконов. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве, вып. 2. Юрьев, 1897, № 11, стр. 9; «Сборник Муханова». Изд. 2. СПб., 1866, стр. 201.

³¹ О владении этим монастырем дворами на муромском посаде см.: ГБЛ, ф. 303, кн. 530, Муром, № 5, л. 941 об. По описанию 1623/24 (7132) г. в Кудринской слободе насчитывалось 67 дворов жилых и 8 дворов и мест пустых (Архив ЛОИИ, собр. Н. П. Лихачева, № 370, лл. 43—56).

³² ПСРЛ, т. 26. М.—Л., 1959, стр. 317, 1537 г. По описанию 1627/28 г. в обеих слободах было 103 двора (ЦГАДА, ф. Помест. прик., писц. кн. 703, л. 981 об.).

под ним. С. А. Клепиков датирует этот водяной знак 1720—1732 гг.³³ Рукопись написана разными почерками XVIII в. Состав сборника: лл. 1—1 об. — оглавление; лл. 3—3 об. — «Копия с листа салтана турецкого слово в слово» — грамота турецкого султана от 25 октября 1735 г.; лл. 4—5 об. — расстояния до столиц иностранных государств; лл. 7—9 об. — перечень митрополий, архиепископств и епископств с указанием числа церквей в них; лл. 10—10 об. — цифровые выкладки о количестве населения в различных губерниях и городах России. Здесь же запись: «186 по переписным 94 100 дворов посадских в городех» (л. 10). Возможно, это запись об общем числе посадских дворов по переписным книгам 1677/78 (186) г.; лл. 12—41 об. — список с сотной г. Мурома 1574 г. Михаила Ивановича Шишелова и Богдана Григорьева с позднейшими приписками; лл. 43—56 — список с писцовой книги посадской слободы муромского Спасского монастыря — села Кудринского 1623/24 (132) г. писцов Григория Федоровича Киреевского и подьячего Петра Горемыкина^{**34}; лл. 58—58 об. — выписка из переписных книг г. Мурома 1673/74 (182) г. писца Ивана Федоровича Суворова о ямской Якиманской слободе^{**}; лл. 59—61 — выписка из писцовой книги Муромского уезда 1627/28 (136) г. писца Якова Колтовского на сельцо Новомалышево муромского собора с позднейшими приписками; лл. 61—66 об. — выписки из писцовых и переписных книг г. Мурома; лл. 67—199 — список с переписной книги г. Мурома 1636/37 (145) г. Бориса Дмитриевича Бартенева и подьячего Михаила Максимова; лл. 205—230 об. — список со стрелной книги г. Мурома 5 марта 1649 г. Савина Тимофеевича Овцына; лл. 231—242 об. — список с выписки из писцовой книги г. Мурома 1566 г. Дмитрия Андреевича Бутурлина^{*}; лл. 250—283 об. — список с окладных книг г. Мурома 1 декабря 1652 г. Ивана Тимофеевича Усова^{**}; лл. 284—287 об. — сошное письмо; лл. 290—310 об. — список с лавочных оброчных книг г. Мурома 1652 г. Максима Григорьевича Кайсарова^{**}; лл. 312—319 об. — список с переписной книги г. Мурома 1661/62 (170) г. Якова Петровича Загрязского^{*}; лл. 320—378 об. — список с выписки из переписных книг г. Мурома 1645/46 (154) г. Афанасия Атяева и подьячего Казарина Немцова; лл. 379—413 об. — список с переписной книги г. Мурома 1678 г. Романа Григорьевича Войникова и подьячего Ивана Лаврентьева^{*}; лл. 418 об.—419 об. — росписи даточных людей г. Мурома за 1703—1725 гг.; лл. 420—441 — роспись чинов 1693/94 г.; лл. 442—461 об. — список с новоокладных книг г. Мурома 1706 г. Григория Можеева с товарищами; лл. 462—463 — роспись постоянным дворам г. Мурома 1705 г. стольника Ивана Дмитриевича Сабурова; лл. 464—515 — выписка из переписных книг г. Мурома 1710 г. стольника Ивана Васильевича Теряева, с л. 474 — сами книги; л. 521 об. — выписка из документов Соляной конторы 1731 г.; лл. 522—569 — книги «имянные свидетельства» по г. Мурому 1723 г. полковника Коробова; лл. 570—599 — книги «имянные купечеству» г. Мурома по сказкам 1719 и 1723 гг.; лл. 601—637 — список с сотной г. Мурома с писцовых книг 1624/25 г. Григория Федоровича Киреевского и подьячего Петра Горемыкина^{**}. Листы 2, 6, 11—11 об., 42, 57, 140, 200—204, 243—249, 288—289, 311, 414—418, 516—521 и 600 — чистые.

Судя по составу сборника, содержащему материал по истории муромского посада за период с 1566 по 1723 г., составлен он был в Муроме на основании документов, хранившихся в архиве городской ратуши.

³³ С. А. Клепиков. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX веков. М., 1959, стр. 76, № 892.

³⁴ Одной звездочкой отмечены материалы тех описаний Мурома XVI—XVII вв., о которых есть упоминания в литературе, но не были известны сами тексты; двумя — те описания и те их материалы, о которых ничего не было известно. Об описаниях Муром в XVI—XVII вв. см.: С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. 2, М., 1916, стр. 610; П. П. Смирнов. Города Московского государства в первой половине XVII века, т. 1, вып. 2, Киев, 1919.

В том же архиве хранился и подлинник сотной 1573/74 г. Как свидетельствует запись на л. 1 от 1 июня 1732 г., сотная была передана «в земскую избу... ради мирских нужд». В свое время документ представлял собой длинный и широкий столбец, склеенный из 16 больших так называемых александрийских листов бумаги. Вероятно, в XVII в. к верхней части столбца был подклеен еще один лист, на котором были сделаны различные записи. Теперь документ расклеен. Он хранится в ГБЛ, ф. 67, карт. 8, № 84. Состоит из 17 листов (I + 16). На л. I имеются две записи XVII в. и одна XVIII в. Основной текст сотной написан на лл. 1—16 одним почерком, красивой крупной скорописью XVI в. Листы 1, 2, 4 имеют водяной знак — герб с тремя лилиями. И. Каманин датирует такой водяной знак 1568 г.³⁵, Брик — 1541—1568 гг.³⁶ Листы 5—15 имеют водяной знак — две литеры В под короной. Брик датирует такой водяной знак 1566—1580 гг.³⁷ Таким образом, датировка бумаги по водяным знакам не противоречит дате сотной — 1573/74 г.³⁸

Оба документа издаются по следующим правилам. Буквы ъ, љ и џ заменяются буквами е, кси и пси, буква њ в конце слова опускается, отмечается краткость и. Условные обозначения: (В) — во дворе, (Д) — двор, (Л) — лавка, (М) — место и т. п., имеющиеся в обоих документах, раскрываются полностью. Решеточная цифровая система, имеющаяся в выписи 1566 г., переведена в обычную. Термины «рубль», «алтын», «деньга», отсутствующие в решеточной системе, вводятся в текст, но в сокращении: «руб.», «алт.», «ден.». Исправления, сделанные по смыслу, а в тексте выписи 1566 г. иногда по тексту сотной 1573/74 г., заключены в скобки.

№ 1. 1566 г. февраля 8.— Выпись из писцовых книг г. Муром писцов Д. А. Бутурлина с товарищами

Лета 7074 году февраля 8 день по государеву, цареву и великого князя Ивана Васильевича всеа России по наказу Сыскаго приказу за подписью дьяка Самойла Михайлова писец Дмитрий Андревич Бутурлин с товарищи писал в Муроме двory государевы и владычны, и монастырской, и протопоповы, мерещиков, сокольничьи, гостиные, розсыльщиков, и пушкарские, и белые, и черные и в рядах лавки, полки и лубеники. И переписав, дали с книг список.

В Муроме на торгу лавки, сидят со всяким товаром: в Большом ряду от площади к гостину двору по праву 55 лавок, оброку 8 руб. 30 алт. От Рыбного с площади в Большом ряду к гостину по обе стороны 50 лавок, оброку 4 руб. 18 алт. 2 ден. От Ивана Предтечи к городу в Калачном и Соляном по обе стороны 80 лавок, оброку 8 руб. 15 алт., церковных 5 лавок, оброку с них 1 руб. От Большова ряду против таможни по правой 13 полков, оброку с них 1 руб. 5 алт. У церкви Рождества в Рыбном по конец и позади Большого ряду к Стрельной башне 40 лавок, оброку 4 руб. 15 алт., лубеников 11, оброку с них 22 алт. По конец Большого ряду от площади на вымле налево 15 лавок, оброк 3 руб. // В Мясном ряду от гостина и от Калашного и от Предтечи 30 лавок, оброку с них 5 руб. 3 алт. 2 ден. На посаде в разных у Николы Мокрого за ручьем у Беседного мосту в Спасской слободе 9 лавок, оброку 16 алт. 4 ден.

Всего по писму Дмитрея Андревича Бутурлина с товарищи во всех рядах лавок, полков и лубеников и на посаде 315 лавок, оброку с них збирать 45 руб. 15 алт. А списыно лавки рядами на перечень ради скорости*.

В Муроме на посаде двory государевы и владыки Рязанского, и протопопов, и монастырской, мерещиков, сокольничков, гостиные, розсыльщиков и пушкарей, и белые.

Двор** государя царя у Николы Мокрого по конец Пушкарской, дворник Ивашка Федоров сын Шевяк; двор государя царя на другой стороне в Пушкарской полевой, стоят подклюшники и повары; двор государя царя у Николы Мокрого во Рву

³⁵ I. Каманин, О. Вітвіцька. Водяні знаки на папері українських документів XVI і XVII вв. Київ, 1923, № 285.

³⁶ С. М. Briquet. Les filigranes, v. I—IV. Leipzig, 1923, № 7148.

³⁷ Там же, № 9277.

³⁸ Знак на л. 3 виден плохо, на л. 16 водяного знака нет.

* Далее тем же почерком другими чернилами помета списано

** Отсюда в рукописи на боковом поле идет отсчет дворов. Цифры написаны тем же почерком и теми же чернилами.

на Мокром зеленой; государя, царя и великого князя во Рву воцешня; в Успенской улице двор владыки Рязанского, живут десетильники; против Панкратьева двора Савина двор пречистенского протопопа Васяна Петрова сына Протопопова; против церкви Семена святого двор пречистенской, протопоп Трофим.

л. 232

В Кузьмодемьянской улице дворы мережников, ловят рыбу, с черными не тянут; // во дворе Батуш Самойлов сын Остаhev; во дворе Тренька Андреев да Гришка Негодяев; во дворе Матюшка, Негодяев пасынок; во дворе Илейка Васильев сын Смирной. Всего мережников 4 двора.

По конец Калачной улицы подле двора Черемисинка Пашнева двор Николы Бутылицкого игумена Феларета з братъею.

В Дмитревской улице дворы сокольников: во дворе Авдейка Ефимьев; [во дворе] Петрушка Иванов; во дворе Федька Самойлов сын Милютин. Всего 3 двора, оброку за сокола по 16 алт. 4 ден., пошлин по 5 денег, да за дань по 10 денег.

В разных улицах дворы гостины: во дворе Семен Яковлев сын Попяткин да дуг за Окою на Сетчиге 200 копен; в Ивановской улице во дворе Якушка Костентин. В Ыльинской улице во дворе Радосной Исаков. В Подокстове во дворе Яков Иванов Костентинов. Сена им на гороцкой ст[ороне] близ Емской за рекою против города 580 копен. В Подокстове же: во дворе Четвертак Михайлов сын Сычев; во дворе Володи Климов сын торопченин. В Новогороцкой улице во дворе Потеха, Иван Петровы дети Кутариновы. Сена за рекою против города 150 копен. Во дворе Никита Костентинов. Всего гостиных 8 дворов, платят на Казенной по два золотых.

л. 232 об.

Муромских розсыльщиков. На зимнем мыту во дворе Якушка Пашенин; в Нечистом переулке против Панкратьева двора Савина во дворе Ромашка Гурылев; в Подокстове // подле Оленки Борового во дворе Облеза Михайлов сын Корцов; в Ыльинской в Курганех подле Ивашка Трофимова во дворе Жданка Черной; в Большой улице подле Якова Костентинова во дворе Алешка да Пятой Паницевы; в [В]ышползове во дворе Ивашка Синев; во дворе Ивашка Русинов; во дворе Тимошка Борисов. Всего 8 дворов розсыльщиков.

По грамоте в [в]ыборе слобода Пушкарска у Николы Можайского на Воскресенской горе: во дворе Сполош Юрьев; во дворе Антипка Фирсов сын Черной; во дворе Тимошка Малышкин; во дворе Ивашка Легостаев; во дворе Ивашка Федоров Зиняков; во дворе Митя Сидоров сын кузнец; во дворе Суботка Богданов сын Вяткин; во дворе Илейка Григорьев Черной; во дворе Макарка Родивонов сын кузнец; двор зимнему мыту. [У] Успенья слобода Пищальна, пушкарки ж: во дворе Богданка Захаров сын шваль; во дворе Шипел Вахромеев; во дворе Богдаш Первой сын Порядня; во дворе Ивашка Павлов сын Поляев; во дворе Калинка Чурилов; во дворе Юшка Мартынов сын Тарасов; во дворе Митька Климов сын яловник; во дворе Тараска Софонов сын Смирной; во дворе Матюшка Михайлов; двор Юшка Оброзова; во дворе Богдашка Легостай; во дворе Екимка Пятой; во дворе Исачка Ефтифев сын Сутоня. Всего на Пищальной горе [у] Успенья 22 двора пушкарских. //

л. 233

В разных местах в улицах дворы белые. В Ыльинской улице во дворе Алешка Ершов; в Дмитревской улице во дворе Леонтей Бокесьев; против Благовещенья во дворе Степка Копниц; в Букреве двор Михалка Вырского з братъею; против Кобылина двора во дворе Гришка Скольков; во дворе Самойла Гордев; под горою против Георгия во дворе Турунтайка Загарин з братьями; у емского двора во дворе Костя Кожин; во дворе Богданка Болховской; на Дятлове во дворе Истома Исаков; во дворе Никишка Кобылкин; во дворе Нечай Кобылкин; во дворе Оска Кровков; во дворе Федька Деревяжкин. На Дятлове: во дворе Ивашка Плотцов; во дворе Васка, Гришка, Елизарка Глебовы; во дворе Лучка Васильев; во дворе Тимошка Копосов; во дворе Федька, Ивашка Кипровы. В Букреве двор князь Ондreja Бабичева. В Небодове: во дворе Андришка Шильников; во дворе Ивашка да Третьяк Выкоревы. Подле Хабаровские во дворе Ивашка Веревкин; подле сараев во дворе Ивашка Емецкой; во дворе Алешко Чертков; против гостина двора во дворе Матюшка Ковардицкой. В переулке в Нечистом лесу: во дворе Путила Арапов; во дворе Невежа Лукин з братьями; во дворе Молчан Лукин з братъею; во дворе Федор Исаков; во дворе Григорей Юматов; во дворе Василий Обрютин; во дворе Иван Савин; во дворе Андрей

л. 233 об.

Кровков; во дворе Макар Новошинской. Из Нечистаго лесу направо: // во дворе Иван Муромцов; во дворе Панкрат Савинов да племянника ево Семена. В Подокстове в Теремичной двор Юрья Опраксина; подле емского во дворе Василей да Навашин да Федор Гордев[ы]; во дворе Алексей[й] Киселев. От Небодовы в Калачной: во дворе князь Семен Бабичев; во дворе Иван Веревкин; во дворе Игнатей Дерлупин; во дворе Семен Шукин; во дворе Матвей Вышков, во дворе Оксен Болгодской; во дворе Иван Исаков; во дворе Матфей Опраксин. В Парфенове Шубникова двора два князя Ивана да Бориса Болховских. В Подокстове во дворе Кипелька Осорьин; во дворе Иван Чертков. В Подокстове в Кузьмодемьянской во дворе Семен Дурасов. На Хозяеве горе во дворе Иван Осорьин. В Большой [от] Николы Можайского к городу: во дворе Григорей Елизарьев; во дворе Василей Елизарьев; во дворе Заматня Манастырев; во дворе Семен Осорьин; во дворе Григорей Карамышев да Головы Нармацкого; во дворе Михайла Бакесьев; во дворе Федор Елизаров; во дворе Воин Неронов; во дворе Никифор Костылев; двор Гаврила Черткова. У Беседы во дворе Василей Софронов. На Большой Ильинской против Благовещенья: во дворе Андрей Кровков; во дворе

Непущей Лопатин. Во Рву против святого Семена во дворе Есип Кошельников. В Гостине: во дворе Оксентей Варыпав; во дворе Федор Самойлов; во дворе Яков // Степанов; во дворе Логин Остафьев; во дворе Изма[й]ла Федоров; во дворе Лука Яковлев; во дворе Гарась Тихонов. Всего белых дворов в разных местах 75 дворов. В Ыльинской во Рву против Семена святого: во дворе городской воротник, во дворе Любимко Иванов Копелкин; во дворе палач Илюшка Козьмин *.

В Муроме посадские черные тяглы. На Ямской улице от Николы Мокраго от Пушкарской улицы от государева двора по берег у Ильи пророку: во дворе Ефрема Михайлов сын серебряник; во дворе Никифорка Федоров сын кожевник; во дворе Дружинка Михайлов сын рыбник; во дворе Грязнуша Самойлов сын рыбник; во дворе Омелька Климов сын соловолок; во дворе Спирька Тимофеев сын калачник; во дворе Сенька Иванов сын Тюля; во дворе ** Моська Ильин сын Галка; во дворе Жаркой Алексеев сын пирожник; во дворе Илейка Мосев сын володимерец; во дворе Ортюшка Яковлев сын Клокунов; во дворе Ооска Степанов сын Пашнев; во дворе Сергунка да Третьяк Минины дети Олферовы; во дворе Лучка, Моксимка Кондратовы дети Закурганские; во дворе Митька Тарасов сын Лобанов; во дворе Митька Силин сын Шахов; во дворе Ивашка Никитин сын Судовщиков; во дворе Васька Онисимов сын Черницын; во дворе Марьяца Ивана Закурганского; во дворе Федька Иванов сын Заец; во дворе Богдашка Степанов сын Дубников; во дворе Оброска Лукин сын Лупинос; во дворе Юшка Никифоров сын седелник; во дворе Ивашка Захаров сын Учуга; во дворе Стенька Трофимов // сын болховитин; во дворе Ивашка л. 234 об. Фомин сын Сокол; во дворе Мокейка Ортемьев сын Волк; во дворе Первушка Любимов сын Ушак; во дворе Калинка Прохоров сын Истомин; во дворе Тренька Игнатев сын Ходанов; во дворе Треска Тимофев сын болховитин; во дворе Офонка Никифоров сын казак; во дворе Офонка Меркульев сын Барышков; двор емской, дворник Ивашка Федоров; во дворе Власка Обросимов сын розсыльщик; во дворе Фомка Сысов сын Сухоруков; во дворе Ортюшка Костентинов сын Неклюдов; во дворе Гришка Трифонов сын Прокшин; во дворе Богдашка Алексеев сын рыбник; во дворе Ивашка Семенов сын мясник; во дворе Ольгаз Баженов сын Харчев; во дворе Истомка Трофимов сын сапожник; во дворе Онашка Силин сын Бурцов; во дворе Ивашка Никифоров сын казак; во дворе Фомка Карпов сын Гора; во дворе Сидорка Иванов сын гончар; во дворе Некраска Мокев сын кожевник.

По той же улице по другой стороне: двор Демка Савин сын кузнец; во дворе Анютка Рыболова с сыном Фадейком; во дворе Антошка Максимов сын Космачев; во дворе Ивашко Иваиов сын болховитин; во дворе Микулка Васильев сын Прокшин; во дворе Нечайка Назаров сын Зарубин; во дворе Куземка Осипов сын Панов; во дворе Васка Никитин сын Осечка; во дворе Тренька Иванов сын Салков; во дворе Захарка Анвимов сын Лихин; во дворе Илейка Агафонов сын Шишкин; во дворе Ивашка Софонов сын сапожник; во дворе Старх Патрекев сын Лисцов; во дворе Пудя Самсонов сын Сухоруков; во дворе Фомка Богданов сын Зелелев; во дворе Онашка Васильев // сын Ноугородов; во дворе Мишка Степанов сын Коуров; во дворе л. 235 Федька Фадев сын Лапухин; во дворе Васка Онофрев сын Рыжков; во дворе Гришка Тихонов сын Шушенин; во дворе Данилка Агеев сын Юдин; во дворе Якушка Самойлов сын Ерофев; во дворе Мордвин Потехин сын Пашнев; во дворе Сенька Савастьянов сын долбишник; во дворе Ивашка Галактионов сын скорняк; во дворе Овсейка Дмитрев сын серебряник; во дворе Ивашка Фомин сын кровопуск; во дворе Алешка Яковлев сын Ярыгин; во дворе Андришка Сидоров сын Сыроеж; во дворе Терешка Силин сын Выкорев; во дворе Офрейка Андреев сын Жданов; во дворе Рудак Григорьев сын Толоконцов; во дворе Демка Савин сын кузнец; во дворе Митя Терентьев сын Брюшко; во дворе Меньшачка Андреев сын москотильник; во дворе Филатко Борисов сын Рыжков; во дворе Неверка Васильев сын Горбунов; во дворе Титка Васильев сын Головин; во дворе Аристька Потехин сын леник; во дворе Афоня Иванов сын скорняк; во дворе Тараска Кирилов сын портной; во дворе Лучка Иванов сын кузнец; во дворе Савка Любимов сын скорняк; во дворе Митя Софронов сын Пушников; во дворе Климка Лукьянов сын Крисин; во дворе Сенька Степанов сын красильник.

В Дубицкове переулке: во дворе Семак Трофимов сын сапожник; во дворе Горяшка Титов сын мясник; во дворе Якушко Филатов сын мясник; во дворе Сенька Тихонов сапожник; во дворе Ивашка Софронов сын кузнец; во дворе Митька Логинов сын гончар; во дворе Стенька Тимофев сын Ходанов; во дворе Позняк Тимофев сын соловолок; во дворе Онтропка Митин сын Дубасов; во дворе Федотко Васильев сын Бекетов; во дворе Ивашка Харитонов сын Сучкин.

Ильинскою по левой: во дворе Федька Симонов сын Вахнев; во дворе Васюта Григорьев сын Ницагин; во дворе Горя // Леонов сын Толстиков; во дворе Протаска л. 235 об. Сидоров сын Козел; во дворе Афонка Федоров сын Скоморохов; во дворе Васка Михайлов сын Турской; во дворе Лева Настасьин; во дворе Сундырь да Сунгур Неткины; во дворе Дунька Таварищева; во дворе Филя Никитин сын десяцкой; во дворе

* Далее тем же почерком, но другими чернилами написано: Всего вразнь беломесных 128 дворов.

** Написано два раза, но сосчитано один.

Илейка Иванов сын Думян; во дворе Ивашко Осипов сын Дикой; во дворе Потеха Козьмин сын Косяков; во дворе Машка Батулина; во дворе Тиша Самойлов сын Белоусов. Ильинской по правой подле Клима Крисина; во дворе Ортошка Трофимов сын Вандышев; во дворе Полони Леонтьев сын Жарков; во дворе Агафонька Фомин сын Вильцов; во дворе Труфанка Первов сын Вильцов.

В Дубникове; во дворе Третьяк Зиновьев сын Дубников; во дворе Ивашка Фомин сын скорняк; во дворе Демидко Нестеров сын Потехин; во дворе Обросимка Власов сын Катышев; во дворе Неклюдка Федоров сын Попов; во дворе Ивашка Тихонов сын Дубровин.

В Мытной от зимняго мыта к Вознесенью; во дворе Офонка Тимофев сын Дехтрицын; во дворе Мишка Петров сын мясник; во дворе Бык Сидоров сын мясник; во дворе Митька Семенов сын котельник; во дворе Бориско Екимов сын коновал; во дворе Федька Самойлов сын Ермолин; во дворе Митька Степанов сын болховитин; во дворе Андришка Мартынов сын Поляк; во дворе Васка Давыдов сын сапожник; во дворе Ивашка Самсонов сын Дикой; во дворе Овсейка Назаров сын Шока; а. 236 во дворе Назарка Богданов сын Струнка; во дворе Оброска Григорьев сын Шом; во дворе Малец Михайлов сын Шихлин; // во дворе Мишка Вахромев сын Шихлин; во дворе Самошка Михайлов сын Парфенов; во дворе Онофрейка, Васка, Демка Шихлины; во дворе Ларка Томилов сын Пулстовалов; во дворе Ивашка Васильев сын швец; во дворе Елка Федотов сын сапожник; во дворе Ларка Харин сын Валя; во дворе Трошка Иванов сын Попов; во дворе Макарка Никифоров сын горшешник; во дворе Мишка да Тиша Дороховы; во дворе Титка Богданов сын Бодрин. В Дмитревской по Коломенской от Дмитрея по правой; во дворе Мишка Демьянов сын Матренин; во дворе Федоска Гаврилов сын Мошенин; двор Трофимка Наумова сына Щербинина; во дворе Федька Назарьев сын Носов; во дворе Трофимка Овдокимов сын Бирилев; во дворе Мишка Дружин сын мясник; во дворе Малах Сидоров сын кузнец; во дворе Офремка Сысов сын кузнец; во дворе Онтипка Дорофеев сын мясник; во дворе Ивашка Первов сын Левшин; во дворе Ивашка Семенов сын Горчилов; во дворе Савка Ермолав сын швец.

От Дмитрея и от Вознесенья к Предтечи; во дворе Третька Тарасов сын москотильник; во дворе Ивашка Сидоров сын мясник; во дворе Богдашка Сысов сын зелейщик; во дворе Бориско дьячек земской; во дворе Меньшой Иванов сын Гнетимощин.

В Новогородскую от Вознесенья и Предтечи налево; во дворе Коньша Опаньин сын переславец; во дворе Саня Тихонов сын Железников; во дворе Овсейка Захаров сын болховитин; во дворе Ивашка Дмитрев сын котельник; во дворе Даньша Федоров сын котельник; во дворе Ивашка Самойлов сын Лунанцов; во дворе вдова Оленка Митина; во дворе Мишка Агафонов сын Теренин; во дворе Пашка Максимов сын сапожник; во дворе Бориско Еремев сын Мясников; во дворе Ивашка Осипов сын Коньшев; во дворе Васка Федоров сын Малой; во дворе Пятой Афонасьев сын Попов.

а. 236 об. От Предтечи // по левой; во дворе Богдашка Исаев сын зелейник; во дворе Куземка Обросимов сын однарядочник; во дворе Алешка Симонов сын сырещик; во дворе Матюшка Екимов сын сапожник; во дворе Пятунка Екимов сын сапожник; во дворе Митька Тимофев сын пряжник, во дворе Михалка Тимофев сын Толокнянин; во дворе Потешка Савельев сын Чешков; во дворе Ивашка Иванов сын пирожник; во дворе Федька Пименов сын плотник; во дворе Дашка Пищальникова.

Против Предтечи Новогородскою по левой; во дворе Папкратка Кузьмин сын москвитин; во дворе Неверка Девятой сын Барыков; во дворе Нечайка Никитин сын масленик; во дворе Папка Федев сын коровник; во дворе Селиванка Сергеев сын Синев; во дворе Офонка Михайлов сын Кошей; двор Веня Федоров сын Малой.

Новогородскою же по правой; во дворе Суботка Богданов сын серебреник; во дворе Ларка Федотов сын Нечаев; во дворе Бориска Фомин сын Белово; во дворе Мишка Михайлов сын Мудынин; во дворе Якушка Афонасьев сын Лямкин; во дворе Петрушка Архипов сын калачник; во дворе Третька Опаньин сын Литой; во дворе вдова Маврица Дьяконова; во дворе Богдашка Титов сын Зайкин; во дворе Весна Тарасов сын пирожник.

В Гостине от Вознесенья; во дворе Ивашка Пахомов сын Шарков; во дворе Гришка Филипов сын ножевник; во дворе Третька Савастьянов сын кузнец.

По левой к Мясному; во дворе Илейка Демьянов сын кузнец; во дворе Нестерко Кирилов сын Деревков; во дворе Митька Симонов сын Кривой.

За Рождеством Христовым во дворе Ондришко Филипов сын хлебник.

а. 237 Во Рву Семена * святаго к Предтече; во дворе вдова Офроска Нежегорова; во дворе Куземка Никифоров сын кисельник; во дворе Федоска Олферов сын Вахнев; во дворе Нечайка/Иванов сын Новогород; во дворе Васка Самсонов сын Чикин; во дворе Гридя Осминин сын калачник; во дворе Мосейка Филипов сын Телухин; во дворе Сенька Евсевьев сын масквитин.

От Вознесенья в Гостине по правой к гостину двору; во дворе Стенька Лукин сын котельник; во дворе Елиза Онтонов сын Колуга; во дворе Обращка Тимофев сын Снегур; во дворе Федурка Яковлев сын Железников; во дворе Ивашка Григорьев сын

* Так в рукописи.

Миккулин; во дворе Данька Опаньин сын овчинник; во дворе Мишка Савинов сын овчинник; во дворе Сенька Никитин сын мясник; во дворе Исачка Мартынов сын Тежелов.

От Вознесенья в Хабарове к торгу права и лева: во дворе Богдашка Парфенов сын дьячек; во дворе Гаврилка Федоров сын сапожник; во дворе Федька Яковлев сын Гнетимошнин; во дворе Мишка Родивонов сын Перхуров; во дворе Лучка Яковлев сын Гнетимошнин; во дворе Мишка Мелентьев сын Кочетов; во дворе Захарка Никонов сын переславец; во дворе Колмак Самойлов сын Самотокин; во дворе Обакумка Лаврентьев сын Гнетимошнин; во дворе Стенька Овдокимов сын Щипакин; во дворе Гараска Леонтьев сын сапожник; во дворе Данилка Яковлев сын пирожник; во дворе Петеля Иванов сын седельник; во дворе Истомка Минев сын сапожник.

В Митине Небодова: во дворе Юрка да Петрушка Обросимовы; во дворе Пастух Данилов сын Волк; во дворе Суботка Дмитрев сын серебряник; во дворе Митька Сидоров сын яловник; во дворе Сенка Остафьев сын Волк.

В Колачной от поля к Выползове к Вознесенью: во дворе Черемисенок Сысоев сын Пашнев; во дворе Ивашка Афонасьев сын Цыволгин; во дворе Ивашка Самойлов сын Самотокин; во дворе Машка Наумова; во дворе Мишка Ильин сын Дурлепин.

В Парфенове: во дворе Тренька Власов сын Шока; во дворе Федотка Григорьев сын красильник; во дворе Богдашка Харитонов сын овощник; // во дворе Ивашка л. 237 об. Вавилов сын Ларин.

Выползова права и лева: во дворе вдова Оленка Милютина; во дворе Ивашка Дементьев сын Лихвин; во дворе Юрка Мартынов сын Солега; во дворе Максимка Мартынов сын Телега; во дворе Екимка Семенов сын сапожник; во дворе Петелька Перфильев сын Овсяников; во дворе Еремка Семенов сын шваль; во дворе Юшка Трифонов сын солодник; во дворе Суворка да Омелька Остафевы дети огородники; во дворе Девятой Максимов сын огородник; во дворе Левка Федоров сын пищик; во дворе Онтошка Афонасьев сын мясник; во дворе Пятуня Добрынин сын барышник; во дворе Васка Харитонов сын солодник; во дворе Истомка Тихонов сын солодник; во дворе Петрушка Перфильев сын Вяльцов; во дворе Стенька Симонов сын солодник; во дворе Савка Тимофев сын солодник; во дворе Федька Федоров сын Добрынин; во дворе вдова Машка Тихонова; во дворе Безсонка Родивонов сын Мамонов; во дворе Васка Тимофев сын солодник; во дворе Гордейка Самонов сын Мухосранов; во дворе Ивашка Трифилов сын Бдура; во дворе Митька Мартынов сын плотник.

В Нечистом лесу во дворе Ивашка Осев сын квасник.

На Спасском Большой улице во дворе Лучка Иванов сын Черсин. В Букреве от Беседы к Егорью: во дворе Ларка Лаврентьев сын Володимерцов; во дворе Федька Елуфимов сын Налов; во дворе Филька Кирилов сын Казаков; во дворе Митька Онтонов сын кожевник; во дворе Сенька Лаврентьев сын колачник; во дворе Алешка Иванов сын Лютиков; во дворе Онофрейка Тихонов сын Мелехов; во дворе Богдашка Федоров сын Колбин; во дворе Богдапка Семенов // сын Колобов; во дворе Истомка Федоров сын Килдишев; во дворе Парфенка Тимофев сын Дремков; во дворе Михалка Агафонов сын Безгодков; во дворе Афонка Лвов сын Лихвин; во дворе Ивашка да Мишка Токмоковы; во дворе Богдашка Фирсов сын Шахвалов; во дворе Федька Фаделеев сын Чабышев; во дворе Посник Первов сын Порывкин; во дворе Алешка Матфев сын Лопатин; во дворе Митя Макарьев сын Черницын; во дворе Бориска Захарьев сын Чермной; во дворе Терешка Парфеньев сын Балымотов; во дворе Бориска Данилов сын Кривошеин; во дворе Якушка Посников сын Порывкин; во дворе Офонка Наумов сын Вяткин; во дворе Ивашка Федоров сын Собака; во дворе Стенька Карпов сын Навалов; во дворе Паранька Фомин сын Полстовалов; во дворе Мальга Еремев сын Мокеев; во дворе Алешка Мокеев сын сапожник; во дворе Федька Самойлов сын Бобровников; во дворе Афонка Измайлов сын Ларин; во дворе Афонка Матфеев сын Быков; во дворе Афонка Флоров сын Лисцов; во дворе Куземка Марков сын кузнец; во дворе Терешка Степанов сын Гудок; во дворе Петрушка Иванов сын Печасьев; во дворе Тимошка Климов сын пивец; во дворе Малга Дев сын плотник; во дворе Наумка Сидоров сын токарь; во дворе Кошка Нестеров сын Гнидин; во дворе Савка Семенов сын Желудков; во дворе Савка Костентинов сын Костюхин; во дворе Сенька Макаров сын Тежелов; во дворе Мишка Леонтьев сын Печенин; во дворе Сенька Гаврилов сын Брыкин; во дворе Сурия Федоров сын Лихинин; во дворе Смирка Игнатьев сын Белтев; во дворе Юшка Гавриллов сын соромятник; во дворе Федька Яковлев сын ситник; во дворе Тихонко Павлов сын кузнец; во дворе Софонко Опаньин сын // овчинник; во дворе Лучка Меркульев сын Неелов; во дворе Ганка Лукин сын кожевник; во дворе Ивашка Михайлов сын кожевник; во дворе Титка Тихонов сын рыбник; во дворе Стенька Силин сын кожевник; во дворе Параж Селиванов сын кожевник; во дворе Ганка Трифилов сын кожевник; во дворе Стенька Петров сын кожевник; во дворе Матюшка, Алешка Еремевы дети кожевники; во дворе Стенька Сидоров сын кузнец; во дворе Ивашка Власов сын гладильщик; во дворе Демитко Семенов сын Лживолков; во дворе Ермачко Самойлов сын Шагин; во дворе Андриюшка Иванов сын Перетрутов; во дворе Богдашка Фомин сын ветошник; во дворе Афонка да Милота Степановы дети рыбники; во дворе Меньшик Пахомов сын кожевник; во дворе вдова Марьица Кадомцова; во дворе вдова Омельфица Пустовалова; во дворе Васка Игнатьев сын швей; во дворе Куземка Никифоров сын Полушин; во дворе

Андрюшка Иванов сын Каленов; во дворе Якушка Гаврилов сын рыбник; во дворе Сенька Протасов сын гладильщик; во дворе Суря Екимов сын Толстой; во дворе Сенька Игнатов сын соромятник.

Букреевскою к Ямской: во дворе Четвертой Федоров сын Ширшиков; во дворе Тимоха Силин сын кожевник; во дворе Макарка Федотов сын плотник; во дворе Васютка Осипов сын Шешеря; во дворе Каюк Степанов сын Тарханов; во дворе Федька Самойлов сын Щекулин; во дворе Невер Первов сын Мудынин; во дворе Мара Федоров сын кузнец; во дворе Анашка Кирилов сын Лютиков; во дворе Гришка Гаврилов сын Сверчок; во дворе Федька Яковлев сын швец; во дворе Богдашка // Томилин сын Черемисенок; во дворе Филька Онаньин сын Ефанов; во дворе Ефремка Михайлов сын Кандауров; во дворе Якушка Силин сын Порывкин; во дворе Чудинка Сидоров сын Чернушка; во дворе Оска Иванов сын Пертов; во дворе Угримка Савков сын Дегов; во дворе Алешка Игнатьев сын невогчик; во дворе Пирог Ильин сын Мухин; во дворе Васка Федоров сын Пантев; во дворе Ромашка Филипов сын рыболов; во * дворе Демка * Аврамов сын Пестов; во дворе Ивашка Федоров сын Шеметов; во дворе Ивашка Зиновьев сын Табаков; во дворе Митька Борисов сын Зенев; во дворе Ивашка Иванов сын Пертов; во дворе Ивашка Степанов сын емской дворник.

У Егорья от емского двора: во дворе Митька Захарьев сын плотник; во дворе Агафонка Григорьев сын серлуховитин; во дворе Илейка Кононов сын скорняк; во дворе Останя Матфеев сын Бурдаков.

От Егорья к Воскресенью: во дворе Тренька да Богдашка Криворотовы; во дворе Кадка Емельянов сын Матюшев; во дворе Ширя Авдеев сын Попцов; во дворе Бориска Екимов сын Петкин; во дворе Мишка Леонтьев сын Черенин; во дворе Ивашка Павлов сын Татарин; во дворе Федька Самойлов сын Чабышев; во дворе Ивашка Григорьев сын кожевник.

От Егорья и от емского к Воскресенью: во дворе Сенька Лусин сын рыбник; во дворе Богдашка Иванов сын мясник; во дворе Данилка Тихонов сын кузнец; во дворе Репей Ефимов сын бронник; во дворе Ширей Елуфимов сын масленник; во дворе Фатейка Сидоров сын скорняк.

В Букрее от Воскресенья к полю за врагом на Дятлове у ручья: во дворе Смирной Симонов сын Понамарицын; во дворе Гришка Кондратьев сын Пастухов; во дворе Гришка Авдеев сын Попцов; во дворе Петрушка, // Пашка Ивановы дети Дятловы; во дворе Неверка Онаньин сын Гудков; во дворе Первушка Степанов сын Порывкин; во дворе Якушка Денисов сын Почадков; во дворе Станька Афонасьев сын Лесников; во дворе Гришка Кондратьев сын Пастухов; во дворе Гришка Семенов сын ременик; во дворе Гришка Тимофеев сын Лысков; во дворе Копенка Иванов сын швец; во дворе Нечайка Васильев сын красильник; во дворе Стеня Зиновьев сын Понамарицын; во дворе Утешка Минин сын Веткин; во дворе Ивашка Симонов сын калашник; во дворе Богдашка Силин сын Царегородец.

От Николы Можайского: во дворе Илюшка Мосев сапожник; во дворе Первушка Мамонов сын скорняк; во дворе Васка Костентинов сын Черсовитин; во дворе Кален Петров сын подошевник; во дворе Офонка Богданов сын Балымотов.

Подле Сеньки пушкаря от ямского к Пицальной: во дворе Ловуш Лвов сын Новошичской; во дворе Тренька Потехин сын Крестецкий; во дворе Мосейка Матфеев сын Травин; во дворе Ивашка Козьмин сын Карсаков; во дворе Онанька Филатов сын Стрельников; во дворе Федька Петров сын Бабин; во дворе Гришка Данилов сын Салманов; во дворе Истомка да Каленка Ипатовы; во дворе Алешка Аверкев сын лучник; во дворе Омелька Савастьянов сын Гридин; во дворе Ивашка Васильев сын Глебов; во дворе Стеня Савков сын Толстов; во дворе Матюша Гурев сын Порывкин; во дворе Васка Софронев сын Лживолков; во дворе Истомка Фокин сын Струговицков; во дворе Бориска Екимов сын Кочетов.

В Пицальной на Воскресенской: во дворе Юдка, Микишка Родивоновы мясники; во дворе Родька Никитин сын Палтус; во дворе Андрюшка Тимофеев сын дворник; во дворе Богдашка Калинин сын Маслица; во дворе Игнатка Матфеев сын Зиняков; во дворе Истомка Тихонов сын Позняков; во дворе Никитка Яковлев сын Бордников; во дворе Климка Орефин сын Цаплин; во дворе Серешка Ерофеев сын калашник; во дворе Куземка Никифоров сын Пропойцын; во дворе Стеня Федоров сын Кирдаков; во дворе Власко Марков сын Жданов; во дворе Куземка Яковлев сын сапожник; во дворе Лучка Митин сын Лехкой; во дворе Третьяк Агафонка Федоров сын Телицын; во дворе вдова Котеринка Чистякова; во дворе Ивашка, Нечайка Михайловы дети лучники; во дворе Ивашка Леонтьев сын сабельник; во дворе Мишка Григорьев сын Вандышев; во дворе Ивашка Дмитрев сын Беляев; во дворе Ловуш Сидоров сын Поздняков; во дворе Богдашка Иванов сын Шеленин; во дворе Калитка Федоров сын Грудин; во дворе Гридя Петров сын Стрельников; во дворе Савка Павлов сын Копылов; во дворе Омелька Гридин сын охотник.

В Подстолове: во дворе Ивашка Гаврилов сын свечник; во дворе вдова Осташка Неведова.

В Зарютникове: во дворе Родька Степанов сын Коляков; во дворе Угримка Степанов сын Полумордовкин; во дворе Максимка Иванов сын Кочергин; во дворе Федь-

*- * Написано два раза.

ка Яковлев сын рожечник; во дворе Стенька Васильев сын Подрезов; во дворе Мишка Яковлев сын масленик; во дворе Малец Спиридонов сын Тарасов.

В Подокостове на Богатыреве горе: во дворе Васка Максимов сын швец; во дворе поп Афонасей Иванов; во дворе Васка, Демка Гавриловы, дети Коротыгины; во дворе Сидорка Иванов * сын торопченин; во дворе Данилка Филипов сын Скольков; во дворе Ивашка Ильин сын Бакланов; во дворе Потешка Аввакумов сын Накрушин; во дворе Ивашка Семенов сын Дехтярев; во дворе Агафонка Федоров сын литвин; во дворе Стенька Федотов сын Кокорев; во дворе Максимка Семенов сын Дехтярев.

Козьмодемьянскою // к горе по правой: во дворе Гридя Романов сын рыболов; л. 240 об. во дворе Афонка Фролов сын Бедрин; во дворе Ивашка Любимов сын масленик; во дворе Ивашка Игнатьев сын Сизов; во дворе Панька Трофимов сын Кузнецов.

На Скокове у Николы: во дворе Ивашка Сили сын Дулов; во дворе Митька Тарасов сын углеченин.

В Навалове: во дворе Жадной Яковлев сын серебряник; во дворе Ивашка Аврамов сын Навалов; во дворе Титка Кирилов сын Кузнецов; во дворе Неверка Михайлов сын кореленин; во дворе Федька Степанов сын портной; во дворе Ивашка Петров сын Пашнев.

На Хозяеве горе: во дворе Митька Сидоров сын Клок; во дворе Третька Тихонов сын Лепешкин; во дворе Макиша Андрев сын Тюмень; во дворе Митька Павлов сын Коза; во дворе Логинка Семенов сын сапожник; во дворе Ивашка Овдокимов сын Жадной; во дворе Харя Мелентьев сын рыболов; во дворе Алешка Никитин сын Приходец; во дворе Неверка Самойлов сын портной; во дворе Якушка Федоров сын кисельник; во дворе Стеня Лукин сын рыболов; во дворе Федька Климов сын плотник.

В Подокостове ** верх подле реки: во дворе Оска Петров сын Петренин; во дворе Четверка Лаврентьев сын кузнец; во дворе Богдашка Никифоров сын рыбник; во дворе Софонко Устимов сын овчинник; во дворе Сенька Леонтьев сын Суконщик; во дворе Ивашко Агафонов сын кузнец; во дворе Елка Тимофев сын Горник; во дворе Мишка Тиханов сын Головков; во дворе Пашка Семенов сын кузнец; во дворе Федька Логинов сын Полствалов; во дворе Оничка Яковлев сын Дехтярев; во дворе Митька Трофимов сын Зарютников; во дворе Истомка Степанов сын рыболов; во дворе Пашка Прокофьев сын сапожник; во дворе Мосейка Иванов сын швец; во дворе

Стеня Емельянов сын // Бокастов; во дворе Сеня Деметьев сын калашник; во дворе л. 241 Минька Ортемьев сын Однорядка; во дворе Стенька Евсеев сын Колосов; во дворе Ивашка Филипов сын лучник; во дворе Митька Лукьянов сын Истов; во дворе Копоска Зиновьев сын Сорокоблюдав; во дворе Офоня Васильев сын Зайков; во дворе Ивашка Григорьев сын Бердин; во дворе Титка Сили сын скорник; во дворе Дениска Никифоров сын Офремов; во дворе Богдашка Калинин сын кузнец; во дворе Петряк Самойлов сын рыболов; во дворе Ульянка Онофрев сын Кирик; во дворе Стенка Михайлов сын Уваров; во дворе Федька Мосев сын сапожник; во дворе Турга Федотов сын отпущеник; во дворе Крячко Андреев сын суконник; во дворе вдова Варварка Кузнецова; во дворе Тимоня да Злоба Лвовы дети гончары; во дворе Дружинка Никонов сын кирпичник; во дворе Лучка Иванов сын Бердников; во дворе Сидорка да Трофимка Оксеновы дети гончары; во дворе Бориска Екимов сын Иринькин; во дворе Тренька Сидоров сын болховитин; во дворе Иванка Артемьев сын Дорогин; во дворе Иванка Агафонов сын гончар; во дворе Федька Яковлев сын седельник; во дворе Федька Тимофев сын Прихожей; во дворе Сенька Вахромев сын Белой; во дворе Федька Климов сын рыбник; во дворе Клок Арефьев сын Судочов; во дворе Никитка Емельянов сын Шатиков; во дворе Алешка Сеченов сын Охчевской; во дворе Горшина Фадев сын седельник; во дворе Федька Симонов сын Питьев; во дворе Неверка Никитин сын Поскочин; во дворе Игнашка Матфев сын Стрельников; во дворе Елка да Ивашка Родивоновы дети Горбуновы; во дворе Петрушка Минев сын Дорогин; во дворе Никишка Васильев сын Рыкунов; во дворе Макарка Игнатьев сын Клепиков; во дворе Алешка Афонасев сын Ковезин; во дворе Даньша Меркульев сын рыболов; во дворе Ивашка Аристов сын швец; во дворе Исачка Алексев сын плотник; во дворе Софонка Петров сын переметчик; во дворе Сенка Степанов сын Бронков; во дворе Алешка Макаров // Бородато[й]; во дворе Данилка Самойлов л. 241 об. сын переплетчик; во дворе Стенька Максимов сын Тихой; во дворе Овсяник Кононов сын Сорвач; во дворе Кирилка Максимов сын кожевник; во дворе Стенька Петров сын Щелгоногов; во дворе Титка Ефремов сын кожевник; во дворе Митька Михайлов сын Толмачев; во дворе Якушка Степанов сын бисьяжник; во дворе Ермолка Тихонов сын сапожник; во дворе Никишка Афонасев сын кузнец.

По левой: во дворе Федька Трифилов сын Дворянин; во дворе Васка Самсонов сын зелейщик; во дворе Митька Петров сын Радоснов; во дворе Андрюшка Аристов сын Плишка; во дворе Фролко Васильев сын Грибакии; во дворе вдова Софьяца Полствалова; во дворе Ивашка Исаков сын Мокрищев; во дворе Петрушка Ильин сын сапожник; во дворе Ивашка Иевлев сын Можар; во дворе Левка Федоров сын Судовщик; во дворе Марка Юдин сын рыболов; во дворе Данилка Фролов сын Малышев; во дворе Стеня Лукин сын Байдин; во дворе Мордвин Баженов сын рыбник; во дворе

* Над этим словом тем же почерком и теми же чернилами написано Васка.

** В рукописи Подокстова.

Андрюшка Борисов сын Кочатов; во дворе Илейка Ермолаев сын Грудцын; во дворе Ширяйка Данилов сын Кочатов; во дворе Офоня Любимов сын Меледин; во дворе Матюшка Кирилов сын Кочатов; во дворе Васка Григорьев сын Шипилов.

От Ивана Милостиваго к полю: во дворе Васка Онаньин сын овчинник; во дворе Ушак Потехин сын Бердеев; во дворе Гришка Лифанов сын Набилькин; во дворе Пронка Ефремов сын Радоснов; во дворе Федоска Устинов сын Черной; во дворе Богдашка Калинин сын Толмачев; во дворе Ивашка Меркульев сын Клепиков; во дворе Панкратка Созонов сын Синея. //

л. 242 В Подокстове от Воздвиженья: во дворе Стеня Васильев сын плотник; во дворе Митька Любимов сын Горбунав; во дворе Торопка Федоров сын Кленов; во дворе Ивашка Якимов сын Олесов; во дворе Митя Исаев сын морковник; во дворе Ивашка Фофанов сын Звяга; во дворе Тренька Баженев сын сапожник; во дворе Алешка Павлов сын Усов; во дворе Наумка Тимофев сын Чичирин; во дворе Савка Денисов сын масленик; во дворе Федька Осипов сын Дремин; во дворе Зайка Антипьев сын сапожник; во дворе Стеня Петров сын калачник; во дворе Дружинка Матфев сын сапожник; во дворе Оника Овдокимов сын Старцов; во дворе Мосейка Тарасов сын плотник; во дворе Сенька Самойлов сын Треска; во дворе Ивашка Семенов сын сапожник.

От города на Большой улице: во дворе Казачок Лучник Базаров; во дворе Андрюшка Федоров сын солодник.

л. 242 об. Всего * в разных писец Дмитрея Андревича Бутурлина с товарищи пушкарей и гостины и белождорцы 128 дворов в Мороме; посацких черные тяглые на Ямской улице от Николы Мокрого от государева двора по берегу Или пророка 645 двора. Всего в разных посацких семьсот семьдесят пять дворов *. // Пашии от московской дороги перелого и выгону по лес в трех полях 608 четвертей, сошного 12 сох без чети, без малой трети и полполполчети сохи.

Далее тем же почерком и теми же чернилами написано: «7078 году мор был, горды запустили и села. 7082 писец Михаила Шишелов положил 12 сох без чети, без малой трети и полполполчети сохи после мору. А дворов переписал в живе 111 дворов, людей 149 человек; 107 дворов пустых, 439 мест дворовых. Всево 657 дворов и мест, да белых мест приписал к черным».

Архив ЛОИИ, собр. Н. П. Лихачева, № 370, лл. 231—242 об.

№ 2. 1573/74 г.— Сотная грамота Муромскому посаду писцов М. И Шишелова и Б. Григорьева

л. 1 Лета 7082-го по государеву, цареву и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии наказу муромские писцы Михайла Иванович Шишелов да Богдан Григорьев дали сотную ** с книг муромским посадцким людем старосте Мите Лелееву да Степану Кадомцу с товарищы. В Муроме на посаде за городом государя, царя и великого князя двор прртив Николы Мокрого, а на нем хоромы горницы и повалуши и сени згнили и развалялись. А живут на нем дворники Ивашкя Шевяк переместеной человек. Царя ж и великого князя двор полененной, а ставятца на том дворе царя и великого князя подключники да повары, коли живут у государя рыбные ловли. На посаде ж против Николы чюдотворца, что на Мокром, царев и великого князя двор зелейной. Да против города во рву царя и великого князя вощечня, а в ней пробивают воск торговые люди, а откупают ее вместе с тамгою. В Муроме ж на посаде лавки, а сидят в них муромцы посадцкие люди со всяким товаром. В Большом ряду от площади идучи к гостину двору по правой стороне: лавка старосты Степанкя Кадомца, оброку полполтины; лавка Иванкя Синего, оброку две гривны; лавка Максима Семенова сына, оброку гривна; лавка Жадки Мосеева, оброку гривна ***; лавка Гриши Цветного, оброку десять алтын; лавка Вознесенсково монастыря старицы Еупраксеи, оброку пять алтын; лавка Огафыи Третьяковы жены Петренина, оброку десять алтын, да ее ж лавка пуста, оброку было два алтына; лавка Первуши Кошурникова, оброку полполтины; лавка Игната Неверова, оброку полполтины; лавка корочаровца Глеба Глотова, оброку десять алтын; лавка Огрофены Никитины жены Жидихина, оброку две гривны; лавка Филатка Торопова, оброку пять алтын; лавка Сосмылка сапожника, оброку пять алтын; лавка московского веденца Олексея Коверина, оброку пять алтын; лавка Калена кузнеца, оброку пять алтын; лавка пуста Федкя Шелудяка, оброку гривна; две лавки пусты Иванкя Неверова, оброку была с них две гривны; лавка Мити Торасова, оброку две гривны; лавка пуста Семена Попяткина, оброку была десять алтын; лавка Якова Корочаровца, оброку полполтины; лавка Пушкаря Пяшенинова, оброку полполтины; две лавки пусты Мальца Шихлина, оброку с них была двадцать алтын; лавка пуста Кречка охотника, оброку была две гривны; лавка Игони да Гордея да Ондрюши Омельяновых детеи емских охотников, оброку две гривны; лавка пуста Коруши **** Ондреева, оброку было пять алтын; лавка пуста

— Написано несколько иным почерком коричневыми чернилами.

** Буква ю подправлена другими чернилами.

*** Слово подправлено тем же почерком и теми же чернилами.

**** Буква у неясна.

Четвертака Сычева, оброку было девять алтын; лавка Ефима Кузьмина, оброку четыре алтына; лавка Селки * Теренина, оброку четыре алтына; лавка Булгака Наварова; лавка Дружинки Толоконцова, лавка Матюши Сероглазова, оброку по гривне с лавки; лавка Васки Гнетимошнина, оброку полполтины; лавка пуста Васки Чернушкина, оброку было четыре алтыны; две лавки пуста Васки Анаьина, оброку была две гривны; лавка Офонасья емского охотника, оброку две гривны; лавка пуста московского веденца Митьки Рассторгуева, оброку была пять алтын; лавка пуста Овдогьи Козарогова, оброку была пять алтын; лавка Куземки Однорядочника, оброку полполтины; лавка // пуста ево ж, оброку была полполтины; лавка Олексея Киселева, оброку две гривны; лавка Ивана Зыкова, оброку пять алтын; лавка пуста Клина Глотова, оброку было две гривны; лавка Демы Карева, оброку гривна; две лавки пуста вдовы Марьи Перхуровы, оброку было две гривны; лавка вдовы Дарьи Левонтьевской жены, оброку гривна. Всево тритцать две лавки жилых, а оброку с них пять рублей дватцать шесть алтын. Да деветнатцать лавок пустых, оброку было три рубля четыре алтыны. Да от площади ж лавки в Большом ряду от Рыбного ряду по левой стороне: лавка Митки Девулина, лавка Митьки пушкаря, лавка Меньшика Мачехина, оброку по гривне с лавки. Да на вымле в Большой от площади по левой стороне: лавка Меньшика Мачехина, оброку две гривны; лавка Меньшика Рожкова, оброку две гривны; лавка Марфы Зазериной, оброку гривна; лавка московского веденца Михаила Шихлина, оброку две гривны; лавка Сенки красильника, оброку гривна; лавка Михаила Шихлина, оброку полполтины; лавка Олексея Коверина, оброку десять алтын, лавка Матюши Коверина, оброку полполтины; лавка Матюшки красильника пуста, оброку было полполтины; лавка пуста Обросимка Пертова, оброку было пять алтын; лавка старосты Степанка Кадомца, оброку пять алтын; лавка Четвертака Сычева, оброку пять алтын; две лавки Михаила Шихлина, оброку по полполтине; лавка пуста Треньки Мухосраного, оброку было пять алтын; лавка Федотка емского охотника, оброку две гривны; лавка Михаила Шихлина пуста, оброку было полполтины; две лавки Михаила ж Шихлина, оброку полтина; лавка Ластухи да Позняка Шихлиных, оброку четыре гривны; лавка пуста Ивана Самоитоина, оброку было полполтины; лавка Калена кузнеца, оброку две гривны; две лавки Михаила Шихлина, оброку четыре гривны **; лавка Спаского монастыря, оброку пять алтын; лавка пуста Ларки Полстовала, оброку было *** две гривны; лавка Гордея охотника, оброку четыре алтыны; лавка пуста Офони Хлебникова, оброку четыре алтыны; лавка Максимка Мошенина, оброку семь алтын; лавка Петруши охотника, оброку полполтины; лавка Данилка Кобылинского, оброку четыре алтыны; лавка Копоса охотника, оброку пять алтын; лавка Мокара пушкаря, оброку четыре алтыны; лавка пуста Мальца Шихлина, оброку полтина; две лавки Захара Омелянова, оброку восемь алтын; лавка пуста Федосейка Мошенина, оброку было пять алтын; лавка Васки Гнетимошнина, оброку десять алтын, да за ним же лавка, оброку гривна, да ево ж место лавочное, оброку было гривна; лавка Степанка Гребенкина, лавка Петруши Труфанова, оброку по пяти алтын с лавки; лавка Луки з братью Закурганских, оброку четыре алтыны; лавка пуста Семена Попяткина, оброку две гривны; лавка Ивана мясника, оброку гривна; лавка Тереха Семенова, оброку гривна; лавка пуста Мальца Шихлина, лавка пуста Обросима Кадышева, оброку было по гривне с лавки; место пуста Мосея Костина, оброку было десять алтын ****; лавка пуста Данилка Юдина, оброку было два алтына; лавка пуста Васки Савина, оброку было два алтына. И всево в Большом ряду от площади к Гостину ряду по обе стороны тритцать восемь лавок жилых, а оброку шесть рублей и дватцать // девять алтын две денги, да пустых одиннатцать лавок да пять мест лавочных пустых, оброку два рубля дватцать один алтын четыре денги.

л. 2

л. 3

В другом ряду лавки колачные и соляные от Мясного ряду к городу по правой стороне: лавка Анны Алферовы, оброку гривна; лавка Всполоха пушкаря, оброку полтретья алтына; лавка Богдана Шехвалова, оброку два алтына з денгою; лавка пуста Полагеи Квакуновой, лавка пуста Купри Костина, оброку было по два алтына с лавки; лавка Четвери Ременникова, оброку десять деняг; лавка Васки Корочаровца, оброку два алтына; лавка пуста Евсевьевская Понамарицына, оброку было полтретья алтына; лавка пуста Мити Яловкина, оброку было десять деняг; лавка пуста Потехи Шумилова, оброку было десять деняг; место пуста Калипки кузнеца, оброку было два алтына; лавка пуста Гриши Понамарицына, оброку было гривна; лавка Савы солоденика, оброку два алтына; лавка пуста Ушека Гурылева, оброку было полпята алтына; лавка Ивана Колачничкова, оброку гривна; лавка Юпки Солоденикова, оброку шесть алтын; место пуста Михалка Солоденикова, оброку было десять деняг; лавка Митьки охотника, оброку два алтына; лавка Михалка Солоденикова, оброку десять деняг; лавка пуста Юпки да Петрока Федоровых, оброку было гривна; лавка пуста Куземки Рожкова, оброку было полпята алтына; лавка пуста Васюка Офонасьевского, оброку было пять алтын; лавка Смирного Понамарицына, оброку шесть ал-

* Буква л неясна.

** В подлиннике гривы.

*** В подлиннике бы.

**** Написано по слову денег тем же почерком и теми же чернилами.

тын; лавка Богдана пушкаря, оброку пять алтын; лавка Ивана Конышева, оброку шесть алтын; лавка Сидора Кордова, оброку две гривны; лавка Оксена Мальгина, оброку гривна; лавка пуста Осифа Горохова, оброку было гривна; лавка пуста Иван-
кя Губки, оброку было гривна; лавка Ондриуши Торопчанинова, оброку две гривны; лавка Девятого Милотина, лавка Ондриуши Торопчанинова, оброку по две гривны с лавки; лавка Мити охотника, оброку гривна; лавка ево ж Митина, оброку * алтын; лавка Катеринки Лобановой, оброку десять деняг; лавка Сунгура Пашнева, оброку полполтины; лавка ево ж Сунгурова, оброку полполтины; лавка Богдана Неткина, лавка Сенки Волкова да Тереньки Утегина, оброку по гривне с лавки; лавка Мити переславца, оброку два алтына; лавка Максимка пивовара, оброку гривна; лавка Мити колачника, оброку четыре алтыны; лавка Ондreja Рупчины, оброку гривна; ево ж прилавок, оброку два алтыны; лавка пуста Мити Ловырева, поставлена нова, оброку два алтына.

Тово ж ряду лавки и места лавочные от Иванна Предитечи к городу по левой стороне: место пуста Степана Понамарицына, место пуста Игнатка Мартынова, лавка пуста Гриши Тимофеева, оброку десять деняг; лавка Онтипы пушкаря, оброку гривна; лавка Богдана Дехтярева, оброку гривна; лавка пуста Семена Черного, оброку было четыре алтына; лавка Гриши охотника, оброку гривна; лавка пуста Огафонка Рожкова, оброку было четыре алтыны; лавка пуста Жадново Петрова, оброку было л. 4 четыре алтына; // две лавки Меншика Гнетимошина, лавка Демидка Саванина, оброку с лавки по полтутретья алтына; лавка Якова Мартинова, оброку два алтына; лавка Оверкея Судовщикова, оброку гривна; лавка Богданкя Обросимова, оброку четыре алтыны; лавка пуста Ортемка Трофимова, оброку было десять деняг; лавка Пятуня Лупиносова, оброку гривна; лавка пуста Петельки Фефилятева, оброку ** два алтына; лавка пуста Ивашка Пушкикова, оброку было пять алтын; лавка Третьячка Мережникова, оброку полтутретья алтына; лавка пуста Семейки, оброку было два алтына; лавка Гриши Вахнева, оброку два алтына; лавка Пятуня охотника, оброку гривна; лавка пуста Василья Закурганского, оброку было шесть алтын; лавка пуста Тимоши да Миши Дороховых, оброку было четыре алтыны; лавка Осютки Петренина, оброку два алтына; лавка Степанка Кадомца, оброку пять алтын; лавка Михаила Шихлина, оброку два алтына; лавка Овдотьи Савиной да Михаила Шихлина, оброку гривна; лавка Никитки охотника, оброку две гривны; лавка Офони Остафьева, оброку пять алтын; лавка Обросимка Колачаникова, оброку четыре алтына; лавка Черемисинка охотника, оброку гривна; лавка Тимохи Веревкина, оброку два алтына; лавка Волка колачника, оброку гривна; лавка Екима Семенова, лавка Тимохи Григорьева, оброку по полтутретья алтына с лавки; пять лавок соборные церкви пречистенского попа Иванна, оброку с них рубль.

И всево в Колачном ряду и в Соляном по обе стороны шестдесят лавок живущих, оброку с них пять рублев тридцать алтын четыре денги. А вусте дватцать пять лавок, оброку с них было два рубля и десять алтын три денги; да с церковных с пяти лавок рубль, опричь дву мест безоброчных.

Да подле таможенные избы: полук пуст Офони Григорьева, полук пуст Тимохи Зеновьева, полук пуст Куземки Иванова, оброку с них было по два алтына; полук Иванкя кузнеца, оброку гривна. Против таможенные избы из Большого ряду по правой стороне на площади: лавка Степанкя Гребенкина, оброку гривна; полук пуст Жючка Чеванина, полук пуст Иванкя Савельева, оброку по три алтыны с полку; полук Тренькин, оброку три алтыны; полук пуст Михалка Белого, оброку было четыре алтыны; полук Фролка Филина, оброку было гривна; полук Игони охотника, оброку три алтыны; полук Федкя пушкаря, полук пуст Ивашки Высоких Штей, полук Третьячка Полстовалова, оброку по три алтыны с полку. Направо на вымле к Рыбному ряду: полук пуст Петельки Обросимова, оброку два алтыны; полук пуст Анашки Михайлова, оброку два алтына; полук пуст Иванкя Онцыфорова, оброку полтутретья алтыны ***; полук пуст Иванкя Милотина, оброку полтутретья алтына. К судебне идучи по правой стороне: полук Филатка Алексеева, оброку два алтына; полук Богданкя Самотоина, оброку два алтына; полук пуст Иванкя Логвинова, оброку гривна; полук л. 5 пуст // Гришкя Ланина, оброку полтутретья алтына; полук Иванкя Снегирева, полук Матюши Михайлова, оброку по три алтыны с полку; полук Булгачка Назарова, оброку полтутретья алтына; полук пуст Короткого Бердина, оброку было три алтыны. И всево девять полков в живущем, а оброку с них было дватцать семь алтын пять деняг, да лавка, оброку гривна; да пустых четырнатцать полков, а оброку с них было рубль шесть алтын пять деняг.

На рву лубеники, а ныне они стоят во рву: лубеник Ерони Иванова, лубеник Самара пушкаря, лубеник **** Овери пушкаря ****, лубеник Мосей Иванова, лубеник пуст Куземки Иванова, лубеник пуст Куземки Гридина, лубеник пуст Офони Гридина, лубеник пуст Сеньки москвитина, лубеник пуст Фильки Федорова, лубеник Листопадков, лубеник ныне стал новопробыльшой Катеринки широжницы. И с тех

* В подлиннике об с выносным б.

** В подлиннике об с выносным б.

*** В подлиннике лтны, причем буква л выносная.

****-**** Написано над строкой тем же почерком и теми же чернилами.

лубеников оброку с лубеника по два алтына. И всево шесть лубеников живущих, а впусти пять лубеников.

С площади к Рожеству христову по правой стороне лавки рыбные: лавка Мартына корочаровца, оброку пять алтын; лавка Агафьи Третьяковой жены, оброку две гривны; лавка пуста Четвертока Сычова, оброку было пять алтын; лавка пуста Бориска лненика, оброку было гривна; лавка пуста Оникее * Неверова, оброку было четыре алтыны; лавка Иваняка охотника, оброку гривна; место пуста Сафона Григорьева, место пуста Нефедка Морулина, оброку гривна; место пуста Мальца Шихлина, оброку было две гривны; место пуста ево ж Мальцова, оброку было десять деняг **; лавка Якова Порыфкина, оброку гривна; лавка Михайла Шихлина, оброку пять алтын; место пусто Трофима Гурылева; лавка Ивана охотника, оброку два алтына; место пусто ни за кем; место пусто Ластухи Шихлина, оброку два алтына; место ни за кем; место пусто Селинское, оброку десять деняг; место пусто Гриди Пастухова, оброку было десять деняг. По конец Рыбного ряду за Большим рядом: лавка Петра Онцыфорова, оброку пять алтын. Того же ряду по другой стороне по праву: место пусто Сусловское, место пусто Иванки Митина, оброку два алтына; место пусто Володи Торочанинова, оброку было гривна; место пуста Олферка Иванова, оброку было полтретья алтына; лавка пуста Мордвина Пашнева, оброку было гривна; лавка пуста Иваняка Нувгородцова, оброку было четыре алтына; лавка Васки Болдырева, оброку две гривны; лавка Иваняка Неверова пуста, оброку было пять алтын; лавка Посника Порыфкина, оброку четыре алтыны; лавка Милюты Кумцова, оброку пять алтын; лавка Злобы Гнетимошнина, оброку четыре алтыны; лавка Посника Порыфкина, оброку две гривны; место пусто Иваняка Неверова, оброку было пять алтын. Да из Рыбного ряду с площади по правой стороне на вымле: лавка Ганьки ямского дячка, оброку пять алтын; лавка Власа Крисина, оброку десять алтын. Да на процеди позади Рыбного ряду против городовые наугольные стрельны: место пусто Семена Попяткина, оброку было пять алтын; место пусто Черемисинка Пашнева, оброку было четыре алтыны; лавка пуста Федьки Прокофьева, оброку было гривна; лавка пуста Иваняка Ланина, лавка пуста Иваняка Савельева, место пуста Иваняка Дудникова, оброку было по гривне; место пусто Тимоши Савина, оброку было три алтына. И всево в Рыбном ряду по обе стороны и на площади позади Рыбного ряду четырнатцать лавок живущих, а оброку два рубля пять алтын, а пустых дватцать четыре лавки, оброку два рубля девять алтын з денгою. Да в том же ряду в Рыбном даваны под лавки места ново на оброк: место дано Ивашковское Логвинова Семену Кокореву рыбнику, а оброку было с того место *** две гривны и наддал он над тем оброком десять алтын, и всего ему давать по полтине на год, порука Степан Кадомцов; лавка Бориска Кочетова, оброку две гривны; лавка Татьяны Черемисинова з дочерью с Ориною, оброку // десять алтын; лавка Милюты Крисина, оброку две гривны; лавка Митьки Торасова, оброку четыре алтыны; лавка Федька Нефедова, оброку было четыре алтыны; лавка пуста Васки Кольякова, оброку было четыре алтыны. Да в том же ряду против тех лавок место Ондрюшки Кривошей, оброку полполтины; место Михалка Онтишина, оброку полполтины; место Федька Голомудина, оброку десять алтын. И всево в Рыбном ряду восемь лавок живущих, оброку рубль дватцать семь алтын две денги, да пустых два места восемь алтын; и всево два рубля 2 алтына. Да в нынешнем восмдесят во втором году наддачи над оброком по договору прибыло десять алтын, и всево оброку два рубля двенатцать алтын. По левой стороне от площади по конец Большого ряду: лавка Дементья Васильева, оброку четыре гривны; лавка Дружинки Степанова, оброку четыре гривны, дана ново старосте Мите Лелееву, оброку десять алтын; лавка пуста Кирьяна Клементьева, оброку было десять алтын; лавка Степана Иванова, лавка Олещи Семенова, оброку по десяти алтын с лавки. У тех же лавок на вымле к площади: лавка Степанка Гребенкина, оброку четыре гривны; места пуста Семена Псковкова, оброку было полполтины; лавка розсылщица Иваняка токаря, четырех сажен, оброку рубль; лавка пуста Мосеика Телухина, оброку две гривны; место Иваняка Черемисинова, оброку четыре алтыны; место Митьки Грудцына, оброку две гривны. И всево девять лавок да три места, оброку три рубли тридцать два алтыны две денги.

Лавки мясные от Большого ряду и от гостина двора по левой стороне: лавка Якуша Ильина, лавка Иваняка Ильина, лавка Стени охотника, лавка Треньки Ерофеева, лавка Якова Анааньина, лавка Грязного Степанова, лавка Онтипы Кольякова, лавка Степана Тимофеева, лавка Еустрини охотника. Да по другой стороне от Большого ряду: лавка Подосенка охотника, лавка Иваняка Квакунова, лавка Третьячка Квакунова, лавка Якова Анааньина, лавка Якова Ильина, лавка Горяинка Игнатьева, лавка Миши Третьякова, лавка Лучки Нечаева да Дружинки Третьякова, лавка Обросимка Посаженина, лавка Фили **** Михайлова. А се лавки новые мясные ж от Иванна Предтечи по левой стороне: лавка Захара Горяинова, лавка Ивана Вальцова. Да от Колоачного ряду мясные ж лавки: место Нечайка красильника, лавка пуста Савки

* Так в подлиннике; последняя буква ъ.

** Переделано из слова алтын тем же почерком и теми же чернилами.

*** Так в подлиннике.

**** Написано два раза.

Кастихина, лавка пуста Подосенка Федорова, лавка Иванька Гнетимошина, лавка против ее Ондриуши Подустроева, лавка Марка Чешкова. И всево в Мясном ряду дватцать четыре лавки жилых, а оброку положено на них за сало по шти * алтын з денгою с лавки, и то всево четыре рубли пятнатцать алтын 2 денги, да две лавки пустых, а оброку с них по шти алтын с лавки з денгою, да место пусто, оброку шесть алтын з денгою. За мясными лавками место пусто Богдана Килдешова, оброку три алтыны. На берегу у Оки реки у Мокрого Николи место пусто онбарное Третьячка Ходанова, оброку было пять алтын; онбар Огафьи Третьяковские жены Негодяева, оброку пять алтын; лавка Киселя дворника, оброку два алтына. За ручьем у мосту лавка Фили Иванова, оброку десять денег; место пусто Мокара Иванова, оброку было два алтына. Да в Спаской слободе три места лавочных монастырских пустых, оброку было по два алтына с места. И всево новых лавок и мест и анбаров живущих онбар да две лавки, а оброку с них восемь алтын, четыре деньги **, а впусе шесть мест, оброку было шестнатцать алтын. И всево в Муроме на посаде прошлого семдесят четвертаго по писцове Дмитрея Ондреевича Бутурлина с товарищы сотне написано во всех рядах и на площади и по переулком лавок и анбаров и полков и лубеников и мест лавочных триста пятнатцать, а оброку с них // сорок пять рублей и пятнатцать алтын. А нынешнего восьмьдесят фтораго по Михайлову Ивановичу Шителова да Богдана Григорьева дозору и сыску в Муроме на посаде во всех рядах в живущем лавок и мест и полков и лубеников двесте две лавки, а оброку тритцать два рубля и пятнатцать алтын три денги, да прилавок, оброку два алтына. А впусе лавок и мест полков и лубеников сто семнатцать, а оброку было тринацать рублей и шестнатцать алтын две денги. И обоєво в живущем и впусе лавок и мест лавочных оброчных и безоброчных, которые впусе, и полков и лубеников и анбаров и с прилавками триста девятнатцать, а оброку с них всево сорок шесть рублей. И сыскано перед сотнею Дмитрея Ондреевича Бутурлина с товарищы по нынешнему по Михайлову сыску и дозору три лавки, а оброку с них прибыло полтина.

В Муроме на посаде царя и великого князя двор гостин, а на нем семнатцать лавок, все пусты; да на дворе же две избы. а в них живут приезжие люди, а дворняков у них пет.

В Муроме ж на посаде дворы белые. В Успенской улице двор владыки Резанского, а живут на нем десятильники. На посаде ж против Понкратьева двора Савина место пречистенского протопопа Васьяна Петрова сына Протопопова. Против Семена святого во дворе пречистенской протопоп Трофим. На посаде ж дворы белые муромских разсылщиков: на зимнем мыту во дворе Якуш Пашенин; в Нечистом переулком *** против Понкратьева двора Савина место Ромашка Гурылева; в Подокостове подле Олешки Борового место Облеза Корцова; в Ыльинской улице в Курганех подле Иванки Трофимова во дворе Жданко Черной; в Большой улице подле Яковлева двора Костянтинова во дворе Олеша да Пятай Панищевы; в Вышползовской улице место Ивановское Синева, а дано то место разсылщиком под дворы Пятому Панищеву да Ивашке Русиновым да Тимошке Борису ****, и они на том месте дворов не поставили, а стали на том же месте Остани Семенова. И всево в Муроме на посаде разсылщиковых четыре двора жилых да шесть мест дворовых пустых.

На посаде ж дворы царевых и великого князя мережников: в середке в Кузьмодемьянской улице во дворе Боуш Остапов, во дворе Тренька Ондреев да Гришка Негодяев, во дворе Матюша, Негодяев пасынок, место пусто Илейки Васильева. И всего мережников три двора жилых да место пусто. А с черными людьми не тянут ни во что, а ловят на государя мережную рыбу.

В Муроме ж на посаде дворы пушкарские, которые в выборе по царя и великого князя грамоте. У Николи чудотворца у Можайского на Воскресеньской горе слобода, а в ней живут пушкарки: во дворе Всполож Юрьев да Антипа Черной; во дворе Тимоха Мальшкин; во дворе Иван Легостаев; во дворе Иван Зиняков; во дворе Митя кузнец; во дворе Субота Вяткин; во дворе Илейка Григорьев; во дворе Мокар Родионов. На зимнем мыту у Успенья пречистой ко вполью слободка Пищальная, а в ней жили пушкарки ж, а ныне та слоботка пуста: место Богданка Захарова; место Шипела Вохромеева; место Богданка Порядни; место Иванка Пуляева; место Калинки Чюрилова; место Юшки Мартынова; место Митьки Яловкина; место Тораса Сафонова; место ево ж Тарасова; место Матюки Михайлова; место Юшка Обросова. Да на вполью пушкарские ж два места пусты. И всево пушкарских жилых восемь дворов да четырнатцать мест пустых. В Муроме ж на посаде в Колачной улице со вполья подле Черемисинова двора Пашнева место Никольского Бутылицкова монастыря игумена з братею. На посаде ж в Ыльинской улице во рву против Семена святого во л. 8 дворе полач; во дворе городской // воротник. В Муроме ж на посаде дворы гостини, а дают с них государю золотые: во дворе Семен Попяткин; ныне в нем живут люди его; к тому ж двору луг за рекою за Окою на Сечине двесте копен. В Ывановской

* Написано тем же почерком и теми же чернилами по другим буквам.

** В подлиннике ошибочно алтыны.

*** Так в подлиннике.

**** Буквы боря написаны по другим буквам тем же почерком и теми же чернилами.

улице место Якова Костянтинова да в Ыльинской улице место Радостного Исакова, да в Подокстове место Якова да Иваново Костянтиновых. Да к тем же трем двором сена косят волче на городцкой стороне Оки реки * близко Емские слободы за Окою рекою против города, а ставитца пятьсот восемьдесят копен. В Подокстове ж во дворе Четвертак Сычев, живет ево дворник; место Володи Торопчанинова; в Ноугородцкой улице место Потехинское да Ивановское Кутариновых. К тому ж месту сена за рекою за Окою против города сто пятьдесят копен. Место Никитинское Костянтинова. И все во два двора гостиных жилых, а дают государю з году на год на Казенной двор з двора по два золотых; да шесть мест дворовых пустых гостиных же.

В Муроме ж на посаде дворы черные тяглые. В середине на Ямской улице на старей посторонь государева двора по правой стороне улицою от Николы чудотворца Мокрово по берегу Оки реки во дворе Никифор кожевник. Да по той же улице от государева двора по левой стороне от Кузьмдемьянской ** улицы во дворе Дружинка рыбный прасол. По левой же стороне от мосту ручьем вверх во дворе Демка кузнец. В середине в Ыльинской улице от ручья налево к горе по обе стороны против Ильи святого во дворе Митя Брюшко. В Кузьмдемьянской улице: во дворе Меншичко москотинник; во дворе Филатко Рыжков; во дворе Неверко Горбунов. Да от Ильи святого Большою Ильинскою улицою по обе стороны: во дворе Третьячко мясник; во дворе вдова Онтонида Головина; во дворе Аристка лненик; во дворе Офоня скорняк; во дворе Герасимко портной мастер. Тою ж Ильинскою Большою улицою ко всполью по леву: во дворе Лука Кузнецов; во дворе Савка скорняк; во дворе Митя Пушников. Ильинскою ж улицою по правой стороне Климовского места Крисина во дворе Сенка красильник. Да с улицы по правой стороне в Дубникове переулке во дворе Семак сапожник мастер. Да ис переулка Ильинскою улицою: во дворе Горяшка мясник; во дворе Якуня мясник; во дворе Меншичко сапожник; во дворе Иванкя кузнец; во дворе Миткя гончар; во дворе Степанко Ходанов. В середине ж в Мытной улице от зимнего мыта по правой стороне от всполья к Вознесенью во дворе Офоня Дехтярицын, а живет ево снаха Овдотья колачница; во дворе Миша мясник да Бык мясник; во дворе Митя котельник; во дворе Бориско коповал. В Мытной ж улице по леву в середине ж к Дмитриевской улице по Коломенской дороге со всполья от Дмитрия святого по правой стороне: во дворе Мишка да Дружинка Мясниковы; во дворе Антипка мясник; во дворе Офремко кузнец. В той же в Дмитровской улице от Дмитрия святого со всполья от Вознесенья на левой стороне к Ивану к Предтечи: во дворе Тренька москотинник; во дворе Иванкя мясник; во дворе Богданкя зеленник; во дворе Бориско дьяк земской; во дворе Меньшичко Гнетимошнин. От Ивана Предтечи по левой стороне: во дворе Богданкя седельник; во дворе Куземка однорядочник; во дворе Олешка сырейщик; во дворе Матюша сапожник; во дворе Пятуля сапожник. Тою ж Ноугородцкою улицою по правой стороне во дворе Митька пряхник. В Гостиной улице от Вознесенья христова: во дворе Иванко Шарков; во дворе Гришка ножевник; во дворе Третья кузнец. Да тою ж улицою по леву *** стороне к Мясному яду: во дворе Илейка кузнец; во дворе Нестерко Деревов; во дворе Митя Кривой. За Рожеством христовом во дворе Ондриша хлебник. В Хобаровской улице от Вознесенья христова по правой стороне к торгу во дворе Богданко дячек; во дворе Гаврилка сапожник. Тою ж улицою по левой стороне к торгу во дворе Истомка сапожник. В Мытной улице в Небодова по правой стороне во дворе Суботка серебряный мастер; по левой стороне // во дворе Сенкя Волков. В середине же в Колачной улице со всполья к Выползове улице: во дворе Федотка красильник; во дворе Булгачко овощник. В Парфенове улице против Булгачкова двора во дворе Богданкя овощник. В Выползовской улице от Вознесенья христова ко всполью по правой стороне во дворе Юшка солоденик; во дворе Богдашко солоденик. Тою ж Выползовскою **** улицою по левой стороне ко всполью: во дворе Суворка да Омельянка огородничка; во дворе Девятый огородник; во дворе Левка пищик; во дворе Онтоша мясник; во дворе Пятуня борыжник; во дворе Васко солоденик да под ним же Истоминской солодеников двор; во дворе Петруша Вальцов; во дворе Степанкя солоденик; во дворе Сава солоденик; во дворе Федкя Федоров.

В Муроме ж на посаде дворы черных людей от города ж в Букрееве конце от ручья от мосту от Беседново к Егорью Великому по правой стороне к Большой улице: во дворе Ганя кожевник; во дворе Иванко кожевник; во дворе Титка рыбник; во дворе Степан кожевник; во дворе Порож кожевник; во дворе Ганкя кожевник; во дворе Степанко кожевник. Тою же Букреевскою улицою по левой стороне к ямскому двору *****: во дворе Матюшка кожевник; во дворе Степанко кузнец; во дворе Иванкя Власов. В переулке на Беседе по той же стороне къ яму ж: во дворе Демидко Лживолков; во дворе Милота рыбник; во дворе Олеша кожевник; во дворе Ермачко Шатин; во дворе Ондриша Перетрутов; во дворе Богданко ветошник; во дворе Офоня рыболов. В Букрееве конце от Егорья святого к Воскресенью христову от ямского двора по обе

* Буквы ки написаны вторым почерком черными чернилами.

** Так в подлиннике.

*** Так в подлиннике.

**** В подлиннике выползовскою.

***** В подлиннике двору.

стороны во дворе Сеня рыбник. От Егорья святого к Воскресенью: во дворе Богданко мясник; во дворе Данилко кузнец. От Воскресенья Христова ко всполью по праву: во дворе Репей бронник; во дворе Ширяй масленик. Тою ж улицою по левой стороне во дворе Фатейко Сидоров. За врагом на Дятлове горе во дворе Смирной Понамарицын. В Букрееве ж конце от Николы чудотворца * от Можайского от всполья: во дворе Илья Мосеев; во дворе Первуша Момотов скорняки; во дворе Васко Черсовитинов; во дворе Кален подошвенник. Да от ямсково двара к Пищальной горе в Пищальной улице на Воскресеньской горе во дворе Офонка Балымов. Подле Сенки пушкаря во дворе Лашук Новошинской; во дворе Тренька крестечник. В Полстовалове улице по правой стороне во дворе Иванко свечник. По левой стороне во дворе Агафьца Неверова. От Наволова переулка к реке к Оке во дворе Федька сапожник; во дворе Жадной серебряник. В Зарютникове улице в дворе Родя Коляков. В Подокстове ж Большою улицою вверх подле Оки реки: во дворе Осютка Петренин; во дворе Четвера кузнец; во дворе Богданко рыбник; во дворе Софонка овчинник; во дворе Сеня Суконников; во дворе Иванко кузнец; во дворе Еля Бурникин. И всево в Муроме на посаде черных тяглых дворов в живущем молодчих людей сто одиннатцать дворов, а людей в них сто сорок девет человек. А сопново писма в живущем соха бес четверти. А по писцово сотне Дмитрея Ондреевича Бутурлина с товарицы 74-го написано в живущем в Муроме на посаде пятьсот восмдесят семь дворов. И убьло перед писцовою сотнею в Муроме на посаде черных тяглых дворов из жива в пусто четыреста ** семдесят шесть дворов.

В Муроме на посаде дворы пустые черные тяглые в середке на Ямской улице на старой от государева двора по Никольской улице от Николы чудотворца Мокрово по правой стороне: двор пуст Офремка серебряника; двор пуст Грязнуши рыбника; двор пуст Омели соловолока; двор пуст вдовы Анюшки Колачниковы; двор пуст Сенки Иванова; двор пуст Мокеика Ильина; двор пуст Жарково пирожника; двор пуст Лени володимерца; двор пуст Ортемка Клакунова; двор пуст Олены Пашневы; двор пуст Сергеевской да Третьяков Олферьевых; двор пуст Луки да Максима Закурганских; двор пуст Мити Лобанова. Взяты они на ям. Двор пуст Никитки Шахова, а. 10 // взят к Москве в жильцы; двор пуст Иванки Судовщикова; двор Васки Черницына; двор пуст вдовы Марьи Закурганской; двор пуст Федька Иванова; двор пуст Богданка Степанова; двор пуст Обросимка Лупиносова; двор пуст Юшки Седельникова; двор пуст Ивашки Учюги; двор пуст Степанка Трофимова; двор Иванки Фомина; двор пуст Мокеика Ортемова; двор *** Ушака ***. В середке в Мытной улице от зимнего мыта по правой стороне от всполья к Вознесенью: двор пуст вдовы Ульяны Ермолиной; двор пуст Митки Степанова; двор пуст Ондрюшки Мартынова; двор пуст Настаси Давыдова; двор пуст Иванки Дикого; двор пуст Овсейки Назарьина; двор пуст Настаси Назарьевы жены; двор пуст Обросимка Григорьева; двор пуст Мальца Шихлина; двор пуст Михаила Шихлина; двор **** Парфенов ****; двор пуст **** Онофрейка з братиею Шихлиных; двор пуст Семена Шихлина; двор пуст Ларки Полстовала. От Вознесеня Христова по левой стороне к Предитечи: двор пуст Пашни сапожника; двор пуст Борисков Мясников; двор пуст Ларки Полстовала; двор пуст Иванка Конышева; двор пуст Васки Малого; двор пуст Пятого Попова. От Ивана Предитечи по левой стороне: двор пуст Михалка толочникника; двор пуст Потехи Чешкова; двор пуст Ивашка пирожника; двор пуст Богданка Заикина; двор пуст Весны пирожника; двор пуст Федька плотника; двор пуст Дарьи Пищальниковы. В Хобаровской улице от Вознесеня Христова: двор пуст Овдотьи Гнетимошнина; двор пуст Машки Перхуровы; двор пуст Луки Гнетимошнина; двор пуст Митьки Кочетова. В Колачной улице от всполья к Вознесенью Христову по леву: двор Ивашки Самоитина. В Букрееве конце от Беседного мосту к Егорью святому по правой стороне: двор Ларки володимерца; двор пуст Федька Колова; двор пуст Фили Козакова; двор пуст Мити Онтанова. Тою ж Букреевскою улицою по левой стороне: двор пуст Сенки колачника; двор пуст Олешки Лютикова. В переулке тою ж улицою: двор пуст Онофрейка Мелехова; двор пуст Богдана Колобова. В Букрееве конце от Егорья святого к Воскресенью Христову по обе стороны: двор пуст Истомки Кильдишева; двор пуст Потрекея Дремкова; двор пуст Михалка Безгодкова; двор пуст Офони Лихнина; двор пуст Иванки да Михалка Токмоковых; двор пуст Богданка Шахвалова; двор пуст Федька Чабышева. По левой стороне: двор пуст Посника Порьвкина; двор пуст Олешки Лопатина; двор пуст Мити Черницыцына *****; двор пуст Бориска Черногого; двор пуст Терени Большагова; двор пуст Бориска Кривошеина; двор пуст Якова Порьпкина; двор пуст Офонки Вяткина; двор пуст Иванки Сабаки; двор пуст Степанка Навалова; двор пуст Потрекея Полстовала; двор пуст Мальги Мокеева; двор пуст Олешки сапожника; двор пуст Анны Бобровниковы; двор пуст Офони Ларина; двор пуст Офони Быкова; двор пуст Офони Лыцова; двор пуст Куземки кузнеца; двор пуст Терешки Степанова; двор пуст Петруши Нечаева; двор пуст

* В подлиннике чудотворца.

** Вторая буква е написана вторым почерком темными чернилами.

- Написано над строкой схожим почерком более светлыми чернилами.

****-**** Написано над строкой схожим почерком более светлыми чернилами.

***** Написано два раза.

***** Так в подлиннике.

Тимохи Климова; двор пуст Мальги Деева; двор пуст Сидорка Наумова; двор пуст Коньши Гридина; двор пуст Сани Желудкова, двор пуст Савки Костихина; двор пуст Сенки Тяжелова; двор Михалка Петенина; двор пуст Сенки Ганина; двор пуст Сури Лихинина; двор пуст Смирного Бельтеева; двор пуст Юшки Ганина; двор пуст Федька Ситникова; двор пуст Тиханца Кузнецова; двор пуст Софонца Овчинникова; двор пуст Лучки Неелова. И всево в Муроме на посаде пустых черных тяглых дворов сто семь дворов. А по писцово сотне Дмитрея Одреевича Бутурлина с товарищи написано впусе семнатцать дворов пустых. В Муроме ж на посаде // дворные пустые места черные тяглые. В середине на Ямской улице на Старой по стороне от * государева двора по правой стороне уликою от Николы чюдотворца от Мокрого по берегу Оки реки на низ: место Калинки Истомина; место Треньки Ходанова; место Трески Тимофеева; места ** Офонки козака; место Офони Борышниковца; место старой ямской двор; место Власа разсылщика; место Фомки Сухорукова; место Ортема Неклюдова; место Гриши Прокшина; место Богданка рыбника; место Иванки Мецеринова; место Ольгазы Хирчеева; место Истомки сапожника; место Онанья Бурдова; место Иванка козака. Да позади тех дворов [о]т *** Оки реки: место Фомки Карпова; место Сидорка гончара; место Некраса кожевника. Да по той же улице от государева двора по левой стороне от Кузьмыдемьянского переулка: место вдовы Анны рыболовы; место Онтона Максимова ****; место Иванка Иванова; место Микулы Прокшина; место Нечая Зарубина; место Стенана Зарубина; место Куземки Панова; полместа Иванка Осечки; полместа ***** Домны вдовы дано Ильинскому попу в огород; место Липы Остафьева; место Тренки Совкова; место Лазарка Лихина. Да по левой стороне от мосту вверх ручьем место Илейки Шишкина. В Ильинской улице в середке же от ручья на леве к горе по обе стороны: место Иванка сапожника; место Старка Лисцова; место Гриди Сухорукова; место вдовы Матрены Зелеевы. Против Ильи святого место Ананья Наугородова. Позади монастыря: место вдовы Василиси Коуровы; место вдовы Лопухино[й] *****; место Васюка Рыжкова. В Кузьмодемьянской улице: место Гриши Шупетина; место Данилка Июдина. Да от Ильи святого Большою уликою по обе стороны: место вдовы Полагеи Ерофеевы; место Мордвина Пашева; место Сеньки Долбышкина; место Иванка Голохтинова; место Овсейка серебряника; место Ивашки кровопуска; место Ивашка Голохтинова скорняка; место Олещи Долбышкина; место Ондрюши Сыроежина; место Терени Выкорева; место Онофрейка Одреева; место Рудачка Толоконцова; место Позвячка соловолока; место Антропка Митина, а на нем избушка да клетка; место Васки соловолока; место Федотка Васильева; место Иванка Сучкина. Тою же Большою уликою Ильинскою до всполья по левой стороне: место Федька Вахнева; место Васюты Ницатина; место Олещи Ярыгина; место Горяши Легонова; место Протасья Сидорова; место Офони Скоморохова; место Васки Турского; место Левы Настасьина; места Садьяра да Сунгура Негкиных да вдовы Овдотьи Товарыщевой; место Фили десятцкого; место Илейки Думинова; место Иванка Динкова; место Потехи Косякова; место вдовы Машки Батулиной; место Тиши Белоусова. Ильинскою же уликою по правой стороне против Климовского места Крисина: место Артемка Вандышева; место Помина Левонтьева; место Огафона Фокина. Да от переулка тою же Ильинскою уликою по правой стороне место Труфана Вяльцова. В Дубникове переулке: место Третьячка Дубникова; место Ивашка Фомина. Да ис переулка Ильинскою же уликою: место Демидка Нестерова; место Обросимка Катышева; место Неклюдка Попова; место вдовы Орины Дубровины. В середке ж в Мытной улице: место Иванка Васильева; место Ели Федотова; место Лари Харина; место вдовы Ульяны Поповы; место Мокара Горшечникова. Тою же уликою по левой стороне к Вознесенью: место Миши да Тиши Дороховых. В середке ж в Дмитровской улице по Коломенской дороге со всполья от Дмитрея святого по правой стороне: место Миши Матренина; место Федоска Мошенина; место Трофимка Щербинина; место Федька Назарьева; место Трофимка Бирилева. Тою же уликою от Дмитрея святого по левой стороне со в//сполья: место Малаха Сидорова; место Иванка Левшина; место Иванка Торчилова *****. В середке ж в Наугородцкой улице от Вознесенья христово по левой стороне к Предитечи: место Кошши переславца; место Сани Желудкова; место Овсейка Назарьева; место Ивана котельника; место Даньши котельника; место Иванка Ляпунова; место вдовы Олены Митины жены; место вдовы Котеринки Теренинской. Против Иванна Предитеча от Иванна Предитечи по левой стороне Наугородцкою ***** уликою: место Понкратка москвитина; место Неверка Борыкова; место Нечайка масленика; место Павлика коровника; место вдовы Анны Синей; место Офонки Кошее-

* Буква т написана вторым почерком черными чернилами.

** В подлиннике меса.

*** В подлиннике только выносное т.

**** В подлиннике Мамаксимова.

***** Написано над строкой тем же почерком и теми же чернилами.

***** В подлиннике Лопухино.

***** Буква ч написана по букве о теми же чернилами.

***** В подлиннике наугородцою.

ва; место Вени Малого. По правой стороне тою ж Наугородскою улицою от Ивана святого: место Суботки серебряника; место Лари Нечаева; место Бориса Белово; место Миши Мудынина; место Якова Офонасьевского; место Петруши колачника; место Треньки Опаньина; место вдовы Маврицы Дьяконовы. Во рву против Семиона святого к Ивану Предтечи: место вдовы Офросиньи Нежиловской; место Куземки кисельника; место Федоска Вахнева; место Нечая* Иванова; место Васки Чинкина; место Гриди колачника; место Мосея Телухина; место Сенки москвитина. В Гостине улице от Вознесенья христова по правой стороне к гостину двору: место Степана котельника; место Елиза Антонова; место Обрамка Снегурина; место Федуря Железникова. Позади гостина двора место вдовы Ненилы Микулиной. Тою ж улицою к Мясному ряду по левой стороне: место Богданя овчинника; место Миши овчинника; место Сеньки мясника; место Исачка Тяжелого. За Рожеством христовым в Хобаровской улице от Вознесенья христова к торгу по праву: место Захара переслава; место Колмака Самоотина; место Обакума Гнетимопнина; место Степаня Щипакина; место Герасимка сапожника. Тою ж улицою к торгу по левой стороне: место Данилка пирожника; место Петели седельника. В середине ж в Митинской улице в Небода по правой стороне: место Юри да Петрока Обросовых; место Пастуха Данилова. Тою ж Митинскою улицою по левой стороне место Мити Яловкина. В середине ж от Калачной улицы от восполя к Вознесенью к Выползове** улице по леву: место Черемисенка Пашнева; место Ивашка Цыволгина; место вдовы Марьи Наумовой; место Мити Дурлепина. Тою ж Колачною улицою в Парфенове улице место Трени Власова. В середине ж в Выползове по праву: место Иваня Ларина; место вдовы Олены Милютинской; место Иваня Лихнина; место Юрья Мартынова; место Максимка Мартынова; место Екимя Семенова; место Петельки Овсяникова; место Еремки Семенова. Тою ж Выползовскою улицою по левой стороне ко восполю: место Машки вдовы; место Безсопа Момонова; место Васьки Тимофеева; место Гордеика Мухосрапова; место Иваня Бдура; место Мити Плотникова. В середине же в Нечистом лесу место Иваня квасника. От города ж на Спаськой Большой улице место Луки Чюрсина. В Букрееве конце от ручья от Беседного мосту к Егорью Великому по правой стороне: место Меньшика кожевника; место вдовы Марьи Кадомцовой; место вдовы Амелфы Полстоваловы; место Васьки Швая; место Куземки Полушина; место Ондруши Каленова; место Якуша рыболова; место Сеньки Протасова; место Сури Якимова; место Сенки Игнатова. Тою ж Букреевскою улицою по левой стороне к ямскому двору от ручья: место Четвертого Ширшикова; место Тимоши кожевника; место Мокара плотника; место Васюка Шушерина; место Куюка Торханова. В*** переулке**** на Беседе по той же стороне: место Федька Шекулина; место Стени Полстовала. От переулка по левой же стороне: место Неверка Мурдыша; место Комара кузнеца; место Ананья Лютюкова; место Гриши Гаврилова; место Федька Яковлева; место Богданя Черемисинова; место Фили Ефанова; место Офремка Кондоурова. Тою ж улицою к яму по обе стороны: // место Якова Порыфкина; место Чюдина Чернушкина; место Осипка Пертова; место Угримка Савкова; место Олешки неводчика; место Пирогони Ильина; место Паитюковское; место Ромашка Рыболова; место Демки Пертова; место вдовы Натальи Шеметовой; место Иваня Тобанова; место Митьки Зенева; место вдовы Марьи Порыфкиной; место Иваня Пертова; место Иваня ж Пертова; место Иваня ямского дворника. В Букрееве ж конце у Егорья святого по обе стороны от ямского двора: место Мити Плотникова; место Петринское; место Окатовское; место Агафонка Григорьева; место Илейки скорняка; место Остани Бордукова. В Букрееве ж конце от Егорья святого к Воскресенью Христову по обе стороны: место Трени да Богданя Криворотовых; место Савки Матюшева; место Ширяйка Попцова; место Бориска Пенкина; место Мишуты Черенна; место Иваня Тотаринова; место Федька Чабышева; место Иваня ножевника. В Букрееве ж конце от Воскресенья христова по правой стороне ко восполю за врагом на Дятлове горе подле ручья: место Гриши Попцова; место Гриши Пастухова; место Петрока да Пани Дятловых; место Неверка Гудкова; место Перуши Порыфкина; место Якуша Початкова; место Остани Лесникова; место Гриши Пастухова; место Гриши ременника; место Гриши Тимофеева; место Копенки Иванова; место Нечайка красильника; место Стени Понамарицына; место Утеша Неткина; место Иваня Симонова; место Богданя Царегородцова. В Букрееве ж конце от Николы от Можайского от восполя: место Мосейка Травина; место Иваня Корсакова; место Онанья Стрельникова; место вдовы Арины Бабиной; место Гриши Салманова; место Истоминское да Каленовская; место Олешки лучника; место Омели Грдина. От Ямского двора к Пищальной горе: место Иваня Глотова; место Стени Савкова; место Матфейка***** Порыфкина; место Иваня Лживолкова; место Истомки Струговщикова. В Буклееве ж конце за зимним мытом место Бориска Кочета. В Пищальной улице на Воскресеньской горе: место Юдки да Микиши Мясниковых; место

* Написано над строкой тем же почерком и теми же чернилами.

** Буква з переделана из буквы п теми же чернилами.

*** Буква в написана по смытой букве м тем же почерком и теми же чернилами.

**** В подлиннике пеулке с выносным л.

***** Буквы мат написаны над строкой тем же почерком и теми же чернилами

Родьки Никитина; место Ондрюши дворника; место Богданья Маслица; место Игнатка Зинякова; место Игони Познякава; место Никитки Бердникова; место Климка Орефина; место Сергейка Ерофеева; место Куземки Пропойцына; место Стени Кирданова; место Власа Маркова; место Куземки сапожника; место Лучки Митина; место Третьячка Огафонова; место вдовы Катерины; место Иванья лучника; место Не-
 чайка лучника; место Иванья сабельника; место Миши Вандышева; место Беляевское; место Саньки Кадомца; место Гани Лелеева; место Лашука Поздякова. В Букрееве ж конце на вполье: место Богданья Шеленина; место Калины Гридина; место Гриди Стрельникова; место Савы Копылова; место Омели Гридина охотника. В Муроме ж на посаде в Подокстове на Богатыревой горе против * Оки реки: место Васьки Максимова; место Юпа Офонасья; место Васки да Демки Коротыгиных; место Сидора Торопчанинова; место Данилка Сколькова; место Васьки Торопчанинова; место Иванья Бокланова; место Потехи Накрупина; место Иванья Дохтярева; место Огафонка Литвина; место Стени Кокоря; место Максима Семенова. Кузмдемянскою **
 улицю к горе по правой стороне место Гриди рыболова. Тою ж улицю по левой стороне: место Офони Бедрина; место Иванья масленика; место Иванья Сизова; место Тиши Кузнецова. В заулке на Скокове // горе против Николы: место Иванья Дулова; место Манья угличенина. В Навалове переулке: место Иванья Навалова; место вдовы Овдотьи Кузнецовы; место Невера Михалева. А от Навалова переулка к Оке к реке: место Федька портного мастера; место Иванья Папшева. В Зарытникове улице: место Угримка Полумордовкина; место Максимка Кочергина; место Федька рожечника. Тою ж улицю по леву к Хозяеве горе ***: место Стени Подрезова; место Михалка масленика; место Мальда Торасова. На Хозяеве горе по правой стороне: место Мити Клока; место Трени Лепешкина ****; место Мякише Андреева; место Мити Павлова; место Логвина Семенова; место Иванья Жадново. По левой стороне: место Хари Рыбы; место Олеси Приходца. С Хозяевской горы к Оке к реке по левой стороне против огородов: место Неверка портного мастера; место вдовы Ульяны Кисельниковы; место Стени рыболова; место Федька Плотникова. В Подокстове ж Большую улицю вверх подле Оки реки: место Миши Головкова; место Пани кузнеца; место Федька Полсталола; место Оникя Дехтярева; место Мити Зарютникова; место Истомы рыболова; место Пани сапожника. Да с улицы в персулок по обе стороны: место Мокя швеца; место Стени Бокастова; место Сени клсачника; место Мини однорядочника; место Стени Колосова; место Иванья лучника; место Мити Исцова; место Копоска Сорокоблюдова; место вдовы Поранши Зайковы; место Иванья Бедрина; место вдовы Анны Скорняковы; место Дениска Офремова; место вдовы Ховроньи Кузнецовы; место Петряйка рыболова; место Панки кузнеца; место Ульянка Киркина; место Стени Уварова; место Федька Мосеева; место Турьги отпущеника; место Кречка Суковникова *****; место Варвары Кузнецовы. Да по той ж по правой стороне к горе: место Тимони гончара; место Луни Бердникова; место Сидора гончара; место гончара Трофима; место Дружинки кирпичника; место Злобы гончара; место Бориска Крикина; место Трени Сидорова; место Иванья Дорогишина; место Иванья гончара; место Федька Седельникова; место Федька Прихожево; место Сенки Белово; место Федька рыболова; место Клока Судокова; место Никитки Шатилова; место Олеси Охеевского; место Торщины седелника; место Федька Питьсва; место Невера Пскачина; место Игнаши Стрельникова; место Ели Горбунова; место Петруни Дорогишина; место Никифора Рыкунова; место Мокара Клепикова; место Олеси Ковезина; место Даныши рыболова; место Иванья Горбунова; место Иванья Аристова; место Исака Плотникова; место Сафонка Переметчикова; место Сенки Бронкова; место Олеси Борового; место вдовы Матрены Даниловы жены; место Стени Максимова; место Обьяника Соврача; место Кирилка кожевника; место Стени Щелконогова; место Тита кожевника; место Мити Токмачева; место Якова бисажника; место Ермолки сапожника. Тою ж Подокстовскою улицю от Кузьмы Демьяна по левой стороне вверх: место Никифора Кузнецова; место Федька Дворянинова; место Васки зелейника; место Мити Петрова; место Ондрюши Аристова; место вдовы Софьи Подстоваловой *****; место Фролка Грибакина; место Иванья Мокрищева; место Петруши сапожника; место Иванья Иевлева; место Левы Судовицкова; место Марка рыболова; место Данилка Малышева; место Стени Бандина; место Морвина рыболова; место Ондрюши Кочакова; место Илейки Грудцына; место Ширяйка Кочакова; место Офони Меледина; место Матюши Кочакова; место Васки // Шипилова. От Ивана Милостиваго по левой стороне ко вполью: место Васки овчинника; место Ушечка Бодвеева; место Гриши Набилькина; место Прони Офремова; место Федоса Черного; место Богданья Толмачова; место Иванья Клепикова; место Попкратка Созонова. В Подокстове ж в Воздвиженской улице от Здвиженья: место Стени плотника; место Мити Горбунова; место Торопка Федорова; место Иванья

* В подлиннике проти.

** Так в подлиннике.

*** В подлиннике коре.

**** Буква п написана по букве м тем же почерком и теми же чернилами.

***** Вторая буква к написана по букве н тем же почерком и теми же чернилами.

***** Так в подлиннике.

л. 15

Олисова; место Мити Исаева; место Иванкя Фофонова; место Трени сапожника; место Олешки Павлова; место Наумка Чичирина; место Савы Денисова; место Федька Дремина; место Зайка сапожника; место Стени колачника; место Дружинки сапожника; место Окни Старцова; место Мосейка плотника; место Сенки Трески; место Иванкя сапожника. От города на Большой улице: место козачка Лучки Базарова; место Ондрюши Солоденикова.

И всево в Муроме на посаде черных тяглых дворовых мест четыреста тридцать девять мест пустых.

В Муроме ж на посаде дворы белые, а приписаны они в тягло к черным же двором. В Ыльинской улице место Олексея Ершова. В Дмитровской улице место Левонтья Бокеева. В переулке против Благовещенья место Стени Копнина. В Букреево место Михалка Вырсково з братью. Против Кобылина двора место Григорья Сколькова; место Настасьи Гордеева. Под Воскресеньскою горою пртив Егорья святого место Турунтая Загарина з братью. У ямского двора: место Кости Кожина; место Богдана Бологовского. За ручьем на Дятлове горе: место Истомы Кникова; место Никифора Кобылкина; место Нечая Кобылкина; место Есипа Кровкова; место Федора Деревяжкина. На Дятлове ж горе на другой стороне: место Ивана Плотцова; место Василия да Григорья да Елизарья Глебовых; место Луки Василисова; место Тимохи Копосова; место Федька да Иванкя Кипровых. В Букреевской улице: место князя Андрея Бабичева*. В Митине улице Небодова: место Ондрея Шильникова; место Ивана да Третьяка Выкоревых з братью. В середке блиско улицы Хобаровки место Ивана Веревкина. Блиско сараев **: место Ивана Еметцкого; место Олексея Черткова. Против гостина двора место Матфея Ковардицкого. В переулку в Нечистом лесу: место Путила Арапова; место Невежи Лукина з братью; место Молчана Лукина з братью; место Федора Исакова; место Невежи Лукина з братью; место Григорья Юматова; место Василия Обрютина; место Ивана Совина. В середке: место Ондрея Кровкова; место Мокара Новошинского. Да из Нечистого лесу по правой стороне: место Ивана Муромцова; место Понкратья Совина да племянника его Семена. В Подокостском конце в Теремитцкой улице место Юрья Опраксина. В Заручье блиско Ямской улицы: место Василия да Навошина да Федора Гордеевых; место Олексея Киселева. От Небодовы улицы в Колачной улице по правой стороне: место князя Семена Бабичева; место Ивана Варевкина; место Игната Дурлепина; место Семена Шукина; место Матфея Вышкова; место Оксена Бологовского; место Ивана Исакова; место Матфея Опраксина. В Парфеново улице Шубникова место дву князей Ивана да Бориса Болховских. В Подокостове: место Кипельки Осорьина; место Иванна Черткова. В Подокостове ж в Козьмодемьянской улице место Семена Дурасова. В Хозяевской // горе место Ивана Осорьина. В Большой улицы от Николы от Можайского к городу: место Григорья Елизарьева; место Василия Елизарова; место Замятни Монастырева; место Семена Осорьина; место Григорья Корамышева да Головы Нарматцкого; место Михаила Бокеева; место Федора Елизарова; место Воина Неронова; место Никифора Костылева; место князя Ивана Мезетцкого; место Семейки Копнина; место Гаврила Черткова. У мосту у Беседы за ручьем место Васки Софронова. На Большой улице на Ильинской против Благовещенья: место Ондрея Кровкова; место Непущеву Лопатина. Во рву против Семиона святого место Есипа Кошелькова. В Гостине улице место Оксентья Ворыпаева. И всево мест дворовых белых пустых, которых приписаны к черным двором в тягло, 75.

В середке же в Дмитриевской улице дворы были сокольничь, а ныне места: место Овдейка Ефимьева; место Петруши Иванова, а оброку давали за сокол по полтине, да пошлнн з двора по пяти денег, да за дань по десяти деняг. Сокольничь ж место Милютинское.

И всево в Муроме на посаде по Михайлову и по Богданову дозору и сыску в живе черных тяглых дворов сто одиннацать дворов да сто семь дворов пустых, да пустых дворовых мест пятьсот дватцать мест. И обоєво живущих и пустых дворов и мест 738. А по писцово по старой сотне написано то ж, Пашни у всево посаду с Московские дороги и перелогу и животинново выпуску во всех трех полях худые земли по старой сотне Дмитрея Ондреевича Бутурлина с товарищи 608 чети, а сошного писма во всем посаде в живущем и в пусте двенатцать сох бес чети без малой трети и долполночети сохи. А верстатися муромским посадцким людем и поугородцом меж себя государевыми подати всякими разметы вместе самим по своим животом и по промыслом. К сей сотной Михаило *** Иванович *** Шишелов печать свою приложил. Богдан **** Григорьев руку приписал ****.

По склейкам на обороте скрепа Б. Григорьева: «К сей сотной Богдан Григорьев руку приложил». Внизу грамоты видны остатки красновосковой печати.

На л. 1, приклеенном к сотной позднее, имеются следующие приписки:

1732-го году июня ***** в 1 день ***** муромца посацкого человека Авдея Володи-

* В подлиннике бабиче.

** Буква е написана по букве а тем же почерком и теми же чернилами.

- Буквы о и ва закрыты остатками печати.

****-**** Написано другим почерком черными чернилами.

*****-***** Написано другим почерком светло-коричневыми чернилами.

мерова сына Кречки*... Петр Савельев сын Лебедев отдал** сию сотную грамоту в Муроме в земскую изб[у]*** Григорью Лукьяновичю Хмелеву ради мирских нужд. А подписал муромец посац[кой]*** человек Федор Самойлов сын Дубенской**.

Лета**** 7082-го по государеву цареву и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси наказу муромские писцы Михайла Иванович Шипелов да Богдан Григорьевич дали сотную с книг писма своего дворам и лавкам и местом лавочным и дворовым пустым и белым и четвертной оклад. А сошного писма во всем посаде в живущей и в пусе 12 сох без чети, без малой трети и полполполчети сохи****, или***** с 9500 чети окладу.

А всего в Муроме на посаде по Михайлову и по Богданову дозору и сыску в живе черных тяглых дворов 111 дворов да 107 дворов пустых, да пустых дворовых мест 520 мест. И обоего живущих и пустых мест и дворов 738. Пашни у всего посаду с Московские дороги и перелогу и животинново выпуску во всех трех полях худые земли по старой сотне Дмитрея Андреевича Бутурлина с товарищи 608 четвертей*****.

ГБЛ, ф. 67 (собр. Я. П. Гарелина), карт. 8, № 84.

* Далее несколько букв вырвано.

-- Написано другим почерком светло-коричневыми чернилами.

*** Окончание слова вырвано; восстановлено по смыслу.

****--**** Написано кинovarью почерком XVII в.

*****--***** Написано темно-коричневыми чернилами почерком XVII в.

С. О. Шмидт

МАТЕРИАЛЫ ПО МЕТОДИКЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В АРХИВЕ И. И. ПОЛОСИНА

Известный советский историк профессор Иван Иванович Полосин (1891—1956) был не только оригинальным исследователем прошлого нашей Родины, но и высокоталантливым педагогом. И. И. Полосина отличало многообразие научно-исследовательских интересов¹; это же характерно и для его педагогической деятельности.

Среди общих и специальных лекционных курсов, подготовленных И. И. Полосиным для студентов педагогических вузов и университетов, был и лекционный курс, посвященный вопросам использования источников в педагогической работе, который можно было бы охарактеризовать как курс прикладного источниковедения. По содержанию он близко соприкасался с лекционным курсом «Методика преподавания истории». Текст этого курса в архиве И. И. Полосина, находящемся ныне в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, не обнаружен. Вероятно, полезно было бы попытаться восстановить его содержание по записям лекций слушателями. В архиве имеется лишь проспект курса «Источниковедение и историография» (далее Проспект), составленный И. И. Полосиным в 1941 г. и предназначенный для студентов Московского государственного педагогического института им. К. Либкнехта.

Проспект написан в небольших ученических тетрадах и состоит из введения и трех частей («Признаки исторического источника», «Методика и техника анализа исторического источника», «Методика и техника исторического синтеза») с общей нумерацией параграфов (всего 37 параграфов). Первая, наиболее пространная часть занимает целую тетрадь. По-видимому, написана она была в один прием, одними чернилами, крупным ясным почерком. Тогда же, можно думать, были написаны и формулировки обоих параграфов второй части. Однако § 27 «Учение об аргументах» написан уже карандашом. Третья часть, видимо, написана была уже позже. Она представляет собой лишь перечень вопросов, на которые предполагалось обратить внимание в лекционном курсе. Перечень этот широк и недостаточно определен по содержанию: здесь вопросы методики и техники исторического изложения (порядок изложения, использование цитат и т. д.), сведения об оформлении исследований (структурном, библиографическом, об указателях, заголовках и т. п.), данные по методологии истории (задачи истории в понимании историков разных формаций, исто-

¹ Жизнь и творчество И. И. Полосина на основании детального знакомства с материалами его архива охарактеризованы в статье Л. В. Черепнина «И. И. Полосин как историк» (в книге: И. И. П о л о с и н. Социально-политическая история России XVI—начала XVII в. М., 1963).

рический факт и его показатели, история как исторический процесс, история как историческая наука) и историографии. Среди них и вопросы, имеющие непосредственное отношение к источниковедению: в § 30 «Методика и техника исторического изложения» два подпункта («Использование источников и исследований: каких? как? Ввод цитат из источников и исследований: каких? как?»). Завершить курс предполагалось обзором литературы по вопросам источниковедения и историографии. Представляется целесообразным опубликовать лишь две первые части Проспекта.

Пониманию содержания Проспекта помогают ознакомление с неправленными стенограммами лекции И. И. Полосина «Источники и их анализ», прочитанной учителям и методистам Москвы 9 мая 1944 г. (28 страниц машинописи через один интервал), и обсуждения этой лекции. Судя по вводным фразам, это одна из лекций курса по методике преподавания истории. Ее тема сформулирована И. И. Полосиным так: «Вопросы об источниках, которыми мы пользуемся при подборе соответствующего материала». В этой лекции некоторые мысли Проспекта получили дальнейшее развитие, конкретизированы и иногда даже иллюстрированы ссылками на исторические факты и примерами из педагогической практики лектора.

Лекция в целом скорее может быть интересна педагогам-методистам, так как И. И. Полосин обращает внимание на поведение педагога в аудитории, отмечает значение жеста, интонации, советует пристальнее наблюдать за актерами на сцене (отмечает особую роль пауз, необходимость «научиться не только мастерству речи, но и мастерству молчания», напоминая при этом об игре М. С. Щепкина).

Лекция во многом полемична, И. И. Полосин считал нужным сосредоточить внимание на тех группах источников, «о которых источниковеды забывают», «вытянуть их из забвения» — «это жест, реальное действие; это язык во всем его богатстве; это народная мудрость, осевшая в фольклорном творчестве».

И. И. Полосин полагал необходимым «обращаться к истории языка и семантике отдельных терминов», «сосредоточить внимание лектора на том огромнейшем, совершенно неисчерпаемом ресурсе, которым нужно понастоящему овладеть, — без чувства языка, без остроты чувства языка иной раз не сумеешь понять как письменных, так и печатных документов». И. И. Полосин приводит соответствующие примеры в подтверждение своей мысли: о значении слов «смерд» и «приключиться» в Древней Руси (вспоминая при этом статью 104 «Пространной Правды») и об изменении этого значения в наше время, раскрывает реальный конкретно исторический смысл пушкинских выражений «пошлая дорога» и «хамы» (применительно к крепостным). Особенно любопытен пример словотворчества Суворова, позволивший лектору сразу же перейти к вопросу о необходимости использования и «фольклорного богатства». Полосин говорил: «В самом деле, всем известны суворовские каламбуры: всем известно, как он еще после Альпийского похода мечтал о том, как бы „обновить“ кампанию... Он говорил „обновить кампанию“, и многие из современников, а затем и историков-исследователей думали только о том, что Суворов думал о возрождении новой кампании. Но учтите чутье Суворова, чувство языка у него и что он свои каламбуры строил и на особых ударениях, и перенесите ударение — и все становится ясно: „обновить“ кампанию, т. е. провести кампанию так, как она была проведена Суворовым и Багратионом под Новью, т. е. так, что даже император Павел I и тот приказал воздавать Суворову почести, равновеликие императорским. Обновить — обнóвить». Этот отрывок дает представление о лекторской манере И. И. Полосина, о его искусстве непосредственного общения с аудиторией.

И. И. Полосин указал и другие группы источников, классифицируя их «только по признаку формы»: вещественные (включая археологические),

графические (включая примитивные схемы), письменные (с выделением исследований и художественной литературы).

Специально остановился И. И. Полосин на характеристике «историко-географических источников», подчеркнув особую необходимость подобных характеристик и отметив отсутствие их в вузовских учебниках истории («Прошу найти хотя бы одну историко-географическую характеристику в двухтомнике [истории] СССР, рассчитанном на студентов вузов. Их нет! История протекает вне пространства!»).

И. И. Полосин преследовал цель помочь «продвинуть к слушателю тот или иной источник, организованно его показать слушателям» и хотел внушить мысль, «что все эти источники живут вокруг нас и требуют от нас внимания для работы над материалом давно прошедших времен... Вот почему я утверждаю,— продолжал И. И. Полосин,— что не нужно быть специалистом-ученым, дипломированным профессионалом для того, чтобы организовать систему своих понятий. Не нужно быть непременно признанным художником, мастером художественного слова для того, чтобы организовать систему образов».

Лекция вызвала живой интерес у слушателей, запечатленный в какой-то мере в вопросах и выступлениях. Выступавшие отнюдь не во всем согласились с И. И. Полосиным. Недоумение, в частности, вызвало положение о желательности воспроизведения действий во время лекций, занятий. Вероятно, хорошо было бы использовать эти материалы при подготовке трудов по истории советской педагогической мысли. В данном случае цитаты из лекции публикуются в качестве примечаний к Проспекту, так как помогают осмыслить отдельные положения Проспекта, изложенные в тезисной форме.

В Проспекте, как и в других работах И. И. Полосина, немало необычного, спорного, и, конечно, не все выдержало испытание временем. Но думается, что и сейчас Проспект имеет научную ценность и может оказаться небезынтересным в плане поисков путей дальнейшего развития методики источниковедения. Некоторые положения Проспекта (о соотношении источника и исследования, о принципах классификации источников, об историко-географических источниках и другие) ныне стали предметом особых исследований и научных дискуссий.

В Проспекте можно почерпнуть много полезного и для практической педагогической работы, особенно в связи с постановкой вопроса о необходимости преподавания источниковедения при подготовке будущих учителей средней школы². Задачей предполагаемого лекционного курса было облегчить учителю подготовительную работу к занятиям со школьниками, помочь в организации системы понятий и образов. Характерная и привлекательная черта лекционного курса — многообразие подхода к историческим явлениям, способствовавшее развитию самостоятельности исторического мышления и педагогического творчества. Проспект любопытен и в историографическом плане как пример относительно ранней попытки осмысления вопросов методики источниковедения в период становления этой научной дисциплины как предмета преподавания.

Наконец, публикуемый Проспект лекционного курса И. И. Полосина приобретает особое значение и как памятник общественного сознания. На обложке тетради читаем: «17 октября 1941 г. Москва». В тот день фашистские войска находились близ Москвы. Ученый-патриот, глубоко веривший в победу своего народа, именно в это время размышлял над проблемами обучения молодого поколения советских людей, думал о его будущем.

Текст Проспекта печатается согласно правилам издания современных письменных памятников. Недостающие буквы в некоторых словах раскрываются в квадратных скобках.

² См. об этом материалы дискуссии в журнале «Новая и новейшая история» за 1961—1963 гг.

ПРОСПЕКТ КУРСА
«ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ»

Введение

§ 1. Историк имеет дело с историческим фактом. Источниковед — с историческим источником, Историограф — с историей исторической науки и с историей организации исторических исследований.

§ 2. Методика и техника отыскания, учета, описания, классификации и организации использования источников, какими пользуется историк в своей научно-исследовательской работе, называется источниковедением.

Часть I. Признаки ист[орического] источника

§ 3. Источники различаются по их происхождению, как:

- 1) собственно-исторические источники,
- 2) историко-географические источники,
- 3) естественно-исторические источники.

§ 4. Естественно-исторические источники (данные геоморфологии, гидрогеографии, географии растений и животных, климатологии и т. д.) отличаются тем, что в их создании человеческий труд не играл никакой роли.

§ 5. Историко-географические источники — это источники природного, естественно-исторического происхождения, в видоизменении и оформлении которых известную роль сыграл человеческий труд. Например: географическое размещение пустыни или болот, граница лесной и степной зоны и т. д.¹

§ 6. Исторический источник отличается тем, что он целиком создан трудом человеческим, конечно, из материалов природного происхождения.

§ 7. Исторические источники как следы творческой производственной деятельности людей различаются по признаку их основной ведущей цели в двух вариантах:

- 1) исторические «источники» в собственном смысле слова,
- 2) исторические «труды» (историческая «литература»).

Исторические источники в собственном смысле слова отражают исторические факты и явления; их организуют, переделывают, нормируют; по-своему трактуют и оценивают, но не ставят своей задачей их научно-исторический анализ.

По мере того, как в историческом источнике растут элементы научного анализа данного факта, события, явления, исторический «источник» пополняется элементами научно-исследовательского «труда». На определенной ступени роста, в итоге скачка к иному качеству «источник» превращается в научно-исследовательский «труд». Подобно любому «источнику» исторический труд отражает объективную действительность, в известных случаях при определенных условиях ставит перед собой задачи перестройки какой-то исторической действительности, но ведущей целью научно-исторического труда является объективно-научное познание объективной исторической действительности.

Не надо стирать грани между «источником» и «трудом», как это делают начинающие историки, но не надо вырывать между ними пропасть, как это делают специалисты-историки. В «источнике» отыскиваются зародыши исторического анализа и синтеза. Любой «исторический труд» несет в себе черты «исторического источника» и в известных условиях становится сам историческим источником, например, для биографии историка².

§ 8. Кроме признака «ведущей цели» исторические источники различаются между собою по признаку их происхождения (или профиля).

§ 9. Профиль исторического источника — это комплекс следующих показателей (= признаков):

- 1) авторство источника,
- 2) адресат источника,
- 3) конкретные задачи источника,
- 4) место возникновения или создания источника,
- 5) время возникновения или создания источника.

§ 10. Анализ авторства источника предполагает анализ следующих признаков:

1. Политические позиции автора источника (индивидуального или коллективного).

Пример: Речь Бивербрука по радио. См. «Известия» 14 октября 1941 г.

2. При авторстве индивидуальном:

- a) имя, отчество, фамилия автора,
- b) даты рождения и смерти,
- c) основные факты биографии,
- d) общественное, служебное положение автора.

3. Для автора коллективного:

- a) наименование учреждения, предприятия, организации, группы, коллектива,
- b) масштаб и район действия (центральные, местные, всесоюзные, республиканские, краевые, областные, районные, городские),
- c) правительственные — общественные,
- d) официальные — официозные — частные,
- e) светские — церковные,
- f) условия членства и цели общ[ественных] организаций (детские — юношеские; профессиональные, спортивные, соб[ственно]-политические).

§ 11. Анализ адресата источника предполагает установление лица или коллектива лиц (начиная от группы обывателей или специалистов и кончая народом и его правительством) и основные даты в истории жизни адресата.

§ 12. Автор источника при его создании мог преследовать различные задачи*:

a) задачи организации государственного аппарата, государственного управления, суда, законодательства, финансов, армии, флота, народного хозяйства (промышленности, сельского хозяйства, транспорта и путей сообщения), народнохозяйственного учета, отчета, планирования, задачи культурно-просветительного порядка, иначе говоря, задачи оперативно-производственного и государственного масштаба,

b) задачи личного как материального, так и духовного порядка.

§ 13. Под «местом» возникновения или создания источника следует понимать не только его географию, но и «условия места». «Место», не определяя собою ни профиля, ни содержания источника, является существенно важным для понимания как источника в целом, так и его профиля и содержания.

§ 14. Под «временем» возникновения или создания источника следует разуметь как хронологическое его определение, так и «условия времени». «Условия времени» в значительно более сильной степени влияют как на профиль, так и на содержание источника.

§ 15. Профиль источника определяет собою:

- a) содержание источника,
- b) метод, которым составляется источник,
- c) форму, которую источник принимает.

§ 16. Содержание источника — это конкретные сведения, какие почерпает из данного источника историк, причем источник, преследующий определенную задачу, часто сообщает материал, далеко выходящий за пределы этой задачи. Например, дипломатическая переписка может дать материал по географии страны, по ее экономике, истории и т. д. ** В этом смысле задача источника далеко не всегда совпадает с его содержанием.

При всем разнообразии источников по их содержанию можно разбить их на группы:

- 1) материал по исторической географии,
- 2) материал по экономической истории, по истории промышленности и [сельского] х[озяйства], по истории внешней и внутренней торговли, по истории транспорта и путей сообщения и т. д.,
- 3) материал по политической истории (внешней: военной и дипломатической и внутренней), материал по истории героической борьбы народов за их независимость, по истории племен, классов сословий, по истории классово-борьбы и революции, по истории гос[ударственного] управления, суда, законодательства, финансов, армии, флота и т. д.,
- 4) материал по культурной истории — по истории техники, истории науки, литературы, изобразит[ельного] искусства, театра, кино, радио, печати, школы, высшего образования и т. д.

§ 17. Особенности источников по их содержанию вызвали к жизни ряд специальных исторических дисциплин:

- 1) по группе первой — историческая география,
- 2) по группе второй — экономическая история,
- 3) по группе третьей — политическая история,
- 4) по группе четвертой — культурная история.

§ 18. Политическая история имеет целый ряд вспомогательных исторических дисциплин:

- 1) генеалогия,
- 2) геральдика,
- 3) сфрагистика.

* Написано вместо зачеркнутого цели.

** Ревизская сказка преследовала задачи учета населения в целях организации гос[ударственных] финансов. Но ревизская сказка дает интересный материал по генеалогии крестьян[ских] семей.

§ 19. Культурная история выделяла ряд дисциплин, получивших самостоятельное значение: история книги, история педагогики и народного образования, история техники и науки, история литературы.

§ 20. Исторические источники различаются по методу их составления:

1) источники директивные:	учебник
инструкция,	↓
приказ,	метод «понятий» (наука!)
указ,	шарж
закон (законопроект — законоположение),	↓
судебный приговор,	метод «образов» (искусство!)
2) источники учетно-отчетно-плановые:	5) источники изобразительных искусств*:
бухгалтерская запись,	графические,
статистическая таблица,	картографические (планы, схемы),
протокол заседания,	изобразит[ельная] статистика:
журнал расходов,	диаграммы,
3) деловая переписка:	таблицы,
«промемории»,	«чертежи,
«отношения»,	живописные,
4) источники повествовательные:	архитектурные,
беседа, легенды,	скульптурные,
разговор, былины,	литейные (монеты, медали, жетоны),
рассказ, сказки,	музыкальные,
доклад, очерки,	вокальные (опера)
лекции, повести,	хореографические (балет),
анекдот, романы,	6) сценические:
воспоминания, драмы,	кино — экран,
мемуары, комедии,	театральная сцена
письма и переписка, сатира,	7) библиографические:
дневники, пародия,	научно-информационные,
летописи, памфлеты	научно-критические,
ист[орические] исследования,	научно-рекомендательные,
мифы.	

Примечание. Библиографические источники, различаясь по профилю, содержанию, методу и форме, изучаются не столько историками-источниковедами, сколько библиографами. В технике разыскания и учета исторических источников библиографические источники играют огромную роль и подлежат специальному изучению. См. мой курс «Библиографическое источниковедение» и раздел «Библиография библиографий» в «Типовом оборудовании Кабинета истории СССР» (МГПИ им. К. Либкнехта).

§ 21. Исторические источники различаются по форме:

- 1) источники мимические (от жеста — телодвижения до системы сложнейших трудовых процессов на производстве),
- 2) источники устные**,
- 3) источники вещественные,
- 4) источники графические,
- 5) источники письменные,
- 6) источники печатные (все формы текстовой и изобразительной печати! от машинописи до типографии — литографии!),
- 7) кино — фото — диапозитив, диаорамы.

§ 22. Анализ исторических источников по признаку формы вызвал к жизни ряд специализированных исторических дисциплин:

- a) по группе второй: история языка, фольклор,
- b) по группе третьей: археология,
- c) по группе третьей и четвертой: нумизматика,
- d) по группе пятой:
 палеография,
 археография,
- e) по группе шестой:
 история книги. См. курс Щелкунова.

§ 23. При классификации источников нельзя забывать главнейшее: конкретные цели и задачи данной классификации данных источников.

* *Надпись сбоку: карикатура? шарж?*

** *Написано вместо зачеркнутых слов: источники устные, источники вещественные, источники мимические.*

Классификация источников возможна по любому из указанных выше признаков:
профиля,
содержания,
метода,
формы.

Какой из этих признаков будет положен в основание? Решение этого вопроса зависит от:

- 1) задач, темы и объема исследования,
- 2) характера источников.

§ 24. В общем теоретическом курсе исторического источниковедения исторические источники следует классифицировать по признакам формальным. Этим достигается:

- 1) максимально быстрая обзорность источников,
- 2) возможность постановки и решения сравнительно-исторических задач.

§ 25. Не следует упускать из вида и вспомогательных классификационных признаков:

- 1) место хранения источников,
- 2) принадлежность источников учреждению или лицу,
- 3) принадлежность к составу того или иного архивного фонда.

Часть II. Методика и техника анализа исторического источника

§ 26. Критика внешняя: критика происхождения, подлинности, вероятия.

§ 27. Критика внутренняя: критика достоверности.

Учение об аргументах:

- 1) от количества,
- 2) от изобразительности,
- 3) от точности,
- 4) от детальности,
- 5) от близости к событию,
- 6) от молчания источника о событии,
- 7) от заинтересованности,
- 8) от участия в событии,
- 9) от отсутствия источников о событии.

ОР ГБЛ, ф. 428, карт. 5 (III, 4).

Примечания

¹ В лекции это положение конкретизировано И. И. Полосиным: «...Есть еще одна группа источников, которую историки-педагоги упорно забывают и с которой не хотят считаться,— это источники, которые можно было бы назвать историко-географическими. Почему не географическими? Я на этом настаиваю, потому что географический источник не принимает участия в истории; потому что только тот географический источник, только та географическая среда, которая в какой-то мере испытала на себе воздействие человеческой руки, производства людей и того или другого действия людей, только такая географическая среда и обстановка может быть принята к анализу историками.

В остальном это будет естественноисторический источник, а не исторический источник; исторический же источник, связанный с географической средой, превращается в историко-географический источник».

Далее И. И. Полосин поделился «маленьким опытом», о котором ему рассказал М. К. Любавский — один из наших мастеров историко-географов. «В вопросах историко-географических он обладал большим чутьем, но в то же время никак не мог понять, что помогало одному очень маленькому княжеству в системе Белозерских княжеств так долго сохранять свою самостоятельность. Помимо других факторов, помогавших этому княжеству сохранить самостоятельность, была, между прочим, и география района. И достаточно было бы Любавскому проехать на территорию этого княжества, посмотреть на эту цепь болот и топей, окружавших его со всех сторон, и на это маленькое блюдечко-княжество, возвышавшееся среди почти неприступных районов, как многое уже разъяснилось бы. География не определяет историю, а влияет на нее, и это влияние нужно установить» (ф. 428, карт. 5 (III, 3), стр. 14—15).

² В лекции И. И. Полосин также развивает эту мысль: «Для источника мы считаем типичным отражение реальной жизни и попытку воздействия на эту жизнь. Представьте себе указ Петра I о посессионных крестьянах. Это и отражение жизни и попытка воздействовать на жизнь. Если в этом документе нет никаких элементов

и попыток подробного исторического объяснения, то мы считаем этот текст только источником и больше ничем. Но как только в нем появляются первые наброски, первые попытки к историческому объяснению этого же самого факта, то мы уже имеем перед собой не только источник, но и соответствующую обработку материала, т. е. уже материал научного исследования, хотя он даже и в начальной его стадии. Тогда мы отнесем этот материал или к разряду научных исследований или пособий, или к тому, что в общем смысле слова называется литературой.

И здесь существенно важно опять для нас проследить, как постепенно источник превращается в исследование и как исследование может стать источником. И само собой разумеется, что пятитомник Ключевского — блестящее научное исследование, и в то же самое время превращается в источник, как только мы поставим тему: «Ключевский как историк».

Это различие между источником и литературой, которое влечет за собой различие в пользовании теми образами и понятиями, которые мы там или здесь находим, и необходимость твердого [представления с] понятия[х] и образах*, заимствованных из источника и из вторых рук, из литературных источников или пособий — для нас также представляет бесспорный интерес» (ф. 428, карт. 5 (III, 3), стр. 10—11).

* В *неправленной стенограмме*: образов.

Л. С. Рогачевская

ВАЖНЫЙ ДОКУМЕНТ ПО ИСТОРИИ ЛИКВИДАЦИИ БЕЗРАБОТИЦЫ В СССР

Ликвидировав безработицу в СССР в конце 1930 г., Коммунистическая партия и Советское правительство решили одну из труднейших социальных проблем времени. Это было историческое завоевание победившего пролетариата, неизбежный результат Великой Октябрьской социалистической революции. Изучение процесса ликвидации безработицы в СССР необходимо для познания закономерностей и особенностей социалистического строительства, для правильного понимания многих сложных явлений истории советского общества.

Тем не менее история безработицы и ее ликвидация в Советской стране до недавнего времени не только не была предметом специального исследования, но даже в общих работах освещалась весьма схематично и неопределенно. Историки лишь констатировали сам факт ликвидации безработицы в самом начале 30-х годов, выделяя две основные причины — проведение социалистической индустриализации и осуществление коллективизации сельского хозяйства, приведшие к уничтожению этого бича рабочего класса.

Лишь в 1965 г. А. С. Сычева попыталась впервые осветить процесс ликвидации безработицы в СССР, защитив диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Из истории борьбы советского народа за ликвидацию безработицы в СССР (1929—1931 гг.)»¹. В этом же году К. И. Суворов выступил с небольшой брошюрой, посвященной вопросу ликвидации безработицы в СССР². Однако эти работы не только не исчерпали проблему, а, наоборот, выявили целый ряд неразрешенных и дискуссионных вопросов. Значение исследований Сычевой и Суворова в основном заключается в том, что они привлекли внимание советских историков к этой крупной и сложной проблеме.

Недостаточное изучение процесса ликвидации безработицы в значительной мере было связано с состоянием источников. До сих пор мы не только не имели специальных публикаций архивных материалов по этому вопросу, но и архивные изыскания, ввиду их огромной трудоемкости, почти не велись по этой теме. Ко многим делам фондов Наркомтруда и Госплана СССР, где сосредоточены материалы по труду, еще не прикасалась рука исследователя.

Настоящая публикация вводит в научный оборот новый ценный источник для изучения процесса уничтожения безработицы в СССР. Это доклад

¹ В 1967 г. А. С. Сычева опубликовала статью «Как была ликвидирована безработица в СССР» («Вопросы истории», 1967, № 1).

² К. И. Суворов. Великое завоевание советского народа в области труда (о ликвидации безработицы в СССР). М., 1965.

мая записка сектора труда и быта Госплана СССР о причинах недостаточного снабжения рабочей силой промышленности и сезонных отраслей народного хозяйства в 1930 г., обнаруженная нами в материалах фонда Госплана СССР, хранящегося в Центральном государственном архиве народного хозяйства.

Мы не располагаем точными данными относительно времени составления этой записки. Однако, судя по содержанию документа, можно предположить, что она написана не ранее 22 октября 1930 г., поскольку в записке упоминается постановление ЦК ВКП(б) от 20 октября 1923 г., опубликованное в газетах 22 октября. На наиболее позднюю дату создания публикуемого документа указывает выражение: «На 1 сентября *текущего года*» (курсив мой.— Л. Р.). Следовательно, можно думать, что документ был написан не позднее 31 декабря 1930 г. Таким образом, публикуемый документ был составлен в ноябре — декабре 1930 г., т. е. как раз тогда, когда Советское государство официально заявило о ликвидации безработицы в СССР.

Материалы публикуемой докладной записки имеют разносторонний характер. Сведения о конкретной работе хозяйственных органов и органов Наркомтруда по вербовке рабочей силы, анализ практических недостатков в этой работе, а также вопросы текучести рабочей силы на предприятиях хотя и представляют несомненный интерес, однако непосредственного отношения к изучению процесса ликвидации безработицы в СССР не имеют. Ввиду этого, учитывая скромные размеры публикации, мы позволили себе опустить указанные разделы, специально оговорив это в соответствующем месте.

Большую ценность для историка представляют имеющиеся в публикуемом документе сведения о резком недостатке рабочей силы в 1930 г. Здесь мы находим конкретные данные о нехватке рабочих во всех сезонных отраслях народного хозяйства (на погрузочно-разгрузочных работах, на железнодорожном, речном и морском транспорте, на лесозаготовках и строительстве). Особый интерес представляют сведения о снабжении рабочей силой важнейших строек Урала, Сибири, Москвы, Ленинграда и Украины в разгар строительного сезона в июле 1930 г. Целый ряд материалов раскрывает тяжелое положение с рабочей силой в каменноугольной промышленности, особенно в Донецком бассейне.

Мы не можем сказать, что приводимые в публикуемом документе сведения о снабжении рабочей силой различных отраслей народного хозяйства являются уникальными. Аналогичные данные, хотя и в несколько ином плане, приводит Наркомтруд СССР в своем докладе о снабжении социалистического строительства кадрами, составленном примерно в то же время³. Однако новые дополнительные материалы о нехватке рабочей силы в 1930 г. подтверждают вывод о резком изменении состояния рынка труда на рубеже 20-х и 30-х годов. В публикуемом документе мы находим весьма важное заключение о том, что, если до 1930 г. недостаток рабочей силы в некоторых отраслях народного хозяйства был случайным явлением, возникшим на том или ином участке социалистической стройки, то в 1930 г. он стал «узким местом» народнохозяйственного плана, превратился в серьезное препятствие на пути дальнейшего развития Советской страны. Это заключение Госплана СССР свидетельствует о том, что в 1930 г. проблема безработицы переросла в проблему кадров.

В течение 10 месяцев 1930 г. численность безработных сократилась в 6 раз, составив на 1 октября 1930 г. 226 тыс. человек (по подсчетам НКТ СССР, эта цифра получалась преимущественно в результате оборота рабочей силы, составляя 1,5—2% к числу занятой рабочей силы)⁴.

³ ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 15, д. 279, лл. 152—157.

⁴ «Народное хозяйство СССР. Статистический справочник 1932 г.». М.—Л., 1932,

20 октября 1930 г. ЦК ВКП(б) в постановлении «О мероприятиях по плановому обеспечению народного хозяйства рабочей силой и борьбе с текучестью» подчеркнул: «Огромный успех социалистической индустриализации страны и быстрый темп колхозного и совхозного строительства привели к полной ликвидации безработицы в Советском Союзе и потребовали дополнительных сотен тысяч рабочих»⁵. Материалы публикуемого документа подтверждают этот вывод партии⁶.

Не менее важна для исследователей попытка составителей издаваемого документа выявить причины нехватки рабочей силы в народном хозяйстве. «Несомненно, что одной из главнейших причин затруднений с рабочей силой в 1930 г., — говорилось в докладной записке, — было резкое увеличение спроса на рабочую силу по сравнению с прошлым годом». Этот же вывод мы находим и в другом месте записки, где объясняются трудности, возникшие в разных отраслях хозяйства из-за недостатка рабочей силы. Правда, документ не дает возможности судить в полной мере о потребностях в рабочих кадрах в первые годы пятилетки. Однако те сведения, которые мы обнаруживаем в документе, о колоссальном росте потребности в рабочей силе для строительства по РСФСР и для лесозаготовок представляют огромный интерес.

В публикуемом документе наиболее ценны материалы об отходничестве сельского населения на заработки в первые два года массовой коллективизации. Как известно, бурное обобществление сельского хозяйства началось с весны 1929 г., когда в колхозы пошел середняк. Какое влияние оказала коллективизация на традиционный отход крестьян на промыслы? Над этим вопросом задумывались еще в самом начале 30-х годов работники Госплана и НКТ СССР, а затем за решение этой проблемы взялись экономисты и историки. Долгое время в литературе существовало мнение, что коллективизация сельского хозяйства существенно повлияла на отход сельского населения в города, значительно сократив его размеры.

Только в 1964 г. Ю. В. Арутюнян в статье «Коллективизация сельского хозяйства и высвобождение рабочей силы для промышленности» попытался пересмотреть эту точку зрения и показать то принципиально новое, что внесла коллективизация сельского хозяйства в процесс миграции крестьянского населения и комплектования промышленных кадров за счет деревни⁷. Его концепция сводилась к тому, что коллективизация, открывшая широкие возможности для механизации сельского хозяйства, позволила высвободить для других отраслей народного хозяйства, особенно для промышленности и строительства, часть рабочей силы, занятой прежде в деревне. Приводимые им данные за 1928—1932 гг. убедительно подтверждают этот тезис. Ю. В. Арутюнян показывал, что коллективизация не только ускорила и расширила процесс вовлечения крестьянского населения в промышленность, но и привела к принципиально качественным изменениям в причинах миграции и способах привлечения крестьян в промышленность.

Соглашаясь в целом с этой концепцией, следует внести в нее некоторые уточнения, касающиеся двух первых лет пятилетки. В 1928/29 и 1929/30 хозяйственных годах в связи с организационными делами, связанными с созданием новых колхозов и совхозов, а также в результате расширения посевных площадей в коллективизированных хозяйствах отходничество относительно, т. е. по сравнению с темпом роста в предшествовавшие го-

стр. XXII—XXIII. Конъюнктурный обзор по труду за 1929/30 г.—ЦГАОР СССР, ф. 5515, оп. 1, д. 246, л. 105.

⁵ «Правда», 22 октября 1930 г.

⁶ В последнее время некоторые историки, на наш взгляд необоснованно, пытались пересмотреть хронологические рамки завершающего этапа ликвидации безработицы. По этому вопросу см. нашу статью «Решающий этап ликвидации безработицы в СССР» («История СССР», 1967, № 3).

⁷ «Формирование и развитие советского рабочего класса (1917—1961 гг.)». Сб. статей. М., 1964, стр. 100—116.

ды, даже несколько сократилось. Публикуемый документ убедительно показывает, что в первые годы массового обобществления крестьянских хозяйств, когда механизация сельского хозяйства только еще начиналась, коллективизация не оказала большого влияния на процесс миграции сельского населения. В этом смысле настоящая публикация имеет уникальное значение, поскольку она является пока единственным архивным источником, позволяющим сделать такой вывод. Приводимая в ней таблица показателей, сопоставляющих процент коллективизации и размеры отхода, как по всей стране, так и по отдельным республикам, краям и областям и даже округам, позволила составителям данной докладной записки прийти к заключению, что не может быть и речи о влиянии коллективизации на отход с точки зрения его увеличения.

Более того, судя по публикуемому документу, в основных зерновых районах страны, где коллективизация проходила особенно бурными темпами, размеры отходничества относительно уменьшились. Таблица, показывающая интенсивность отхода в районах Средней и Нижней Волги, в Центрально-Черноземном районе и на Северном Кавказе в 1929 и 1930 гг., свидетельствует, что во всех районах, кроме ЦЧО, численность отходников после коллективизации сократилась. Эта таблица, на наш взгляд, является исключительно ценным источником для исследователей, разрабатывающих историю советского крестьянства и коллективизации сельского хозяйства, а также историю рабочего класса СССР и социалистической индустриализации.

Вторая часть раздела, посвященного отходничеству в 1930 г. и влиянию на него обобществления крестьянских хозяйств, посвящена анализу комплекса факторов, повлиявших на отход из колхозов. Составители публикуемой докладной записки рассматривают сначала субъективные причины психологического порядка, которые не только сдерживали отход, но и привели в некоторых случаях к возврату отходников домой для вступления в колхозы. Далее они переходят к анализу объективных факторов, которые заставляли правления колхозов воздерживаться от отпуска колхозников. Надо отметить, что довольно много подобных материалов (о запрещении отходничества из колхозов под угрозой административных мер) можно встретить в периодической печати тех лет. Тем не менее они и в публикуемом документе представляют определенную ценность, так как являются еще одним важным свидетельством того, что в первые годы массовой коллективизации отход из колхозов искусственно сдерживался. Об этом же свидетельствуют сведения, полученные Наркоматом Труда СССР от НКГ республик по вопросу о влиянии коллективизации на отходничество. Эти сведения читатель также найдет в публикуемом документе.

Рассматриваемый раздел заканчивается общей характеристикой состояния отходничества из колхозов на рубеже 20-х и 30-х годов, которая показывает, что плановые наметки по переброске рабочей силы из колхозов в промышленность в 1930 г. не были выполнены, что, безусловно, вызвало дополнительные трудности с обеспечением народного хозяйства кадрами во втором году пятилетки.

Этот вывод исключительно ценен для исследователей, разрабатывающих историю ликвидации безработицы в СССР. Как явствует из публикуемого документа, а также из других многочисленных источников, в 1930 г. в связи с размахом строительных и реконструктивных работ резко возрос спрос на рабочую силу. В том же году биржа труда почти полностью исчерпала свои резервы, безработица сразу пошла на убыль. В то же время деревня — извечный поставщик рабочих рук, впервые за многие годы в связи с массовой коллективизацией не предоставила городу потребную рабочую силу. Как явствует из публикуемой записки, это было вызвано главным образом издержками труда при организации коллективных хозяйств. Резервы рабочей силы в деревне продолжали существовать, поэто-

му во всем объеме встал вопрос о переходе от самотека рабочей силы к ее организованному набору. Поскольку этот сложный и важный вопрос является темой для самостоятельного исследования, мы на нем не будем останавливаться, а еще раз подчеркнем, что на первых порах массовая коллективизация сдержала поток мигрирующего сельского населения. Конечно, это сыграло существенную роль в ликвидации безработицы в 1930 г. — ресурсы бирж труда были полностью использованы, и все безработные трудоустроены. 9 октября 1930 г. Народный Комиссариат Труда СССР принял решение о прекращении выплаты пособий и о немедленной посылке на работу имевшихся кое-где немногочисленных безработных⁸.

Последняя часть публикуемого документа посвящена мероприятиям, предложенным сектором труда и быта Госплана СССР, по урегулированию рынка труда. Этот материал менее ценен для исследователя, поскольку носит сугубо предварительный характер. Однако и он имеет определенное научное значение, так как отражает попытку плановых органов перейти к плановому перераспределению рабочей силы в связи с полной ликвидацией безработицы в СССР.

Публикуемая докладная записка Госплана СССР является важным источником по истории безработицы в СССР. Вместе с другими историческими памятниками она вскрывает процесс ее ликвидации в конце 20-х — начале 30-х годов. Кроме того, она создает базу для изучения одного из узловых вопросов этой проблемы — о влиянии коллективизации сельского хозяйства на уничтожение безработицы в Советской стране. Однако эта тема нуждается в дальнейшем исследовании, для чего необходимо вовлекать в научный оборот новые архивные материалы.

Публикация подготовлена на основе «Правил издания исторических документов» (М., 1955 г.).

ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ СЕКТОРА ТРУДА И БЫТА ГОСПЛАНА СССР
«ПРИЧИНЫ НЕДОСТАТОЧНОГО СНАБЖЕНИЯ РАБОЧЕЙ СИЛОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
И СЕЗОННЫХ ОТРАСЛЕЙ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА В 1930 ГОДУ»

Ноябрь — декабрь 1930 г.*

Недостаток рабочей силы в некоторых отраслях нашего хозяйства ощущался и до 1930 г. Но если до этого времени затруднение с рабочей силой было случайным явлением, возникшим на том или ином участке социалистической стройки, то теперь оно перерастает в серьезное препятствие на пути развития нашего хозяйства и становится так называемым узким местом народнохозяйственного плана.

«Разрешение этого вопроса является важнейшей хозяйственно-политической задачей, вставшей во всей ее остроте в первую очередь перед органами НКТруда» (постановление ЦК ВКП(б) от 20 октября 1930 г.). «Потребность в дополнительной квалифицированной рабочей силе в 1931 г. для основных отраслей промышленности, — говорится в том же постановлении, — исчисляется в 1300 тыс. человек»**.

Потребность в массовой рабочей силе определяется НКТрудом для 1931 г. в 9000 тыс. человек.

Уже в 1930 г. только для лесозаготовительных работ требуется 964 тыс. пеших и 1109 тыс. конных рабочих, т. е. более двух миллионов человек (по данным НКТ СССР).

Такое положение обязывает со всей серьезностью отнестись к этому вопросу, вскрыть действительные причины этих новых трудностей, возникающих на почве роста нашего хозяйства, и найти пути к их преодолению.

Для того чтобы ответить на вопрос, как велики трудовые ресурсы нашей страны и достаточны ли они для выполнения плана народного хозяйства, необходимо построить баланс труда, из которого было видно, какими запасами труда мы располагаем и какие затраты труда необходимы для разных секторов нашего хозяйства и разных его отраслей.

Такой баланс установил бы, в каких республиках и областях имеется излишняя рабочая сила и в каких, наоборот, ощущается ее недостаток.

Построение баланса труда является совершенно необходимым для того, чтобы

⁸ «Правда», 11 октября 1930 г.

* Датировано по содержанию документа.

** «Правда», 22 октября 1930 г.

в дальнейшем стало возможным распределение рабочей силы в плановом порядке. Однако нельзя забывать, что никакой баланс труда, хотя бы и идеально построенный, не может разрешить вопроса о рабочей силе, когда органы, регулирующие труд, и хозяйственные органы, пользующиеся им, своим неумелым подходом к привлечению рабочей силы и использованию ее нередко дезорганизуют рынок труда и часто вынуждают завербованных рабочих-отходников возвращаться домой в деревню, не приступив даже к работе.

Многочисленные факты неопровержимо доказывают, что в 1930 г. причинами острого кризиса с рабочей силой были всевозможные «неполадки» с вербовкой и использованием рабочей силы, а не только действительный недостаток ее. Поэтому необходимо изучить опыт этого года для того, чтобы не повторить его в будущем. Конкретные мероприятия, которые необходимо осуществить для урегулирования вопроса, очевидно, будут вытекать не только из данных баланса труда, но и из анализа действительного положения вещей, которое имело место в 1930 г.

По данным бюллетеня НКТ СССР и РСФСР, снабжение рабочей силой важнейших строительных ко времени разгара строительного сезона в июле месяце 1930 г. характеризуется следующими цифрами. По Уралу на строительствах Магнитостроя, Березнякихимстроя, Тракторостроя, Уралмашстроя, Уралугля, Уралжелездорстроя и на других менее крупных строительствах по плану требовалось 153 433 человека, фактически было занято 95 206 человек и недоставало 58 227 человек.

На строительствах Сибир-Сибкамбале, Кузнецкстрое, Сибжелездорстрое и др. требовалось рабочей силы 47 823 *, имелось 31 094, недоставало 16 779.

По Ленинграду требовалось	15 795,	имелось	10 897,	недоставало	4898.
По Москве	»	6 208,	»	5 375,	» 833.
Всего по РСФСР	»	226 601 *	»	151 537,	» 74 964.

По УССР для Днепростроя и Харьковского тракторного завода требовалось 36 394 и недоставало 7241. Всего по 44 стройкам Союза требовалось 262 995 * чел[овек], имелось 180 790, а недоставало 82 200 чел[овек].

Недостаток рабочей силы в 1930 г. ощущался в большей или меньшей степени во всех сезонных отраслях народного хозяйства. Так, по каменноугольной промышленности к июлю месяцу обеспеченность рабочей силой по Союзу определяется как 89,3% от потребности. В Донецком бассейне к сентябрю месяцу значительно сократилось (на 12 тыс. человек) число забойщиков, что и послужило причиной прорыва плана добычи угля в Донбассе. С наименьшей остротой чувствовался недостаток рабочей силы для погрузочно-разгрузочных работ как на водном, так и на железнодорожном транспорте.

Суда и баржи простаивают в ожидании разгрузки неделями.

В Северо-Западном бассейне не было своевременно разгружено до 600 судов и барж, в Ленинграде до 200, на Волге — 500 и т. п.

В Средне-Волжском крае требовалось 2000 чел[овек], а находилось на работах — 600 чел[овек]. По бассейнам РСФСР на середину августа при наличии 7533 грузчиков недоставало около 15 тыс. чел[овек], а максимальная потребность определялась больше чем в 60 тыс. чел[овек]. Суда со строительными материалами (кирпич, цемент) простаивали в ожидании разгрузки, в то время как строительства нуждались в этих материалах и из-за их отсутствия не производили работ надлежащим темпом.

По Морфлоту в портах Ленинград — Архангельск и Черного моря к 1 октября текущего года имелось 33 356 грузчиков, недоставало 26 955 чел[овек], в том числе 7200 чел[овек] для выполнения плана по экспорту хлеба.

Аналогичное положение и на железнодорожном транспорте.

Задание ЦК партии от 10 октября о минимальной норме погрузки в 57 тыс. вагонов не выполняется.

В октябре при среднесуточной норме погрузки в 63 377 грузится лишь 46 947 вагонов, т. е. 75%. По Москве недогруз составляет 326 000 вагонов.

На 1 сентября текущего года для железнодорожного транспорта требовалось 153 028 * грузчиков, имелось в наличии 68 265 и недоставало 83 863. Обеспеченность была равна 44,6%.

Для лесосплава на 1 августа требовалось 427 847 рабочих, а имелось 197 065, т. е. 46%, на 1 сентября требовалось 315 929, а имелось 155 400 чел[овек], т. е. 43,4%.

На летних лесозаготовках положение было более благоприятным. Однако это объясняется тем, что значительная часть рабочих пришла на лесозаготовки самоотком. Таким образом, в единственном случае, когда положение с рабочей силой может быть признано более или менее удовлетворительным, причину этого относительного благополучия не приходится относить на счет органов НКТруда.

С большим напряжением из-за недостатка рабочей силы проходила уборочная кампания в сельском хозяйстве и в особенности по уборке свеклы, в Крыму по уборке табака и по сбору плодоовощей.

* Итог не сходится.

Несомненно, что одной из главнейших причин затруднений с рабочей силой в 1930 г. было резкое увеличение спроса на рабочую силу по сравнению с прошлым годом. Достаточно указать, что в то время как в прошлом году потребность для строительства по РСФСР была определена около 500 тыс. рабочих, планом на 1929/30 г. она определялась 1258 тыс. чел[овек] и даже 1400 тыс. для разгара строительного сезона (Конъюнктурный обзор НКТ РСФСР). Для лесозаготовок в прошлом году требовалось около 900 тыс. чел[овек], а в 1930 г.— 1500 [тыс.] чел[овек] и, наконец, в течение ударного квартала осенью 1930 г. для лесозаготовок требуется более 2 млн. рабочих (Обращение НКТ.— «Правда», 22 октября 1930 г.).

Этой сильно возросшей потребностью в значительной мере объясняются все трудности, возникшие в разных отраслях хозяйства на почве недостатка рабочей силы.

Однако было бы ошибкой считать, что увеличившийся спрос был единственной причиной. В значительной мере, а в некоторых случаях главным образом, действовали другие причины. Недостаточная четкость работы как хозяйственных органов, так и органов НКТ в некоторых случаях имела своим последствием почти полную дезорганизацию рынка труда...*

Отход в 1930 г. и влияние коллективизации

Приведенные факты достаточно убедительно свидетельствуют о том, что затруднения с рабочей силой происходили в значительной мере от бесплановой и неорганизованной работы тех организаций, которые, казалось бы, больше всего были заинтересованы в возможно большем упорядочении вопроса с рабочей силой. Но не только эти причины влияли на отпуск рабочей силы из деревни. Реконструкция сельского хозяйства произвела грандиозные сдвиги в социальных отношениях в селе. 1930 г. является историческим годом поворота индивидуального крестьянского хозяйства к коллективным формам хозяйства.

Поэтому совершенно необходимым является анализ влияния новых форм отношений в деревне на отпуск ее рабочей силы. Необходимо установить, как влияет коллективизация на отход рабочей силы из деревни, так как очевидно, что наиболь-

Процент коллективизации и размеры отхода

Республики и районы	Процент коллектив. крестьян. хоз-в ко всему числу крестьян. хоз-в в 1930 г.	Процент числа отходников по району к итогу по СССР 1928/29 г.	Строители	На 1000 человек жителей уходило в отход в 1928/29 г.
РСФСР	19,9	87,6	89,5	43,1
в том числе:				
Сев[ерный] Кавказ . . .	55,2	1,5	1,1	1,6
Крым	50,0	0,1	н[ет] св[ед.]	2,5
Нижняя Волга	34,8	1,5	1,0	1,5
Урал	25,5	7,4	3,5	5,4 (По Ура-
Средн[ия] Волга	20,4	4,4	5,7	3,0 лу 61%
Сибирь	19,7	3,4	1,7	1,9 отхода на
Башрееспублика	19,5	1,8	н[ет] св[ед.]	3,2 лесозаго-
ЦЧО	15,1	7,6	12,1	3,3 товки)
Нижегород[ский] край . .	9,7	9,9	11,3	5,9
Татарская АССР	9,4	1,8	1,0	3,4
Север[ный] край	8,1	8,8	2,8	15,2
Иванов[ская] обл.	6,7	6,9	12,1	8,
Москов[ская] обл.	6,6	9,9	14,6	5,
Запад[ная] обл.	6,3	9,5	14,8	6,4
Ленинград[ская] обл. . .	5,6	7,3	5,4	8,2
УССР	38,0	8,4	7,6	2,0
БССР	11,8	4,0	2,9	4,0
СССР	24,1	100	100	3,8

* Опущены данные о недостатках работы органов НКТ по вербовке рабочих кадров, а также разделы о текучести и вербовке рабочей силы.

еще влияние коллективизация должна оказать на отход в тех районах, где она сильнее развита. Сопоставим показатели отхода и коллективизации (см. табл. на стр. 330.— Л. Р.).

Приведенные цифры показывают, что чем больше коллективизация в районе, тем меньше ее значение в отходе. Это можно наблюдать и внутри отдельных районов.

Например, по Средней Волге имеем:

Округа Средне-Волжского края

Округа	% коллективизированных хоз-в в 1930 г.	Отход на заработки в 1928/29 г. на 1000 жит[елей]	Округа	% коллективизированных хоз-в в 1930 г.	Отход на заработки в 1928/29 г. на 1000 жит[елей]
Мордовский . . .	8,9	47,4	Ульяновский . . .	18,7	30,2
Кузнецкий . . .	11,9	28,6	Бугурусланский . .	31,1	26,4
Пензенский . . .	11,0	28,0	Самарский	35,6	17,4
Сызранский . . .	18,1	36,3	Оренбургский . . .	40,2	12,7

В то время как в Мордовском округе при 8,8% * коллективизации отход достиг на 1000 жителей 47,4 чел[овека], по Оренбургскому округу при коллективизации 40% ** отход равен 12,7 чел[овека] на 1000 жителей. Аналогичное соотношение в большей или меньшей степени замечается и в других областях.

Показатели по отходу приведены на 1928/29 г., а процент коллективизации по данным обследования колхозов за май 1930 г., следовательно, не может быть и речи в данном случае о влиянии коллективизации на отход. Зависимость этих показателей заключается в том, что коллективизация по преимуществу охватила земледельческие области и районы, в которых крепче связь населения с землей и где слабее отход на заработки. Ввиду того, что основные очаги отходов не были охвачены коллективизацией и так как в районах сплошной коллективизации отход вообще незначителен, можно предположить, что в 1930 г. коллективизация на размеры отхода большого влияния не оказала. Для сопоставления интенсивности отхода приведем следующие данные.

	Уходило в отход на 100 чел[овек] всего населения в 1928/29 г. по данным отхода	Коллективиз. в 1930 г. население отпускало в отход в 1928/29 г. на 100 чел[овек]	Уходило в отход на 100 чел[овек] колхоз. населения в 1930 г. по данным обследования колхозов
Средняя Волга	3,0	2,4	2,6
Нижняя Волга	1,4	1,6	1,3
ЦЧО	3,3	3,0	4,7
Северный Кавказ	1,6	в[ет] св[ед.]	1,3

Для решения вопроса о влиянии колхозов на отход необходимо учитывать целый ряд факторов, действующих в противоположных направлениях. Как правило, в крупном колхозном хозяйстве затраты на единицу площади посева или на голову скота и тому подобное должны быть меньше, чем в индивидуальных хозяйствах, в результате обобществления хозяйств, не говоря уже о том, что механизация освобождает большое количество труда.

На этом основании обычно делается вывод, что колхозы освободят излишнюю рабочую силу и дадут ее нуждающемуся в ней городу. В основном это совершенно правильно и в конечном итоге колхозы действительно смогут освободить громадные резервы рабочей силы. Но было бы неправильно ожидать от каждого колхоза, только что организованного, что он сейчас же освободит излишнюю рабочую силу.

Процесс коллективизации требует известных издержек производства. Для крестьянина, вступившего в колхоз, самый факт вступления — дело большой важности.

* В таблице 8,9%.

** В таблице 40,2%.

Нужно личное участие в решении этого вопроса, вот почему прошлой весной были случаи возврата отходников домой для вступления в колхоз, и по этой же причине колхозники воздерживались от отхода. Основная причина, которая гнала отходников на заработки в прошлом, материальная необеспеченность, нужда, иногда угроза голода. До революции к этому прибавлялись налоги, подати, которые душили бедняцкую часть деревни.

Вполне естественно, что колхозник, почувствовавший некоторое улучшение условий своего существования, предпочитает оставаться дома, нежели идти в отход, условия которого не кажутся ему столь заманчивыми.

Таковы субъективные причины психологического порядка, которые нельзя не принимать во внимание, анализируя весь комплекс факторов, влияющих на отход из колхозов.

Нельзя не считаться и с целым рядом причин, требующих увеличения затрат труда. Посевная площадь на члена колхоза значительно превышает площадь индивидуального хозяйства. Если раньше единоличник эксплуатировал свою семью и самого себя, работая по 15 часов в сутки и больше, то колхозник получил право на более человеческие условия труда и работает 10 часов и может соблюдать дни отдыха.

Колоссальную экономию труда может дать, например, обобществление быта (домашние работы), но в артелях быт обобществлен пока еще незначительно и индивидуальное хозяйство членов колхоза, хотя и в ограниченном размере, продолжает существовать. Между тем организация труда в колхозе далеко не совершенна. Не редкий случай, когда в колхозах рабочая сила расходуется крайне непроизводительно. Несмотря на целый ряд факторов, свидетельствующих о том, что колхозы постепенно добиваются лучших форм организации труда, все еще продолжает существовать далеко не удовлетворительное положение. Это совершенно неизбежно потому, что колхозники не смогут сразу привыкнуть к новым формам труда — необходим опыт, а для опыта требуется время.

Вновь возникающие колхозы, как новые хозяйственные предприятия, естественно требуют издержек труда на организацию хозяйства. Строительство для обобществленного хозяйства требует квалифицированной рабочей силы. Ко всему этому прибавляется отсутствие опыта ведения крупного хозяйства. Колхозы в прошлом году еще не умели построить производственный план. Не зная плана предстоящих работ, они воздерживались от отпуска отходников.

Для выяснения вопроса о влиянии коллективизации на отход НКТ СССР запросил по этому вопросу Наркоматы республик и получил следующие сообщения:

НКТ БССР сообщает (24 октября 1930 г.): коллективизация отрицательно не влияла на отходничество. За все время не зарегистрировано ни одного случая, чтобы рабочие отказались уходить на заработки вследствие того, что в деревне проведена коллективизация.

Что же касается предоставления колхозами излишней рабочей силы для сезонных отраслей народного хозяйства, согласно местному постановлению НКТ, КЗЦ, НКЗ от 30 марта 1930 г., то вследствие нераспорядительности правлений отдельных колхозов, а в некоторых случаях слабой организованности, запроектированная местным соглашением рабочая сила не только не получена от колхозов, а, наоборот, значительное количество колхозов требовало в момент уборочной и посевной кампаний предоставления наемной рабочей силы.

НКТ РСФСР сообщает по отдельным областям следующие сведения.

Ленинградская область. Отдел труда — при вербовке торфоробочих имело место принудительное отчисление в колхозы вступительных и паевых взносов, задатков, выданных при вербовке.

В Тульском округе процент отчислений доходил до 70.

Биржа труда. Вербовка тормозилась ввиду задержки рабочих в колхозах.

В Скопинском районе. Рязанский окружной РИК распорядился при вербовке колхозников удерживать с задатков 50% на приобретение машин, 20 и 30% вступительного взноса и 10% в фонд колхозов. При выдаче задатков распространялся 6%-ный заем индустриализации и проводилась подписка на газеты.

По Московской области сообщается, что вербовка торфоробочих тормозилась колхозами, которые требовали оставления колхозников для работ в колхозах.

По Псковской области. Была установлена разверстка по районам на вербовку 82 000 рабочих, но не была выполнена, так как колхозы, не имея производственных планов, не могли точно определить, какими резервами рабочей силы они располагают.

НКТ РСФСР в 1930 г. было произведено выборочное обследование о состоянии отходов рабочей силы из колхозов в сезонные отрасли народного хозяйства. В материалах перечисляются 11 колхозов, которые задерживали рабочую силу. Все колхозы мотивировали задержку необходимостью рабочей силы для своих работ, причем одни из них задерживали рабочих только некоторых профессий, другие всех поголовно.

Имели место случаи отказа самих колхозников уйти на работу. В частности, по

причине высоких отчислений в колхоз. Во многих случаях размер отчислений доходил от 25 до 50% (5 колхозов); в других случаях размер вообще не был установлен.

Из обследованных 27 колхозов в 19 отход был «самотеком», в остальных организовано. В колхозе имени Розы Люксембург существовало правило — «кто уходит на заработки, исключается из колхоза».

В заключение для того, чтобы окончить характеристику состояния отхода из колхозов, следует привести постановление НКТ СССР от 23 октября 1930 г. В постановлении говорится:

«Констатировать, что заключенное Колхозцентром соглашение между Союзлеспромом и НКТ РСФСР по переброске из колхозов к 15 октября 1930 г. 274 400 человек пеших рабочих и 289 800 конных на лесоразработки — не выполнено. За невыполнение передать дело в прокуратуру для привлечения виновных к ответственности».

Мероприятия по урегулированию рынка труда

1. Никаких плановых мероприятий невозможно предпринимать без точного учета наличия и потребности рабочей силы. Поэтому совершенно необходимым является кроме исчисления сводных балансов трудовых ресурсов страны поставить систематический периодический учет рабочих в деревне. Балансы труда должны составляться в областях по районам, но даже составленные в таком территориальном разрезе они не могут вполне удовлетворить требования оперативной работы. Для последней необходимо знать не только, как велики остатки трудовых ресурсов деревни за покрытием ее собственной нужды в рабочей силе, но и знать, каких рабочих, в каком количестве, каких профессий можно получить в том или ином районе. Чтобы иметь такие сведения, необходимо поставить учет рабочей силы через колхозы и сельсоветы. Эта работа не потребует больших средств и при надлежащей постановке должна дать весьма ценный для регулирования рынка труда материал. Такой учет следует рассматривать как необходимую предпосылку для действительно успешного планомерного распределения рабочей силы.

Наличие точного учета даст возможность устранить целый ряд дефектов в деле маневрирования резервами рабочей силы; в частности, будут устранены встречные переброски рабочей силы из района в район.

2. Организация единого вербовочного аппарата и устранение конкуренции между вербовщиками, контракция рабочей силы в колхозах путем заключения соглашений с колхозами о поставке определенной рабочей силы. Соглашения могут быть заключены между колхозами и предприятиями.

3. Комплектование постоянных кадров рабочих, с тем чтобы использовать их на разных работах в течение года. Рабочие лесозаготовок — зимних и летних — и на лесосплаве в некоторой части могли бы работать почти круглый год, переходя с одной работы на другую.

Сроки строительства могли бы быть удлинены сверх уже существующих в 9,5—10 месяцев с предоставлением отпуска рабочим (несколько удлиненного в счет повышенного рабочего дня). Можно было бы занять некоторые категории рабочих в продолжение круглого года.

Удлинение срока сезона уже практически имеет место в действительности. Так, по СССР в строительстве в зимнее время было занято на 1 января 1927 г. 411,3 тыс., в 1928 г. — 476,7 тыс., в 1929 г. — 587,7 тыс. Рост зимних работ позволяет увеличить постоянные кадры — практика зимних работ должна быть расширена.

4. Особое внимание должно быть обращено на своевременную подготовку хозяйственных органов к началу работы.

В строительстве — заблаговременное изготовление чертежей, проектов, смет, стройматериалов, точных расчетов на потребную рабочую силу. Просить РКИ установить систематическое наблюдение за ходом подготовки хозяйственных органов к началу работ и производством.

Обязать хозорганы под строгую ответственность представлять своевременно реальные планы использования рабочей силы. Принимая во внимание опыт 1930 г., подготовку и контракцию рабочей силы начать заблаговременно до начала строительного сезона.

5. В районах коллективизации выявить через колхозы возможную свободную рабочую силу. В производственных планах колхозов должна быть учтена свободная рабочая сила. Колхозам дать специальное задание подработать вопрос о своих трудовых ресурсах и возможного отпуска рабочей силы на сторону.

Для улучшения постановки процессов производства должны быть проведены следующие мероприятия.

6. Возможное расширение механизации и большее использование имеющихся механизмов.

6. В практике 1930 г. механизмы использовались недостаточно. Имеются ценные машины, например *, экскаваторы (заменяющие 1000 рабочих) и бетонные машины,

* Далее слово не разобрано.

но используются иногда всего на 50%. Необходимо добиться дальнейшего внедрения механизации в сезонном производстве и увеличить коэффициент их использования.

7. Рационализация процессов труда в производстве также может явиться источником экономии в рабочей силе. Правильная организация труда, освобождение квалифицированных рабочих от процессов, которые могут быть выполнены чернорабочими (например, от подачи материалов), улучшение качества инструментов и качества материалов также могут дать громадную экономию в затратах труда. Упрощение конструкций в строительстве и стандартизация их могут значительно сократить потребность в рабочей силе.

8. Экономное расходование рабочей силы должно выразиться в первую очередь в использовании рабочих на работах, соответствующих их квалификации. Должны быть устранены простои по причинам неправильной расстановки рабочей силы на работе. Рабочий день их должен быть загружен полностью.

9. Социалистическое соревнование и ударничество в сезонных отраслях развито еще очень слабо. Необходимо развернуть его в этих отраслях хозяйства.

10. Особое внимание должно быть обращено на борьбу с текучестью и устранение всех причин, порождающих ее. В частности, необходимо унифицировать расценки работ, чтобы неестрота их не была причиной перелетов рабочих с одних работ на другие. Необходимо в корне изменить бытовую обстановку — улучшить жилища и питание рабочих, а также культурное их обслуживание.

11. Подготовка кадров, обучение рабочих, имеющих какую-либо одну профессию, используемую в краткие сезонные сроки, другой дополнительной профессии. Повышение квалификации рабочих является также необходимой и с точки зрения сокращения потребности в рабочей силе.

12. Активное участие профессиональных и партийных организаций в деле регулирования рынка труда также является необходимой предпосылкой для успешности дела.

ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 28, д. 86, лл. 37—49.

IV. ХРОНИКА

К 80-ЛЕТИЮ С. Н. ВАЛКА

В декабре 1967 г. исполнилось 80 лет крупному советскому историку, доктору наук профессору Сигизмунду Натановичу Валку. За 55 лет научной деятельности им опубликовано более двухсот научных работ. Широкий хронологический диапазон его исследований — от периода древней Руси до Великой Октябрьской социалистической революции и первых лет Советской власти. Ученый широчайшей эрудиции, глубокого аналитического ума и высокой принципиальности, Сигизмунд Натанович значительную часть своих сил посвятил источниковедению и публикации исторических документов, в частности. В издании источников С. Н. Валк видит не только путь к расширению фактической основы исторической науки, но и важный стимул в развитии исторических исследований вообще. Еще в 1940 г. он писал: «Дело научного издания исторических документов является одним из основных условий успешного развития исторической науки»¹.

В 1913 г. Сигизмунд Натанович окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Будучи учеником таких видных представителей русской дореволюционной исторической школы, как А. С. Лаппо-Данилевский, А. Е. Пресняков, Н. И. Кареев, И. М. Гревс, он был одним из тех, кому пришлось передавать лучшие традиции этой школы советской исторической науке и быть участником ее становления.

Когда в первые годы Советской власти в результате революционных преобразований громадная масса архивных документов оказалась в распоряжении исторической науки, С. Н. Валк был в числе тех историков, которые первыми приняли участие в их собирании, архивном описании и использовании. Работая с 1918 г. в Петроградском историко-революционном архиве, он получил всегда привлекательную для историка возможность постоянного общения с источниками. Тогда же началась его деятельность как публикатора. Позднее при участии Сигизмунда Натановича в качестве составителя или редактора были опубликованы такие важные издания, как «1905 год в Петербурге». Вып. 1; «Социал-демократические листовки» (Л.— М., 1925; «Архив „Земли и воли“ и „Народной воли“» (М., 1932); «Декреты Октябрьской революции» (М., 1933); «Листовки Петербургского „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“, 1895—1897 гг.» (М., 1934); «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» (М.— Л., 1949); «Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы. 1861—1862» (М.— Л., 1950); «Дело петрашевцев» (т. III. М.— Л., 1951); «Революция 1905—1907 гг. в России. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. Документы и материалы» (ч. 1—2. М.— Л., 1955); «Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг.» (т. 1. М., 1961); «М. М. Сперанский. Проекты и записки» (М.—

¹ «Архивное дело», 1940, № 3(55), стр. 85.

Л., 1961); наконец, в 1957, 1959 и 1964 гг. под руководством С. Н. Валка были опубликованы три тома «Декретов Советской власти», а в 1962—1966 гг. шесть томов «Истории Российской» В. Н. Татищева.

Многие из этих изданий по принципам отбора документов и археографическим методам их публикации являются образцовыми. Вместе с тем Сигизмунд Натанович принял активное участие в разработке собственно методических приемов издания источников. В 1924 г. в связи с выходом первого тома «Сборника грамот Коллегии экономии» он выступает с историографическими заметками, в которых не только высказывает ряд интересных замечаний по поводу изучения частных актов, но и поднимает общие вопросы их издания. По мнению Сигизмунда Натановича, выход сборника знаменовал «переход от кустарного до научного периода к научной археографии»². Вместе с тем его внимание привлекают вопросы публикации материалов по истории общественного движения. Опубликованная им в том же 1924 г. рецензия на первый выпуск «Памятников агитационной литературы РСДРП(б)» переросла в исследование о методах издания документов по истории революционного движения в России. Автор выдвинул задачу систематической разработки археографических принципов публикации этих документов.

В следующем году на первом съезде архивистов РСФСР он выступил с докладом «О приемах издания историко-революционных документов», в котором вопрос о методах публикации получил дальнейшее развитие. По поручению Института В. И. Ленина в 1926 г. он подготовил «Проект правил издания трудов В. И. Ленина». В связи с десятилетием Октябрьской революции появился ряд публикаций документов по истории революционных событий, и С. Н. Валк выступает в печати с пятью критическими обзорами этих публикаций, изданными с января 1926 г. по июнь 1928 г. В 1937 г. он печатает статью «О публикациях материалов по феодально-крепостническому периоду истории СССР», а в годы войны еще две: «Советские издания документов по истории СССР до XIX века» (1944 г.) и «Советские документальные публикации по истории СССР XIX—XX веков» (1942 г.). В 1940 г. Сигизмунд Натанович выступает с обстоятельной рецензией на первое советское систематическое «Руководство по публикации документов XIX и начала XX в.», подготовленное в 1939 г. А. А. Шиловым. Одобрительно отзываясь о «Руководстве», С. Н. Валк делает ряд ценных замечаний как общего, так и частного характера. В 1944 г. в одной из заметок С. Н. Валк высказывает мысль о необходимости «перейти от издания отдельных групп источников по тем или иным вопросам к систематическому изданию важнейших категорий исторических источников»³.

Естественным итогом всей этой большой работы было издание в 1948 г. обобщающего монографического исследования «Советская археография». Известно, что в конце 1940-х годов эта книга вызвала вместе с положительными отзывами неоправданную критику и незаслуженные обвинения. Но, как бывает, книга пережила критику и через 20 лет не потеряла своего значения. Весьма желательным было бы переиздание этой работы в расширенном и дополненном виде, тем более что автор и после 1948 г. продолжал исследования в области археографии. В 1955 г. Сигизмунд Натанович принимает участие в подготовке «Правил издания исторических документов», а в 1960 г. под его редакцией выходят «Правила издания документов советского периода». И те и другие отразили достигнутый к этому времени высокий уровень археографической методики и дали дальнейший толчок к ее развитию.

Сигизмунд Натанович внимательно следит за развитием археографии за рубежом. В 1958 г. он публикует рецензию на чехословацкие «Прави-

² «Каторга и ссылка», 1924, № 1—2, стр. 228.

³ «Исторический журнал», 1944, № 5—6.

ла издания источников новейшей истории», а в 1962 г. заметку «Польская историческая литература о выработке правил издания документов». В этом же году он выступает со статьей «Судьбы „археографии“», где рассматривает эволюцию этого термина на фоне общего развития науки о публикации исторических документов. Наконец, заметим, что в конце 1950-х — начале 1960-х годов С. Н. Валк пишет несколько интересных историографических очерков о научной деятельности видных советских историков (о Б. Д. Грекове — 1960 г., М. Н. Тихомирове — 1962 г. и др.).

Во всех этих исследованиях Сигизмунд Натанович выступает за научную объективность отбора документов для публикации и точность передачи текста наряду с возможной простотой археографического оформления. Громадная работа, выполненная С. Н. Валком по изданию исторических источников, принесла ему заслуженный авторитет ведущего советского археографа. В честь его 75-летия вышел сборник статей по источниковедению истории СССР, в котором приняло участие более 70 авторов из самых разных научных учреждений страны⁴.

С 1932 г. вся деятельность С. Н. Валка связана с Ленинградским отделением Института истории, в котором он в настоящее время возглавляет группу истории СССР периода капитализма. Много лет он занимается педагогической деятельностью в Ленинградском университете. В университете и вне его Сигизмунд Натанович воспитал многих учеников, успешно работающих в исторической науке и, в частности, в области публикации источников. Со времени создания Ленинградского отделения Археографической комиссии он его председатель и ответственный редактор сборника «Вспомогательные исторические дисциплины».

Общим пожеланием С. Н. Валку со стороны представителей ведущих научных учреждений, друзей и учеников, собравшихся в связи с 80-летием Сигизмунда Натановича, было пожелание здоровья, новых радостей творчества и осуществления всех замыслов.

Л. Е. Шепелев

⁴ «Исследования по отечественному источниковедению». М.—Л., 1964. В этом сборнике опубликован список научных трудов С. Н. Валка.

К 65-ЛЕТИЮ А. В. АРЦИХОВСКОГО

26 декабря 1967 г. исполнилось 65 лет одному из членов-учредителей Археографической комиссии — члену-корреспонденту Академии наук СССР Артемию Владимировичу Арциховскому. Выдающиеся научные достижения А. В. Арциховского широко известны и в нашей стране и за рубежом. В архиве академика М. Н. Тихомирова имеются машинописные копии доклада о творческом пути А. В. Арциховского, прочитанного на объединенном заседании кафедр исторического факультета МГУ в апреле 1960 г., и краткой характеристики научного творчества ученого, датированной 1953 г. и публикуемой ниже с небольшими сокращениями:

«...Имя А. В. Арциховского широко известно не только специалистам, но и большому кругу людей, интересующихся прошлым нашей Родины. Открытие в руководимых им раскопках в Новгороде грамот, написанных на бересте, принадлежит к числу крупнейших открытий в области русской истории и археологии. Оно заново позволяет осветить историю древнерусской культуры и наносит сокрушительный удар враждебным высказываниям об отсталости русского народа и его культуры. Следует отметить, что само открытие грамот на бересте сделано было проф. А. В. Арциховским не случайно, а в результате сознательных поисков письменных документов, о чем проф. Арциховский неоднократно говорил в своих докладах.

А. В. Арциховский является автором многочисленных научных трудов, имеющих громадное значение и для археологии и для истории СССР. Его ранняя работа о вятичах («Курганы вятичей». М., 1930) показала значение вятичей, как одного из крупнейших восточнославянских племен, в образовании русской народности. Эта работа цитируется не только в специальных археологических трудах, она оказала большую помощь в деле изучения истории Москвы и образования русского литературного наречия. Другой труд А. В. Арциховского — «Древнерусские миниатюры как исторический источник» — является настоящей энциклопедией по истории русского оружия, предметов обихода, по истории русской миниатюры и т. д. А. В. Арциховский является также автором первого учебника по археологии, который выдержал два издания и в настоящее время заново переработан и вновь готовится к печати. Количество отдельных статей, написанных А. В. Арциховским, очень велико. Ему принадлежат и две статьи, написанные в «Истории культуры древней Руси».

Замечательной особенностью работ А. В. Арциховского является их новизна. Отдельные его статьи прочно вошли в историческую науку, а темы их разрабатываются в кандидатских диссертациях на основе материалов, впервые объясненных в трудах А. В. Арциховского. При этом следует отметить крайнюю лаконичность языка А. В. Арциховского, вследствие чего громадные темы укладываются у него в небольшие по размерам книги. Этой особенности трудов А. В. Арциховского может позавидовать любой из наших историков и археологов. Про труды А. В. Арциховского с полным правом можно сказать, что в них просторно для фактов и построений и тесно для слов...» (Архив АН СССР, ф. 693, оп. 1, д. 211).

К 60-ЛЕТИЮ Е. А. ЛУЦКОГО

12 декабря 1967 г. состоялось заседание Ученого совета Московского государственного историко-архивного института, посвященное 60-летию со дня рождения известного советского историка профессора Евгения Алексеевича Луцкого.

Е. А. Луцкий принадлежит к поколению историков, начало научного и педагогического пути которых совпало с периодом утверждения марксистско-ленинского направления в исторической науке нашей страны. Шестнадцати лет Е. А. Луцкий, сын революционера-коммуниста, замученного в 1920 г. вместе с Лазо японскими захватчиками, начинает трудовую деятельность инструктором уездного отдела народного образования, преподавателем обществоведения в г. Козлове (ныне Мичуринск). Затем учеба во II Московском университете и выделенном из него педагогическом институте. Здесь в семинарах проф. А. В. Шестакова зарождается интерес Е. А. Луцкого к аграрным преобразованиям после Октябрьской революции. Эта проблема стала главной темой его исследований. В 1931—1934 гг. в аспирантуре Музея Революции СССР Е. А. Луцкий подготовил диссертацию о крестьянском восстании в Тамбовской губернии в сентябре 1917 г., которое из других крестьянских восстаний этого периода особо выделил В. И. Ленин.

В последующие годы направление изучения исследователем аграрного вопроса расширяется: конфискация помещичьих имений и распределение земли в 1917—1918 гг., аграрная политика и аграрное законодательство Советского государства, политика эсеров во время передачи земли крестьянам весной и летом 1918 г. и др. В изучении этих проблем широко проявили себя такие черты Е. А. Луцкого-ученого, как глубокое знание работ В. И. Ленина, умение понять диалектику ленинской мысли, тщательность и скрупулезность в изучении источников. С особой силой это сказалось в изучении основополагающего акта — ленинского декрета «О земле». Статьи Е. А. Луцкого, посвященные исследованию происхождения и сущности этого декрета, по праву признаны образцом источниковедческого анализа. Изучая происхождение декрета, он показал, что в первом издании сочинений В. И. Ленина был опубликован неполный текст, а во втором — четвертом изданиях — текст, нарушающий структуру протографа. Эти выводы были учтены при издании Полного собрания сочинений В. И. Ленина. Исследование в источниковедческом плане трудов В. И. Ленина и документов, связанных с деятельностью В. И. Ленина, ученый продолжал и в последующих работах.

Большое место в творчестве Е. А. Луцкого занимает историография истории СССР советского периода. Он является одним из первых историографов советской аграрной науки. С 50-х годов изучение Е. А. Луцким историографии перерастает рамки аграрной тематики. По заданию Историко-архивного института им разработаны главы учебника историографии истории СССР, посвященные советской исторической науке.

Свыше 30 лет Е. А. Луцкий плодотворно работает в высшей школе: на историческом факультете Московского городского пединститута, историче-

ском факультете МГУ, Историко-архивном институте. С 1960 г. он возглавляет кафедру вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ и наряду с разработкой источниковедческих проблем им создан новый лекционный курс исторической библиографии.

Сочетание широкой эрудиции и научной щедрости, предельная организованность и требовательность к себе, терпение и такт в отношении к ученикам привели к созданию школы Е. А. Луцкого. Его учеников встретишь в средней и высшей школе, местных и центральных архивах, музеях и научно-исследовательских институтах. Под руководством Е. А. Луцкого более 30 его учеников защитили кандидатские диссертации. Ряд его бывших учеников стали докторами наук.

На юбилее с теплыми словами приветствий выступили его коллеги — историки Института истории АН СССР, АН Белорусской ССР, Главного архивного управления, Историко-архивного института, Института музееведения, ряда местных пединститутов и других вузов и его ученики различных поколений.

Все они пожелали Евгению Алексеевичу Луцкому доброго здоровья и успехов в его неустанной исследовательской и научно-педагогической деятельности.

Ю. Я. Рыбаков

И. Е. Тамм

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ ПРИ ОТДЕЛЕНИИ ИСТОРИИ АН СССР ЗА 1967 г.

В течение 1967 г. в Археографической комиссии продолжалась работа по тем же основным направлениям, что и в предыдущие годы: координация публикаторской деятельности различных научных и архивных учреждений, издание «Археографического ежегодника», проведение общих собраний и научных заседаний по вопросам археографии, охраны, изучения и описания рукописей и т. д. В соответствии с научно-издательским планом Комиссией были подготовлены к печати три тома сочинений акад. М. Н. Тихомирова, второй выпуск «Пособия по изучению внешних признаков документов советского периода истории», «Археографический ежегодник за 1966 г.».

Вышел в свет сборник «Новое о прошлом нашей страны. Памяти акад. М. Н. Тихомирова», состоящий из публикации нескольких статей самого М. Н. Тихомирова о подготовке специалистов по отечественной истории и работ, написанных его учениками по различной тематике — источниковедению, археологии, палеографии, истории летописания, политической и социально-экономической истории.

Археографическая комиссия продолжала и свою координационную деятельность. 11 января 1967 г. состоялось совместное заседание Научного совета Главного архивного управления при Совете Министров СССР и Археографической комиссии при Отделении истории, на котором было заслушано два доклада: «Об упорядочении архивной терминологии и издании „Словаря архивных терминов“» (И. С. Назин), «О „Перечне документальных материалов, подлежащих приему в государственные архивы“», вып. II. «Вопросы народного хозяйства» (Т. Г. Коленкина).

В обсуждении по первому вопросу выступили проф. К. Г. Митяев (МГИАИ) и проф. Д. А. Чугаев (член бюро Археографической комиссии). Последний в основном одобрил почти завершенную работу по составлению Словаря, но отметил и необходимость доработки. Так как Словарь составляется в условиях формирования многих понятий, связанных с архивным делом, возникает возможность новых дополнений и замечаний. Докладчик остановился на понятии «документ», подчеркнув важность вопроса о подлинности документа и для исследователей истории советского общества. Другие выступавшие по этому вопросу отмечали, что, к сожалению, большинство документов в архивах не заверены и до сих пор нет единой системы в их оформлении. Д. А. Чугаев высказал ряд замечаний по отдельным терминам («делопроизводство», «картотека», «каталог», «легенда», «палеография» и др.).

Д. А. Чугаев предложил обсудить все выпуски «Перечня документальных материалов...» на Ученом совете сектора истории советского общества Института истории АН СССР, собрав всех источниковедов и исследователей, занимающихся специальными историческими дисциплинами. По проблемам регулирования и регламентирования поступления материалов на государственное хранение выступал ряд сотрудников ГАУ и архивов (Д. Т. Суботин — ЦГАОР СССР, Э. В. Челлини — АО Мосгорисполкома, А. П. Пшеничный — ЦГАНХ СССР, А. В. Елпатьевский — ВНИИДАД).

В решении совместного заседания Научного совета ГАУ и Археографической комиссии отмечено в основном верное направление работы и одобрены подготовленные материалы для «Словаря» и «Перечня».

24 апреля 1967 г. состоялось заседание Археографической комиссии, на котором было заслушано два сообщения: Т. Н. Протасьевой «Об описании Синодального собрания рукописей ГИМ, не вошедших в описание Горского и Невоструева», к. и. н. Н. Н. Покровского «Об археографической экспедиции 1966 г. Сибирского отделения АН СССР по Сибири».

Т. Н. Протасьева сообщила, что работа по описанию Синодального собрания продолжается по прежней, алфавитно-предметной системе. Ею же было высказано пожелание (совместно с Л. Н. Пушкаревым) об опубликовании этого описания Археографической комиссией на основе накопленного опыта, при использовании, в частности, описания, сделанного Седелниковым. Председатель Археографической комиссии чл.-корр. В. И. Шунков подчеркнул целесообразность издания описания Синодального собрания, но, видимо, без описания Седелникова (издание его трудов предполагается в Отделении литературы и языка АН СССР).

Н. Н. Покровский в своем сообщении отметил, что в археографической работе Сибирского отделения наметились основные направления: изучение фондов самого отделения; выявление новых рукописей и старопечатных книг в районах старообрядческих поселений Сибири. В 1958 г. Археографическая комиссия начала эту деятельность по плану М. Н. Тихомирова. Теперь дар покойного председателя Археографической комиссии составил основу рукописного собрания Сибирского отделения. Отделом рукописей ГИМа было подарено более 60 старопечатных книг, Библиотекой Академии наук — редкая библиографическая литература; около 30 старопечатных книг поступили из ГБЛ.

В 1966 г. в старообрядческих поселениях Оби и Енисея побывали три археографические группы сотрудников Сибирского отделения и Новосибирского университета. Было приобретено около 50 рукописных книг, из них наиболее интересные: рукописный сборник середины XVI в. Иосифа Волоцкого (11 слов) необычной редакции, 12-е слово (о Троице) ученика Иосифа Волоцкого, несколько старообрядческих сборников XVII—XVIII вв., отрывок «Честного зеркала», сказание о начале славянской азбуки, крюковые рукописи, первопечатные книги, в том числе две — Ивана Федорова. Кроме того, выявлены более поздние памятники по истории раскола в Сибири.

Докладчик охарактеризовал перспективы и планы дальнейшего исследования, которые должны охватить в будущем и новые районы — Алтай и Забайкалье. Кроме того, следует поставить вопрос об охране этих районов, для чего Археографическая комиссия может обратиться непосредственно к местным властям.

27 октября 1967 г. на заседании Комиссии были заслушаны доклад к. и. н. А. А. Преображенского «Документы по истории крестьянства Урала и Сибири XVII — начала XVIII в. в музеях Перми и Кунгура» и сообщение Б. Л. Фонкича о греческих рукописях в собраниях Харькова и Одессы.

А. А. Преображенский подчеркнул, что музейные собрания Урала мало изучены, а сведения о фондах областных архивов весьма отрывочны. Край имеет большие традиции в изучении источников, начиная с Мил-

лера, Берха и обследований Археографической комиссии, которая опубликовала часть документов в «Актах исторических» и «Дополнениях» к ним. Но большинство их осталось ненапечатанными. Значительная часть документов осталась в пермских собраниях, причем в разрозненном виде (фонды одних и тех же учреждений разъединены и хранятся в областном архиве и краеведческом музее).

В музее Перми имеются до сих пор не описанные столбцы, которые удалось просмотреть докладчику. Здесь хранятся более 150 столбцов XVII — начала XVIII в. делопроизводства Верхотурской приказной избы, Ирбитской и Шадринской судебных изд, а также отдельные документы: жалованная грамота Строгановым, грамота патриарха Гермогена 1605 г. и др. Среди документов судебных изд большое значение имеют подлинные воеводские памяти из Тобольска — ценный источник, освещающий социально-экономическую историю и правительственную политику на Урале и в Сибири. Материалы музея содержат богатые сведения о борьбе крестьян против десятинной (казенной) пашни, о наемном труде в крестьянском хозяйстве, о крестьянских выступлениях в 90-х годах XVII в. и т. д.

В Кунгурском музее также есть документы середины XVII — начала XVIII в. — подлинные частные акты Анофриевых (солевары), Ростовцовых, крестьянский архив Иртеговых. В последнем преобладают хозяйственные документы: купчие, меновные, исполные, кабалы, по которым прослеживается процесс обогащения Иртеговых.

Докладчик подчеркнул важность исследования и опубликования подобных хозяйственных документов (они есть в ЦГАДА, Перми, Чердыни, возможно, и в Соликамске). К этому мнению присоединились председатель собрания д. и. н. В. А. Александров и д. и. н. Н. Н. Улащик.

В апреле 1967 г. Б. Л. Фонкичем была предпринята поездка в Харьков и Одессу с целью выявления и описания греческих рукописей для каталога. Им были обнаружены 24 рукописи в библиотеке Харьковского университета, одна XIII в. на пергамене, одна XIV в., большинство же относится к XVII и XVIII вв. Большая часть рукописей поступила в XIX в., принадлежали они ранее, видимо, патриарху константинопольскому Серафиму. Там же имеется интереснейший фонд — библиотека Стефана Яворского.

В Одессе греческие рукописи находятся в Государственной научной библиотеке им. Горького; их 34 (15 — из собрания Григоровича), относятся к X—XIII вв. Среди них «Евангелие апракос» (X в.), палимпсесты. Кроме того, есть рукописи XVIII в. (трактаты по философии, риторике, поэтике, материалы греческого торгового училища). В историко-краеведческом «Музее обороны Одессы» хранится «Евангелие апракос» — прекрасно оформленная рукопись. Материалы обследования предполагается опубликовать в «Археографическом ежегоднике».

Б. Л. Фонкич поставил вопрос о весьма неудовлетворительном хранении рукописей в Одессе. Археографическая комиссия будет обращаться в Украинскую Археографическую комиссию с просьбой обратить внимание местных организаций на необходимость улучшить условия хранения ценнейших греческих рукописей.

8 декабря 1967 г. состоялось совместное заседание Научного Совета ГАУ и Археографической комиссии, на котором обсуждался проект «Правил издания документов в СССР». С основными докладами выступили заведующий отделом научной публикации ГАУ Г. П. Лебедев и д. и. н. Д. А. Чугаев. В обсуждении приняли участие представители многих учреждений, деятельность которых связана с публикацией документов: ГАУ (Л. И. Яковлев), ВНИИДАД (В. А. Кондратьев), ЦГАОР СССР (И. Н. Владимирцев), ИМЛ при ЦК КПСС (Р. А. Лавров), Института истории АН СССР (В. Е. Поletaев, С. О. Шмидт), Института славяноведения АН СССР (В. А. Дьяков), МГИАИ (М. С. Селезнев), МГУ (П. А. Зайончковский).

Г. П. Лебедев в своем докладе отметил, что проект «Правил» создан в результате труда большого коллектива с учетом предложений более 200 учреждений страны и специалистов, занимающихся научно-публикаторской деятельностью. Докладчик подчеркнул, с одной стороны, возросшую роль и уровень документальных изданий в развитии общественных наук и культуры и, с другой, — известное отставание теории советской археографии от ее практики.

Начало обсуждения актуальных вопросов археографии было положено общесоюзной теоретической конференцией 1959 г. о видах и формах публикаций исторических источников. 20 сентября 1967 г. проект «Правил» обсуждался на Ученом совете ВНИИДАД.

Д. А. Чугаев подчеркнул, что совещание показывает как серьезное отношение и требовательность научной общественности к создаваемым «Правилам», так и содержательность самих «Правил». Он предложил считать «Правила» рекомендательным пособием для археографов и руководством в отношении основных теоретических посылок и методики.

На совещании поднимались и обсуждались многие важные для публикаторов вопросы: о типах изданий, о принципах и методике сокращенной передачи текста, о публикации статистических источников, о разграничении правил общих и прикладных (или частных, локальных) и многие вопросы, касающиеся отдельных разделов и параграфов проекта и их формулировок.

Было высказано мнение о том, что правила надо назвать «Основными правилами издания исторических документов в СССР».

Совещание провело большую и плодотворную работу, приняло за основу предложенный проект «Правил» и наметило дальнейшие перспективы доработки «Правил» для окончательной редакции.

Председатель Археографической комиссии
ВИКТОР ИВАНОВИЧ ШУНКОВ
(6(18) апреля 1900 г.—9 ноября 1967 г.)

ПАМЯТИ ВИКТОРА ИВАНОВИЧА ШУНКОВА

9 ноября 1967 г. после тяжелой болезни на 67-м году жизни скончался заместитель академика-секретаря Отделения истории АН СССР, председатель Археографической комиссии при Отделении истории член-корреспондент АН СССР Виктор Иванович Шунков. Для организации похорон В. И. Шункова была создана комиссия во главе с акад. Б. А. Рыбаковым.

14 ноября научная общественность провожала в последний путь В. И. Шункова. Гроб с телом покойного был установлен в Белом зале Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР им. В. П. Волгина, директором которой В. И. Шунков был последние 18 лет.

Траурный митинг открыл акад. Б. А. Рыбаков. На гражданской панихиде в ФБОН АН СССР и в крематории выступили акад. Е. М. Жуков, чл.-корр. А. П. Окладников, чл.-корр. В. Г. Трухановский, д. и. н. С. Л. Утенко, к. и. н. И. А. Ходош (ФБОН), Ф. С. Абрикосова (Министерство культуры СССР), М. С. Филиппов (БАН), проф. Г. А. Новицкий (истфак МГУ), к. и. н. Л. И. Яковлев (ГАУ при Совете Министров СССР), д. и. н. В. А. Александров (редколлегия «Истории Сибири»), д. и. н. С. О. Шмидт (Археографическая комиссия), Д. Я. Брилон (ФБОН).

Все выступавшие характеризовали В. И. Шункова как крупного исследователя, автора выдающихся печатных трудов по отечественной истории периода феодализма и особенно по истории Сибири. В. И. Шунков возглавил работу коллектива ученых по созданию фундаментальной «Истории Сибири». Одаренный педагог, виднейший специалист в области вспомогательных исторических дисциплин, патриот своей Родины и интернационалист, В. И. Шунков воспитал многих учеников, преподавал в МГУ, МГИМО, МГИАИ.

Сочетая глубокое знание отечественной истории с широким кругозором, творческим воображением и политическим чутьем, В. И. Шунков был первым редактором журнала «Исторический архив», в последние годы много и плодотворно работал в редколлегии журнала «Вопросы истории», был редактором многих научных изданий.

Велики заслуги В. И. Шункова как организатора и строителя советской исторической науки. Будучи деятелем широкого общественного размаха, он прекрасно понимал законы развития науки и обладал умением мудро и весомо решать сложные вопросы. В. И. Шунков многие годы возглавлял нашу историческую науку сначала на посту заместителя директора Института истории (отсюда добровольцем ушел на фронт) и в последнее время на ответственных постах в Отделении истории АН СССР и в ВАКе. После М. Н. Тихомирова В. И. Шунков плодотворно работал на посту председателя Археографической комиссии.

Коллеги и друзья высоко ценили в Викторе Ивановиче его умение всегда ставить общественные интересы выше всего, добросовестность, делови-

тость в сочетании с высокой внутренней культурой, простотой и большой человечностью. Обладая особым тактом, не навязывая своего мнения другим ученым, Виктор Иванович всегда поддерживал советом, берег творческую самостоятельность, ценил труд своих товарищей.

Секретарь партийного бюро ФБОН Д. Я. Брилон отмечала, что Виктор Иванович, в суровые годы войны вступивший в ряды КПСС, был для сотрудников библиотеки настоящим партийным руководителем, чутким и глубоко демократичным; семнадцать раз его избирали в партийное бюро.

Неоценим вклад Виктора Ивановича в библиотечное дело, которое он возглавлял многие годы. Как ученый он прекрасно понимал важность хорошо организованной научной библиотеки, и благодаря ему ФБОН стала одной из лучших библиотек СССР по общественным наукам, крупным центром научной информации. В. И. Шунков не только сам знал и любил книгу, но и заботился о развитии библиотековедения и библиографии, сотрудничал в журнале «Советская библиография», готовил конференции библиотекарей Союза, отдавал много энергии и сил библиотечному делу в самом широком масштабе, был председателем Библиотечного совета, вице-президентом Международной федерации библиотечных ассоциаций (ФИАБ).

По случаю кончины Виктора Ивановича Шункова поступили телеграммы с выражением соболезнования от многих советских и зарубежных учреждений, организаций и отдельных лиц: от Министерства культуры РСФСР, от Министерства культуры Туркменской ССР; от Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик; от Института истории естествознания и техники АН СССР; от Ленинградского отделения Института истории; от Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения АН СССР; от Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР; от Института языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР; от Отдела истории Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР; от Отделения общественных наук АН Грузинской ССР; от Президиума Отделения общественных наук АН Казахской ССР и Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова; от Института истории АН Киргизской ССР; от Президиума и Института истории АН Туркменской ССР; от Отделения общественных наук АН Латвийской ССР; от Президиума АН Таджикской ССР; от Книжного отдела АН СССР; от Лаборатории консервации и реставрации документов Отделения истории АН СССР; от Библиотеки АН СССР; от Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; от научных библиотек академий наук всех союзных республик; от Библиотеки Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; от Библиотеки МГУ; от Государственной публичной исторической библиотеки; от Государственного исторического музея; от научной библиотеки Саратовского университета; от ректоратов и кафедр истории СССР университетов и пединститутов Томска, Новосибирска, Иркутска и других городов; от многих издательств и ученых-историков нашей страны; от президента ФИАБ и научной библиотеки в Будапеште.

ЗАСЕДАНИЕ ПАМЯТИ В. И. ШУНКОВА В СИБИРСКОМ ОТДЕЛЕНИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

11 декабря 1967 г. в Новосибирске в Академгородке состоялось заседание Объединенного Ученого совета по историко-филологическим и философским наукам Сибирского отделения Академии наук СССР, посвященное памяти выдающегося советского ученого и организатора исторической науки члена-корреспондента АН СССР В. И. Шункова.

Председатель Объединенного Ученого совета член-корреспондент АН СССР А. П. Окладников, открывая заседание, сказал: «Из жизни ушел добрый наш друг, верный советник, крупнейший ученый-сибиревед, который был нам близок и очень дорог... Имя Виктора Ивановича будет навеки вписано в историю сибирской науки и в историю нашего учреждения (Института истории, филологии и философии СО АН СССР. — *Ред.*)».

С докладом о жизненном и творческом пути В. И. Шункова выступил его ученик к. и. н. О. Н. Вилков.

Докладчик подчеркнул трудолюбие, скромность, высокую ответственность и политическую мудрость В. И. Шункова на любом посту, куда его посылали партия и Родина. В. И. Шунков в 14-летнем возрасте начал свою трудовую деятельность, затем долгие годы преподавал историю и другие общественные науки в средней и высшей школе, совмещая этот труд с учебной, а затем с плодотворной научной и общественной деятельностью.

К началу Великой Отечественной войны В. И. Шунков был уже признанным историком. Ученый-патриот, он по грозовому набату 1941 г. добровольцем встал в ряды московского ополчения.

После победы над фашизмом В. И. Шунков с удвоенной энергией включился в научную жизнь.

В послевоенные годы талант ученого и организатора развернулся во всю ширь. Признанный исследователь истории СССР, особенно истории Сибири (с именем В. И. Шункова связаны новое направление и новый крупный этап в развитии исторического сибиреведения), один из наиболее видных организаторов советской науки, В. И. Шунков, сибиряк по происхождению и по основным направлениям научных исследований, был особенно дорог своим землякам.

Трудно переоценить роль В. И. Шункова в том подъеме исторической науки в Сибири, который начался с подготовки обобщающего коллективного пятитомного труда по истории Сибири и с создания в составе Сибирского отделения АН СССР Отдела гуманитарных исследований, затем преобразованного в Институт истории, филологии и философии.

Участие В. И. Шункова — заместителя академика-секретаря Отделения истории АН СССР и главного редактора пятитомной «Истории Сибири» — в работе Главной редколлегии и редколлегий томов этого издания, общеси-

бирских и зональных научных конференций, его выступления на конференциях и в печати с принципиально важными обобщающими статьями, публикация двух монографий по истории крестьянства и земледелия Сибири XVII—XVIII вв. питали и питают историков Сибири ценными научными идеями.

В своем последнем выступлении на Всесибирской научной конференции 19 сентября 1967 г. в г. Новосибирске В. И. Шунков наметил ближайшую перспективу исследований историков Сибири досоветского периода, руководствуясь решениями партии по идеологическим вопросам и исходя из современного состояния сибиреведения. Это подготовка капитальных монографических исследований по истории Сибири с широким хронологическим охватом, изучение культуры, трудового и революционного опыта трудящихся масс, активная борьба с буржуазными фальсификаторами истории Сибири.

В докладе О. Н. Вилкова были подробно охарактеризованы личные качества Виктора Ивановича — его отеческая мудрость, доброта, интеллигентность в самом высоком значении этого слова. В заключение докладчик сказал: «Мы потеряли не просто крупнейшего ученого и организатора науки. Мы потеряли человека большой щедрости, удивительно человеческого, умного и заботливого».

Выступивший затем директор Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения АН СССР к. пед. н. Н. С. Карташов отметил, что в лице В. И. Шункова библиотечные работники потеряли крупнейшего организатора и теоретика библиотечного дела в стране, который, будучи председателем Комиссии по научной информации и директором Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР, осуществлял непосредственную связь большой науки и библиотечного дела. Н. С. Карташов особенно подчеркнул при этом огромный вклад В. И. Шункова в развитие научной библиографии и научной информации.

Д. и. н. Т. И. Агапова рассказала о том большом внимании, которое В. И. Шунков всегда уделял растущим ученым Сибири.

Д. и. н. М. М. Громыко в своем выступлении внесла ряд предложений об увековечении памяти В. И. Шункова, в том числе об издании полного собрания сочинений В. И. Шункова, сборника статей памяти В. И. Шункова, а также публикации документальных материалов по истории труда в России, которые были подготовлены ныне покойными выдающимися советскими учеными В. И. Шунковым, Н. В. Устюговым, А. Н. Сперанским.

К. и. н. А. А. Преображенский в своем выступлении отметил международное значение научных трудов В. И. Шункова для утверждения марксистско-ленинского понимания истории прошлого нашей Родины и поддержал предложения об увековечении его памяти.

Ученый совет принял постановление обратиться в Отделение истории АН СССР с предложением об осуществлении совместных мероприятий по увековечению памяти В. И. Шункова.

А. Н. Копылов

**СОВМЕСТНОЕ ЗАСЕДАНИЕ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ АН СССР,
ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК АН СССР,
АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ ПРИ ОИ АН СССР
И КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
И КРЕСТЬЯНСТВА СССР,
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АН СССР,
ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР
В. И. ШУНКОВА**

Заседание состоялось 28 февраля 1968 г. в помещении Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР им. В. П. Волгина. Архивом АН СССР была подготовлена выставка материалов о жизни и деятельности В. И. Шункова. На заседании выступили академик Б. А. Рыбаков, д. и. н. В. А. Александров, д. и. н. Е. И. Индова, д. и. н. С. О. Шмидт, к. и. н. И. А. Ходош.

Доклады выступающих положены в основу статей, помещенных в настоящем томе «Археографического ежегодника».

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Бывают утраты, которые сглаживаются со временем, но прошло уже несколько месяцев после смерти Виктора Ивановича, и с каждой неделей мы все больше и больше ощущаем эту утрату. В нашей повседневной научной и организационной жизни мы постоянно чувствуем, что нет Виктора Ивановича. Множество разных дел: научные консультации по тем или иным вопросам, связанным с историей земледелия, с историей Сибири, организационные мероприятия — все приостановилось в связи с его кончиной. Пока он был с нами, все шло хорошо, как бы само собой. Очень вдумчиво, спокойно Виктор Иванович разрешал сложные проблемы исторической научной жизни, всегда так внимательно и серьезно вглядываясь в каждый вопрос, находя какое-то единственное логическое решение, которое было обосновано и с юридической стороны. Когда Виктор Иванович говорил по какому-нибудь вопросу, оспаривать его было очень трудно. Я знаю только одного человека, чьи мнения были также последними и окончательными, — это Вячеслав Петрович Волгин, имя которого носит Фундаментальная библиотека. Прекрасно знавший жизнь, Виктор Иванович относился с большой простотой ко всем вопросам, с огромным вниманием к большому и мелкому делу; он решал всякий вопрос так, что перерешать, создавать какое-то иное мнение было невозможно.

Такое заседание, как сегодняшнее, очень печально и неизбежно связано с утратой, но оно очень нужно, потому что здесь подводятся итоги то-

му, что сделал Виктор Иванович. Научному миру еще известно не все, что создано ученым, ушедшим от нас. Есть рукописи и замыслы, незаконченные произведения, и с ними следует познакомиться и предпринять все возможное, чтобы все написанное и задуманное ученым увидело свет.

Но есть и другое. Это мысли, которые дают плоды, побуждают молодых историков развивать идеи Виктора Ивановича. В работе над многотомной «Историей Сибири», таким большим разделом нашей исторической науки, без Виктора Ивановича очень трудно, и молодым историкам, конечно, придется идти по его следам, продолжая его мысли, углубляя их, двигая дальше, используя тот метод скрупулезного, тщательного, логически безупречного исследования, каким отличались труды Виктора Ивановича.

История земледелия — огромная область. Сейчас довольно часто собираются специальные симпозиумы историков-аграрников, и для них потеря невосполнима. Им нужно так же, как Виктор Иванович, детально и в то же время широко, с исчерпывающей глубиной исследовать многие вопросы истории земледелия.

История нашей Родины эпохи феодализма понесла за последнее время большие утраты. От нас ушли Михаил Николаевич Тихомиров, Арсений Николаевич Насонов, Николай Владимирович Устюгов, и в этот печальный ряд вошел и Виктор Иванович Шунков. Велики наши утраты, но и ответственность историков за этот большой, интересный и очень важный период истории нашей страны велика; она возрастает по мере того, как от нас уходят такие крупные силы, такие большие мыслители, пылливо изучавшие на протяжении целых десятилетий историю русского феодализма. Сейчас эта область сильно осиротела, но нам нужно идти дальше, тщательно освоив наследие наших выдающихся историков. Сегодня мы должны вспомнить все то, что было создано Виктором Ивановичем Шунковым и что надлежит еще сделать в развитие его мыслей.

Акад. Б. А. Рыбаков

В. И. ШУНКОВ — ИСТОРИК-АГРАРНИК

Быстро проходит время. Уже месяцы отделяют нас от печального дня, когда мы навсегда простились с Виктором Ивановичем. Но чувство утраты не отодвигается. Под этим впечатлением и наш коллектив историков-аграрников, которым руководил Виктор Иванович Шунков.

Сейчас еще трудно подвести итог и рассказать обо всем, что было сделано В. И. Шунковым для познания самых различных проблем аграрной истории. Его мысли воплощены в планах больших творческих коллективов: Комиссии по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, Советов по изучению производительных сил отдельных районов: Севера, Сибири, Урала, центра России, прибалтийских республик и др. Его указания и советы направляют работу научной группы, осуществляющей написание многотомной истории русского крестьянства. Большое количество монографических работ по аграрной истории России, созданное отдельными исследователями, вышло и еще будет появляться в свет благодаря личному участию В. И. Шункова.

Виктор Иванович был многогранным ученым, он работал над разрешением различных проблем исторической науки, но одно очевидно, что избранной всегда была тема о жизни российского крестьянства. Большинство оригинальных его исследований посвящено именно этой теме. Он сам уверял, что якобы никогда не уставал беседовать с учениками, когда речь шла о крестьянстве. Нередко говоря о важности изучения аграрных сюжетов, Виктор Иванович повторял, что «в конечном итоге все следует на-

чинать читать с крестьянского двора»¹. Уже его первая работа «Как мы изучаем деревню», увидевшая свет в 1926 г., ставила вопросы о пользе изучения исторической и современной деревни. Это желание заставить историю служить современности прошло красной нитью через все творчество Виктора Ивановича от первой до последней его строки.

Характерной особенностью аграрных исследований Виктора Ивановича является их тесная связь с эволюцией социального строя, анализом форм феодальной собственности, классовой борьбой, вследствие чего его труды многогранны и имеют первостепенную важность². Этому немало способствовало и то обстоятельство, что Виктор Иванович для раскрытия своих тем широко использовал новые архивные источники. Годы он проработал в различных архивах страны, изыскивая документы. Были изучены тогда еще плохо систематизированные обширнейшие фонды Сибирского приказа, приказных изб, воеводских канцелярий и управлений и др.

Виктору Ивановичу удалось для XVII в.— времени, отличающегося отсутствием какой бы то ни было готовой статистики, создать убедительные статистические выкладки. Научная общественность высоко оценила эту работу.

Объектом изучения исследований В. И. Шункова стала Сибирь XVII—начала XVIII в. От истории крестьянства в одном Тобольском уезде³ тема разрослась до создания монографического исследования по истории земледелия и крестьянства Сибири в целом⁴.

Большое значение придавал Виктор Иванович изучению аграрной истории Сибири, подчеркивая при этом, что «русский крестьянин с сохой, бороной и серпом, с его вековыми земледельческими навыками совершил в доступных для феодального общества формах и степени подлинный переворот в деле использования земельных богатств Сибири»⁵. Он дал оценку этому процессу и убедительно показал, что история создания производительных сил и аграрного производства в Сибири явилась результатом крестьянской народной колонизации, сопровождавшейся передачей русского сельскохозяйственного опыта местному населению. Но одновременно аграрное производство районировалось и специализировалось с учетом сибирских условий⁶.

Виктор Иванович в своих трудах рассматривает не один какой-либо вопрос большой аграрной темы. Он показывает пути и методы становления и развития решительно всех сторон аграрного производства колонизуемого края на протяжении столетия.

Именно поэтому так велика научная значимость исследований Виктора Ивановича.

Подробно остановившись на судьбе дорусского земледелия Сибири, Виктор Иванович показывает, что оно не было в состоянии обеспечить дальнейший прогресс даже в самой примитивной форме. Русские в подавляющем большинстве районов должны были закладывать земледелие заново⁷. Культура полей неотделима от общей культуры, часто повторял он мысль Н. И. Вавилова.

¹ В. И. Шунков. Как мы изучаем деревню.— «Вестник просвещения», 1926. № 5—6.

² В. И. Шунков. О феодальном строе сибирской деревни XVII в.— «Вопросы истории», 1952, № 6.

³ В. И. Шунков. Крестьяне Тобольского уезда в начале XVIII в.— «Северная Азия», кн. 5. М., 1929.

⁴ В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956.

⁵ В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII в. М.—Л., 1946, стр. 8.

⁶ В. И. Шунков. «Опыт» в сельском хозяйстве Сибири XVII века.— «Материалы по истории земледелия в СССР». М., 1952, стр. 226—245.

⁷ В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век).

Хозяйственная колонизация осуществлялась в основном крестьянством, служилыми и посадскими людьми, частично ссыльными. Виктору Ивановичу удалось определить число земледельческого населения Сибири XVII в. и установить тот факт, что крестьянство, самостоятельно осваивая территории Сибири, применяло методы, используемые помещиками при заселении земель северо-запада и севера России,— сдача обжитых территорий новым переселенцам с целью скорейшего их устройства. Для общего обзора сибирского земледелия Виктором Ивановичем были созданы карты пяти земледельческих районов Сибири: Верхотурско-Тобольского, Томско-Кузнецкого, Енисейского, Ленского и Забайкальско-Амурского. Благодаря этому впервые устанавливались зональные границы сибирского земледелия XVII в., утверждался порайонный подход к его изучению⁸. Виктор Иванович отметил движение границ земледелия к югу, но особенно примечательны были выявленные им факты движения земледелия на север по сравнению с земледелием дорусским. Много было затрачено труда В. И. Шунковым, чтобы показать, как в процессе становления земледельческого хозяйства активизировались межрайонные связи.

Земледелие, организованное по районам, в дальнейшем — в процессе расширения его товарности — велось уже с учетом условий микрорайонов. Это наблюдение Виктора Ивановича является весьма ценным. Оно позволяет аграрникам считать первым признаком становления товарного производства в земледелии появление узкоместных локальных районов. Наряду с установлением зональных границ земледелия Виктору Ивановичу удалось определить и размеры площадей сибирского земледелия. Большой фактический материал красноречиво свидетельствует о том, что размах земледельческого хозяйства и его организация уже к концу XVII в. в Сибири создали постоянное наличие товарных хлебных излишков. Складывался местный сибирский хлебный рынок с разветвленными торговыми путями. Виктором Ивановичем создана уникальная карта хлебоперевозок.

В. И. Шунков исследовал вопрос и о местных сибирских хлебных ценах в XVII в.⁹

Виктор Иванович интересуется также судьбой нерусского населения Сибири и приходит к выводу, что быстрое становление земледельческого производства, основанного на русском опыте, немало способствовало переходу к занятию земледелием у ненашенных групп местных сибирских народов (эвенков, якутов), а также повышению уровня земледелия у пашенных групп до перехода их к трехполью¹⁰. На примерах из истории сибирского земледелия XVII в. Виктор Иванович Шунков доказал, что понятие «аграрный прогресс» с полным основанием может характеризовать состояние развития земледелия не только в эпоху капитализма, но и в феодальный период. Он развернул перед историками-аграрниками конкретную историческую схему и при изучении сибирского земледелия выяснил довольно быстрый темп его развития. Этому способствовало соединение местных традиций с привнесенным вековым опытом русских. Народный характер колонизации был залогом распространения земледельческой культуры по территории¹¹.

Используя опыт, в основе которого лежал принцип выгоды, крестьяне прежде всего избирали пригодные места для устройства полей. Они следовали собственным принципам, и часто административные центры не совпадали с земледельческими, особенно на первых порах организации хозяйства.

⁸ В. И. Шунков. Географическое размещение сибирского земледелия в XVII в.— «Вопросы географии». М., 1950, стр. 203—238.

⁹ В. И. Шунков. География хлебных цен Сибири XVII в.— «Вопросы географии». М., 1953.

¹⁰ В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.).

¹¹ Там же, стр. 66.

Становлению земледелия, по наблюдениям Виктора Ивановича, постоянно сопутствовало землеустройство: разведка и учет все новых и новых участков для расширения полевого хозяйства. Составлялись карты географические и почвенные, производились описания растительного и животного мира районов с целью более рационального использования природных богатств. Говоря о землях, различали уже их категории: плохая, средняя, весьма хорошая и т. д. до девяти градаций.

Трудно переоценить значение трудов Виктора Ивановича в части изучения агротехники сибирского земледелия и истории агрикультур. Показав, что земледелие строилось с учетом порайонных особенностей, он установил направление общего его движения, выразившееся в конечном итоге в переходе от примитивных систем к организации трехполья и многополья — прогрессивных промышленных систем.

Эти тенденции знаменовали собой резкий толчок в развитии сельскохозяйственного производства. В Сибири в 17 уездах из 20 появилось организованное полевое хозяйство¹². Совершенствовались земледельческие орудия: русские бороны и сохи приобретали свои сибирские особенности (бороны многозубые, сохи чиркающие, режущие отвальные и безотвальные лемехи).

Согласно погодным условиям для отдельных районов Сибири постепенно устанавливались календари сельскохозяйственных работ. Входила в обычай практика удобрения полей. Совершенствовались приемы и методы возделывания пашен, ухода за посевами, уборки. Широко использовалась система предварительной разведок: пробы почв, семян, досмотр урожая, испытание новых полей, лугов и др.

В результате эксперимента, имеющего цель изучить местные особенности, не только появился, но уже в XVII в. был зафиксирован в письменных инструкциях сибирский земледельческий «обычай», «в силу которого пахали и сеяли не против правил, не против местного обычая», а если местные приемы игнорировались правительственными наказами воеводам, крестьяне их энергично оспаривали.

Виктором Ивановичем впервые были установлены порайонные нормы высева. Значение сибирского аграрного опыта особенно наглядно показано Виктором Ивановичем на примере интродукции сельскохозяйственных культур. Крестьянство не механически вводило те или иные культуры, а строго приурочивало их к местным условиям. Появились районы с преобладанием отдельных культур — ржаные, ячменные, пшеничные, конопляные и т. д. В итоге состав сельскохозяйственных культур обогатился не только за счет пришлых но и местных культур — сибирской пшеницы, ярицы и др.

В работах Виктора Ивановича Сибирь предстала как новый очаг обогащения зернового хозяйства России сельскохозяйственными культурами. Уже в XVII в. были выявлены ценные местные сорта хлебов, а также сорта, созданные генетическим путем. (Китайская пшеница, скрещенная с местным сортом, дала особый сорт сибирской пшеницы и т. д.)

Эти наблюдения Виктора Ивановича перекликались с утверждением Н. И. Вавилова о большом значении сибирского очага для общей истории сельскохозяйственных культур, и в этой связи весьма ценен вывод о том, что сибирский обычай и культуры использовались в центральных районах страны¹³.

Сибирская схема земледелия, восстановленная трудами Виктора Ивановича, приобрела общероссийское значение. Она служит как бы прообразом изучения истории земледелия в окраинных районах, осваиваемых крестьянством.

¹² Там же.

¹³ Там же, стр. 227—228.

Глубокое проникновение Виктора Ивановича в тайны аграрной темы позволило ему постоянно выяснять стороны полезной практики, не утратившие некоторое значение и по сие время. Будучи организатором и руководителем Комиссии по истории сельского хозяйства и крестьянства, в ответ на призыв мартовского Пленума ЦК КПСС (1965 г.) — изучать исторический положительный сельскохозяйственный опыт, Виктор Иванович организовал выпуск специального тома материалов, посвященных истории опыта. Эта же тема по его инициативе обсуждалась на 9-й сессии аграрного симпозиума в Таллине в 1966 г., ей было посвящено большинство докладов на сессии Вологодского общества по изучению производительных сил Севера, происходившей в июне 1967 г. Под руководством Виктора Ивановича и при его участии было создано 8 томов «Материалов по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР» и 9 книг аграрного «Ежегодника». А также в самое последнее время подготовлен специальный том сельскохозяйственных инструкций — документов, запечатлевших различные стороны хозяйственного опыта в период позднего феодализма. Призывая изучать сельскохозяйственную науку, в речи на открытии Вологодской аграрной конференции Виктор Иванович указывал, что невозможно обойтись без учета народного опыта, ибо он помогает познать условия сельскохозяйственного производства, связанные с медленно изменяющейся естественной природой. Чем быстрее будет двигаться наука, тем теснее следует крепить эти связи. Прошлое для настоящего, наука для блага народного — любил повторять Виктор Иванович.

Виктор Иванович был неутомимым организатором научных исследований по аграрной истории. Он вдохновлял своим примером всех, кто его знал и имел счастье с ним работать.

Память о нем будет жить всегда.

Е. И. Индова

В. И. ШУНКОВ — ИСТОРИК СИБИРИ

Дорогие товарищи!

О Сибири написано много, может быть даже больше, чем о какой-либо иной части нашей страны: написано о географии Сибири, об ее истории, создана своеобразная сибирская классика художественной литературы. Достаточно вспомнить Д. Мамина-Сибиряка и В. Шишкова. Для того чтобы понять историю этого огромного края, впрочем, как и всякого другого, необходимо зрительно представлять его природу, колорит хозяйственной жизни местного населения. Виктор Иванович Шунков сам был сибиряком. Ему было с детства зримо то представление о Сибири, которое другим пришлось восполнять из художественной и географической литературы. Реальность огромных пространств Сибири, сибирской тайги, ее рек и степей чувствуется в работах Виктора Ивановича. Однажды в частной беседе он сказал, что, работая над историей сибирского земледелия, нужно всегда иметь в виду одну специфическую черту жизни сибирского крестьянина, особенно обитающего в лесных районах, — крестьянин всю жизнь должен был вести борьбу за свое существование с лесом, который наступал на него. Эти слова показывают, насколько тонко сам Виктор Иванович представлял себе ту жизнь, о которой он так много интересного, нужного и полезного написал для нас.

Определить место крупного ученого в истории науки бывает иногда совсем не просто, но определить место Виктора Ивановича в исторической науке не представляет затруднений. Много выдающихся ученых работало над историей Сибири. Г. Ф. Миллер двести лет тому назад создал схему истории Сибири, схему, в которой не нашлось места народу. Работал над историей Сибири такой блестящий ученый, как С. В. Бахрушин, бесспорно ос-

тавивший в историографии очень большой след. В его схеме русскому народу уделено много внимания, но оказалась почти обойденной история сибирского крестьянства. Виктор Иванович Шунков начал свои исследования именно с истории крестьянства как основной части населения, основной части производителей этого огромного района нашей Родины.

Появление крупных работ не случайно и всегда чем-то обусловлено. В исследованиях В. И. Шункова отразился целый этап нашей советской историографии. Виктор Иванович работал тогда, когда Б. Д. Грековым создавались «Крестьяне на Руси», когда в исторической литературе предвоенного и послевоенного времени основное внимание концентрировалось на проблеме о крестьянах на Руси, на судьбах основных производителей русского хозяйства, так как основу истории феодальной России прежде всего составляла история крестьянства.

Говоря об общем значении трудов Виктора Ивановича, мало сказать об их месте в науке и об их основной проблематике. Нужно конкретно понять, как и на основе чего создавались научные представления ученого. Богатые архивы, сохранившиеся по истории Сибири, разрабатывались давно. Интересные работы по истории Сибири, сплошь на архивных материалах, создали П. Н. Буцинский и С. В. Бахрушин.

Виктор Иванович иначе подошел к уже использовавшимся архивным фондам, иначе обрабатывал основные типы источников, свои выводы он основывал на источниках, которые до него практически не обрабатывались в массовом виде — «дозорных», «переписных», «посевных», «ужинных», «умолотных» книгах. Они дали огромный систематичный материал о сельском населении и его составе, о распространении и способах ведения сельского хозяйства, о сельскохозяйственной продукции и ее значении для Сибири; обработать эти книги — скажу без преувеличения — каторжный труд! Книги Виктора Ивановича в основном написаны по этим источникам. Читая последнюю его книгу «Очерки по истории земледелия Сибири», охватывающую всю сибирскую землю, диву даешься, как один человек сумел обработать такой материал.

По истории заселения и сельского хозяйства Сибири нелегко сказать что-либо существенно новое после издания трудов Виктора Ивановича. Значение его работ выходит далеко за рамки изучения истории Сибири.

Работы В. И. Шункова построены по такому четкому плану, что его последователи невольно шли по тому же плану исследования.

Огромный авторитет В. И. Шункова как ученого особенно реально проявился, когда началась работа по созданию обобщающей 5-томной истории Сибири. Виктор Иванович совместно с Алексеем Павловичем Окладниковым возглавлял эту работу. Пришлось провести несколько сессий и общих заседаний редколлегии, прежде чем были определены основная проблематика и содержание томов. Виктор Иванович, проявляя удивительное понимание проблемы, блистательно довел подготовительную стадию до конца. Потом началась работа по написанию томов, проходили обсуждения. Его авторитет был настолько непререкаем, а советы просты и ясны, что спорные вопросы сами собой исчезали — они ставились перед Виктором Ивановичем, находили разрешение и больше не возникали.

Виктор Иванович не дожид до выхода в свет «Истории Сибири». Она, по-видимому, скоро должна быть издана и будет достойна имени Виктора Ивановича.

В. А. Александров

В. И. ШУНКОВ — ИСТОЧНИКОВЕД И АРХЕОГРАФ

(Первые десятилетия творческой деятельности)

Весомость вклада, внесенного Виктором Ивановичем Шунковым в науку, в познание прошлого нашей страны, в значительной степени объясняется тем, что в Викторе Ивановиче необычайно целостно сочетались историк и источниковед. Виктору Ивановичу присуще было в полной мере редкое чувство исторического материала, он в совершенстве владел методикой источниковедческого исследования.

Ученый, склонный и способный к широким и смелым обобщениям, к социологическому подходу к историческим явлениям, В. И. Шунков в то же время обладал склонностью и способностью к скрупулезнейшему источниковедческому анализу исторического материала, даром конкретно-исторического видения. В В. И. Шункове творчески сочетались мастерство марксистско-ленинской методологии и мастерство исследовательской профессиональной методики изучения исторического материала, унаследованное еще от лучших представителей домарксистского периода развития нашей науки. Его труды не только существенно обогащают наши исторические представления, совершенно по-новому объясняя важные и сложные исторические явления, но и являются школой исследования, школой исторического и собственно источниковедческого мастерства. И это тем более бросается в глаза, что В. И. Шунков обладал еще и счастливым умением писать не пространно, а объемно, и маленькие его работы имеют подчас не меньшее научное значение (и по постановке вопросов, и по мастерству анализа источников, и по четкости выражений), чем его большие исследования. В. И. Шунков был одним из самых умных и образованных и, говоря старым языком, просвещенных деятелей нашей науки.

В. И. Шунков влиял на развитие нашей науки не только своими трудами — книгами, статьями, докладами, но и непосредственным направляющим воздействием на движение исторической мысли и своих учеников, и отдельных ученых, и больших коллективов историков, влиял своими устными замечаниями, — краткими, но всегда выразительными и серьезными, — даже вопросами во время заседаний и, конечно же, своей многосторонней организаторской деятельностью. Эта направляющая научно-организаторская деятельность В. И. Шункова подчас даже заслоняла для неспециалистов его научно-исследовательскую деятельность, до сих пор все-таки еще недостаточно глубоко оцененную.

Хотелось бы остановиться на некоторых малоизвестных фактах преимущественно того начального периода деятельности В. И. Шункова, когда происходил процесс становления ученого. У Виктора Ивановича очень рано проявился глубокий интерес к истории, к изучению ее на материалах первоисточников.

В. С. Познапский обнаружил в архиве замечательный документ — письмо студента Томского университета В. И. Шункова от 2 июня 1921 г., присланное из г. Мариинска, известному сибирскому ученому-краеведу Н. Н. Бакаю, который в то время руководил Томским губернским архивом¹. Это письмо свидетельствует об участии Виктора Ивановича в археографических экспедициях, целью которых было выявить новые документальные материалы, главным образом по истории революционного движения, и предотвратить их расхищение и гибель.

Уже в этом письме ясно обнаружилось свойственные Виктору Ивановичу серьезное отношение к науке, способность оценить значение исторических источников («Ведь, стряхивая пыль, почти в каждой бумажке, от которой веет временем прошлого, находишь значение и важность. Самый

¹ «Советские архивы», 1968, № 2, стр. 33.

скучный статейный список ссыльного, скучный сам по себе, оживает и приобретает интерес лишь только представить, что он в массе других может лечь в основу подсчетов ссыльных, их количества, их общественного положения и т. д.», — писал он своему руководителю), смелость в постановке научных проблем и широта тематики (он ставил перед собой задачу «изучить вопрос в общесибирском масштабе»), практическая деловитость (как именно может справиться губархив «существующими средствами» с поступающими материалами? что оставить на местах?).

Будучи студентом МГУ, где Виктор Иванович прошел школу С. В. Бахрушина, В. И. Шунков начал преподавать историю в учебных заведениях и сразу же показал себя как даровитый методист. Уже в первой печатной работе, опубликованной в «Вестнике просвещения» в 1926 г. (№ 5—6, стр. 72—79), «Как мы изучаем деревню (из опыта работ 2-й опытной школы МОНО)» заметен обостренный творческий интерес к краеведению, к истории крестьян, к источниковедению. Впоследствии результаты этой работы с учениками были изложены в другой статье «Работа пятой группы в летней школе. Деревня», написанной совместно с преподавателем естествознания Татьяной Михайловной Поповой, впоследствии Шунковой, и опубликованной в 1928 г. в первом номере журнала «Естествознание в школе». Для этих учебно-методических работ характерен как бы взрослый, научный подход, т. е. тот единственный подход, который мог заинтересовать ребят, внушить им уважение к тому делу, которым они занимались, и соответственно воспитать самоуважение.

Это были годы расцвета краеведения. Тогда не гнушались заниматься краеведением такие крупные деятели нашей партии и культуры, как Крупская, Кржижановский, Куйбышев, Луначарский. Н. К. Крупская обращала особое внимание на разработку программ школьного обучения, опирающихся на конкретный материал. «А где же черпать этот материал, как не в краеведении? Вот на каждом шагу ощущаешь необходимость того, чтобы всю нашу работу пропитало всестороннее знакомство с краем», — говорила Н. К. Крупская на III краеведческой конференции в декабре 1927 г. И в этом же выступлении она привела как раз пример особенностей развития деревни в разных губерниях Европейской России накануне Октябрьской революции, подчеркнув, что это помогает понять и особенности революционного движения и путей социалистического преобразования в этих районах.

Видные учёные — историки, географы, естественники, литературоведы — тоже много сил уделяли краеведческой работе. Под краеведением понимали изучение края в совокупности явлений экономических, общественных и природных. Тогда полагали, что нет особых «школьных» методов, а есть научные методы, что нет «школьного краеведения», а есть «краеведение в школе», как нет школьной математики или школьного естествознания, а есть естествознание в школе. Только эти научные методы и эти научные представления должны быть доведены до сознания школьника доступными его восприятию способами. И молодой В. И. Шунков был одним из тех, кто нес научные методы познания в школу, в практику школьного преподавания.

В эти годы по инициативе и под непосредственным руководством Н. К. Крупской передовые педагоги-новаторы вырабатывали и проверяли на практике новые школьные программы и новую методику обучения. Одной из таких опытных школ была очень популярная тогда среди научно-педагогической общественности 2-я опытная школа им. К. А. Тимирязева, руководимая Надеждой Ивановной Поповой (впоследствии видным историком отечественной педагогики)^{1а}.

^{1а} Н. И. Попова. Школа жизни. Изд. 2, переработ. и дополн. М., 1924; «Школа в деревне. „Школа жизни“ с сельскохозяйственным уклоном». Сб. статей под ред.

Статья первая «Как мы изучаем деревню» — это сводка докладов, сделанных самими ребятами. Здесь четко определен круг вопросов, на которые школьники могли искать ответ, причем каждый год (работа велась в течение трех лет в летнее время) вопросы все более усложнялись и все время обращалось внимание на источниковедческую сторону. Первая тема «Быт деревни (пережитки старины)». Подчеркивается особый характер темы, ибо материал не поддается быстрой и легкой фиксации, нелегко выявляется путем обычного летучего опроса, необходим метод медленного вживания в деревню. Затем, когда поняли, что «надо не расспрашивать, а видеть и наблюдать», появляется новый сложный комплекс вопросов: общие сведения о деревне — описание, план, сколько домов, сколько человек, сколько бедных и богатых жилищ; жилище — внешний и внутренний вид изб, обстановка, санитарные условия; утварь; семейные отношения; обряды и обычаи, наряды; поэзия — песни, частушки, заговоры, сказки; религия, суеверия; искусство — узоры, резьба, вышивка; язык — старинные слова, слова советского времени, деревенские формы слов, национальные слова, местный словарь; школа и отношение крестьян к школе; партия и деревня — пионеры, комсомольцы, коммунисты, отношение к ним; есть ли клубы, кружки; отношение крестьян к Советской власти, выявление роли Советской власти в изменении деревенской жизни. Деревня, которую изучали и в которой жили и работали, находилась в Рузском районе. Это была небогатая, так сказать, типичная деревня. Предложенные вопросы сразу же приобщали ребят к тому, с чем они должны встречаться в каждодневной жизни. Ведь именно в эти годы печатались книги выдающихся партийных публицистов о быте деревни, и среди них интересная книга А. Я. Яковлева «Деревня, как она есть» — произведение новаторское и в плане собственно краеведческом и в плане этнографического изучения современности (произведение, которое очень полезно было бы переиздать, как исключительное по своей источниковедческой ценности!).

Ребята 2-й опытной школы сталкивались с вопросами хозяйственной жизни, принимали участие в ней, помогая местным жителям в работе на поле и дома (и, конечно, подружилось с сельскими ребятами и ездили друг к другу), они оказывали помощь при определении сумм налогов, при переделах земель (проверяли эти данные по материалам исполкома, составляли таблицы, диаграммы, схемы), познавали общественную жизнь — различия крестьян по роду занятий, по имущественному положению, и в то же время знакомились с биологией, географией, учитывали различие севооборота, узнавали народные приметы (поспела малина, значит поспела и рожь; когда цветет черемуха, надо сеять овес и т. д.).

И когда знакомишься с большими трудами В. И. Шункова и особенно с выписками из источников (с его тетрадями, «амбарными книгами», которые составлены лаконично, по строгой системе), начинаешь понимать, что это как бы прикладное источниковедение очень помогло ему в дальнейшей исследовательской работе. Здесь уже В. И. Шунков столкнулся с важнейшими вопросами методики источниковедения, причем сравнительного источниковедения, когда широко и в сопоставлении использовались различные типы источников (фольклор, лингвистика, письменные, этнографические — непосредственные наблюдения и участие в работе, изобразительные, вещественные). Это делает понятным, почему в последующие годы, несмотря на огромную занятость другими делами, В. И. Шунков умел так быстро обнаруживать, так конкретно и глубоко описывать изучаемые им явления и аграрной истории и истории Сибири в целом.

Не случайно, что, оценивая исследовательские работы других ученых, Виктор Иванович всегда обращал внимание на источниковую базу, на уме-

Н. И. Поповой. М., 1926; «Как мы живем и работаем в нашей „Школе жизни“». Сб. рассказов учащихся 2-й опытной школы им. К. А. Тимирязева. Под ред. Н. Поповой. М., 1925.

ние видеть специфику естественно-географических условий. Так, в отзыве на докторскую диссертацию В. А. Александрова «Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край)» он пишет: «Работу отличает хорошее понимание и учет географических условий, различный на исследуемой им огромной территории... Это внимание к историко-географической стороне исследования делает описание изучаемых процессов предельно конкретным и выводы убедительными. Привлечение историко-этнографических материалов дало исследователю дополнительные возможности для аргументации его выводов и очень оживило изложение»².

В отзыве на докторскую диссертацию М. М. Громько «Западная Сибирь в XVIII веке. Очерки русского поселения и земледельческого освоения» читаем: «Очень привлекает стремление автора, широко осуществленное, положить в основу исследования разработку трех типов источников. Их совокупность не только дала обширную источниковедческую базу, но и возможность перепроверки и восполнения показаний отдельных типов источников... Умная и тщательная проработка большого круга источников позволила автору ввести в научный оборот новый фактический материал, дать детальное описание основных явлений с модификацией их по отдельным районам изучаемого региона, сформулировать общие выводы»².

Это особо пристальное и всестороннее отношение к первоисточникам характерно для всей исследовательской работы Виктора Ивановича, начиная еще с аспирантских докладов. Один из них «Греческие колонии на юге России» сохранился. Доклад начинается с источниковедческого обзора, где немало сравнительно-источниковедческих наблюдений, ставится вопрос о достоверности, степени полноты, возможности сопоставлений различных источников. Характерны осторожность и основательность выводов и предположений: «Открытый материал оказывается иногда зыбкой почвой для суждений или ввиду разногласий чтений, или из-за сомнительной датировки».

Мало известна и другая сторона деятельности Виктора Ивановича Шункова, отраженная в архивных материалах далеко не полностью, — его деятельность по преподаванию в области вспомогательных исторических дисциплин. Он вел эти занятия в Московском государственном университете, в Московском государственном историко-архивном институте и в Московском государственном институте международных отношений.

Сохранились материалы занятий по палеографии на кафедре МГУ в 1940/41 учебном году, свидетельствующие о том, что В. И. Шунков был одним из первых, кто создал самостоятельный учебный курс по этой дисциплине. В. И. Шунков, судя по библиографическим заметкам, использовал разнообразную литературу обобщающего и частного характера, в том числе и стенограммы лекционного курса М. Н. Тихомирова (с его авторской правкой). В лекциях обращалось внимание и на сведения по истории палеографии и дипломатики (отечественной и зарубежной), но основной целью было помочь выработке практических навыков в области этих вспомогательных исторических дисциплин. Специальные лекции посвящены были материалам для письма, орудиям письма, орнаменту, правилам передачи текста, выработке заголовков, т. е. и элементам археографии. Умело подобраны были образцы почерков и разновидностей документов. Во второй половине 1940-х годов В. И. Шунков вернулся к этим занятиям. Сохранились написанные на другой бумаге и другими чернилами новые дополнительные листы со ссылками на послевоенную литературу.

Вел тогда В. И. Шунков и практические занятия по палеографии для слушателей краткосрочных архивных курсов. Имеется программа этих занятий, в объяснительной записке к которой определяется основная цель

² Архив АН СССР, ф. 1555. Фонд В. И. Шункова еще находится в обработке и только благодаря любезности Н. Г. Михайловой, описывающей его, можно было ознакомиться с некоторыми документальными материалами.

занятий — помочь «приобрести необходимые навыки в чтении памятников, писанных скорописью XV—XVIII вв., определения времени их написания, ознакомиться с методами установления подлинности или подложности рукописей и документов». Слушателям сообщались сведения и собственно источниковедческие. Например, в двухчасовой лекции характеризовались внутренние данные источника, важные для определения времени, места его возникновения (имена, топографические данные, события, дни недели, переходящие праздники, особенности языка), в четырехчасовой — юридические особенности документов. При распределении материалов сказался вдумчивый опытный педагог, учитывающий психологию учащихся, возможности и пути восприятия нового материала.

С 1930-х годов В. И. Шунков отдает много сил изучению истории трудового населения России XVII в. — ремесленников, кабальных людей; готовит публикации документальных материалов, пишет исследовательские работы. Основной герой его исследований, как всегда, народ.

В. И. Шунковым впервые привлечены материалы сыска для изучения истории ремесла. Он приходит к убедительному выводу о раздроблении ремесел между различными группами городского населения Новгорода и Пскова.

Особенно много сделал В. И. Шунков для изучения кабальных книг. Хорошо известна небольшая статья по поводу издания «Новгородские записные кабальные книги», опубликованная в 1939 г. Виктор Иванович восстановил традицию рецензий-исследований — замечательную традицию, столь характерную для современников В. О. Ключевского. В. И. Шунков ставит вопросы: какие источники признавать кабальными книгами, когда они возникли, как модифицировались в течение XVII в., растворившись к 1700 г. в общих крепостных книгах; выясняет, как практика служилой кабалы и крестьянской порядной объединила различные книги прежде, чем это было сделано в административном порядке. Таким образом, было конкретизировано положение, что для делопроизводства Российского государства характерно не конституционное развитие, а зависимость от обычной практики.

В. И. Шунков показал, что кабальные книги, дошедшие до нас почти исключительно по Новгородской и Псковской землям, должны были составлять и в других городах. Исследователь смог прийти к такому суждению на основе изучения множества архивных материалов и печатных изданий. Он выявил новые кабальные книги и составил их полуперечень-полуописание (рукопись эта находится в архиве). Здесь и имена писцов, указание географических мест (отмечены листы соответствующих описаний), пометы о разновидностях-документов (порядные, поступные, данные, служилые кабалы и др.), приведены полные заголовки рукописных книг. Рукопись эту, несомненно, необходимо подготовить к изданию и, очевидно, Археографическая комиссия должна этим заняться.

Ознакомление с большим числом кабальных книг и здравый подход к возможностям публикации массовых источников позволили поставить важнейший вопрос о приемах издания таких массовых источников, содержащих типические данные о трудовом населении. В. И. Шунков полагал, что «нельзя отказываться от всякой обработки документа при издании в силу должно понятого пиетета перед старой бумагой, не подвергнув этот документ предварительному исследованию»³, т. е. провозглашался принцип, что археография — это прежде всего часть источниковедения!

В. И. Шунков показал, что при переплетении рукописных «деловых» книг оказывались перепутанными листы и в то же время соединенными вместе разные части книг, даже части не схожих между собой разновидностей книг, что необходимо предварительно выяснить при подготовке издания (это подтвердилось ныне и при исследовании писцовых книг).

³ «Историк-марксист», 1939, № 2, стр. 160.

В рецензии ставится вопрос о строгости археографической подготовки издания, о том, что надо следовать единым правилам даже в оформлении издания (пагинация, орфография); указывалось на необходимость примечаний. Наконец, и это особенно важно, формулируется мысль о необходимости издания таких рукописных книг с сокращениями. Оставлять их «неприкосновенными» было целесообразно тогда, когда известны были две-три книги, но теперь, когда знаем сотни подобных книг, к сокращениям подводит самый характер материала. «Чрезвычайная устойчивость» формуляра самой кабалы и записи и наличие дословных повторений позволяют производить значительные сокращения при публикации без всякого ущерба для исследователя. Это сбережет не только «бумагу, набор и т. д., но и внимание читателя». «Нет сомнения, — пишет далее В. И. Шунков, — что сокращенное издание требует большого напряжения от составителей. Зато благодаря этой работе можно будет дать в руки исследователя весь сохранившийся материал, и это может служить достаточной наградой за произведенный труд. Именно в разработке приемов сокращенной передачи текста кабалных книг и должен был бы заключаться смысл нового издания».

Здесь сформулирована первостепенная задача современной археографии. Мысль В. И. Шункова в этом отношении близка к мысли и других ученых, размышлявших над проблемами археографии — С. Н. Валка, В. К. Яцунского, А. А. Новосельского и др. — сторонников сокращенных изданий. В последние годы такой метод успешно применяется за рубежом, в частности во Франции⁴.

В. И. Шунковым были подготовлены к печати новгородские писцовые книги рубежа XVI—XVII вв. (7101—7117 гг.). Машинописный экземпляр этой работы (текст и предисловие) находится в Архиве Института истории. Имеется и отзыв (датированный 31 марта 1938 г.) одного из самых скупых на похвалу ученых С. Б. Веселовского. Он написал в Архивный совет Института истории: «Рассмотрев приговоренные к печати тексты кабал за 106 год, я нахожу, что, во-первых, сокращения проведены последовательно, а во-вторых, ни в коей степени не касаются существенных элементов текстов кабал. Поэтому я считаю приемы сокращений и проведение на деле принятых приемов вполне целесообразным, тем более что они дают не менее 35—40% экономии места».

Уже эти ранние труды Виктора Ивановича подготовили многие его дальнейшие начинания. И совершенно естественно, что именно В. И. Шунков мог ставить сложные вопросы методологии и методики изучения, выявления и издания исторических источников, что именно В. И. Шунков стал первым редактором журнала «Исторический архив», где выступал с обобщающими обзорными статьями, в том числе об изданиях документальных сборников к 50-летию Октябрьской революции, был постоянным научным консультантом Главного архивного управления. Естественно, что именно он был одним из авторов доклада об издании исторических источников в СССР на X Международном конгрессе историков в Риме (1955 г.), где подводился итог большой проделанной работы и формулировались задачи на будущее. Естественно, что именно Виктора Ивановича считал своим наследником организатор Археографической комиссии академик М. Н. Тихомиров. Он был заместителем председателя Комиссии, и после кончины М. Н. Тихомирова продолжил его дело. Как председатель Комиссии В. И. Шунков придавал особое значение проблематике источниковедения, научно-методической разработке вопросов археографии, стремился привлечь внимание к изучению и публикации материалов по истории революционного движения и истории советского общества. Естественно и то, что именно В. И. Шун-

⁴ А. Д. Люблинская. О новых зарубежных приемах публикации средневековых документов. — «Вспомогательные исторические дисциплины», т. I. Л., 1963, стр. 277—289.

жов, возглавив комиссию по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, в числе многих плодотворных планов предложил серию издания сборников исторических источников. Известно, что он был деятельным сторонником наметившегося еще при Б. Д. Грекове и Н. И. Вавилове научного сотрудничества историков и естественников, считая, что при изучении сельского хозяйства (даже нового времени) неписьменные источники не менее важны, чем письменные. Естественно и то, что именно В. И. Шунков возглавил дело систематического изучения источников по истории Сибири XVI—XIX вв.

И тем более грустно, что такой ученый ушел от нас. Наш долг сделать труды его, даже заготовки трудов достоянием научной общественности.

С. О. Шмидт

В. И. ШУНКОВ И БИБЛИОТЕКИ

В. И. Шунков был одним из немногих крупных ученых, посвятивших большую часть своей жизни библиотечному делу. В течение многих лет развитие библиотечного дела в нашей стране и особенно развитие научных библиотек связано с его именем. Виктор Иванович возглавлял междуведомственный Совет по библиотечной работе при Министерстве культуры СССР, был заместителем председателя Библиотечного совета Академии наук, в котором фактически осуществлял руководство всеми академическими библиотеками Советского Союза. С 1963 г. и почти до конца своей жизни Виктор Иванович избирался вице-президентом Международной федерации библиотечных ассоциаций, где он с успехом представлял и защищал интересы библиотек не только нашей страны, но и всех социалистических стран. И, наконец, в течение 17 лет Виктор Иванович был директором ФБОН АН СССР. Здесь была его основная база, его творческая лаборатория, в которой он мог проверять на практике свои идеи.

Благодаря своеобразной структуре, отвечающей задачам наилучшего обслуживания науки, квалифицированным кадрам, уже разработанным основам научных методов работы, Фундаментальная библиотека была вполне подготовлена для решения сложных задач. Но Виктор Иванович сумел поднять библиотеку на совершенно новый уровень научной работы, что соответствовало новому этапу развития общественных наук. Под его руководством ФБОН превратилась в крупное научное учреждение, фактически в центр библиографической информации в области общественных наук, в учреждение, где работают десятки ученых, в том числе более 30 человек с ученой степенью.

Виктор Иванович занимался не только практической деятельностью, связанной с его многочисленными обязанностями руководителя. Он стремился теоретически осмыслить прежний опыт и пути развития библиотечного дела. Он разрабатывал, в частности, проблему взаимоотношений библиотеки и науки (и прежде всего библиотеки и общественных наук). Рассматривая научную библиотеку как основную лабораторию для ученых гуманитарного профиля, Виктор Иванович не смотрел на нее как на нечто подсобное, вспомогательное. Он считал, что научная библиотека должна и может стать составной частью общей структуры общественных наук.

Специалистам известны статьи и доклады Виктора Ивановича по проблемам развития научных библиотек, опубликованные в советских и зарубежных журналах. Виктор Иванович придавал огромное значение выработке методов работы библиотеки. Он считал, что ее научный характер связан не только с характером и размером книжных фондов или с кругом читателей, но и с созданием подлинно научных методов работы всех подразделений библиотеки. В этой связи он выступал за соединение, сочетание в

штатах научной библиотеки специалистов библиотечного дела со специалистами — учеными по различным отраслям наук.

Одной из центральных проблем, которые занимали внимание Виктора Ивановича, была проблема специализации научных библиотек. Эта проблема стала в последние годы международной. Огромный рост издательской деятельности во многих странах, все увеличивающийся поток книжной и журнальной продукции делают невозможным исчерпывающее комплектование библиотек всей издаваемой в мире научной литературой. Кроме того, опыт показывает, что при непомерно больших фондах резко ухудшается обслуживание читателей: замедляется подача книг, труднее содержать в порядке каталоги и т. д.

Мысль Виктора Ивановича работала над поисками выхода из нынешнего сложного положения. Во-первых, он считал, что создание новых универсальных библиотек в наше время является нецелесообразным. Не случайно, что последняя крупная научная универсальная библиотека в Европе была построена во второй половине XIX в. (это Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина). Конечно, сложившиеся за века крупные универсальные библиотеки являются сокровищницами культуры, национальной гордостью. Но за последнее время можно наблюдать, что даже универсальные библиотеки вынуждены искать пути для ограничения комплектования своих фондов, пути для определенной специализации. Так, Национальная библиотека Франции начала ограничивать поступление периодики, национальная библиотека Англии профилируется по естественным наукам. По естественным наукам профилируется и старейшая универсальная библиотека нашей страны — БАН в Ленинграде.

Во-вторых, Виктор Иванович считал, что, учитывая связь и взаимное проникновение наук, необходимо создавать специализированные библиотеки по группам смежных наук. Это позволит рассредоточить мировой поток литературы, наиболее полно комплектовать литературу по данной группе наук, улучшить обслуживание читателей. В целом же вся система таких специализированных библиотек вместе с уже существующими универсальными библиотеками должна полностью удовлетворять потребности исследователей, в какой бы области они ни работали.

Виктор Иванович придавал особое значение вопросам комплектования научных библиотек. Задача сложная, если иметь в виду огромные масштабы издательской деятельности во всем мире. Виктор Иванович подчеркивал важность четкого определения профиля библиотеки, выработки методов и путей комплектования. Недооценка изучения этих вопросов, говорил Виктор Иванович, приводит либо к образованию пробелов в фондах, либо к ненужным излишествам. Эти излишества образуют омертвевшие части фонда, которые являются балластом, затрудняют нормальную работу библиотек и вызывают ненужные расходы. И сегодня мы можем наблюдать, что там, где советы Виктора Ивановича не сумели воплотить в жизнь, где ими пренебрегли, приходится иметь дело с большими массивами устаревшей и непрофильной литературы. Это касается и части академических библиотек.

Виктор Иванович много занимался проблемами научной информации, прежде всего информации библиографической. Он стремился к созданию полной и устойчивой системы текущей библиографической информации о новой литературе. Достаточно напомнить, что только Фундаментальная библиотека выпускает сегодня 24 серии ежемесячных библиографических указателей по всем основным отраслям общественных наук. Эта система обслуживает не только наших отечественных исследователей, но и привлекает внимание и вызывает постоянные запросы из зарубежных стран, в том числе и крупных стран с достаточно хорошо поставленной библиографической службой.

Понимая специфику общественных наук и, в частности, гораздо более медленное, чем в естественных науках, моральное старение книги, Виктор Иванович считал необходимым информировать ученых не только о текущей литературе, но и обо всей вышедшей литературе по данной отрасли или крупной проблеме за длительный период. С этим связано его большое внимание к отраслевой ретроспективной библиографии. Виктор Иванович ставил задачу библиографическими методами подвести итоги развития общественных наук за годы Советской власти. Уже вышли в свет первые тома таких библиографий по истории СССР, истории народного хозяйства СССР, литературоведению, языкознанию и др.

Стремясь к тому, чтобы библиотеки были активными участниками работы научно-исследовательских институтов, Виктор Иванович проявлял большую заботу о развитии тематической библиографии, непосредственно связанной с планами и задачами гуманитарных институтов.

Таким образом, Виктор Иванович стремился к созданию специализированной информации, отвечающей профилированным запросам научных работников. В этой связи он считал, что дело не только в обилии материала, но и в специфическом подходе к его отбору и обработке. «Развитие информационной работы, — писал Виктор Иванович, — определяется теми же закономерностями, что и развитие самой науки». Внимательно наблюдая за развитием науки, за подлинным взрывом информации, Виктор Иванович считал, что сохранение только традиционных форм информационно-библиографической работы уже недостаточно. Он писал, что после того, как библиотека собрала, учла, библиографически обработала литературу, необходимо сделать еще одно дополнительное усилие — перейти к учету идей, от информации о литературе перейти к информации о мыслях, об идеях, о фактах.

Наблюдение за советским и мировым опытом показало, писал Виктор Иванович, что если до сих пор взаимоотношения библиотеки и науки прошли два этапа: 1) собирание литературы, необходимой для развития науки, 2) развитие библиографической информации, то в настоящее время научные библиотеки вступают в третий — этап развития информации об идеях и фактах, содержащихся в литературе. «Заманчивость, экономичность, государственная целесообразность подобного решения очевидны».

Известно, что в области естественных наук организация информации пошла по пути создания особого центра, не связанного с библиотеками. Поскольку система информации по общественным наукам начала создаваться позднее, можно было учесть как положительный, так и отрицательный опыт, накопленный в работе органов информации. Изучение этого опыта, как и опыта зарубежного, позволило Виктору Ивановичу по-иному подойти к решению вопроса о постановке информации в области общественных наук.

Если сегодня прочитать статьи Виктора Ивановича в том хронологическом порядке, в каком он их писал и публиковал, то перед нами возникнет очень ясная картина движения его мысли. Шаг за шагом он шел к идее централизации информационной работы по общественным наукам, к идее создания единого современного центра информации на базе крупной библиотеки.

В. И. Шунков был умелым и требовательным администратором, обладал огромными и разносторонними знаниями, был человеком большой культуры, работать с ним было большим счастьем.

Он был не только крупным ученым-исследователем. Он был также выдающимся организатором и теоретиком библиотечного дела, человеком, чьи мысли еще долго будут помогать нам в работе по дальнейшему развитию и совершенствованию научных библиотек.

И. А. Ходов

СО Д Е Р Ж А Н И Е

I. Статьи и сообщения

<i>Э. Г. Самодурова.</i> Источники Хроники Петра Александрийского из греческой рукописи Московского университета	3
<i>М. Х. Алешковский.</i> Первая редакция Повести временных лет	13
<i>А. А. Зимин.</i> «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина»	41
<i>С. А. Клепиков.</i> Филигрань «Рожок», ее история и опыт анализа ее эволюции (1314—1600 гг.)	59
<i>А. Л. Хорошкевич.</i> Псковская полная грамота 1511 г.	68
<i>Н. Б. Шеламанова.</i> Себежская земля в XVI в. (Историко-географический обзор)	73
<i>С. А. Левина.</i> Тринадцатый список Воскресенской летописи	96
<i>Я. Е. Водарский.</i> О достоверности поуездных итогов переписи сельского населения 1678 г. в сводных источниках начала XVIII в.	99
<i>А. П. Гудзинская.</i> Документы сыских комиссий второй половины XVII в. как исторический источник	107
<i>М. А. Алпатов.</i> Петровские «Ведомости» как источник по истории Западной Европы	119
<i>С. М. Троицкий.</i> Материалы переписи чиновников в 1754—1756 гг. как источник по социально-политической и культурной истории России XVIII в.	132
<i>С. И. Сметанин.</i> Маклерские и обывательские книги городов как источник по социально-экономической истории России (по материалам городов Урала 1800—1861 гг.)	149
<i>А. Г. Тартаковский.</i> Журналы военных действий штаба Кутузова как летучие армейские издания 1812 г. (К постановке вопроса)	178
<i>А. П. Погребинский.</i> Ценный источник по экономической и финансовой истории России эпохи капитализма	187
<i>В. И. Буганов.</i> Приемы работы В. И. Ленина над материалами бюджетных обследований крестьянских и кустарных хозяйств России и Германии	193

II. Обзоры, описания, библиография

<i>Т. В. Батаева.</i> Издание исторических источников о рабочем классе советского общества за 50 лет (1917—1967 гг.)	207
<i>В. И. Кострикин.</i> Источники о земельных комитетах 1917 года и их публикация	227
<u>А. В. Флоровский</u> (Прага). Из материалов по истории России эпохи Петра I в чешских архивах	236
<i>Н. А. Ивницкий.</i> О публикации документов по истории коллективизации сельского хозяйства	242
<i>З. К. Заездин, В. Е. Полетаев.</i> О серийном издании документов по истории индустриализации СССР	249
Публикации исторических источников, труды по археографии и специальным историческим дисциплинам за 1966—1967 гг.	258

III. Публикации

<i>В. И. Корецкий.</i> Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV—XV вв.	275
<i>В. А. Кучкин.</i> Материалы для истории русского города XVI в. (Выпись из писцовых книг г. Мурема 1566 г. и муромская сотная 1573/74 г.)	291
<i>С. О. Шмидт.</i> Материалы по методике источниковедения в архиве И. И. Половина	316
<i>Л. С. Рогачевская.</i> Важный документ по истории ликвидации безработицы в СССР	324

IV. Хроника

К 80-летию С. Н. Валка	335
К 65-летию А. В. Арциховского	338
К 60-летию Е. А. Луцкого	339
<i>И. Е. Тамм.</i> Деятельность Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР за 1967 г.	341

Памяти Виктора Ивановича Шункова 345

<i>А. Н. Копылов.</i> Заседание памяти В. И. Шункова в Сибирском отделении АП СССР	347
Совместное заседание Отделения истории АН СССР, Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР, Археографической комиссии при ОИ АН СССР и Комиссии по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, Института истории АН СССР, посвященное памяти члена-корреспондента АН СССР В. И. Шункова	349
<i>Б. А. Рыбаков.</i> Вступительное слово	349
<i>Е. И. Индова.</i> В. И. Шунков — историк-аграрник	350
<i>В. А. Александров.</i> В. И. Шунков — историк Сибири	354
<i>С. О. Шмидт.</i> В. И. Шунков — источниковед и археограф (Первые десятилетия творческой деятельности)	356
<i>И. А. Ходош.</i> В. И. Шунков и библиотеки	362

**Археографический ежегодник
за 1967 г.**

*Утверждено к печати
Археографической комиссией Отделения истории
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Р. И. Коробейникова*
Технический редактор *Т. В. Алексеева*

Сдано в набор 3/ХІІ 1968 г. Подписано к печати 26/ІІІ 1969 г.
Формат 70×108^{1/16}. Бумага № 1. Физ. п. л. 23+1 вкл.
Усл. печ. л. 32,6. Уч.-изд. л. 34,3. Т-05706
Тираж 1650 экз. Тип. зак. 1444
Цена 2 р. 36 к.

Издательство «Наука»
Москва К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука».
Москва Г-99, Шубинский пер., 10

2 Д.36 К

АРХЕОГРА-
ФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

1967